

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
«ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ: ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ

Том 17, № 5, 2024

Журнал издается
с 2008 года

Периодичность выхода
журнала – 6 раз в год

Издание посвящается
300-летию РАН

Решением Минобрнауки РФ
журнал «Экономические и
социальные перемены: факты,
тенденции, прогноз» включен
в Перечень рецензируемых
научных изданий, в которых
должны быть опубликованы
основные научные результаты
диссертаций на соискание
ученой степени кандидата
наук, на соискание ученой
степени доктора наук по
научным специальностям:
5.2.1. Экономическая теория
5.2.2. Математические,
статистические и инструмен-
тальные методы в экономике
5.2.3. Региональная
и отраслевая экономика
5.2.4. Финансы
5.2.5. Мировая экономика
5.4.1. Теория, методология
и история социологии
5.4.2. Экономическая
социология
5.4.3. Демография
5.4.4. Социальная структура,
социальные институты
и процессы
5.4.5. Политическая
социология
5.4.6. Социология культуры
5.4.7. Социология управления

Журнал размещается
в следующих реферативных и
полнотекстовых базах данных:
Web of Science (ESCI),
ProQuest, EBSCOhost,
Directory of Open Access
Journals (DOAJ), RePEc,
Ulrich's Periodicals Directory,
ВИНТИ РАН,
Российский индекс научного
цитирования (РИНЦ).

Все статьи проходят
обязательное рецензирование.
Высказанные в статьях мнения
и суждения могут не совпадать
с точкой зрения редакции.
Ответственность за подбор
и изложение материалов несут
авторы публикаций.

ISSN 1998-0698 (Print)
ISSN 2312-9816 (Online)

Адрес в Интернете: <http://esc.volnc.ru>

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ: ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ

Рецензируемый научно-практический журнал, охватывающий вопросы анализа и прогноза изменений в экономике и социальной сфере различных стран и регионов, локальных территорий.

Основная цель издания журнала – предоставление широким слоям мировой научной общественности и практическим работникам возможности публиковать результаты изысканий в сфере исследования социально-экономических процессов, знакомиться с различными точками зрения на актуальные проблемы развития экономики и социума, принимать участие в дискуссиях по обсуждаемым темам. В числе основных тем – стратегии развития территорий, региональная и отраслевая экономика, социальное развитие, вопросы формирования доходов бюджетов и рационализации расходов, инновационная экономика, вопросы экономической теории.

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ильин В.А., член-корреспондент РАН (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Байджан Тозин, кандидат наук, проф. (Стамбульский технический университет, Стамбул, Турция)
Ка Ли, д-р, проф. (Центр европейских исследований Чжэцзянского университета, Ханчжоу, Китай)

Тетсую Мисуками, д-р, проф. (Социологический колледж Университета Риккио, Токио, Япония)
Дайширо Номия, к. с. н., проф. (Университет Чуо, Токио, Япония)

Оуй Пейтер, д-р (Нидерландская организация прикладных научных исследований, Делфт, Нидерланды)

Сапир Жак, проф. (Высшая школа социальных наук (EHESS), Центр исследований индустриализации (СЕМИ), Париж, Франция)

Хохгернер Йозеф, д-р, проф. (Центр социальных инноваций, Вена, Австрия)

Штомпка Пётр, проф. (Ягеллонский университет, Краков, Польша)

Кишиштоф Т. Конеки, проф. (Лодзинский университет, Лодзь, Польша)

Багирова А.П., д. э. н., проф. (Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия)

Губанова Е.С., д. э. н., проф. (Вологодский государственный университет, Вологда, Россия)

Гулин К.А., заместитель главного редактора, д. э. н., доцент (Вологда, Россия)

Калачикова О.Н., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Лаженцев В.Н., член-корреспондент РАН (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН, Сыктывкар, Россия)

Морев М.В., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Третьякова О.В., заместитель главного редактора, к. ф. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Ускова Т.В., д. э. н., профессор (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Шабунова А.А., д. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

Веркей Жюльен, проф. (Национальный институт восточных языков и цивилизаций INALCO, Париж, Франция)

Витязь П.А., академик НАН Беларуси (НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Дайнеко А.Е., д. э. н., проф. (Институт экономики НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Кивинен М., проф. (Александровский институт Хельсинского университета, Хельсинки, Финляндия)

Котляров И.В., д. с. н., проф. (Институт социологии НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Чжан Шухуа, д-р, проф. (Китайская академия общественных наук, Пекин, Китай)

Афанасьев Д.В., к. с. н., доцент (Министерство науки и высшего образования РФ, Москва, Россия)

Балацкий Е.В., д. э. н., проф. (Центр макроэкономических исследований Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия)

Валентей С.Д., д. э. н., проф. (Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия)

Гайнанов Д.А., д. э. н., проф. (Институт социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН, Уфа, Россия)

Горшков М.К., академик РАН (Институт социологии РАН, Москва, Россия)

Ленчук Е.Б., д. э. н., проф. (Институт экономики РАН, Москва, Россия)

Леонидова Г.В., к. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Некипелов А.Д., академик РАН (Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

Полтерович В.М., академик РАН (Центральный экономико-математический институт РАН, Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

Чукреев Ю.Я., д. т. н. (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН, Сыктывкар, Россия)

FEDERAL STATE BUDGETARY INSTITUTION OF SCIENCE
VOLOGDA RESEARCH CENTER OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

**ECONOMIC
AND SOCIAL
CHANGES:
FACTS, TRENDS, FORECAST**

Vol. 17, no. 5, 2024

**The journal
was founded in 2008**

Publication frequency:
six times a year

**The publication is
dedicated to the 300th
anniversary of RAS**

According to the Decision of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, the journal *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast* is on the List of peer-reviewed scientific journals and editions that are authorized to publish principal research findings of doctoral (Ph.D., candidate's) dissertations in scientific specialties:

- 5.2.1. Economic theory
- 5.2.2. Mathematical, statistical and instrumental methods in economics
- 5.2.3. Regional and sectoral economy
- 5.2.4. Finance
- 5.2.5. World economy
- 5.4.1. Theory, methodology and history of sociology
- 5.4.2. Economic sociology
- 5.4.3. Demography
- 5.4.4. Social structure, social institutions and processes
- 5.4.5. Political sociology
- 5.4.6. Sociology of culture
- 5.4.7. Sociology of management

The journal is included in the following abstract and full text databases:
Web of Science (ESCI),
ProQuest, EBSCOhost, Directory of Open Access Journals (DOAJ), RePEc, Ulrich's Periodicals Directory, VINITI RAS, Russian Science Citation Index (RSCI).

All research articles submitted to the journal are subject to mandatory peer-review. Opinions presented in the articles can differ from those of the editor. Authors of the articles are responsible for the material selected and stated.

ECONOMIC AND SOCIAL CHANGES: FACTS, TRENDS, FORECAST

A peer-reviewed scientific journal that covers issues of analysis and forecast of changes in the economy and social spheres in various countries, regions, and local territories.

The main purpose of the journal is to provide the scientific community and practitioners with an opportunity to publish socio-economic research findings, review different viewpoints on the topical issues of economic and social development, and participate in the discussion of these issues. The remit of the journal comprises development strategies of the territories, regional and sectoral economy, social development, budget revenues, streamlining expenditures, innovative economy, and economic theory.

Founder: Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences

EDITOR-IN-CHIEF

V.A. Ilyin, RAS corresponding member (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

EDITORIAL BOARD

Tüzin Baycan, Ph.D., professor (Istanbul Technical University, Istanbul, Turkey)

Ka Lin, doctor, professor (Center of European Studies at Zhejiang University, Hangzhou, China)

Tetsuo Mizukami, Ph.D., professor (College of Sociology, Rikkyo University, Tokyo, Japan)

Daishiro Nomiya, Ph.D. in Sociology, Prof. (Chuo University, Tokyo, Japan)

P.R. A. Oeij (TNO, Netherlands Organisation for Applied Scientific Research, Delft, The Netherlands)

Jacques Sapir, professor (Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales (EHESS), Centre d'Etude des Modes d'Industrialisation (CEMIEHESS), Paris, France)

Josef Hochgerner, doctor, professor (Centre for Social Innovation, Vienna, Austria)

Piotr Sztompka, professor (Jagiellonian University, Krakow, Poland)

Krzysztof T. Konecki, professor (Lodz University, Lodz, Poland)

A.P. Bagirova, Doc. Sci. (Econ.), professor (Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia)

E.S. Gubanova, Doc. Sci. (Econ.), professor (Vologda State University, Vologda, Russia)

K.A. Gulin, deputy editor-in-chief, Doc. Sci. (Econ.), associate professor (Vologda, Russia)

O.N. Kalachikova, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

V.N. Lazhenstev, RAS corresponding member (Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)

M.V. Morev, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

O.V. Tret'yakova, deputy editor-in-chief, Cand. Sci. (Philol.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

T.V. Uskova, Doc. Sci. (Econ.), professor (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

A.A. Shabunova, Doc. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

EDITORIAL COUNCIL

Julien Vercueil, professor (National Institute for Oriental Languages and Civilizations INALCO, Paris, France)

P.A. Vityaz, academician of NAS of Belarus (NAS of Belarus, Minsk, Belarus)

A.E. Dayneko, Doc. Sci. (Econ.), professor (Institute of Economics of NAS of Belarus, Minsk, Belarus)

Markku Kivinen, professor (Aleksanteri Institute of the University of Helsinki, Helsinki, Finland)

I.V. Kotlyarov, Doc. Sci. (Sociol.), professor (Institute of Sociology of NAS of Belarus, Minsk, Belarus)

Zhang Shuhua, doctor, professor (Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China)

D.V. Afanasyev, Cand. Sci. (Sociol.), associate professor (Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Moscow, Russia)

E.V. Balatsky, Doc. Sci. (Econ.), professor (Center for Macroeconomic Research, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia)

S.D. Valentey, Doc. Sci. (Econ.), professor (Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia)

D.A. Gaynanov, Doc. Sci. (Econ.), professor, (Institute for Social and Economic Research, Ufa Scientific Center of RAS, Ufa, Russia)

M.K. Gorshkov, RAS academician (RAS Institute of Sociology, Moscow, Russia)

E.B. Len'chuk, Doc. Sci. (Econ.), professor (RAS Institute of Economics, Moscow, Russia)

G.V. Leonidova, Cand. Sci. (Econ.), associate professor (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

A.D. Nekipelov, RAS academician (Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

V.M. Polterovich, RAS academician (Central Economics and Mathematics Institute, Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

Yu.Ya. Chukreev, Doc. Sci. (Engin.) (Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Ильин В.А., Морев М.В. СВО и проблема внутренней мобилизации общества и элит ... 9

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Шабунова А.А., Крошилин С.В., Ярашева А.В., Медведева Е.И.
Социально-экономические индикаторы национальных целей
развития России: тенденции и прогноз 40

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

Бобков В.Н., Губарев Р.В., Дзюба Е.И., Файзуллин Ф.С. Оценка межрегионального
неравенства в Российской Федерации по индексу социального
благополучия населения 55

Секушина И.А. Монопрофильные малые и средние города Европейского Севера
России в условиях социально-экономических вызовов 2020–2023 гг. 74

ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

Королева Е.А. О перспективах применения стратегического планирования
для эффективного развития сектора малого и среднего
предпринимательства 95

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ФИНАНСЫ

Локтионова А.А., Лавриненко П.А., Мирзоян А.Г., Локтионова О.А.
Влияние политических новостей о России на цены акций российских
компаний: сравнительный анализ иностранных и отечественных СМИ 114

НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ И ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ

Домнич Е.Л. Видовая структура и региональные пропорции затрат
на инновационную деятельность в экономике России 133

Показатели журнала «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» в РИНЦ
по состоянию на октябрь 2024 г.

Место в рейтинге Science Index-2023 (в тематической группе «Экономика. Экономические дисциплины» из 408 изд.) – 2.

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

- Прокопьев Е.А., Курило А.Е., Губина О.В., Шлапеко Е.А. Методика оценки цифрового разрыва на основе индекса вовлечённости «ВКонтакте» 151

СОЦИАЛЬНОЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

- Смолева Е.О., Косыгина К.Е. Развитие малых городов: от индивидуальных траекторий к стратегическому планированию 169
- Кормишkin Е.Д., Моисеева И.В. К вопросу о «новой» бедности в России в 2000–2023 гг. 184
- Соколова А.А. Регулирование возвратной трудовой миграции в XXI веке: зарубежный опыт и российская практика 204
- Воробьева О.Д., Субботин А.А., Мищук С.Н. Основные подходы к оценке масштабов расселения русскоговорящего населения за рубежом 219
- Тонких Н.В., Камарова Т.А., Маркова Т.Л. Устойчивость цифровых и нецифровых форм занятости: сравнительные оценки 232

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

- Фан Боэн, Ван Юань, Ин Ванцзян, Ма Куилиан, Лю Цзюшэнг. Роль предпринимательства в повышении уровня относительного дохода и субъективного благополучия фермеров в Китае 247

МОНИТОРИНГОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

МОНИТОРИНГ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

- Ускова Т.В., Кожевников С.А., Патракова С.С. Тенденции пространственного развития регионов Северо-Запада России в XXI веке 266

МОНИТОРИНГ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

- Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества 294
- Правила приёма статей 305
- Информация о подписке 306

CONTENT

EDITORIAL

- Ilyin V.A., Morev M.V. Special Military Operation and the Internal Mobilization of Society and Elites 9

PUBLIC ADMINISTRATION

- Shabunova A.A., Kroshilin S.V., Yarasheva A.V., Medvedeva E.I. Socio-Economic Indicators of Russia's National Development Goals: Trends and Forecast 40

REGIONAL ECONOMICS

- Bobkov V.N., Gubarev R.V., Dzyuba E.I., Fayzullin F.S. Assessment of Interregional Inequality in the Russian Federation Based on the Index of Social Well-Being of the Population 55

- Sekushina I.A. Small and Medium-Sized Single-Industry Towns of the European North of Russia in the Context of Socio-Economic Challenges of 2020–2023 74

BRANCH-WISE ECONOMICS

- Koroleva E.A. On the Prospects of Applying Strategic Planning for Effective Development of Small and Medium-Sized Entrepreneurship Sector 95

PUBLIC FINANCE

- Loktionova A.A., Lavrinenko P.A., Mirzoyan A.G., Loktionova O.A. The Impact of Political News about Russia on the Prices of Russian Companies' Shares: Comparative Analysis of Russian and Foreign Media 114

SCIENCE, TECHNOLOGY AND INNOVATION DEVELOPMENT

- Domnich Ye.L. The Specific Structure and Regional Proportions of Innovation Costs in the Russian Economy 133

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ISSUES

- Prokopyev E.A., Kurilo A.E., Gubina O.V., Shlapeko E.A. Technique for Assessing the Digital Divide Based on the Engagement Index on VKontakte Social Media Platform 151

SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT

- Smoleva E.O., Kosygina K.E. Development of Small Cities: From Individual Trajectories to Strategic Planning 169
- Kormishkin E.D., Moiseeva I.V. On the Issue of “New” Poverty in Russia in 2000–2023 184
- Sokolova A.A. Regulating Return Labor Migration in the 21st Century: Foreign Experience and Russian Practice 204
- Vorobieva O.D., Subbotin A.A., Mishchuk S.N. Main Approaches to Assessing the Scale of Settlement of Russian-Speaking Population Abroad 219
- Tonkikh N.V., Kamarova T.A., Markova T.L. Sustainability of Digital and Non-Digital Forms of Employment: Comparative Assessments 232

GLOBAL EXPERIENCE

- Fan Boweng, Wang Yuan, Ying Wangjiang, Ma Cuilian, Liu Jiusheng. The Role of Entrepreneurship in Raising the Level of Relative Income and Subjective Well-Being of Farmers in China 247

MONITORING STUDIES

SPATIAL DEVELOPMENT MONITORING

- Uskova T.V., Kozhevnikov S.A., Patrakova S.S. Trends in the Spatial Development of Regions in the Northwest of Russia in the 21st Century 266

PUBLIC OPINION MONITORING

- Public Opinion Monitoring of the State of the Russian Society 294
- Manuscript Submission Guidelines 305
- Subscription Information 306

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

DOI: 10.15838/esc.2024.5.95.1

УДК 354, ББК 66.03

© Ильин В.А., Морев М.В.

СВО и проблема внутренней мобилизации общества и элит

**Владимир Александрович
ИЛЬИН**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация
E-mail: ilin@vsc.ac.ru
ORCID: 0000-0003-4536-6287; ResearcherID: N-4615-2017

**Михаил Владимирович
МОРЕВ**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация
E-mail: 379post@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1396-8195; ResearcherID: I-9815-2016

Аннотация. В статье представлен авторский взгляд на современное состояние российского общества по прошествии почти трех лет проведения специальной военной операции. Объективность результатов и научная новизна исследования определяются методологическим подходом, включающим анализ федеральных, региональных и муниципальных выборов (по официальным данным Центральной избирательной комиссии РФ), общероссийских и региональных социологических исследований, экспертных оценок; управлеченческих решений, принимаемых Президентом и Правительством РФ, а также конкретных фактов, отражающих морально-нравственное состояние значительной части элитарных слоев населения. На основании приведенной фактологической базы делается вывод о сохраняющемся расколе общества (прежде всего элитарных групп) по отношению к специальной военной операции и к тем историческим для страны

Для цитирования: Ильин В.А., Морев М.В. (2024). СВО и проблема внутренней мобилизации общества и элит // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 5. С. 9–39. DOI: 10.15838/esc.2024.5.95.1

For citation: Ilyin V.A., Morev M.V. (2024). Special military operation and the internal mobilization of society and elites. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 17(5), 9–39. DOI: 10.15838/esc.2024.5.95.1

процессам, которые она «запустила». Эта двойственность (во многом обусловленная спецификой государственного управления) может стать серьезной угрозой национальной безопасности в плане реализации стратегических целей России в цивилизационном конфликте с НАТО. Авторы приходят к выводу о необходимости внутренней мобилизации элит с целью приведения системы государственного управления и ключевых сфер жизни страны в соответствие с высоким уровнем угроз национальной безопасности и характером исторического отрезка времени, на котором определяется будущее России.

Ключевые слова: общество, элиты, выборы, Единый день голосования, социальные процессы, специальная военная операция.

С тех пор как Президент РФ В.В. Путин объявил о начале проведения специальной военной операции на территории Украины, прошло 2 года и 8 месяцев. На протяжении всего этого периода перед органами власти и лично Президентом РФ стояла сложнейшая задача, заключающаяся в том, чтобы в процессе осуществления государственного управления поддерживать баланс между, с одной стороны, высочайшим уровнем внешних угроз национальной безопасности, исходящих от стран НАТО и требующих внутренней мобилизации всех слоев российского общества, а с другой – поддержанием социальной стабильности в стране с учетом понимания того объективного обстоятельства, что современное российское общество спустя 30 лет пребывания в парадигме западного «общества потребления» с его либерально-капиталистической идеологией, ориентированной на приоритет материальных ценностей, представляет собой совершенно иное образование, нежели советское общество перед началом Великой Отечественной войны. Между ними существует «колossalная дистанция», как отмечает политолог С. Кургинян¹.

То, как государство решало и продолжает решать эту по-настоящему сложную дилемму, наложило определенный отпечаток на состояние российского общества, и нельзя не отметить, что у этого «отпечатка» есть свои как сильные, так и слабые, создающие определенную угрозу национальной безопасности, стороны.

Для анализа этих «сильных» и «слабых» сторон российского общества, которые сформировались в результате определенной стратегии внутренней государственной политики, мы использовали три подхода, заключающиеся в анализе результатов федеральных, региональных и муниципальных выборов, проходивших в период СВО; данных общероссийских и региональных социологических исследований; а также (по традиции) фактов и экспертных оценок, которые, на наш взгляд, наиболее адекватно отражают современную ситуацию в стране. Эти три подхода позволяют создать объективную «фотографию» современной России, продолжающей проходить один из самых сложных и самых судьбоносных этапов своей истории.

8 сентября 2024 года в России состоялся очередной Единый день голосования (ЕДГ), в рамках которого осуществлялось проведение избирательных кампаний различного уровня в 83 регионах страны². Напомним, что это был уже третий Единый день голосования, проходивший в условиях специальной военной операции. Каждый из них имел свои особенности, на каждом отмечался рост явки россиян на избирательные участки, а также наблюдалась уверенная поддержка представителей партии власти.

✓ Региональные выборы 11 сентября 2022 года стали первыми выборами в условиях проведения СВО. Они проходили в крайне тяжелое и опасное для России время: в условиях эконо-

¹ Кургинян С. Между современной Россией и СССР времен войны огромная дистанция // ИА Красная Весна. 10.09.2023. URL: <https://rossaprimavera.ru/news/9d79f9e3>

² Выборы проходили в период с 6 по 8 сентября 2024 г. В 21 регионе страны осуществлялись прямые выборы высшего должностного лица субъекта Российской Федерации (еще в 4 регионах – непрямые выборы, то есть голосовали депутаты местных законодательных органов). В 13 регионах проходили выборы депутатов региональных законодательных органов. В 21 регионе избирались депутаты местных законодательных органов столиц (в особом порядке проводились выборы в Московскую городскую Думу). В 3 регионах – довыборы в Государственную Думу.

мического «блицкрига» со стороны стран НАТО, тяжелой ситуации для российских вооруженных сил в зоне проведения СВО, раскола внутри общества по отношению к специальной военной операции, появления релокантов...

Неудивительно, что в экспертном сообществе не было разногласий по поводу ключевых факторов и итогов прошедшего в 2022 году голосования: «во всех 14 регионах переизбрались действующие губернаторы и врио, представители „Единой России“ или поддержаные ею самовыдвиженцы»³, и это (как отметили многие эксперты) являлось «итогом консенсуса вокруг президента»⁴.

✓ В выборной кампании 10 сентября 2023 года впервые принимали участие новые регионы, вошедшие в состав Российской Федерации⁵. Их избиратели продемонстрировали самую высокую явку и поддержку представителей Президента «на местах» (табл. 1).

Председатель правления Фонда развития гражданского общества (ФоРГо) К. Костин о региональных выборах 2022 г.: «**Патриотический консенсус**, который сложился в результате проведения специальной военной операции и противодействия России западным санкциям – главный фактор этой кампании. Он повлиял и на ход самой кампании, и решающим образом отразится на результатах выборов... Основные получатели такого электорального бонуса – губернаторы, которые были либо назначены исполняющими обязанности президентом, либо поддержаны им при выдвижении на новый срок, и партия “Единая Россия” – партия Путина»⁶.

Таблица 1. Сравнение итогов выборов 10 сентября 2023 г. по новым регионам и остальным субъектам РФ

Итоги выборов	По новым субъектам РФ	По остальным субъектам РФ	Изменение (+/-) по новым субъектам РФ в сравнении с остальными регионами
Выборы в законодательные органы власти			
Явка, % от числа избирателей	71,14	38,31	+33
Доля голосов, данных за «Единую Россию», % от явки	77,52	56,52	+21
Выборы в представительные органы муниципальных образований областных центров субъектов РФ			
Явка, % от числа избирателей	63,54	33,14	+30
Доля голосов, данных за «Единую Россию», % от явки	77,46	50,68	+27

Источник: рассчитано по официальным данным ЦИК РФ (<http://www.vybory.izbirkom.ru>).

³ Скоробогатый П. (2022). Новая консолидация: итоги Единого дня голосования // Эксперт. № 38. С. 50.

⁴ Эксперты об итогах выборов: Политическая система успешно сдала ЕДГ // Российская газета. 12.09.2022. URL: <https://rg.ru/2022/09/12/eksperty-ob-itogah-vyborov-politicheskaiia-sistema-uspeshno-sdala-edg.html> (мнение руководителя Департамента стратегических исследований и прогнозирования Экспертного института социальных исследований Е. Соколовой).

⁵ 30 сентября 2022 г. Президент РФ подписал договоры о принятии ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей в состав России. 4 октября 2022 г. были подписаны соответствующие федеральные законы: ФЗ № 5 «О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в Российской Федерации нового субъекта – Донецкой Народной Республики», ФЗ № 6 «О принятии в Российскую Федерацию Луганской Народной Республики и образовании в Российской Федерации нового субъекта – Луганской Народной Республики», ФЗ № 7 «О принятии в Российскую Федерацию Запорожской области Украины и образовании в Российской Федерации нового субъекта – Запорожской области», ФЗ № 8 «О принятии в Российскую Федерацию Херсонской области Украины и образовании в Российской Федерации нового субъекта – Херсонской области».

⁶ Круглый стол «Единый день голосования – 2022: специфика, тенденции и прогноз результатов» // Официальный сайт Фонда развития гражданского общества. 31.08.2022. URL: <http://civilfund.ru/event/146>

При этом к имеющимся внешним угрозам национальной безопасности добавились внутренние: теракты и диверсии на территории российских регионов, попытка вооруженного переворота, осуществленная ЧВК «Вагнер» 24 июня 2023 года. И, как следствие, тенденция «беспрецедентной консолидации общества, объединения вокруг президента и флага»⁷ продолжилась: «Все действующие губернаторы, а также врио сохранили свои посты. Из них только двое глав регионов избрались от КПРФ, все остальные – единороссы»⁸.

✓ 8 сентября 2024 года Единый день голосования проходил на фоне вторжения ВСУ в Курскую область (6 августа 2024 г.) и возрастающей вероятности нанесения ракетных ударов дальнобойным оружием натовского производства вглубь российских территорий, на что последовала соответствующая реакция со стороны Президента РФ в виде инициативы по внесению поправок в ядерную доктрину Российской Федерации, причем уже давно ожидаемых рядом экспертов.

«В обновлённой редакции документа [Основы государственной политики в области ядерного сдерживания] агрессию против России со стороны любого неядерного государства, но с участием или при поддержке ядерного государства предлагается рассматривать как их совместное нападение на Российскую Федерацию.

Также чётко фиксируются условия перехода России к применению ядерного оружия. Будем рассматривать такую возможность уже при получении достоверной информации о массированном старте средств воздушно-космического нападения и пересечении ими нашей государственной границы...

Оставляем за собой право применить ядерное оружие в случае агрессии против России и Белоруссии как участника Союзного Государства»⁹.

С. Караганов (политолог, почетный председатель Президиума Совета по внешней и оборонной политике, научный руководитель факультета мировой экономики и мировой политики Высшей школы экономики): «Главная цель доктрины должна заключаться в том, чтобы все нынешние и будущие противники были уверены, что Россия готова применить ядерное оружие. Это не только наша обязанность перед нашей страной и нашими гражданами, которые сейчас гибнут на фронтах и даже уже теперь в мирных городах, это наша обязанность и перед миром.

Если мы не реактивизируем ядерное сдерживание, то мир свалится в череду войн, которые неизбежно приобретут ядерный характер и закончатся третьей мировой войной. Это вопрос нескольких лет. Обязанность России – резко активизировать ядерный фактор в мировой политике и убедить наших противников в том, что мы готовы применить ядерное оружие в случае любых посягательств на нашу территорию и наших граждан. Наши противники должны знать, что наш президент примет это решение [о нанесении ядерного удара]... Готовность к этому – его обязанность перед страной, миром и Богом. Если противник поймет эту готовность, тогда почти наверняка никаких ударов беспилотников по Кремлю не будет.

Мы должны понимать, что против нас ведется война на уничтожение. Это многие не до конца осознают. Пока нас не снесут, наши западные «партнёры» не успокоятся. Либо они успокоятся, когда поймут, что снести нас без огромного ущерба для себя невозможно»¹⁰.

⁷ Аналитики Экспертного института социальных исследований (ЭИСИ) назвали выборы-2023 консолидирующими российское общество // Лента.Ру. 12.09.2023. URL: <https://lenta.ru/news/2023/09/12/analitiks/>

⁸ Памфилова назвала рекордной явку в 46% // РБК. 13.09.2023. URL: <https://www.rbc.ru/politics/13/09/2023/6501c3fe9a7947ea85beaf37>

⁹ Выступление Президента РФ на заседании Постоянного совещания Совбеза по ядерному сдерживанию 25.09.2024 // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/75182>

¹⁰ Черненко Е. «Нынешняя ядерная доктрина не выполняет функцию сдерживания» (интервью с С. Карагановым) // Коммерсант. 11.09.2024. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7059257?ysclid=m2a7iitaxh735976424>

Другими словами, угрозы национальной безопасности для нашей страны продолжают нарастать; появляется всё больше признаков того, что НАТО готовится к прямому вступлению в конфликт с Россией (о чём на заседании Генеральной ассамблеи ООН, проходившей с 24 по 30 сентября 2024 года, говорил министр иностранных дел РФ С.В. Лавров); а мир всё больше «скатывается» в неконтролируемую «воронку» эскалации, за которой в конечном итоге стоит Третья мировая ядерная война...

«В отношении России объявлена цель нанесения ей „стратегического поражения”... **нынешние англосаксонские стратеги своих замыслов не скрывают.** Правда, пока рассчитывают победить Россию руками нелегитимного неонацистского киевского режима, но уже готовят и Европу к тому, чтобы и она бросилась в самоубийственную авантюру»¹¹.

Естественно, что сохранение общих условий усугубления внешней политической ситуации в мире и вокруг России повлияло на сохранение тенденций, отмечаемых по результатам про-

ведения Единого дня голосования в 2024 году. В среднем по 21 региону, в которых проходили прямые выборы руководителей субъектов РФ, явка увеличилась на 3,72% (с 46,8 до 50,5% от общего числа избирателей; *табл. 2, вкладка 1*), а поддержка представителей партии власти или врио, назначенных Президентом, — на 3,64% (с 73,36 до 77,0%; *табл. 2, вкладка 2*). При этом рост явки и поддержки действующих врио отмечался в большинстве субъектов РФ, где проходило голосование (*вкладка 1*)¹².

Следует также отметить, что в целом за последние 10 лет (с 2014 по 2024 год) количество избирателей в среднем по регионам, в которых проходили выборы глав субъектов РФ, уменьшилось почти на 1 млн чел. (на 957,4 тыс.; с 28,9 до 28 млн чел.), а явка населения на избирательные участки возросла на 674,5 тыс. чел. (с 14,0 до 14,6 млн чел.).

Таким образом, анализ официальных данных Центральной избирательной комиссии РФ показывает, что во всех субъектах, где проходили выборы руководителей регионов, победу одержали либо назначенные Президентом РФ врио, либо действующие губернаторы, и, как обратили внимание некоторые эксперты, председатель ЦИК Э. Памфилова «оценила итоги ЕДГ-2024 по максимуму»¹³.

Таблица 2. Изменение основных результатов голосования на выборах высших должностных лиц субъектов РФ в 2019 и 2024 гг.

Показатель	2019 г.	2024 г.	Изменение (+/-), 2024 к 2019
Число избирателей	28351909	28005425	-346484
Явка абс.	13904891	14632056	+727165
Явка, %	46,82	50,54	+3,72
Поддержка абс.	10592454	11201409	+608955
Поддержка, %	73,36	77,00	+3,64

Источник: рассчитано авторами по данным ЦИК РФ.
Более подробные сведения представлены во вкладке 1.

¹¹ Выступление министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова на общеполитической дискуссии 79-й сессии Генассамблеи ООН, Нью-Йорк, 28 сентября 2024 г. // Официальный сайт Министерства иностранных дел РФ. 28.09.2024. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/video/posledniye_dobavlnenniye/1972774/

¹² Примерно такая же картина наблюдалась по областным центрам: по сравнению с предыдущими выборами явка избирателей и поддержка врио хотя и несущественно, но увеличились (с 41 до 42 и с 70 до 74% соответственно). Явка избирателей увеличилась в 9 областных центрах из 21, поддержка врио — в 13.

¹³ Родин И. Памфилова отвергла антагонистскую критику выборов // Независимая газета. 11.09.2024. URL: https://www.ng.ru/politics/2024-09-11/3_9091_campaign.html?ysclid=m1q4r67ynj13324465

Вкладка 1

Динамика явки избирателей на выборы высших должностных лиц субъектов РФ в 2014–2024 гг.

Территория	2014 г.						2019 г.						2024 г.						Изменение (+/-)			2024 к 2014		
	число изб.	явка абс.	явка %	число изб.	явка абс.	явка %	число изб.	явка абс.	явка %	число изб.	явка абс.	явка %	число изб.	явка абс.	явка %	число изб.	явка абс.	явка %	число изб.	явка абс.	явка %			
Республика Алтай	155946	87507	56,11	162239	80920	49,88	164122	75063	45,74	+1883	-5857	-4,14	+8176	-12444	-12444	-113557	-113557	-2,55	-10,37					
Республика Башкортостан	3027300	2267070	74,89	3049196	2189229	71,80	2977026	2153513	72,34	-72170	-35716	+0,54	-50274	-113557	-113557	-113557	-113557	-2,55	-10,37					
Республика Калмыкия	211003	129612	61,43	205823	113537	55,16	203704	124976	61,35	-2119	+11439	+6,19	-7299	-4636	-4636	-4636	-4636	-0,08	-0,08					
Забайкальский край	814732	304582	37,38	791865	277721	35,07	759657	334158	43,99	-32208	+56437	+8,92	-55075	+29576	+29576	+29576	+29576	+6,61	+6,61					
Ставропольский край	1958397	937724	47,88	1878050	1256287	66,89	1903514	1093697	57,46	+25464	-162590	-9,43	-54883	+155973	+155973	+155973	+155973	+9,58	+9,58					
Хабаровский край	986341	444636	45,08	958412	419941	43,82	955360	314110	32,88	-3052	-105831	-10,94	-30981	-130526	-130526	-130526	-130526	-12,20	-12,20					
Астраханская область	755345	306676	40,60	732517	245571	33,52	709760	309438	43,60	-22757	+63867	+10,08	-45585	+2762	+2762	+2762	+2762	+3,00	+3,00					
Волгоградская область	1953217	715375	36,63	1843833	760070	41,22	1773458	1094698	61,73	-70375	+334628	+20,51	-179759	+379323	+379323	+379323	+379323	+25,10	+25,10					
Вологодская область	968226	287742	29,72	935466	379037	40,52	892898	439137	49,18	-42568	+60100	+8,66	-75328	+151395	+151395	+151395	+151395	+19,46	+19,46					
Калининградская область	786650	311441	39,59	839700	323347	38,51	839206	354176	42,20	-494	+30829	+3,69	+52556	+42735	+42735	+42735	+42735	+2,61	+2,61					
Кемеровская область – Кузбасс	2012208	1337419	66,47	1912342	1549241	81,01	1896365	1224551	64,57	-15977	-324690	-16,44	-115843	-112868	-112868	-112868	-112868	-1,90	-1,90					
Курганская область	736261	292845	39,77	696763	296863	42,61	874183	538117	61,56	-55576	-24386	-0,11	-95074	-20368	-20368	-20368	-20368	+2,73	+2,73					
Курская область	947084	369073	38,97	922506	383427	41,56	874183	538117	61,56	-48323	+154690	+20,00	-72901	+169044	+169044	+169044	+169044	+22,59	+22,59					
Липецкая область	952189	452917	47,57	930421	438260	47,10	892480	511229	57,28	-37941	+72969	+10,18	-59709	+58312	+58312	+58312	+58312	+9,71	+9,71					
Мурманская область	637201	197658	31,02	578752	207339	35,83	545267	226787	41,59	-33485	+19448	+5,76	-91934	+29129	+29129	+29129	+29129	+10,57	+10,57					
Оренбургская область	1590721	702314	44,15	1557425	616059	39,56	1501118	789382	52,59	-56307	+173323	+13,03	-89603	+87068	+87068	+87068	+87068	+8,44	+8,44					
Самарская область	2429343	1495989	61,58	2411123	1296989	53,79	2397155	1314708	54,84	-13968	+17719	+1,05	-32188	-181281	-181281	-181281	-181281	-6,74	-6,74					
Сахалинская область	384549	144550	37,59	376850	140828	37,37	375835	157666	41,95	-1015	+16838	+4,58	-8714	+13116	+13116	+13116	+13116	+4,36	+4,36					
Тульская область	1205455	548459	45,50	1150957	608247	52,85	1136990	536561	47,19	-13967	-71686	-5,66	-68465	-11888	-11888	-11888	-11888	+1,69	+1,69					
Челябинская область	2720414	1155681	42,48	2602792	1174933	45,14	2574070	1260299	48,96	-28722	+85366	+3,82	-146344	+104618	+104618	+104618	+104618	+6,48	+6,48					
г. Санкт-Петербург	3730334	1468292	39,36	3814877	1147045	30,07	3992070	1507313	37,76	+177193	+360268	+7,69	+261736	+39021	+39021	+39021	+39021	-1,60	-1,60					
Итого	28962916	13957562	45,89	28351909	13904891	46,82	28005425	14632056	50,54	-36484	+727165	+3,72	-957491	+674494	+674494	+674494	+674494	+4,64	+4,64					
Общее количество регионов, в которых явка и число избирателей увеличилась / уменьшилась										3 / 18	14 / 7	15 / 6	3 / 18	13 / 8	13 / 8	13 / 8	13 / 8	13 / 8	13 / 8					

Источник: составлено авторами по данным ЦИК РФ.

По сравнению с прошлыми выборами (за период с 2019 по 2024 год) в 18 субъектах РФ уменьшилось число избирателей (в целом по стране почти на 347 тыс. чел.). Тем не менее явка на выборы увеличилась на 4 п. п. (с 47 до 51%), особенно в Волгоградской (на 21 п. п.) и Курской (на 20 п. п.) областях. Опять же снижение явки отмечается в Кемеровской области (на 16 п. п.) и Хабаровском крае (на 11 п. п.).

Вкладка 2

Динамика поддержки кандидатов, победивших на выборах высших должностных лиц субъектов РФ в 2014–2024 гг.

Территория	2014 г.						2019 г.						2024 г.						Изменение (+/-)			2024 к 2014		
	абс.	% от явки	% от явки	абс.	% от явки	абс.	% от явки	абс.	% от явки	абс.	% от явки	абс.	% от явки	абс.	% от явки	абс.	% от явки	абс.	% от явки	абс.	% от явки	абс.	% от явки	
Республика Алтай	42746	50,63	27,41	47588	58,82	29,33	55507	74,09	33,82	7919	+15,27	+4,49	+12761	+23,46	+6,41									
Республика Башкортостан	1851625	81,71	61,16	1794176	82,02	58,84	1724962	80,21	57,94	69214	-1,81	-0,90	-126663	-1,50	-3,22									
Республика Калмыкия	107368	82,89	50,88	93704	82,54	45,53	99864	79,95	49,02	6160	-2,59	+3,49	-7504	-2,94	-1,86									
Задайкайский край	165472	54,39	20,31	248580	89,61	31,39	274444	82,27	36,13	25864	-7,34	+4,74	+108972	+27,88	+15,82									
Ставропольский край	789502	84,22	40,31	1000074	79,64	53,25	869599	79,61	45,68	-130475	-0,03	-7,57	+80097	-4,61	+5,37									
Хабаровский край	325566	69,57	33,01	237818	56,77	24,81	254245	81,03	26,61	+16427	+24,26	+1,80	-71321	+11,46	-6,40									
Астраханская область	230375	75,28	30,50	185543	75,63	25,33	241585	78,17	34,04	+56042	+2,54	+8,71	+11210	+2,89	+3,54									
Волгоградская область	632707	88,49	32,39	582848	76,80	31,61	872010	79,68	49,17	+289162	+2,88	+17,56	+239303	-8,81	+16,78									
Волгоградская область	181047	62,98	18,70	230316	60,79	24,62	273380	63,30	30,62	+43064	+2,51	+6,00	+92333	+0,32	+11,92									
Калининградская обл.	218652	70,41	27,80	259220	80,21	30,87	270919	76,55	32,28	+11699	-3,66	+1,41	+52267	+6,14	+4,48									
Кемеровская область – Кузбасс	1084392	81,29	53,89	1315922	85,23	68,81	949185	78,38	50,05	-366737	-6,85	-18,76	-135207	-2,91	-3,84									
Курганская область	248323	84,87	33,73	239902	80,86	34,43	231940	85,17	36,17	-7962	+4,31	+1,74	-16383	+0,30	+2,44									
Курская область	246506	66,81	26,03	310648	81,07	33,67	351040	65,28	40,16	+40392	-15,79	+6,49	+104534	-1,53	+14,13									
Липецкая область	369997	81,83	38,86	294820	67,28	31,69	414840	81,16	46,48	+120020	+13,88	+14,79	+44843	-0,67	+7,62									
Мурманская область	127539	64,69	20,02	124429	60,07	21,50	167647	73,99	30,75	+43218	+13,92	+9,25	+40108	+9,30	+10,73									
Оренбургская область	563451	80,28	35,42	406153	65,94	26,08	616565	78,14	41,07	+210412	+12,20	+14,99	+53114	-2,14	+5,65									
Самарская область	1362676	91,35	56,09	1086187	83,83	45,05	1045504	79,56	43,61	-40683	-4,27	-1,44	-317172	-11,79	-12,48									
Сахалинская область	97859	67,8	25,45	78954	56,14	20,95	127336	80,79	33,88	+48382	+24,65	+12,93	+29477	+12,99	+8,43									
Тульская область	461411	84,17	38,28	506816	83,58	44,03	441763	78,53	38,85	-65053	-5,05	-5,18	-19648	-5,64	+0,57									
Челябинская область	996347	86,37	36,62	813853	69,30	31,27	1023767	81,28	39,77	+209914	+11,98	+8,50	+27420	-5,09	+3,15									
г. Санкт-Петербург	1130199	79,3	30,30	734903	64,43	19,26	895307	59,80	22,43	+160404	-4,63	+3,17	-234892	-19,50	-7,87									
Итого	11233760	75,68	35,10	10592454	73,36	34,87	11201409	77,00	38,98	+608955	+3,64	+4,11	-32351	+1,31	+3,87									
Общее количество регионов, в которых поддержка губернатора увеличилась / уменьшилась												15 / 6	11 / 10	16 / 5	13 / 8	9 / 12	15 / 6							

Источник: составлено авторами по данным ЦИК РФ.

По сравнению с предыдущими выборами, в 2024 году уровень поддержки руководителей в среднем по субъектам РФ, в которых проходило голосование, увеличился на 1,31 п. п. (с 75,7 до 77%). В абсолютном выражении это меньше на 32 тыс. человек, что связано со снижением количества лиц избирательного возраста (на 364 тыс. чел. в 2019 г. до 28 млн чел. в 2024 г.).

Таблица 3. Динамика явки и поддержки В.В. Путина на президентских выборах
(в целом по стране)*

Показатель	Дата президентских выборов			Изменение (+/-), 2024 г. к...	
	26.03.2000	18.03.2018	17.03.2024	2018 г.	2000 г.
Явка					
абс. млн чел.	75,18	73,63	87,58	+13,95	+12,4
%	68,70	67,54	77,49	+9,95	+8,79
Поддержка В.В. Путина					
абс. млн чел.	39,74	56,43	76,28	+19,85	+36,54
%	52,94	76,69	87,28	+10,59	+34,34

* Представлены данные по итогам первых президентских выборов, в которых участвовал В.В. Путин, и выборов, предшествующих голосованию 17 марта 2024 г.

Источник: данные ЦИК РФ.

При этом внешние угрозы национальной безопасности, резко обострившиеся после начала СВО, оказывают значительное влияние на результаты как региональных, так и федеральных выборов, о чем, например, свидетельствует убедительная поддержка В.В. Путина на президентских выборах 17 марта 2024 года: за 24 года, прошедших с того момента, как он впервые был выбран главой государства, уровень его поддержки в целом по стране увеличился фактически в два раза (почти на 37 млн чел.): с 39,74 до 76,28 млн избирателей (табл. 3).

Следует также подчеркнуть, что рост поддержки российским обществом курса нацио-

нального развития, реализуемого Президентом, выражаящийся, в том числе, в поддержке партии власти, – явление, которое отмечалось и до начала СВО. Специальная военная операция лишь усилила этот процесс. Напомним, что конституционное большинство в парламенте «Единая Россия» имеет с 2016 года. И, хотя по результатам последних выборов в Государственную Думу (19 сентября 2021 г.) уровень её поддержки несколько снизился, доля голосов избирателей, отданных за партию власти, по-прежнему превалирует над долей голосов, отданных за все остальные парламентские партии вместе взятые (50% против 39%; табл. 4).

Таблица 4. Динамика явки и поддержки «Единой России» на парламентских выборах
(в целом по стране)*

Показатель	Дата выборов в Государственную Думу РФ					Изменение (+/-), 2021 г. к...	
	07.12. 2003	02.12. 2007	04.12. 2011	18.09. 2016	19.09. 2021	2016 г.	2003 г.
Явка							
абс. млн чел.	60,70	69,61	65,77	52,70	56,49	+3,79	-4,21
%	55,67	63,78	60,21	7,88	51,72	+3,84	-3,95
Поддержка «Единой России»							
абс. млн чел.	22,78	44,71	32,37	28,53	28,06	-0,47	+5,28
%	37,56	64,30	49,31	54,20	49,82	-4,38	+12,26

* Для справки: по итогам последних выборов в Государственную Думу РФ (19.09.2021) КПРФ получила 18,93% голосов избирателей, ЛДПР – 7,55%, «Справедливая Россия» – 7,46%, «Новые люди» – 5,32%.

Источник: данные ЦИК РФ.

В связи с такой консолидированной и очевидной поддержкой российским обществом курса национального развития некоторые эксперты придерживаются точки зрения о том, что в форс-мажорных условиях, когда страна ведет фактически полноценную войну с коллективным Западом и должна перестраиваться на принцип «всё для фронта, всё для Победы», региональные выборы вообще не нужны. Одна из причин, отмечают они, по которой Единый

М. Делягин (депутат Государственной Думы РФ): «В условиях специальной военной операции должен быть режим не «Живите как обычно, не обращая внимания», а режим «Все для фронта, все для победы». И в этом случае проведение таких выборов выглядит немножко странно»¹⁴.

И. Гращенко (политолог): «Идея отказа от выборов глав регионов – не новая. Слухи об их отмене ходили всю весну нынешнего [2022] года. Тогда речь шла о том, что в условиях проведения СВО было бы разумно продемонстрировать внутриполитическое единство, а заодно сэкономить бюджетные средства»¹⁵.

С. Миронов: «Зачем тратить на это всё [выборы губернаторов] время и деньги, когда и так понятно, что безусловное большинство поддерживает проведение специальной военной операции и, в частности, решения президента России»¹⁶.

А. Галлямов (политолог): «Людям не нравится отказываться от своего права выбирать себе начальство. Получится, что одной рукой власти успокаивают население – мол, у нас всё нормально, – а другой вводят форс-мажор. Это будет укреплять ощущение того, что в стране что-то идёт не так»¹⁷.

день голосования проводится до сих пор, состоит в том, что это определенный сигнал обществу со стороны государства о том, что «всё идет по плану; ситуация под контролем и никаких экстраординарных мер для победного завершения СВО не требуется».

Однако важная роль региональных и муниципальных выборов, проходящих в стране каждый год, заключается в том, что они позволяют увидеть тенденции в изменениях политической системы страны и в динамике общественных настроений в периоды между выборами уровня федерального. И это особенно важно в той напряженной ситуации, которая складывается в России в условиях проведения СВО. Неслучайно и Единый день голосования 8 сентября 2024 года рядом экспертов рассматривался исключительно как «репетиция» перед выборами в Государственную Думу РФ, которые пройдут в 2026 году.

К. Костин (президент Фонда развития гражданского общества): «Два года до выборов в Государственную думу. Каждый день для парламентских партий... – это этапы подготовки к этим выборам. Соответственно, под этим углом стоит смотреть на происходящие выборы»¹⁸.

А. Чеснаков (руководитель научного совета Центра политической конъюнктуры): «ЕДГ-2024 нужно воспринимать не только началом нового избирательного цикла, но и завершением предыдущего. В целом же речь идёт о подготовке более долгосрочной реальности, о том, что Государственная дума, выбранная в 2026 году, будет работать ещё пять лет. Ближайшие выборы – это такой пролог думской кампании и той пятилетки, которая будет проходить с 2026 до 2031 года»¹⁹.

¹⁴ Енцов Ю. Вместо призыва «Всё для фронта!» сограждане слышат «Всё хорошо, прекрасная маркиза» (интервью с М. Делягиным). 10.09.2024 // Саратовское областное отделение КПРФ. URL: <https://kprf-saratov.ru/2024/09/mihail-delyagin-vmesto-prizyva-vsyo-dlya-fronta-sograzhdane-slyshat-vsyo-horosho-prekrasnaya-markiza/>

¹⁵ Избирать или назначать. Почему в России в 2023 году могут отменить выборы губернаторов // Новости сетевого издания «АМИЦ.РУ». 24.10.2022. URL: <https://www.amic.ru/news/politika/izbirat-ili-naznachat-pochemu-v-rossii-v-2023-godu-mogut-otmenit-vybory-gubernatorov-510924?ysclid=m22xj5twjh750436221>

¹⁶ Дискуссия о возможном отказе от прямых выборов в 2022 году породила интригу // Московская газета. 16.05.2022. URL: <https://mskgazeta.ru/politika/diskussiya-o-vozmozhnom-otkaze-ot-pryamyh-vyborov-v-2022-godu-porodila-intrigu-10172.html?ysclid=m22xrnw0h9238697419>

¹⁷ Там же.

¹⁸ Эксперты считают ЕДГ-2024 важным этапом подготовки к выборам в Госдуму в 2026 году // Интерфакс. 06.08.2024. URL: <https://www.interfax-russia.ru/index.php/moscow/news/eksperты-schitayut-edg-2024-vazhnym-etapom-podgotovki-k-vyboram-v-gosdumu-v-2026-godu>

¹⁹ Эксперты ЭИСИ назвали ЕДГ-2024 прологом к выборам в Госдуму-2026 // Информационное и общественно-политическое издание Life. 18.04.2024. URL: <https://life.ru/p/1653782?ysclid=m200w8xxg5810090003>

В этом смысле региональные выборы, выполняющие свою «диагностическую» функцию, являются важным элементом в процессе «подстраивания страны под достижение Победы»²⁰, что (как справедливо отмечает российский философ А. Дугин) в настоящее время важнее, чем дискуссии о будущем устройстве России, её идеологии, государственном управлении и т. д., то есть **сначала Победа, а затем уже Победа становится «основанием новой русской государственности».**

Если говорить более конкретно, то диагностическая функция региональных выборов состоит в том, что на их примере **можно увидеть те же тенденции, которые характерны и для общества в целом, и для системы государственного управления**. И эти тенденции заключаются далеко не только в сохраняющейся консолидации общества вокруг Президента перед лицом внешних угроз.

В частности, анализируя результаты Единого дня голосования 2024 года, многие эксперты

«Победа в войне с Западом на Украине – цель и средство. Исключительность значения (именно этой) Победы в русской истории заставляет рассматривать нынешнюю российскую государственность как инструмент, как метод. То есть современная РФ – часть Победы, ее условие...

Победа больше, чем Российская Федерация вся целиком, так как Победа – это суть России в ее полноте. РФ – лишь часть Победы. Победа – целое. Это судьба и финал, триумф...

Чтобы достичь Победы, надо подстроить РФ под нее... А вот дальше наступит новый герменевтический поворот. Победа станет основанием новой русской государственности»²¹.

пришли к выводу о том, что значительной частью населения выборы воспринимаются как «политический ритуал», их «реальное политическое содержание не относится к волеизъявлению масс», а само политическое устройство в России «деградирует к архаике», поскольку происходит «сжатие политической конкуренции», оппозиционные партии «превращаются в объект политического процесса» и таким образом идет «заморозка политической и общественной активности».

«На фоне прогресса избирательных технологий политическое устройство деградирует к архаике... они [оппозиционные партии] окончательно превратились в объект политического процесса. А его субъектом выступают региональные власти, связанные в единую сеть через политических вице-губернаторов, которая замыкается в профильных управлениях администрации президента»²².

«Ожидать от выборов процесса коллективного поиска решений самых актуальных проблем регионов/городов/районов/страны в такой конструкции запроса – нельзя. Потому что вперед выдвигается требование метафизической/экзистенциальной важности – сохранение самой российской государственности. А текущие проблемы людей кажутся мелкими, ничтожными, эгоистичными, мещанскими...»²³

«Выборы скорее воспринимаются как политический ритуал, в котором принято участвовать... Этого, может быть, и достаточно здесь и сейчас. Но едва ли этого достаточно, чтобы эффективно управлять большой страной в долгосрочной перспективе, чувствовать настроения людей»²⁴.

²⁰ Дугин А. Герменевтический круг Победы // Завтра. 30.08.2024. URL: https://zavtra.ru/blogs/germenevcheskij_krug?ysclid=m2012fzi3q255531738

²¹ Там же.

²² О вариантах складывающейся однопартийной системы // Независимая газета. 11.09.2024. URL: https://www.ng.ru/editorial/2024-09-11/2_9091_red.html?ysclid=m1ov943beg112335220

²³ Ремчуков К. Хочет ли общество перемен? // Независимая газета. 09.09.2024. URL: https://www.ng.ru/politics/2024-09-09/2_9088_1427.html?ysclid=m1ouwv0945994401035

²⁴ О выборах как канале коммуникации // Независимая газета. 10.09.2024. URL: https://www.ng.ru/editorial/2024-09-10/2_9090_red.html?ysclid=m1ov3swigc738886871

«Продолжится „заморозка“ политической и общественной активности. Можно предполагать, что партия власти в таких условиях продолжит курс на профанацию выборов и чисто формальное поддержание легитимности. Как уже сейчас говорят эксперты, реальное политическое содержание выборов не относится к волеизъявлению масс...»²⁵

«ЕДГ-2024 по формальным признакам оказался копией прошлогодних выборов **со сжатием основной конкуренции до пяти парламентских партий»²⁶.**

Кроме того, учитывая беспрецедентно высокий уровень угроз национальной безопасности, который исходит со стороны стран НАТО по отношению к России, для отечественной политической системы «необходим союз правых и левых против либералов... и внутри России, и вне ее»²⁷.

«... нам необходим союз правых и левых против либералов. Вот что нам нужно и внутри России, и вне ее. Настоящие правые и левые представляют собой народ. А либералы – компрадорскую элиту. Хороших либералов не бывает... И не стоит пытаться доказать, что и либералы не все одинаковы. Все. Правые и левые бывают разными. Либералы все заодно»²⁸.

При этом «Единая Россия» хотя и пытается консолидировать разные слои российского общества, позиционируя себя как «партия российской цивилизации», «партия большинства» и «партия тех, кто работает»²⁹, но некоторые эксперты сомневаются в том, что «союз чиновников и бизнесменов, зачастую стыдящийся своего прошлого», способен на выработку или даже представительство такой «общепонятной и признаваемой большинством идеологии».

Замруководителя фракции «Единая Россия» в Госдуме А. Исаев: «Все другие партии классовые, и только ЕР единственная представляет нацию в целом. Между тем классовые противоречия отходят на второй план именно сегодня из-за внешних вызовов и экзистенциальных противоречий»³⁰.

«Если бы в стране существовала общепонятная и признаваемая большинством идеология, а её бы консолидировала соответствующая правящая партия, вопрос с изменой и саботажем решался бы быстро и повсеместно. Но „Единая Россия“ для таких целей, мягко говоря, не годится. Союз чиновников и бизнесменов, зачастую стыдящийся своего прошлого, не способен к креативной деятельности»³¹.

²⁵ Гармоненко Д. Партийные списки для Госдумы-2026 сохранят в политически необходимом объеме // Независимая газета. 17.09.2024. URL: https://www.ng.ru/politics/2024-09-17/1_9095_elections.html?ysclid=m1ow0bnrnr730662997 (мнение руководителя аналитического управления КПРФ С. Обухова).

²⁶ Кынев А. ЛДПР, Новые люди и эсеры претендуют на один електорат // Федеральная экспертная сеть «Клуб регионов». 10.09.2024. URL: <http://club-rf.ru/detail/7425?ysclid=m1uf0lhmg649045765>

²⁷ Дугин А. Нам необходим союз правых и левых против либералов // Изборский клуб. 03.09.2024. URL: <https://izborsk-club.ru/26065?ysclid=m28pgyevek554015521>

²⁸ Там же.

²⁹ Исаев В. Первичные отделения и идеологическая работа партии. 22.09.2024.

³⁰ Там же.

³¹ Сорокин Н. Мобилизация духа // Завтра. 30.08.2024. URL: https://zavtra.ru/blogs/o_radikalizacii_vojni_i_soprovozhdayushej_eyo_ideologicheskoy_sferi

Таким образом, анализируя тенденции, происходящие в политической системе страны, эксперты обращают внимание на то, что на фоне процесса «единения вокруг флага» происходит «рутинизация», фактически «отмирание» института самих выборов, а в партии, уже давно не имеющей серьезной конкуренции на политическом поле, идеологическая составляющая, которая оказалась бы способной консолидировать все слои российского общества и обеспечить тот самый «союз правых и левых против либералов», находится пока что на стадии обсуждения.

И примерно такую же ситуацию мы видим в российском обществе, где также на фоне устойчивой поддержки Президента РФ, губернатора, партии власти и государства в целом происходит некоторое «привыкание» людей к жизни в условиях СВО; утрачивается понимание сути исторического момента, снижается степень осознания того, что стоит на кону для России в этом конфликте.

Так, по данным социологических исследований, за три года (2022–2024 гг.) возрос уровень доверия всем основным государственным и общественным институтам (что само по себе свидетельствует о росте поддержки в обществе курса развития, реализуемого государством; *вкладка 3*). По сравнению с 2021 годом (год до начала СВО) к 2024 году уровень доверия Президенту возрос на 11 п. п. (с 49 до 60%), Правительству – на 13 п. п. (с 40 до 53%), региональным органам власти – на 9 п. п. (с 36 до 45%), муниципальным – на 12 п. п. (с 32 до 44%). И, что не менее важно, на протяжении всего периода измерений (то есть за последние 24 года) Президент и Правительство РФ всегда являлись теми институтами, которые пользовались наиболее высоким доверием среди населения.

Таким образом, данные социологических исследований не позволяют усомниться в том, что курс национального развития, реализуемый государством (и Президентом лично), находит под-

держку в обществе. И это лишь подтверждает официальные результаты выборных кампаний (федеральных, региональных, муниципальных), которые состоялись за эти 24 года.

Однако, несмотря на устойчивый и возрастающий по мере усиления угроз национальной безопасности уровень доверия граждан государственным и общественным институтам, многие эксперты сегодня говорят о «падении чувствительности» общества: о том, что «никто не верит всерьез, что Украина может захватить Россию, как это пыталась Германия в Великую Отечественную войну, не верят и в то, что НАТО или США перейдут от половинчатой помощи Украине к захвату территорий РФ... люди стремятся вспоминать о СВО как можно меньше и воспринимают это как данность, а не угрозу существованию»³².

«С начала открытой фазы противостояния России и Запада прошло более 2,5 лет, временные конструкции и подпорки стали постоянными. Последствия кардинальных изменений и шоков превратились в обыденность, чувствительность упала, люди научились со всем этим жить, воспринимая происходящее как данность, занимаясь привычными делами. Повышенный уровень неопределенности снизился за счет рутины и адаптации...»³³

«Люди привыкли, адаптировались, у них нет желания резко менять свою жизнь... Парадигму „вставай, страна огромная“ еще можно было провести весной 2022-го, сейчас уже поздно. Уже нет таких ярких эмоций»³⁴.

«Парадигма „жизнь течет своим чередом“ скорее всего продолжится, если не случится чего-то чрезвычайного или переломного. Про „огромную страну“ любят поговорить отдельные патриотические спикеры, а также военкоры, но они не составляют большинства... Люди реагируют на то, что уже случилось, а не на то, что может случиться»³⁵.

³² Гармоненко Д. Социологи РАН вычисляют «коэффициент СВО» // Независимая газета. 29.09.2024. URL: https://www.ng.ru/politics/2024-09-29/1_3_9103_sociology.html?ysclid=m28po0quxc81413058 (мнение Главы Политической экспертной группы К. Калачева).

³³ Школьников А. Кризис жанра в информационной политике // Завтра. 29.09.2024. URL: https://zavtra.ru/blogs/v_paradigme_oko_za_oko?ysclid=m20an03ssg103241729

³⁴ Гармоненко Д. Социологи РАН вычисляют «коэффициент СВО» // Независимая газета. 29.09.2024. URL: https://www.ng.ru/politics/2024-09-29/1_3_9103_sociology.html?ysclid=m28po0quxc81413058 (мнение первого вице-президента Центра политических технологий А. Макаркина).

³⁵ Там же. Мнение Главы Политической экспертной группы К. Калачева.

Вкладка 3

Динамика уровня доверия государства и общественным институтам за период с 1996 по 2024 год*
 (данные ВолНЦ РАН по Вологодской области; % от числа опрошенных)

Государственные и общественные институты	Справочно	Среднегодовые данные по президентским циклам	Изменение (+/-), п. п.		Среднегодовые данные			Изменение (+/-), п. п.	
			2018–2023 к...,	2018–2023 г.	2000–2003	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
1996 г.	2000–2003	2004–2007	2008–2011	2012–2017	1996 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Президент РФ	26,5	58,2	56,0	55,3	54,3	+28	-4	52,4	51,6
Правительство РФ	18,5	39,3	51,7	45,5	43,8	+25	+5	41,0	40,1
Полиция	14,1	26,0	27,0	33,6	37,2	43,4	+29	+17	40,7
Прокуратура	18,2	28,9	31,9	36,8	39,5	45,4	+27	+17	43,6
Церковь	37,9	42,6	44,3	47,8	44,7	46,8	+9	+4	46,5
ФСБ	12,6	32,6	33,4	37,5	38,5	43,7	+31	+11	41,0
Суд	19,8	30,9	33,9	37,4	39,1	42,2	+22	+11	39,4
Армия	34,2	33,8	27,8	35,0	39,6	42,6	+8	+9	40,8
Руководство области	14,2	28,6	35,3	40,3	36,6	36,5	+22	+8	33,5
Совет Федерации	13,4	27,9	31,7	39,3	37,4	34,2	+21	+6	32,2
Органы местного самоуправления	н. д.	29,5	35,9	32,9	34,3	н. д.	31,6	30,3	32,3
Государственная Дума	14,8	22,5	27,6	35,3	33,1	+16	+9	28,6	27,7
СМИ	15,4	29,1	30,5	28,0	29,7	+14	+1	26,7	26,9
Профсоюзы	20,2	26,0	31,0	27,4	31,2	+11	+5	29,7	28,4
Общественные организации	н. д.	22,2	27,5	25,5	28,0	н. д.	н. д.	24,9	24,7
Директора, руководители предприятий	5,2	20,1	23,8	24,5	23,0	24,1	+19	+4	20,5
Политические партии, движения	6,8	12,9	17,2	23,1	19,5	21,6	+15	+9	19,7
Банковские, предпринимательские круги	8,5	13,9	20,5	22,2	19,4	21,8	+13	+8	17,6

* Формулировка вопроса: «Определите, пожалуйста, свое отношение к действующим в стране общественным структурам и институтам власти» (вариант ответа «полностью» и «общественные организации» включены в вопрос в основном доверяю»). Вопрос задается с 1996 г. В 1997–1999 гг. вопрос не задавался. Варианты ответа «органы местного самоуправления» и «общественные организации» включены в вопрос в 2006 г.

В таблице справочно представлены данные по динамике уровня доверия государственным и общественным институтам за период с 1996 г. (год первого президентского срока Б. Ельцина) и по президентским циклам с 2000 по 2024 г. Ранжировано по данным на 2024 г.

Основные данные – 3 года до и после начала СВО, которые свидетельствуют о том, что на протяжении всех трех лет проведения специальной военной операции доверие граждан основным государственным и общественным институтам в стране ежегодно росло. В частности, это касается органов власти всех уровней – федеральной, региональной, муниципальной (они выделены жирным шрифтом). С 2022 по 2024 г. (период проведения СВО) уровень доверия Президенту РФ возрос на 5 п. п. (с 55 до 60%), Правительству РФ – на 7 п. п. (с 46 до 53%), Совету Федерации – на 10 п. п. (с 35 до 45%), Государственной Думе РФ – на 8 п. п. (с 32 до 40%), руководству области – на 7 п. п. (с 38 до 45%), органам местного самоуправления – на 8 п. п. (с 36 до 44%).

Об этом, например, свидетельствуют данные социологических опросов Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), согласно которым за период проведения специальной военной операции доля людей, целенаправленно интересующихся информацией об СВО, снижалась, причем ежегодно (в целом за период с 2022 по 2024 год – на 13 п. п., с 41 до 28%; *табл. 5*). В свою очередь доля россиян, которые совершенно не интересуются информацией об СВО или останавливают на ней внимание лишь случайным образом, увеличилась за последние 3 года на 12 п. п. (с 58 до 70%). Примерно такое же соотношение оценок общественного мнения показали результаты социологического опроса Вологодского научного центра РАН (ВоНЦ РАН), проведенного в сентябре – октябре 2024 года на территории Вологодской области³⁶.

Кроме того, одновременно с этим «падением чувствительности» (отмечаемым экспертами), так же как нет единой консолидирующей идеологии ни у партии власти, ни по большому

счету у Президента³⁷, так и в будущих жизненных траекториях россиян социологи отмечают смешение традиционных российских и либеральных прозападных ценностей, или, другими словами, **никаких изменений по сравнению с тем, что было до начала СВО**.

В подтверждение этого тезиса приведем две цитаты из недавнего исследования, проведенного коллективом ученых Центра социального прогнозирования и маркетинга (ЦСПИМ) и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (ИС ФНИСЦ РАН) в мае 2024 года. В своем прогнозе на период до 2045 года «тенденций изменений массового сознания в аспекте жизненных установок, т. е. **тех ценностей, сообразно с которыми люди стараются строить свою жизнь**³⁸», социологи отмечают, что, с одной стороны, «**в ценностной системе абсолютного большинства населения однозначно будут доминировать приверженность традиционной форме семьи как брачного союза мужчины и женщины, неприятие семейных моделей сексуального**

Таблица 5. Распределение ответов на вопрос «Скажите, в какой степени Вы интересуетесь информацией о специальной военной операции России на Украине?», % от числа опрошенных

Вариант ответа	2022 г.	2023 г.	2024 г.	Изменение (+/-), 2024 к 2022, п. п.
Целенаправленно ищу, читаю, смотрю, слушаю информацию о текущей ситуации	41	35	28	-13
Специально не ищу информацию, но если она встречается, то читаю, смотрю, слушаю	47	51	53	+6
Не ищу и не читаю, не смотрю информацию о специальной военной операции	11	13	17	+6
Затрудняюсь ответить	1	1	2	+1

Источники: данные ВЦИОМ, ВоНЦ РАН.

³⁶ По данным ВоНЦ РАН, 19% жителей Вологодской области целенаправленно интересуются информацией об СВО; 44% – специально не ищут, но останавливают на ней внимание; 20% – не ищут, не читают и не смотрят информацию такого рода.

Опрос проводился в период с 19 сентября по 9 октября 2024 г. в 8 муниципальных округах и районах Вологодской области, а также в г. Вологда и Череповец. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Объем выборочной совокупности – 1500 человек в возрасте 18 лет и старше. Ошибка выборки не превышает 3%.

Некоторое различие с данными ВЦИОМ обусловлено, скорее всего, более высокой долей «затруднившихся ответить» (18% по данным ВоНЦ РАН, 1–2% по данным ВЦИОМ). Это может быть связано со спецификой методики проведения опросов (ВЦИОМ – телефонное интервью; ВоНЦ РАН – анкетирование по месту жительства респондентов).

³⁷ См. подробнее в статье: Ильин В.А., Морев М.В. (2024). У политический цикл Президента РФ В. Путина: «косметический ремонт» капитализма для своих или переход к «социальному капитализму»? // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 3. С. 9–35.

³⁸ Шереги Ф.Э., Приведенцева О.С. (2024). Среднесрочный прогноз динамики жизненных установок россиян // Вестник Института социологии. Т. 15. № 3. С. 13.

меньшинства, отторжение пропаганды ЛГБТ и идеологии «воук»³⁹ в целом», а с другой стороны, «вероятно, моральный облик относительно большой части населения будет отягощен приоритетом материальных ценностей, источник которых не всегда будет легитимным, особенно в бизнес-среде, а также либеральным отношением к коррупционным методам решения личных проблем»⁴⁰.

Такой прогноз дают эксперты ЦСПИМ и ИС ФНИСЦ РАН на ближайшие 20 лет, и, по сути, основания для этих (весьма тревожных, на наш взгляд) ожиданий прослеживаются уже давно. «Сверхвысокие заработки» (как морально-нравственная категория, то есть независимо от того, какая именно сумма за них стоит), «стремление поменьше работать, побольше получать», «высокомерие», «взятки» — ко всему этому (как показывают результаты мо-

ниторинга, проводимого ВолНЦ РАН) общество стало относиться более спокойно, чем до начала СВО и даже чем в 1990-е гг. (табл. 6).

В частности, по последним данным (на 2023 г.) «стремление поменьше работать, побольше получать» и «сверхвысокие заработки» считали для себя «приемлемым и вполне нормальным» более половины опрошенных респондентов (51 и 56% соответственно). Для сравнения: в 1996 году так считали 36 и 53%, в 2018 году (последняя «волна» опросов до начала СВО) — 49 и 54%.

Что же касается ценностей, связанных с формой семейных отношений, гендерной толерантности и т. д., то здесь стоит отметить, что в России и до СВО наблюдался самый низкий и при этом снижающийся (в отличие от большинства стран Европы) уровень толерантности к нетрадиционным прозападным

Таблица 6. Доля людей, для которых «приемлемы, вполне нормальны» перечисленные морально-нравственные явления и поступки, % от числа опрошенных

Явления / поступки	Год					Изменение (+/-), 2023 г. к..., п. п.		
	1996	2000	2018	2022	2023	1996	2000	2018
Курение	64,9	65,6	59,4	63,3	63,7	-1	-2	+4
Увлечение вещами	56,8	60,9	53,8	60,9	61,4	+5	+1	+8
Сверхвысокие заработки	53,4	62,6	54,4	56,0	55,9	+3	-7	+2
Стремление поменьше работать, побольше получать	36,1	46,1	48,5	52,2	51,3	+15	+5	+3
Отказ от военной службы	40,2	47,4	43,9	45,1	45,0	+5	-2	+1
Жизнь по принципу «ты — мне, я — тебе»	46,4	48,9	40,4	45,1	44,8	-2	-4	+4
Лень	22,3	27,4	34,7	42,6	39,8	+18	+12	+5
Увлечение алкоголем	19,6	13,3	18,6	20,9	22,2	+3	+9	+4
Зазнайство, высокомерие	10,9	13,9	19,6	22,0	21,9	+11	+8	+2
Подхалимство, угодничество	9,0	10,4	15,6	19,0	17,0	+8	+7	+1
Взятки	10,7	9,3	13,4	15,5	13,8	+3	+5	0
Неуважительное отношение к женщине	5,6	6,7	9,6	12,1	11,5	+6	+5	+2
Хищения	7,8	6,0	4,8	9,7	9,7	+2	+4	+5
Наркомания	2,0	2,0	5,1	6,6	7,1	+5	+5	+2

Ранжировано по данным на 2023 г.

Источник: мониторинг общественного мнения ВолНЦ РАН.

³⁹ Воук, вокизм, воукизм (англ. woke culture, woke), или культура вовлеченности — современное идеологическое течение, возникшее в США в 2010-х гг. на волне подъёма движения Black Lives Matter. Его сторонники характеризуются обострённым вниманием к расовым предрассудкам, любым формам дискриминации, социально-экономическому неравенству, сексизму, ущемлению прав меньшинств и требуют активного, резкого осуждения и преследования подобных проявлений (Источник: Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/kul-tura-vovlechennosti-df058f>).

⁴⁰ Шереги Ф.Э., Приведенцева О.С. (2024). Среднесрочный прогноз динамики жизненных установок россиян // Вестник Института социологии. Т. 15. № 3. С. 34.

ориентациям⁴¹. Еще в 2021 году В.В. Путин называл это «внутренней моральной защитой» российского общества, «глубинной иммунной системой», которая защитит «от этого мракобесия».

Выдержка из пресс-конференции В.В. Путина 23 декабря 2021 г.:

М. Газиев (корреспондент Russia Today): «...культура отмены, отвергание привычных понятий вроде „мама”, „папа”, „семья” или даже „пол”... Какое у Вас отношение к новой этике? Придёт ли эта „карета ценностей” в Россию?»

В.В. Путин: «Эта „карета” пойдёт, неизбежно... надеюсь, что у нашего общества есть внутренняя моральная защита, продиктованная традиционными конфессиями Российской Федерации... У всех народов Российской Федерации – хочу подчеркнуть, у всех – есть определённая внутренняя моральная защита от такого мракобесия... Да пусть они там делают чего хотят. Мы должны брать всё прогрессивное и самое лучшее, которое помогает развиваться... но, надеюсь, что у наших народов, народов России хватит внутренних глубинных иммунных систем защиты от этого, как я сказал, мракобесия»⁴².

Таким образом, смысл внутренних перемен в стране, ожидаемых от СВО, суть изменений, заключающихся в избавлении России от либеральных догм и полуколониального состояния по отношению к коллективному Западу, состоит не только в том, чтобы сохранить традиционные ценности перед идущей с Запада «волной» нетрадиционных ценностей гендерного равенства и толерантности, **а прежде всего в том, что выражает смысл капитализма как идеологии западного «общества потребления».**

А выражает его именно то, о чем говорят социологи ИС РАН во второй части своего прогноза для российского общества на ближайшие 20 лет – «моральный облик, отягощенный приоритетом материальных ценностей, источник которых не всегда будет легитимным..., а также либеральное отношение к коррупционным методам решения личных проблем».

«Капитализм – это как раз та самая историческая общественно-экономическая формация, то есть политический государственный строй, в котором мы живём и здравствуем, правда с оговоркой, здравствуют в нём не все, а только те, кому повезло, то бишь, кто успел схватить жирный кусок и теперь его никому не отдаст, если кто силой или хитростью у него этот жирный кусок не отнимет... Идеология капитализма в простом и понятном для всех выражении – это **захватить, присвоить, подавить, подчинить, доминировать, бесконечно насыщаться, это вседозволенность под маркой свободы, но только для избранных, богатых и успешных, остальным крохи с барского стола, короче, несправедливость во всей своей неприглядной уродливой красоте**»⁴³.

«Современная капиталистическая идеология – это сложная многоуровневая конструкция. В основе лежит единая для всех этика, основанная на **товарно-денежных отношениях, индивидуализме, на принципиальной „покупаемости”** всего и стремлению к тотальной оцифровке, т. е. навешиванию ценника на все, что делается человеком. А наверху – различные вариации идеологий на любой вкус, внешне даже противоположные, но **фундаментально и по сути не выводящие „за флаги”**»⁴⁴.

⁴¹ За период с 2006 по 2018 год доля людей, считающих, что «гей и лесбиянки должны иметь право вести тот образ жизни, который соответствует их взглядам», в России снизилась с 26 до 17%. Для сравнения: в Германии за этот же период она возросла с 71 до 87%, в Великобритании – с 78 до 88%, во Франции – с 77 до 89% и т. д. (Источник: данные Европейского социального исследования. URL: <http://www.ess-ru.ru>).

⁴² Большая пресс-конференция В. Путина // Официальный сайт Президента РФ. 23.12.2021. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67438>

⁴³ Попов В. (2021). Идеология капитализма // Проза.ру. URL: <https://proza.ru/2021/12/29/769>

⁴⁴ Там же.

В. Катасонов: «Главной целью жизни, согласно идеологии капитализма, является **материальное преуспевание, нажива, стяжение денег и капитала любыми возможными средствами, и прежде всего за счет обмана и эксплуатации более слабых народов и членов общества...** Богатство – выражение избранничества. Богатый человек благословлен Богом, а все, у кого нет денег, должны служить „избранникам“. **Разложение западного христианства в конце средних веков стало исходной точкой создания капиталистической идеологии и экономических средств порабощения человечества»⁴⁵.**

Таким образом, наблюдаемые экспертами в российском обществе тревожные моменты, связанные с привыканием к жизни в условиях СВО и в чем-то даже утратой страха, вполне естественного и весьма полезного для понимания сути исторического момента и, как следствие, для адекватного реагирования на возможные «непопулярные», но вынужденные и необходимые решения Президента, коррелируют с тенденцией рутинизации местных (региональных и муниципальных) выборов

«Система государственного управления последовательно адаптируется к существующим реалиям. Таким образом, нельзя исключать, что в какой-то момент будет изменена и принципиальная парадигма, которую до этого власть диктовала обществу. Мол, большинству следует держаться несколько в стороне от того мероприятия, которое военные профессионалы блестяще проведут и сами»⁴⁶.

и во многом являются следствием «парадигмы», которой придерживаются органы власти с самого начала СВО – о том, что «жизнь идет своим чередом».

Схожие процессы можно наблюдать в эффективности самой системы государственного управления, где роль «позитивных тенденций» играют продолжающиеся активные меры Президента и Правительства РФ по приведению условий жизни в стране в соответствие с сутью исторического отрезка времени, который проходит Россия (включая и нарастающий характер внешних угроз, и вынужденную необходимость комплексных внутренних перемен в стране). А роль «тревожных моментов» играют многочисленные свидетельства того, что часть элиты по-прежнему не перестроилась на военные «рельсы», продолжая жить так, как будто СВО нет.

Некоторые из управлеченческих решений, принимаемых главой государства и Правительством РФ, представлены на *вкладке 4*. Мы же хотели бы отдельное внимание уделить ряду кадровых назначений, сделанных В.В. Путиным в целях обеспечения реальной (а не «на бумаге») работы кадровой программы «Время героев».

В декабре 2022 г. эксперты «Независимой газеты» отметили, что Кремль «всячески дистанцируется от любой чрезвычайной ситуации, подчеркивая, что гражданская и политическая жизнь внутри страны, несмотря на СВО, идет своим чередом»⁴⁷.

В сентябре 2024 г. глава Политической экспертной группы К. Калачев сказал о том, что «парадигма „жизнь течет своим чередом“ скорее всего продолжится, если не случится чего-то чрезвычайного или переломного»⁴⁸.

⁴⁵ Катасонов В.Ю. (2013). Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации» / научный редактор О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации. С. 144, 522.

⁴⁶ Родин И. Госуправление адаптируется к реалиям СВО // Независимая газета. 19.09.2024. URL: https://www.ng.ru/politics/2024-09-19/1_3_9097_veterans.html

⁴⁷ Гармоненко Д. Эсэры на всякий случай готовятся к выборам // Независимая газета. 15.12.2022. URL: https://www.ng.ru/politics/2022-12-15/3_8617_candidates.html

⁴⁸ Гармоненко Д. Социологи РАН вычисляют «коэффициент СВО» // Независимая газета. 29.09.2024. URL: https://www.ng.ru/politics/2024-09-29/1_3_9103_sociology.html?ysclid=m28po0quxc81413058

«К настоящему моменту **уже 10 участников** инициированной Президентом образовательной программы «Время героев» получили новые назначения на ответственные должности. Указом главы государства:

- ✓ Герой ДНР Артём Жога назначен полномочным представителем Президента Российской Федерации в Уральском федеральном округе.
- ✓ Герой России Артур Орлов Указом Президента Российской Федерации назначен руководителем «Движения первых».
- ✓ Алексей Кондратьев стал сенатором Российской Федерации.
- ✓ Герой России Игорь Юргин возглавил Министерство по делам молодёжи и социальным коммуникациям Республики Саха (Якутия).
- ✓ Александр Суразов возглавил Комитет по физической культуре и спорту Республики Алтай.
- ✓ Евгений Чинцов возглавил Городскую думу Нижнего Новгорода.
- ✓ Заур Гурциев стал первым заместителем главы города Ставрополя.
- ✓ Герой России Роман Кулаков стал депутатом Законодательного собрания Севастополя.
- ✓ Константин Яшин возглавил научно-производственный центр беспилотных авиационных систем «Самара».
- ✓ Герой России Владимир Сайбель стал заместителем начальника департамента социального развития ОАО «РЖД».

Ещё 10 участников программы «Время героев» получили кадровые предложения о переходе на новые места работы в Администрации Президента Российской Федерации, федеральных и региональных органах власти, государственных компаниях»⁴⁹.

Как отмечают эксперты, программа «Время героев» «задает мощный тренд формирования качественно нового класса управленческой элиты»⁵⁰, и в этом смысле можно лишь выразить надежду на то, что пассионарности, морально-нравственных качеств и квалификации её выпускников хватит для того, чтобы не стать «жертвами» «представителей либеральных кругов, которые всё ещё сидят во власти»⁵¹.

«Государственная система на то и представляет собой единый организм, чтобы отторгать всё чужеродное, что в него попадает. Попадая во власть, представитель контрэлиты должен либо **ассимилироваться системой, либо она его отторгнет**, да ещё и не без потерь для него самого, ведь умный пассионарий-идеалист опасен для глупого, ленивого, жадного до денег чиновника»⁵².

Однако, несмотря на все эти меры, которые в ежедневном режиме принимаются главой государства и правительством фактически на протяжении всего периода проведения СВО, в России по-прежнему отмечаются конкретные факты и эпизоды, которые свидетельствуют либо о неадекватном восприятии (недооценке) значительной частью элит сути исторического момента, либо об их сознательном саботаже тех трансформационных процессов внутри России, которые были запущены вместе с началом СВО (вкладка 5А).

Такие факты, с одной стороны, являются критериями эффективности государственного управления, поскольку выступают следствием общих (организационных, административных, политических, экономических, идеологических) условий, созданных в стране, с другой стороны, они категорически не вписываются в процесс «подстраивания России под достижение Победы».

⁴⁹ 20 участников программы «Время героев» вступили в новые должности и готовятся к переходу на более ответственные участки работы // Официальный сайт Президента РФ. 02.10.2024. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/6195>

⁵⁰ Исаиченко О. В российской власти пришло время Героев // Взгляд. 03.10.2024. URL: <https://vz.ru/society/2024/10/3/1290528.html?ysclid=m28q6ov8q7136017831>

⁵¹ Время либералов прошло. Новая элита будет состоять из тех, кто не предал // Царьград. 29.02.2024. URL: https://tsargrad.tv/news/vremja-liberalov-proshlo-novaja-jelita-budet-sostojat-iz-teh-kto-ne-predal_967197?ysclid=m2a716t1y880320580

⁵² Коровин В. Где вы, комиссары Путина? // Завтра. 16.03.2023. URL: https://zavtra.ru/blogs/gde_vi_komissari_putina

**Мониторинг нормативно-правовых актов (законов, указов), подписанных Президентом РФ
в период с 15 августа по 19 октября 2024 г.⁵³**

**МЕРЫ ПО ПОДДЕРЖКЕ УЧАСТНИКОВ СВОИХ ЧЛЕНОВ ИХ СЕМЕЙ, ПО РАЗВИТИЮ ВПК, МОВИЛИЗАЦИИ,
ОРГАНИЗАЦИИ ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ, ПОВЫШЕНИЮ АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ЗАЩИЩЕННОСТИ ОБЪЕКТОВ**

16 сентября – Указ № 792 «Об установлении штатной численности Вооруженных Сил Российской Федерации». Установлена штатная численность Вооруженных Сил Российской Федерации в количестве 2389130 единиц, в том числе 1500000 военнослужащих.

20 сентября – Указ «О Межведомственной комиссии Совета Безопасности Российской Федерации по комплектованию Вооруженных Сил Российской Федерации военнослужащими, проходящими военную службу по контракту». Утверждено Положение и состав Комиссии. Комиссия будет в т. ч. координировать деятельность госорганов и организаций по отбору кандидатов на военную службу по контракту; анализировать ход комплектования ВС РФ контрактниками; реализуемые для привлечения граждан в добровольческие формирования, содействующие ВС РФ в период мобилизации, военного положения, военного времени, при возникновении вооруженных конфликтов, ведении КТО и использовании ВС РФ за пределами страны; рассматривать предложения о мерах материального вознаграждения контрактников и социальной защиты их семей. Заседания комиссии будут проходить не реже одного раза в месяц.

30 сентября – ФЗ № 336 «О внесении изменений в статью 966 и 2201 Бюджетного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации, приостановлении действия отдельных положений Бюджетного кодекса Российской Федерации и об установлении особенностей исполнения бюджетов бюджетной системы Российской Федерации в 2024 году». Предусматривается возможность предоставления между бюджетных трансфертов бюджетам субъектов РФ на софинансирование расходных обязательств по оказанию медицинской помощи военнослужащим медицинскими организациями субъектов РФ в период проведения СВО; устанавливается особенности выполнения государственного (муниципального) задания на отдельных территориях (объектах) с повышенным уровнем террористической опасности.

2 октября – ФЗ № 340 «О внесении изменений в статью 781 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». Предусматривается возможность приостановления судом производства по уголовному делу, отмены меры пресечения и последующего освобождения от уголовной ответственности подсудимых, освобождения от наказания осуждённых в случае их призыва на военную службу в период мобилизации или в военное время в Вооружённые Силы Российской Федерации либо заключения ими в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракта о прохождении военной службы в Вооружённых Силах Российской Федерации, а равно лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений, во время прохождения военной службы в ВС РФ в период мобилизации, в период военного положения или в военное время.

⁵³ Данная вкладка представляет собой продолжение мониторинга наиболее важных нормативно-правовых актов, подписанных Президентом РФ, который мы ведем с июня 2022 г. Таким образом, данный мониторинг продолжается уже 19 месяцев, его результаты опубликованы в 10 статьях (первый выпуск мониторинга представлен в статье: Ильин В.А., Морев М.В. (2022). Трудная дорога после рубикона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 3. С. 9–41.

МЕРЫ ПО ЗАЩИТЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ, РЕГУЛИРОВАНИЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННЫХ АГЕНТОВ, ОБРАЗОВАНИЮ И ВОСПИТАНИЮ ПОДРАСТАЮЩИХ ПОКОЛЕНИЙ

22 августа – Указ № 716 «О Совете при Президенте Российской Федерации по реализации государственной политики в сфере поддержки русского языка и языков народов Российской Федерации». Согласно Положению, Совет является консультативным и координационным органом, образованным в целях сохранения, развития, поддержки русского языка и языков народов РФ, продвижения и укрепления позиций русского языка в мире, обеспечения прав граждан РФ на пользование русским языком как государственным языком РФ и языками народов РФ, а также в целях координации деятельности федеральных органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений, организаций культуры и искусства, научных, образовательных и иных организаций, в том числе некоммерческих организаций, осуществляющих деятельность в сфере международного гуманитарного сотрудничества, по вопросам, связанным с сохранением, развитием, поддержкой русского языка и языков народов РФ, продвижением и укреплением позиций русского языка в мире.

МЕРЫ ПО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОДДЕРЖКЕ ШИРОКИХ СЛОЕВ НАСЕЛЕНИЯ, УКРЕПЛЕНИЮ ЭКОНОМИКИ СТРАНЫ, В ТОМ ЧИСЛЕ НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ

6 сентября – Указ № 755 «Об утверждении состава Комиссии при Президенте Российской Федерации по вопросам стратегии развития топливно-энергетического комплекса и экологической безопасности». В Комиссии стал намного шире представлен силовой блок. В новый состав вошли глава Минобороны А. Белоусов, директор ФСБ А. Бортников, глава Ростехнадзора В. Золотов, глава МЧС А. Куренков, секретарь Совета безопасности С. Шойгу (ранее из силовых структур в комиссии были только директор СВР С. Нарышкин и глава МВД В. Колокольцев, они сохранили свои посты). Из гражданской части правительства новыми членами комиссии стали вице-премьеры Д. Тригоренко и В. Савельев, глава Минздрава РФ М. Мурашко и руководитель ФТС В. Пикалев.

18 сентября – Указ № 807 «О продлении действия отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации». До конца 2026 г. продлено действие контрсанкций, связанных с запретом ввоза в Россию отдельных видов с/х продукции, сырья и продовольствия из государств, которые ввели экономические санкции в отношении нашей страны.

«Кайфующие»⁵⁴ элиты

22 апреля президент компании «Норильский никель» В. Потанин объявил о планах по переносу мощностей завода в Китай к 2027 году. Миллиардер подчеркнул, что это «позволит уйти от больших потерь, которые вызваны имеющимися сейчас трудностями», а также связал перенос производства в Китай с наказом президента об улучшении экологии в Норильске.

А. Дроздов (депутат Госдумы от Красноярского края): «Речь идет не только о возможных отрицательных последствиях финансово-хозяйственного характера, но и о **сворачивании стратегически важных перерабатывающих производств, которые строились всей страной в тяжелейшие для нее годы**... Создается опасный президент, когда под **благовидным предлогом** (преодоление санкционного давления, улучшение экологии), вместо следования обозначенным президентом курсом на углубление высокотехнологичного развития, могут приниматься **необратимые решения, которые ведут к утрате уже имеющихся конкурентных преимуществ** в использовании природных ресурсов»⁵⁵.

В.А. Крюков (академик, директор ИЭ и ОПП СО РАН): «Российская Федерация не накладывает при получении лицензий (на право пользования недрами) на „Норильский никель”, как и на всех прочих отечественных недропользователей, **никаких условий и обязательств по проведению научно-технической политики**. Это нонсенс. **Такие обременения от собственника недр есть в каждой стране с мощным добывающим сектором... Рынок сам по себе такие вопросы не инициирует, не регулирует и не запускает. Это задача и обязанность государства – собственника недр»⁵⁶.**

28 апреля в газете «Завтра» опубликована статья российского историка, политолога, руководителя Рабочей группы Института стран СНГ по противодействию искажению истории И. Шишкина, где отмечается, что курируемый генералом Л.П. Решетниковым информационный ресурс «Наследие Империи» обвинил Сталина в том, что он приунуил Гитлера напасть на СССР в 1941 году ради торжества своих захватнических планов, а после – в «вероломном» нападении на Японию. По заявлению редакции газеты «Завтра», «совершенно очевидно, что „Наследие Империи” транслирует базовый поступат западной пропаганды, взятый на вооружение киевским режимом и прибалтийскими этнократиями. Речь идет о формуле, согласно которой Советский Союз и Третий рейх несут равную ответственность за развязывание Второй мировой войны»⁵⁷.

⁵⁴ Кургинян С. Украина рассчитывает склоннуть доктрину кайфующей и воюющей Российской // Программа «Суть времени». 21.09.2024 // Информационное агентство Красная весна. 03.10.2024. URL: <https://rossiapravda.ru/news/caa70312?ysclid=186009988>

⁵⁵ В Госдуме потребовали публичных слушаний по поводу переноса завода «Норникеля» в Китай // Накануне.ру. 28.05.2024. URL: <https://www.nakanune.ru/news/2024/05/28/22772249/>

⁵⁶ Гётманов В. Проблемы «Норникеля» // Завтра. 19.09.2024. URL: <https://zavtra.ru/blogs/problems/nornikelya>

⁵⁷ Шишкин И. Атака на Победу // Завтра. 28.04.2024. URL: https://zavtra.ru/blogs/ataka_na_pobedu?ysclid=1m24fp006ro210446049

Продолжение вкладки 5А

21 августа депутат ЗСО Свердловской области А. Коробейников сообщил о том, что заключил контракт с Минобороны и уехал добровольцем в зону проведения СВО. 5 сентября было обнаружено, что народный избранник «проходит службу» в Федеральном казенном учреждении «бб Финансово-экономическая служба» Министерства обороны РФ, которая дислоцируется в Екатеринбурге и занимается госзакупками. Как отметил Н. Михалков в программе «Бесогон», «цель публичной активности депутата заключается в получении статуса участника СВО, чтобы получить 25% льготу на участие в праймериз Единой России и далее пролезть таким образом в Государственную Думу.. в военное время это – преступление».

29 августа по делу о мошенничестве в особо крупном размере отправлен в СИЗО бывший замминистра обороны П. Попов; «один из наиболее близких к С. Шойгу людей в военном ведомстве. По данным следствия, он организовал выполнение строительных и ремонтных работ, поставку материальных ценностей себе на загородный участок за счет парка «Патриот». Кроме того, через своих подчиненных он принуждал руководителей коммерческих организаций, имеющих договорные отношения с парком «Патриот», выполнить строительно-монтажные работы у себя в загородных апартаментах, не оплачивая их. После постройки дома и благоустройства участка Попов продолжил обеспечивать за счет парка техническое и хозяйственное обслуживание своего участка площадью около 3 га. В 2021–2024 годах Попов, отвечая за развитие, обслуживание и работу парка «Патриот», обогащался за счет этого учреждения, действующая совместно с директором парка В. Ахмедовым и замглавы Главного управления инновационного развития Минобороны РФ В. Шестеровым...»⁵⁸ «Есть мнение, что предъявленные Попову обвинения – лишь верхушка айсберга. Мол, именно он как куратор инновационного развития Минобороны должен был вести и продвигать тему внедрения беспилотников»⁵⁹.

12 сентября студента факультета компьютерных наук НИУ «Высшая школа экономики» А. Дорошенко выложила в Сеть ролик, где плюёт (в буквальном смысле слова) на плакат о контрактной службе в Вооружённых Силах РФ. В суде девушка заявила, что в момент плевка находилась в состоянии алкогольного опьянения и якобы не отдавала отчёта своим действиям. Суд назначил ей штраф в 40 тыс. руб. Вскоре студентка ВШЭ «записала новое видео, в котором продолжила глумиться; дала понять, что не относится к случившемуся серьёзно, оскорбила Россию и Президента».

А. Иванов (эксперт газеты «Завтра»): «С того – Дорошенко оказалась типичной представительницей „золотой молодёжи“, привыкшей к вседозволенности. Дочь крупного столичного бизнесмена, медиаменеджера Романа Дорошенко, чья компания ранее занималась дистрибуцией журнала „Бурда“». М. Ахмедова (главный редактор ИА Regnum, член Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека): «...ей 40 тысяч – ни о чём. Ещё спасибо скажет за рекламу»⁶⁰.

⁵⁸ Бывший генерал армии Павел Попов отправлен под арест в СИЗО // Независимая газета. 29.08.2024. URL: https://www.ng.ru/politics/2024-08-29/2_9082_news1.html

⁵⁹ Чнова сработала «папочка Приложина»? Арест генерала Попова. Неизвестные факты о бывшем заме Шойгу // Царыград. 30.08.2024. URL: https://tsargrad.tv/news/snova-srabotala-papochka-prigozhina-arest-general-a-popova-neizvestnye-fakty-o-buyshem-zame-shoigu_1047416

⁶⁰ Иванов А. Плюнувшая на плакат с изображением российских военных студенток ВШЭ – дочь крупного бизнесмена // Завтра. 24.09.2024. URL: https://zavtra.ru/events/pliyunuvshaya_na_plakat_s_izobrazheniem_rossijskikh_voennih_studentok_vshe_doch_ktrupnogo_biznesmena

Окончание вкладки 5А

18 сентября в головном офисе компании Wildberries, который находится в бизнес-центре «Романов Двор» напротив Кремля, была открыта стрельба (2 человека погибли, 7 ранены). Всё происходило в стиле разборок 90-х, что вызвало широкий общественный резонанс. К. Кабанов (глава Национального антикоррупционного комитета, член СПЧ): «Битва за Wildberries показала серьёзную проблему. **Бизнесмены снова почувствовали безнаказанность и дошли до беспредела. В самом центре Москвы, буквально возле Кремля, организованные и вооружённые группы лиц устроили бандитскую перестрелку в духе 90-х».** «Разумом я понимаю, что делят многомиллиардный бизнес (маркетплейс закончил прошлый год с выручкой в 539 млрд рублей), сошлись мощные крьши, которым вообще наплевать на закон и всё ниочём. Но я не могу и не хочу этого принять, поскольку это **полный беспредел, уже починце 90-х**. Это беспредел, при котором в центре столицы случайные люди становятся заложниками этих азартных бандитских разборок»⁶¹.

21 сентября — сын губернатора Оренбургской области Д. Паслера (резко критикующего Запад, заявлявшего о том, что «все мои личные активы — семья, дом, друзья, работа — в России» и имеющего допуск к гостайне), улетел в США играть в хоккей за американскую команду (ранее другой сын губернатора Паслера учился в Лондоне.). Как отмечают эксперты, «Денису всего 16, и сам принять такое решение без разрешения родителей он, конечно, не мог».

Я. Поплавская (актриса): «Как чиновники Оренбургской области прививают патриотизм своим детям? Сын бывшего мэра Орска Козулицы покупает квартиру в Дубае. Сын самого губернатора Паслера играет за американскую команду. Неужели так глохи дела в Оренбуржье, что дети уезжают не то что из региона, а из страны? **Тогда как Паслер перебирался на пост губернатора с результатом 70 процентов? Не складывается!**»

18 октября арестованы замначальника полиции по оперативной работе регионального УМВД Е. Старцев и начальник Управления по контролю за оборотом наркотиков УМВД России по Тульской области А. Лебедев. Оба задержаны по подозрению в организации незаконной миграции⁶².

24 октября — по уголовному делу о мошенничестве при ликвидации убыточных шахт и разрезов в Кузбассе задержаны заместитель министра энергетики РФ С. Мочальников и А. Яновский, его предшественник, который занимал пост замминистра энергетики на протяжении почти двух десятков лет... Прямой ущерб по делу пока составляет 500 млн рублей, косвенный — более 12 млрд руб. Как отметил политолог М. Баширов, «этот лишь первый шаг и будут ещё события, сотрясающие отрасль»⁶³.

⁶¹ Разборки в стиле 90-х. Битва за Wildberries показала серьёзную проблему. Есть два решения // Царьград. 19.09.2024. URL: https://tsargrad.tv/news/razborki-v-style-90-h-bitva-za-wildberries-pokazala-serioznuju-problemu-est-dva-reshenija_1056443

⁶² Миграционный скандал в тульской полиции: еще один полковник арестован // Электронное периодическое издание «Моя слобода» (Тульская область). 18.10.2024. URL: <https://myso.ru/news/tula/2024-10-18-migracionnyj-skandal-v-tul-skoj-policii-eshe-odin-polkovnik-arestovan>

⁶³ Иванов А. В четверг сотрудник ФСБ скрутили бывшего и действующего замов главы Минэнерго РФ // Завтра. 25.10.2024. URL: https://zavtra.ru/events/v-chetverg_sotrudniki_fsb_skrutili_bivshego_i_dejstvuyushhego_zamov_glavi_minenergo_rf

По большому счету, факты, представленные на вкладке 5А, являются наглядным свидетельством отношения значительной части «кайфующей» (как её называет политолог С. Кургинян) элиты к СВО и стране в целом; к её настоящему и будущему. И именно это отношение во многом ложится в основу более глубоких, системных проблем государственного управления (некоторые из них представлены на вкладке 5Б). В итоге мы получаем прямое доказательство и раскрытие сути тезиса одного из экспертов газеты «Завтра» Н. Сорокина о том, что большинство из «несвинтивших» из страны после начала СВО представителей элит «осталось и продолжает разлагать государство и общество изнутри»⁶⁴. И это как раз то, о чём говорит А. Дугин, указывая на необходимость в срочном порядке «подстраивать страну под достижение Победы».

Приведенные факты поведения элит и системных проблем государственного управления, на которые обращают внимание эксперты,

вполне логично объясняют причину роста популярности в российском обществе И.В. Сталина.

На фоне специальной военной операции к этой исторической фигуре приковывается всё большее внимание: устанавливаются памятники, открываются музеи⁶⁵ и т. д. Как мы отмечали в одной из предыдущих статей⁶⁶, это происходит во многом по причине того, что «текущая ситуация в России как две капли воды оказалась схожа с ситуацией середины 30-х годов прошлого века в СССР»⁶⁷, и тогда только «сильная рука», жесткие меры и дисциплина во всех сферах жизни, начиная с системы государственного управления, позволили Советскому Союзу подготовиться и в конечном итоге сохранить государство при нападении фашистской Германии (кстати, активно финансируемой крупными корпорациями таких западных стран, как США, Великобритания и т. д.⁶⁸).

⁶⁴ Сорокин Н. Мобилизация духа // Завтра. 30.08.2024. URL: https://zavtra.ru/blogs/o_radikalizacii_vojni_i_soprovodzhdayushej_eyo_ideologicheskoy_sferi?ysclid=m24gthpfc362121921

⁶⁵ Города, в которых появились памятники И. Сталину после начала СВО:

15 сентября 2022 г. – п. Ашукино, Московская область;

6 декабря 2022 г. – г. Набережные Челны, Республика Татарстан;

1 февраля 2023 г. – г. Волгоград, Волгоградская область;

9 мая 2023 г. – Краснодарский край, г. Сочи;

23 июня 2023 г. – г. Звенигород, Московская область;

28 июня 2023 г. – в Нижегородской области началось строительство «Сталин-центра»;

15 августа 2023 г. – г. Великие Луки, Псковская область;

6 октября 2023 г. – с. Первомайск, Республика Мордовия;

24 октября 2023 г. – г. Орлов, Кировская область;

16 декабря 2023 г. – в г. Барнаул (Алтайский край) открыт «Сталин-центр»;

20 августа 2024 г. – с. Курейка, Красноярский край;

11 октября 2024 г. – губернатор Вологодской области сообщил о готовящейся установке памятников И. Сталину и И. Грозному в областной столице.

⁶⁶ Ильин В.А., Морев М.В. (2023). Система олигархического капитализма в России противоречит достижению целей специальной военной операции // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 4. С. 9–37.

⁶⁷ Гапоненко А. Сталинская революция // Завтра. 10.08.2023. URL: https://zavtra.ru/blogs/voprosi_stalinizma_8

⁶⁸ Многие эксперты, опираясь на конкретные исторические факты и свидетельства, уже давно говорят о том, что «Гитлер **взяли на содержание** американцы» (комментарий писателя, общественного деятеля Н. Старикова) и «он был **явным ставленником** англосаксонской элиты и мирового капитала» (комментарий генерал-полковника, президента Академии геополитических проблем Л. Ивашова). Источник: комментарии к статье Горевого Р. Проект «Гитлер». Как Лондон и Вашингтон создали Третий рейх // Сайт Н. Старикова. 06.01.2020. URL: <https://nstarikov.ru/proekt-gitler-kak-london-i-vashington-sozdali-tretij-rejh-112122>

Некоторые системные проблемы государственного управления

1. «Мигрантское лобби». Председатель Национального антикоррупционного комитета, член СПЧ К. Кабанов указал, что, как только в России заговорили об ужесточённом режиме регулирования миграции, тут же началось давление со стороны бизнеса: «Противодействие лоббистов прошло сильнейшим образом. Мы буквально с большим трудом, с большим напрямом приняли ряд законов... „золотой миллиард“, те его представители, которые живут у нас, выступают за мигрантов. Элита в России уже, по сути, раскрыла карты... Они считают, что без разницы, ком будет заселена Россия. У нас такие люди во власти есть, которые де-факто говорят следующее: «Мы верхушка, часть „золотого миллиарда“, а кто внизу – без разницы. Будет там русских больше или кого-то ещё – всё равно»⁶⁹. По данным Следственного комитета РФ, «за 8 месяцев 2024 г. иностранцами совершено более 26 тыс. преступлений (по всем правоохранительным органам), при этом по сравнению с аналогичным периодом прошлого года отмечается увеличение на 12% числа тяжких деяний со стороны присезжих. Практически втрое увеличилось число преступлений, совершенных, нелегалами»: с 2880 до 8059. Также с 5868 до 9708 возросло количество преступлений со стороны трудовых мигрантов. Кроме того, с 7 до 11 тыс. увеличилось число преступлений приезжих, получивших гражданство РФ менее десяти лет назад. В этом году мигрантами совершено 73 деяния экстремистской направленности, в то время как годом ранее их число составляло 59 преступлений»⁷⁰.

2. «Неразбериха в формировании образовательной политики». «С 1 сентября 2024 года в школьную программу по физкультуре по решению Минпросвещения РФ добавили гольф, чирлидинг, роллер-спорт и городской спорт... ряд новшеств даже не успел прижиться, как вышел приказ об их отмене... Минпросвещения России собирается убрать со следующего учебного года гольф и чир-спорт из школьных уроков физкультуры, так как они не соответствуют „отечественному историческому опыту и традициям“⁷¹. Все это невольно порождает подозрения о неразберихе в делах и помыслах тех, кто сегодня отвечает за формирование образовательной политики в стране... приходится констатировать, что метания Минпроса, – включить в учебные программы гольф и чир-спорт – исключить; исключить астрономию – включить снова; отказаться от черчения – вновь вернуть; вычеркнуть из расписания трудовое воспитание – добавить... – все это свидетельствует, что образовательная политика у нас пока не может похвастаться четким видением цели»⁷².

3. «Рост гражданского строительства в военное время». «Люди задают вопросы, где же бетонные сооружения для хранения боеприпасов, выдерживающие ядерный взрыв. Ответ такой – там же, где бетонные капониры для защиты самолётов и бетонные укрепления линий обороны. И дело не только в коррупции, а в том, что страна так до сих пор не перевела структуру экономики на военные рельсы. Для массового строительства бетонных сооружений военного назначения необходим тот самый бетон, но откуда ему взяться, если его практически полностью выбирает аномально растущая гражданская строительная отрасль. Рост гражданского строительного сектора в военное время – это девиация. Такого никогда не было ни в одной стране, ведущей масштабную войну. Поэтому что в военное время промораживают гражданский сектор, чтобы обеспечить фронт. Это как закон сохранения энергии, – количество бетона ограничено и вопрос в распределении приоритетов...»⁷³

⁶⁹ «Золотой миллиард» – за мигрантов. Элита в России раскрыла карты: «Мы верхушка, кто внизу – без разницы» // Царьград. 29.08.2024. URL: https://tsargrad.tv/articles/zolotoj-milliard-za-migrantov-jelita-v-rossii-taskryla-karty-pu-verhushka-ko-upizu-bez-raznicy_1046577

⁷⁰ Иванов А. СКР сообщил о почти трёхкратном росте числа преступлений нелегальных мигрантов // Завтра. 02.10.2024. URL: https://zavtra.ru/events/skr_soobshil_o_pochti_tryohkratnom_roste_chisla_prestuplenij_nellegal_nih_migrantov?scid=m24l0pr9d9277636059

⁷¹ Савинская Н. Чир-спорт, буллинг, гендер – этих слов больше нет в школьной программе // Независимая газета. 25.09.2024. URL: https://www.ng.ru/vision/2024-09-25/8_9101_program.html?ysclid=m1owchu9uj879626704

⁷² Иванов А. Рост гражданского строительного сектора в военное время – это девиация // Завтра. 21.09.2024. URL: https://zavtra.ru/events/rost_grazhdanskogo_stroitel_nogo_sektora_v_voennoe_vremya_eto_deviaciya?ysclid=m24lyxcb0252785921

4. «Проблемы экономики России – результат неоднозначной деятельности финансового блока нашей собственной власти». Экономист А. Подойниченко обратил внимание на два разнонаправленных вектора во внутриэкономическом пространстве: «В стратегиях, которые подписал президент России В. Путин, ставятся такие задачи, как определяющие темпы роста экономики, устранение технологического гэпа с развитой частью западного и восточного мира, 33 квадратных метра на человека к 2030 году и 38 – к 2036-му. И так далее... Но, с другой стороны, есть большой блок документов за авторством наших либеральных экономистов, прежде всего из ЦБ. В них говорится о необходимости достижения сбалансированных темпов роста – от 0,5 до 1,5%. Де-факто там говорится про якобы эпический перетрев экономики, самый серьёзный за последние 16 лет. Про излишний рост зарплат, про нехватку всего: трудовых ресурсов, производственных мощностей... Если мы посмотрим на два этих блока документов, то увидим, что они находятся в перпендикулярных друг другу плоскостях... В результате мы имеем ситуацию, когда Центробанк, по сути, блокирует реализацию политики Кремля»⁷³. Экономист А. Лежава: «После повышения ключевой ставки люди понесли сбережения в банки... Для банков это идеальная схема: взять у населения деньги и получить гарантированную прибыль без усилий и рисков. Получается, что подрубается реальный сектор экономики, потому что предприятиям крайне сложно, если не бесстыдно, кредитоваться под новые ставки»⁷⁴.

5. «Закрытие Большой российской Энциклопедии».

«Правительство РФ приняло решение о закрытии Большой российской Энциклопедии (БРЭ), которая создавалась почти два десятилетия... база накопленных материалов перейдет в интернет-энциклопедии Рувики. Это русскоязычный аналог глобальной системы «Википедия». Сотни тысяч публикаций БРЭ, став частью Рувики, **растворятся в миллионе других текстов**. Представить, что академики РАН смогут идти в ногу с темпами интернет-энтузиастов, пополняющих чрево Рувики, попросту невозможно: **любая научная верификация требует времени...** Полагать, что Рувики может компенсировать БРЭ, неверно: у них разные задачи. Один ресурс накапливает массу знаний, другой – систематизирует и верифицирует... Представить, что англичане закроют Британнику, потому что есть Википедия, наивно и даже смешно»⁷⁵.

6. «Доля отечественной электронно-компонентной базы (ЭКБ) измеряется всего несколькими процентами. Российские телекоммуникации базируются почти исключительно на импорте». По данным Минпромторга, «с 2026 г. в российском телекоммуникационном оборудовании (ТКО) должно быть не менее 10% отечественной электронной компонентной базы, в 2028-м – уже 30%, а с 2030-го – 60%. Можно предположить, что на сегодняшний день **доля отечественной ЭКБ измеряется всего несколькими процентами**. **Все наши телекоммуникации на сегодняшний день базируются почти исключительно на импорте!** Отечественные эксперты на протяжении многих лет предупреждали, что закупки импортной электроники крайне опасны для нашей безопасности... она может дать команду заблокировать работу оборудования, остановить работу целого предприятия, вывести из строя компрессоры на трубопроводах. **И даже нарушить управление нашей военной техникой и оружием.** И даже не только **нарушить или остановить, а просто взорвать, разнести в клочья**»⁷⁶ (также как взрывались ТКО в Ливане 17–18 сентября 2024 г.).

⁷³ Малофеев К. Ну сколько можно? // Царьград. 07.08.2024. URL: https://tsargrad.tv/slovo/nu-skolko-mozhno_1037701

⁷⁴ Банищевская Ю. Ограбление народа с помощью инфляции: Люди понесли деньги в банки, которые отнимет денежная реформа? // Царьград. 25.08.2024. URL: https://tsargrad.tv/articles/ograblenie-naroda-s-pomoshchju-infliacii-judi-ponesli-dengi-v-banki-kotorye-otmimet-denezhnaja-reforma_1042508

⁷⁵ Интернет-энтузиасты отнеслиают докторов наук отроссийской энциклопедии // Независимая газета. 09.10.2024. URL: https://nvo.ng.ru/editorial/2024-10-09/2_9111_red.html?ysclid=m28lafcs7266760168

⁷⁶ Катасонов В. Необходимо «цифровое разминирование» России // Завтра. 11.10.2024. URL: https://zavtra.ru/blogs/neobhodimo_srochnoe_tcfirovoe_razminirovaniye_rossii_ili_budet_kuda_strashnee_chem_v_bejzite?ysclid=m28qa998ay369795740

Но необходимо отметить, что рост популярности Сталина в современном российском обществе начался задолго до февраля 2022 года. По данным общероссийских социологических исследований, за период с 2001 по 2021 год (то есть до начала СВО) доля россиян, положительно относящихся к Сталину, увеличилась на 22 п. п. (с 38 до 60%); отрицательных — снизилась на 32 п. п. (с 43 до 11%; *рисунок*).

Другими словами, нарастающая в обществе потребность в «сильной руке» и «железном кулаке», причем (как отмечают эксперты) «не для всех, а для верхушки; для олигархов и министров, которые воруют», отражает мнение людей об эффективности государственного управления в целом, а не только о том, каким оно должно быть в условиях беспрецедентных внешних угроз со стороны коллективного Запада. Внешние обстоятельства (пандемия, СВО) лишь усилили эту оценку общества.

«В России к настоящему моменту насчитывается 110 памятников И. Сталину, установленных в публичных местах, за исключением музеев. При этом только 9 из них сохранились с советских времён, 5 были установлены в 90-е годы, а 96 из них появились уже в XXI веке»⁷⁷.

«Люди говорят: при Сталине не было такой коррупции, верхушка не отдыхала на Мальдивах, у них не было этих домов, комнат, набитых деньгами. Это представление еще и о сильной руке, о железном кулаке. Люди говорят: сильная рука — это же не для всех, это для верхушки. Сегодня сильная рука нужна, опять же, не для всех, репрессии нужны в отношении тех, кто ворует: олигархов, министров»⁷⁸.

Отношение российского общества к фигуре И.В. Сталина, % от числа опрошенных

Формулировка вопроса: «Как Вы лично в целом относитесь к Сталину?». В вопросе фигурирует 9 вариантов ответа. На данном графике представлены объединенные варианты (без учета тех, кто отметил «безразлично», «затрудняюсь ответить» и «я не знаю, кто такой Сталин»):
 положительно — варианты «с уважением», «с симпатией», «с восхищением»;
 отрицательно — «с неприятием, раздражением», «со страхом», «с отвращением, ненавистью».
 Источник: данные Левада-Центра* (пресс-выпуск 15.08.2023 «Отношение к Сталину». URL: <https://www.levada.ru/2023/08/15/otnoshenie-k-stalinu/>).

⁷⁷ «Сталин-центр» и еще 96 памятников вождю. Зачем народу так много Сталина? // Новые известия. 20.12.2023. URL: <https://newizv.ru/news/2023-12-20/drugoy-stalin-chto-na-samom-dele-kroetsya-za-volnoy-populyarnosti-ottsa-naroda-425354>

⁷⁸ Комментарий результатов исследования директора Левада-Центра* Д. Волкова (Источник: Возвращение генералиссимуса / Пресс-выпуск Левада-Центра*. 13.09.2021. URL: <https://www.levada.ru/2021/09/13/vozvrashchenie-generalissimusa/>).

*Внесен в реестр иностранных агентов.

Таким образом, между процессами, которые отмечают эксперты по итогам проведения региональных выборов, между тем, что фиксируют социологи в динамике изменений социальных настроений российского общества, и между конкретными фактами, отражающими процессы, которые характеризуют эффективность системы государственного управления, существует тесная связь.

Это делает региональные выборы своего рода моделью общественных отношений и оценки эффективности государственного управления. Но главный вопрос, разумеется, не в том, насколько нужны или не нужны в нынешних условиях региональные выборы с их диагностической функцией, а в том, что именно они показывают, какие процессы протекают в нашей стране на фоне продолжающейся спецоперации и постепенного нарастания угрозы прямого конфликта с НАТО.

Все три проанализированные «плоскости» (или «сфера») говорят о том, что в России сохраняется (а может даже и крепнет) разделение страны на две части – «воюющую» и «кайфующую» (как говорит российский политолог, активный общественный деятель С. Кургинян). И это – её самая уязвимая сторона, поскольку именно на использование этой двойственности, противоречивости нашей страны делает «ставку» коллективный Запад в своей прокси-войне с использованием «киевского режима».

Тот факт, что значительная часть российского общества, и прежде всего его элитарные круги, еще «не проснулась», имеет веские основания: «За резкость пробуждения ответственна глубина сна..., а мы слишком долго жили в искаженном представлении о мире, о нас самих, о Западе и его универсальности. Нас слишком долго убаюкивали лживые басни о мире во всем мире и беспечном чисто материальном развитии»⁷⁹.

В этих условиях ключевая ответственность ложится на законодательную власть, которая

С. Кургинян: «Украинский враг и поддерживающий его коллективный Запад усиленно работают на то, чтобы уничтожить существующую концепцию «двух России» – «кайфующей» и «воюющей»... У существующей сейчас «тактической программы» страны, согласно которой одни воюют, а в российских регионах люди живут, как прежде – «есть свои плюсы». Если тактика изменится, то «сильно капризная часть населения», привыкшая жить в шоколаде, «может и возбухнуть»...

И они [украинцы] на это работают, они об этом прямо говорят, что их задача в конечном итоге – не военные успехи, что они спалят еще дофига людей на Курском направлении, что они понимают его локальность, что ни черта они там не добились по-крупному, и что это будет все стёрто. Но они считают, что в этот момент они изменят эту концепцию кайфующей и воюющей России, показав кайфующей, что ей плохо, и создадут внутриполитическую нестабильность. И скомпрометируют, с одной стороны, радикальные силы, с другой стороны – либеральные.

Нашим ответом на это может стать только одно – превращение нами нашей страны в «единую и поддержанную народом концепцию воюющей России», усиленно готовящейся к будущим, еще более крупным неприятностям»⁸⁰.

обладает реальными инструментами, с одной стороны, для **ужесточения дисциплины и повышения персональной ответственности** во всех основных сферах жизни (прежде всего в тех, которые потенциально могут создавать наиболее значимые угрозы национальной безопасности), а с другой стороны – для **снижения возможностей влияния и лоббирования своих интересов самыми разными элитными группами** в этих сферах.

⁷⁹ Дутин А. России нужна тотальная милитаризация // Изборский клуб. 11.03.2024. URL: <https://izborsk-club.ru/25427>

⁸⁰ Кургинян С. Украина рассчитывает схлопнуть доктрину кайфующей и воюющей России // Программа «Суть времени». 21.09.2024 // Информационное агентство Красная весна. 03.10.2024. URL: <https://rossaprimavera.ru/news/caa70312?ysclid=m204snstfk186009988>

Яркий пример – ужесточение миграционного законодательства. Еще в 2022 году глава МВД В. Колокольцев говорил о том, что «есть 16 ведомств, которые заинтересованы в труде мигрантов»⁸¹. В 2024 году член Совета при президенте РФ по правам человека (СПЧ), глава Национального антикоррупционного комитета К. Кабанов констатировал, что «„подрывная“ деятельность миграционных лоббистов, среди которых в основном строительные олигархи, этноолигархи – владельцы самых крупных рынков, различных сервисов, маркетплейсов, дельцов от ЖКХ и некоторых глав регионов, небезуспешно продолжается»⁸².

С начала 2024 года Государственной Думой РФ было принято 7 законов в сфере контроля над миграцией⁸³. 16 октября 2024 года в первом чтении единогласно были приняты два законопроекта из «миграционного пакета», согласно которым уголовная ответственность за организацию нелегальной миграции усилится, а незаконное пребывание в России станет отягчающим обстоятельством при совершении любых преступлений. Кроме того, Председатель Государственной Думы РФ В. Володин предложил исключить здравоохранение и образование из списка сфер, работа в которых дает право на упрощенное получение вида на жительство⁸⁴.

Как отметил депутат Государственной Думы С. Обухов, законодатель поступает «исключительно в интересах наших избирателей, защищая от жуликов и проходимцев»⁸⁵, и это становится наглядным образцом того, как государство за счет имеющихся у него механиз-

С. Обухов (депутат Государственной Думы РФ): «...до последнего времени в России существовали правовой „вакуум“, многочисленные прорехи в законодательстве. А с нелегальной миграцией надо обязательно прекращать – и чем раньше, тем лучше. Ей нужно поставить заслоны на всех этажах государственной власти... И прежде всего за счет ужесточения наказания – как самим незаконным мигрантам, так и организаторам их узаконивания»⁸⁶.

мов и инструментов способно брать под свой контроль те сферы, которые являются системообразующими для защиты национальных интересов страны. Правда, нельзя забывать и о том, что многие из этих сфер крайне «чувствительны» для общества, и поэтому (на чем регулярно акцентирует внимание Президент⁸⁷) в законотворческих инициативах со стороны государства очень важно «не перегнуть палку».

Таким образом, в настоящее время (с начала СВО) курс национального развития, которым идет Россия с момента первого президентского срока В.В. Путина, проходит свою, пожалуй, самую серьезную «проверку на прочность». Наша страна уже доказала несостоятельность представлений коллективного Запада о том, что только в союзе с Украиной она способна быть империей⁸⁸, или «государством-цивилизацией» (как отмечено в обновленной Концепции внешней политики РФ⁸⁹). По мнению экспертов, «сегодня очевидно, что Россия в мире

⁸¹ Горевой Р. Гаster-крыша // Наша версия. № 41. 24.10.2022. URL: <https://versia.ru/rabochej-sile-iz-srednej-azii-pokrovitelstvuuyut-16-vedomstv?ysclid=m2efacjvfq302434325>

⁸² «Подрывная» деятельность миграционных лоббистов в России небезуспешна // РИА «Новый день». 04.07.2024. URL: <https://newdaynews.ru/authors/831404.html?ysclid=m2ef6nua79393811603>

⁸³ Веретенникова К. И пусть никто не уйдет ненаказанным // Коммерсант. 16.10.2024. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7232760?ysclid=m2egb6pr13295480662>

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Обухов С. Системный кризис в миграционной политике очевиден, только «латанием дыр» с ним не справиться // Сайт КПРФ. 18.10.2024. URL: <https://kprf.ru/dep/gosduma/activities/229535.html?ysclid=m2efhnsm8g47870165>

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ См., например: совещание по вопросам развития транспортной отрасли 1 мая 2020 г.; ежегодная пресс-конференция 17 декабря 2020 г.; заседание Совета по развитию гражданского общества и правам человека 9 декабря 2021 г.; Послание Федеральному Собранию РФ 21 февраля 2023 г.; совещание по вопросам развития оборонно-промышленного комплекса 15 мая 2024 г.; встреча с лауреатами всероссийских конкурсов в сфере образования 3 октября 2024 г.

⁸⁸ «Россия может быть либо империей, либо демократией, но не тем и другим одновременно... Без Украины Россия перестает быть империей, с Украиной же, подкупленной, а затем и подчиненной, Россия автоматически превращается в империю» (Источник: Brzezinsky Z. (1994). The Premature Partnership. *Foreign Affairs*, 73 (2), p. 71).

⁸⁹ Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации: Указ Президента РФ № 229 от 31.03.2023.

существует независимо от степени близости с какой-либо страной или группой стран... это мощный фактор нормализации процесса развития и оценки фундаментальных рисков и возможностей. **Россия может быть великой и важной державой независимо от степени интеграции с другими странами**⁹⁰.

Глазьев С.Ю.: «Фронт не должен восприниматься как что-то далекое, происходящее не с нами. Фронт должен проходить через каждое предприятие, каждое государственное учреждение, сердце каждого россиянина. Солдаты выполняют свой долг на передовой, офицеры делают все для победы в штабах, а каждый гражданин должен приближать победу ударным трудом на своем рабочем месте. Граждан, которые не хотят работать, необходимо привлекать к дезертирам на фронте и не иметь к ним жалости. Директор предприятия, которое не выполнило план, утвержденный правительством, должен быть наказан. Причем наказания надо ужесточить в разы. С либерализмом необходимо покончить, ему не место в условиях тотальной войны, которую Запад ведет против русской цивилизации»⁹¹.

Михалков Н.С.: «Самое главное – если не будет мобилизации внутренней, всеобщей мобилизации не избежать»⁹².

Однако «проверка на прочность» еще не пройдена окончательно, и многое в деле её успешного прохождения зависит от внутренней ситуации в стране, от способности государства привести все ключевые сферы жизни в соответствие с вызовами без преувеличения «поворотного» момента истории.

По сути, это означает преодоление всё ещё сохраняющегося в нашей стране противоречия между, с одной стороны, вполне однозначной и очевидной угрозой её существованию, а с дру-

«Главным врагом России является „благополуччество“ элиты. Невроз благополучия у российской элиты выражается в желаниицепляться за любые обстоятельства, дающие надежду на восстановление отношений с Западом... за „благополуччество“, выражющееся представлениями о том, что, несмотря на боевые действия, „всё в шоколаде“, можно цепляться только находясь в невротическом состоянии. А в невротическом состоянии не выживают, не побеждают, а гибнут»⁹³.

гой стороны – двойственностью разделения на «кайфующую» и «воющую» части общества (особенно его элитарных кругов).

Для этого у государства есть механизмы и инструменты, есть практический опыт. Главная сложность (точнее, даже искусство) заключается в том, чтобы диагностировать «болевые точки» вовремя и в процессе «лечения» соблюсти баланс между интенсивностью принятия управленческих решений, достаточной для ограничения частных интересов элитных групп в пользу интересов национальной безопасности, и осторожностью, необходимой для сохранения социальной стабильности в стране.

А что касается общества, то оно уже не раз доказывало и продолжает доказывать (о чем говорят итоги выборов и результаты социологических исследований) свою поддержку курса национального развития, а также решений, принимаемых главой государства. В том числе и в трудные для страны времена, включая период проведения СВО. И эта поддержка, безусловно, будет еще более ощутимой в том случае, если широкие слои населения смогут ощутить на себе, на реальных, практических изменениях своей повседневной жизни результаты эффективности государственного управления по приведению «кайфующей» части элит, что называется, «в чувство».

⁹⁰ Ремчуков К. О Путине и России сегодня. Что нужно иметь в виду странам Запада // Независимая газета. 16.10.2024. URL: https://www.ng.ru/politics/2024-10-16/1_9116_ed.html?ysclid=m2eesrvtb7693691085

⁹¹ Глазьев С. Восстановление империи – спасение для России // Официальный сайт С.Ю. Глазьева. URL: <https://glazev.ru/articles/11-analitika-i-prognozy/112466-vosstanovlenie-imperii-spasenie-dlya-rossii?ysclid=m1ovswgyn635766457>

⁹² Михалков Н. Бесогон «Врать нельзя, а что можно?» // Официальный сайт «Бесогон ТВ». 20.09.2024. URL: <https://besogontv.ru/videos/vrat-nelyza-a-cto-mozhno/>

⁹³ Кургинян С. Интервью телеканалу БелТА. 13.07.2024. URL: https://vk.com/wall-29411306_601947

Литература

- Катасонов В.Ю. (2013). Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации» / научный редактор О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации. 1072 с.
- Скоробогатый П. (2022). Новая консолидация: итоги Единого дня голосования // Эксперт. № 38 (1267). С. 50–52.
- Шереги Ф.Э., Приведенцева О.С. (2024). Среднесрочный прогноз динамики жизненных установок россиян // Вестник Института социологии. Т. 15. № 3. С. 13–36.
- Brzezinsky Z. (1994). The Premature Partnership. *Foreign Affairs*, 73 (2), 67–82.

Сведения об авторах

Владимир Александрович Ильин – член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель организации, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: ilin@vsc.ac.ru)

Михаил Владимирович Морев – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: 379post@mail.ru)

Ilyin V.A., Morev M.V.

Special Military Operation and the Internal Mobilization of Society and Elites

Abstract. The article presents our view of the current state of Russian society after almost three years since the start of the special military operation. The objectivity of the results and the scientific novelty of the study are determined by a methodological approach that includes an analysis of federal, regional and municipal elections (according to official data from the Central Election Commission of the Russian Federation), all-Russian and regional sociological surveys, and expert assessments; management decisions made by the President and the Government of the Russian Federation, as well as specific facts reflecting the moral state of a significant part of the elite strata of the population. Based on the above factual basis, a conclusion is drawn about the continuing split of society (primarily elite groups) in relation to the special military operation and to those historical processes that it has triggered. This duality (largely conditioned by the specifics of public administration) can become a serious threat to national security in terms of implementing Russia's strategic goals in a civilizational conflict with NATO. We conclude that there is a need for internal mobilization of elites in order to bring the system of public administration and key areas of the country's life in line with the high level of threats to national security and the nature of the historical period of time in which the future of Russia is determined.

Key words: society, elites, elections, Single Voting Day, social processes, special military operation.

Information about the Authors

Vladimir A. Ilyin – RAS Corresponding Member, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, scientific director, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: ilin@vsc.ac.ru)

Mikhail V. Morev – Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: 379post@mail.ru)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ

DOI: 10.15838/esc.2024.5.95.2

УДК 338.27:316.4:314.08:51-77, ББК 65.05

© Шабунова А.А., Крошилин С.В., Ярашева А.В., Медведева Е.И.

Социально-экономические индикаторы национальных целей развития России: тенденции и прогноз

Александра Анатольевна ШАБУНОВА

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

e-mail: aas@vscn.ac.ru

ORCID: 0000-0002-3467-0921; ResearcherID: E-5968-2012

Сергей Викторович КРОШИЛИН

Институт социально-экономических проблем народонаселения им. Н.М. Римашевской
ФНИСЦ РАН

Научно-исследовательский институт организации здравоохранения и медицинского
менеджмента Департамента здравоохранения города Москвы

Москва, Российская Федерация

Рязанский государственный медицинский университет имени академика И.П. Павлова

Рязань, Российская Федерация

e-mail: krosh_sergey@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6070-1234; ResearcherID: J-2184-2018

Аиза Викторовна ЯРАШЕВА

Институт социально-экономических проблем народонаселения им. Н.М. Римашевской
ФНИСЦ РАН

Москва, Российская Федерация

e-mail: baktriana@rambler.ru

ORCID: 0000-0002-6041-7700; ResearcherID: A-9976-2017

Елена Ильинична МЕДВЕДЕВА

Институт социально-экономических проблем народонаселения

им. Н.М. Римашевской ФНИСЦ РАН

Научно-исследовательский институт организации здравоохранения и медицинского
менеджмента Департамента здравоохранения города Москвы

Москва, Российская Федерация

e-mail: e_lenam@mail.ru

ORCID: 0000-0003-4200-1047; ResearcherID: B-8964-2018

Для цитирования: Шабунова А.А., Крошилин С.В., Ярашева А.В., Медведева Е.И. (2024). Социально-экономические индикаторы национальных целей развития России: тенденции и прогноз // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 5. С. 40–54. DOI: 10.15838/esc.2024.5.95.2

For citation: Shabunova A.A., Kroshilin S.V., Yarasheva A.V., Medvedeva E.I. (2024). Socio-economic indicators of Russia's national development goals: Trends and forecast. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 17(5), 40–54. DOI: 10.15838/esc.2024.5.95.2

Аннотация. В статье представлены результаты авторского исследования по достижимости ряда социально-экономических показателей, которые заявлены в национальных целях развития России на период до 2030 года. Цель работы – проанализировать возможность достижения показателей, отражённых в национальных целях развития России, отдельными федеральными округами на основе построения прогноза и создания соответствующего рейтинга. Исследование включает три этапа: первый – проведение анализа имеющихся статистических данных и отбор анализируемых показателей, второй – построение трёх вариантов прогноза (пессимистичный, нейтральный, оптимистичный), третий – визуализация полученных результатов и построение рейтинга федеральных округов по достижимости заявленных параметров целей развития. Информационную базу составили данные Росстата (статистические сборники «Регионы России. Социально-экономические показатели» за 2020–2023 гг.), а также мониторинговые показатели минимального размера оплаты труда за период с 2013 по 2024 год. Выделено три группы федеральных округов: с высоким уровнем достижимости показателей национальных целей развития (Центральный федеральный округ, Северо-Кавказский федеральный округ), средним (Северо-Западный федеральный округ, Южный федеральный округ, Уральский федеральный округ, Приволжский федеральный округ) и низким (Сибирский федеральный округ, Дальневосточный федеральный округ). Согласно построенному прогнозу и обобщённому рейтингу, к 2030 году ни один из федеральных округов не сможет достичь в полном объёме требуемого уровня исследуемых показателей. Уникальность и новизна полученных результатов обусловлены возможностью сопоставления достижимости показателей в различные временные интервалы и декларируемых значений национальных целей развития России. Предложенное рейтингование может быть вертикально и горизонтально масштабировано путём расширения количества анализируемых показателей. Авторская разработка и полученные результаты нацелены на использование данных представителями всех уровней законодательной и исполнительной власти в ходе оценки заявленных социально-экономических параметров национальных целей развития, включая выполнение других национальных проектов, а также широким кругом учёных и исследователей, занимающихся проблематикой прогнозирования и моделирования на макро-, мезо- и микроуровне.

Ключевые слова: национальные цели развития РФ, качество жизни, социально-экономические показатели, рейтингование регионов, прогнозирование, эконометрическое моделирование.

Введение

Задачи стратегического развития России и успешного социально-экономического функционирования её регионов напрямую связаны с достижением национальных целей, обозначенных в государственных программных документах (Ильин, Морев, 2024). Особую значимость в современных условиях приобретают научные изыскания в сфере выявления тенденций при обеспечении высокого уровня и качества жизни (Dockery, 2022), в том числе в контексте анализа причин и масштабов (Белехова, 2023) неравенства (Becker et al., 2005), бедности (Morris, 1982) как угрозы демографическому развитию территорий (Ильин, Морев, 2022). Учёными используются различные теоретические и методологические подходы к построению прогнозов достижимости национальных целей развития страны. Аналитические и прогностические методы иссле-

дования (Крошилин и др., 2023) востребованы при изучении таких важных составляющих человеческого благополучия, как обеспеченность адекватными современным потребностям жилищными условиями, повышение минимального размера оплаты труда (Leng et al., 2023), включая значимые показатели (с динамикой в разные периоды) рождаемости (Bird, 2021) и ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ) населения.

Региональные аспекты обеспеченности жильём (Мамлеева и др., 2021) и удовлетворённости жилищными условиями изучаются на примере отдельных территорий России (Ярашева, Макар, 2022). При этом внимание уделяется как объективной ситуации (Лозовская, 2021) – количество квадратных метров имеющегося жилья, так и субъективным оценкам – намерения улучшить жилищные условия.

Разница в темпах снижения/увеличения рождаемости (в т. ч. суммарного коэффициента рождаемости) в зарубежных странах (Thomasson, 2021) и российских регионах (Туктамышева и др., 2023) рассматривается с точки зрения влияния всех внешних (среда) и внутренних (установки индивидов) факторов (Бегунова, 2024). Не только индикаторы рождаемости, но и в целом медицинские и демографические (Ильин и др., 2021) показатели здоровья населения анализируются в региональном разрезе (Поликарпов и др., 2023). На уровне отдельных территорий изучаются актуальные вопросы репродуктивного поведения (Архангельский и др., 2023).

Российские учёные, с одной стороны, выделяют весомые факторы, влияющие на снижение (Шульгин и др., 2022) ожидаемой продолжительности жизни в субъектах Федерации (Астанин и др., 2022), с другой – анализируют условия обеспечения «благополучной старости» (Белехова и др., 2024). Внимание уделяется взаимосвязи экономических факторов (в частности, динамики изменения ВВП на душу населения) и продолжительности жизни россиян (Беданоков и др., 2022). Особый интерес вызывает вопрос разграничения сферы ответственности за сохранение здоровья между государством и индивидом (Шабунова и др., 2021). Важной составной частью теоретических подходов к изучению вопросов ожидаемой продолжительности жизни (Чекменева, Балина, 2019; Ongel, Yilmaz, 2020) и ее увеличения, в т.ч. за счет установок на самосохранительное поведение, являются разработка и возможности использования эффективного методического инструментария (Дубровская, 2023).

Материальное обеспечение населения, включая изменяющийся минимальный размер оплаты труда (Leng et al., 2023; Плуталова, 2023), играет значимую роль в поддержании уровня жизни человека (Румянцева, Шутов, 2021) и повышении ее качества (Волгин, 2019; Dockery, 2022; Tyrell, Yates, 2017). Изучение этих проблем тесно связано с определением трендов как в диагностике – на практике, так и в теории – в развитии современных концепций социального благополучия в России (Максимов и др., 2022). Не только уровень заработной платы, но и удовлетворённость (Sabbagh et al., 2018) тру-

дом и его условиями (Gayathiri, Ramakrishnan, 2013) оказывают значимое влияние на стремление человека повысить свой «комфорт» и размер благосостояния. Именно рост уровня благосостояния населения отвечает задачам достижения национальных целей развития.

В статье приводятся расчёты, осуществленные в рамках авторского исследования, и результаты построения прогноза достижимости ряда социально-экономических показателей, которые заявлены в национальных целях развития России¹ на период до 2030 года (далее – НЦР). Основная цель – выявление соответствия и возможностей достижения заявленных социально-экономических показателей НЦР отдельными федеральными округами. Исходя из поставленной цели, были сформулированы и решены следующие задачи: проведен анализ имеющихся статистических данных и осуществлен отбор необходимых показателей НЦР; выбраны статистические методы, позволяющие спрогнозировать анализируемые показатели, построены варианты прогнозов; рассчитан рейтинг федеральных округов согласно достижимости выделенных социально-экономических показателей. Уникальность и новизна полученных данных обусловлены необходимостью сопоставления достижимости показателей НЦР федеральными округами (ФО) РФ на основе построения авторского прогноза и предложенной методики рейтингования (путем визуализации полученных данных по заявленным социально-экономическим показателям).

Методика исследования

Авторский подход к проведению исследования возможностей достижимости заявленных социально-экономических показателей НЦР в Российской Федерации в целом и отдельными федеральными округами в частности был реализован на основе построения трёх вариантов прогноза по отобранным переменным. Работа предполагала выполнение последовательных этапов. Первый этап – проведение анализа имеющихся статистических данных и отбор анализируемых показателей. Второй этап заключался в построении нескольких

¹ Указ о национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73986> (дата обращения 01.06.2024).

вариантов прогноза (пессимистичный, нейтральный, оптимистичный)². На третьем этапе был получен рейтинг федеральных округов по достижимости выделенных социально-экономических показателей НЦР с помощью визуализации расчётных данных. Предложенная авторская методика (на основе прогнозирования и визуализации показателей НЦР) может быть масштабирована, так как позволяет включать любое необходимое количество социально-экономических параметров (показателей), необходимых для исследовательских задач, с точки зрения анализа достижимости показателей, определенных в НЦР или других национальных проектах.

Информационную базу исследования составили данные Росстата, аналитические материалы, статистические сборники «Регионы России. Социально-экономические показатели» (2020–2023 гг.)³, результаты мониторинга показателей МРОТ (за период с 2013 по 2024 год), в т. ч. данные следующих информационных ресурсов: «КонсультантПлюс»⁴, «РБК Life»⁵, «Налог-налог.ру»⁶.

Для получения *первого варианта прогноза* (обозначим его «пессимистичный») были использованы эконометрические подходы к построению линейной регрессии с одной объ-

ясняющей переменной (парная регрессия) (формула 1)⁷:

$$M(Y_t | Q_t = q_t) = \beta_0 + \beta_1 \cdot q_t, \quad (1)$$

где M – условное математическое ожидание случайной величины Y_t как некая функция от неслучайной объясняющей переменной Q_t (в момент времени t), β_0 и β_1 – параметры линейной регрессионной модели, которые необходимо оценить.

Для получения статистических оценок ($\hat{\beta}_0$ и $\hat{\beta}_1$) и построения модели вида $Y_t = \beta_0 + \beta_1 \cdot q_t + \varepsilon_t$ (где ε_t – случайная величина) были использованы возможности ПО MS Excel⁸. На основе данной модели получены прогнозные значения обозначенных социально-экономических показателей НЦР по федеральным округам РФ на 2025 и 2030 гг.

Второй вариант прогноза определяемых показателей НЦР по ФО РФ (обозначим его «нейтральный») строился на основе экспоненциального тренда. Для каждого из анализируемых показателей была рассчитана функция с помощью метода экспоненциального сглаживания путем экстраполяции тенденций (трендов), которые были выявлены в предыдущие моменты наблюдений (предыдущие периоды) (формула 2)⁹:

$$Q_t = k \cdot Y_t + (1 - k) \cdot Q_{t-1}, \quad (2)$$

где Q_t – прогнозируемое значение в момент времени t (сглаженное значение уровня ряда на основе экспоненциальной средней); k – весовой коэффициент (параметр сглаживания), учитывающий характеристики текущего момента времени t , Y_t – значение величины показателя НЦР по ФО РФ текущего периода; Q_{t-1} – прогнозированное значение величины показателя НЦР в предыдущий момент времени.

² В статье варианты прогноза представлены в виде обозначений – «пессимистичный», «нейтральный», «оптимистичный», что объясняет влияние факторов и их учет при построении прогноза и показывает оценку возможного тренда развития.

³ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2023: стат. сб. / Росстат. М., 2023. 1126 с.; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021: стат. сб. / Росстат. М., 2021. 1112 с.; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2020: стат. сб. / Росстат. М., 2020. 1242 с.

⁴ Размеры минимальной заработной платы в субъектах Российской Федерации (по состоянию на 01.07.2024) // КонсультантПлюс. URL: https://nalog-nalog.ru/posobiya/posobie_po_vremennoj_neprudosposobnosti_bolnichnyj/velichina-mrot-v-rossii-tablica/ (дата обращения 01.07.2024).

⁵ МРОТ в 2024 году повысят. Каким будет минимальный размер оплаты труда // РБК Life. URL: <https://www.rbc.ru/life/news/643d440b9a7947b22e15f7f6#15f7f6-contents-p3> (дата обращения 25.06.2024).

⁶ Григорьева Е. Величина МРОТ в 2013–2024 годах в России // Налог-налог.ру – общество профессионалов. URL: https://nalog-nalog.ru/posobiya/posobie_po_vremennoj_neprudosposobnosti_bolnichnyj/velichina-mrot-v-rossii-tablica/ (дата обращения 20.06.2024).

⁷ Машунин Ю.К. (2021). Прогнозирование и планирование социально-экономических систем. М.: Юрайт. 330 с.

⁸ Для построения моделей и прогнозов, а также статистической обработки авторами использовались надстройки «Анализ данных» и «Поиск решения» в ПО Microsoft Excel.

⁹ Асаул А.Н., Асаул М.А., Старинский В.Н., Щербина Г.Ф. (2022). Анализ и прогнозирование рынка / под ред. А.Н. Асаула. М.: Юрайт. 296 с.

На основе применения данного трендового метода, который базируется на расчётах уравнения тренда с учётом значений коэффициентов, характеризующих текущее наблюдение (момент времени) с учётом предыдущих (прошлых моментов времени), строится функция экспоненциальной средней величины Q_t и осуществляется прогноз.

Третий вариант прогноза показателей НЦР по ФО РФ (обозначим его как «*оптимистичный*») строился на основе метода скользящих средних с «подбором» функциональной зависимости с учётом максимального значения параметра R^2 . При таком методе построения прогноза происходит замена фактических показателей в динамическом ряде расчётыми значениями, вычисляемыми на основе подбора функциональной зависимости, которая в большей степени соответствует наблюдениям (зависимости могут быть степенными, показательными и иными) (формула 3)¹⁰:

$$Y_t = \mu + \xi_t - Q_1 \cdot \xi_{t-1} - Q_2 \cdot \xi_{t-2} - \dots - Q_q \cdot \xi_{t-q}, \quad (3)$$

где μ – константа; $\xi_t, \xi_{t-1}, \dots, \xi_{t-q}$ – белый шум в определенные моменты времени ($\xi_t = Y_t - \hat{Y}$).

При этом средняя величина прогнозного параметра вычисляется в определенный интервал времени ($n = 3$ года для нашего прогноза), каждый последующий расчёт образуется со сдвигом на выбранный период. Это позволяет построить тенденцию развития показателя в виде плавной линии. Можно также применить модели ARMA и ARIMA. В нашем случае для расчётов использовался полином второй, третьей и четвёртой степени. Функция полинома n -степени приведена в формуле 4:

$$f(Q_t) = \sum_{i=1}^n (a_i \cdot t^i), \quad (4)$$

где a_i – коэффициент оценки параметра в текущий момент времени t .

Это позволило более точно описать тенденции возрастания и убывания анализируемых параметров и получить необходимый прогноз по ФО РФ на 2025 и 2030 гг.

¹⁰ Елисеева И.И. [и др.] (2012). Эконометрика / под ред. И.И. Елисеевой. М.: Юрайт, 453 с.

На завершающем этапе исследования строится рейтинг по федеральным округам РФ по каждому из выделенных социально-экономических показателей НЦР ($R_i, i = 1, 2, 3, \dots, n$, где n – количество отобранных вариантов для анализа). На основе полученных значений рассчитывается *обобщённый рейтинг* на момент времени t ($R_{общ}(t)$) по выделенным показателям достижимости НЦР по ФО РФ (формула 5):

$$R_{общ}(t) = \frac{1}{n} \sum_{i=1}^n (r_i \cdot R_i(t)), \quad (5)$$

где $R_i(t)$ – значение рейтинга по показателю параметра в момент времени t ,

r_i – коэффициент значимости рейтинга R_i в обобщённом рейтинге (определяется экспертным путем или устанавливается декларативно, может иметь значение от 0 до 1, по умолчанию принимается равным 1).

На основе визуализации полученных результатов прогнозирования и построенного обобщённого рейтинга ($R_{общ}(t)$) выделенных показателей НЦР можно сделать вывод о возможности/невозможности достижения обозначенных (указанных на момент времени t прогноза) параметров.

Уникальность и новизна предложенной авторской методики обусловлены возможностью сопоставления достижимости социально-экономических показателей НЦР на основе построения прогноза и рейтингования федеральных округов путем визуализации выделенных показателей. Это позволяет осуществить вертикальное («в глубину» за счёт применения новых подходов к анализу и методов прогнозирования) и горизонтальное («в ширину» за счёт включения новых параметров для анализа) масштабирование авторской методики и распространить данный подход на другие национальные проекты РФ.

Результаты прогнозирования

На данном этапе исследования для возможности аprobации предложенного авторского подхода было принято решение о выделении четырёх основных социально-экономических показателей НЦР:

- 1) обеспеченность жильём (общая площадь жилых помещений на конец года на одного жителя, m^2);
- 2) ожидаемая продолжительность жизни при рождении (число лет);

3) суммарный коэффициент рождаемости (число детей на 1 женщину);

4) минимальный размер оплаты труда в РФ (руб.).

Для построения прогноза на основе данных Росстата был сформирован массив значений по обозначенным показателям за период с 2015 по 2022 год. В целях прогнозирования минимального размера оплаты труда в РФ также были включены (имеющиеся на момент построения) данные за 2023 и 2024 гг. Последовательное применение описанных выше вариантов прогноза позволило получить следующие результаты (рис. 1–4).

Согласно Указу Президента РФ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»¹¹ обеспеченность граждан жильём должна достичь не менее 33 м² на одного человека к 2030 году и не менее 38 м² к 2036 году. Из полученных вариантов прогноза следует, что данный показатель будет планомерно расти. В пессимистичном варианте к 2025 году СЗФО

сможет достичь уровня 32,2 м² на человека, к 2030 году три региона «перешагнут» установленный уровень показателя (ЦФО – 33,6; СЗФО – 35,5; ПФО – 34,2). Согласно нейтральному прогнозу варианты сопоставимы с пессимистичным, а при оптимистичном варианте к 2030 году к лидирующим ФО добавится еще ЮФО с показателем 33,4 м² (рис. 1).

Социально-экономический показатель «Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (число лет)» в соответствии с НЦР должен составить к 2030 году 78 лет. Полученные данные пессимистичного прогноза демонстрируют отсутствие возможности достичь декларируемых в Указе Президента РФ показателей всеми регионами страны к обозначенному периоду. Ближе всего к этому значению будет СКФО (75,6 года к 2030 году). Отметку в 73 года смогут преодолеть четыре ФО (ЦФО – 73,60; СЗФО – 73,12; ЮФО – 73,32 и УФО – 73,04) – по оптимальному варианту прогноза, а в СКФО анализируемый показатель составит 76,03 года (рис. 2).

Рис. 1. Прогноз показателя «Обеспеченность жильём (общая площадь жилых помещений на конец года на одного жителя, м²)» по федеральным округам РФ

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата.

¹¹ Указ о национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73986> (дата обращения 01.06.2024).

Рис. 2. Прогноз показателя «Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (число лет)» по федеральным округам РФ

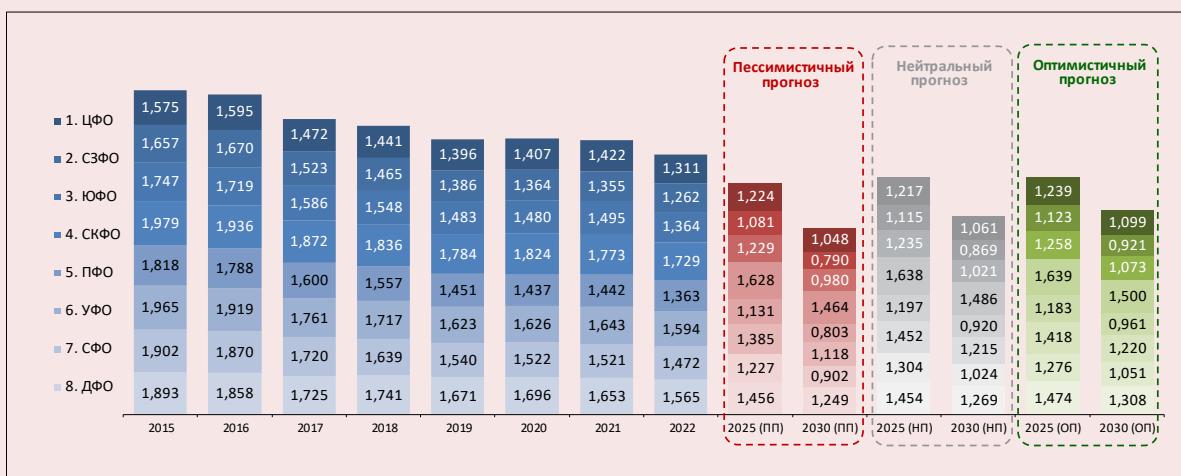

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата.

Сложнее всего обстоит ситуация с показателем «Суммарный коэффициент рождаемости (число детей на 1 женщину)». Согласно НЦР он должен составить к 2030 году не менее 1,6. Расчётные статистические данные свидетельствуют о планомерном снижении данного показателя по всем федеральным округам РФ. В нейтральном варианте прогноза только для

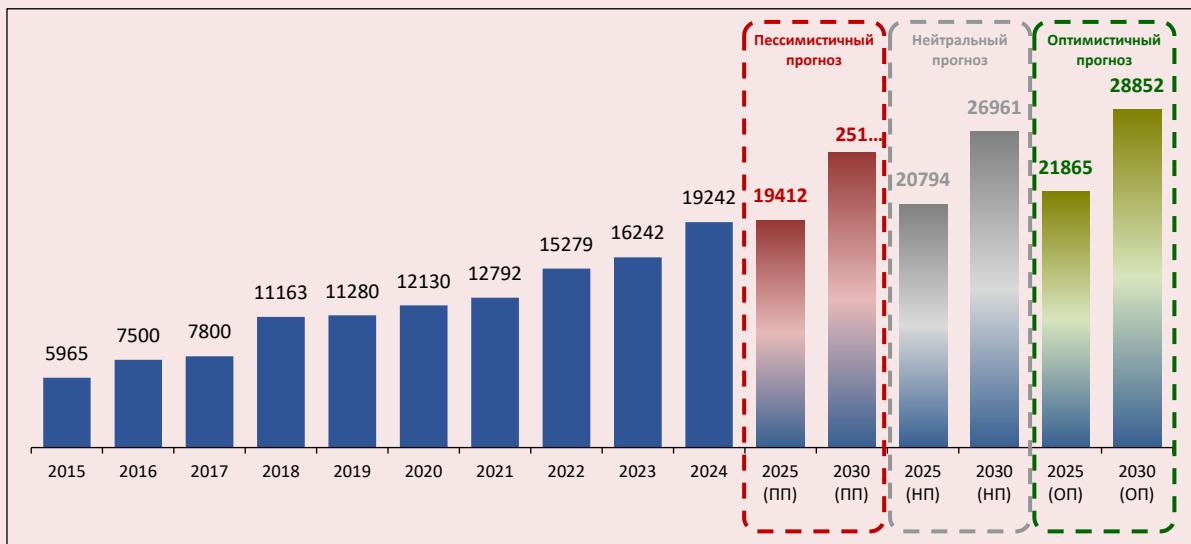
СКФО характерно значение 1,49 в 2030 году, что в большей степени «приближается» к необходимому, обозначенному Правительством РФ уровню. Два федеральных округа смогут преодолеть отметку 1,2 (УФО – 1,21; ДФО – 1,27), три ФО показывают значение чуть выше 1 (ЦФО – 1,06; ЮФО – 1,02; СФО – 1,02; *рис. 3*).

Рис. 3. Прогноз показателя «Суммарный коэффициент рождаемости (число детей на 1 женщину)» по федеральным округам РФ

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата.

Рис. 4. Прогноз показателя «Минимальный размер оплаты труда в РФ (руб.)»

Источник: составлено авторами на основе данных информационных ресурсов «КонсультантПлюс», «Налог-налог.ru», «РБК Life».

Согласно Указу Президента «... необходимо обеспечить повышение опережающими темпами минимального размера оплаты труда, в том числе его рост к 2030 году более чем в два раза по сравнению с суммой, установленной на 2023 год, с достижением его величины не менее чем 35 тыс. рублей в месяц»¹². За последние 10 лет, в соответствии с имеющимися статистическими данными, наблюдается устойчивая тенденция к повышению МРОТ в России. Однако по трём вариантам прогноза к 2030 году обозначенного в Указе уровня в 35 тыс. руб. в месяц достичь невозможно. В оптимистичном варианте МРОТ в России к 2025 году может быть равен 21,9 тыс. руб., в 2030 году – 28,8 тыс. руб. в месяц (рис. 4).

Анализ полученных результатов

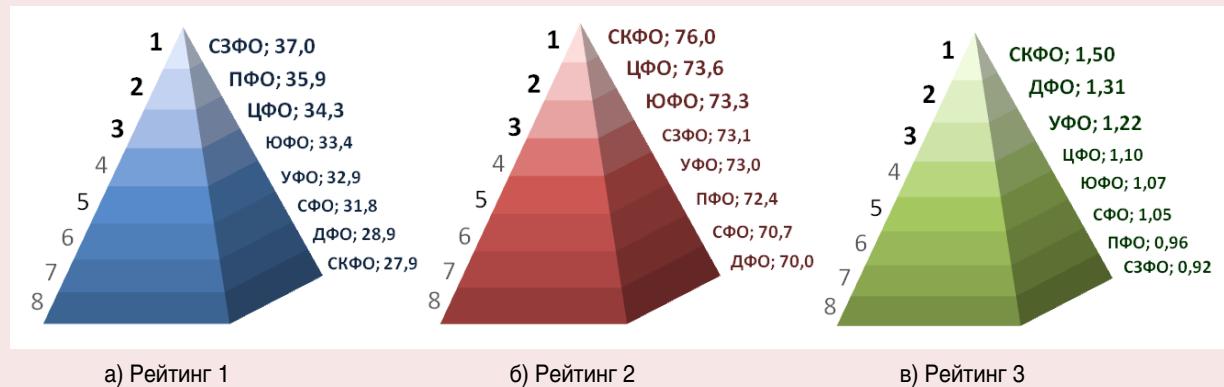
Для анализа результатов прогнозирования и выстраивания рейтинга¹³ достижимости показателей НЦР («Обеспеченность жильём» (не менее 33 м² на чел. к 2030 году) – «Рейтинг 1»; «Ожидаемая продолжительность жизни при рождении» (78 лет к 2030 году) – «Рейтинг 2» и «Суммарный коэффициент рождаемости» (1,6 к 2030 году) – «Рейтинг 3» были визуализированы данные по федеральным округам РФ на основе оптимистичного варианта прогноза (рис. 5).

В рейтинге достижимости показателя «Обеспеченность жильём» к 2030 году («Рейтинг 1»; см. рис. 5а) первое место занимает СЗФО (показатель 37,0), на втором месте находится ПФО (35,9), на третьем – ЦФО (34,3).

¹² Указ о национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73986> (дата обращения 01.06.2024).

¹³ Место ФО в рейтинге определяется исходя из расчётного уровня по сравнению с показателями других ФО (сортировка производится по убыванию значения анализируемого параметра, где «1 место» соответствует наивысшему показателю, а «8 место» – наименьшему среди достигнутых уровней по всем ФО).

Рис. 5. Рейтинг целевых показателей НЦР по федеральным округам
(визуализация достижимости обозначенных показателей)

Источник: результаты авторских расчётов.

Следует отметить, что, согласно полученному прогнозу, данные регионы преодолели установленный в НЦР уровень не менее 33 м^2 на человека. На четвертом и пятом месте – ЮФО (33,4) и УФО (32,9) соответственно, которые также смогут показать необходимое значение. Отстающими по обеспеченности жильём являются два региона – СКФО (27,9) и ДФО (28,9). СФО (31,8) ближе к необходимой отметке в 33 м^2 , но в соответствии только с оптимистичным вариантом прогноза. Этого недостаточно для выполнения НЦР.

Рейтинг достижимости показателя «Ожидаемая продолжительность жизни при рождении» по федеральным округам к 2030 году («Рейтинг 2»; см. рис. 5б) отражает, что желаемого уровня (78 лет) не сможет достичь ни один из федеральных округов РФ (при любом варианте прогноза). Ближе всего к данному показателю находится СКФО (76,0), второе место у ЦФО (73,6), третье – ЮФО (73,3). Очень близки по значениям СЗФО (73,1) и УФО (73,0), которые заняли в рейтинге 4 и 5 места соответственно. Больше всего (почти на 8 лет) отличаются от надлежащего необходимого уровня показатели СФО (70,7) и ДФО (70,0), занимающих в рейтинге последние места. На 6 месте ПФО со значением 72,4 года по «ожидаемой продолжительности жизни при рождении».

Третий рейтинг построен по оптимистичному прогнозу достижимости показателя «Суммар-

ный коэффициент рождаемости» («Рейтинг 3»; см. рис. 5в). Он имеет самую низкую степень возможной достижимости установленного значения в 1,6. Ближе всего этому уровню соответствует показатель СКФО (1,5) – первое место, на втором месте у ДФО (1,31), на третьем – УФО (1,22). Три федеральных округа смогли преодолеть лишь единичное значение: ЦФО (1,10), ЮФО (1,07), СФО (1,05) и занимают в рейтинге соответствующие 4, 5, 6 места. Согласно полученным результатам прогноза, у ПФО (0,96) 7 место, у СЗФО (0,92) – 8. Они не смогут достичь суммарного коэффициента рождаемости, даже равного 1.

На завершающем этапе был построен обобщённый рейтинг выделенных показателей НЦР по прогнозным значениям 2030 года (на этапе аprobации методики значение коэффициента $r_i = 1$). Полученные результаты расчётов приведены в таблице.

Согласно расчётом, наивысший ранг обобщённого рейтинга по сравнению с другими федеральными округами имеют Центральный и Северо-Кавказский федеральные округа (значение 3). Самые низкие позиции занимают Сибирский и Дальневосточный федеральные округа (значение 6). В результате расчётов среднее значение по сравнению с другими ФО получили Северо-Западный, Южный и Уральский федеральные округа (значение 4). Немного ниже (значение 5) позиция у Приволжского федерального округа.

Обобщённый рейтинг по выделенным показателям с визуализацией достижимости
НЦР по федеральным округам РФ (согласно прогнозу на 2030 г.)

Федеральный округ РФ	«Рейтинг 1»	Показатель «Рейтинга 1» (не менее 33)	«Рейтинг 2»	Показатель «Рейтинга 2» (не менее 78)	«Рейтинг 3»	Показатель «Рейтинга 3» (не менее 1,6)	Обобщённый рейтинг
Центральный федеральный округ	3	34,3	2	73,6	4	1,10	3
Северо-Западный федеральный округ	1	37,0	4	73,1	8	0,92	4
Южный федеральный округ	4	33,4	3	73,3	5	1,07	4
Северо-Кавказский федеральный округ	8	27,9	1	76,0	1	1,50	3
Приволжский федеральный округ	2	35,9	6	72,4	7	0,96	5
Уральский федеральный округ	5	32,9	5	73,0	3	1,22	4
Сибирский федеральный округ	6	31,8	7	70,7	6	1,05	6
Дальневосточный федеральный округ	7	28,9	8	70,0	2	1,31	6

Обозначения:
 «Рейтинг 1» – рейтинг ФО РФ по показателю «Обеспеченность жильём (общая площадь жилых помещений на конец года на одного жителя, м²)» к 2030 году;
 «Рейтинг 2» – рейтинг ФО РФ по показателю «Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (число лет)» к 2030 году;
 «Рейтинг 3» – рейтинг ФО РФ по показателю «Суммарный коэффициент рождаемости (число детей на 1 женщину)» к 2030 году.
 Источник: результаты авторских расчётов.

Обсуждение

Выбранные для исследования и прогнозирования четыре показателя НЦР характеризуют уровень социально-экономического благополучия страны и взаимоусловлены, с одной стороны, ростом минимального размера оплаты труда (как и в целом доходов населения), с другой – удовлетворённостью жильём. Они оказывают прямое влияние на установки в семьях, связанные с деторождением, а повышающееся качество жизни индивида сказывается на общей продолжительности жизни человека. Несмотря на то, что учёные по-разному подходят к классификации индикаторов качества жизни, имеют дифференцированные представления о значимости того или иного показателя и о способах (методах) построения прогнозов относительно изменения обозначенных показателей, существует общий целевой вектор – поиск возможных направлений достижения национальных целей развития страны. В России на первый план выходит вопрос изучения особенностей и различий развития отдельных территорий. Именно для этого могут и должны применяться методы прогнозирования до-

стижимости наиболее значимых социально-экономических показателей с дифференциацией по регионам или федеральным округам.

Проведенный анализ достижимости ряда социально-экономических индикаторов, заявленных в национальных целях развития России на период до 2030 года, позволил на основе трёх вариантов прогноза (пессимистичного, нейтрального, оптимистичного) получить значения показателей на 2025 и 2030 гг. Прогноз 2025 года отражает существующую тенденцию тренда изменения показателей, заявленных для анализа. Были построены рейтинги, опираясь на которые рассчитан обобщённый рейтинг спрогнозированных показателей НЦР по ФО РФ. На основе полученных данных визуализированы результаты, позволяющие сделать выводы о возможности достижения федеральными округами необходимых уровней, указанных в НЦР. Следует отметить, что, согласно предложенному авторскому подходу, ни один ФО РФ к 2030 году не сможет выполнить в полном объёме требования президента и достичь необходимого уровня всех показателей НЦР.

Лидирующей позицией занимает Центральный федеральный округ, который в обобщённом рейтинге занял позицию 3 (высокий уровень достижимости НЦР). Однако значение показателя «Рейтинга 3» («Суммарный коэффициент рождаемости» к 2030 году) в ЦФО достигает лишь 1,1 при необходимом 1,6. Это значительно ухудшает положение округа в общем рейтинге. Показатель «Рейтинга 2» («Ожидаемая продолжительность жизни при рождении» к 2030 году) тоже недостаточно высок и равен 73,6 года при необходимом уровне 78 лет. Однако этот показатель позволяет занять ЦФО второе место среди остальных ФО. Второй лидер – Северо-Кавказский федеральный округ, также занимающий в обобщённом рейтинге 3 место. По показателям «Рейтинга 2» и «Рейтинга 3» у СКФО первое место, однако по «Рейтингу 1» («Обеспеченность жильём» к 2030 году) он может претендовать только на 4 место среди ФО (со значением показателя 33,4 м² – это выше, чем необходимо достичь согласно НЦР (33 м²)).

Средний уровень достижимости НЦР в рамках обобщённого рейтинга имеют Северо-Западный федеральный округ – позиция 4, Южный федеральный округ – 4, Уральский федеральный округ – 4, Приволжский федеральный округ – 5. Причем СЗФО имеет значение в «Рейтинге 1», равное 1, а в «Рейтинге 3» – 8. Позиция ЮФО «оттягивает» значение в «Рейтинге 3», равное 5, так как суммарный коэффициент рождаемости к 2030 году достигнет лишь 1,07 при необходимом, согласно НЦР, значении 1,6. УФО занимает третью позицию по «Рейтингу 3» со значением 1,22, но 5 место по рейтингам 1 и 2. ПФО лидирует по «Рейтингу 1» (2 место), но имеет 6 место показателю «Ожидаемая продолжительность жизни при рождении» и 7 – по суммарному коэффициенту рождаемости.

К федеральным округам с низким уровнем достижимости НЦР, согласно полученному варианту прогноза, можно отнести Сибирский и Дальневосточный федеральные округа. Они получили в обобщённом рейтинге оценку 6. Причём следует подчеркнуть, что ДФО имеет достаточно высокий уровень по «Рейтингу 3» – значение 2, но по «Рейтингу 1» у него позиция 7, а по «Рейтингу 2» (8) он уступает одну пози-

цию даже СФО. У СФО очень низкий суммарный коэффициент рождаемости, равный 1,05 при необходимом 1,6.

Заключение

В рамках проведенного исследования по вопросам достижимости заявленных социально-экономических показателей НЦР в Российской Федерации к 2030 году был разработан и одобрен по выделенным показателям инструментарий оценки, который включал вариант прогнозирования и построения обобщённого рейтинга федеральных округов страны. Уникальность и новизна решения поставленной задачи заключаются в возможности сопоставления достижимости показателей НЦР (плановых нормативных значений, отраженных в Указе Президента РФ) с полученными прогнозными значениями и построения визуализированных рейтингов. Заявленная методика уникальна и даёт возможность вертикального (за счёт применения новых подходов к анализу) и горизонтального (за счёт включения новых параметров для анализа) масштабирования. На настоящем этапе авторский подход уже позволяет визуализировать полученные результаты, выделяя уровни рейтинга цветом (см. табл.). В таблице позиции представлены цветовой трёхуровневой оценкой: зелёный – рейтинг имеет значение от 1 до 3, жёлтый – значение от 4 до 5, красный – значение от 6 до 8, что нацелено на оптимизацию анализа трендов изменения показателей/позиций региона и даёт возможность увидеть интегральный показатель рейтингов с необходимым уровнем детализации.

Апробация заявленной методики доказала ее состоятельность. Согласно результатам, полученным при оценке достижимости выделенных показателей по НЦР, федеральные округа РФ можно разделить на три группы:

- 1) группа с **высоким уровнем** достижения НЦР: Центральный и Северо-Кавказский федеральные округа с позицией 3 в обобщённом рейтинге;
- 2) группа со **средним уровнем** достижения НЦР: Северо-Западный, Южный и Уральский федеральные округа с позицией 4, а также Приволжский федеральный округ со значением 5;
- 3) группа с **низким уровнем** достижения НЦР: Сибирский и Дальневосточный федеральные округа – позиция 6.

Обобщённый рейтинг и рейтинги на основе спрогнозированных показателей НЦР по ФО РФ показали, что к 2030 году ни один из федеральных округов не сможет выполнить в полном объёме требования президента и достичь заявленного уровня значений показателей. Это доказывает, что подобные методики оценки необходимо использовать не только на этапе анализа выполнения НЦР, но и в период планирования показателей.

Логичным продолжением развития заявленного подхода к анализу может быть применение новых вариантов рейтингования федеральных округов за счёт оценки достижимости обозначенного уровня показателя НЦР, например попадание в «доверительный интервал» ($\pm 2-5\%$ отклонение от заданного уровня) и/или шкалирование оценки на основе шагового удаления от необходимого значения ($\pm 5-10\%$ отклонение, шаг от необходимого уровня).

В заключение следует подчеркнуть, что в настоящее время существует объективная необходимость разработки и внедрения аналогичных

методик оценки для реализации как показателей, которые заявлены в национальных целях развития России, так и всех национальных проектов. Подобные подходы дают возможность моделировать и прогнозировать варианты достижимости поставленных целей, рассчитывать уровень получаемой результативности, а значит, позволяют оценивать эффективность реализации проектов от начального этапа – на уровне создания идей – до завершающего, включающего его дальнейшее развитие (масштабирование проекта). Это очень важно в период, когда Россия на основе подобных проектов решает стратегические задачи импортозамещения, социально-экономического развития и промышленного суверенитета. Авторская методика может быть полезна и интересна специалистам, учёным, исследователям и административным работникам, которые занимаются проблемами развития и оценки социально-экономических показателей, в том числе реализации национальных проектов, влияющих на возможности достижения национальных целей развития России.

Литература

- Архангельский В.Н., Богдан И.В., Калачикова О.Н., Чистякова Д.П. (2023). Особенности репродуктивного поведения жительниц Москвы // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 3. С. 231–246. DOI: 10.15838/esc.2023.3.87.12
- Астанин П.А., Миронова А.А., Наркевич А.Н. [и др.] (2022). Динамика вклада предотвратимых причин смерти в снижение ожидаемой продолжительности жизни населения Красноярского края в 1999–2019 гг. // Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики. № 1. С. 15–34. DOI: 10.24412/2312-2935-2022-1-15-34
- Бегунова Л.О. (2024). Снижение рождаемости как одна из острых проблем в сфере демографии Воронежской области // Современная наука: от теории к практике: сборник статей Международной научно-практической конференции, Пенза, 25 марта 2024 года. Пенза: Наука и Просвещение. С. 142–145.
- Беданоков М.К., Моргунов Е.В., Чернявский С. В. (2022). Взаимовлияние ожидаемой продолжительности жизни и ВВП в странах мира // Народонаселение. Т. 25. № 4. С. 4–15. DOI: 10.19181/population.2022.25.4.1
- Белехова Г.В. (2023). Масштабы неравенства и особенности его восприятия в современной России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 1. С. 164–185. DOI: 10.15838/esc.2023.1.85.9
- Белехова Г.В., Нацун Л.Н., Соловьева Т.С. (2024). Благополучная старость: от научных теорий к основам ее программирования // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 2. С. 220–238. DOI: 10.15838/esc.2024.2.92.12
- Волгин Н.А. (2019). Прожиточный минимум, МРОТ и минимальная заработная плата – современное понимание и взаимосвязи // Социально-трудовые исследования. № 3 (36).
- Дубровская Ю.В. (2023). Детерминанты продолжительности жизни населения в гетерогенных субъектах РФ // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 1. С. 139–163. DOI: 10.15838/esc.2023.1.85.8

- Ильин В.А., Морев М.В. (2022). Бедность в стране— «угроза для стабильного развития и демографического будущего» // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 1. С. 9–33. DOI: 10.15838/esc.2022.1.79.1
- Ильин В.А., Морев М.В. (2024). Российская Федерация в первой четверти XXI века. Президентом поставлены задачи до 2030 года // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 1. С. 9–40. DOI: 10.15838/esc.2024.1.91.1
- Ильин В.А., Шабунова А.А., Калачикова О.Н. (2021). Потенциал повышения рождаемости и семейно-демографическая политика России // Вестник Российской академии наук. Т. 91. № 9. С. 831–844. DOI: 10.31857/S0869587321090048
- Крошилин С.В., Медведева Е.И., Ярашева А.В. (2023). Построение модели оценки удовлетворённости качеством жизни: эконометрический подход // Народонаселение. Т. 26. № 4. С. 87–98. DOI: 10.19181/population.2023.26.4.8
- Лозовская А.Н. (2021). Проблемы жилищной обеспеченности и пути их решения в регионах Северо-Кавказского федерального округа // Экономика и предпринимательство. Т. 127. № 2. С. 566–572. DOI: 10.34925/EIP.2021.127.2.110
- Максимов А.М., Тутыгин А.Г., Малинина К.О. [и др.] (2022). Проблемные вопросы методологии оценки социального благополучия населения в современной России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 2. С. 138–155. DOI 10.15838/esc.2022.2.80.9
- Мамлеева Э.Р., Сазыкина М.Ю., Трофимова Н.В. (2021). Оценка уровня дифференциации регионов Приволжского федерального округа по уровню жилищной обеспеченности и благоустройства жилищного фонда // Жилищные стратегии. Т. 8. № 4. С. 385–398. DOI: 10.18334/zhs.8.4.113744
- Плуталова Е.С. (2023). Проблемы МРОТ как инструмента государственного регулирования заработной платы // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Естественные, общественные науки. № 2. С. 58–62.
- Поликарпов А.В., Голубев Н.А., Огрызко Е.В., Люцко В.В. (2023). Динамика медицинско-демографических показателей в Дальневосточном федеральном округе за 2015–2021 годы // Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики. № 3. С. 993–1014. DOI: 10.24412/2312-2935-2023-3-993-1014
- Румянцева Е.Е., Шутов О.Л. (2021). Прожиточный минимум и МРОТ: проблемы упрощения подходов и искажения реальных потребностей населения // Вестник Томского государственного университета. Экономика. № 54. С. 93–109. DOI: 10.17223/19988648/54/4
- Туктамышева Л.М., Чибильев А.А., Мелешкин Д.С., Григорьевский Д.В. (2023). Оценка репродуктивного поведения и рождаемости на примере степных регионов России // Народонаселение. Т. 26. № 1. С. 29–38. DOI: 10.19181/population.2023.26.1.4
- Чекменева Л.Ю., Балина Т.А. (2019). Ожидаемая продолжительность жизни населения в России и мире // Вестник Тверского государственного университета. Серия: География и геоэкология. Т. 27. № 3. С. 5–13.
- Шабунова А.А., Нацун Л.Н., Короленко А.В. (2021). Укрепление общественного здоровья: баланс ответственности государства и гражданина // Проблемы развития территории. Т. 25. № 4. С. 7–23. DOI: 10.15838/ptd.2021.4.114.1
- Шульгин С.Г., Зинькина Ю.В., Коротаев А.В. (2022). Влияние ценностных установок мужчин и женщин на их ожидаемую продолжительность жизни // Народонаселение. Т. 25. № 1. С. 92–104. DOI: 10.19181/population.2022.25.1.8
- Ярашева А.В., Макар С.В. (2022). Региональные жилищные проблемы населения: Дальневосточный федеральный округ // Народонаселение. Т. 25. № 3. С. 89–102. DOI: 10.19181/population.2022.25.3.7
- Becker S.G., Philipson T.J., Soares R.R. (2005). The quantity and quality of life and the evolution of world inequality. *American Economic Review*, 1(95), 277–291.
- Bird M. (2021). The Covid baby bust could reverberate for decades. The sudden drop in global fertility during the pandemic will have far-reaching consequences for businesses and economies. *The Wall Street Journal*. Available at: <https://www.wsj.com/articles/the-covid-baby-bust-could-reverberate-for-decades-11614962945>
- Dockery A.M. (2022) Housing quality, remoteness and indigenous children's outcomes in Australia. *Economic Analysis and Policy*, 73, 228–241. DOI: 10.1016/j.eap.2021.11.013

- Gayathiri R., Ramakrishnan L. (2013). Quality of work life – linkage with job satisfaction and performance. *International Journal of Business and Management Invention*, 1(2), 1–8.
- Leng C.H., Tsai C.S., Chan T.C., Lee H.W. (2023). Quality of life in multiple scenarios: The impact of work mode and social contact quantity. *Frontiers in Psychology*, 14, 1018415. DOI: 10.3389/fpsyg.2023.1018415
- Morris M. (1982). Measuring the condition of the world's poor: The physical quality of life index. *Economic Development and Cultural Change*, 4(30), 887–889.
- Ongel M.E., Yilmaz B. (2020). Why women may live longer than men do? A telomere-length regulated and diet-based entropic assessment. *Clinical Nutrition*, 3(40), 1186–1191. DOI: 10.1016/j.clnu.2020.07.030
- Sabbagh M. De S., Ledimo O., Martins N. (2018). Predicting staff retention from employee motivation and job satisfaction. *Journal of Psychology in Africa*, 2(28), 136–140.
- Thomasson E. (2021). As births slow in China and US, ex-laggard Germany bucks trend. *Reuters*. Available at: <https://www.reuters.com/world/births-slow-china-us-ex-laggard-germany-bucks-trend-2021-05-13/>
- Tyrell F.A., Yates T.M. (2017). A growth curve analysis of housing quality among transition-aged foster youth. *Child and Youth Care Forum*, 1(46), 91–117. DOI: 10.1007/s10566-016-9370-1

Сведения об авторах

Александра Анатольевна Шабунова – доктор экономических наук, доцент, директор, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: aas@vsc.ac.ru)

Сергей Викторович Крошилин – кандидат технических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт социально-экономических проблем народонаселения им. Н.М. Римашевской, ФНИСЦ РАН (Российская Федерация, 117218, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 32); научный сотрудник, Научно-исследовательский институт организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения города Москвы (Российская Федерация, 115088, г. Москва, Шарикоподшипниковская ул., д. 9); доцент кафедры, Рязанский государственный медицинский университет имени академика И.П. Павлова (Российская Федерация, 390026, г. Рязань, ул. Высоковольтная, д. 9; e-mail: krosh_sergey@mail.ru)

Азиза Викторовна Ярашева – доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией, Институт социально-экономических проблем народонаселения им. Н.М. Римашевской, ФНИСЦ РАН (Российская Федерация, 117218, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 32; e-mail: baktriana@rambler.ru)

Елена Ильинична Медведева – доктор экономических наук, доцент, главный научный сотрудник, Институт социально-экономических проблем народонаселения им. Н.М. Римашевской, ФНИСЦ РАН (Российская Федерация, 117218, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 32); научный сотрудник, Научно-исследовательский институт организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения города Москвы (Российская Федерация, 115088, г. Москва, Шарикоподшипниковская ул., д. 9; e-mail: e_lenam@mail.ru)

Shabunova A.A., Kroshilin S.V., Yarasheva A.V., Medvedeva E.I.

Socio-Economic Indicators of Russia's National Development Goals: Trends and Forecast

Abstract. The article presents the findings of a research on the achievability of a number of socio-economic indicators that are stated in the national development goals of Russia for the period up to 2030. The aim of the work is to analyze the possibility of achieving the indicators reflected in Russia's national development goals by individual federal districts based on forecasting and creating an appropriate rating. The study includes three stages: first, to analyze available statistical data and select indicators for analysis; second, to

build three forecast scenarios (pessimistic, neutral, optimistic); third, to visualize the results obtained and design a rating of federal districts according to the achievability of the declared parameters of development goals. Information base includes Rosstat data (statistical collections “Regions of Russia. Socio-economic indicators” for 2020–2023), as well as monitoring indicators of the minimum wage for the period from 2013 to 2024. We arrange federal districts in three groups: with a high level of achievability of indicators of national development goals (Central Federal District, North Caucasus Federal District), with a medium level (Northwestern Federal District, Southern Federal District, Ural Federal District, Volga Federal District) and with a low level (Siberian Federal District, Far Eastern Federal District). According to the forecast and the generalized rating, by 2030 none of the federal districts will be able to fully achieve the required level of the indicators under consideration. The uniqueness and novelty of the results we have obtained are due to the possibility of comparing the achievability of indicators in different time intervals and the declared values of Russia’s national development goals. The proposed rating can be vertically and horizontally scaled by expanding the number of analyzed indicators. The technique we propose and the results we have obtained can be used by representatives of all levels of legislative and executive authorities when assessing the declared socio-economic parameters of national development goals, including the implementation of other national projects, as well as by a wide range of scientists and researchers engaged in forecasting and modeling at the macro, meso and micro levels.

Key words: RF national development goals, quality of life, socio-economic indicators, rating of regions, forecasting, econometric modeling.

Information about the Authors

Aleksandra A. Shabunova – Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, director, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: aas@vssc.ac.ru)

Sergey V. Kroshilin – Candidate of Sciences (Engineering), Associate Professor, Leading Researcher, Institute of Socio-Economic Studies of Population named after N.M. Rimashevskaya – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (32, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117218, Russian Federation); Researcher, Research Institute for Healthcare Organization and Medical Management of Moscow Healthcare Department (9, Sharikopodshipnikovskaya Street, Moscow, 115088, Russian Federation); associate professor of department, Ryazan State Medical University named after Academician I.P. Pavlov (9, Vysokovoltnaya Street, Ryazan, 390026, Russian Federation; e-mail: krosh_sergey@mail.ru)

Aziza V. Yarasheva – Doctor of Sciences (Economics), Professor, head of laboratory, Institute of Socio-Economic Studies of Population named after N.M. Rimashevskaya – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (32, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: baktriana@rambler.ru)

Elena I. Medvedeva – Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, Chief Researcher, Institute of Socio-Economic Studies of Population named after N.M. Rimashevskaya – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (32, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117218, Russian Federation); Researcher, Research Institute for Healthcare Organization and Medical Management of Moscow Healthcare Department (9, Sharikopodshipnikovskaya Street, Moscow, 115088, Russian Federation; e-mail: e_lenam@mail.ru)

Статья поступила 10.09.2024.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

DOI: 10.15838/esc.2024.5.95.3

УДК 332.14, ББК 65.04

© Бобков В.Н., Губарев Р.В., Дзюба Е.И., Файзуллин Ф.С.

Оценка межрегионального неравенства в Российской Федерации по индексу социального благополучия населения

Вячеслав Николаевич БОБКОВ

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Институт экономики РАН

Москва, Российская Федерация

e-mail: bobkovvn@mail.ru

ORCID: 0000-0001-7364-5297; ResearcherID: U-6527-2019

Роман Владимирович ГУБАРЕВ

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Москва, Российская Федерация

e-mail: gubarev.roma@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-1634-5030; ResearcherID: N-3990-2016

Евгений Иванович ДЗЮБА

Институт социально-экономических исследований УФИЦ РАН

Уфа, Российская Федерация

e-mail: intellectRus@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-2209-2017; ResearcherID: T-5762-2017

Фаниль Сайтович ФАЙЗУЛЛИН

Институт социально-экономических исследований УФИЦ РАН

Уфа, Российская Федерация

e-mail: fayzullin.f@gmail.com

ORCID: 0000-0001-8368-4441; ResearcherID: F-1475-2018

Для цитирования: Бобков В.Н., Губарев Р.В., Дзюба Е.И., Файзуллин Ф.С. (2024). Оценка межрегионального неравенства в Российской Федерации по индексу социального благополучия населения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 5. С. 55–73. DOI: 10.15838/esc.2024.5.95.3

For citation: Bobkov V.N., Gubarev R.V., Dzyuba E.I., Fayzullin F.S. (2024). Assessment of interregional inequality in the Russian Federation based on the index of social well-being of the population. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 17(5), 55–73. DOI: 10.15838/esc.2024.5.95.3

Аннотация. В рамках исследования была поставлена цель разработки адекватного (высокоточного) инструментария, позволяющего проводить не только ретроспективную, но и перспективную оценку межрегионального неравенства по уровню жизни в Российской Федерации, исходя из индекса социального благополучия населения, являющегося результатом свертки частных индексов. Сначала выдвигается гипотеза о возможности построения адекватной прогностической (традиционной эконометрической) модели зависимости среднедушевых денежных доходов населения от группы факторов. Информационной базой исследования послужили официальные данные региональной статистики за 2015–2022 годы. В ходе эмпирического исследования (корреляционно-регрессионного анализа) были разработаны три эконометрические модели, различающиеся количеством факторов (от 2 до 4). Они позволяют (согласно средней ошибке аппроксимации, принимающей значения из интервала от 8,8 до 9,6% для разных эконометрических моделей) лишь с приемлемой степенью точности аппроксимировать данные региональной статистики. Далее проверялась аналогичная гипотеза, но предполагающая применение другого инструментария (индексный метод в сочетании с искусственным интеллектом), позволяющего измерять зависимость уровня жизни населения от группы факторов. В ходе нейромоделирования было установлено, что любая из пяти искусственных нейронных сетей, включенных в байесовский ансамбль, позволяла аппроксимировать данные региональной статистики с высокой степенью точности (со средней ошибкой от 2,8 до 3,9%). Таким образом, вторую гипотезу можно считать подтвержденной. В рамках исследования прогностическая функция была реализована путем формирования байесовского ансамбля искусственных нейронных сетей. Полученные результаты эмпирического исследования могут выступить в качестве научной базы при корректировке (актуализации) социально-экономической политики регулирования уровня жизни населения и его межрегионального неравенства среди субъектов РФ.

Ключевые слова: регионы России, межрегиональное неравенство, уровень жизни, денежные доходы, индексный метод, корреляционно-регрессионный анализ, искусственный интеллект, прогнозирование.

Благодарность. Исследование выполнено в рамках государственного задания УФИЦ РАН № 075-01134-23-00 на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов.

Введение

В настоящее время Россия принимает активное участие в реализации международной программы ООН «Цели устойчивого развития». Деятой целью является сглаживание социального неравенства. Различают несколько видов социального неравенства. В рамках данного исследования ограничимся изучением монетарного (доходного) неравенства.

Опираясь на статистические данные, кратко охарактеризуем его уровень в современной России. Так, например, значение коэффициента фондов принимало практически идентичное значение порядка (14) и в 2000, и в 2022 году. В 2023 году соотношение денежных доходов 10% наиболее и 10% наименее обеспеченного населения страны составляло 14,8 и было несколько ниже, чем в 2015 году (15,5). Однако и в настоящее время (2023 год) в отдельных регионах России значение коэффициента фондов значительно превышает среднероссийское. Так, в частности, в Ненецком автономном округе зна-

чение показателя составляет 19,3, в Республике Адыгее – 15,5, Краснодарском крае – 15,7, Тюменской области с АО – 19,2 (из-за аномально высокого значения коэффициента фондов в Ямало-Ненецком автономном округе – 22,8), Республике Саха (Якутии) – 16,1, Магаданской и Сахалинской областях – 15,5 / 15,6 и, наконец, в Чукотском автономном округе – 17,3.

Значение децильного коэффициента в 2015–2019 гг. и 2021 году в России составляло порядка 7–7,2. В 2022 и 2023 гг. соотношение минимальных доходов 10% наиболее обеспеченного и максимальных доходов 10% наименее обеспеченного населения России принимало более низкие значения, 6,6 и 6,8 соответственно. Однако и в настоящее время (2023 году) в отдельных регионах (их список практически идентичен вышеприведенному) значение децильного коэффициента, как и коэффициента фондов, было значительно больше, чем в среднем по стране.

О высокой степени поляризованности российского общества по денежным доходам на современном этапе развития страны свидетельствует и ряд других показателей. Так, например, если в 2023 году среднедушевые денежные доходы граждан из первой группы (5,5%) составляли 14564 руб., то граждан из пятой группы (46,4% от общей величины денежных доходов) – 123349 руб., т. е. были выше практически в 8,5 раза. При этом необходимо отметить очень высокую степень концентрации населения с наибольшими денежными доходами (5-я группа) в столице. Так, порядка 43,3% от общероссийского значения показателя приходилось на г. Москву, а с учетом г. Санкт-Петербурга превышало отметку в 50%.

Таким образом, можно сделать вывод, что в современной России важным направлением государственной социальной политики выступает сглаживание межрегионального монетарного неравенства. Развитие такого направления в условиях ряда негативных внешних факторов, в частности санкционного давления на национальную экономику со стороны США и стран Европейского союза, предполагает наличие адекватного инструментария для мониторинга ситуации.

В связи с этим целью данного исследования является оценка межрегионального неравенства в Российской Федерации по индексу социального благополучия населения с применением искусственного интеллекта. Такой адекватный (высокоточный) метод экономико-математического моделирования позволяет проводить не только ретроспективную, но и перспективную оценку изучаемого явления. Для достижения поставленной цели были решены следующие задачи:

- проведен анализ межрегионального неравенства по уровню жизни населения;
- разработан методический инструментарий оценки межрегионального неравенства по индексу социального благополучия;
- выполнена группировка регионов по индексу социального благополучия, сформирован прогноз.

Объектом данного исследования являются субъекты Российской Федерации. Предмет исследования – измерение уровня жизни их населения.

Достижение поставленной цели и решение задач предопределили структуру работы: вначале уточняется понятийный аппарат, затем проводится тематическое эмпирическое исследование.

Обзор литературы

Сложность дефиниций «качество и уровень жизни населения» привела к появлению множества различных их трактовок, небезуспешная попытка классификации (систематизации) которых предпринята в работе (Спиридовон, Найденова, 2024). Так, по мнению авторов вышеуказанной научной статьи, через призму категорий «потребности», «интересы» и «ценности» все многообразие трактовок можно объединить в три подхода: 1) базовый подход, учитывающий потребности (П-подход); 2) аксиологический подход, учитывающий ценности (Ц-подход); 3) синтез первых двух подходов (ПЦ-подход). Авторы данного исследования в части трактовки дефиниций «качество и уровень жизни населения» придерживаются базового подхода (основанного на потребностях). В свою очередь, удовлетворение потребностей населения предполагает наличие различных источников денежных доходов (включая заработную плату).

В рамках анализа эффективности деятельности органов исполнительной власти на мезоуровне управления монетарное неравенство населения России оценивается через темпы роста реальных денежных доходов населения и реальной среднемесячной заработной платы¹. Это позволяет задействовать управленческий фактор в регулировании социально-экономических неравенств в нашей стране (Мерзляков, Богданов, 2022). Однако данные показатели через динамику сопоставимых цен учитывают изменение душевых доходов и заработной платы только внутри регионов. Если их применять для измерения межрегионального неравенства, то его уровень не будет отражать межрегиональные различия в уровне жизни населения, поскольку не учитывает разную покупательную способность населения в российских регионах.

¹ Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации и деятельности исполнительных органов субъектов Российской Федерации: Указ Президента РФ от 4 февраля 2021 года № 68.

О важности учета различий в покупательной способности населения для обеспечения корректности проводимых межрегиональных сравнений свидетельствует ряд тематических работ (Бобков, Одинцова, 2020, с. 179–182; Суринов, Луппов, 2022; Бобков, Гулюгина, 2023).

Согласно авторскому определению, покупательная способность населения по доходам и заработной плате представляет собой количество наборов прожиточного минимума / потребительских корзин (в среднем на душу населения, трудоспособного населения), приходящихся на заданный размер душевых денежных доходов, заработной платы. Этот показатель измеряет уровень жизни населения, т. е. текущее потребление² (Бобков, Гулюгина, 2023). Соответственно, межрегиональное неравенство покупательной способности населения по денежным доходам измеряет разрывы среднего уровня жизни у населения российских регионов³.

Опираясь на тематические труды (Ибрагимова, Франц, 2020; Дорофеев, 2021; Шаталова, Касаткина, 2022 и др.), можно сделать вывод, что для оценки социального неравенства по доходам и богатству в России (ресурсное неравенство) и за рубежом, как правило, применяют несколько показателей (коэффициентов или индексов): коэффициент Джини, коэффициент фондов, децильный коэффициент, семейство обобщенных мер энтропии, Т- и L-индексы Тейла, а также семейство индексов неравенства

Аткинсона. При этом в работе (Ибрагимова, Франц, 2020, с. 77) справедливо отмечается, что наиболее распространенным показателем неравенства по доходам и богатству является коэффициент Джини. Помимо него, исследователи в вышеуказанной работе с целью изучения вклада неравенства возможностей в неравенство доходов и заработной платы в РФ применяли L-, Т-индексы Тейла и индексы Аткинсона.

Потребность производить более точные измерения привела к использованию в межрегиональных сопоставлениях индексного метода, в рамках которого интегральный показатель (индекс) включает несколько частных индексов. В работе (Симионеску и др., 2020) с целью оценки кадровой региональной дифференциации применялся интегральный индекс, учитывающий шесть базовых компонент (частных индексов) трудового потенциала субъектов РФ: 1) продолжительность трудовой жизни; 2) уровень трудовой активности населения; 3) уровень профессиональной подготовки занятого населения; 4) фондооруженность труда работников; 5) среднедушевой валовой региональный продукт и 6) среднемесячная заработная плата работников. Исходя из этого перечня, можно сделать вывод, что исследователи одновременно изучают несколько видов социальных неравенств (в частности, по занятости, доходам и уровню образования).

В настоящее время результаты, полученные индексным методом, могут быть существенно дополнены путем применения искусственных нейронных сетей или методов машинного обучения. Так, в частности, метод интеллектуального анализа данных «случайный лес» (см., например, Breiman, 2001) позволяет выявлять скрытые взаимозависимости между различными индикаторами (Зарова, Дубравская, 2020), исследуя влияние экономических показателей на уровень неформальной занятости в российских регионах.

Необходимо отметить, что в последнее время начали появляться работы, не ограничивающиеся ретроспективной оценкой изучаемого феномена с помощью индексного метода. В них проводится многомерный кластерный анализ, дополняющий результаты рейтингования субъектов РФ, причем такой анализ осуществляется и с применением различных методов искусственного интеллекта (ИИ).

² Представляет собой количество наборов прожиточного минимума / потребительских корзин (в среднем на душу населения, трудоспособного населения, пенсионеров, детей соответственно), приходящихся на заданный размер денежного дохода, потребительских расходов или располагаемых ресурсов домашних хозяйств.

³ Росстат не рассчитывает показатель «покупательная способность населения». В отличие от этого показателя он рассчитывает покупательную способность среднедушевых денежных доходов населения через товарный эквивалент среднедушевых денежных доходов населения в месяц (среднемесячной номинальной начисленной заработной платы, среднего размера назначенных пенсий), под которым понимается количество какого-либо одного товара (услуги) с конкретными потребительскими свойствами, которое может быть приобретено при условии, что вся сумма денежных доходов будет направлена только на эти цели. Источник: Социальное положение и уровень жизни населения России 2023 // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13212> (дата обращения 06.06.2024).

Например, исследование (Леонидова и др., 2022) посвящено измерению доходного неравенства населения российских регионов с помощью искусственного интеллекта. Проводится многомерный кластерный анализ по пяти частным показателям (индикаторам): 1) среднедушевые денежные доходы; 2) среднемесячная номинальная начисленная заработка; 3) численность населения с доходами ниже величины прожиточного минимума; 4) коэффициент Джини и 5) коэффициент фондов. Иерархическое объединение (см., например, Shetty, Singh, 2021) субъектов РФ по изучаемому явлению в кластер производится методом Варда с применением библиотеки Orange машинного обучения языка программирования Python. Однако до сих пор практически отсутствуют статьи российских ученых, реализующие на основе ИИ прогностическую функцию. При этом за рубежом, наоборот, известно достаточно много работ с применением искусственных нейронных сетей для перспективной оценки социально-экономических характеристик различных систем (Qiu et al., 2019; Jin et al., 2022; Zhang et al., 2022 и др.).

Данные и методы исследования

В данном исследовании совмещены индексный метод и применение искусственного интеллекта для определения индекса уровня жизни, который назван авторами *индексом социального благополучия населения*. Проведено оценивание межрегионального неравенства уровня жизни по данному индексу. Результаты исследования дополняют способы оценивания уровня жизни населения и его межрегиональные сопоставления. Ретроспективная оценка углубляется путем кластеризации регионов России по индексу социального благополучия населения. Также реализована прогностическая функция динамики вышеуказанного индекса.

Гипотеза исследования состоит в том, что индекс социального благополучия населения позволяет более точно измерить уровень жизни населения. Из этого вытекает достаточно корректное определение межрегионального неравенства уровня жизни населения. Задачи (кластеризация и прогнозирование) в рамках работы решались с применением искусственного интеллекта (искусственных нейронных сетей). Все это составляет элементы новизны исследования.

В рамках работы предпринята попытка соединить в индексе социального благополучия региона оценивание уровня жизни через свертку частных индексов, в центре которых индекс покупательной способности заработной платы, дополненный рядом других, с применением искусственного интеллекта, способного обеспечить высокую точность аппроксимации исходных данных региональной статистики и последующего прогнозирования. Полученный таким комбинированным способом индекс социального благополучия положен авторами в основу выявления и прогнозирования межрегионального неравенства уровня жизни населения. Полагаем, что определение индекса социального благополучия может быть одним из адекватных инструментов для мониторинга текущей ситуации, связанной с уровнем жизни населения, прогноза возможных изменений и сокращения его межрегиональных разрывов. В данном исследовании с учетом вышеизложенных подходов к определению индикаторов изучения уровня жизни предпринята попытка с помощью последовательных итераций предложить адекватную (высокоточную) эконометрическую модель его оценивания и применения для межрегиональных сопоставлений. В исходной позиции с учетом тематических исследований (Ибрагимова, Франц, 2020; Житин, Прокофьев, 2022) считаем возможным предложить следующую систему факторных показателей:

- 1) среднемесячная номинальная начисленная заработка работников организаций (X_1), руб.;
- 2) численность занятых, приходящихся на одного пенсионера (X_2), чел.;
- 3) уровень занятости населения в возрасте 15–72 лет (X_3), %;
- 4) уровень участия в рабочей силе населения в возрасте 15–72 лет (X_4), %;
- 5) доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума / границы бедности, 2021–2022 гг. (X_5), %;
- 6) удельный вес городского населения (X_6), %;
- 7) удельный вес занятого населения с высшим образованием (X_7), %;
- 8) удельный вес индивидуальных предпринимателей (X_8), %.

Таблица 1. Матрица парных коэффициентов корреляции К. Пирсона

Показатель	Y	X ₁	X ₂	X ₃	X ₄	X ₅	X ₆	X ₇	X ₈
Y	1								
X ₁	0,920	1							
X ₂	0,679	0,608	1						
X ₃	0,649	0,517	0,637	1					
X ₄	0,573	0,480	0,684	0,842	1				
X ₅	-0,560	-0,358	-0,309	-0,642	-0,336	1			
X ₆	0,478	0,437	0,397	0,637	0,457	-0,554	1		
X ₇	0,306	0,251	0,432	0,097	0,181	-0,085	0,084	1	
X ₈	0,181	0,158	0,051	0,253	0,060	-0,198	0,108	0,018	1

Источник: составлено авторами.

Оценим силу влияния каждого из факторов на результативный показатель (Y, среднедушевые денежные доходы населения) на основе расчета и анализа парных коэффициентов корреляции К. Пирсона по данным региональной статистики за 2015–2022 гг.⁴ (табл. 1).

Первый фактор оказывает сильное влияние на результативный показатель. Между группой факторов (со второго по шестой) и результативным показателем существует прямая (за исключением пятого фактора) связь средней силы. Наконец, седьмой и восьмой факторы слабо влияют на результативный показатель, следовательно, включать их в модель нецелесообразно. Необходимо отметить, что третий и четвертый факторы сильно связаны между собой, однако значение их парного коэффициента корреляции К. Пирсона не превышает 0,85. Отсюда мультиколлинеарность в исходных данных отсутствует, следовательно, для формирования ряда эконометрических моделей может применяться система из первых шести факторов. По результатам корреляционно-регрессионного анализа были исключены третий и шестой факторы. Параметр уравнения регрессии для

третьего фактора оказался незначимым. Помимо этого, у вышеуказанных факторов был некорректный (отрицательный) знак в уравнении регрессии, противоречащий социально-экономическому смыслу. Результаты проверки ряда эконометрических моделей на адекватность (точность аппроксимации исходных данных) представлены в таблице 2.

Согласно значению коэффициентов детерминации (превышающих 0,9), каждая из трех эконометрических моделей позволяет с высокой степенью точности прогнозировать значение результативного показателя. Однако, исходя из средней ошибки аппроксимации (E), принимающей значения более 8%, все модели обеспечивают лишь приемлемую точность прогнозирования. Поэтому далее в рамках исследования с целью построения высокоточной модели, оценивающей социальное благополучие населения субъектов РФ, применяется индексный метод в сочетании с искусственным интеллектом. Полученный индекс является индексом социального благополучия населения. С учетом результатов ранее проведенного корреляционно-регрессионного анализа частными являются

Таблица 2. Оценка адекватности ряда эконометрических моделей

Модель	Вид уравнения регрессии	R ²	Нормированный R ²	E, %
Первая	Y=-1916,4+0,504X ₁ +5428,3X ₂ +188,8X ₄ -591X ₅	0,924	0,923	8,8
Вторая	Y=8469,2+0,506X ₁ +7068,2X ₂ -609,2X ₅	0,922	0,922	8,9
Третья	Y=17523,4+0,567X ₁ -648,8X ₅	0,907	0,907	9,6

Источник: составлено авторами.

⁴ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2023: стат. сб. М.: Росстат.

индексы шести первых факторных показателей. Расчет индекса социального благополучия населения производится при следующих основных условиях.

1. Все частные индексы считаются равнозначными. «Свертка» осуществляется по формуле простой среднеарифметической.

2. Учитывается необходимость подчинения исходной информации закону нормального распределения, т. е. асимметрия не должна превышать 0,5. С целью снижения значения показателя (при необходимости) применяется процедура трансформации исходной информации (извлекается корень второй или третьей степени из нормализованных значений частных показателей)⁵.

3. Нормализация значений частных показателей осуществляется максиминным способом. При этом размах вариации определяется в погодовом разрезе.

4. Рост значений частных показателей в динамике является позитивной тенденцией, за исключением пятого фактора.

5. Первый фактор в расчетах фигурирует в сопоставимых ценах для всех регионов России. За базу сравнения принимается стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг в г. Москве, для других субъектов РФ вводятся поправочные коэффициен-

ты. Вследствие этого первый частный индекс представляет собой индекс покупательной способности населения региона по среднемесячной номинальной начисленной заработной плате работников организаций. Он оказывает наиболее сильное влияние на интегральный индекс социального благополучия населения, который в результате произведенных преобразований представляет собой авторский интегральный индекс уровня жизни населения региона.

Результаты исследования

Результаты расчета индекса социального благополучия населения и последующего ранжирования (формирование рейтинга) регионов России представлены в *таблице 3*.

Коэффициент межрегиональной дифференциации индекса социального благополучия населения (рассчитывается как отношение наибольшего значения индекса к наименьшему) составил 4,74 раза в 2015 году, 3,67 раза в 2016 году, 3,85 раза в 2017 году, 4,32 раза в 2018 году, 4,41 раза в 2019 году, 3,97 раза в 2020 году, 3,92 раза в 2021 году и 3,65 раза в 2022 году. В период 2019–2022 гг. дифференциация субъектов РФ по индексу социального благополучия населения снижалась. В 2022 году по сравнению с 2015 годом значение коэффициента сократилось в 1,3 раза.

Таблица 3. Индекс / рейтинг социального благополучия населения субъектов РФ

Субъект РФ	Значение индекса (у) / Ранг согласно значению у							
	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Белгородская область	0,613/ 29	0,627/ 21	0,649/ 19	0,602/ 21	0,606/ 19	0,641/ 15	0,638/ 21	0,642/ 19
Брянская область	0,512/ 61	0,511/ 60	0,516/ 58	0,451/ 60	0,453/ 62	0,466/ 62	0,482/ 63	0,469/ 67
Владимирская область	0,598/ 32	0,573/ 34	0,597/ 32	0,530/ 39	0,556/ 33	0,569/ 32	0,581/ 33	0,620/ 25
Воронежская область	0,557/ 47	0,555/ 46	0,583/ 37	0,532/ 37	0,544/ 35	0,568/ 33	0,589/ 30	0,597/ 30
Ивановская область	0,560/ 45	0,548/ 51	0,585/ 35	0,484/ 52	0,497/ 48	0,494/ 51	0,557/ 40	0,559/ 41
Калужская область	0,656/ 18	0,662/ 14	0,674/ 14	0,644/ 13	0,628/ 14	0,656/ 14	0,677/ 13	0,666/ 16
Костромская область	0,527/ 58	0,534/ 56	0,550/ 54	0,472/ 55	0,487/ 52	0,502/ 48	0,508/ 54	0,500/ 58

⁵ Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации (2023). Выпуск 8 / В.Л. Абашкин, Г.И. Абдрахманова, С.В. Бредихин и др.; под ред. Л.М. Гохберга; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ. С. 52.

Продолжение таблицы 3

Субъект РФ	Значение индекса (y) / Ранг согласно значению y							
	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Курская область	0,566/ 43	0,560/ 43	0,579/ 40	0,521/ 41	0,534/ 39	0,543/ 41	0,578/ 34	0,568/ 37
Липецкая область	0,589/ 34	0,594/ 28	0,619/ 26	0,573/ 27	0,580/ 26	0,606/ 23	0,609/ 27	0,617/ 26
Московская область	0,734/ 8	0,733/ 7	0,763/ 7	0,747/ 7	0,737/ 7	0,740/ 7	0,738/ 9	0,728/ 8
Орловская область	0,484/ 67	0,481/ 67	0,486/ 67	0,405/ 69	0,382/ 73	0,414/ 70	0,433/ 70	0,417/ 71
Рязанская область	0,475/ 68	0,483/ 65	0,509/ 61	0,422/ 65	0,472/ 56	0,462/ 63	0,471/ 65	0,496/ 59
Смоленская область	0,573/ 39	0,550/ 49	0,577/ 41	0,504/ 46	0,463/ 59	0,491/ 54	0,510/ 53	0,540/ 46
Тамбовская область	0,499/ 63	0,491/ 63	0,513/ 60	0,434/ 64	0,442/ 65	0,480/ 56	0,491/ 62	0,506/ 57
Тверская область	0,607/ 30	0,590/ 29	0,618/ 28	0,573/ 26	0,573/ 28	0,586/ 28	0,585/ 32	0,587/ 34
Тульская область	0,613/ 28	0,612/ 26	0,625/ 24	0,576/ 25	0,585/ 25	0,616/ 21	0,626/ 24	0,629/ 21
Ярославская область	0,670/ 13	0,648/ 17	0,655/ 17	0,604/ 20	0,590/ 23	0,614/ 22	0,641/ 20	0,628/ 22
город Москва	0,905/ 1	0,920/ 1	0,925/ 1	0,942/ 1	0,922/ 1	0,934/ 1	0,957/ 1	0,928/ 1
Республика Карелия	0,505/ 62	0,514/ 59	0,508/ 64	0,448/ 61	0,473/ 55	0,477/ 59	0,475/ 64	0,467/ 68
Республика Коми	0,643/ 20	0,615/ 25	0,603/ 31	0,564/ 28	0,559/ 32	0,553/ 38	0,546/ 44	0,530/ 49
Архангельская область	0,562/ 44	0,547/ 53	0,573/ 43	0,511/ 44	0,513/ 42	0,515/ 47	0,540/ 46	0,527/ 51
Вологодская область	0,570/ 41	0,577/ 33	0,560/ 49	0,493/ 48	0,510/ 44	0,544/ 40	0,523/ 50	0,530/ 50
Калининградская область	0,662/ 16	0,638/ 19	0,639/ 21	0,586/ 24	0,600/ 21	0,597/ 26	0,610/ 25	0,624/ 24
Ленинградская область	0,651/ 19	0,641/ 18	0,673/ 15	0,615/ 17	0,607/ 18	0,625/ 19	0,642/ 19	0,697/ 12
Мурманская область	0,739/ 7	0,731/ 8	0,745/ 8	0,707/ 8	0,707/ 8	0,707/ 9	0,748/ 7	0,728/ 9
Новгородская область	0,604/ 31	0,586/ 30	0,592/ 33	0,523/ 40	0,511/ 43	0,493/ 53	0,545/ 45	0,531/ 48
Псковская область	0,491/ 66	0,489/ 64	0,471/ 69	0,416/ 67	0,451/ 63	0,439/ 66	0,497/ 59	0,478/ 63
город Санкт-Петербург	0,850/ 3	0,856/ 3	0,882/ 2	0,880/ 2	0,858/ 3	0,879/ 2	0,906/8 3	0,893/ 3
Республика Адыгея	0,347/ 80	0,302/ 80	0,309/ 80	0,279/ 77	0,333/ 76	0,363/ 75	0,305/ 77	0,323/ 77
Республика Калмыкия	0,387/ 77	0,406/ 73	0,410/ 76	0,328/ 76	0,321/ 77	0,375/ 74	0,349/ 74	0,377/ 73
Республика Крым	0,426/ 74	0,388/ 75	0,439/ 73	0,363/ 74	0,413/ 68	0,438/ 67	0,442/ 69	0,432/ 70
Краснодарский край	0,539/ 54	0,540/ 54	0,563/ 46	0,514/ 43	0,515/ 41	0,538/ 42	0,548/ 43	0,549/ 43
Астраханская область	0,614/ 27	0,585/ 31	0,630/ 23	0,541/ 35	0,537/ 38	0,554/ 37	0,563/ 39	0,581/ 35

Продолжение таблицы 3

Субъект РФ	Значение индекса (у) / Ранг согласно значению у							
	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Волгоградская область	0,577/ 37	0,564/ 40	0,575/ 42	0,540/ 36	0,525/ 40	0,556/ 36	0,575/ 35	0,597/ 29
Ростовская область	0,529/ 57	0,548/ 52	0,553/ 53	0,492/ 49	0,498/ 47	0,532/ 43	0,550/ 42	0,566/ 38
город Севастополь	0,617/ 25	0,566/ 37	0,606/ 30	0,608/ 19	0,614/ 16	0,605/ 24	0,652/ 15	0,667/ 14
Республика Дагестан	0,413/ 75	0,405/ 74	0,411/ 75	0,337/ 75	0,354/ 75	0,321/ 77	0,310/ 76	0,352/ 74
Республика Ингушетия	0,369/ 78	0,372/ 76	0,444/ 72	0,386/ 72	0,396/ 70	0,391/ 71	0,346/ 75	0,344/ 75
Кабардино-Балкарская Республика	0,471/ 69	0,440/ 72	0,450/ 71	0,421/ 66	0,414/ 67	0,440/ 65	0,462/ 66	0,471/ 66
Карачаево-Черкесская Республика	0,311/ 81	0,281/ 81	0,263/ 81	0,219/ 81	0,218/ 81	0,235/ 82	0,255/ 81	0,282/ 80
Республика Северная Осетия – Алания	0,465/ 71	0,440/ 71	0,487/ 66	0,473/ 54	0,379/ 74	0,323/ 76	0,379/ 73	0,409/ 72
Чеченская Республика	0,409/ 76	0,366/ 78	0,350/ 78	0,265/ 78	0,281/ 78	0,263/ 81	0,276/ 80	0,269/ 81
Ставропольский край	0,513/ 60	0,509/ 61	0,509/ 62	0,456/ 59	0,482/ 53	0,498/ 50	0,500/ 57	0,509/ 56
Республика Башкортостан	0,552/ 51	0,548/ 50	0,557/ 50	0,480/ 53	0,474/ 54	0,493/ 52	0,507/ 55	0,521/ 53
Республика Марий Эл	0,518/ 59	0,495/ 62	0,496/ 65	0,394/ 70	0,428/ 66	0,422/ 69	0,446/ 68	0,448/ 69
Республика Мордовия	0,557/ 46	0,558/ 44	0,556/ 52	0,461/ 58	0,510/ 45	0,472/ 61	0,521/ 51	0,562/ 39
Республика Татарстан	0,715/ 9	0,705/ 9	0,716/ 9	0,671/ 10	0,667/ 10	0,690/ 11	0,710/ 10	0,715/ 10
Удмуртская Республика	0,639/ 21	0,619/ 23	0,619/ 27	0,557/ 31	0,541/ 36	0,570/ 31	0,571/ 36	0,560/ 40
Чувашская Республика	0,570/ 42	0,530/ 57	0,520/ 57	0,448/ 62	0,456/ 61	0,474/ 60	0,494/ 61	0,488/ 61
Пермский край	0,578/ 36	0,571/ 35	0,562/ 47	0,493/ 47	0,498/ 46	0,531/ 44	0,552/ 41	0,541/ 45
Кировская область	0,554/ 49	0,553/ 48	0,567/ 44	0,509/ 45	0,488/ 51	0,519/ 46	0,527/ 49	0,523/ 52
Нижегородская область	0,663/ 15	0,667/ 12	0,685/ 12	0,636/ 14	0,636/ 13	0,662/ 13	0,673/ 14	0,679/ 13
Оренбургская область	0,556/ 48	0,554/ 47	0,567/ 45	0,517/ 42	0,458/ 60	0,483/ 55	0,496/ 60	0,472/ 65
Пензенская область	0,553/ 50	0,561/ 41	0,529/ 56	0,492/ 50	0,469/ 57	0,478/ 57	0,530/ 48	0,481/ 62
Самарская область	0,675/ 12	0,666/ 13	0,665/ 16	0,626/ 15	0,611/ 17	0,637/ 16	0,650/ 16	0,656/ 17
Саратовская область	0,551/ 52	0,536/ 55	0,515/ 59	0,446/ 63	0,495/ 50	0,499/ 49	0,514/ 52	0,547/ 44
Ульяновская область	0,550/ 53	0,557/ 45	0,557/ 51	0,466/ 57	0,466/ 58	0,477/ 58	0,504/ 56	0,532/ 47
Курганская область	0,429/ 73	0,368/ 77	0,367/ 77	0,258/ 79	0,264/ 79	0,309/ 78	0,277/ 79	0,284/ 79
Свердловская область	0,681/ 11	0,651/ 16	0,651/ 18	0,591/ 23	0,604/ 20	0,617/ 20	0,642/ 18	0,625/ 23

Окончание таблицы 3

Субъект РФ	Значение индекса (y) / Ранг согласно значению y							
	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Тюменская область	0,763/ 5	0,761/ 5	0,777/ 5	0,761/ 6	0,747/ 6	0,748/ 6	0,760/ 6	0,749/ 6
Челябинская область	0,665/ 14	0,656/ 15	0,682/ 13	0,661/ 12	0,661/ 11	0,673/ 12	0,684/ 12	0,666/ 15
Республика Алтай	0,351/ 79	0,327/ 79	0,324/ 79	0,241/ 80	0,260/ 80	0,301/ 79	0,282/ 78	0,254/ 82
Республика Тыва	0,191/ 82	0,251/ 82	0,240/ 82	0,218/ 82	0,209/ 82	0,290/ 80	0,244/ 82	0,291/ 78
Республика Хакасия	0,530/ 55	0,515/ 58	0,531/ 55	0,467/ 56	0,447/ 64	0,437/ 68	0,498/ 58	0,510/ 55
Алтайский край	0,495/ 65	0,468/ 69	0,468/ 70	0,378/ 73	0,395/ 71	0,387/ 72	0,407/ 71	0,474/ 64
Красноярский край	0,498/ 64	0,483/ 66	0,508/ 63	0,594/ 22	0,595/ 22	0,600/ 25	0,633/ 23	0,612/ 28
Иркутская область	0,595/ 33	0,583/ 32	0,581/ 39	0,531/ 38	0,540/ 37	0,546/ 39	0,565/ 38	0,587/ 33
Кемеровская область	0,616/ 26	0,609/ 27	0,610/ 29	0,543/ 34	0,555/ 34	0,565/ 34	0,571/ 37	0,572/ 36
Новосибирская область	0,624/ 23	0,627/ 20	0,638/ 22	0,564/ 29	0,577/ 27	0,579/ 30	0,610/ 26	0,596/ 31
Омская область	0,629/ 22	0,616/ 24	0,620/ 25	0,563/ 30	0,563/ 30	0,594/ 27	0,596/ 29	0,592/ 32
Томская область	0,530/ 56	0,566/ 38	0,561/ 48	0,552/ 32	0,560/ 31	0,562/ 35	0,586/ 31	0,557/ 42
Республика Бурятия	0,471/ 70	0,442/ 70	0,428/ 74	0,405/ 68	0,384/ 72	0,384/ 73	0,381/ 72	0,331/ 76
Республика Саха (Якутия)	0,588/ 35	0,561/ 42	0,585/ 36	0,615/ 16	0,622/ 15	0,629/ 17	0,637/ 22	0,635/ 20
Забайкальский край	0,576/ 38	0,568/ 36	0,581/ 38	0,487/ 51	0,496/ 49	0,521/ 45	0,533/ 47	0,520/ 54
Камчатский край	0,702/ 10	0,678/ 10	0,686/ 11	0,675/ 9	0,694/ 9	0,723/ 8	0,739/ 8	0,735/ 7
Приморский край	0,623/ 24	0,626/ 22	0,645/ 20	0,610/ 18	0,589/ 24	0,628/ 18	0,648/ 17	0,648/ 18
Хабаровский край	0,656/ 17	0,676/ 11	0,701/ 10	0,669/ 11	0,638/ 12	0,697/ 10	0,699/ 11	0,705/ 11
Амурская область	0,573/ 40	0,564/ 39	0,592/ 34	0,550/ 33	0,564/ 29	0,585/ 29	0,599/ 28	0,615/ 27
Магаданская область	0,842/ 4	0,824/ 4	0,868/ 4	0,863/ 4	0,836/ 4	0,876/ 4	0,912/ 2	0,897/ 2
Сахалинская область	0,746/ 6	0,747/ 6	0,769/ 6	0,783/ 5	0,765/ 5	0,787/ 5	0,796/ 5	0,809/ 5
Еврейская автономная область	0,464/ 72	0,469/ 68	0,475/ 68	0,394/ 71	0,412/ 69	0,456/ 64	0,451/ 67	0,488/ 60
Чукотский автономный округ	0,861/ 2	0,863/ 2	0,876/ 3	0,875/ 3	0,866/ 2	0,877/ 3	0,882/ 4	0,877/ 4
Miny	0,191	0,251	0,240	0,218	0,209	0,235	0,244	0,254
Maxy	0,905	0,920	0,925	0,942	0,922	0,934	0,957	0,928

Примечание: Архангельская область указана в составе с Ненецким автономным округом, а Тюменская область – с Ханты-Мансийским автономным округом – Югры и Ямало-Ненецким автономным округом.

Источник: составлено авторами.

Лидерами рейтинга (первые пять мест) в анализируемом периоде являлись г. Москва и Санкт-Петербург, Магаданская область, Чукотский автономный округ и Сахалинская область. При этом необходимо отметить, что на протяжении всего анализируемого периода даже у безусловного лидера рейтинга – г. Москвы – значение индекса было менее 1, следовательно, столица не является абсолютным лидером, т. е. лидером по всем шести частным индексам одновременно. В состав аутсайдеров рейтинга (последние пять мест) также на регулярной основе входили Чеченская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Алтай, Курганская область и Республика Тыва.

Далее на примере 2020–2022 гг. проводится кластеризация субъектов РФ по индексу социального благополучия населения с помощью искусственного интеллекта. Кластерный анализ осуществляется методом самоорганизующихся карт Т. Кохонена в демо-версии программного продукта Deductor Studio Lite 5.1. Обучение каждой такой карты производится при следующих основных условиях: 1) способ начальной инициализации – обучающее множество; 2) Гауссова функция соседства. Исходя из расчета и анализа наибольшего и наименьшего значений индекса принято решение о целесо-

образности выделения четырех кластеров регионов России, характеризующихся высоким, выше среднего, средним и ниже среднего уровнем социального благополучия населения. Результаты ежегодного распределения субъектов РФ согласно у представлены на *рисунке 1*.

Далее проанализируем изменения в кластерной структуре российских регионов (*табл. 4*). Большая часть (порядка 70–72%) субъектов страны в 2020–2022 гг. характеризовалась либо выше среднего, либо средним уровнем индекса социального благополучия населения. При этом на разных «полюсах» (примерно по 13–15%) ежегодно располагались регионы с высоким и ниже среднего уровнем индекса социального благополучия населения.

Необходимо отметить устойчивость сформировавшейся кластерной структуры субъектов РФ на протяжении последних трех лет анализируемого периода. Практически неизменным оставалось количество регионов как в первом, так и в четвертом кластерах. Незначительные (по количеству) переходы регионов России наблюдались лишь между вторым и третьим кластерами.

Корректность процедуры (кластерного анализа с применением искусственного интеллекта) подтверждается рядом показателей (*табл. 5*).

Таблица 4. Кластерная структура субъектов РФ по индексу социального благополучия населения

Кластер	2020 год		2021 год		2022 год	
	число регионов	%	число регионов	%	число регионов	%
Первый	12	14,6	11	13,4	12	14,6
Второй	29	35,4	28	34,1	26	31,7
Третий	28	34,1	31	37,8	32	39,0
Четвертый	13	15,9	12	14,6	12	14,6

Источник: составлено авторами.

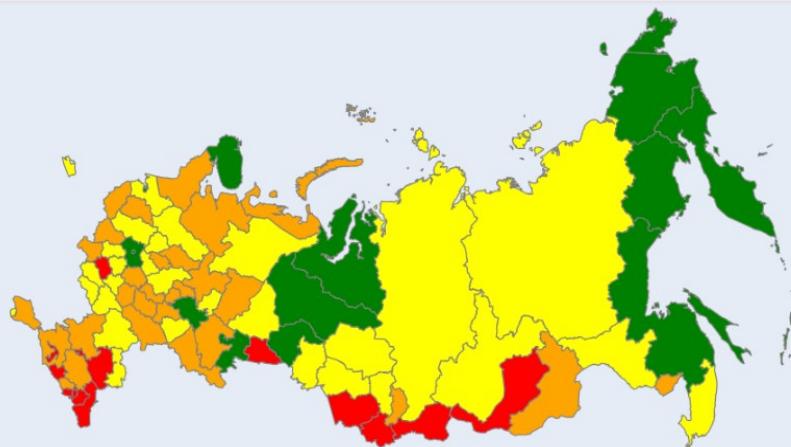
Таблица 5. Оценка адекватности процедуры кластеризации субъектов РФ в Deductor Studio Lite 5.1

Показатель	2020 год	2021 год	2022 год
Максимальная ошибка	2,58E-0,3	7,91E-0,3	2,88E-0,3
Средняя ошибка	2,83E-0,4	6,83E-0,4	3,63E-0,4
Распознано (%)	100	100	100

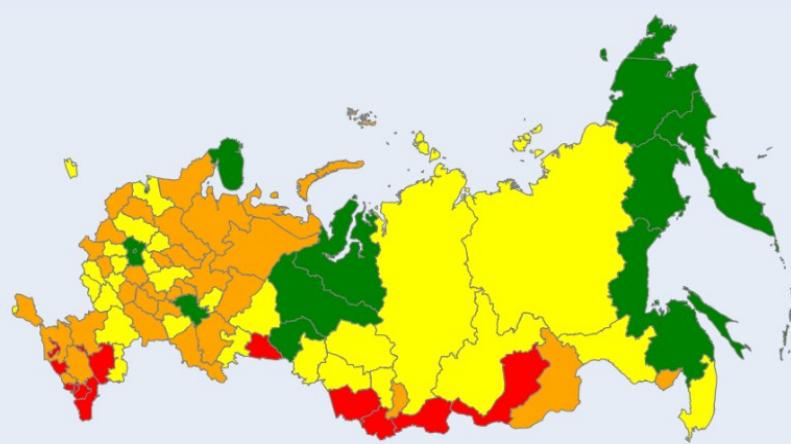
Источник: составлено авторами.

Рис. 1. Распределение субъектов РФ по индексу социального благополучия населения в 2020 (а), 2021 (б), 2022 (в) году

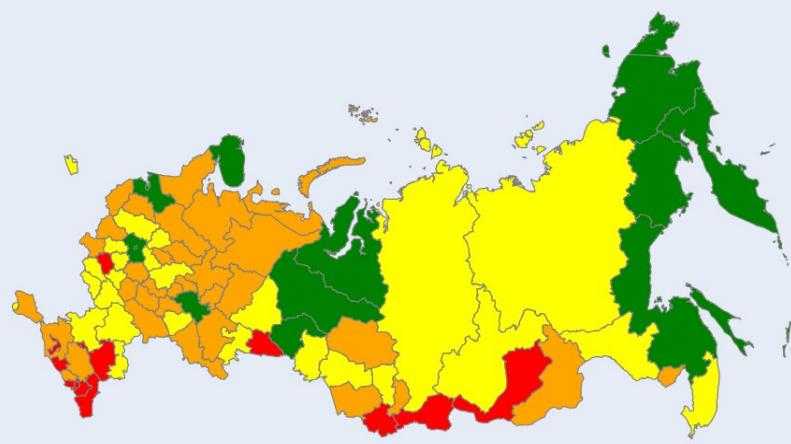
а)

б)

в)

Примечание:

 первый кластер

 второй кластер

 третий кластер

 четвертый кластер

Источник: составлено авторами.

Все наблюдения ежегодно были полностью распознаны. На устойчивость полученных результатов также указывает одинаковый порядок в 2020–2022 гг. как средней, так и максимальной ошибки. Далее реализуется прогностическая функция также с помощью искусственного интеллекта в демоверсии программного продукта Deductor Studio Lite 5.1. Ввиду ограничения по количеству наблюдений (не более 150) нейромоделирование осуществляется на примере 50 субъектов РФ, входящих в Центральный, Северо-Западный, Южный, Северо-Кавказский, Уральский и Дальневосточный федеральные округа, за 2020–2022 гг.

«Выходная» переменная – индекс социального благополучия населения. К «входным» переменным относятся первый, второй, четвертый и пятый факторы. По причине относительно малого массива данных обучение нейромо-

делей осуществляется на всем множестве наблюдений. Конфигурация сформированного байесовского ансамбля нейромоделей представлена в *таблице 6*.

В байесовский ансамбль были включены пять нейромоделей либо с одним, либо с двумя скрытыми слоями. При этом варьировалось число нейронов в скрытых слоях с шагом – 4.

Оценим адекватность сформированного байесовского ансамбля нейромоделей с помощью как автоматически определяемых, так и самостоятельно рассчитанных показателей (*табл. 7, 8*). Во втором случае дополнительно определяются средняя (E) и максимальная ошибка (maxe) аппроксимации исходных данных, также рассчитывается частотный критерий качества нейромоделирования (количество (N) и процент (P) корректно распознанных наблюдений при 5 и 8% индивидуальной ошибке аппроксимации).

Таблица 6. Конфигурация байесовского ансамбля нейромоделей

Нейромодель	Количество скрытых слоев	Число нейронов		Активационная функция
		в первом скрытом слое	во втором скрытом слое	
Первая	1	4	-	Гипертангенс
Вторая	1	8	-	
Третья	1	12	-	
Четвертая	2	8	8	
Пятая	2	8	12	

Источник: составлено авторами.

Таблица 7. Система автоматически рассчитанных показателей адекватности байесовского ансамбля нейромоделей

Нейромодель	Максимальная ошибка	Средняя ошибка	Распознано (%)
Первая	9,13E-0,3	1,23E-0,3	100
Вторая	9,17E-0,3	9,35E-0,4	100
Третья	1,08E-0,2	1,23E-0,3	100
Четвертая	5,32E-0,3	4,87E-0,4	100
Пятая	5,65E-0,3	5,17E-0,4	100

Источник: составлено авторами.

Таблица 8. Дополнительные показатели адекватности байесовского ансамбля нейромоделей

Нейромодель	E, %	N		P		maxe, %
		e = 5%	e = 8%	e = 5%	e = 8%	
Первая	3,7	109	140	72,7	93,3	13,9
Вторая	2,8	127	143	84,7	95,3	14,4
Третья	3,3	117	142	78	94,7	13,6
Четвертая	3,9	104	135	69,3	90	11,3
Пятая	3,6	110	138	73,3	92	10,8

Источник: составлено авторами.

Согласно как средней, так и максимальной ошибке наиболее адекватной из пяти нейромоделей является четвертая искусственная нейронная сеть. Близкие с ней значения показателей демонстрирует пятая нейромодель.

Если исходя из средней ошибки аппроксимации и частотного критерия качества наиболее адекватной является вторая нейромодель, то согласно максимальной ошибке аппроксимации – пятая искусственная нейронная сеть. Учитывая значения всех показателей адекватности, можно сделать вывод, что искусственный интеллект позволяет с высокой степенью точности аппроксимировать исходные данные, необходимые для формирования прогноза по индексу социального благополучия населения субъектов РФ.

Реализуем прогностическую функцию с помощью сформированного байесовского ансамбля нейромоделей на примере регионов-лидеров рейтинга для 2024–2025 гг. (табл. 9, рис. 2). При этом значения факторных показателей назначены экспертами исходя из тенденций их изменения в динамике за 2015–2022 гг. Согласно данным сформированного прогноза, в 2024–2025 гг. ожидается сохранение лидерства г. Москвы по индексу социального благополучия населения.

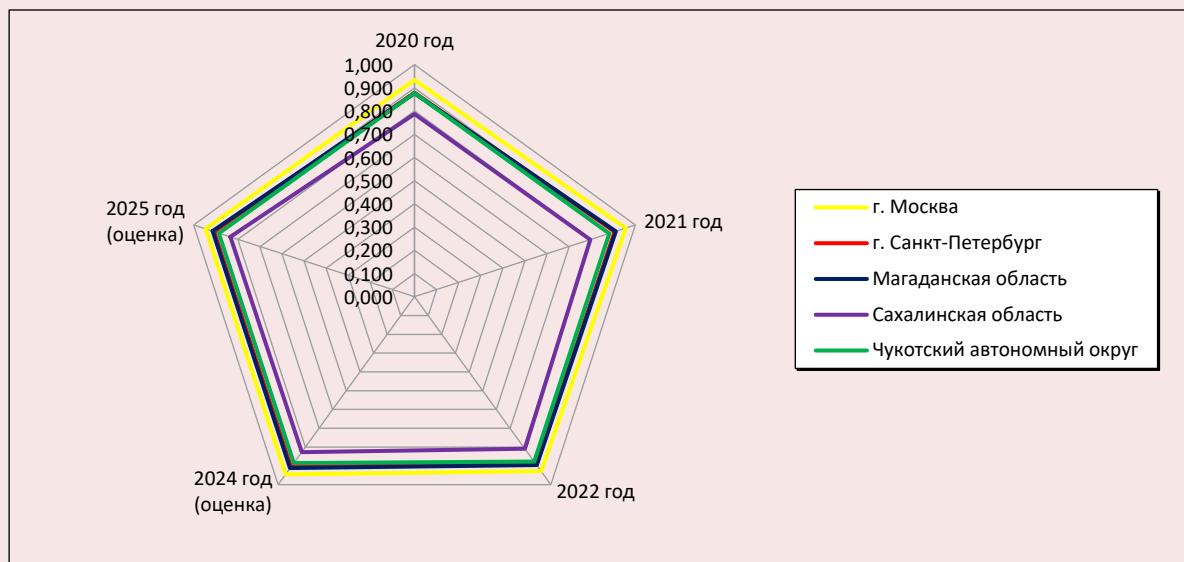
При этом прогнозируется практически фиксация значения результативного показателя у региона-лидера. На 2–3-м местах рейтинга предположительно расположатся, соответственно, Магаданская область и г. Санкт-Петербург. При этом для каждого из двух вышеука-

Таблица 9. Прогнозирование индекса социального благополучия населения (у) с помощью искусственного интеллекта

Субъект РФ	2024 год (оценка)					2025 год (оценка)				
	x_1	x_2	x_4	x_5	у	x_1	x_2	x_4	x_5	у
г. Москва	0,995	1,000	0,910	0,997	0,945	0,997	1,000	0,915	0,998	0,946
г. Санкт-Петербург	0,905	0,810	0,905	1,000	0,905	0,910	0,820	0,910	1,000	0,908
Магаданская область	1,000	0,800	0,980	0,900	0,912	1,000	0,810	0,985	0,910	0,914
Сахалинская область	1,000	0,625	0,890	0,935	0,827	1,000	0,635	0,910	0,940	0,834
Чукотский автономный округ	0,985	0,870	1,000	0,925	0,885	0,990	0,880	1,000	0,930	0,887

Источник: составлено авторами.

Рис. 2. Индекс социального благополучия населения регионов-лидеров рейтинга

Источник: составлено авторами.

занных регионов-лидеров рейтинга в 2024–2025 гг. ожидается рост значения индекса.

Исходя из данных рисунка 2, между 2–4-м регионами-лидерами рейтинга по индексу социального благополучия населения наблюдается высокая плотность итоговых результатов в 2020–2022 гг. и ожидается ее сохранение на протяжении всего периода прогнозирования. При этом необходимо отметить достаточно большой отрыв 5-го места от 4-го в рейтинге индекса.

Таким образом, индексный метод в сочетании с искусственным интеллектом обеспечивает высокую точность оценки по индексу социального благополучия населения субъектов РФ. Полученные в ходе эмпирического исследования результаты могут быть интерпретированы в рамках так называемой ординалистской парадигмы: «увеличивается – уменьшается» (Fleming, 1952).

В настоящее время, как правило, уполномоченными органами власти на мезоуровне составляются прогнозы социально-экономических индикаторов с помощью сценарного подхода, реализуемого экспертами и поэтому отличающегося высокой степенью субъективности. Разработанный инструментарий позволит повысить точность перспективной оценки изучаемого явления.

Обсуждение результатов

В современной России, как справедливо отмечается в работах (Лапин и др., 2020; Черныш, 2021; Пугачев, 2023), наблюдается высокий (или даже избыточный) уровень монетарного неравенства населения по сравнению с рядом стран мира. Идентичный вывод можно сделать самостоятельно, если проанализировать изменение в динамике значения коэффициента Джини по душевым денежным доходам для России при сравнении с другими странами мира.

Необходимо отметить, что в современной России (2000 год – настоящее время) «пик» по коэффициенту Джини по денежным доходам (порядка 0,42–0,422 в 2007–2010 гг. и 2012 году) пройден. В 2022 году значение показателя повторило исторический минимум, зафиксированный в 2000 году (0,395). Помимо этого, в разрезе регионов ситуация существенно отличается от среднероссийской. В ряде из них наблюдается значительно более высокий уро-

вень монетарного неравенства населения. Так, в частности, значение коэффициента Джини по денежным доходам в 2022 году в г. Москве составляло 0,412, в Ненецком автономном округе – 0,419, в Тюменской области – 0,426, в Ямало-Ненецком автономном округе – 0,44, в Чукотском автономном округе – 0,41. На другом полюсе находятся регионы с монетарным неравенством существенно ниже среднероссийских значений: Костромская область, Республика Хакасия – 0,320, Республика Калмыкия – 0,313, Республика Ингушетия – 0,311, Еврейская автономная область – 0,310⁶. Коэффициент межрегиональной дифференциации (отношение наибольшего значения показателя к наименьшему) составляет 1,4 раза.

В 2022 году наиболее высокая покупательная способность населения по душевым денежным доходам зафиксирована в Ямало-Ненецком автономном округе (6,1 ПМ (прожиточных минимума) рег.), г. Москве (4,8 ПМ рег.), г. Санкт-Петербурге (4,6 ПМ рег.), Ненецком автономном округе (4,3 ПМ рег.) и Сахалинской области (4,0 ПМ рег.). На противоположном полюсе располагались Еврейская автономная область (1,9 ПМ рег.), Республика Калмыкия (1,89 ПМ рег.), Карачаево-Черкесская Республика (1,8 ПМ рег.), Республика Ингушетия (1,7 ПМ рег.) и Республика Тыва (1,6 ПМ рег.). Коэффициент межрегиональной дифференциации покупательной способности населения (соотношение наибольшего и наименьшего значения показателя) равен 3,8 (Бобков, Гулюгина, 2023, с. 114, 137–139).

Коэффициент межрегиональной дифференциации индекса социального благополучия населения составил в 2022 году 3,65 раза – 0,96 от значения аналогичного индекса покупательной способности населения, т. е. они имеют близкие значения. Также имеются точки пересечения по распределению субъектов РФ на разных полюсах рейтинга. Например, в группе регионов-лидеров для двух вышеуказанных показателей находятся г. Москва, Санкт-Петербург и Сахалинская область, а в группе регионов-аутсайдеров – Карачаево-Черкесская Республика и Республика Тыва.

⁶ Коэффициент Джини (индекс концентрации доходов) в целом по России и по субъектам Российской Федерации. URL: rosstat.gov.ru.

Необходимо отметить, что близкие коэффициенты межрегиональной дифференциации по индексу социального благополучия населения и покупательной способности населения значительно выше аналогичного коэффициента, измеряющего межрегиональную дифференциацию распределения ресурсов уровня жизни (в нашем случае – коэффициента Джини по денежным доходам), примерно в 2,6–2,7 раза.

Вместе с тем результаты измерения межрегиональной дифференциации по индексу социального благополучия населения частично не совпадают с результатами его измерения по покупательной способности населения по душевым денежным доходам. По состоянию на 2022 год списки лидеров и аутсайдеров по индексу социального благополучия населения не полностью совпадали: по первому индексу в верхнюю группу, кроме трех совпадающих субъектов, попали Ямало-Ненецкий автономный округ и Ненецкий автономный округ, а в нижнюю группу, кроме двух совпадающих субъектов, попали также Еврейская автономная область, Республика Калмыкия и Республика Ингушетия; по второму индексу, соответственно, Магаданская область, Чукотский автономный округ и Республика Алтай, Чеченская Республика, а также Курганская область.

Это обусловлено учетом в индексе социального благополучия населения большего количества факторов, определяющих его значение, несмотря на то, что определяющим в нем является покупательная способность населения по среднемесячной начисленной заработной плате работников организаций.

Для более детального анализа результатов исследования, включая их прогнозную оценку, т. е. определения, за счет каких факторных показателей произошло / может произойти улучшение или ухудшение индекса социального благополучия населения, необходимо произвести декомпозицию факторов, заложенных в модель определения данного индекса, или воспользоваться параллельным прогнозом покупательной способности населения, являющейся факторным показателем, наиболее сильно влияющим на динамику индекса социального благополучия населения.

Заключение

Учитывая площадь России, разнообразие условий жизни и большое количество регионов, в рамках исследования внимание было сфокусировано на изучении возможностей более точного определения социального благополучия населения для повышения результативности социальной политики на мезоуровне управления и использования индекса социального благополучия населения для оценивания межрегиональной дифференциации уровня жизни. В настоящее время на регулярной основе (ежегодно) проводится оценка результативности деятельности органов исполнительной власти в субъектах РФ. В аспекте уровня жизни она опирается на учет изменений в динамике темпов роста реальных денежных доходов населения и реальной среднемесячной заработной платы. При межрегиональных сопоставлениях уровня жизни населения они, в части официальных оценок, не учитывают региональные различия покупательной способности населения и ряд других факторов, формирующих его уровень жизни, в связи с чем в рамках нашего исследования была предпринята попытка устраниить этот недостаток и предложить авторский подход, состоящий в определении индекса социального благополучия населения с помощью искусственного интеллекта, который более точно измеряет динамику уровня жизни и может быть применен для оценки его межрегиональной дифференциации.

Эмпирическим путем было доказано, что индексный метод в сочетании с искусственным интеллектом позволяет с более высокой степенью точности аппроксимировать данные региональной статистики. Так, если для каждой из трех разработанных традиционных эконометрических моделей средняя ошибка аппроксимации составляла порядка 9–10%, то любая из пяти искусственных нейронных сетей, включенных в байесовский ансамбль, позволяла аппроксимировать исходные данные со средней ошибкой в размере 3–4%. Поэтому среднесрочный прогноз социального благополучия населения субъектов РФ на примере регионов-лидеров рейтинга был сформирован с помощью индексного метода и искусственного интеллекта.

Таким образом, результаты, полученные в рамках исследования, могут:

- являться научной базой для принятия эффективных управленческих решений руководством российских регионов по повышению уровня жизни населения;
- применяться федеральными органами власти для оценивания межрегиональной дифференциации уровня жизни по индексу социального благополучия населения;
- ориентировать государственную социальную политику на повышение индекса социального благополучия населения российских регионов и выравнивание его региональных значений.

Авторы не исключают применения одновременно всех рассмотренных выше способов оценивания возможной социальной динамики

в регионах Российской Федерации и измерения межрегиональной дифференциации: ресурсного обеспечения уровня жизни (индекса Джини по душевым денежным доходам); покупательной способности населения по душевым денежным доходам и индекса социального благополучия населения. Сопоставление этих показателей позволит выявлять одновременно и разнонаправленные процессы, влияющие на формирование уровня жизни населения, и принимать «взвешенные» управленческие решения. Соответственно, полезно было бы проводить межрегиональные сопоставления по всем трем рассмотренным показателям: индексу Джини по доходам, покупательной способности населения по душевым денежным доходам и индексу социального благополучия населения.

Литература

- Бобков В.Н., Гулюгина А.А. (2023). Мониторинг доходов и уровня жизни населения России – 2022 год. Выпуск 1 (202). М.: ИЭ РАН.
- Бобков В.Н., Одинцова Е.В. (2020). Социальное неравенство в России // Журнал Новой экономической ассоциации. № 3. С. 179–184. DOI: 10.31737/2221-2264-2020-47-3-8
- Дорофеев М.Л. (2021). Современная долговая проблема США в контексте регулирования социально-экономического неравенства // Вестник Томского государственного университета. Экономика. № 54. С. 273–286. DOI: 10.17223/19988648/54/16
- Житин Д.В., Прокофьев А.Д. (2022). Этнотерриториальные особенности социального неравенства в США // Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о земле. № 2. С. 333–359. DOI: 10.21638/spbu07.2022.207
- Зарова Е.В., Дубравская Э.И. (2020). Метод «случайный лес» в исследовании влияния макроэкономических показателей регионального развития на уровень неформальной занятости // Вопросы статистики. № 6. С. 37–55. DOI: 10.34023/2313-6383-2020-27-6-37-55
- Ибрагимова З.Ф., Франц М.В. (2020). Неравенство возможностей: теория и практика измерения на микроданных RLMS-HSE // Экономическая политика. № 1. С. 64–89. DOI: 10.18288/1994-5124-2020-1-64-89
- Лапин Н.И., Ильин В.А., Морев М.В. (2020). Экстремальные неравенства и социальное государство (часть 1) // Социологические исследования. № 1. С. 4–17. DOI: 10.31857/S013216250008378-8
- Леонидова Г.В., Басова Е.А., Рассадина М.Н. (2022). Кластерный анализ доходного неравенства населения российских регионов // Проблемы развития территории. № 6. С. 94–114. DOI: 10.15838/ptd.2022.6.122.6
- Мерзляков А.А., Богданов В.С. (2022). Об исследовании социолого-управленческих аспектов регулирования социальных неравенств в регионах России // Вестник Института социологии. № 4. С. 130–143. DOI: 10.19181/vis.2022.13.4.853
- Пугачев А.А. (2023). Экономическое неравенство граждан за гранью средних показателей: проблемы диагностики в условиях его трансформации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. № 3. С. 141–158. DOI: 10.15838/esc.2023.3.87.7
- Симионеску М., Кривокоря Е., Фурсов В., Астахова Е. (2020). Проблемы развития трудового потенциала регионов Российской Федерации с учетом их дифференциации // Terra Economicus. № 2. С. 117–138. DOI: 10.18522/2073-6606-2020-18-2-117-138

- Спиридов А.Ю., Найденова А.А. (2024). Качество жизни населения: подходы к определению понятия, формирование системы сбора данных и методики оценки // Экономика труда. № 8. С. 1159–1180. DOI: 10.18334/et.11.8.121438
- Суринов А.Е., Луппов А.Б. (2022). Дифференциация доходов населения и стоимость жизни на субрегиональном уровне. Оценки для России // Экономический журнал ВШЭ. № 4. С. 552–578. DOI: 10.17323/1813-8691-2022-26-4-552-578
- Черныш М.Ф. (2021). Институциональные основы неравенства в современном обществе // Мир России. № 3. С. 6–28. DOI: 10.17323/1811-038X-2021-30-3-6-28
- Шаталова О.М., Касаткина Е.В. (2022). Социально-экономическое неравенство регионов РФ: вопросы измерения и долгосрочная ретроспективная оценка // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. № 4. С. 74–87. DOI: 10.15838/esc.2022.4.82.5
- Breiman L. (2001). Random Forests. *Machine Learning*, 45(1), 5–32. DOI: 10.1023/A:1010933404324
- Fleming M. (1952). A cardinal Concept of Welfare. *The American Economic Review*, XLI, 287.
- Jin N., Yang F., Mo Yu. et al. (2022). Highly accurate energy consumption forecasting model based on parallel LSTM neural networks. *Advanced Engineering Informatics*, 51, 101442. DOI: 10.1016/j.aei.2021.101442
- Qiu J., Wang B., Zhou C. (2019). Forecasting stock prices with long-short term memory neural network based on attention mechanism. *PLoS ONE*, 2.15(1): e0227222. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0227222>
- Shetty P., Singh S. (2021). Hierarchical clustering: A survey. *International Journal of Applied Research*, 7(40), 178–181. DOI: 10.22271/allresearch.2021.v7.i4c.8484
- Zhang Q., Abdullah A.R., Chong C.W., Ali M.H.A. (2022). Study on regional GDP forecasting analysis based on Radial Basis Function Neural Network with Genetic Algorithm (RBFNN-GA) for Shandong economy. *Computational Intelligence and Neuroscience*, 12. DOI: 10.1155/2022/823530

Сведения об авторах

Вячеслав Николаевич Бобков – доктор экономических наук, профессор, директор научного центра, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова (Российская Федерация, 117997, г. Москва, Стремянный пер., д. 36); главный научный сотрудник, заведующий сектором, Институт экономики РАН (Российская Федерация, 117218, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 32; e-mail: bobkovvn@mail.ru)

Роман Владимирович Губарев – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова (Российская Федерация, 117997, г. Москва, Стремянный пер., д. 36; e-mail: gubarev.roma@yandex.ru)

Евгений Иванович Дзюба – научный сотрудник, Институт социально-экономических исследований, УФИЦ РАН (Российская Федерация, 450054, г. Уфа, Проспект Октября, д. 71; e-mail: intellectRus@yandex.ru)

Фаниль Сайтович Файзуллин – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт социально-экономических исследований, УФИЦ РАН (Российская Федерация, 450054, г. Уфа, Проспект Октября, д. 71; e-mail: fayzullin.f@gmail.com)

Bobkov V.N., Gubarev R.V., Dzyuba E.I., Fayzullin F.S.

Assessment of Interregional Inequality in the Russian Federation Based on the Index of Social Well-Being of the Population

Abstract. As part of this study, the goal was to develop adequate (high-precision) tools that would allow for not only a retrospective, but also a prospective assessment of interregional inequality in living standards in the Russian Federation based on the index of social well-being of the population, which is the result of a convolution of private indices. At first, a hypothesis was put forward about the possibility of building

an adequate prognostic (traditional econometric) model of dependence of per capita average monetary incomes of the population on a group of factors. The information base of the study was exclusively official data of regional statistics for 2020–2022. In the course of empirical research (correlation and regression analysis), three econometric models differing in the number of factors (from 2 to 4) were developed. However, they allow (according to the average approximation error, taking values from the interval from 8.8 to 9.6 % for different econometric models) approximating regional statistics data only with an acceptable degree of accuracy. Next, a similar hypothesis was tested, but involving the use of a different tool (index method in combination with artificial intelligence), which makes it possible to measure the dependence of the population's standard of living on a group of factors. In the course of neuromodelling it was found that any of the 5 artificial neural networks included in the Bayesian ensemble allowed approximating the regional statistics data with a high degree of accuracy (with an average error from 2.8 to 3.9 %). Thus, the second hypothesis can be considered confirmed. As part of the study, the predictive function was implemented by forming a Bayesian ensemble of artificial neural networks. The obtained results of the empirical study can act as a scientific basis for adjusting (updating) the socio-economic policy of regulating the quality and standard of living of the population and its interregional inequality among the constituent entities of the Russian Federation.

Key words: regions of Russia, interregional inequality, standard of living, cash income, index method, correlation-regression analysis, artificial intelligence, forecasting.

Information about the Authors

Vyacheslav N. Bobkov – Doctor of Sciences (Economics), director of the scientific center, Plekhanov Russian University of Economics (36, Stremyanny Lane, Moscow, 115054, Russian Federation); Chief Researcher, head of the scientific sector, Institute of Economics of the RAS (32, Nakhimovskiy Avenue, Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: bobkovvn@mail.ru)

Roman V. Gubarev – Candidate of Sciences (Economics), associate professor of department, Plekhanov Russian University of Economics (36, Stremyanny Lane, Moscow, 115054, Russian Federation; e-mail: gubarev.roma@yandex.ru)

Evgeny I. Dzuyba – Research Associate, Institute of Social and Economic Research of the UFRC of the RAS (71, Oktyabrya Avenue, Ufa, 450054, Russian Federation; e-mail: intellectRus@yandex.ru)

Fanil S. Fayzullin – Doctor of Sciences (Philosophy), Chief Researcher, Institute of social and Economic Research of the UFRC of the RAS (71, Oktyabrya Avenue, Ufa, 450054, Russian Federation; e-mail: fayzullin.f@gmail.com)

Статья поступила 23.07.2024.

DOI: 10.15838/esc.2024.5.95.4

УДК 332.1(470.12), ББК 65.050(2Рос-4Вол)

© Секушина И.А.

Монопрофильные малые и средние города Европейского Севера России в условиях социально-экономических вызовов 2020–2023 гг.

Ирина Анатольевна
СЕКУШИНА

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

e-mail: sekushina.isekushina@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-4216-4850; ResearcherID: Q-4989-2017

Аннотация. В последние годы российская экономика столкнулась с целым рядом масштабных геополитических и социально-экономических вызовов. При этом наибольшему негативному эффекту были подвержены территории с моноотраслевой специализацией, поскольку их градообразующие предприятия находятся в сильной зависимости от факторов внешней среды. Перечень моногородов России был сформирован десять лет назад, за это время произошло много глобальных изменений, однако при разработке мер государственной поддержки органы власти по-прежнему ориентируются на данный документ. В рамках работы преследовались две цели: во-первых, на основе анализа деятельности основных хозяйствующих субъектов в моногородах оценить степень их фактической монопрофильности, а во-вторых, выявить, как новые геополитические и социально-экономические вызовы повлияли на деятельность градообразующих предприятий. Объектом исследования выступили 20 малых и средних городов Европейского Севера России, отнесенных к категории монопрофильных. Выделены три группы городов: 1) моногорода с одним или несколькими крупными предприятиями в одной отрасли промышленности (т. е. города, сохранившие свою монопрофильность); 2) моногорода, где в настоящее время имеется несколько крупных или средних предприятий в разных хозяйственных отраслях; 3) бывшие моногорода, где функционировало одно или несколько градообразующих предприятий, которые в настоящее время ликвидированы. На основе анализа финансовых результатов деятельности предприятий, функционирующих в малых и средних городах, установлено, что санкции и разрыв производственных цепочек с западными странами привели к заметному

Для цитирования: Секушина И.А. (2024). Монопрофильные малые и средние города Европейского Севера России в условиях социально-экономических вызовов 2020–2023 гг. // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 5. С. 74–94. DOI: 10.15838/esc.2024.5.95.4

For citation: Sekushina I.A. (2024). Small and medium-sized single-industry towns of the European North of Russia in the context of socio-economic challenges of 2020–2023. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 17(5), 74–94. DOI: 10.15838/esc.2024.5.95.4

снижению прибыли большинства этих организаций. Особенно сильно пострадали предприятия лесопромышленного комплекса, поскольку их деятельность была более экспортноориентированной. Научная новизна исследования заключается в разработке и апробации авторского методического подхода к осуществлению типологии городов, отнесенных к категории монопрофильных муниципальных образований, основанного на анализе функционирующих в них предприятий.

Ключевые слова: моногород, монопрофильное муниципальное образование, градообразующее предприятие, малые и средние города, Европейский Север России.

Благодарность

Исследование выполнено в рамках государственного задания для ФГБУН ВолНЦ РАН по теме научно-исследовательской работы «Факторы и методы устойчивого социально-экономического развития территориальных систем в изменяющихся условиях внешней и внутренней среды» (FMGZ-2022-0012).

Введение

В последние годы Российской Федерации столкнулась с самым масштабным в своей истории санкционным давлением со стороны стран коллективного Запада. С начала специальной военной операции (СВО) в феврале 2022 года в отношении России было введено свыше 18 тыс. санкций, что в 3,5 раза больше, чем Иран получил за 40 лет¹. Изменение геополитической ситуации привело к целому ряду негативных экономических последствий: прекращению международной торговли со многими западными странами, уходу с рынка иностранных компаний, ограничениям в сфере инвестиций и т. д. (Печенская-Полищук, Малышев, 2023). Одной из серьезных проблем в настоящее время выступает разрыв сложившихся в последние несколько десятилетий производственных и логистических цепочек, в т. ч. связанных с поворотом экономики «на восток». Вводимые со стороны недружественных стран санкционные ограничения заметно отразились и на экономике городов с моноотраслевой специализацией. Так, по данным Центра стратегических разработок, только в первой половине 2022 года прямые отраслевые и/или персональные санкции недружественных стран затронули более 130 градообразующих предприятий, расположенных в российских моногородах². Организации

попали под запрет как экспорта производимой продукции, так и импорта оборудования, необходимого для осуществления текущей деятельности и проведения модернизации производства.

В российской истории постсоветского периода моногорода не первый раз сталкиваются с серьезными вызовами. Экономические реформы 1990-х годов в свое время привели к разрушению ранее сложившихся хозяйственных связей и закрытию многих градообразующих предприятий. Экономический кризис 2008–2009 гг. также негативно отразился на социально-экономическом развитии моногородов.

Органы государственной власти России неоднократно предпринимали попытки разработать и реализовать меры поддержки монопрофильных муниципальных образований. Официально в настоящее время в перечень моногородов РФ³ включено 321 муниципальное образование, при этом 97 из них (30%) характеризуются наиболее сложным социально-экономическим положением, 148 (46%) имеют риски его ухудшения и лишь остальные 76 отличаются стабильным социально-экономическим положением. Перечень моногородов был составлен и утвержден в 2014 году, т. е. 10 лет назад, за этот период многое изменилось, российская экономика столкнулась как минимум с двумя новы-

¹ Castellum.AI. URL: <https://www.castellum.ai/russia-sanctions-dashboard> (дата обращения 03.07.2024).

² Риски 2022: градообразующие организации и моногорода // Центр стратегических разработок РФ. URL: <https://www.csr.ru/upload/iblock/14c/k88t2bqevutbs7f8bl3v06htho0s37jg.pdf>

³ Утвержден распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 июля 2014 г. № 1398-р «Об утверждении перечня монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов)».

ми и весьма серьезными вызовами: пандемией коронавируса в 2020 году и беспрецедентным санкционным давлением со стороны недружественных стран в 2022 году. Необходимо отметить, что эксперты Счетной палаты РФ неоднократно отмечали тот факт, что утвержденный перечень моногородов не актуален⁴.

В современной литературе изучение проблематики развития моногородов по-прежнему является одним из актуальных направлений научных исследований. Ключевые риски развития данных населенных пунктов давно известны и достаточно хорошо изучены. Прежде всего к ним относятся повышенная уязвимость к циклам подъема и спада экономики, отсутствие альтернативных возможностей трудоустройства населения, трудности привлечения и удержания квалифицированной рабочей силы, транспортная удаленность, неразвитость социально-бытовой инфраструктуры (Storey, Hall, 2018). Вместе с тем в фокусе внимания ученых находятся либо крупные моногорода, либо монопрофильные муниципалитеты одного региона или макрорегиона, к примеру Урала, Дальнего Востока, Арктической зоны РФ (Безвербный и др., 2020, Корчак, 2023; Котов, 2017; Оборин, 2022; Пыжева, Зандер, 2019; Фомин и др., 2020; Фомин и др., 2022). Монопрофильность экономики является огромным риском для устойчивого социально-экономического развития любого города, однако в настоящее время в крупных городах, как правило, достаточно хорошо развиты третичный (сфера услуг) и четвертичный (экономика знаний) секторы экономики, чего, к сожалению, нельзя сказать о подавляющем большинстве малых и средних российских городов. Экономика многих из них по-прежнему базируется на какой-то одной отраслевой специализации, а сфера социально-бытовых услуг развита слабо, что выступает одной из причин миграционного оттока населения. Проблематика развития монопрофильных малых и средних городов, на наш взгляд, изучена в настоящее время в недостаточной степени.

⁴ Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Мониторинг и оценка хода реализации приоритетной программы «Комплексное развитие моногородов», утвержденный Коллегией Счетной палаты Российской Федерации 26 марта 2019 года.

Цель настоящего исследования заключается в том, чтобы, во-первых, в рамках анализа деятельности основных хозяйствующих субъектов моногородов оценить степень фактической монопрофильности, во-вторых, выявить, как новые геополитические и социально-экономические вызовы оказались на деятельности градообразующих предприятий. Для достижения цели были решены следующие задачи: 1) сформирована база предприятий, функционирующих в малых и средних городах Европейского Севера России, официально отнесенных к категории моногородов, на основе которой выделены типы городов; 2) проведен анализ и дана оценка результатов финансовой деятельности предприятий в период пандемии Covid-19 (2020–2021 гг.) и после начала СВО (2022–2023 гг.); 3) предложены некоторые направления дальнейшего развития малых и средних городов, позволяющие нивелировать возникающие в новых условиях риски.

Научная новизна исследования состоит в разработке и аprobации авторского методического подхода к осуществлению типологии городов, отнесенных к категории монопрофильных муниципальных образований, основанного на анализе функционирующих в них предприятий. Элементы новизны также содержатся в анализе деятельности предприятий, составляющих экономическую основу городов, а именно в оценке их устойчивости на микроуровне в условиях меняющейся среды.

Теоретические предпосылки исследования

В современной научной литературе отсутствует единое общепризнанное определение моногорода. Во многом трактовка данного термина определяется классификационными признаками, по которым исследователи относят тот или иной город к категории монопрофильных (Дулесов, Бехтерев, 2015). При этом в зарубежных работах делается акцент на отраслевой специализации города. Так, наиболее часто встречаются понятия «mining town» или город, специализирующийся на добыче полезных ископаемых (Leadbeater, 2004; Marais et al., 2020; Zhao et al., 2021), «coal town» — угледобывающий город (Syafrini et al., 2022; Winkler, 2021), «railroad town» — город, который является крупным железнодорожным узлом (Seyrek, Polat, 2024). Вместе с тем также достаточно

распространен термин «single industry town» (Storey, Hall, 2018) или «one-company towns» (Commander, 2018).

В отечественной литературе конкретная отраслевая привязка, как правило, отсутствует, чаще всего можно встретить такие синонимичные термины, как «монопрофильный», «моно-отраслевой», «монофункциональный», «моногород». При этом исследователи по-разному трактуют данные понятия, а изучение всего многообразия существующих подходов даже выступает темой отдельных научных статей (Малащенко, Мекуш, 2020; Шнейдерман, Шаров, 2022).

Не менее актуальным вопросом является проведение типологии моногородов. Безусловно, моногорода как особый тип поселений возникли достаточно давно. В одной из отечественных научных монографий (Любовный, 2018) детально изложены причины возникновения данных населенных пунктов в России в разные исторические эпохи. При этом автор особо пристальное внимание уделяет анализу функций, которые выполняли моногорода в пространственном и социально-экономическом развитии территорий, и исходя из этого систематизирует их основные типы.

В статье (Пятшева, 2019) представлена классификация городов по целому ряду критерий: численность населения (крупные, средние, малые города); степень удаленности от крупных центров (удаленные, близлежащие); стадия жизненного цикла города (фазы создания, стабильного развития, затухания); вектор социально-экономической динамики (умирающие, сжимающиеся, со стабильными перспективами развития, обладающие потенциалом нового стратегического развития). Достаточно интересен подход, представленный в работе (Дуlessов, Бехтерев, 2015), где проведена классификация моногородов исходя из характера и периода жизненного цикла города и его способности к самообеспечению. Предложенные в названных статьях типологии моногородов, безусловно, интересны, однако в них практически не учитываются характеристики градообразующих предприятий, во многом определяющие суть моногорода.

В монографии (Ускова и др., 2012), напротив, данному аспекту уделяется особое внимание.

Авторы делят все моногорода на три категории: города с одним градообразующим предприятием, города с несколькими градообразующими предприятиями и города, являющиеся спутниками крупных полифункциональных городов. Также внимание заслуживает типология моногородов в зависимости от специфики градообразующих предприятий: производственные (промышленные и инфраструктурные (электроэнергетика)) и непроизводственные (научно-исследовательские и инфраструктурные (транспортные узлы)) предприятия.

В зарубежных исследованиях вопросы классификации городов также активно рассматриваются. В частности, в работе (Bole et al., 2019) на примере промышленных городов Словении, которая в прошлом была социалистическим государством, проведена их типологизация, основанная на анализе 15 экономических показателей. Всего авторы выделили 5 типов городов в зависимости от уровня развития их экономики: «neo-liberal» (неолиберальные), «polar-iséd» (полярные), «dynamic low-tech» (динамичные низкотехнологичные), «post-socialist champions» (постсоциалистические чемпионы) и «mixed» (смешанные).

В России исследовательский интерес к изучению городов с моноотраслевой экономикой во многом обусловлен проблемами, с которыми они столкнулись при переходе к рынку. При этом в зарубежной научной литературе уже был накоплен определенный опыт по вопросам выхода из кризиса бывших «угольных» (Haggerty et al., 2018; Dragan, Zdyrko, 2023) или «металлургических» (Новог, 2013; Ghosh, 2019) моногородов, который применим к сырьевым городам в России. Однако в капиталистических странах проблемы развития монопрофильных населенных пунктов в большей степени были обусловлены лишь изменениями в отраслевой структуре экономики, возникающими в том числе в результате смены технологических укладов, тогда как в России начало 1990-х гг. ознаменовалось, помимо серьезных кризисных процессов в экономике, полным изменением институциональных основ управления государством (Одинцова и др., 2020).

Сотрудники Института социально-политических исследований РАН (Фомин и др., 2020)

выделяют два основных этапа в научных работах постсоветского периода по проблематике развития моногородов. Первый связан с изучением влияния рыночных реформ 1990-х гг. на социально-экономическое развитие моногородов (Анимица, Новикова, 2009; Тургель, 2005), а второй – с последствиями экономического кризиса 2008–2009 гг. (Ускова и др., 2012; Расторукова, Манаева, 2013). В настоящее время наметилась еще одна веха в истории исследований по данной тематике – анализ проблем и перспектив развития моногородов в условиях появления эпидемиологических рисков, обострившейся геополитической обстановки и нарастающего санкционного давления со стороны недружественных России стран коллективного Запада (Питухина, Белых, 2023; Куриная и др., 2023).

В этом контексте одну из важнейших исследовательских задач не только с научной, но и с практической точки зрения составляют разработка направлений и инструментов развития моногородов, поиск способов снижения вновь возникающих рисков устойчивости функционирования градообразующих предприятий. Решению данных задач посвящено достаточно большое количество работ современных авторов (Артемова, Ужегов, 2021; Кутергина, Лапин, 2015; Одинцова и др., 2020; Sedova et al., 2020), при этом, анализируя существующий российский опыт по реализации мер социально-экономической политики в отношении моногородов, большинство исследователей отмечают их несистемность и низкую эффективность.

Утвержденная в 2016 году программа «Комплексное развитие моногородов» также была признана Счетной палатой РФ неэффективной и закончена досрочно в 2019 году, т. е. на семь лет раньше. Меры по поддержке монопрофильных территорий не дали ощутимых положительных результатов. Среди ключевых недостатков эксперты отметили отсутствие системности в предоставлении мер государственной поддержки, направленных на развитие моногородов, игнорирование специфики муниципальных образований и их реального социально-экономического положения. Помимо этого, программа не была нацелена на обеспечение согласованности отраслевого и территориального развития страны, совершен-

ствования национальной системы расселения и системы размещения производительных сил, что является одним из важнейших направлений Стратегии национальной безопасности Российской Федерации.

Материалы и методы исследования

В настоящем исследовании мы сосредоточились на проблематике экономического развития малых и средних монопрофильных городов Европейского Севера России (далее – ЕСР). Одной из особенностей данного макрорегиона является достаточно высокий уровень урбанизации. Подавляющее большинство городов ЕСР относятся к категории малых и средних – 61 из 68, при этом треть из них (20 ед.) включены в перечень монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов), утвержденный распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 июля 2014 г. № 1398-р.

Высокий уровень монопрофильности городов объясним особенностями развития северных регионов в советскую эпоху. В основе развития экономики Советского Союза лежала идеология «человека при производстве» и, соответственно, «города при заводе», что обусловило появление характерных для того исторического периода монопрофильных малых и средних городов на севере России.

В ходе работы применялись такие методы исследования, как индукция, дедукция, синтез, сравнительный и демографический анализ, табличная и графическая визуализация данных, анализ нормативно-правовых документов,

В качестве информационной базы использовались данные сервиса проверки контрагентов List-org (<https://www.list-org.com>), ресурса СПАРК (<https://spark-interfax.ru/>), официальных сайтов исследуемых организаций, статистическая информация Федеральной службы государственной статистики и ее региональных подразделений, документы стратегического планирования развития исследуемых муниципальных образований, информация монографических и периодических изданий.

Общий алгоритм исследования выглядит следующим образом:

- проведена оценка количества предприятий и организаций, действующих в настоящее время на территории моногородов, выявлена их производственная специализация;

- выполнена типологизация малых и средних городов в зависимости от особенностей функционирующих в них предприятий;
- проанализированы финансовые результаты деятельности предприятий в период пандемии Covid-19 в 2020–2021 гг. и после начала СВО и введения антироссийских санкций в 2022–2023 гг.;
- предложен ряд направлений по дальнейшему развитию моногородов.

В рамках исследования внимание сфокусировано на двух ключевых моментах: во-первых, необходимо оценить, насколько экономика малых и средних городов, отнесенных к моногородам, монопрофильна в настоящее время, во-вторых, посмотреть, как оказались качественно новые социально-экономические и geopolитические вызовы последних лет на результатах финансовой деятельности предприятий, функционирующих в этих городах.

Основные результаты исследования

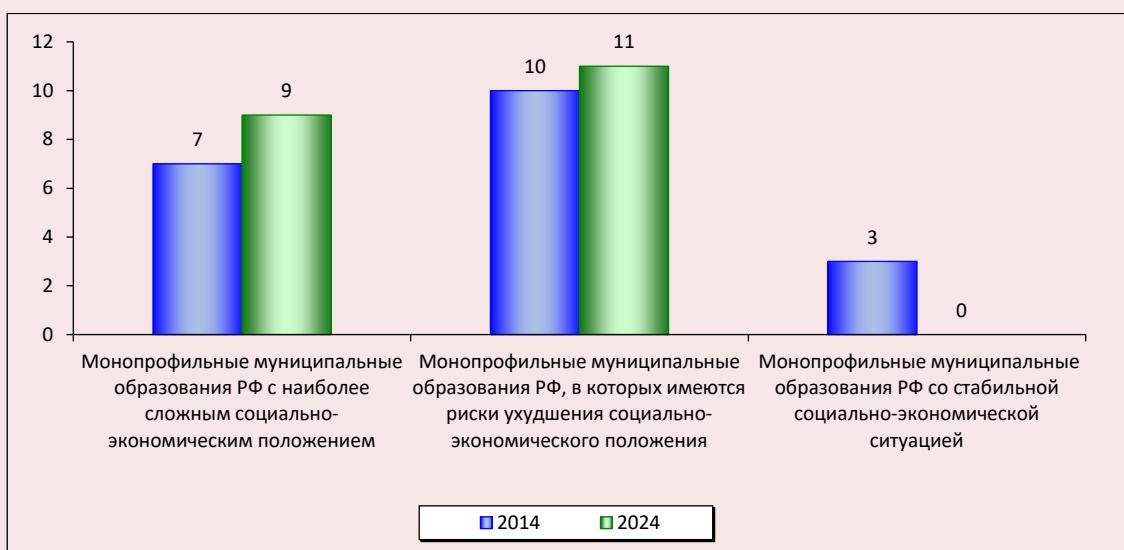
В настоящее время на территории Европейского Севера России расположено 33 муниципальных образования с монопрофильной экономикой, при этом 20 из них – малые и средние города. Следует отметить, что если в 2014 году

в трех моногородах социально-экономическая ситуация оценивалась как стабильная, то к 2024 году не осталось ни одного города, входящего в данную группу; зато увеличилось число городов со сложным социально-экономическим положением (на 2 ед.; *рисунок*) и рисками его ухудшения (на 1 ед.).

Территориально большая часть малых и средних моногородов расположена в Республике Карелии (7 ед.) и Мурманской области (5 ед.). В Республике Коми и Архангельской области находятся по три города, в Вологодской только два. В период с 2012 по 2023 год во всех рассмотренных муниципальных образованиях наблюдалось сокращение численности населения, при этом наиболее высокие темпы убыли характерны в основном для городов со сложным социально-экономическим положением (*табл. 1*).

Инта и Воркута относятся к категории монопрофильных муниципальных образований с рисками ухудшения своего положения. За рассмотренный период темпы убыли населения в них очень высокие, при этом нельзя не отметить, что ситуация с миграционным оттоком жителей в целом стабилизировалась и в настоящее время проблему скорее представляет есте-

Количество малых и средних городов сmonoотраслевой экономикой на территории Европейского Севера России в 2014 и 2024 гг.

Источник: Об утверждении перечня монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов): Распоряжение Правительства РФ от 29.07.2014 № 1398-р в первоначальной и действующей редакции (от 21.01.2020).

Таблица 1. Численность населения малых и средних моногородов ЕСР в 2012–2023 гг., чел.

Муниципальное образование*	Субъект РФ	2012 г.	2023 г.	Темп роста, 2023 г. / 2012 г., %
Монопрофильные муниципальные образования РФ с наиболее сложным социально-экономическим положением				
ГО г. Кировск с подведомственной территорией	Мурманская область	30552	26253	85,9
ГП Онега	Архангельская область	21017	16449	78,3
Кондопожское ГП	Республика Карелия	33051	25848	78,2
ГП Емва	Республика Коми	14179	10883	76,8
ГП Красавино	Вологодская область	7238	5460	75,4
ГО Ковдорский район	Мурманская область	20714	15423	74,5
Пудожское ГП	Республика Карелия	10850	8068	74,4
Суоярвское ГП	Республика Карелия	9531	6819	71,5
Питкярантское ГП	Республика Карелия	11562	8407	72,7
Монопрофильные муниципальные образования РФ, в которых имеются риски ухудшения социально-экономического положения				
ГО г. Оленегорск	Мурманская область	29783	27974	93,9
ГО г. Костомукша	Республика Карелия	29044	26531	91,3
ГП Заполярный	Мурманская область	15717	14231	90,5
ГП г. Сокол	Вологодская область	38062	34298	90,1
ГО г. Мончегорск	Мурманская область	47664	41729	87,5
ГО г. Коряжма	Архангельская область	39117	34002	86,9
ГО г. Новодвинск	Архангельская область	40288	32826	81,5
Лахденпохское ГП	Республика Карелия	7716	5855	75,9
Сегежское ГП	Республика Карелия	29066	23074	79,4
ГО Воркута	Республика Коми	91400	67702	74,1
ГО Инта	Республика Коми	33540	21092	62,9

* Названия муниципальных образований указаны как в Перечне монопрофильных муниципальных образований РФ (моногородов).
Источник: составлено автором по данным Росстата.

ственная убыль. К примеру, из Воркуты в 2012 году уехало почти 4 тыс. человек, тогда как в 2022 году – лишь 204 чел., при том что естественная убыль составила 218 чел.

Представленные муниципальные образования различаются не только по численности населения, но и по экономической специализации. Хозяйственной основой моногородов Мурманской области преимущественно являются промышленные производства по добыче минерального сырья (Кировск) и железных руд (Ковдор, Оленегорск), цветной металлургии (Мончегорск, Заполярный). Во многих городах Карелии и Архангельской области развита целлюлозно-бумажная промышленность (Кондопога, Сегежа, Коряжма, Новодвинск). При этом в одной отрасли может функционировать как единственное предприятие, так и сразу несколько.

Следует отметить, что большинство градообразующих предприятий входит в состав крупных холдингов, которые отличаются сложной внутренней структурой. Вместе с тем в ряде рассматриваемых моногородов функционируют организации, которые самостоятельно ведут хозяйственную деятельность и не входят в состав вертикально-интегрированных компаний, что в новых геополитических и социально-экономических условиях также несет определенные риски.

На территории Европейского Севера России имеются города, в которых градообразующие предприятия давно не функционируют, соответственно, влияние санкций на них будет не так ощутимо, а появление незанятых рыночных ниш в экономике после ухода западных компаний может рассматриваться как возможность выхода из кризиса.

Таблица 2. Типология малых и средних городов, отнесенных к категории монопрофильных муниципальных образований

Типы малых и средних городов ЕСР, отнесенных к категории монопрофильных		
Города с одним или несколькими градообразующими предприятиями, функционирующими в одной промышленной отрасли	Города с несколькими крупными и/или средними организациями в разных отраслях экономики	Города с ликвидированными градообразующими предприятиями
Кондопожское ГП, ГО Ковдорский район, ГО г. Мончегорск, ГП Заполярный, ГО г. Оленегорск, Сегежское ГП, ГП Онега, ГО г. Новодвинск	ГО г. Костомукша, ГО г. Кировск, ГО г. Коряжма, ГП г. Сокол, Питкярантское ГП, ГП Емва	Пудожское ГП, ГО Инта, ГП Красавино, Суоярвское ГП, Лахденпохское ГП
Источник: составлено автором.		

На наш взгляд, на основе анализа действующих в муниципальных образованиях организаций условно можно выделить три группы городов: 1) *моногорода с одним или несколькими крупными предприятиями в одной отрасли промышленности* (т. е. города, сохранившие свою монопрофильность); 2) *моногорода, где в настоящее время имеется несколько крупных или средних предприятий в разных хозяйственных отраслях*; 3) *бывшие моногорода, где функционировало одно или несколько градообразующих предприятий, которые в настоящее время ликвидированы* (табл. 2).

При этом сами города внутри данных групп также обладают существенными различиями, которые важно принимать во внимание при разработке направлений дальнейшего социально-экономического развития.

В первую категорию попали города, в которых функционируют предприятия одной промышленной специализации (табл. 3). При этом подавляющее большинство из них входит в состав крупнейших в России вертикально-интегрированных компаний, деятельность которых связана в основном с добычей полезных ископаемых, лесопромышленным комплексом и цветной металлургией. С одной стороны, в условиях нестабильной экономической ситуации вхождение в состав холдинга или группы компаний дает организации целый ряд преимуществ, к примеру, сохраняются существующие производственные цепочки между контрагентами в условиях изменяющейся внешней среды. С другой стороны, велик риск попадания всей вертикально-интегрированной компании в санкционные списки недружественных стран. Результаты проведенного нами анализа показали, что в особенно сложном положении

оказались предприятия лесопромышленного комплекса. К примеру, в Кондопоге три предприятия входят в состав ООО «Карелия палп», суммарно на них работает более 4 тыс. человек, или почти 16% жителей городского поселения. Главное предприятие АО «Кондопожский ЦБК» является одним из крупнейших производителей газетной бумаги, однако продукция комбината ранее в основном шла на экспорт. Данный фактор оказывает существенное влияние на устойчивость всей группы предприятий. В 2022 году с началом СВО и ростом санкционного давления ООО «Кареллестранс» и АО «Кондопожское лесопромышленное хозяйство» стали убыточными, а в 2023 году значительно (на 92,6%) снизился совокупный финансовый результат и Кондопожского ЦБК.

Еще одним крупным представителем лесной отрасли в городе является вертикально интегрированный лесопромышленный холдинг АО «Сегежа Групп», компании которого находятся сразу в нескольких городах Европейского Севера России. Так, в Сегежском городском поселении все предприятия целлюлозно-бумажной промышленности входят в его состав. Если последствия пандемии коронавируса в 2020 году сказались на деятельности лишь самого крупного предприятия АО «Сегежский ЦБК», то события последних двух лет негативно отразились на работе всех предприятий: в 2023 году АО «Сегежа Запад» и АО «Сегежский ЦБК» были убыточными, а прибыль ООО «Сегежская упаковка» сократилась почти в два раза.

В Онеге расположен также входящий в состав холдинга АО «Сегежа Групп» Онежский лесопильно-деревообрабатывающий комбинат, на котором работает более 4% горожан. В 2023 году предприятие также было убыточным.

Таблица 3. Малые и средние города ЕСР с градообразующими предприятиями, функционирующими в одной промышленной отрасли

Муниципальное образование	Холдинг, ВИК, группа компаний	Предприятие	Основная отрасль специализации	Численность персонала, чел. / % от численности населения	Совокупный финансовый результат, тыс. руб.
Кондопожское ГП	ОО «Карелия папп»	АО «Кондопожский ЦБК»	Производство бумаги и картона Деятельность автомобильного грузового транспорта и услуги по перевозкам	3251/12,6 9 877	2019 г. 2020 г. 2021 г. 2022 г. 2023 г.
ГО Ковдорский район	АО «Минерально-химическая компания «Еврохим»	АО «КПГХ»	Лесозаготовки Добыча железных руд открытым способом	132/0,5 215	-32677 75606 -80 121 1 672 040 123 166
ГП Заполярный	ГАО «ГМК «Норильский никель»	Ковдорский ГОК	Добыча санаторно-курортных организаций	5748/37,3	11659700 12228000 34455000 26112800
ГО г. Мончегорск	ГАО «ГМК «Норильский никель»	АО «Кольская ГМК»*	Производство прочих цветных металлов Производство прочих цветных металлов	16795/23,2*** -9 868 540	104798000 189507000
ГП Онега	-	АО «Олкон»	Строительство жилых и нежилых зданий	74825 2725/6,5	-219132 -236889
Сегежское ГП	ГАО «Северсталь»	АО «Оленегорский механический завод»	Добыча железных руд открытым способом Обработка металлических изделий	2190/7,8 1890/0,7	8840020 9571420 23221000
ГО г. Сегежа	-	АО «Сегежский ЦБК»	Производство целлюлозы и древесной массы	5851620 2146/9,3	-992732 6428930
	ГАО «Сегежа Групп»	000 «Сегежская упаковка»	Производство изделий из бумаги и картона	643/2,8 694819	652483 1216580
		АО «Сегежа Запад»	Производство целлюлозы и древесной массы	97/0,4 Нет данных	Нет данных 283 -360 616
	ГАО «Сегежа Групп»	АО «Онежский ПДК»	Производство пиломатериалов	683/4,2 146/0,9	-234446 -144143 407388 -1040120
		АО «Бионет»	Производство топливных гранул и брикетов из отходов деревообработки	-	-10348 -1439570 1439570
ГО г. Новодвинск	-	АО «Архангельский ЦБК»	Производство целлюлозы и древесной массы	7407/22,3 1331/4,1	5773370 -2 462 150 33910/10 -32014 14021700
	-	АО «Архбум»	Производство гофрированной бумаги и картона, бумагой и картонной тары	-	82660 890388 994986 729354
	-	АО «Архангельский фанерный завод»	Производство фанеры, деревянных фанерованных панелей и т.п.	912/2,9 -69728 148527 923330	21369 -322495

* Ранее металлургический комбинат «Печенеганикель».

* Ранее комбинат «Северодвиникель».

*** % от общей численности населения ГО Мончегорск и Печенегского МО.

Источник: составлено автором по данным сервиса проверки контрагентов List.org (<https://www.list-org.com>), ресурса СПАРК (<https://spark-interfax.ru/>).

Вторым по количеству занятого населения (146 чел.) предприятием является завод по производству биотоплива АО «Бионет». Его строительство началось в 2013 году на территории бывшего Онежского гидролизного завода, в 2017 году предприятие было полностью введено в эксплуатацию. Важно отметить, что АО «Бионет» самостоятельно осуществляет деятельность и не входит в состав вертикально-интегрированных компаний. Изначально оно создавалось как экспортно ориентированное предприятие, основным потребителем продукции которого выступали европейские страны. За последние 5 лет деятельность предприятия в основном была убыточной, однако наибольшие финансовые потери наблюдались в 2020 и 2023 гг.

В г. Новодвинске функционируют три крупных предприятия лесного комплекса: АО «Архангельский ЦБК», АО «Архбум», АО «Архангельский фанерный завод». Суммарно на них занято почти 30% населения города (9650 чел.). Если в 2022 году все предприятия были прибыльными, то уже в 2023 году наблюдалось снижение финансовых результатов деятельности АО «Архангельский ЦБК» и АО «Архбум», а АО «Архангельский фанерный завод» и вовсе терпит убытки.

Градообразующими предприятиями в городах Мончегорск и Заполярный являются подразделения АО «Кольская ГМК» – дочернего предприятия ПАО «ГМК «Норильский никель». Компания представляет собой горно-металлургическое производство, занимается добычей сульфидных медно-никелевых руд, производством цветных металлов и является ведущим производственным комплексом всей Мурманской области. Ориентировано на предприятии работает почти четверть жителей Мончегорска и Печенегского муниципального округа. В пандемийный период компания функционировала достаточно стабильно, но оценить результаты ее работы за последние два года весьма затруднительно ввиду отсутствия в открытом доступе данных о ее финансовой деятельности.

Аналогичным образом ситуация обстоит и с АО «Олкон», входящим в состав ПАО «Северсталь». Предприятие занимается добычей железных руд, а количество занятых на произ-

водстве превышает 2 тыс. чел., или почти 8% жителей города, что относительно немного по сравнению, к примеру, с Ковдорским районом, где расположен Ковдорский горно-обогатительный комбинат (АО «Минерально-химическая компания «Еврохим»), на котором трудится более 37% жителей муниципального образования. Данные о финансовой деятельности предприятия за 2023 год также отсутствуют, однако его совокупная прибыль в 2022 году по сравнению с 2021 годом сократилась почти на четверть.

Безусловно, во всех рассмотренных моногородах функционируют организации и других отраслей экономики, однако в основном это малые предприятия в сфере торговли, жилищно-коммунальных услуг и транспорта. Их роль важна для поддержания жизнедеятельности населения, однако очевидно, что самостоятельно они не способны обеспечить экономическое развитие города.

Ключевое отличие второй категории выделенных нами моногородов от первой заключается в том, что в них имеются как крупные, так и средние предприятия, функционирующие в разных хозяйственных отраслях. Можно сказать, что их экономика более дифференцирована, даже несмотря на наличие в городе крупнейших предприятий, которые входят в вертикально-интегрированные компании, по количеству занятого населения их в полной мере можно отнести к градообразующим. К примеру, в Костомукше более 14% населения города работает на предприятии «Карельский окатыш», входящем в состав ПАО «Северсталь» (табл. 4).

Вместе с тем в городе функционируют организации по производству автокомпонентов (ООО «АЕК»), ремонту и техническому обслуживанию электрических машин и аппаратов (ООО «Костомукшское электромеханическое предприятие»), разведению и переработке рыбы (ООО «Кала я марьяпоят») и др. Конечно, объемы финансовой деятельности ООО «Карельский окатыш» не сопоставимы с аналогичными показателями средних и малых предприятий, тем не менее сам факт наличия этих организаций способствует развитию процессов диверсификации городской экономики.

Ввиду отсутствия данных сложно дать оценку деятельности АО «Карельский окатыш» в последние два года. Однако ПАО «Северсталь» было одним из первых предприятий, попавших в санкционные списки в 2022 году, что негативно сказалось на его деятельности. По данным финансовой отчетности всей компании и ее дочерних предприятий, их прибыль в 2022 году по сравнению с 2021 годом снизилась на 63%, с 299,6 до 108,4 млрд руб.⁵

В критическом состоянии оказалось еще одно крупное предприятие Костомукши – завод по производству автокомпонентов «AEK», входящий в PKC Group, являющийся частью индийской Motherson Group. Из-за санкций производственная деятельность была приостановлена и уже в конце 2022 года на предприятии начались сокращения, в результате чего было уволено более 700 человек. Проблема заключалась в том, что ранее предприятие работало в системе западного автомобилестроения и на импортных составляющих, а основными потребителями были европейские страны⁶. Остальные средние предприятия Костомукши чувствовали себя достаточно стабильно в последние два года, критического снижения объемов прибыли не наблюдалось.

Экономику г. Кировска также, на наш взгляд, в настоящее время нельзя назвать полностью моноотраслевой. В городском округе находятся два крупнейших предприятия по добыче минерального сырья для химической промышленности и производства минеральных удобрений – Кировский филиал АО «Апатит» («ФосАгро») и АО «Северо-Западная фосфорная компания» (группа «Акрон»). Однако помимо них в городе имеются предприятия по производству строительных материалов или химической продукции. Но важнейшей отраслью экономики выступает туристско-развлекательная сфера. К примеру, одной из крупнейших

⁵ Раскрываемая консолидированная финансовая отчетность за годы, закончившиеся 31 декабря 2020, 2021, 2022, 2023 года // Официальный сайт ПАО «Северсталь». URL: <https://severstal.com/rus/ir/indicators-reporting/financial-results/>

⁶ Предприятие по производству автокомпонентов «AEK» в Карелии вышло из состояния // Ведомости. URL: <https://spb.vedomosti.ru/business/news/2023/12/20/1012022-predpriyatiye-po-proizvodstvu-avtokomponentov-aek-v-karelii-vishlo-iz-prostoya>

организаций является ООО «Тирвас», которому принадлежат одноименный санаторно-оздоровительный комплекс и Центр северного сафари, оказывающий туристические услуги. Деятельность данной компании была убыточной в период пандемии, однако уже в 2023 году совокупный финансовый результат составил почти 2 млрд руб., что лишь в два раза меньше показателей АО «Северо-Западная фосфорная компания», при том что количество работающего персонала на последней было в 3,5 раза больше.

В Коряжме расположено ООО «Илим-ТНП», специализирующееся на производстве и реализации бумажной продукции, которое, судя по анализу финансовых результатов его деятельности, достаточно быстро и успешно адаптировалось к условиям меняющейся внешней среды. Также в городе функционирует ОАО «Котласский химзавод», однако дать оценку его финансовой деятельности затруднительно ввиду отсутствия данных.

Основной отраслевой специализацией Сокольского городского поселения является лесная промышленность. В городе расположены сразу три предприятия ПАО «Сегежа Групп» (АО «С-Док», АО «Сокольский ЦБК», ООО «Сокол СИЭЛТИ»), а также ООО «Сухонский картонно-бумажный комбинат», входящий в компанию «Объединенные бумажные фабрики». Анализ финансовых результатов деятельности данных предприятий позволил заключить, что все они в 2023 году были убыточными. Вместе с тем в городе развита пищевая промышленность, крупнейшими представителями которой являются ООО «Сухонский молочный комбинат» и СПК «Сокольский мясокомбинат». В период пандемии оба предприятия испытывали серьезные сложности, однако в последние два года работают достаточно стабильно.

В Питкяранте ключевой отраслью экономики также является лесная промышленность. Самое крупное предприятие – целлюлозный завод «Питкяранта» (ООО «РК-Гранд») в 2022–2023 гг. достаточно успешно функционировал, однако руководство компании не смогло провести запланированные мероприятия по модернизации производства ввиду срыва поставок западного оборудования из-за введенных санкций. Также в городе функционирует ООО «Питкярантский

Таблица 4. Малые и средние города ЕСР с небольшими или средними организациями, функционирующими в разных отраслях экономики

Муниципальное образование	Холдинг, ВИК, группа компаний	Предприятие	Основная отрасль специализации	Совокупный финансовый результат, тыс. руб.			
				2019 г. / % от численности населения	2020 г.	2021 г.	2022 г.
ГО г. Костромска	ПАО «Северсталь»	АО «Карельский окатыш»	Добыча железных руд открытым способом	3730/14,1	39044800	36107500	97239900
	РКС Group	000 «АЕК»	Производство электрического и электронного оборудования для автотранспортных средств	956/3,6	3783	-65778	48692
	-	000 «ПТС»	Техническое обслуживание и ремонт автотранспортных средств	207/0,8	22363	15289	6767
ФосАгро	-	000 «Костромукшское электромеханическое предприятие»	Ремонт электрического оборудования	140/0,5	33 772	16 096	20904
	-	000 «Калла я Марьяпоят»	Рыбоводство пресноводное и индустриальное	131/0,5	301245	162516	461166
	Кировский филиал АО «Апатит»	Добыча минерального сырья для химических производств и производства удобрений	Нет данных	39665200	45380500	119307000	Нет данных
Город Кировск	Группы «Акрон»	АО «Северо-Западная фосфорная компания»	Добыча минерального сырья для химической промышленности и производства минеральных удобрений	2307/8,8	-772066	-150774	3424540
	-	000 «Тирвас»	Деятельность зернодобывающей промышленности	620/2,4	-344 460	-272 873	-134419
	-	000 «Горный цех»	Строительство жилых и нежилых зданий	457/1,7	144 412	466 051	320 012
Город Коряжма	-	000 «Центр строительных материалов»	Производство товарного бетона	73/0,3	29427	52722	12902
	-	000 «Нитро Сибирь Заполярье»	Производство прочих химических продуктов, не включенных в другие группировки	69/0,3	136 589	157 804	97 690
	Группа «Илим»	ИЛИМ-ТНП	Производство горячированной бумаги и картона, бумажной и картонной тары	488/1,5	48456	82448	130569
Город Киров	-	ОАО «Котласский химзавод»	Производство прочих красок, лаков, эмалей и аналогичных материалов для нанесения покрытий, художественных и полиграфических красок	340/1,0	173948	185788	172440
	-	-	-	-	-	-	-

Окончание таблицы 4

ГП г. Сокол	Компания «Объединенные бумажные фабрики»	000 «Суходонский картонно-бумажный комбинат»	Производство бумаги из макулатурной массы	1238/3,6	666 351	68 854	1983960	645004	-228372
	АО «Г-ДОК»	Распиловка и строгание древесины		959/2,8	294259	239375	1299800	-392759	-581681
	ПАО «Сегежа Групп» Segezha Group	АО «Сокольский ЦБК»	Производство целлюлозы, древесной массы, бумаги и картона	559/1,6	120206	143814	196951	-37809	-337426
	000 «СОКОЛ СИЭППИ»	Производство деревянных строительных конструкций и столярных изделий		1140/0,3	540	3 220	-140 549	-403 646	-220 349
	000 «Суходонский молочный комбинат»	Производство прочей молочной продукции		250/0,7	4 390	9 168	-51 237	39080	47442
	СПК «Сокольский мясокомбинат»	Производство мяса в охлажденном виде		179/0,5	2083	3334	-1756	10694	8457
	-	000 «РК-ГРАНД»	Производство целлюлозы и древесной массы	861/10,3	1 098 100	972117	1384580	1232600	1803410
Питкярантское ПП	000 «Питкярантский карьер неудобных ископаемых»	Добыча декоративного и строительного камня, известняка, гипса, мела и сланцев		281/1,6	-2 236	-4 599	14 836	112126	50 388
	-	000 «Л-ТРАНС»	Торговля оптовая древесным сырьем и необработанными лесоматериалами	94/1,2	11 806	16 930	32 807	3 746	32 630
	-	000 «Плитный мир»	Производство шпона, фанеры, деревянных плит и панелей	32/3,0	12 160	2 220	160242	60573	1458
	ГП Емва	-	АО «Боксит Тимана»	Добыча алюминийодержащего сырья открытым способом	4 96/4,6	962567	583225	656029	Нет данных

Источник: составлено автором по данным сервиса проверки контрагентов List-org (<https://www.list-org.com>), ресурса СПАРК (<https://spark-interfax.ru/>).

карьер нерудных ископаемых», занимающееся производством щебня различных фракций.

В городе Емве можно выделить два основных предприятия: АО «Боксит тимана», специализирующееся на добыче алюминийсодержащего сырья, и ООО «Плитный мир», занимающееся производством шпона, фанеры, деревянных плит и панелей. О результатах функционирования первого достаточно сложно судить ввиду отсутствия информации о финансовой деятельности, а на втором предприятии в последние годы наблюдалось заметное снижение прибыли.

К третьей категории городов относятся муниципальные образования, в которых раньше функционировали крупные промышленные предприятия, однако они были ликвидированы. История развития города Инта неразрывно связана с его градообразующим предприятием АО «Интауголь». Однако спрос на производимую им продукцию постепенно падал, предприятие долгие годы было убыточным. Предоставляемые меры господдержки не помогли вывести его из кризиса, и в 2019 году руководство компании приняло решение о закрытии шахты. В настоящее время в городе функционирует несколько малых и средних предприятий, в основном оказывающих жилищно-коммунальные услуги населению. Крупные предприятия, способные обеспечить устойчивое развитие города, к сожалению, отсутствуют. Схожая ситуация наблюдается в г. Красавино, где до 2009 года работало ОАО «Красавинский льнокомбинат», а также в г. Пудож, где до 2011 года функционировало предприятие ООО «Пудожлеспром».

В данной группе города Лахденпохья и Суоярви выделяются на фоне остальных, поскольку их экономика даже после закрытия градообразующих предприятий (ООО «Лахденпохский фанерный комбинат» и ООО «Суоярвская картонная фабрика») продолжила развиваться. При этом стоит отметить, что предприятия в городах имеют разную отраслевую специализацию. В Суоярви самыми большими по численности персонала организациями являются деревообрабатывающий завод ООО «Форест-тревел» и АО «Запкареллес», занимающееся лесозаготовками. Однако в городе также работает малое предприятие пищевой промыш-

ленности ООО «Мама Карелия», которое в 2023 году занимало третье место по объемам выручки. В Лахденпохье находятся предприятия, также в основном занимающиеся лесозаготовками, однако достаточно успешно функционирует рыбоводное хозяйство ООО «Фишфорель».

В условиях качественно новых вызовов, возникших перед российской экономикой, вопросы оценки перспектив и поиска направлений для дальнейшего развития малых и средних городов ЕСР стоят достаточно остро, т. к. во многих из рассмотренных населенных пунктов расположены не просто градообразующие предприятия, а компании, от деятельности которых зависит национальная безопасность страны, поскольку они работают на нужды военно-промышленного комплекса. Поддержка их производственной деятельности и оказание помощи в поиске новых рынков сбыта являются стратегически важными.

Однако решение проблемы развития российских моногородов требует реализации целого комплекса мер, касающихся не только вопросов диверсификации их экономики, но и совершенствования институциональной базы и системы стратегического управления, а также формирования современной транспортной и социально-бытовой инфраструктуры. Иными словами, важна реализация комплексного подхода, где в качестве ключевых направлений, на наш взгляд, можно выделить следующие.

1. Обновление перечня моногородов. Как показал проведенный нами анализ, в настоящее время в законодательно закрепленном списке моногородов далеко не все муниципальные образования характеризуются моноотраслевой экономикой, а в ряде из них градообразующие предприятия уже давно ликвидированы. В этом контексте одной из важнейших задач представляется определение критерии отнесения населенного пункта к моногороду. При этом, на наш взгляд, важно учитывать не только долю населения, занятого на градообразующем предприятии, но и ключевые тенденции развития самого города как территориальной единицы. В настоящее время выделяют три типа монопрофильных муниципальных образований в зависимости от социально-экономической ситуации в городе. На наш взгляд, такой подход имеет место, однако важно установить список

индикаторов, по которым можно отнести город к той или иной из этих групп. Не менее важно в данном вопросе учитывать размер населенного пункта, т. к. в крупном городе, даже с монотраслевой экономикой, достаточно развита сфера услуг, чего нельзя сказать о малых городах. Это делает их более уязвимыми к внешним рискам.

2. Совершенствование системы стратегического планирования развития моногородов. В российской практике уже имеется определенный опыт разработки комплексных инвестиционных планов (КИПов). Вместе с тем во многом реализация данного инструмента носила исключительно формальный характер, т. е. по сути была нацелена лишь на разработку самого документа для получения мер господдержки, а не на выработку содержательной стратегии дальнейшего развития города. При этом реализация стратегического подхода необходима не только на муниципальном уровне. В стратегии социально-экономического развития субъекта РФ также должны учитываться риски, с которыми могут столкнуться монопрофильные муниципальные образования, и предусматриваться варианты их нивелирования.

3. Развитие транспортной и социально-бытовой инфраструктуры в моногородах. Безусловно, стабильное функционирование экономики города является важнейшей стратегической задачей, однако не последнюю роль играет степень комфортности проживания в населенном пункте. В данном случае вполне применим советский опыт, когда со строительством производственных предприятий параллельно возводились объекты социальной инфраструктуры (детские сады, школы, больницы, дома культуры) для рабочих и их семей. Конечно, тогда большую роль играло государство, однако в рыночных условиях может быть задействован такой инструмент, как государственно-частное партнерство. В частности, целесообразной представляется разработка системы льгот и преференций для организаций, вкладывающихся в благоустройство города и развитие его социальной сферы.

4. Выбор модели социально-экономического развития города. Следует отметить, что данный вопрос неоднократно поднимался в научной литературе. К примеру, в работе (Раз-

витие моногородов России..., 2013) в качестве ключевых стратегических направлений развития монопрофильных населенных пунктов обозначены: 1) высокотехнологичное развитие; 2) усиленное развитие экономической и социальной сфер; 3) переход на вахтовый метод организации работ на градообразующем предприятии. Другие авторы (Воронина и др., 2021) на основе изучения мирового опыта выделяют три модели развития моногородов в зависимости от функционирования градообразующего предприятия: 1) управляемое сжатие; 2) стабилизация моногорода; 3) индустриальная диверсификация. На наш взгляд, эти подходы достаточно схожи и вполне применимы к российским реалиям.

Вместе с тем с учетом установленных нами типов городов можно выделить ряд приоритетных направлений их дальнейшего развития. В условиях дефицита финансирования, что особенно актуально в текущей отнюдь не простой экономической ситуации в стране, важно расставить акценты, чтобы избежать распыления бюджетных средств.

Так, для муниципальных образований с одним или несколькими крупными предприятиями в одной отрасли промышленности, другими словами, «истинных» моногородов, важна господдержка на федеральном уровне. При этом, поскольку большинство этих городов можно отнести к «сырьевому» типу (добыча полезных ископаемых, лесная промышленность), важно понимать и уметь прогнозировать степень востребованности производимой в моногородах продукции на внутренних и внешних рынках. Соответственно, инструменты поддержки должны быть направлены на предупреждение возможных рисков. Также, поскольку градообразующие предприятия во многих городах были созданы еще в советское время, важной задачей является проведение их модернизации, в том числе за счет бюджетного финансирования.

Полная диверсификация экономики городов данного типа, на наш взгляд, крайне трудновыполнимая задача, однако вполне возможно в них параллельно с основной отраслью развивать смежные сферы экономики. Так, одним из перспективных и вполне реализуемых направлений, по нашему мнению, может стать развитие промышленного туризма. В Стратегии

развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года⁷ промышленные предприятия обозначены как точки притяжения для внутренних и въездных туристов. Многие предприятия становятся более открытыми и в настоящее время некоторые из них уже довольно активно проводят экскурсии по своим производственным объектам. Вместе с тем, согласно данным интернет-портала Promtourism.ru⁸, среди регионов ЕСР только в Мурманской и Архангельской областях предприятия проводят экскурсии. При этом в Архангельской области в основном это организации, расположенные в областном центре, на сайте информация ни по одному моногороду не представлена. В Мурманской области, напротив, многие малые и средние города ведут экскурсионную деятельность. В первую очередь Кировск, где развиты и другие виды туризма. Однако отметим, что АО «СЗФК» предлагает экскурсии только для школьников и студентов, тогда как АО «Апатит» еще и для бизнес-групп и иностранных туристов. Ковдорский ГОК и Оленегорский ГОК также открыты для посещения туристскими группами.

Развитие промышленного туризма в малых и средних моногородах ЕСР будет иметь целый ряд положительных эффектов для смежных отраслей экономики. Во-первых, импульс к развитию получат предприятия туристской инфраструктуры: гостиницы, организации общественного питания, торговли и транспорта. Во-вторых, это будет способствовать формированию положительного имиджа города, росту его узнаваемости, а в перспективе, возможно, созданию собственного бренда.

Вместе с тем важно понимать, что в настоящее время существует множество барьеров для развития промышленного туризма в северных моногородах (Иванова, Матюнин, 2022). Особенно остро стоит вопрос транспортной доступности. Не случайно сфера туризма наиболее развита в г. Кировске, где есть аэропорт. В данном контексте следует подчеркнуть важность согласованности стратегических документов федерального, регионального и муниципального уровней между собой. В частности, в насто-

ящее время в России не первый год реализуется национальный проект «Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры»⁹, в рамках которого одним из федеральных проектов является «Развитие региональных аэропортов». Соответственно, выделение финансирования моногородам на строительство и модернизацию транспортной инфраструктуры можно осуществлять по этой линии. В целом для развития данного направления необходимо согласованное взаимодействие всех ключевых стейкхолдеров: органов власти всех уровней, руководителей градообразующих предприятий, представителей местного бизнес-сообщества, туристических фирм и местного населения.

Также в городах, где присутствуют крупные вертикально-интегрированные компании, особенно важно развивать государственно-частное и муниципально-частное партнерство. При этом одним из перспективных направлений именно для малых и средних городов видится сфера образования, в частности открытие филиалов организаций высшего и среднего профессионального образования. Предприятиям это позволит решить проблему обеспеченности квалифицированными кадрами, а городу – удержать молодежь, которая уезжает поступать в учебные заведения в более крупные города или региональные центры.

Для второго выделенного нами типа городов, где в настоящее время функционирует несколько крупных или средних предприятий в разных хозяйственных отраслях, на первый взгляд, может показаться, что проблемаmono-профильности решена. Однако в реальности, по нашему мнению, социально-экономическое положение большинства из них сложно назвать устойчивым. Нужно понимать, что потенциально эти города могут быть исключены из перечня монопрофильных муниципальных образований, соответственно, они лишатся возможности получения федерального финансирования или присвоения статуса территории опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР). В настоящее время из 20 моно-

⁷ Распоряжение Правительства РФ от 20.09.2019 № 2129-р «Об утверждении Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года».

⁸ URL: <https://promtourism.ru/>

⁹ Распоряжение Правительства РФ от 30 сентября 2018 года № 2101-р «Об утверждении Комплексного плана модернизации и расширения магистральной инфраструктуры на период до 2024 года» (в действующей редакции).

городов ЕСР лишь 5 имеют этот статус: Емва, Кировск, Кондопога, Онега, Костомукша, а также функционирует один индустриальный парк (г. Сокол Вологодской области). Оценка эффективности применения данного института не так однозначна и является отдельной темой научных исследований. Однако, как в целом показал проведенный анализ, экономика этих городов действительно более диверсифицирована. Вопрос пересмотра требований для присвоения городу статуса ТОСЭР остается открытым и крайне актуальным.

Еще одно значимое для данной категории городов направление, на наш взгляд, представляют поддержка развития и выведение на конкурентоспособный уровень субъектов малого и среднего предпринимательства, а не только функционирующих в городе крупных предприятий. Достаточно перспективной видится сфера услуг, в которой имеется множество незанятых ниш. К тому же она менее капиталоемкая по сравнению с производственной сферой, где для открытия бизнеса могут потребоваться серьезные инвестиции.

Наконец, для третьей группы так называемых «бывших» моногородов варианты дальнейшего развития также не столь однозначны. Одним из них является реализация стратегии «управляемого сжатия». Данная модель развития вполне применима к добывающим городам, расположенным в неблагоприятных климатических условиях. Классическим примером является г. Инта, где давно прекращена добыча угля, а численность населения сократилась почти на 2/3 по сравнению с эпохой позднего СССР. Для таких городов остро стоит вопрос содержания жилищно-коммунальной инфраструктуры, и одним из вариантов решения как раз может стать политика «управляемого сжатия».

Помимо этого, для городов третьего типа, на наш взгляд, определяющее значение имеет их положение в региональной системе расселения. К примеру, г. Красавино в Вологодской области территориально расположен между более крупными городами – Великим Устюгом и Котласом. В ряде исследований такие города рассматриваются как ядра формирующейся агломерации (Ворошилов, 2021; Секушина, 2022). Соответственно, одним из перспектив-

ных вариантов для г. Красавино является его развитие в составе Котласской городской агломерации.

Пудож, Лахденпохья и Суоярви территориально удалены от других крупных городов, однако входят в официально утвержденный перечень опорных населенных пунктов Республики Карелия¹⁰. С одной стороны, можно заключить, что органы государственной власти региона в перспективе видят их развитие в качестве обслуживающих центров для прилегающих сельских территорий. С другой стороны, нельзя не отметить наличие определенных вопросов к уровню соответствия данных городов обозначенному для них статусу (Секушина, 2023). Вместе с тем, на наш взгляд, данное направление в принципе верное, межмуниципальное сотрудничество для этих городов и прилегающих к ним территорий является чуть ли не единственным вариантом дальнейшего развития. Однако важна реализация стратегического подхода и разработки мер системной политики по данному направлению.

Заключение

Таким образом, на примере рассмотренных малых и средних городов ЕСР мы убедились в несостоятельности существующего подхода к их делению только на три категории: моногорода со стабильной социально-экономической ситуацией, рисками ее ухудшения и сложным положением. Проведенный анализ показал, что в целом не все муниципальные образования, включенные в перечень моногородов, можно в действительности отнести к категории монопрофильных с одной отраслью экономической специализации или одним градообразующим предприятием. В таких городах, как Кировск, Коряжма или Сокол, несмотря на наличие крупного предприятия, экономика относительно диверсифицирована. В ряде городов ЕСР градообразующие предприятия уже достаточно давно закрылись, а новые, позволяющие судить о специализации города, не появились. По сути, эти муниципальные образования ничем не отличаются от других малых

¹⁰ Распоряжение Правительства Республики Карелия от 27.02.2023 № 159р-П «Об утверждении перечня опорных населенных пунктов и прилегающих населенных пунктов Республики Карелия».

городов с высокой долей населения, занятого в бюджетной сфере. Их, скорее, можно отнести к категории депрессивных или проблемных территорий, а не к моногородам. Яркими примерами являются города Инта, Красавино и Пудож.

На основе анализа финансовых результатов деятельности предприятий, функционирующих в малых и средних городах, можно заключить, что серьезное санкционное давление, разрыв производственных цепочек с западными странами привели к заметному снижению прибыли. Особенно сильно пострадали предприятия лесопромышленного комплекса, поскольку эта отрасль была более экспортноориентированной. Практически все организации, занимающиеся лесозаготовками, деревообработкой, производством целлюлозы и бумаги, в последние два года несли убытки.

На современном этапе развития страны актуальной задачей представляется поиск путей дальнейшего развития моногородов. На наш взгляд, монопрофильность сама по себе не является проблемой, скорее, она несет определенные риски для устойчивого социально-экономического развития территорий. Диверсификация экономики малых и средних городов, основой которой выступают крупные промышленные предприятия регионального и даже национального масштаба, представляется важной, но трудновыполнимой задачей. Вместе с тем, если посмотреть на ситуацию под другим углом, то сложившиеся обстоятельства можно рассматривать как возможность для открытия новых предприятий в освободившихся нишах экономики.

На текущем этапе первоочередной задачей представляется пересмотр самого перечня мо-

ногородов. Однако важно подходить к данному вопросу взвешенно, особенно по отношению к малым и средним городам. Сам населенный пункт, строго говоря, на текущий момент может и не относиться к категории моноспециализированных, но социально-экономические проблемы, которые копились в нем годами, могут быть по-прежнему актуальными. В этом контексте необходимо провести более глубокую оценку состояния экономики и социальной сферы данных городов с целью дальнейшей разработки системных мер государственной политики их развития.

Научная значимость нашего исследования заключается в предложенном авторском подходе к проведению типологии российских городов, отнесенных к категории монопрофильных муниципальных образований, а также оценке последствий качественно новых социально-экономических и geopolитических вызовов последних лет для функционирующих в таких городах предприятий.

Практическая значимость работы состоит в возможности использования полученных результатов органами государственной власти в целях корректировки перечня монопрофильных муниципальных образований, а также при разработке мер государственной поддержки развития моногородов.

Перспективными направлениями дальнейших исследований по данной тематике являются разработка инструментов стратегического планирования для городов разной отраслевой специализации, а также поиск направлений развития государственно-частного и муниципально-частного партнерства между градообразующими предприятиями и органами государственной власти и местного самоуправления.

Литература

- Анимица Е.Г., Новикова Н.В. (2009). Проблемы и перспективы развития моногородов России // Управленец. № 1-2. С. 46–53.
- Артемова О.В., Ужегов А.О. (2021). Перспективы развития моногородов в региональном пространстве Российской Федерации // Вестник Челябинского государственного университета. Экономические науки. № 10 (456). С. 39–50. DOI: 10.47475/1994-2796-2021-11004
- Безвербный В.А., Микрюков Н.Ю., Мириязов Т.Р. (2020). Моногорода Уральского экономического района: особенности и перспективы развития // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. № 5. С. 91–106. DOI: 10.26653/2076-4650-2020-5-08.
- Воронина Е.В., Мильчакова Н.Н., Сергеева И.В. (2021). Моногорода: траектория диверсификации // Вестник Сургутского государственного университета. № 4. С. 28–38. DOI: 10.34822/2312-3419-2021-4-28-38

- Ворошилов Н.В. (2021). Развитие городских агломераций на территории Европейского Севера России // *Федерализм*. № 26 (4). С. 54–74. DOI: <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2021-4-54-74>
- Дулесов А.Н., Бехтерев Д.В. (2015). Классификация моногородов по их жизненному циклу // *Фундаментальные исследования*. № 10-1. С. 161–165.
- Иванова М.В., Матюнин В. М. (2022). Промышленный туризм – новый тренд развития сибирских моногородов // *Вестник Кемеровского государственного университета*. Серия: Политические, социологические и экономические науки. Т. 7. № 4. С. 501–510. DOI: <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-4-501-510>
- Корчак Е.А. (2023). Проблемы и возможности развития моногородов российской Арктики // *Арктика и Север*. № 50. С. 23–46. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2023.50.23
- Котов А.В. (2017). Полярный Рур: структурная политика в моногородах Российской Арктики // *ЭКО*. № 7. С. 34–54.
- Куриная Н.В., Семенюта А.И., Харьковский М. Б. (2023). Моногорода в условиях современных качественно новых социально-экономических и геополитических вызовов // *Вестник Луганского государственного университета имени Владимира Даля*. № 11 (77). С. 39–45.
- Кутергина Г.В., Лапин А.В. (2015). Управление развитием моногородов: отечественные и зарубежные подходы к моделированию // *Вестник Пермского университета*. Сер. «Экономика» = *Perm University Herald. Economy*. № 3 (26). С. 69–77.
- Любовный В.Я. (2018). Монопрофильные города России: истоки, эволюция развития и регулирования. Москва: Экон-Информ, 445 с.
- Малащенко Е.А., Мекуш Г.Е. (2020). Понятие «моногород»: российский и зарубежный взгляд // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. География. Геология. № 6 (3). С. 125–134.
- Оборин М.С. (2022). Механизмы стимулирования инновационного развития моногородов арктических территорий // *Государственное управление. Электронный вестник*. № (91). С. 105–119.
- Одинцова А.В., Кольчугина А.В., Валентик О.Н. (2020). Моногорода России: новый вектор государственной поддержки // *Вестник Института экономики Российской академии наук*. № (4). С. 27–45. DOI: 10.24411/2073-6487-2020-10040
- Печенская-Полищук М.А., Малышев М.К. (2023). Сравнительный анализ тенденций развития финансов крупных корпораций металлургической и угольной отраслей России в условиях глобальных вызовов // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Т. 16. № 1. С. 122–138. DOI: 10.15838/esc.2023.1.85.7
- Питухина М.А., Белых А.Д. (2023). Моногорода Арктики в условиях санкционных ограничений // *Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета*. Т. 3. Вып. 1. С. 31–42. DOI: <https://doi.org/10.34130/2070-4992-2023-3-1-31>
- Пыжева Ю.И., Зандер Е.В. (2019). Социально-экономическое разнообразие моногородов Сибири и Дальнего Востока: статистический анализ // *Проблемы развития территории*. № 3 (101). С. 49–61. DOI: 10.15838/ptd.2019.3.101.3
- Пятшева Е.Н. (2019). Особенности функционирования моногородов России // *Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право»*. № 2. С. 18–34. DOI: 10.28995/2073-6304-2019-2-18-34
- Развитие моногородов России: монография (2013) / колл. авт.; под ред. д-ра экон. наук, проф. И.Н. Ильиной. М.: Финансовый университет, 168 с.
- Растворцева С.Н., Манаева И.В. (2013). Социально-экономическое развитие моногородов Центрально-Черноземного района России: проблемы и пути решения. М.: Экон-информ, 140 с.
- Секущина И.А. (2022). Пространственно-временной анализ трансформации городской системы расселения Европейского Севера России // *Вестник Челябинского государственного университета*. № 12 (470). Экономические науки. Вып. 79. С. 102–112. DOI: 10.47475/1994-2796-2022-11211
- Секущина И.А. (2023). Возможности практического применения методических рекомендаций по определению опорных населенных пунктов (на примере Европейского Севера России) // *Север и рынок: формирование экономического порядка*. № 2. С. 160–174. DOI: 10.37614/2220-802X.2.2023.80.011
- Тургель И.Д. (2005). Моноспециализированные города России: специфика генезиса и анализа социально-экономического развития // *Региональная экономика: теория и практика*. № 7. С. 33–40.

- Ускова Т.В. [и др.] (2012). Моногород: управление развитием. Вологда: ИСЭРТ РАН. 220 с.
- Фомин М.В., Безвербный В.А., Шушпанова И.С. [и др.] (2020). Моногорода Сибири и Дальнего Востока России: потенциал и перспективы развития // Вопросы государственного и муниципального управления. № (1). С. 137–165.
- Фомин М.В., Смирнов О.О., Милязов Т.Р. (2022). Моногорода Уральского федерального округа: Матрица рисков развития // Вопросы государственного и муниципального управления. № 3. С. 171–192. DOI: 10.17323/1999-5431-2022-0-3-171-192
- Шнейдерман И.М., Шаров С.Ю. (2022). Генезис и социально-экономическое положение моногородов // Народонаселение. Т. 25. № 4. С. 178–188. DOI: 10.19181/population.2022.25.4.15
- Bole D., Jani K., Jernej T. (2019). Variety of industrial towns in Slovenia: A Typology of their economic performance. *Bulletin of Geography. Socio-Economic Series*, 46(46), 71–83. DOI: <https://doi.org/10.2478/bog-2019-0035>
- Commander S. (2018). One-company towns: Scale and consequences. *IZA World of Labor*, 433, 1–9.
- Dragan W., Zdyrko A. (2023). The spatial dimension of coal phase-out: Exploring economic transformation and city pathways in Poland. *Energy Research & Social Science*, 99, 103058.
- Ghosh S., Byahut S., Masilela C. (2019). Metropolitan regional scale smart city approaches in a Shrinking City in the American Rust Belt – case of Pittsburgh, Pennsylvania. *Smart Metropolitan Regional Development: Economic and Spatial Design Strategies*, 979–1021.
- Haggerty J.H., Haggerty M.N., Roemer K., Rose J. (2018). Planning for the local impacts of coal facility closure: Emerging strategies in the US West. *Resources Policy*, 57, 69–80.
- Hobor G. (2013). Surviving the era of deindustrialization: The new economic geography of the urban rust belt. *Journal of Urban Affairs*, 35(4), 417–434.
- Leadbeater D. (2004). Mining towns and the new Hinterland crisis, *Canadian Dimension*, 5, 41–44.
- Marais L., Denoon-Stevens S., Cloete J. (2020). Mining towns and urban sprawl in South Africa. *Land Use Policy*, 93, 103953.
- Sedova N., Ugrumova A., Garnov A., Oi'garenko D. (2020). Regulating employment in monocities: Foreign experience and Russian practice. *International Journal of Management*, 11(6), 163–170. Available at: <https://ssrn.com/abstract=3659786>
- Seyrek S., Polat E.E.O. (2024). Learning from Swindon Railway Town: A comparative study with Alsancak Railway Campus. *GARON*, 161.
- Storey K., Hall H. (2018). Dependence at a distance: Labour mobility and the evolution of the single industry town. *The Canadian Geographer / Le Géographe canadien*, 62, 225–237. DOI: <https://doi.org/10.1111/cag.12390>
- Syafrini D., Nurdin M.F., Sugandi Y.S., Miko A. (2022). Transformation of a coal mining city into a cultured mining heritage tourism City in Sawahlunto, Indonesia: A response to the threat of becoming a ghost town. *Tourism Planning & Development*, 19(4), 296–315.
- Vaishar A., Šťastná M., Zapletalová J. (2022). Small industrial towns in Moravia: A comparison of the production and post-productive eras. *European Planning Studies*, 31(8), 1776–1796. DOI: <https://doi.org/10.1080/09654313.2022.2110377>
- Winkler H. (2021). *When Coal Leaves Town: Can Local Governments Help?* DOI: <https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4069491>
- Zhao Y., Yang Y., Leszek S., Wang X. (2021). Experience in the transformation process of “coal city” to “beautiful city”: Taking Jiaozuo City as an example. *Energy Policy*, 150, 112164.

Сведения об авторе

Ирина Анатольевна Секушина – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: sekushina.isekushina@yandex.ru)

Sekushina I.A.

Small and Medium-Sized Single-Industry Towns of the European North of Russia in the Context of Socio-Economic Challenges of 2020–2023

Abstract. The Russian economy has faced a number of large-scale geopolitical and socio-economic challenges in recent years. At the same time, the territories with single-industry specialization were the most negatively affected, since their town-forming enterprises are highly dependent on external environmental factors. The list of single-industry towns in Russia was formed ten years ago; during this time there have been many global changes, but the authorities are still guided by this document when developing measures of state support. The work had two objectives: first, to assess the degree of their current monoprofile on the basis of analyzing the activities of the main economic entities in single-industry towns; and second, to identify how the new geopolitical and socio-economic challenges have affected the activities of town-forming enterprises. The research object was 20 small and medium-sized towns of the European North of Russia, categorized as single-industry towns. We identified three groups of towns: 1) single-industry towns with one or several large enterprises in one industry sector (i.e., towns that have retained their monoprofile); 2) single-industry towns that currently have several large or medium-sized enterprises in different economic sectors; 3) former single-industry towns with one or several town-forming enterprises that are currently liquidated. Based on the analysis of the financial performance of enterprises operating in small and medium-sized towns, we found that sanctions and the disruption of production chains with Western countries led to a marked decline in the profits of most of these organizations. The enterprises of the timber industry complex were particularly hard hit, as their activities were more export-oriented. The scientific novelty of the research lies in the development and approbation our own methodological approach to the implementation of the typology of towns classified as single-industry municipalities, based on the analysis of enterprises functioning in them.

Key words: monotown, monoprofile municipality, town-forming enterprise, small and medium-sized cities, European North of Russia.

Information about the Author

Irina A. Sekushina – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: sekushina.isekushina@yandex.ru)

Статья поступила 02.08.2024.

ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

DOI: 10.15838/esc.2024.5.95.5

УДК 338.2, БКК 65.05

© Королева Е.А.

О перспективах применения стратегического планирования для эффективного развития сектора малого и среднего предпринимательства

Екатерина Алексеевна

КОРОЛЕВА

Центральный экономико-математический институт РАН

Москва, Российская Федерация

e-mail: katerina8686@gmail.com

ORCID: 0000-0002-4423-9027; ResearcherID: AAG-3429-2019

Аннотация. Ключевая роль российских малых и средних предприятий в экономическом развитии страны в условиях сложной геополитической обстановки, специфика предприятий этого сегмента, а также дуальность научных взглядов на целесообразность стратегического планирования для данной категории бизнеса определили актуальность выбранной темы исследования. Цель работы – установить значимость, особенности построения и применения, а также целесообразность стратегий, являющихся одним из эффективных инструментов развития исследуемого сектора. Научная новизна состоит в рассмотрении проблем стратегического планирования на малых и средних предприятиях через призму особенностей построения и применения стратегий в данных компаниях. Исследованы теоретические основы влияния стратегического планирования и стратегий на следующие аспекты деятельности малых и средних предприятий: конкурентоспособность, оценка достижений бизнеса, финансовые результаты, производительность, выживаемость и т. д.; систематизированы взгляды отечественных и зарубежных ученых по данному вопросу. С учетом того, что функционирование малых и средних предприятий отличает определенная специфика, автором выявлен ряд характеристик, которые присущи стратегиям малого и среднего бизнеса, а именно: комплексность, комбинированность, адаптивность, интерактивность, инклюзивность. Представлена сравнительная классификация фундаментальных особенностей стратегий малых (и средних) и крупных компаний. На основе проведенного в рамках работы специфического анализа отечественной и зарубежной литературы выявлены причины, препятствующие внедрению стратегий на предприятиях малого и среднего бизнеса,

Для цитирования: Королева Е.А. (2024). О перспективах применения стратегического планирования для эффективного развития сектора малого и среднего предпринимательства // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 5. С. 95–113. DOI: 10.15838/esc.2024.5.95.5

For citation: Koroleva E.A. (2024). On the prospects of applying strategic planning for effective development of small and medium-sized entrepreneurship sector. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 17(5), 95–113. DOI: 10.15838/esc.2024.5.95.5

определенна целесообразность применения стратегий на таких предприятиях. Сформулированы выводы о состоянии и настроениях в предпринимательской среде, полученные в результате опроса представителей исследуемого сектора. В ходе работы использовались общенаучные методы, интерпретация результатов теоретического и эмпирического анализа осуществлялась с применением общелогических методов, формализации, абстрагирования. Методологическую основу исследования составили системный подход, классические и современные теории стратегического планирования.

Ключевые слова: стратегия, малые и средние предприятия, бизнес, предпринимательство, стратегическое планирование, развитие, МСП.

Благодарность

Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ, грант № 23-28-01551.

Введение

Развитие сегмента малого и среднего предпринимательства как локомотива интенсификации и модернизации российской экономики является одним из стратегических направлений, определенных государственными документами федерального значения (Стратегия развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года, национальный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» и др.)¹. Однако доля малых и средних предприятий (МСП) в ВВП России на протяжении последних десятилетий составляет не более 20%, что в 2–3 раза ниже, чем в таких активно развивающихся странах, как Китай, США, Италия, Франция, где малый бизнес является основой экономики государства. Доля МСП в общей численности занятых едва ли превышает 25–30% по разным оценкам, в то время как в развитых странах этот показатель колеблется в пределах 60–90% (Италия – 79%, Китай – 75%, Бразилия – 54%, Венгрия – 68%). Важно отметить, что, согласно недавним заявлениям представителей государственных органов власти, дальнейшее численное увеличение сектора МСП больше не является приорите-

том поддержки бизнеса для правительства². Производительность труда российских малых фирм, по оценке Минэкономразвития РФ, отстает от уровня развитых стран в 2–3 раза (в странах Европейского союза – 2,2 млн руб., в США – 3,4 млн руб., в России – 0,9 млн руб. на человека³.

В сложившейся обстановке, отличающейся высокой неопределенностью и нестабильностью, стратегическое планирование может стать особо важным для российских МСП. Вместе с тем это направление исследований является малоизученным с теоретической точки зрения и недостаточно активно применяемым с практической точки зрения: стратегии чаще отсутствуют, чем присутствуют в бизнес-практиках этих экономических агентов (Гуськова и др., 2021), так как малым и средним предприятиям свойственны определенные ограничения в использовании классических и общепринятых подходов к стратегическому планированию. Кроме того, рассмотрение вопросов стратегий для малого и среднего бизнеса, как правило, предполагает перечисление практических рекомендаций, но не учитывает теоретический аспект, включающий исследование специфики построения стратегий для бизнеса различного масштаба, особенностей стратегического планирования МСП.

¹ Паспорт национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы», утв. президиумом Совета Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам 24 декабря 2018 г.; Стратегия развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года, утв. распоряжением Правительства РФ от 2 июня 2016 г. № 1083-р.

² Кузнецова Е. Предприниматели берут числом // Коммерсантъ. 26.04.2024. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6666295> (дата обращения 11.08.2024).

³ Стратегия развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации до 2030, утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 2 июня 2016 г. № 1083-р.

В условиях экономических и политических рисков, а также постоянно меняющихся правил «игры» на внутренних и внешних рынках распространенным становится мнение о том, что наличие стратегии теряет актуальность, так как бизнес лишается конкурентных преимуществ (Катькало, 2003; McGrath, 2013), а осуществление долгосрочного планирования весьма затруднительно из-за высокой турбулентности внешней среды (Baylis et al., 2022; Кобылко, 2023а). Иное представление базируется на том, что в условиях неопределенности степень значимости стратегии может кратно возрастать, так как из-за частой смены экономических агентов, возникновения новых компаний, вносящих корректировки в расстановку сил на рынке, роль стратегического планирования становится едва ли не решающей для успешного развития бизнеса (Lyles et al., 1993; Stonehouse, Pemberton, 2002; Analoui, Karami, 2003; Ривз и др., 2016; Кожанова, Мерзликина, 2022). Такая двойственность взглядов порождает научную полемику и появление большого числа трудов исследователей по данной тематике.

Традиционные и современные теоретико-практические подходы к разработке стратегий и стратегическому управлению, как правило, ориентированы на крупные корпорации и экосистемы (Kleiner, Kobylko, 2022), которые обладают разветвленной организационной структурой, различными направлениями деятельности, а также значительными финансовыми, человеческими и административными ресурсами. Эти подходы не пригодны для других форм организации бизнеса, например для таких, как малые и средние предприятия.

Значимость российского сектора МСП в экономическом развитии страны, особенности предприятий сегмента малого и среднего бизнеса, а также дуальность взглядов на вопрос о необходимости стратегий для них обосновывают актуальность выбранной темы исследования и цель работы – определить значимость, особенности построения и применения стратегий в сегменте малого и среднего предпринимательства как инструмента роста/развития сектора МСП и экономики в целом.

Научная новизна работы заключается в том, что проблемы стратегического планирования на малых и средних предприятиях рассматриваются через призму специфики построения и применения стратегий в данных компаниях.

Анализ литературы и исследований

Стратегии и стратегическое планирование – одно из популярных направлений экономических исследований. Наиболее известные концепции стратегического планирования были разработаны порядка 70 лет назад в соответствии с той средой и теми проблемами, с которыми столкнулись экономики западных стран, США, Великобритании (Системно-ориентированное..., 2023). За прошедшие годы произошли многочисленные изменения, затронувшие и сферу экономики, и технологии, и структуру общества, и образ мышления людей, и уклад их жизни. Таким образом, в настоящее время требуется переосмысление понятий стратегии и стратегического планирования как в сфере крупного бизнеса, так и в секторе малых и средних предприятий (Тамбовцев, 2010; Системно-ориентированное..., 2023). Однако, если проблемам стратегического управления в крупных компаниях посвящено множество публикаций, то исследований, направленных на изучение вопросов разработки и внедрения стратегий на малых и средних предприятиях, значительно меньше. Важно отметить и то, что область пересечения двух тем – стратегий и российского малого бизнеса – находится, как правило, в сфере изучения проблем, связанных с государственной поддержкой и реализацией текущих стратегий развития сектора МСП, т. е. речь идет о макроэкономическом уровне⁴ (Бухвальд, 2016; Кулагова, Белухин, 2018; Школьник, 2018; Бухвальд, Валентик, 2020 и др.), в то время как теоретические основы исследования влияния стратегии на деятельность малых и средних предприятий нечасто выступают объектом научных работ.

В 1950–1960-х гг. стали появляться первые исследования, посвященные изучению процессов реализации стратегического планирования в сегменте МСП. В конце 1980-х – начале 2000-х гг. в зарубежных научных и предпринимательских кругах эта проблематика стала подниматься в литературе более активно, что связано с возросшей значимостью малого и среднего бизнеса в обеспечении заня-

⁴ Об утверждении Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года: распоряжение Правительства РФ № 1083-р от 2 июня 2016 г. URL: <http://government.ru/docs/23354/> (дата обращения 01.05.2024).

тости и благосостояния населения, усиление конкуренции и развитии информационных и технологических инноваций. Наибольшую активность развитие вопросов стратегии и стратегического менеджмента получило преимущественно в тех странах, где сектор МСП давно и успешно функционирует, занимая значимую долю в структуре экономики (передовые страны Европы, США и т. п.).

Каково же влияние стратегии на предприятия из сегмента малого и среднего бизнеса? Ответы на этот вопрос противоречивы. Приводятся аргументы как за, так и против положительного влияния стратегий на развитие малых и средних компаний. При этом необходимо отметить, что большинство работ являются зарубежными, а в российской научной и бизнес-ориентированной литературе эта тема представлена не так обширно.

Одно из мнений основывается на том, что внедрение стратегического планирования позитивно сказывается на деятельности МСП: способствует появлению новых идей, расширяет возможности предприятия, снижает уровень неопределенности за счет более четкого понимания бизнес-среды (Lyles et al., 1993; Wood, Barnett, 2012; Joel, 2016), формирует конкурентные преимущества фирмы на рынке (Analoui, Karami, 2003; Kraus, Kauranen, 2009; Зарецкая, Черникова, 2022; Черепанова, Махинова, 2022). В работе (Robinson, Pearse, 1984) подчеркивается, что выбираемый малой фирмой тип планирования обусловлен той стадией жизненного цикла, в которой находится в данный момент предприятие. По мере развития малого бизнеса и его продвижения по стадиям жизненного цикла стратегия трансформируется за счет усложнения и увеличения длительности ее срока (Adizes, 2004; Портер, 2005; Завьялова, Кобылко, 2019; Астапов, Жданов, 2022). При этом ключевым моментом в стратегическом управлении на малом предприятии является не изменение стратегии, а ее адаптация, т. е. пересмотр и соответствующая корректировка поведения фирмы в соответствии с воздействием внешней среды (Гуськова, Никитина, 2020). Речь может идти также о влиянии макросреды, которая включает в себя ментальные и культурные особенности населения, страновую институциональную систему, исторический опыт страны и т. п. (Клейнер, 2008).

Воздействие стратегического планирования на деятельность малого предприятия может быть исследовано с позиции оценки достижений организации. Так, успешная реализация стратегии, являясь критерием результативности функционирования бизнеса, позволяет либо сохранить масштаб и возможности для развития фирмы, либо стимулирует дальнейший рост предприятия (Kraus et al., 2008; Lyles et al., 1993; Stewart 2003; Joel, 2016; Кожанова, Мерзликина, 2022). В данном случае выбор пути, в рамках которого будет функционировать малое предприятие, зависит от стиля управления, личных и профессиональных качеств собственника бизнеса (Кузнецова, 2021).

Исследование положительного влияния стратегического планирования на финансовый успех и прибыльность МСП началось в работах (Robinson, Pearse, 1984; Schwenk, Shrader, 1993). Позднее в (Wheelen, Hunger, 1998) объясняется, что малые компании, имеющие стратегию, достигают более высоких финансовых результатов, чем те, которые обходятся без стратегий. Таким образом, расходы, которые МСП затрачивают на построение и реализацию стратегии, компенсируются достижением стратегических планов и полученными доходами. Исследование предприятий малого и среднего бизнеса из различных отраслей, проведенное (Dibrell et al., 2014), позволило обнаружить, что между процессами стратегического планирования и организационной гибкостью фирмы существует положительная связь. Даже находясь в неблагоприятной внешней среде, малые и средние компании, применяющие различные стратегии, способны добиваться роста финансовых показателей (Bamiatzi, Kirchmaier, 2014).

Еще одним индикатором, на который влияет стратегическое планирование, является уровень выживаемости малых и средних фирм: предприятия, использующие стратегии, имеют более высокий показатель, чем те компании, которые их не применяют (Delmar, Shane, 2003; Kraus et al., 2008).

Противоположное мнение по вопросу влияния стратегии на деятельность малого бизнеса основывается на утверждении, что «настоящие предприниматели не планируют» («real entrepreneurs do not plan») (Posner, 1985). Эта мысль прослеживается и в более поздних работах ряда исследователей (Robinson et al., 1986; Gable,

Topol, 1987; Shrader et al., 1989 и др.). Они полагают, что малые и средние фирмы не прибегают к стратегиям, а связь между стратегическим планированием и деятельностью малой фирмы незначительна либо отсутствует. Кроме того, построение формализованных стратегий в классическом их понимании не подходит для предприятий сектора МСП, так как они ограничены в финансовых, трудовых и управлении ресурсах для реализации данной цели. Ценность стратегии и стратегического планирования нивелируется такими факторами, как уровень компетентности руководства, стадия развития компании, неопределенность и изменчивость внешней среды, в которой функционирует предприятие.

Результаты эмпирических исследований влияния стратегического планирования на показатель производительности деятельности МСП представляются достаточно противоречивыми и не вполне достаточными. Положительная связь отмечается в работах (Bracker et al., 1988; Lyles et al., 1993; Schwenk, Shrader, 1993), нулевая или даже отрицательная – в (Gibson, Cassar, 2002).

В (Shrader et al., 1989) уточняется, что характер связи между стратегическим планированием и успешностью малого бизнеса зависит от отраслевой принадлежности предприятия, в то время как в ряде других исследований эта зависимость не была обнаружена (например, Gable, Topol, 1987; Kelly et al., 2004).

Между этими полярными мнениями находится точка зрения (Mintzberg, 1993; Bhide, 2000; Kraus et al., 2008): стратегии и стратегическое планирование должны присутствовать в деятельности малого предприятия, но при этом должны быть «спонтанными» и гибкими, а не преднамеренными и формализованными.

По мнению автора, неким компромиссом представляется процесс интеграции предпринимательского (практического) и стратегического (теоретико-методологического) мышления, так как и то, и другое видение направлены на созидание и сохранение приобретенных малым предприятием конкурентных преимуществ на рынке (McGrath, 2013; Meyer, Heppard, 2000). Речь идет о концепции стратегического предпринимательства, которая появилась относительно недавно и заключается в «интеграции предпринимательской (поведения, на-

правленного на поиск возможностей) и стратегической (поведения, направленного на поиск преимущества) перспектив в развитии и осуществлении действий, нацеленных на создание богатства» (Hitt et al., 2001; Schindehutte, Morris, 2009). Она подразумевает, что лицам, ответственным за разработку стратегий, важно использовать предпринимательское мышление, позволяющее оценивать и мобилизовывать имеющиеся у компании ресурсы и подключать межфирменные и межличностные связи в условиях неопределенности. Степень тесноты взаимосвязи понятий стратегического и предпринимательского мышления определена в работе (Venkataraman, Sarasvathy, 2008) путем метафорического сравнения с фрагментом из произведения У. Шекспира «Ромео и Джульетта»: исследовать предпринимательство без учета стратегии – все равно что Ромео без балкона и наоборот.

Описание методики исследования и обоснование ее выбора

Исследование проведено с использованием общенаучных методов, позволивших раскрыть роль стратегии как инструмента выживания малого и среднего бизнеса в условиях неопределенности внешней среды. Интерпретация результатов теоретического и эмпирического анализа осуществлялась с применением общеологических методов, формализации, абстрагирования. Методологическую основу исследования составили системный подход, классические и современные теории стратегического планирования.

Эмпирический анализ, проведенный на основе материалов открытой печати, исследований зарубежных и российских ученых, дал возможность выявить основные отличия стратегий крупных компаний и аналогичного документа для малых и средних предприятий, определить специфические черты стратегий этого сегмента предпринимательства.

В процессе работы были использованы законодательные акты и нормативные документы, касающиеся исследуемой темы, в том числе Стратегия развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года, Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» № 209-ФЗ от 24.07.2007 (ред. от 12.12.2023), где главным

объектом выступают предприятия из сектора МСП. Также исследование опирается на материалы аналитического центра НАФИ и ответы, полученные ЦЭМИ РАН в результате опроса предпринимателей. Практические методы исследования, в том числе компаративный и статистический анализ, позволили сформулировать ряд выводов, касающихся состояния и настроений в предпринимательской среде.

Результаты исследования

Базовые характеристики стратегий предприятий малого и среднего бизнеса

Особенности предприятий сектора МСП в области организации, функционирования и взаимодействия с другими экономическими агентами обусловили некоторые характеристики, присущие стратегиям малого и среднего бизнеса.

1. **Комплексность.** В процессе своей деятельности малое предприятие выполняет множество разнообразных функций. Применение системного подхода при разработке стратегии МСП предполагает, что стратегия, которая в наибольшей степени подходит для достижения показателей эффективности бизнеса, должна носить комплексный характер (Клейнер и др., 1997; Клейнер, 2008; Туренко, 2008; Курлыкова, Киргизова, 2023). Это означает, что у предприятия из сегмента МСП определена долгосрочная программа, которая регулирует поведение организации в условиях рыночной экономики (Туренко, Туренко, 2019). Такая стратегия состоит из ряда стратегических направлений (производство товаров и услуг, разработка новой продукции, продвижение и продажа, оптимизация денежно-инвестиционных потоков, развитие кадров и т. п.) и включает в себя различные подстратегии, например производственные, технологические, продуктовые, финансовые, маркетинговые, кадровые и др. (Туренко, 2008; Кобылко, 2023а).

В (Кобылко, Рыбачук, 2023) стратегия представлена как комплекс тесно связанных между собой элементов или атрибутов: ядро, внутренний и внешний контуры. Ядро, являясь базой для разработки этих контуров, состоит из миссии, видения, принципов, ценностей и долгосрочных целей организации. Внутренний контур включает набор задач стратегического планирования с учетом основных количествен-

ных и качественных показателей эффективности деятельности бизнеса. Внешний контур формируется из таких атрибутов, как длительность горизонта планирования, публичность, степень формализации и детализации стратегии и т. п.

2. **Комбинированность.** Построение стратегий для малых и средних предприятий не всегда должно происходить в соответствии с традиционными, строго регламентированными и формальными моделями стратегического управления (Analoui, Karami, 2003; Marikova et al., 2022; Зарецкая, Черникова, 2022). Профессиональный и жизненный опыт, интуиция и склад характера учредителей, по всей видимости, являются более значимыми в развитии малых и средних предприятий, нежели любая четко структурированная и формализованная стратегия. В реальности упрощенные и интуитивные подходы к стратегическому планированию могут на деле оказаться более подходящими для микро- и малых фирм с небольшим числом сотрудников (Kraus et al., 2008). Те малые предприятия, которые нацелены на активный рост и намереваются вырасти в масштабе до размеров средних или даже крупных компаний, успешно комбинируют в своей деятельности неформальные и формальные подходы к разработке и реализации стратегий (Leitner, 2007; Menzel, Günther, 2012). В ряде случаев нестабильность и неоднородность внешней среды подталкивают малые и средние компании к тому, чтобы сочетать одновременно или последовательно несколько стратегий, т. е. они становятся стратегическими амбидекстерами (Ривз и др., 2016).

3. **Адаптивность.** Отличительной особенностью предприятий из сектора МСП выступает их высокая гибкость, приспособляемость к множественным изменениям внешней среды. Вместе с тем у малых фирм редко имеются политическая или экономическая власть и влияние, для того чтобы регулировать окружающую их обстановку (Analoui, Karami, 2003; Nyangara et al., 2015). Это вынуждает собственников малого бизнеса при принятии решений искать баланс между долгосрочной гибкостью и кратковременной уверенностью, защищаясь тем самым от неопределенности и предугадывая новые сложности и проблемы (Bhidé, 2000; Mintzberg, 1993).

4. Интерактивность. Построение стратегии для предприятия из сегмента МСП предполагает решение ряда ключевых вопросов: определение текущего положения компании на рынке; обозначение желаемого будущего положения фирмы по прошествии обозначенного установленного периода времени; выявление набора средств для реализации поставленных целей и задач. Решение этих вопросов осуществляется посредством интерактивного процесса, включающего в себя следующие основные этапы: реализация и разработка стратегии, сбор обратной связи, аккумулирование полученной информации и знаний, корректировка стратегии (Мезоэкономика России..., 2022). Таким образом, созданная на предприятии стратегия, в которой учитывается обратная связь, дает собственникам малого и среднего бизнеса возможность предпринимать предупредительные меры, увеличивая тем самым готовность компаний к столкновению как с контролируемыми, так и с неконтролируемыми событиями внешней среды.

5. Инклюзивность. Данная характеристика разграничивает классические (например, Катьяло, 2003) и современные подходы к пониманию стратегии и подразумевает соединение стратегии экономического агента с учетом его

внутреннего содержания со стратегией внешнего окружения. Внешнее окружение должно представлять не только тех экономических агентов, с которыми взаимодействует предприятие, но и их планы и проекты, намерения и замыслы (Системно-ориентированное..., 2023).

Отличия между стратегиями крупных компаний и предприятий из сегмента МСП

Практический аспект стратегического планирования предполагает классификацию стратегий как минимум на три категории в зависимости от размера предприятия: для организаций из сектора МСП, для корпораций и для бизнес-экосистем. Очевидно, что эти стратегии различаются (Kraus et al., 2007, Кобылко, 2022). Далее остановимся более подробно на сравнении некоторых особенностей стратегий малых (средних) и крупных компаний (табл. 1).

Разработчики. Вопросами стратегического планирования во многих крупных предприятиях занимается ограниченный круг допущенных лиц, среди которых могут быть не только руководители верхнего звена (Завьялова, Кобылко, 2019). Стратегию разрабатывают специализированные отделы и подразделения численностью до нескольких десятков сотрудников либо передают эту задачу на аутсорсинг внешним экспертом и консультантам (Клейнер, 1998).

Таблица 1. Отличия в построении стратегий предприятий малого (среднего) и крупного бизнеса

Критерий отличия	Малое и среднее предприятие	Крупная компания
Разработчики	– Учредители; – руководители	– Отделы/департаменты стратегического планирования и прогнозирования; – консалтинговые компании
База для написания стратегии	– Профессиональный и жизненный опыт учредителя; – «видение» собственника	Углубленный финансовый анализ, маркетинговые исследования, анализ рынка
Формат стратегии	– «В голове» учредителя («видение»); – тезисный план	Объемный документ, содержащий подробный алгоритм действий, набор количественных показателей
Степень формальности стратегии и стратегического планирования	Различается (в зависимости от отрасли, стадии жизненного цикла, амбиций учредителя и т. п.)	Высокая степень формализации
Роль фигуры предпринимателя	Высокая важность	Средняя важность
Централизация процесса принятия стратегических решений	Высокая	Низкая/средняя
Степень контроля собственника над выполнением стратегии	Высокая	Средняя (опосредованный контроль)
Влияние внешней среды	Высокое	Низкое

Источник: составлено автором.

Ранее подобные услуги крупным корпорациям оказывали консалтинговые компании, входящие в «большую четверку» (Deloitte, PricewaterhouseCoopers, Ernst & Young и KPMG), а также McKinsey & Company, The Boston Consulting Group и др., однако после событий февраля 2022 года они прекратили деятельность на территории России, уступив место российским, китайским, индийским и другим консалтинговым организациям.

Стратегия малого предприятия, как правило, разрабатывается его учредителями/руководителями. Простота организационной структуры МСП, небольшая численность сотрудников (в сравнении с крупной корпорацией), а также ограниченность финансовых ресурсов не позволяют малому предприятию содержать такие многочисленные специализированные подразделения и нанимать сторонние консалтинговые компании (Самотуга, 2021).

База для написания стратегии. В МСП стратегия основывается на сжатом анализе деятельности фирмы, жизненном и предпринимательском опыте учредителя, его интуиции, коммуникативных навыках и неформальных связях. В крупном бизнесе стратегия имеет под собой солидный фундамент в виде комплексного финансового, производственного анализа предприятия, углубленного исследования рынка, конкурентов, определения конкурентных преимуществ и т. п.

Формат стратегии. Инструменты, методы и формат стратегического планирования, которые подходят для крупного предприятия, не всегда приемлемы для МСП (Reboud, Mazzarol, 2008). Специалисты отделов планирования и прогнозирования в крупной компании формируют стратегию в виде достаточно объемного документа, в котором отмечены подробный алгоритм действий, ключевые и второстепенные задачи, количественные достижимые показатели и т. п. Степень детализации стратегии крупной компании достаточно высокая.

Стратегия малой или средней фирмы может даже не иметь четкой письменной формы, а представлять собой план «в голове» у собственника/руководителя либо некий неофициальный документ («что-то, набросанное на обратной стороне конверта» (Richbell et al., 2006)), на который опирается руководство предприятия

при принятии решений. Этот формат является собой некое описание «воображаемого будущего» компании, для которого скорее подходит термин «видение» компании (Коллинз, Поррас, 2005; Кобылко, 2023b).

Если же обратиться к реальной практике, то, согласно опросу ЦЭМИ РАН, стратегии малых предприятий с численностью персонала до 50 человек оформляются кратко, в виде тезисов, в общих показателях, в отличие от аналогичных документов крупных компаний (Кобылко, 2023b). Такой формат стратегии – с невысокой степенью детализации информации – применяется еще и потому, что в любой момент времени внешняя среда может измениться и достижение целей произойдет быстрее, чем намеревалось ранее.

Степень формальности стратегии и стратегического планирования. Для большинства отечественных МСП свойственно неформальное стратегическое планирование по следующим причинам: высокая стоимость разработки стратегии, нехватка персонала, дефицит времени, опыта, информации, образования и управленческих навыков у собственников и т. п. (Robinson, Pearse, 1984; Shrader et al., 1989). Формализованный стратегический план не является наилучшим решением для МСП (а порой даже вредит малому бизнесу), так как ограничивает инновации и творчество (Adizes, 2004).

Роль фигуры предпринимателя. В малом и среднем бизнесе значимую роль в теории и практике построения стратегий имеет фигура самого предпринимателя: его личные качества, цели и задачи, стиль управления, профессиональные навыки и опыт (Robison et al., 1986; Leitner, 2007; Самотуга, 2021; Зарецкая, Черникова, 2022; Debrulle et al., 2023). Так, уровень стратегического планирования выше у тех предприятий, чьи владельцы нацелены на рост бизнеса (Sarwoko et al., 2013), и наоборот: у собственников компаний, преследующих личные интересы, уровень стратегического планирования ниже (Wang et al., 2006).

В рамках работ (Bracker et al., 1988; Gibson, Cassar, 2002) выделена следующая взаимосвязь: чем более образованным является собственник бизнеса, тем выше вероятность того, что он обладает стратегическим мышлением, видением и действует согласно построенной стратегии.

В крупной корпорации ответственность за формирование и реализацию стратегии «размывается» между руководителями подразделений и ключевым персоналом компании, следовательно, роль персоны собственника не такая значимая, как на малом предприятии.

Централизация процесса принятия стратегических решений. Численность владельцев малого бизнеса, как правило, небольшая – до 5 человек в среднем. Это способствует единству взглядов руководства на построение и реализацию стратегии, а также централизованному принятию решений, которое положительно влияет на скорость реагирования на изменения внешней среды (Самотуга, 2021). Небольшое, в сравнении с крупной компанией, количество сотрудников также способствует более оперативному распределению задач среди персонала компании.

На практике МСП склонны ориентироваться на решение краткосрочных, а не долгосрочных стратегических вопросов, и принятие решений имеет тенденцию быть реактивным, а не проактивным (Stonehouse, Pemberton, 2002; Reboud, Mazzarol, 2008; Кови, 2023).

На первый взгляд, может показаться, что в ситуации, когда собственник малого предприятия является еще и руководителем, процесс принятия решений облегчается. Однако нельзя не отметить долю субъективности в этом вопросе. Если компанию возглавляет предприниматель с выдающимися способностями, то речь идет о его положительном влиянии на деятельность предприятия. Если же ситуация иная, то положение дел в организации может стать весьма неоднозначным (Дроздова, 2014).

Степень контроля собственника над выполнением стратегии. Так как уровень вовлеченности собственника (автора стратегии) высокий на всех этапах ее реализации, то и степень контроля достаточно высокая. В крупном бизнесе наблюдение собственников/руководителей за исполнением стратегии осуществляется опосредованно, так как степень вовлеченности собственников меньше, чем на малом предприятии.

Влияние внешней среды. Успешность реализации стратегии любого предприятия во многом зависит от характера взаимодействия с внешней средой. В случае с компаниями из сегмента МСП крайне важной является их способ-

ность соответствовать тем требованиям, которые предъявляет бизнес-сообщество (Robbins, Coulter, 2013). В отличие от крупных компаний малые и средние фирмы не обладают монопольным положением на рынках, не имеют обширного и влиятельного административного ресурса, не располагают финансовыми средствами в избытке, поэтому неотъемлемая часть их стратегии – это умение создать доверительные и обоюдовыгодные отношения с экономическими агентами.

В сложившейся за многие годы практике стратегического планирования для выявления степени влияния внешнего окружения предлагается использовать SWOT-анализ, разработанный Альбертом Хамфри и включающий еще и оценку внутренней среды объекта прогноза (SWOT – strengths, weaknesses, opportunities, threats). Однако с некоторых пор этот метод стал подвергаться критике российскими учеными (Клейнер, 1998; Катькало, 2003; Квинт, 2022 и др.). Так, фирме разумнее начинать анализ не с оценки своих сильных и слабых сторон, а с угроз и возможностей внешней среды, и тогда мы получаем OTSW-анализ: Opportunities, Threats, Strengths, Weaknesses (Квинт, 2022). Кроме того, представляются не совсем реалистичными способности учредителя к объективной оценке сильных и слабых сторон собственного бизнеса (Катькало, 2003), поэтому следует сфокусироваться на выявлении уникального «потенциала предприятия», а затем уже оценивать вышеупомянутые стороны компании (Клейнер, 1998).

К вопросу о целесообразности стратегий на предприятиях малого и среднего бизнеса

Несмотря на то, что «стратегии тоже нужна стратегия» (Ривз и др., 2016), в реальной практике собственников и руководителей МСП, которые избегают стратегического планирования по ряду причин, обвиняют в «стратегической близорукости» (Marikova et al., 2022). Далее рассмотрим эти причины более подробно.

Во-первых, владельцы компаний не в полной мере осознают важность и необходимость стратегии для своего бизнеса. Многие учредители малых и средних предприятий придерживаются достаточно распространенного мнения о том, что стратегии нужны только крупным корпорациям, поэтому избегают долгосрочного или даже среднесрочного планирования в

своей деятельности (Kraus et al., 2007; Дроздова, 2014). Одно лишь упоминание терминов «стратегия», «планирование» и «прогнозирование» вызывает у таких руководителей реакцию, варьирующуюся от презрения до враждебности (Posner, 1985; Дроздова, 2014), а в такие периоды, как, например, пандемия коронавируса, нестабильная политическая обстановка, активное внедрение политики санкционных ограничений, процесс прогнозирования для них схож с попытками «угадать будущее» (Леснова, 2020). Для таких предпринимателей важно быть гибкими, мобильными и быстрыми, принимать решения в одночасье, а бумажные отчеты с диаграммами – это то, что, по их мнению, лишает бизнес конкурентных преимуществ.

Во-вторых, значимую роль в данном вопросе играет первоначальная мотивация, присущая у собственников при создании и ведении бизнеса. Учредители, которые слабо заинтересованы в максимизации производительности и росте компании и в большей степени сфокусированы на личных целях и личном обогащении, не мыслят категориями стратегического планирования (Wang et al., 2006). Если же у собственника имеются амбиции, направленные на стремительный рост фирмы и безболезненную имплементацию ее деятельности в существующую бизнес-среду, то такие планы владельца компании влияют соответствующим образом и на стиль управления компанией, и на наличие стратегии у предприятия (Joel, 2016; Кондрацкая, 2019; Квант, 2022; Debrulle et al., 2023).

В-третьих, важным является отсутствие у руководителей и/или собственников предприятия управленческих и профессиональных навыков для инициирования процесса создания стратегии и ориентации бизнеса на нее (Самотуга, 2021). В связи с этим возникает вопрос: предпринимателями рождаются или все-таки становятся? Эксперты объясняют успешность бизнесменов генетикой, особенностями характера, удачливостью, навыками и умениями и т. п. В рамках исследования НАФИ большинство опрошенных владельцев бизнеса (88%) полагают, что эти навыки можно приобрести при наличии желания и мотивации, на которую влияют два аспекта: 1) ролевые модели, базирующиеся на примерах из семьи и на успехах известных личностей; 2) образовательная система

и институт наставничества⁵. В перечень предпринимателей, которые в наибольшей степени вдохновляют молодых владельцев бизнеса, входят Илон Маск, Олег Тиньков* и Павел Дуров⁶.

По данным опроса НАФИ, настоящий предприниматель должен обладать особыми знаниями, отличительными чертами характера и навыками, среди которых умение стратегически мыслить выделяют 67% опрошенных, финансовую грамотность – 64%, стрессоустойчивость – 62%, лидерские качества – 62%, навыки организации и планирования – 60%⁷. Набор ключевых характеристик, отличающих предпринимателя, сильно изменился за последние 30 лет. Так, если в 1990-е гг. бизнесмена наделяли такими качествами, как «бандитизм» (62%), «нахальство» (56%), «готовность идти на риск» (22%), «находчивость» (14%), то, по данным исследования, проведенного в 2019 году, опрошенные дают более положительные определения, например «компетентный» (71%), «ответственный» (62%). Кроме того, портрет современного предпринимателя дополняют рост профессионализма и вклад в национальную экономику страны⁸.

Данные предыдущих исследований НАФИ свидетельствуют о том, что 90% российских предпринимателей хотели бы освоить что-то новое. К наиболее востребованным направлениям обучения относятся навыки в области анализа данных и цифровой компетентности (23 и 17%), финансовой и правовой грамот-

* В феврале 2024 г. включен в реестр иностранных агентов.

⁵ Родиться или научиться? Как российские владельцы бизнеса смотрят на природу предпринимательства. 29.11.2022 // Аналитический центр НАФИ. URL: <https://nafi.ru/analytics/roditsya-ili-nauchitsya-kak-rossiyskie-vladeltsy-biznesa-smotryat-na-prirodu-predprinimatelstva/> (дата обращения 27.04.2024).

⁶ Начинающие предприниматели рассказали, кем вдохновляются для открытия своего дела. 15.05.2023 // Информационное агентство ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/17746413> (дата обращения 27.04.2024).

⁷ Родиться или научиться? Как российские владельцы бизнеса смотрят на природу предпринимательства. 29.11.2022 // Аналитический центр НАФИ. URL: <https://nafi.ru/analytics/roditsya-ili-nauchitsya-kak-rossiyskie-vladeltsy-biznesa-smotryat-na-prirodu-predprinimatelstva/> (дата обращения 27.04.2024).

⁸ Исследование: российский бизнес глазами «отцов» и «детей». 28.11.2019 // Аналитический центр НАФИ. URL: <https://nafi.ru/analytics/issledovanie-rossiyskiy-biznes-glazami-ottsov-i-detey/> (дата обращения 28.04.2024).

ности (36 и 20% соответственно), клиентоориентированности (22%), в то время как наличие стратегического мышления – всего 13% опрошенных.

В-четвертых, малые и средние предприятия в силу объективных причин ограничены в финансовых ресурсах. Так как бизнес на старте, как правило, финансируется по принципу 3 F (Family, Friends, Fools – дом, друзья, дураки), то и первоначальный объем инвестиций малой фирмы достаточно небольшой, на этапе создания предприятия могут отсутствовать и детализированный бизнес-план, и планирование денежных потоков в частности. В то же время ограниченность финансовых средств не позволяет уже функционирующему на рынке предприятиям из сегмента МСП содержать специальные подразделения по планированию, а также оплачивать качественные консультации у сторонних консалтинговых компаний по вопросам стратегического планирования и управления (Гуськова, 2021).

В-пятых, размытое представление собственника/руководителя о перспективах предприятия и рынка в целом слабо коррелирует с наличием стратегии у бизнеса (Кобылко, 2023а). В ряде случаев по мере роста предприятия учредители все же задумываются о стратегическом планировании, однако трудно определить, где проходит граница между показателями, определяющими масштаб бизнеса. Таким индикатором может выступать, например, закрепленная в действующем законодательстве градация численности сотрудников предприятия⁹.

И, наконец, в-шестых, руководители и/или собственники малых и средних компаний, как правило, сильно загружены рутинными делами и обязанностями, которые отнимают много времени и не дают возможности даже задуматься о потенциальной стратегии развития бизнеса (Analoui, Karami, 2003; Kraus et al., 2007). Пersonal компании, в свою очередь, также перегружен каждодневными вопросами закупок и продаж, финансовых и инвестиций, поиска клиентов и поставщиков. В некоторых случаях ма-

лые компании прибегают к услугам аутсорсинговых фирм (бухгалтерия, как правило), но это может осложнить процессы разработки и следования стратегии и привести к дополнительным нежелательным затратам малого предприятия (Самотуга, 2021).

Результаты опроса представителей сектора МСП

Теоретико-практические исследования предполносят актуальность стратегии для предприятий малого и среднего бизнеса в одном ключе, в то время как результаты опроса демонстрируют то, как обстоят дела в реальной жизни.

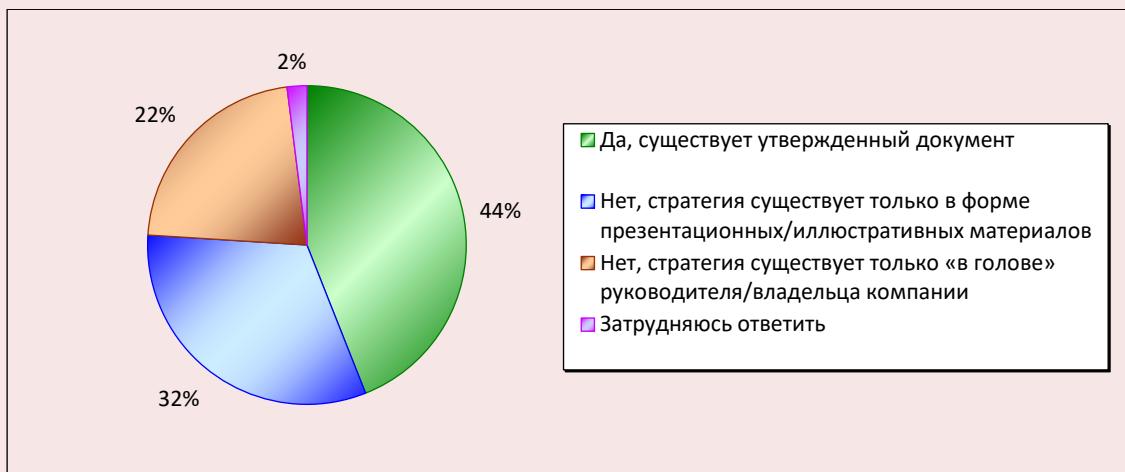
Представленные в открытом доступе исследования по вопросам стратегического планирования на предприятиях малого и среднего бизнеса опираются на опросы, уточняющие у собственников бизнеса направления конкретных стратегий, применяемых ими в периоды финансовых кризисов, пандемии коронавируса или введения многочисленных санкционных ограничений (например, исследовательско-коммуникационный проект ФОМ «Социология малого бизнеса», опросы НАФИ и т. п.). Однако практически отсутствуют исследования, направленные на изучение применимости, значимости и специфики стратегий сектора МСП, выявление их отличий от аналогичных документов, составленных для крупного бизнеса.

Так, в 2023 году в ЦЭМИ РАН проводилось в своем роде уникальное по содержанию и результатам обследование, в котором участвовало 81 предприятие из сегмента МСП. Результаты этого опроса показали, что у 70% компаний имеется стратегия, при этом примерно у 2/3 малых и средних фирм стратегия не просто имеется, но и оформлена в письменном виде (рис. 1).

Приоритетные направления бизнеса сформулированы четко и подробно только у трети опрошенных, почти у такого же количества предприятий эта информация изложена кратко (тезисно), а у 10 компаний – в виде тенденций развития рынка, на котором эти предприятия функционируют. Таким образом, при ответе на вопрос о детализации стратегии мнения разделились. Вероятно, это связано с тем, что малые и средние фирмы, принимающие участие в опросе, находятся на разных стадиях жизненного цикла и имеют различные планы на будущее.

⁹ О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации: Федеральный закон № 209-ФЗ от 24.07.2007 (ред. от 12.12.2023). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52144/08b3e cbc9a360ad1dc314150a6328886703356/ (дата обращения 01.05.2024).

Рис. 1. Ответы представителей МСП на вопрос «Стратегия Вашей организации сформулирована в виде утвержденного официального документа?», % от общего числа опрошенных

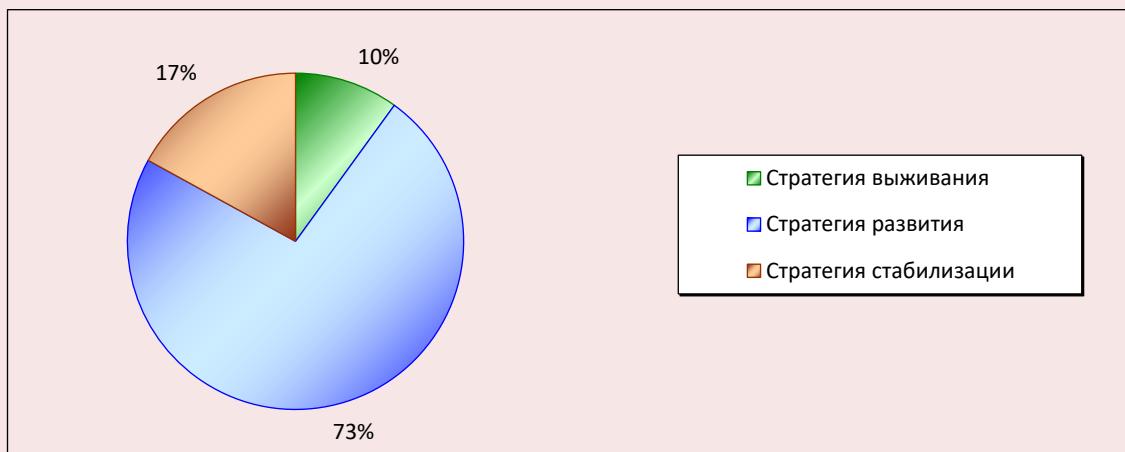
Источник: данные опроса компаний, проведенного ЦЭМИ РАН.

Количественные показатели, которых необходимо достичь в процессе реализации стратегии, сформулированы в обобщенном виде у 52% предприятий, у 35% – изложены подробно, у 12% – не сформулированы вовсе. Контроль исполнения стратегии наблюдается у 86% опрошенных, при этом периодичность контроля различается: 39% – несколько раз

в год, 29% – примерно 1 раз в год, 15% – по необходимости.

Ответы, полученные на вопрос об общей характеристике текущей стратегии компаний, представлены на *рисунке 2*. Положительным момент является тот факт, что почти $\frac{3}{4}$ компаний придерживаются стратегии развития, а не выживания или стабилизации.

Рис. 2. Текущая стратегия компаний, % от общего числа опрошенных

Источник: данные опроса компаний, проведенного ЦЭМИ РАН.

Рис. 3. Ответы представителей МСП на вопрос «Как сейчас стратегия влияет на эффективность деятельности Вашей организации?», % от общего числа опрошенных

Источник: данные опроса компаний, проведенного ЦЭМИ РАН.

Далее были заданы вопросы о влиянии имеющихся стратегий на деятельность организаций. Так, у большинства компаний показатель эффективности бизнеса изменился в лучшую сторону, однако представители четверти предприятий полагают, что наличие стратегии не оказало влияния на эффективность компаний (рис. 3).

Аналогичным образом ответили представители малого и среднего бизнеса на вопрос о снижении уровня риска (неопределенности) за счет внедрения стратегии. Полученный результат позволяет сделать вывод о том, что в целом стратегии скорее полезны для деятельности предприятий из сектора МСП, чем приносят вред.

Финальный вопрос прояснил, насколько соотносится принятая стратегия с реальной деятельностью организации. Оказалось, что деятельность подавляющего большинства опрошенных (75%) полностью соответствует принятой стратегии. Это косвенно подтверждает, что если владелец предприятия из сектора МСП разработал и принял стратегию для своего бизнеса, то он старается ей следовать, несмотря на внешние обстоятельства¹⁰.

Проведенное пилотное исследование, имеющее на начальном этапе небольшой охват респондентов, позволило в первом приближении получить актуальную информацию о значимости, применимости стратегий на предприятиях малого и среднего бизнеса в России. В дальнейшем исследование может быть дополнено новыми результатами за счет расширения числа опрошенных и увеличения количества вопросов.

Выводы

Важность стратегии для предприятий из сегмента МСП в современной ультрадинамичной и волатильной внешней среде емко определена американским социологом Э. Тоффлером: «Если у вас нет своей стратегии, вы – часть чужой стратегии» (Тоффлер, 2004). При этом ценность стратегии обусловливается той внешней средой, в которой находится предприятие: в стабильной и благополучной среде важность стратегического планирования ниже, чем в турбулентных рыночных условиях.

Обзор отечественной и зарубежной литературы, а также анализ современных бизнес-практик по вопросам построения стратегий на малых и средних предприятиях позволили автору сформулировать следующие выводы.

Малый бизнес является важнейшей компонентой рыночной экономики и выполняет значимую роль в экономике и обществе. Совре-

¹⁰ Опрос ЦЭМИ РАН «Формат стратегии в турбулентный период», 2023.

менные российские малые и средние предприятия ежедневно сталкиваются с проблемами, связанными с повышением своей конкурентоспособности в нестабильной внешней среде, поэтому выбор стратегии – это один из ключевых инструментов выживания в условиях турбулентности.

Никакой бизнес не мал настолько, чтобы не иметь стратегию (Analoui, Karami, 2003). Многие зарубежные и отечественные ученые полагают, что фирма из сегмента МСП, осуществляющая стратегическое планирование, скорее выигрывает от наличия стратегии, нежели проигрывает. Это подтверждают результаты проведенного в 2023 году в ЦЭМИ РАН опроса предприятий малого и среднего бизнеса, согласно которым: а) у 70% компаний имеется стратегия; б) у 2/3 опрошенных стратегия представлена письменном виде; в) применение стратегии повысило эффективность бизнеса у 68% компаний; г) 86% предприятий контролируют исполнение стратегии; д) у 3/4 предприятий деятельность полностью соответствует принятой стратегии.

Стратегии предприятий из сегмента МСП явным образом отличаются от стратегических планов крупных компаний. Эти отличия систематизированы и наглядно представлены автором в данной статье. Особенно важным фактором выступает фигура самого предпринимателя, в том числе его профессиональные навыки и аналитические способности, влияющие на системность мышления и принятие управлеченческих решений, а также изначальная мотивация к организации собственного бизнеса.

Форма, срок и прочие внешние атрибуты стратегии зависят от вида деятельности предприятия, стадии жизненного цикла компании и стиля управления руководителя/собственника.

Стратегиям малых и средних фирм свойственны определенные особенности, отмеченные автором в статье, а именно комплексность, комбинированность, адаптивность, интерактивность, инклюзивность. Они обуславливают необходимость применения особых подходов к стратегическому планированию на предприятиях сектора МСП. Эти подходы должны быть, с одной стороны, доступными для восприятия собственниками малого бизнеса, а с другой – несложными для разработки, реализации и регулирования.

В реальной практике собственники малых и средних предприятий не всегда готовы мыслить стратегически и вести бизнес согласно намеченной стратегической траектории, и тому есть ряд причин: недостаточное осознание важности стратегии для развития компаний; отсутствие мотивации, направленной на интенсивный рост предприятия; ограниченность в финансовых средствах; загруженность владельцев и менеджмента рутинными вопросами; неимение у собственника требуемых управлеченческих и профессиональных навыков, а также «стратегическая близорукость» – смутное представление о перспективах предприятия и рынка в целом.

Общественно-государственная поддержка стратегирования в сфере МСП может рассматриваться как часть инфраструктуры для развития предпринимательской деятельности. Однако требование от малых фирм предоставлять качественную стратегию развития бизнеса как условие получения той или иной формы поддержки со стороны государства вряд ли положительно скажется на настроениях в бизнес-среде, так как данный сегмент экономики и так в настоящее время находится в «контрольно-надзорных тисках».

Теоретическая и практическая значимость проведенного автором исследования и полученных им результатов заключается в том, что основные положения и выводы статьи могут быть использованы в деятельности государственных органов власти при модернизации подходов к поддержке малого и среднего бизнеса, а также адаптации существующей системы развития этого сектора экономики в рамках «Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года»; в деятельности владельцев и собственников малых и средних фирм для разработки стратегий развития, повышения эффективности деятельности предприятия и принятия управлеченческих решений; в работе организаций, оказывающих информационно-консультационные услуги компаниям из сегмента МСП по вопросам стратегического планирования; в научной деятельности для развития академических компетенций по вопросам построения стратегий на предприятиях малого и среднего бизнеса.

Литература

- Астапов К.Л., Жданов Д.И. (2022). Стратегические инициативы развития стартапов в сфере информационных технологий России // Экономика промышленности. № 15 (1). С. 78–92. DOI: <https://doi.org/10.17073/2072-1633-2022-1-78-92>
- Бухвальд Е.М. (2016). Стратегия развития малого и среднего предпринимательства в России до 2030 года: амбиции и реалии // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. № 1 (43). С. 66–77. DOI: 10.15838/esc/2016.1.43.4
- Бухвальд Е.М., Валентик О.Н. (2020). Нужна ли российскому малому бизнесу новая стратегия? // Региональная экономика. Юг России. Т. 8. № 3. С. 4–14. DOI: <https://doi.org/10.15688/re.volsu.2020.3.1>
- Гуськова Н.Д., Никитина Д.В. (2020). Особенности стратегического управления на предприятиях малого и среднего бизнеса // Управление качеством в образовании и промышленности: сб. ст. Всероссийской научно-технической конференции, г. Севастополь, 21–22 мая 2020 г. / отв. ред. М.Н. Белая. Севастополь: Севастопольский государственный университет. С. 131–136.
- Гуськова Н.Д., Ерастова А.В., Никитина Д.В. (2021). Стратегическое управление устойчивым развитием предприятий малого бизнеса // Регионология. Т. 29. № 2. С. 306–327. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.115.029.202102.306-327>
- Дроздова В.А. (2014). Нужна ли стратегия малому бизнесу? // Экономика и менеджмент инновационных технологий. № 4. URL: <https://ekonomika.snauka.ru/2014/04/4832> (дата обращения 14.05.2024).
- Завьялова Е. А., Кобылко А. А. (2019). Формат стратегии: практика крупнейших российских предприятий // Стратегические решения и риск-менеджмент. № 10 (3). С. 210–219. DOI: <https://doi.org/10.17747/2618-947X-2019-3-210-219>
- Зарецкая В.Г., Черникова Е.А. (2022). Сущность и особенности формирования стратегии развития малого предприятия // Деловой вестник предпринимателя. № 1 (7). С. 73–83. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49282086>
- Катьяко В. С. (2003). Исходные концепции стратегического управления и их современная оценка // Российский журнал менеджмента. № 1. С. 7–30. URL: <https://rjm.spbu.ru/article/view/820/713>
- Квинт В.Л. (2022). Концепция стратегирования. Кемерово: Кемеровский государственный университет. 170 с. DOI: <https://doi.org/10.21603/978-5-8353-2562-7>
- Клейнер Г.Б., Тамбовцев В.Л., Качалов Р.М. (1997). Предприятия в нестабильной экономической среде: риски, стратегии, безопасность / под общ. ред. С.А. Панова. М.: Экономика. 288 с.
- Клейнер Г.Б. (1998). Стратегии бизнеса: аналитический справочник. М.: Консэко. URL: <https://kleiner.ru/wp-content/uploads/2014/10/str-biz.pdf> (дата обращения 01.05.2024).
- Клейнер Г.Б. (2008). Стратегия предприятия. М.: Дело. 568 с.
- Кобылко А.А. (2022). Стратегия, устойчивая к кризисам: уроки пандемии // Вестник СПбГУ. Менеджмент. № 1. С. 3–18. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu08.2022.105>
- Кобылко А. А. (2023а). Планируемый и фактический сроки реализации стратегии // Российский журнал менеджмента. № 21 (2). С. 255–274. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu18.2023.205>
- Кобылко А.А. (2023b). Функции стратегии в контексте размера предприятия // Стратегическое планирование и развитие предприятий: материалы XXIV Всероссийского симпозиума, Москва, 11–12 апреля 2023 г. / под ред. Г.Б. Клейнера. Москва: ЦЭМИ РАН. С. 137–139. DOI: <https://doi.org/10.34706/978-5-8211-0814-2-s1-26>. URL: <https://elibrary.ru/mj1hw>
- Кобылко А.А., Рыбачук М.А. (2023). Публичность и длительность как внешние атрибуты стратегии: системный подход // Системный анализ в проектировании и управлении: сб. науч. трудов XXVII Научно-практической конференции. СПб: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС.
- Кови Стивен Р. (2023). Семь навыков высокоеффективных людей. Мощные инструменты развития личности: перевод с английского. Москва: Альпина Паблишерз. 488 с.
- Кожанова Т.Е., Мерзликина Г.С. (2022). Методическое обеспечение управления стратегическими изменениями организации малого бизнеса // Стратегия и тактика управления предприятием в переходной экономике: сб. материалов XXII ежегодного открытого конкурса научн.-иссл. работ студентов и молодых ученых с итоговым этапом в форме Всероссийской (национальной) научной конференции, Волгоград, 1–30 апреля 2022 г. Волгоградский государственный технический университет. Т. 44. С. 125–131.

- Коллинз Дж. С., Поррас Дж. И. (2005). Построенные навечно: успех компаний, обладающих видением / пер. с англ. Мишучков В. СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге. 349 с.
- Кондрацкая Т.А. (2019). Малый бизнес: стратегия как практика // Вестник ЗабГУ. № 3. С. 107–115. DOI: <https://doi.org/10.21209/22279245201925107115>.
- Кузнецова Н.В. (2021). Стратегическое управление как инструмент развития предприятий малого бизнеса // Экономика и предпринимательство. № 5 (130). С. 668–671. DOI: <https://doi.org/10.34925/EIP.2021.130.5.131>
- Кулагова И.А., Белухин А.Ю. (2018). Актуальные проблемы управления // V Всероссийская научно-практическая конференция. 1–7 октября 2018 г. Нижний Новгород: Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского.
- Курлыкова А.В., Киргизова И.В. (2023). Инструментарий оценки управления малым предприятием на основе стратегического подхода // Креативная экономика. Т. 17. № 1. С. 369–384. DOI: <https://doi.org/10.18334/ce.17.1.116925>
- Леснова Л.П. (2020). Малый бизнес в условиях коронакризиса, тактики адаптации к условиям неопределенности окружающей среды // Финансовые рынки и банки. № 4. С. 9–14. URL: https://finmarketbank.ru/upload/iblock/d61/_%D0%A4%D0%A0%D0%B8%D0%91_04_2020.pdf (дата обращения 01.05.2024).
- Мезоэкономика России: стратегия разбега: монография / под ред. чл.-корр. РАН Г.Б. Клейнера; ФГБУН ЦЭМИ РАН. М.: Научная библиотека, 2022. 808 с.
- Портер М. (2005). Конкурентное преимущество: как достичь высокого результата и обеспечить его устойчивость / пер. с англ. М.: Альпина Бизнес Букс. 715 с.
- Ривз М., Хаанес К., Синха Д. (2016). Стратегии тоже нужна стратегия. М.: Эксмо. 272 с.
- Самотуга В.Н. (2021). Особенности стратегического управления предприятиями малого бизнеса в России // Экономика, экология и общество России в 21-м столетии. Т. 2. № 1. С. 270–276. DOI: https://doi.org/10.52899/9785883036247_270
- Системно-ориентированное моделирование реального сектора российской мезоэкономики: монография / под ред. чл.-корр. РАН Г.Б. Клейнера; ФГБУН ЦЭМИ РАН. М.: Научная библиотека, 2023. 356 с.
- Тамбовцев В.Л. (2010). Базовые понятия стратегического менеджмента: проблема микрооснований // Российский журнал менеджмента. 8 (4). С. 3–30. DOI: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15564042>
- Тоффлер Э. (2009). Третья волна / пер. с англ. К.Ю. Бурмистрова и др. М.: ACT. 795 с.
- Туренко Б.Г. (2008). Стратегическое управление предприятием: теоретико-методологический аспект. Иркутск: Изд-во БГУЭП. 233 с.
- Туренко Б.Г., Туренко Т.А. (2019). О новом подходе к формированию стратегии развития предприятий малого бизнеса // Известия БГУ. Т. 29. № 3. С. 484–490.
- Черепанова Т.Г., Махинова Н.В. (2022). Ценностно-сетевая модель стратегии развития малого предприятия // Human Progress. Т. 8. Вып. 4. С. 1–16. DOI: <https://doi.org/10.34709/IM.184.21>. URL: http://progress-human.com/images/2022/Tom8_4/Cherapanova.pdf (дата обращения 01.05.2024).
- Школьник Е.В. (2018). Стратегическое планирование развития малого и среднего предпринимательства // Вестник Российского университета кооперации. № 4 (34). С. 80–85. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=yshpvz>
- Adizes I. (2004). *Managing Corporate Lifecycles*. Adizes Institute Publications, 460 p.
- Analoui F., Karami A. (2012). *Strategic Management in Small and Medium Enterprises*. London: Thomson Learning.
- Bailys M., Wirtz J., Johnson J. (2022). *Strategy in the Contemporary World*. 7th edition. Oxford: Oxford University Press.
- Bamiatzi V., Kirchmaier T. (2014). Strategies for superior performance under adverse conditions: A focus on small and medium-sized high-growth firms. *International Small Business Journal*, 32(3), 259–284.
- Bhide A.V. (2000). *The Origin and Evolution of New Business*. Oxford: Oxford University Press.
- Bracker J.S., Keats B.W., Pearson J.N. (1988). Planning and financial performance among small firms in a growth industry. *Strategic Management Journal*, 9(6), 591–603.
- Debrulle J., Steffens P., De Bock K.W., De Winne S., Maes J. (2023). Configurations of business founder resources, strategy, and environment determining new venture performance. *Journal of Small Business Management*, 61(2), 1023–1061. DOI: <https://doi.org/10.1080/00472778.2020.1831807>

- Delmar F., Shane S. (2003). Does business planning facilitate the development of new ventures? *Strategic Management Journal*, 24(12), 1165–1185.
- Dibrell C., Craig J., Newbaum D. (2014). Linking the formal strategic planning process, planning flexibility, and innovativeness to firm performance. *Journal of Business Research*, 67(2), 2000–2007.
- Gable M., Topol M.T. (1987). Planning practices of small-scale retailers. *American Journal of Small Business*, 12(2), 19–32.
- Gibson B., Cassar G. (2002). Planning behavior variables in small firms. *Journal of Small Business Management*, 40(3), 171–186.
- Hitt M.A., Duane Ireland R., Camp Michael S., Sexton D.L. (2001). Strategic entrepreneurship: Entrepreneurial strategies for wealth creation. *Strategic Management Journal*, 22, 479–491. DOI: <https://doi.org/10.1002/smj.196>
- Joel T. (2016). The antecedents and consequences of strategic planning in small to medium sized firms: A conceptual framework. *Human Resource Management Research*, 6(4), 83–90. DOI: <https://doi.org/10.5923/j.hrmr.20160604.01>
- Kelly S.J., Harrison J.L., French S.J. (2004). The role of strategic planning in the performance of small, professional service firms: A research note. *Journal of Management Development*, 23(8), 765–776. DOI: <https://doi.org/10.1108/02621710410549611>
- Kleiner G., Kobylko A. (2022). Business eco-system strategy: Design and specifics. In: Vasiliev Y.S. et. al. (Eds.). *System Analysis in Engineering and Control. SAEC 2021. Lecture Notes in Networks and Systems. Vol 442*. Cham: Springer. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-98832-6_4
- Kraus S., Kauranen I. (2009). Strategic management and entrepreneurship: Friends or foes? *International Journal of Business Science and Applied Management*, 2009, 4(1), 37–50.
- Kraus S., Reiche B., Reschke C. (2007). Implications of strategic planning in SMEs for international entrepreneurship research and practice. In: *Energizing Management Through Innovation and Entrepreneurship: European Research and Practice*. London: Routledge.
- Kraus S., Harms R., Schwarz E. (2008). Strategic business planning and success in small firms. *Int. J. Entrepreneurship and Innovation Management*, 8(4), 381–396.
- Leitner K.H. (2007). *Management Through Innovation and Entrepreneurship: European Research and Practice*. London: Routledge.
- Lyles M.A., Baird I.S., Orris J.B., Kuratko D.F. (1993). Formalized planning in small business: increasing strategic choices. *Journal of Small Business Management*, 31(2), 38–50.
- Marikova M., Rolinek L., Vrchota J., Rehor P. (2022). Determination of the level of strategic management in SMEs. *Central European Business Review*, 11. DOI: <https://doi.org/10.18267/j.cebr.296>
- McGrath R.G. (2013). *The End of Competitive Advantage: How to Keep Your Strategy Moving as Fast as Your Business*. Boston: Harvard Business Review Press.
- Menzel D., Günther L. (2012). Formal and informal strategizing in a SME. In: *Proceedings of the International Symposium on Innovation Methods and Innovation Management, Chemnitz, Germany, 29–30 March*.
- Meyer G.D., Heppard K.A. (2000). *Entrepreneurship as Strategy: Competing on the Entrepreneurial Edge*. Thousand Oaks: Sage.
- Mintzberg H. (1993). The pitfalls of strategic planning. *California Management Review*, 36(1), 32–47.
- Nyangara C., Ojera P.B., Oima D. (2015). Factors influencing choice of strategic management modes of small enterprises, *Journal of Innovation and Entrepreneurship*, 4, 1–22. DOI: <https://doi.org/10.1186/s13731-014-0016-y>
- Posner B.G. (1985). Real entrepreneurs don't plan. *Inc*, 7(11), 129–132.
- Reboud S., Mazzarol T. (2008). *Strategic Planning in SMEs, a Review of the English and French Literature. ANZAM Annual Conference, 2–5 December. Auckland New Zealand*. Available at: https://www.anzam.org/wp-content/uploads/pdf-manager/1404_REBOUD_SOPHIE-343.PDF (accessed: May 1, 2024).
- Richbell S.M., Watts H.D., Wardle B.D. (2006). Owner-managers and Business Planning in the Small Firm. *International Small Business Journal*, 24(5), 496–514.
- Robbins S.P., Coulter M. (2013). *Management* (12th edition). Upper Saddle River, NJ: Pearson.
- Robinson R., Pearce J. (1984). The research thrust in small firm strategic planning. *The Academy of Management Review*, 9, 128–137. DOI: [10.2307/258239](https://doi.org/10.2307/258239)

- Robinson R.B., Logan J.E., Salem M.Y. (1986). Strategic versus operational planning in small firms. *American Journal of Small Business*, 10(3), 7–16.
- Sarwoko E., Surachman A., Hadiwidjojo D. (2013). Entrepreneurial characteristics and competency as determinants of business performance in SMEs. *IOSR Journal of Business and Management (IOSR-JBM)*, 7(3), 31–38.
- Shrader C.B., Mulford C.L., Blackburn V.L. (1989). Strategic and operational planning, uncertainty, and performance in small firms. *Journal of Small Business Management*, 27(4), 45–60.
- Schwenk C.R. Shrader C.B. (1993). Effects of formal strategic planning on financial performance in small firms, a meta -analysis. *Entrepreneurship Theory and Practice*, 17(3), 53–64.
- Schindehutte M., Morris M.H. (2009). Advancing strategic entrepreneurship research: the role of complexity science in shifting the paradigm. *Entrepreneurship Theory and Practice*, 33(1), 241–276.
- Stewart S.K. (2003). *The Relationship Between Strategic Planning and Growth in Small Businesses*. Unpublished Doctorate Thesis. Nova South Eastern University, Florida, United States.
- Stonehouse G., Pemberton J. (2002). Strategic planning in SMEs – some empirical findings. *Management Decision*, 40(9), 853–861.
- Venkataraman S., Sarasvathy S. (2008). Strategy and entrepreneurship: Outlines of an untold story. In: *The Blackwell Handbook of Strategic Management*. DOI: <https://doi.org/10.1111/b.9780631218616.2006.00025.x>
- Wang C., Walker E.A., Redmond J. (2006). Explaining the lack of strategic planning in SMEs: The importance of owner motivation. *International Journal of Organizational Behavior*, 12(1), 1–16.
- Wheelen T.L., Hunger J.D. (1998). *Cases in Strategic Management*. 6th Ed. Addison-Wesley.
- Wood I.M., Barnett P. (2012). How to give strategy the status it needs to transform the fortunes of economies. *The Strategy Magazine. Exploring Strategic Thought and Action*.

Сведения об авторе

Екатерина Алексеевна Королева – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Центральный экономико-математический институт РАН (Российская Федерация, 117418, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 47; e-mail: katerina8686@gmail.com)

Koroleva E.A.

On the Prospects of Applying Strategic Planning for Effective Development of Small and Medium-Sized Entrepreneurship Sector

Abstract. The research topic we have chosen is relevant due to the following factors: a key role of Russian small and medium-sized enterprises in national economic development in a difficult geopolitical situation, specifics of enterprises in this segment, as well as the duality of scientific views on the expediency of strategic planning for this type of business. The aim of the work is to clarify the importance, features of construction and application, as well as the expediency of strategies that are effective tools for the development of the sector in question. Scientific novelty of the research lies in considering strategic planning issues of small and medium-sized enterprises through the prism of how strategies in these companies are designed and applied. We look into theoretical foundations of the influence of strategic planning and strategies on the following aspects of the work of small and medium-sized enterprises: competitiveness, assessment of business achievements, financial performance, productivity, viability, etc.; we review domestic and foreign scientists' ideas on this issue. Taking into account the fact that the functioning of small and medium-sized enterprises has its own specifics, we identify certain features inherent in small and medium-sized business strategies, namely: integrated approach, multitasking, adaptability, interactivity, inclusivity. We put forward a comparative classification of fundamental features of small (and medium-sized) and large companies' strategies. Based on the specific analysis of Russian and foreign literature carried out within the framework of the work, we identify reasons impeding the implementation of strategies in small and medium-sized businesses, and estimate the expediency of

using strategies in such enterprises. We formulate conclusions about the current state and sentiment in the business environment, drawing upon the results of a survey of representatives of the sector under consideration. In the course of the work we use general scientific methods; the results of theoretical and empirical analysis are interpreted with the help of general logic methods, formalization, abstraction. Methodologically, the study is based on a systems approach and classical and modern theories of strategic planning.

Key words: strategy, small and medium-sized enterprises, business, entrepreneurship, strategic planning, development, SMEs.

Information about the Author

Ekaterina A. Koroleva – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Central Economics and Mathematics Institute, Russian Academy of Sciences (47, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117418, Russian Federation; e-mail: katerina8686@gmail.com)

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ФИНАНСЫ

DOI: 10.15838/esc.2024.5.95.6

УДК 336.76, ББК 65.264

© Локтионова А.А., Лавриненко П.А., Мирзоян А.Г., Локтионова О.А.

Влияние политических новостей о России на цены акций российских компаний: сравнительный анализ иностранных и отечественных СМИ

Алина Александровна ЛОКТИОНОВА

МГУ им. М.В. Ломоносова

Москва, Российская Федерация

e-mail: aloktionovaa@bk.ru

ORCID: 0009-0007-5421-1929

Петр Александрович ЛАВРИНЕНКО

Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН

Москва, Российская Федерация

e-mail: lavrik3x@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5570-8258

Ашот Гамлетович МИРЗОЯН

МГУ им. М.В. Ломоносова

Москва, Российская Федерация

e-mail: kell56@yandex.ru

ORCID: 0009-0005-9275-0099

Ольга Александровна ЛОКТИОНОВА

МГУ им. М.В. Ломоносова

Москва, Российская Федерация

e-mail: yaolgaloktionova@ya.ru

ORCID: 0009-0000-2484-9648

Для цитирования: Локтионова А.А., Лавриненко П.А., Мирзоян А.Г., Локтионова О.А. (2024). Влияние политических новостей о России на цены акций российских компаний: сравнительный анализ иностранных и отечественных СМИ // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 5. С. 114–132. DOI: 10.15838/esc.2024.5.95.6

For citation: Loktionova A.A., Lavrinenko P.A., Mirzoyan A.G., Loktionova O.A. (2024). The impact of political news about Russia on the prices of Russian companies' shares: Comparative analysis of Russian and foreign media. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 17(5), 114–132. DOI: 10.15838/esc.2024.5.95.6

Аннотация. Динамика финансового рынка зависит от ожиданий инвесторов, которые во многом определяются экономическими и политическими событиями. Для формирования инвестиционных стратегий важно понимать, какие события, описанные в новостях, могут повлиять на изменение стоимости активов. Цель работы заключается в определении тематик политических новостей, оказывающих влияние на доходность акций российских компаний, и сравнении прогностической способности новостей из российских и иностранных источников. Исследуется связь между политическими новостями о России, полученными из отечественного («Интерфакс») и зарубежного («New York Times») источников, и доходностью акций 193 российских компаний в период с 1 сентября 2021 года по 31 августа 2023 года. Определено по 30 политических словарей из каждого источника по отдельности с помощью модели латентного размещения Дирихле, а также указаны различия в выделенных политических тематиках. Выявлено, что политические словари из зарубежного источника улучшают прогнозы доходности акций 142 российских компаний, из отечественного – 146. Следовательно, модели с использованием политических новостей из отечественного источника позволяют получить более высокое качество прогноза доходности акций. В то же время качество моделей, которые учитывают политические словари из двух источников, выше, чем моделей, которые учитывают новости только из одного источника. На основании полученных результатов было показано, что учет политических новостей помогает инвесторам формировать портфели акций с более высокой доходностью.

Ключевые слова: политические новости, российский фондовый рынок, отечественные и зарубежные СМИ, латентное размещение Дирихле, сравнительный анализ.

Введение

Инвесторы корректируют свои ожидания относительно активов в зависимости от новостей как из отечественных, так и зарубежных источников. Однако одни и те же события могут интерпретироваться журналистами из разных стран (в частности, недружественных) по-разному и приводить к разным стратегическим решениям (Tsygankov, 2017). В связи с этим возникает следующий вопрос: на основании каких новостей – отечественных или зарубежных – лучше прогнозировать динамику российского фондового рынка? Понимание связи различных информационных потоков и акций российского фондового рынка представляется важным для регуляторов, аналитиков и инвесторов в периоды высокой геополитической нестабильности.

Изучение влияния политических новостей на стоимость активов представляется особо актуальным в период проведения специальной военной операции и санкционного давления со стороны западных стран. Цель работы заключается в выявлении тематик политических новостей, оказавших влияние на доходность акций российских компаний, в период с 2021 по 2023 год. В качестве источников текстовых

данных используются политические новости о России в отечественном издании «Интерфакс» и американском журнале «New York Times». В ходе исследования определяются политические словари из каждого источника по отдельности с помощью модели латентного размещения Дирихле, а также указываются различия в выделенных политических тематиках. С помощью моделей временных рядов проверяются гипотезы о наличии влияния политических новостей на стоимость акций российских компаний.

Научная новизна исследования состоит в том, что в ходе работы определено время реакции инвесторов на публикацию новостей политической тематики и приведены различия в новостях, которые сообщаются российскими и иностранными изданиями и оказывают влияние на российский фондовый рынок. Выявлено, что качество прогноза моделей с использованием иностранных новостей ниже, чем моделей, учитывающих новости из отечественных СМИ. Полученные в работе результаты обладают практической значимостью и могут быть использованы инвесторами при составлении портфелей в период политической неопределенности.

Теоретический обзор и постановка гипотез

Механизм принятия инвестиционных решений

Для того чтобы понимать, какое влияние политические новости оказывают на финансовый рынок, рассмотрим механизм принятия решений инвесторами. Один из подходов — концепция справедливой стоимости, где стоимость актива определяется как дисконтированная стоимость ожидаемых денежных потоков. Политическая неопределенность влияет на цены акций через два канала: изменение ожиданий денежных потоков и изменение ставки дисконтирования (Brogaard et al., 2020). Первый канал означает, что инвесторы пересматривают ожидания о перспективах компаний, а второй — неприятие риска. Внешние потрясения могут усилить неприятие риска, заставляя избавляться от рискованных активов (Demirer et al., 2022). Если политические новости не влияют на эти параметры, то они не должны изменять решения рациональных инвесторов.

Исследователи часто опираются на гипотезу эффективного рынка, согласно которой цены акций отражают всю доступную информацию (Friederich, Payne, 2015). Текущие цены являются справедливыми и рационально установленными, что лишает инвесторов возможности систематически получать доходность выше рыночной. Кроме того, гипотеза предполагает непредсказуемость цен акций, поскольку вся доступная информация уже учтена в текущих ценах и любая новая информация быстро устремляет (Lo, 2004). Вследствие этого прошлые доходности не могут предсказывать будущие, что делает частую ребалансировку портфелей неоправданной. Однако эмпирические данные свидетельствуют, что предсказание доходности на основе прошлых значений возможно, особенно в периоды экономических и политических кризисов (Kim et al., 2011).

Гипотеза адаптивного рынка (Lo, 2004) развивает идеи предыдущих концепций, предполагая, что цены отражают как доступную информацию, так и особенности поведения различных групп инвесторов (которые имеют различные стратегии и могут отклоняться от рациональной модели принятия решения). Если многие инвесторы конкурируют за ограниченный объем акций, эффективность рынка будет высокой, и наоборот. На таком рынке

могут возникать циклы: высокий уровень прибыли привлекает новых инвесторов, что снижает возможности для извлечения прибыли, приводя к уходу некоторых групп, после чего происходят снижение эффективности, рост возможностей по извлечению прибыли и начало нового цикла.

Из гипотезы эффективного рынка следует, что даже если существуют инвесторы, чье поведение отклоняется от рационального, то они будут нести потери (а рациональные инвесторы будут извлекать выгоду из их наличия) и исчезнут с рынка (Lo, 2004). При этом гипотеза адаптивного рынка допускает, что на рынке возможны периоды значительных отклонений от рационального поведения инвесторов. Рассмотрим эти отклонения подробнее.

Инвесторы часто проявляют чрезмерную уверенность (overconfidence) в своих способностях предсказывать динамику рынка и медленно пересматривают оценки стоимости компаний даже при наличии явных признаков ошибок (Evans, 2006). Это приводит к тому, что они больше полагаются на собственные представления, чем на публичные сигналы, что способствует избыточному трейдингу (overtrading) и росту волатильности (Odean, 1998; Grinblatt, Han, 2002). Вместо того чтобы анализировать весь доступный рынок, они концентрируются на акциях, которые привлекли их внимание, и это приводит к покупке акций, которые недавно показали сильный рост или падение и чаще упоминаются в новостях (Odean, 1999; Barber, Odean, 2001). Исследователи также отмечают стадное поведение инвесторов, когда они следуют за большинством без проведения анализа. Это может способствовать отклонению цен от их справедливых значений, поскольку подобные изменения цен не связаны с показателями компаний (Sari et al., 2022; Wahyono et al., 2021). Другими примерами иррационального поведения являются увеличение избегание риска после понесенных потерь и избегание сожалений (regret aversion). Например, инвесторы продают растущие акции, чтобы зафиксировать прибыль, и реже продают падающие акции, чтобы не признавать убыток и избежать сожалений о неудачных решениях (Odean, 1999; Ngoc, 2013). Такое поведение противоречит принципам диверсификации и приводит к неоптимальным результатам.

Инвесторы также различаются по подходам к принятию решений: одни опираются на прошлую динамику цен акций, другие — на неценовую информацию (Ngoc, 2013). Опросы показывают, что большинство инвесторов (около 70%) опираются на фундаментальные финансовые показатели, представленные в отчетах компаний (Sari et al., 2022). Однако 45% инвесторов также учитывают новости и мнения, особенно в периоды высокой волатильности. Отрицательная динамика рынка вызывает у инвесторов беспокойство и пессимизм, что может приводить к эмоциональным решениям.

Существуют различные подходы к формированию инвестиционного портфеля на основе объективных показателей. Классическая теория Марковица предполагает компромисс между доходностью и риском при решении задачи оптимизации: максимизации ожидаемой доходности при заданном уровне риска или минимизации риска при заданной доходности (Fabozzi et al., 2002). Для расчета оптимальных весов необходимы значения ожидаемых доходностей, дисперсии и ковариации доходностей (обычно они вычисляются на основе исторических значений доходностей). Задача оптимизации может изменяться путем введения ограничений, например запрета на короткие продажи. Целевая задача может быть заменена на максимизацию коэффициента Шарпа или функции полезности, учитывающей избегание риска (Merkle, Weber, 2014).

Неопределенность, ставшая следствием экономических и политических изменений, влияет на формирование портфеля следующим образом: 1) создает неопределенность в отношении будущих потоков и ставок дисконтирования (Pástor, Veronesi, 2012); 2) влияет на корреляцию между активами (Badshah et al., 2019); 3) повышает избегание неопределенности инвесторов, подталкивая их заменять более рискованные активы на менее рискованные (например, продажа акций и приобретение облигаций) (Broggaard et al., 2020).

Используя подход Блэка-Литтермана (Black-Litterman model) при составлении портфеля, инвестор может учитывать не только исторические характеристики доходностей, но и собственные представления об ожидаемых доходностях (и задавать степень уверенности в них) (Colasanto et al., 2022). Этот подход ис-

пользуется и при появлении неопределенности, связанной с проводимой правительством экономической политикой (Han, Li, 2023).

Влияние новостей на динамику рынка

Таким образом, динамика финансовых рынков оказывается чувствительной по отношению к ожиданиям (Shiller, 2000), формируемым новостями: инвесторы основывают свои решения на чувстве страха или желания, вызванном определенным явлением (Кигов, 2008). Чрезвычайные ситуации (к которым относятся и политические события) связаны с низким объемом доступной информации, и инвесторы вынуждены принимать решение в состоянии неопределенности (Lipsitch et al., 2011). Новости формируют взгляд инвесторов на ситуацию на фондовом рынке. Инвесторы принимают решение, основываясь на широком спектре информации, связанной с будущими перспективами компаний, в том числе информации о качестве управления, судебных исков или объявлениях о новых продуктах (Barber, Odean, 2008). Если событие привлекает внимание инвестора, то оно способно повлиять на его решение, даже если инвестор не имеет однозначного понимания влияния этого события на компании (Barber, Odean, 2001).

Эмпирические исследования подтверждают предположения о том, что новости оказывают влияние на динамику цен акций. Е.А. Федорова с соавторами подчеркивают, что модели, построенные на основе новостных данных, позволяют прогнозировать доходности акций российского фондового рынка (Федорова и др., 2022). Однако на стоимость акций влияет не столько количество новостей, сколько тематика информации (Chan et al., 2001). Так, например, информация о коррупции в государственных компаниях, размещенная в личном блоге, негативно сказывалась на стоимости их акций (Enikolopov et al., 2018). Новости о пандемии коронавируса привели к самой высокой волатильности на рынках в сравнении с другими эпидемиями (Baek et al., 2020; Goodell, Huynh, 2020).

Особое внимание исследователи уделяют влиянию политических событий на фондовый рынок (Pástor, Veronesi, 2013; Baker et al., 2016; Федорова и др., 2022). Так, доходность акций напрямую связана с политическим циклом в стране и результатами выборов (Snowberg et al.,

2007). Например, индекс американского рынка акций показывает на 9,4% более высокую годовую доходность при демократах, чем при республиканцах (Santa-Clara, Valkanov, 2003). Финансовые рынки также остро реагируют на участие страны в конфликтах. Например, стоимость российских акций упала в связи с началом российско-грузинского конфликта (Korhonen, Peresetsky, 2013), а канадских – во время роста сепаратистских настроений во франковоговорящих регионах страны (Beaulieu et al., 2005).

В условиях технологического прогресса и растущей асимметрии информации новостные издания одной страны могут содержать информацию о событиях в других регионах и влиять на их фондовые рынки. Так, например, доходности акций азиатского рынка связаны с публикацией новостей в англоязычных источниках (Wuthrich et al., 1998). Однако одни и те же события могут освещаться по-разному отечественными и зарубежными СМИ (Tsygankov, 2017). Несмотря на это, зарубежные новости могут оказывать даже более сильное влияние на стоимость акций российских компаний, чем отечественные аналоги.

На основе описанных выше теорий можно сделать несколько выводов. Появление политических новостей может оказывать влияние на динамику цен акций как при принятии решений рациональными инвесторами (изменение ожидаемых денежных потоков и ставки дисконтирования), так и инвесторами, демонстрирующими различные поведенческие отклонения. При этом наличие поведенческих отклонений может сделать рынок менее эффективным: тогда текущие политические новости будут позволять предсказывать будущие значения доходности акций, причем чем более ранние новости оказываются полезными при прогнозировании текущей доходности, тем менее рынок эффективен (низкая скорость учета доступной информации).

Мы выдвигаем следующие гипотезы.

H1a: Использование политических новостей из отечественного источника позволяет улучшать качество прогноза дневных доходностей акций российских компаний.

H1b: Использование политических новостей из иностранного источника позволяет улучшать качество прогноза дневных доходностей акций российских компаний.

Ключевые политические события, связанные с Россией, описываются как в отечественных, так и в зарубежных новостях, причем одно и то же событие может быть представлено в них по-разному. Предсказательная сила новостей зависит от того, на какой из источников новостей опираются инвесторы при формировании ожиданий.

Для проверки первой гипотезы мы строим модели с зависимой переменной доходности акций для различных российских компаний. Мы предполагаем, что средний коэффициент детерминации оказывается выше у моделей, учитывающих прошлые доходности акций и политические новости из иностранного источника, чем у моделей, построенных с использованием только прошлых доходностей. Если это верно больше чем для половины компаний, мы принимаем данную гипотезу.

H2: Модели с использованием политических новостей из иностранного и отечественного источников одновременно позволяют лучше прогнозировать дневные доходности акций российских компаний, чем модели, построенные с использованием новостей только из одного источника.

Мы также предполагаем, что ряд событий, которые влияют на доходность акций российских компаний, может описываться в иностранных СМИ и не освещаться в российских, и наоборот. В связи с этим мы считаем, что модели, которые учитывают новостные данные из двух типов источников (и отечественного, и зарубежного), позволяют получать больший прирост среднего коэффициента детерминации, чем модели, которые учитывают новости только из одного типа источника. Если средний прирост скорректированного коэффициента детерминации моделей с двумя видами источников новостей окажется выше, чем у моделей с новостями только из одного источника, мы принимаем данную гипотезу.

Данные

В ходе работы использовались финансовые и текстовые данные.

С сайта Московской биржи¹ были получены квартальные отчеты за 2021–2023 гг. о рыночной капитализации компаний. В них приведены списки компаний, акции которых торго-

¹ URL: <https://www.moex.com/s26>

вались на рынке в течение соответствующего квартала. Для попадания в нашу выборку компания должна иметь в обращении обыкновенные акции не менее 100 торговых дней (1 сентября 2021 года – 31 августа 2023 года). Таким образом, в итоговую выборку вошли 193 компаний российского фондового рынка. Дневные данные по ценам закрытия торгового дня были собраны с сайта финансовой платформы *Investing.com*² для каждой компании за период с 1 сентября 2021 года по 31 августа 2023 года.

Для учета различий в публикуемых новостях в российских и зарубежных изданиях нами были собраны тексты новостей с сайтов изданий «Интерфакс» и «New York Times». Поиск и последующая выгрузка осуществлялись по ключевому слову «Россия»: оно или однокоренное слово содержались либо в заголовке, либо в тексте новости. Выгрузка текстов новостей с «Интерфакса»³ осуществлялась по дням за рассматриваемый период непосредственно с сайта интернет-журнала. Для скачивания данных с «New York Times»⁴ был использован API, созданный самим изданием. Итоговая выборка новостей из «New York Times» составила 5983, из «Интерфакса» – 49851.

Методология

Для выделения политических новостей из «Интерфакса» и «New York Times» (для каждого источника по отдельности) мы сначала применяем модель латентного размещения Дирихле (Latent Dirichlet Allocation, LDA). Согласно (Arun et al., 2010; Cao et al., 2009; Deveaud et al., 2014; Griffiths, Steyvers, 2004), для новостей из «Интерфакса» оптимальное число словарей внутри корпуса данных 60, 30 из которых нами были определены как политические. По результатам оценивания каждого из четырех критериев применительно к новостям из «New York Times» оптимальное число словарей равнялось 30, все они были отобраны как относящиеся к политической тематике. Мы предполагаем, это связано с тем, что англоязычные СМИ в целом публикуют только политические новости о России. К политическим словарям мы относим те словари, которые описывают внешнюю или внутреннюю политику, внутренние

конфликты, введение санкций, военные действия, проведение выборов и голосований (Azam et al., 2012; Baker et al., 2016; Robinson, Bangwayo-Skeete, 2017; Федорова и др., 2022). Кроме того, мы также оставляем словари, которые содержат комментарии новостей от официальных СМИ России и западных стран (Khrustova et al., 2020). Выделенные политические словари из «Интерфакса» и «New York Times» и слова, входящие в них с наибольшим весом, представлены в *Приложении* (табл. 1П и 2П соответственно).

В качестве зависимой переменной используется дневная доходность акции. В качестве регрессоров, описывающих финансовые данные, используется 7 лагов доходности акций. В связи с приостановкой торгов на Московской бирже в период с 24 февраля по 24–28 марта (в зависимости от типа акций) из анализа исключены 7 торговых дней после ее открытия для корректного учета лагированных значений регрессоров. В качестве регрессоров, описывающих политические новости, используются текущее значение и 7 лагов значения средней доли, на которую опубликованные за день новости состоят из выделенных LDA-словарей. Формирование регрессоров, описывающих политические новости, происходило следующим образом. Сначала для каждой новости определялась доля, на которую она состоит из выделенных словарей политических тематик, с помощью модели латентного размещения Дирихле (LDA-словари). Далее эти значения усреднялись по дням публикации новостей. Таким образом, в качестве регрессоров используется значение средней доли, на которую опубликованные за день новости состоят из выделенных LDA-словарей. Для того чтобы учесть в последующем анализе новости, которые публиковались в течение выходных и также могли повлиять на стратегии инвесторов, мы считаем среднюю долю по публикациям за выходные дни перед открытием торгов. Значение этой средней доли используется в качестве лага в моделях. Добавление большего числа лагов (до 14) не улучшало качество моделей.

Для проверки гипотез используется модель распределенных лагов (Autoregressive Distributed Lag, ARDL), качество которой оценивается на кросс-валидации. Для каждой компании был

² URL: <https://ru.investing.com/about-us/>

³ URL: <https://www.interfax.ru>

⁴ URL: <https://www.nytimes.com>

реализован следующий алгоритм. На первом этапе оценивалась регрессия по методу LASSO (Least Absolute Shrinkage and Selection Operator), с помощью которой отбирались три множества наиболее информативных регрессоров, описывающих политические новости (LDA-словари). Параметр регуляризации составлял от 0 до 0,1 с шагом в 0,0001. На втором этапе оценивалась ARDL-модель с учетом 7 лагов прошлых доходностей акций, 7 лагов и текущего значения средней доли, на которую опубликованные за день новости состоят из наиболее информативных LDA-словарей на кросс-валидации. На третьем этапе сравнивалось качество моделей, которые учитывают только прошлые доходности, с теми, которые учитывают и прошлые доходности, и новостные данные. Для этого применялся *t*-критерий Уэлча для проверки гипотезы о равенстве коэффициентов детерминации моделей на кросс-валидации с учетом текстовых данных и без них. Для проверки **H2** мы применяем тест Уэлча на сравнение приростов (по сравнению с моделями без текстовых данных) средних скорректированных коэффициентов детерминации на кросс-валидации моделей с учетом новостей из двух видов источников и моделей с учетом новостей только из одного вида источника.

Результаты и обсуждение

Российский источник

Для определения числа компаний, доходность акций которых связана с публикацией новостей выделенных 30 политических словарей из «Интерфакса» в течение всего рассматриваемого периода, были построены ARDL-модели. В моделирование включены текущее значение и 7 лагированных значений доли, на которую опубликованные за день новости состоят из выделенных словарей. В качестве зависимой переменной используется дневная

доходность акции. Результаты построения ARDL-моделей представлены в *таблице 1*.

Учет политических словарей из «Интерфакса» улучшает качество прогнозов доходностей акций для 146 из 193 рассмотренных компаний. Таким образом, мы принимаем гипотезу **H1a**.

Доходности акций компаний связаны со всеми выделенными словарями (Приложение, табл. 1П). Реакция рынка наступает преимущественно в первые три дня после публикации новостей политических тематик. Словари, которые влияют на наибольшее число доходностей акций (от 30 компаний), описывают изменения в международных отношениях (отношения России и Китая; введение санкций западными странами) и последствия военных действий (удары по Крыму; беженцы из Украины). Словарь, связанный с доходностью 69 компаний, описывает события, связанные с беженцами из Украины (их перемещение в граничные области, выплаты помощи беженцам, спасение детей, обращения граждан и другое). Новости соответствующей тематики влияют отрицательно на доходности 67 компаний, и рынок реагирует на новости преимущественно в день или через день после публикации (30 и 15 компаний соответственно). Словарь, который описывает сближение в отношениях России и Китая, положительно связан с доходностями 46 компаний. Рынок реагирует как в день публикации новостей соответствующей тематики (10 компаний), так и в течение недели после публикации. Негативная реакция рынка на новости о введении санкций со стороны Запада против России наступает в основном в день публикации (29 из 34 компаний). В то же время реакция рынка на новости, которые описывают переговоры между странами, наступает только через 5–6 дней после публикации. Подобная скорость реакции указывает на неэффективность рынка.

Таблица 1. Результаты построения ARDL-моделей с учетом политических словарей из «Интерфакса»

	Прирост R ² от 0 до 0,03	Прирост R ² от 0,03 до 0,045	Прирост R ² от 0,045 до 0,06	Прирост R ² от 0,06 до 0,075	Прирост R ² от 0,075 до 0,12
Количество компаний	1	19	42	50	34

Примечание. Указан средний прирост скорректированного R² на кросс-валидации. В столбцах указано число компаний, для которых качество моделей, учитывающих прошлые доходности и новостные данные, превосходит качество моделей, построенных только с учетом прошлых доходностей, по результатам проведения теста Уэлча (на 10% уровне значимости). Максимальное значение прироста скорректированного R² на кросс-валидации составляет 11,2 п. п.

Источник: составлено авторами.

Иностранный источник

Для определения числа компаний, доходность акций которых связана с публикацией новостей выделенных 30 политических словарей из «New York Times» в течение всего рассматриваемого периода, были построены ARDL-модели. В модель также включены текущее значение и 7 лагированных значений доли, на которую опубликованные за день новости состоят из выделенных словарей. В качестве зависимой переменной выступает дневная доходность акции. Результаты построения ARDL-моделей представлены в *таблице 2*.

В ходе моделирования было получено, что учет политических словарей из «NYT» улучшает качество прогнозов доходностей акций 142 из 193 рассмотренных компаний. Таким образом, **мы принимаем гипотезу H1b**.

Доходности акций 142 компаний связаны со всеми выделенными словарями (Приложение, табл. 2П). Реакция рынка наступает в течение недели после публикации новостей соответствующих политических тематик. Словари, которые влияют на наибольшее число доходностей акций (от 30 компаний), связаны с проведением специальной военной операции и введением санкций. Так, словарь, который описывает действия армии РФ, влияет на доходности акций 45 компаний, на 34 из которых – отрицательно. Преимущественно российский рынок реагирует в день появления новостей соответствующей тематики (25 компаний) и через 3 дня (7 компаний) после публикации. Словарь, который описывает события на границах Украины, влияет на 28 компаний, причем доходности акций 20 компаний снижаются на третий день после публикации новостей. Словарь, описывающий зерновую сделку, влияет только положительно и связан с доходностями

37 компаний. Информация усваивается рынком не сразу: он реагирует через 1–2 дня и 4–7 дней после публикации новостей соответствующей тематики. Словарь, который описывает армию Украины, связан с доходностями 35 акций российских компаний только положительно. Реакция преимущественно наступает через 6 дней после публикации новостей.

Отдельно стоит отметить, что на стоимость акций компаний также влияют словари, тематики которых не были представлены в российском источнике. Так, например, новости о поддержке западными звездами Украины влияют на доходности акций 14 компаний, и реакция на новости наступает в среднем через 6–7 дней после публикации (9 из 14 компаний).

Сравнение качества моделей с учетом новостей из разных источников

Учет политических словарей из иностранного источника позволяет улучшать качество прогнозов для 142 из 193 рассмотренных компаний, из отечественного – для 146. По результатам проведения теста Уэлча было получено, что средний прирост коэффициента детерминации на кросс-валидации выше у моделей, которые построены на основе прошлых доходностей и политических словарей из «Интерфакса», чем у моделей, которые построены на основе прошлых доходностей и политических словарей из «New York Times» ($p\text{-value} < 0,01$). Средний прирост коэффициента детерминации для моделей, которые учитывают словари из «Интерфакса» и прошлые доходности, составил 6,3 п. п., для моделей, которые учитывают словари из «New York Times» и прошлые доходности, 5,5 п. п. Таким образом, качество моделей, которые учитывают новости из российского источника, выше, чем качество моделей, которые учитывают иностранные новости.

Таблица 2. Результаты построения ARDL-моделей с учетом политических словарей из «New York Times» (NYT)

	Прирост R^2 от 0 до 0,03	Прирост R^2 от 0,03 до 0,045	Прирост R^2 от 0,045 до 0,06	Прирост R^2 от 0,06 до 0,075	Прирост R^2 от 0,075 до 0,13
Количество компаний	3	23	65	37	14

Примечание. Указан средний прирост скорректированного R^2 на кросс-валидации. В столбцах указано число компаний, для которых качество моделей, учитывающих прошлые доходности и новостные данные, превосходит качество моделей, построенных только с учетом прошлых доходностей, по результатам проведения теста Уэлча (на 10% уровне значимости). Максимальное значение прироста скорректированного R^2 на кросс-валидации составляет 12,9 п. п.

Источник: составлено авторами.

Таблица 3. Результаты построения ARDL-моделей с учетом политических словарей из двух видов источников: «NYT» и «Интерфакс»

Количество компаний	Прирост R ² от 0,04 до 0,06	Прирост R ² от 0,06 до 0,075	Прирост R ² от 0,075 до 0,15
46	50	62	

Примечание. Указан средний прирост скорректированного R² на кросс-валидации. В столбцах указано число компаний, для которых качество моделей, учитывающих прошлые доходности и новостные данные, превосходит качество моделей, построенных только с учетом прошлых доходностей, по результатам проведения теста Уэлча (на 10% уровне значимости). Максимальное значение прироста скорректированного R² на кросс-валидации составляет 14,53 п. п., минимальное – 4 п. п.
Источник: составлено авторами.

В то же время есть основания полагать, что для получения более точных прогнозов доходности акций российских компаний следует учитывать новости не только из российского источника. Так, для определения числа компаний, доходности акций которых связаны с публикацией новостей выделенных политических словарей сразу из двух видов источников, были построены ARDL-модели (табл. 3).

Модель, которая учитывает политические словари из двух видов источников, позволяет улучшать качество прогнозов для 158 компаний по сравнению с моделью, которая построена только на прошлых доходностях. Максимальный прирост скорректированного коэффициента детерминации равняется 14,53 п. п., а минимальный – 4 п. п. Словари, которые влияют на наибольшее число доходностей акций российских компаний (более 20 компаний), представлены в Приложении (табл. 3П).

Были проведены тесты Уэлча на сравнение прироста скорректированного коэффициента детерминации моделей, которые учитывают словари только из одного вида источника (отечественного или иностранного), с приростом скорректированного коэффициента детерминации моделей, которые учитывают словари сразу из двух видов источников. Было получено, что прирост скорректированного коэффициента детерминации статистически выше у моделей, которые учитывают политические словари и из «Интерфакса», и из «New York Times», чем у моделей, которые учитывают новости только из одного источника (p-value < 0,01 в обоих случаях). Таким образом, мы подтверждаем гипотезу **H2**: для улучшения качества прогнозов доходностей акций российских компаний необходимо учитывать не только отечественный, но и зарубежный новостной фон.

Дискуссия и построение портфелей

В работе были проанализированы политические новости из российских и зарубежных СМИ на примере новостей из «Интерфакса» и «New York Times». Несмотря на то, что по 12 словарей из каждого источника описывают схожие тематики, есть существенные различия в выделенных политических словарях на основе новостей из российских и зарубежных СМИ соответственно. Если в российском источнике в основном описываются изменения во внутренней политике России, то в зарубежных СМИ в основном отражены события внешней политики. Кроме того, в отличие от российских СМИ, в иностранном источнике более подробно освещается ход проведения специальной военной операции и детально описываются изменения в Украине в связи с началом конфликта. Некоторые темы (например, словари о поддержке Украины звездами и о прогнозах конца конфликта соответственно) не освещаются в российских СМИ, однако представлены в иностранном издании и связаны с доходностями акций российских компаний.

В ходе исследования было получено, что политические новости из отечественного источника в целом и коррелированные словари в частности помогают лучше предсказывать дневные доходности акций российских компаний. В то же время мы находим подтверждения тому, что для улучшения качества прогнозов дневных доходностей российский акций следует учитывать как российский, так и зарубежный новостной фон. Данный вывод представляется особо важным в условиях растущей геополитической нестабильности: политические новости о России в иностранных СМИ влияют на отечественный фондовый рынок и ожидания российских инвесторов.

Возможность предсказания доходностей акций на основании политических словарей позволяет сформировать портфель из акций, демонстрирующий более высокую доходность (чем в ситуации отсутствия информации о новостях). Для построения портфеля нами были отобраны 10 акций компаний, для которых политические новости обладали наибольшей предсказательной силой (построенные для них модели показали наибольший прирост коэффициента детерминации при добавлении переменных, отражающих политические тематики). Затем на основе описанных в предыдущей части моделей нами были построены прогнозы доходностей этих акций (для прогноза использовались только лагированные значения переменных). На следующем этапе был построен портфель, где в качестве оптимизационной задачи установлена максимизация коэффициента Шарпа (короткие продажи запрещены, в качестве процентной ставки использовалась средняя ставка по ОФЗ). Предполагалось, что каждый день происходит ребалансировка портфеля на основе новых прогнозов доходности (учтена стоимость ребалансировки в размере 0,04% от размера ребалансировки). Полученный портфель продемонстрировал среднюю доходность в размере 14,89% годовых, при том что средняя годовая доходность портфеля (построенного с использованием тех же десяти акций), построенного без учета политических новостей, составила 3,27%. Это подтверждает предположение о том, что наличие неэффективности рынка позволяет извлекать дополнительную доходность.

Заключение

В работе рассмотрена связь политических новостей из отечественного и иностранного источников и доходности акций компаний российского фондового рынка в период с 1 сентября 2021 года по 31 августа 2023 года. В качестве финансовых данных использовались дневные цены на момент закрытия торгов 193 российских компаний. В качестве источников текстовых данных были собраны новости из россий-

ского («Интерфакс») и иностранного («New York Times») изданий. С помощью модели латентного размещения Дирихле на основе новостей из «Интерфакса» и «New York Times» было выделено по 30 политических словарей соответственно. В качестве регрессоров, описывающих политические новости, использовались текущее значение и лаги средней доли, на которую публикуемые в течение дня новости состоят из выделенных словарей. В качестве зависимой переменной выступает дневная доходность акций.

Гипотеза H1a подтвердилась: политические словари, полученные на основе новостей из отечественного источника («Интерфакса»), помогают улучшать прогнозы доходностей акций 146 российских компаний. Гипотеза H1b также подтвердилась: политические словари, полученные на основе новостей из зарубежного источника («New York Times»), улучшают качество прогнозов доходностей акций 142 компаний. Однако заметим, что качество моделей с учетом политических словарей из «Интерфакса» выше, чем качество моделей с использованием политических словарей из «New York Times».

В то же время есть основания полагать, что для получения более точного прогноза доходности акций следует учитывать не только отечественный новостной фон, но и зарубежный. Модели, которые учитывают финансовые данные и политические словари как из «Интерфакса», так и из «New York Times», позволяют улучшать качество прогноза для 158 компаний. Отметим, что качество этих моделей статистически выше, чем качество моделей, построенных с учетом прошлых доходностей и политических словарей только из одного вида источника. Следовательно, гипотеза H2 также подтверждается.

Полученные в работе результаты способствуют углублению понимания связи политических изменений и динамики цен акций в период растущей геополитической нестабильности и могут служить основой для дальнейших исследований.

Литература

- Федорова Е.А., Пыльцин И.В., Ковальчук Ю.А., Дроговоз П.А. (2022). Новости и социальные сети российских компаний: степень влияния на рынок ценных бумаг // Журнал Новой экономической ассоциации. № 1 (53). С. 32–52.
- Arun R., Suresh V., Madhavan C.E.V., Murty M.N. (2010). On finding the natural number of topics with Latent Dirichlet Allocation: Some observations. *Lecture Notes in Computer Science (Including Subseries Lecture Notes in Artificial Intelligence and Lecture Notes in Bioinformatics)*, 6118 LNAI (PART 1). DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-642-13657-3_43
- Azam M., Khan M.A., Iqbal N. (2012). Impact of political risk and uncertainty on FDI in South Asia. *Transition Studies Review*, 19(1). DOI: <https://doi.org/10.1007/s11300-012-0230-x>
- Badshah I., Demirer R., Suleman M.T. (2019). The effect of economic policy uncertainty on stock-commodity correlations and its implications on optimal hedging. *Energy Economics*, 84. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.eneco.2019.104553>
- Baek S., Mohanty S.K., Glambosky M. (2020). COVID-19 and stock market volatility: An industry level analysis. *Finance Research Letters*, 37. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.frl.2020.101748>
- Baker S.R., Bloom N., Davis S.J. (2016). Measuring economic policy uncertainty. *Quarterly Journal of Economics*, 131(4). DOI: <https://doi.org/10.1093/qje/qjw024>
- Barber B.M., Odean T. (2001). Boys will be boys: Gender, overconfidence, and common stock investment. *Quarterly Journal of Economics*, 116(1). DOI: <https://doi.org/10.1162/003355301556400>
- Barber B.M., Odean T. (2008). All that glitters: The effect of attention and news on the buying behavior of individual and institutional investors. *Review of Financial Studies*, 21(2). DOI: <https://doi.org/10.1093/rfs/hhm079>
- Beaulieu M.C., Cosset J.C., Essaddam N. (2005). The impact of political risk on the volatility of stock returns: The case of Canada. *In Journal of International Business Studies*, 36(6). DOI: <https://doi.org/10.1057/palgrave.jibs.8400160>
- Brogaard J., Dai L., Ngo P.T.H., Zhang B. (2020). Global political uncertainty and asset prices. *Review of Financial Studies*, 33(4). DOI: <https://doi.org/10.1093/rfs/hhz087>
- Cao J., Xia T., Li J., Zhang Y., Tang, S. (2009). A density-based method for adaptive LDA model selection. *Neurocomputing*, 72(7–9). DOI: <https://doi.org/10.1016/j.neucom.2008.06.011>
- Chan Y.C., Chui A.C.W., Kwok C.C.Y. (2001). The impact of salient political and economic news on the trading activity. *Pacific Basin Finance Journal*, 9(3). DOI: [https://doi.org/10.1016/S0927-538X\(01\)00015-4](https://doi.org/10.1016/S0927-538X(01)00015-4)
- Colasanto F., Grilli L., Santoro D., Villani G. (2022). BERT's sentiment score for portfolio optimization: A fine-tuned view in Black and Litterman model. *Neural Computing and Applications*, 34(20). DOI: <https://doi.org/10.1007/s00521-022-07403-1>
- Demirer R., Yuksel A., Yuksel A. (2022). Time-varying risk aversion and currency excess returns. *Research in International Business and Finance*, 59. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ribaf.2021.101555>
- Deveaud R., SanJuan E., Bellot P. (2014). Accurate and effective Latent Concept Modeling for ad hoc information retrieval. *Document Numerique*, 17(1). DOI: <https://doi.org/10.3166/dn.17.1.61-84>
- Enikolopov R., Petrova M., Sonin K. (2018). Social media and corruption. *American Economic Journal: Applied Economics*, 1.
- Evans D.A. (2006). Subject perceptions of confidence and predictive validity in financial information cues. *Journal of Behavioral Finance*, 7(1). DOI: https://doi.org/10.1207/s15427579jpfm0701_3
- Fabozzi F.J., Gupta F., Markowitz H.M. (2002). The legacy of modern portfolio theory. *The Journal of Investing*, 11(3). DOI: <https://doi.org/10.3905/joi.2002.319510>
- Friederich S., Payne R. (2015). Order-to-trade ratios and market liquidity. *Journal of Banking and Finance*, 50. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jbankfin.2014.10.005>
- Goodell J.W., Huynh T.L.D. (2020). Did Congress trade ahead? Considering the reaction of US industries to COVID-19. *Finance Research Letters*, 36. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.frl.2020.101578>
- Griffiths T.L., Steyvers M. (2004). Finding scientific topics. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, 101(SUPPL. 1). DOI: <https://doi.org/10.1073/pnas.0307752101>
- Grinblatt M., Han B. (2002). *The Disposition Effect and Momentum. Working Paper*.
- Han Y., Li J. (2023). The impact of global economic policy uncertainty on portfolio optimization: A Black–Litterman approach. *International Review of Financial Analysis*, 86. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.irfa.2022.102476>

- Hartwell C. A. (2022). Populism and financial markets. *Finance Research Letters*, 46. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.frl.2021.102479>
- Khrustova L.E., Fedorova E.A., Fedorov F.Yu. (2020). Tonality of showing Russian position in English speaking mass media during sanction period. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, 13(4). DOI: <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-4-14>
- Kim J.H., Shamsuddin A., Lim K.P. (2011). Stock return predictability and the adaptive markets hypothesis: Evidence from century-long U.S. data. *Journal of Empirical Finance*, 18(5). DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jempfin.2011.08.002>
- Korhonen I., Peresetsky A. (2013). What determines stock market behavior in Russia and other emerging countries? *SSRN Electronic Journal*. DOI: <https://doi.org/10.2139/ssrn.2235072>
- Kurov A. (2008). Investor sentiment, trading behavior and informational efficiency in index futures markets. *Financial Review*, 43(1). DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1540-6288.2007.00188.x>
- Lipsitch M., Finelli L., Heffernan R.T., Leung G.M., Redd S.C. (2011). Improving the evidence base for decision making during a pandemic: The example of 2009 influenza A/H1N1. *Biosecurity and Bioterrorism*, 9(2). DOI: <https://doi.org/10.1089/bsp.2011.0007>
- Lo A. (2004). The adaptive market hypothesis: Market efficiency from an evolutionary perspective. *The Journal of Portfolio Management*, 30(5).
- Merkle C., Weber M. (2014). Do investors put their money where their mouth is? Stock market expectations and investing behavior. *Journal of Banking and Finance*, 46(1). DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jbankfin.2014.03.042>
- Ngoc L.T.B. (2013). Behavior pattern of individual investors in stock market. *International Journal of Business and Management*, 9(1). DOI: <https://doi.org/10.5539/ijbm.v9n1p1>
- Odean T. (1998). Volume, volatility, price, and profit when all traders are above average. *Journal of Finance*, 53(6). DOI: <https://doi.org/10.1111/0022-1082.00078>
- Odean T. (1999). Do investors trade too much? *American Economic Review*, 89(5). DOI: <https://doi.org/10.1257/aer.89.5.1279>
- Pástor L., Veronesi, P. (2012). Uncertainty about government policy and stock prices. *Journal of Finance*, 67(4). DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1540-6261.2012.01746.x>
- Pástor L., Veronesi P. (2013). Political uncertainty and risk premia. *Journal of Financial Economics*, 110(3). DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jfineco.2013.08.007>
- Robinson C.J., Bangwayo-Skeete P. (2017). Parliamentary elections and frontier stock markets: Evidence from stock market reaction to general elections in the Commonwealth Caribbean. *Global Business Review*, 18(5). DOI: <https://doi.org/10.1177/0972150917710136>
- Santa-Clara P., Valkanov R. (2003). The presidential puzzle: Political cycles and the stock market. *Journal of Finance*, 58(5). DOI: <https://doi.org/10.1111/1540-6261.00590>
- Sari R., Kusnanto K., Aswindo M. (2022). Determinants of stock investment decision making: A study on investors in Indonesia. *Golden Ratio of Finance Management*, 2(2). DOI: <https://doi.org/10.52970/grfm.v2i2.174>
- Shiller R.J. (2000). Measuring bubble expectations and investor confidence. *Journal of Psychology and Financial Markets*, 1(1). DOI: https://doi.org/10.1207/s15327760jpfm0101_05
- Snowberg E., Wolfers J., Zitzewitz E. (2007). Partisan impacts on the economy: Evidence from prediction markets and close elections. *Quarterly Journal of Economics*, 122(2). DOI: <https://doi.org/10.1162/qjec.122.2.807>
- Tsygankov A.P. (2017). The dark double: The American media perception of Russia as a neo-soviet autocracy, 2008–2014. *Politics*, 37(1). DOI: <https://doi.org/10.1177/0263395715626945>
- Wahyono H., Narmaditya B.S., Wibowo A., Kustiandi J. (2021). Irrationality and economic morality of SMEs' behavior during the Covid-19 pandemic: Lesson from Indonesia. *Heliyon*, 7(7). DOI: <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2021.e07400>
- Waweru N.M., Munyoki E., Uliana E. (2008). The effects of behavioural factors in investment decision-making: A survey of institutional investors operating at the Nairobi Stock Exchange. *International Journal of Business and Emerging Markets*, 1(1). DOI: <https://doi.org/10.1504/ijbem.2008.019243>
- Wuthrich B., Cho V., Leung S. et al. (1998). Daily stock market forecast from textual Web data. *Proceedings of the IEEE International Conference on Systems, Man and Cybernetics*, 3. DOI: <https://doi.org/10.1109/icsmc.1998.725072>

Таблица 11. Результаты построения ARDL-моделей с использованием выделенных политических словарей на основе новостей из «Интерфакса» с помощью модели латентного размещения Дирихле

Название словаря	Пять слов, входящие с наибольшим весом в словарь	Текущее значение		1 ^{ый} лаг	2 ^{ой} лаг	3 ^{ий} лаг	4 ^{ый} лаг	5 ^{ый} лаг	6 ^{ой} лаг	7 ^{ой} лаг	Итог								
		-	+	-	+	-	+	-	+	-									
Беженцы из Украины	Помощь, дети, беженцы, Ростовская (область), обращение	30	0	15	0	7	0	0	1	6	0	8	0	1	0	0	1	1	69
Отношения РФ и Китая	Китай, сотрудничество, встречи, обсудить, совместно	0	10	0	11	0	7	0	6	0	5	0	2	0	4	0	0	1	46
Санкции со стороны Запада	ЕС, запрет, пакет, санкционный, вводить	29	0	4	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	34
Удары по Крыму	Крым, движение, мост, транспорт, республика	0	2	1	8	0	5	1	3	0	3	0	2	1	0	0	0	5	31
Ядерное оружие	Договор, соглашение, ядерное, риск, переговоры	0	15	0	0	1	0	1	0	0	1	2	0	6	0	1	1	27	
Переговоры между странами	Переговоры, НАТО, встреча, гарантия, Западский	0	0	0	0	0	0	1	0	1	0	17	0	7	0	0	0	0	26
Война на новых территориях РФ	Республика, ДНР, украинские, уничтожить, удар	11	0	0	4	0	0	3	0	0	0	0	0	1	0	0	6	25	
Сводки Министерства обороны РФ	Оборона, сообщать, Минобороны, войска, боевые	0	0	0	15	0	4	0	1	0	0	0	0	1	0	0	2	23	
Мобилизация	Граждане, мобилизация, сотрудник СВО, частичная	8	1	4	0	6	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	20

Продолжение таблицы 1П

Название словаря	Пять слов, входящие с наибольшим весом в словарь	Текущее значение	1 ^{ый} лаг		2 ^{ой} лаг		3 ^{ий} лаг		4 ^{ый} лаг		5 ^{ый} лаг		6 ^{ой} лаг		7 ^{ой} лаг		Итог	
			-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	
Морской флот	Морской, корабль, флот, чёрное (море), учения	1 0 0 2 0	1	0	0	2	0	1	2	1	0	0	0	7	0	0	0	6 20
Требования Роскомнадзора	Штраф, сайт, администривное (нарушение), РКН	0 0 5 0 0	0	0	5	0	1	0	3	0	4	0	2	1	0	0	3 0	19
Заявления Европы	Германия, Европа, прекратить, договориться, осуждать	5 0 1 0 0	5	0	1	0	1	0	2	0	1	0	1	0	3	0	1 0	0
Заявление МИДа	МИД, дипломат, посольство, ответ, Лавров	4 0 6 0 0	4	0	6	0	0	0	0	1	0	1	1	0	1	0	0 0	15 14
Смена руководителей	Заместитель, пост, возглавить, руководитель, снят	0 3 0 0 0	0	3	0	0	0	3	0	5	0	0	0	0	0	1	1 1	13
Отношения РФ и Беларусь	Белорусский, оружие, Лукашенко, Запад, угрозы	0 0 7 0 1	0	0	7	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	3 0	11
Уход западных компаний	Актив, сделка, передать, продажа, выход	0 1 0 0 0	0	1	0	0	0	0	1	0	0	0	0	7	0	2	0 0	11
Закрытие границ	Грузия, граница, Литва, перевозки, транспорт	0 2 1 0 0	0	2	1	0	0	1	0	0	0	0	0	2	0	0	1 0	10
Поддержка бизнеса	Технологический, задачи, созданы, поддержка, важные	0 0 1 0 0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	1	2	0	2	0	1 1	10
Зерновая сделка	ООН, Турция, Украинское (зерно), сделка, зерновая	0 0 4 0 2	0	0	0	4	0	2	0	2	0	0	0	1	0	0	1 1	10
Карабах	Армения, Турция, Азербайджан, добровольцы, удар	0 0 0 0 1	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	1	0	0	7 0	9

Окончание таблицы 1П

Название словаря	Пять слов, входящие с наибольшим весом в словарь	Текущее значение	1 ^{ый} лаг		2 ^{ой} лаг		3 ^{ий} лаг		4 ^{ый} лаг		5 ^{ый} лаг		6 ^{ой} лаг		7 ^{ой} лаг		Итог	
			+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-		
Удары со стороны Украины	Обстрел, жители, АЭС, Херсон, эвакуация	1 0 0 0 1	1	0	0	0	1	1	0	2	1	0	1	0	0	1	0	9
Иностранные журналисты	Американский, источник, издание, Байден, СМИ	0 0 3 0 0	0	0	3	0	0	0	0	0	0	0	0	0	6	0	0	9
Голосование	Выборы, партия, депутат, голосование, комиссия	4 0 1 0 0	4	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	1	2	0	0	9
Региональная политика	Указ, требования, государственный, постановление, проведение	0 0 1 0 4	0	0	0	1	0	4	0	0	0	0	2	0	1	0	0	8
Уголовные дела	Задержать, уголовный, МВД, сотрудник, ФСБ	2 0 0 0 1	2	0	0	0	1	0	1	0	0	0	1	0	1	0	0	7
Государственный бюджет	Бюджет, доход, налоги, размер, Минфин	0 1 0 0 2	0	1	0	0	0	2	0	1	0	0	0	0	0	2	0	7
Проведение вакцинации	Коронавирус, вакцинация, препарат, стулник, Роспотребнадзор	0 0 1 0 0	0	0	1	0	1	0	0	0	0	0	0	0	1	0	1	6
Принятие новых законов	Закон, законопроект, поправки, предлагает, Госдума	0 0 1 0 0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	2	0	0	0	3
Заявления Кремля	Песков, Кремль, пресс-секретарь, ответ, называть	1 0 0 0 0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	1	0	3
Судебные решения	Дело, притвор, признать, уголовное, обвинить	0 0 0 0 1	0	0	0	0	0	1	0	1	0	0	0	0	0	0	0	2

Примечание: В столбце 1 приведены краткие названия словарей, коэффициенты перед которыми значимы в ARDL-моделях, для которых R^2 на кросс-валидации выше, чем в моделях, которые учитывают только прошлые доходности, по результатам проведения теста Уэлча. В столбце 2 приведены 5 слов, входящих в них с наибольшим весом. В остальных столбцах приведено количество компаний, для которых коэффициент перед данным словарем является значимым хотя бы на 10% уровне значимости: «+» означает, что новости соответствующих тематик положительно связаны с доходностью акций, «-» – отрицательно.

Таблица 2П. Результаты построения ARDL-моделей с использованием выделенных политических словарей на основе новостей из «New York Times» с помощью модели латентного размещения Дирхле

Название словаря	Пять слов, входящие с наибольшим весом в словарь	Текущее значение	1 ^{ый} лаг	2 ^{ый} лаг	3 ^{ый} лаг	4 ^{ый} лаг	5 ^{ый} лаг	6 ^{ый} лаг	7 ^{ый} лаг	Итог
			-	+	-	+	-	+	-	
Описание действий армии РФ	annexation, terrorism, south, regions, control	25	0	1	1	0	7	0	0	0
Зерновая сделка	grain, sea, black, deal, food	0	0	3	0	11	0	0	0	0
Армия Украины	weapon, military, defense, army (Ukrainian), system	0	3	0	0	1	0	0	4	44
Европейское сообщество	EU, leader, support, concept, invasion	3	0	0	2	0	1	0	2	37
Санкции США против РФ	sanctions, Biden, economy, administration, punish	0	5	0	0	2	1	0	21	35
Границы Украины	border, troop, neighbor, Poland, force	0	0	4	0	2	0	20	0	1
Удары по Крыму	attack, force, operation, bridge, explosion	0	2	0	6	0	1	1	0	28
Удары со стороны России	drone, strike, target, Moscow, launch	0	1	0	3	1	0	0	1	24
Заявления Кремля	Putin, speech, blame, speak, leader	1	1	0	0	5	0	1	0	19
Восточный фронт	eastern, force, battle, Bakhmut, Donbass	0	3	0	2	0	0	2	0	18
Ядерное оружие	power, nuclear, plant, threat, warn	0	0	0	1	0	2	0	4	16
Разрушения в Украине	kill, city, dozen, rocket, destroy	0	5	0	2	0	4	0	0	17
Государственные СМИ РФ	media, propaganda, Kremlin, policy, government	0	0	1	0	1	0	0	3	16
Заявления США	official, Biden, administration, Washington, senior	5	0	0	0	0	0	3	1	1
Беженцы из Украины	country, people, leave, family, live	0	0	0	1	0	1	3	0	15
Поддержка звездами Украины	invasion, celebrity, call, message, visit	0	0	0	1	0	2	0	0	14
Частные военные компании (ЧВК)	Wagner, Prigozhin, private, force, rebellion	0	1	0	4	0	2	0	5	14
НАТО	NATO, talk, alliance, peace, invasion	0	0	1	0	3	0	0	8	13

Окончание таблицы 2П

Название словаря	Пять слов, входящие с наибольшим весом в словарь	Текущее значение		2 ^{ой} лаг	3 ^{ий} лаг	4 ^{ый} лаг	5 ^{ый} лаг	6 ^{ой} лаг	7 ^{ой} лаг	Итог
		-	+							
Краткая сводка конфликта	conflict, news, russian-ukrainian, brief, guide	1	2	0	2	0	0	2	0	0
Уголовные дела	prison, court, arrest, crime, investigation	0	1	1	0	0	1	0	0	2
Жизнь в тыльных городах Украины	western, soldier, artillery, Kyiv, Lviv	0	1	0	1	0	0	1	2	0
Украинское наступление	move, battlefield, success, territory, counteroffensive	0	0	0	2	0	0	1	0	3
Санкции против сектора нефтегаза	gas, oil, price, limit, cut	0	2	0	0	0	1	0	0	0
Прогнозы конца конфликта	time, win, end, forecast, analyze	0	0	0	0	0	3	1	0	0
Переговоры между странами	Zelenskiy, leader, China, visit, support	0	1	0	0	2	0	0	1	0
Заявления МИДа РФ	Russia, foreign, Sergey, Lavrov, Moscow	2	0	1	0	0	1	0	0	0
Реакция мирового сообщества на конфликт	Hope, happen, question, world, alliance	0	2	0	0	0	0	0	2	0
Оппозиция РФ	Critic, politician, opposition, kill, figure	0	0	0	0	0	1	0	0	0
Военная помощь Украине	Kyiv, tank, Germany, effort, increase	0	1	0	1	0	0	0	0	1
События в Мариуполе	Ukrainian, southern, russia-occupier, withdraw, Mariupol	0	0	0	0	1	0	0	1	1

Примечание. В столбце 1 приведены краткие названия словарей, коэффициенты перед которыми значимы в ARDL-моделях, для которых R^2 на кросс-валидации выше, чем в моделях, которые учитывают только прошлые доходности, по результатам проведения теста Уэнка. В столбце 2 приведены 5 слов, входящих в них с наибольшим весом. В остальных столбцах приведено количество компаний, для которых коэффициент перед данным словом является значимым хотя бы на 10% уровне значимости. «-» означает, что новости соответствующих тематик положительно связаны с доходностью акций, «--» – отрицательно.

Таблица 3П. Результаты построения ARDL-моделей с использованием выделенных политических словарей на основе новостей из «New York Times» и «Интерфакса»

Тип источника	Название слова/аря	Пять слов, входящие с наибольшим весом в словарь	Текущее значение	1 ^{ый} лаг		2 ^{ой} лаг		3 ^{ий} лаг		4 ^{ый} лаг		5 ^{ый} лаг		6 ^{ой} лаг		7 ^{ой} лаг		Итог
				-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	
Интерфакс	Беженцы из Украины	Помощь, дети, беженцы, Ростовская область, обращение	21	0	12	0	6	0	1	0	7	0	8	0	0	0	0	1
Интерфакс	Отношения РФ и КНР	Китай, сотрудничество, встречи, обсудить, совместно	0	7	0	8	0	6	0	5	0	3	0	1	0	3	0	1
Интерфакс	Санкции со стороны запада	ЕС, запрет, пакет, санкционный, вводить	25	0	4	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0
Интерфакс	Удары по Крыму	Крым, движение, мост, транспорт, республика	0	2	1	8	0	2	1	3	0	1	0	2	1	0	0	5
NYT	Зерновая сделка	grain, sea, black, deal, food	0	0	0	3	0	4	0	0	0	1	0	6	0	7	0	1

Примечание. В столбце 1 указан источник новостных данных, на основе которого был получен политический словарь. В столбце 2 приведены краткие названия словарей, коэффициенты перед которыми значимы в ARDL-моделях, для которых R² на кросс-валидации выше, чем в моделях, которые учитывают только прошлые доходности, по результатам проведения теста Уэлча. В столбце 3 приведены 5 слов, входящих в них с наибольшим весом. В остальных столбцах приведено количество компаний, для которых коэффициент перед данным словарем является значимым хотя бы на 10% уровне значимости. «+» означает, что новости соответствующих тематик положительно связаны с доходностью акций, «--» – отрицательно.

Сведения об авторах

Алина Александровна Локтионова – сотрудник кафедры, МГУ им. М.В. Ломоносова (Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1; e-mail: aloktionovaa@bk.ru)

Петр Александрович Лавриненко – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН (Российская Федерация, 117418, г. Москва, пр. Нахимовский, д. 47; e-mail: lavrik3x@mail.ru)

Ашот Гамлетович Мирзоян – старший преподаватель, МГУ им. М.В. Ломоносова (Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1; e-mail: kell56@yandex.ru)

Ольга Александровна Локтионова – сотрудник кафедры, МГУ им. М.В. Ломоносова (Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1; e-mail: yaolgaloktionova@ya.ru)

Loktionova A.A., Lavrinenko P.A., Mirzoyan A.G., Loktionova O.A.

The Impact of Political News about Russia on the Prices of Russian Companies' Shares: Comparative Analysis of Russian and Foreign Media

Abstract. The dynamics of the financial market depends on the expectations of investors, which are largely determined by economic and political events. To form investment strategies, it is important to understand which events described in the news may affect changes in the value of assets. The purpose of this work is to identify the topics of political news that affect the profitability of shares of Russian companies, and to compare the predictive power of news from Russian and foreign sources. This study investigates the relationship between political news about Russia, obtained from domestic ("Interfax") and foreign ("New York Times") sources, and the stock returns of 193 Russian companies over the period from September 1, 2021 to August 31, 2023. There were 30 political dictionaries from each source identified using the Latent Dirichlet Allocation model, and the differences in the highlighted political themes were noted. Time-series models were used to test hypotheses about the impact of political news on the stock prices of Russian companies. The study demonstrates that the Russian stock market's dynamics are impacted by news from various sources. Specifically, political dictionaries derived from foreign sources enhance the return predictions for the stocks of 142 Russian companies, whereas those from domestic sources improve the forecasts for 146 ones. Nevertheless, models incorporating political news from domestic sources yield higher-quality return forecasts. Additionally, using the Random Forest algorithm, it is demonstrated that the domestic media's interpretation of events, which are covered in both Russian and foreign news, exerts a more substantial influence on the domestic stock market. Furthermore, models that integrate political dictionaries from both sources exhibit superior quality compared to those that rely on news from a single source. Based on the results obtained, it is demonstrated that incorporating political news into investment decisions enables investors to construct stock portfolios with higher returns.

Key words: political news, Russian stock market, foreign and domestic media, Latent Dirichlet Allocation, comparative analysis.

Information about the Authors

Alina A. Loktionova – department employee, Lomonosov Moscow State University (1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation; e-mail: aloktionovaa@bk.ru)

Petr A. Lavrinenko – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Institute of Economic Forecasting, Russian Academy of Sciences (47, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117418, Russian Federation; e-mail: lavrik3x@mail.ru)

Ashot H. Mirzoyan – senior lecturer, Lomonosov Moscow State University (1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation; e-mail: kell56@yandex.ru)

Olga A. Loktionova – department employee, Lomonosov Moscow State University (1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation; e-mail: yaolgaloktionova@ya.ru)

Статья поступила 04.09.2024.

НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ И ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ

DOI: 10.15838/esc.2024.5.95.7

УДК 330.34, ББК 65.04

© Домнич Е.Л.

Видовая структура и региональные пропорции затрат на инновационную деятельность в экономике России

Егор Леонидович

ДОМНИЧ

Институт экономических исследований ДВО РАН

Хабаровск, Российская Федерация

e-mail: chaosraven@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-1379-8053; ResearcherID: GZA-5343-2022

Аннотация. Важнейшим выбором фирмы при осуществлении инновационной деятельности является решение о способе освоения новых технологий. Различают прежде всего освоение технологий за счёт их исследования и за счёт их эксплуатации. Оценка соотношения этих двух способов освоения технологий в экономике регионов России обладает значительным исследовательским потенциалом. В рамках работы реализована методика сравнительного анализа пространственной динамики, характерной для различных видов инновационной деятельности, позволяющая преодолеть методические ограничения официальной статистики. Получены коэффициенты эластичности по временному тренду для совокупных затрат на инновационную деятельность, в том числе затрат на исследования и разработки, затрат на приобретение машин и оборудования, затрат на производственное проектирование (инжиниринг) и дизайн по группам регионов России в 2011–2015, 2016–2018 и 2019–2022 гг. Результаты детализируют тенденции инновационного развития групп регионов в 2011–2022 гг. с конкретизацией динамики в досанкционном и санкционном периодах. Установлено, что систематическое освоение технологий за счёт их исследования осуществлялось в основном в досанкционный период и лишь в наиболее развитых субъектах страны. В период усиления санкционного давления исследования и разработки локализуются в столичных центрах, а удалённые и слаборазвитые регионы начинают систематически осваивать новые технологии за счёт приобретения машин и оборудования, а также производственного проектирования (инжиниринга) и дизайна. Полученная в ходе иссле-

Для цитирования: Домнич Е.Л. (2024). Видовая структура и региональные пропорции затрат на инновационную деятельность в экономике России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 5. С. 133–150. DOI: 10.15838/esc.2024.5.95.7

For citation: Domnich Ye.L. (2024). The specific structure and regional proportions of innovation costs in the Russian economy. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 17(5), 133–150. DOI: 10.15838/esc.2024.5.95.7

дования система эконометрических оценок, учитывая как экономическую специфику инноваций, так и методические проблемы их статистического учёта, позволила конкретизировать роль важнейших способов освоения новых технологий в пространстве регионов страны в рамках досанкционного и санкционного периодов.

Ключевые слова: инновации, исследования и разработки, приобретение машин и оборудования, инжиниринг, регионы России, санкционный шок, официальная статистика.

Введение

Видовая структура инноваций традиционно находится в фокусе релевантных исследований — от классических трудов Й. Шумпетера до новейших таксономических и эконометрических изысканий. Эффект, оказываемый инновациями на экономику и общество, зависит как от вида конкретной инновации, так и от видового разнообразия инноваций в целом (Schumpeter, 1934; Edwards-Schachter, 2018; Домнич, 2022). В российской официальной статистике наибольший объём информации о видовой структуре инноваций сообщает структура затрат организаций на инновационную деятельность¹ по видам инновационной деятельности, формируемая по итогам ежегодных обследований крупных и средних предприятий по форме 4-инновации². По данным Росстата, в 2011–2022 гг. затраты на инновационную деятельность российских предприятий увеличились в текущих ценах с 733,8 до 2662,6 млрд руб., что само по себе характеризует важность индикатора.

Однако в силу методических ограничений экономическая интерпретация этого массива данных затруднена. В исследовании преодолены важнейшие из таких ограничений, препятствующие пространственно-временным сопоставлениям структуры и динамики затрат на инновационную деятельность в регионах страны.

Цель работы — дать обобщённую количественную пространственно-временную характеристику изменения объёма затрат организаций на указанные виды инновационной деятельности в регионах России в 2011–2022 гг. Задачами исследования являются изучение мирового опыта, связанного с анализом видовой структуры инноваций с точки зрения двух основных способов освоения новых технологий (исследование и эксплуатация); анализ пространственной динамики инноваций этих видов в регионах России с учётом методических ограничений, накладываемых официальной статистикой, и формулирование стилизованных фактов о пространственно-временных изменениях видовой структуры инноваций в регионах страны с учётом значительной неоднородности последних.

Предмет исследования — пространственная и временная дифференциация объёмов и скорости изменения затрат на инновационную деятельность в предпринимательском секторе регионов России в разрезе важнейших видов инновационной деятельности: исследований и разработок, приобретения машин и оборудования, производственного проектирования (инжиниринга) и дизайна. Объект исследования включает 81 регион³ в 2011–2022 гг. с детализацией на три периода: 2011–2015, 2016–2018 и 2019–2022 гг., что обусловлено изменениями в методике статистического наблюдения.

¹ Выраженные в денежной форме фактические расходы на осуществление одного, нескольких или всех видов инновационной деятельности (связанной с процессом разработки и внедрения технологических инноваций и других нововведений), выполняемой в организации. В составе затрат на инновационную деятельность учитываются текущие и капитальные затраты. При этом не имеет значения, на какой стадии находится инновационный процесс: на завершающей, когда оборудование уже работает, освоено в эксплуатации, то есть налажено производство и выпускаются товары (работы, услуги), или на начальной, промежуточной, например, когда еще осуществляется монтаж нового оборудования или оно только готово к эксплуатации, но пока не работало, не испытано в производстве и не использовалось при выпуске товаров (работ, услуг). Приказ Росстата (Федеральная служба государственной статистики) от 30 июля 2020 г. № 424. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74357805/> (дата обращения 01.08.2024).

² Затраты на инновационную деятельность организаций (с 2010 г.). URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Innov-5.xls> (дата обращения 01.07.2024).

³ Из выборки исключены г. Севастополь, а также республики Ингушетия, Крым и Чечня.

Теоретические основы исследования

Важнейшими видами инновационной деятельности, по данным Росстата, являются исследования и разработки, а также приобретение машин и оборудования. Их общий удельный вес в совокупных затратах на инновационную деятельность в 2011–2022 гг. увеличился с 68,3 до 78,6%⁴. Важно, что речь идёт лишь о тех исследованиях, разработках и инвестициях в средства производства, «которые в течение периода наблюдения направлены или приводят к созданию новых или усовершенствованных продуктов (товаров, услуг), значительно отличающихся от продуктов, производившихся организацией ранее, предназначенные для внедрения на рынке, новых или усовершенствованных бизнес-процессов, значительно отличающихся от предыдущих соответствующих бизнес-процессов, предназначенных для использования в практической деятельности»⁵. В связи с этим указанные индикаторы уместно считать стоимостными оценками интенсивности реализации двух отличных друг от друга способов освоения новых технологий: исследования и эксплуатации. Исследование определяется как изучение и дополнение технических знаний в новой области, незнакомой для фирмы раньше. Эксплуатация – это освоение технологий, которыми уже обладает сама фирма и (или) фирмы, её окружающие (Lennerts et al., 2019; Clauss et al., 2020; Mahmood, Mubarik, 2020).

Эксплуатация и исследование технологий по-разному влияют на результаты деятельности предприятия. Это заставляет предприятия искать компромисс между ними вследствие ограниченности ресурсов (Cho, 2020; Wen et al., 2020). Когда фирма направляет средства как на эксплуатацию, так и на исследование технологий (что допускает форма 4-инновации), перераспределение ресурсов между ними влечёт эффекты двух типов. Когда ресурсы, направляемые на эксплуатацию новых технологий, увеличиваются, то ресурсы, направляемые на их исследование, сокращаются. Тогда краткосрочные по-

казатели деятельности фирмы улучшаются, но возможности для улучшения долгосрочных показателей снижаются. С другой стороны, если увеличивается объём вложений в исследование технологий, краткосрочные показатели деятельности фирмы становится трудно улучшить, но возможности для улучшения долгосрочных показателей деятельности фирмы возрастают. Таким образом предприятия приспосабливаются к долгосрочным изменениям окружающей среды, сохраняя при этом краткосрочные показатели управления за счет надлежащего баланса между эксплуатацией и исследованием технологий (Cho, 2020; Johnson et al., 2022).

Дискуссия о сравнительной значимости эксплуатации и исследования технологий, их противоборстве и синергическом эффекте разворачивается с начала 1990-х гг.⁶ Однако изучение баз публикаций Google Scholar, Web Of Science, Scopus и elibrary.ru показало, что она ни разу не затрагивала российский опыт. Поэтому важнейшей научной проблемой исследования на российском материале, по мнению автора, должна быть по возможности максимально достоверная оценка масштабов и динамики обсуждаемых явлений, в том числе в пространстве регионов большой страны.

Согласно официальной статистике и в текущих ценах, наиболее заметные изменения в соотношении между затратами на исследования и разработки и приобретение машин и оборудования произошли в первые пять лет рассматриваемого периода, т. е. в 2011–2015 гг. В 2011 году затраты на исследования и разработки составляли 23,6% затрат на инновационную деятельность, а затраты на приобретение машин и оборудования – 44,8%. В 2012 году доля затрат на исследования и разработки выросла до 35,9%, а затрат на приобретение машин и оборудования – снизилась до 42,1%. К 2015 году доли индикаторов в затратах на инновационную деятельность составляли, соответственно, 44,4 и 33%, и такое соотношение в целом сохранилось до 2022 года⁷.

⁴ Рассчитано по: Затраты на инновационную деятельность организаций (с 2010 г.). URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Innov-5.xls> (дата обращения 01.07.2024).

⁵ Приказ Росстата (Федеральная служба государственной статистики) от 30 июля 2020 г. № 424. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74357805/> (дата обращения 01.08.2024).

⁶ Обзор релевантных исследований см., напр., в (Li et al., 2023).

⁷ Рассчитано по: Затраты на инновационную деятельность организаций (с 2010 г.). URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Innov-5.xls> (дата обращения 01.07.2024).

Третьим по величине затрат, но не по значимости, видом инновационной деятельности является производственное проектирование (инжиниринг) и дизайн⁸. Инжиниринг рассматривается как связующее звено между всеми прочими видами инновационной деятельности, а дизайн – между технологиями и потребителем (Медяник, 2017; Charyton, 2015; Gershman et al., 2020). Доля производственного проектирования (инжиниринга) и дизайна в затратах на инновационную деятельность снизилась с 23,2% в 2011 году сначала до 9,8% в 2012 году и далее до 5% к 2022 году.⁹

Таким образом, в целом по стране повышается и закрепляется экономический вес исследований и разработок как способа освоения новых технологий за счёт опережающего роста данного вида затрат по сравнению с приобретением машин и оборудования и производственным проектированием (инжинирингом) и дизайном. Наиболее значительные изменения произошли в интервале 2011–2015 гг. Однако для ответа на вопрос, насколько эта тенденция универсальна в пространстве регионов – центральных, северных, южных и восточных, с экономикой промышленного или сельскохозяйственного типа, располагающих развитой либо незначительной научно-производственной базой, требуется преодолеть значительные методические ограничения.

Методические проблемы исследования

Росстат собирает данные об инновационной деятельности российских организаций уже три десятка лет, но это не способствует формированию массива региональной статистики инноваций. Методики сбора, обработки и публикации статистики по форме 4-инновации регулярно меняются, что обесценивает накопленную статистику с точки зрения лонгитюдных ретроспективных исследований. За 12 лет (с 2011 по

2022 год) отраслевой охват обследуемых организаций менялся четыре раза: в 2011, 2015, 2016 и 2019 гг.¹⁰ При этом Росстат не публикует сопоставимых данных по «старым» методикам, а регионально-отраслевая детализация индикаторов инноваций для большинства регионов не имеет смысла: если в отрасли j региона i в год t затраты на инновационную деятельность осуществляло единственное предприятие (весьма частотный случай), Росстат не показывает информацию, сославшись на «обеспечение конфиденциальности первичных статистических данных»¹¹. Такие пробелы в данных характерны даже для отдельных регионов, располагающих небольшой экономикой, в том числе несколькими инновационно активными предприятиями. Полученные стоимостные индикаторы технологических инноваций (затраты на инновационную деятельность и объём инновационных товаров, работ, услуг) невозможно нормировать на число инновационно активных предприятий и (или) численность работников, занятых на таких предприятиях, поскольку соответствующие индикаторы не обнаруживаются. Отсутствуют и официальные разъяснения, с помощью каких дефляторов следует приводить

⁸ В 2011–2014 гг. Росстат публиковал общую сумму затрат на производственное проектирование (инжиниринг) и дизайн, а в 2015–2022 гг. отдельно по инжинирингу и дизайну. Соответственно, в целях обеспечения сопоставимости эти затраты были просуммированы.

⁹ Рассчитано по: Затраты на инновационную деятельность организаций (с 2010 г.). URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Innov-5.xls> (дата обращения 01.07.2024).

¹⁰ В 2011 год форма 4-инновации стала рассыпаться по организациям «чистой» отрасли «Научные исследования и разработки», затраты на инновационную деятельность которых составили в этот год 15,9% совокупного объёма. Менее существенные изменения произошли в 2015 году, когда круг обследуемых отраслей пополнился монтажом зданий и сооружений из сборных конструкций и производством прочих строительных работ. В совокупном пуле затрат на инновационную деятельность 2015 г. указанные отрасли составили лишь 0,001%, что позволяет рассматривать 2015 год в составе периода 2011–2015 гг., а следующий временной отрезок начать с 2016 года, когда вновь включённые в обследование отрасли сельского хозяйства обеспечили уже 1,2% совокупных инновационных затрат. Заметные изменения отраслевого охвата произошли в 2019 году, когда «новые» отрасли (строительство, транспортировка и хранение, здравоохранение и социальные услуги) увеличили совокупные затраты на инновационную деятельность на 13,2%, что заставляет различать периоды 2016–2018 и 2019–2022 гг. Рассчитано по: Затраты на инновационную деятельность организаций (с 2010 г.). URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Innov-5.xls> (дата обращения 01.07.2024).

¹¹ См. Федеральный закон от 29.11.07 № 282-ФЗ «Об официальном статистическом учете и системе государственной статистики в Российской Федерации» (п. 5, ст. 4; п. 1, ст. 9).

стоимостные индикаторы инноваций в сопоставимые цены; данная процедура (если вообще производится) всецело остаётся на усмотрение исследователя, что порождает широкий произвол в методологии эмпирических исследований.

К указанным техническим проблемам следует добавить статистические вызовы объективного характера, обусловленные экономической природой инноваций как явления. Внедрение конкретной инновации – всегда небанальный социальный процесс с непредсказуемым исходом (Домнич, 2022, с. 100). Для российских региональных индикаторов инноваций характерны нестационарная динамика, высокий размах вариации, обилие нулевых значений и непредсказуемость стоимостных показателей с точки зрения сравнительного размера региональных экономик.

Сама возможность реализации крупных инновационных проектов в конкретном регионе в первую очередь обусловлена историей его развития и освоения («эффектом колеи») и возможностью привлечь финансирование из федерального бюджета¹². Закономерна выраженная дифференциация регионов на немногочисленные территории, регулярно осваивающие значительные объёмы затрат на инновационную деятельность, и регионы, инновационные затраты которых несопоставимо малы даже с учётом относительного размера их экономик. Часто встречается ситуация, когда инновационная система конкретного региона регулярно осуществляет затраты на инновационную деятельность, при этом почти не отгружая инновационную продукцию, и наоборот (Домнич, 2018). Поэтому экономический анализ затрат на инновационную деятельность валиден как

совместно с объёмом инновационных товаров, работ и услуг, так и отдельно от него.

В литературе по инновационному развитию российских регионов указанные методические ограничения, как правило, не учитываются (см., напр., Голова, 2024; Дементьев, 2024; Терещенко, 2024; Шорохова, 2024). Это делает методику, учитывающую указанные методические ограничения, ещё более актуальной.

Методика исследования

Решение заявленных задач осуществлялось в четыре этапа.

На первом этапе были восстановлены региональные данные о затратах на инновационную деятельность, в том числе на исследования и разработки, приобретение машин и оборудования и производственное проектирование (инжиниринг) и дизайн, скрытых Росстатом в целях «обеспечения конфиденциальности первичных статистических данных» (*табл. 1*). В простейшем случае, когда в год t в рамках того или иного федерального округа Росстат скрыл данные лишь по одному региону i , они восстанавливались как разность, полученная вычитанием из значения суммарного индикатора по округу суммы значений индикаторов всех прочих регионов в составе округа. Если скрыты данные по двум и более регионам в составе округа, они восстанавливались путём пропорционального распределения данной разности по регионам на основании информации о прошлых и (или) будущих значениях региональных индикаторов. В общей сложности, по четырём индикаторам за 2011–2022 гг., было восстановлено 119 наблюдений, которые далее использовались наравне с официальными данными Росстата. Сформированы сбалансированные панели данных за 2011–2015, 2016–2018 и 2019–2022 гг.

На втором этапе стоимостные индикаторы приведены к сопоставимому виду путём пересчёта в цены 2011 года с использованием наиболее релевантных, по мнению автора, индексов цен на продукцию, машины и оборудование и прочую продукцию инвестиционного назначения (*табл. 2*). Таким образом, для каждого из четырёх индикаторов подобран свой индекс-дефлятор.

¹² Удельный вес финансирования из федерального бюджета в общем объёме затрат на инновационную деятельность российских предприятий в 2010–2022 гг. увеличился с 4,7 до 23,6% (Индикаторы инновационной деятельности: 2012: стат. сб. М.: НИУ ВШЭ, 2012. С. 411; Индикаторы инновационной деятельности: 2024: стат. сб. / В.В. Власова, Л. М. Гохберг, Г.А. Грачева и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2024. С. 208. URL: <https://www.hse.ru/primarydata/ii?ysclid=m2fjt7afyx658656305> (дата обращения 19.10.2024).

Таблица 1. Восстановленные данные по регионам и годам

Регион	Затраты на инновационную деятельность	в том числе		
		Исследования и разработки	Приобретение машин и оборудования	Производственное проектирование и дизайн
Республика Адыгея	-	2021, 2022	2020	2020
Республика Алтай	-	2020–2022	2020	2020–2022
Республика Бурятия	-	-	2020	2020–2022
Республика Дагестан	-	-	-	2022
Республика Калмыкия	2022	2021, 2022	2020, 2021	2020–2022
Кабардино-Балкарская Республика	-	-	2021	2020, 2022
Карачаево-Черкесская Республика	2021, 2022	2020	2021, 2022	2020–2022
Республика Карелия	-	-	-	2020, 2022
Республика Коми	-	-	-	2021
Республика Саха (Якутия)	-	-	-	2022
Республика Северная Осетия – Алания	2022	2021, 2022	2020	2020–2022
Республика Тыва	-	2020	-	2020–2022
Республика Хакасия	-	2020–2022	2020	2020–2022
Забайкальский край	-	2020	-	2021, 2022
Камчатский край	-	-	-	2022
Амурская область	-	-	-	2020–2022
Архангельская область	2011, 2012, 2021, 2022	2020	2022	2020, 2022
Астраханская область	-	-	-	2020–2022
Вологодская область	-	-	-	2022
Ивановская область	-	2021	-	2020, 2022
Калининградская область	-	-	-	2022
Костромская область	-	2021, 2022	-	2020, 2022
Магаданская область	-	2022	2021, 2022	2020–2022
Орловская область	-	2022	-	-
Псковская область	-	-	-	2020–2022
Сахалинская область	-	-	-	2022
Тюменская область	2011, 2012	2011, 2012	-	2011, 2012
Ульяновская область	-	-	-	2020
Ненецкий автономный округ	2021, 2022	2020	2022	2021, 2022
Чукотский автономный округ	-	2021	-	2021, 2022
Еврейская автономная область	-	2020–2022	2020–2022	2021, 2022
Итого восстановлено, ед.	12	28	17	62

Источник: составлено автором.

Таблица 2. Характеристики выборки и используемые дефляторы

Показатель	Затраты на инновационную деятельность	в том числе		
		исследования и разработки	приобретение машин и оборудования	производственное проектирование и дизайн
Отраслевой охват	2011–2015	промышленность, связь, деятельность, связанная с использованием вычислительной техники и информационных технологий, научные исследования и разработки, предоставление прочих услуг		
	2016–2018	+ сельское хозяйство, монтаж зданий и сооружений из сборных конструкций, устройство покрытий зданий и сооружений, производство прочих строительных работ		
	2019–2022	+ строительство, транспортировка и хранение, деятельность в области здравоохранения и социальных услуг		
Среднее (ст. отклонение) по регионам, млрд руб.*	2011–2015	12,8 (25,6)	4,9 (14,9)	5,0 (8,6)
	2016–2018	17,1 (35,6)	7,5 (21,9)	5,7 (10,9)
	2019–2022	28,1 (75,4)	12,2 (37,3)	10,0 (25,2)
Число нулей в выборке	-	53	9	61
Используемые дефляторы	Индексы цен на продукцию (затраты, услуги) инвестиционного назначения: всего по обследуемым видам деятельности	Индексы цен на продукцию (затраты, услуги) инвестиционного назначения: научные исследования и разработки**	Индексы цен приобретения машин и оборудования инвестиционного назначения: научные исследования и разработки***	Индексы цен на прочую продукцию (затраты, услуги) инвестиционного назначения: всего по обследуемым видам деятельности****

* Рассчитано по: Затраты на инновационную деятельность организаций (с 2010 г.). URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Innov-5.xls> (дата обращения 01.07.2024).

** Индексы цен на продукцию (затраты, услуги) инвестиционного назначения по 2016 г. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31111> (дата обращения: 1.07.2024); Индексы цен на продукцию (затраты, услуги) инвестиционного назначения с 2017 г. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/56591> (дата обращения 01.07.2024).

*** Индексы цен приобретения машин и оборудования инвестиционного назначения по 2016 г. (процент). URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31104> (дата обращения: 01.07.2024); Индексы цен приобретения машин и оборудования инвестиционного назначения с 2017 г. (процент). URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/65804> (дата обращения 01.07.2024).

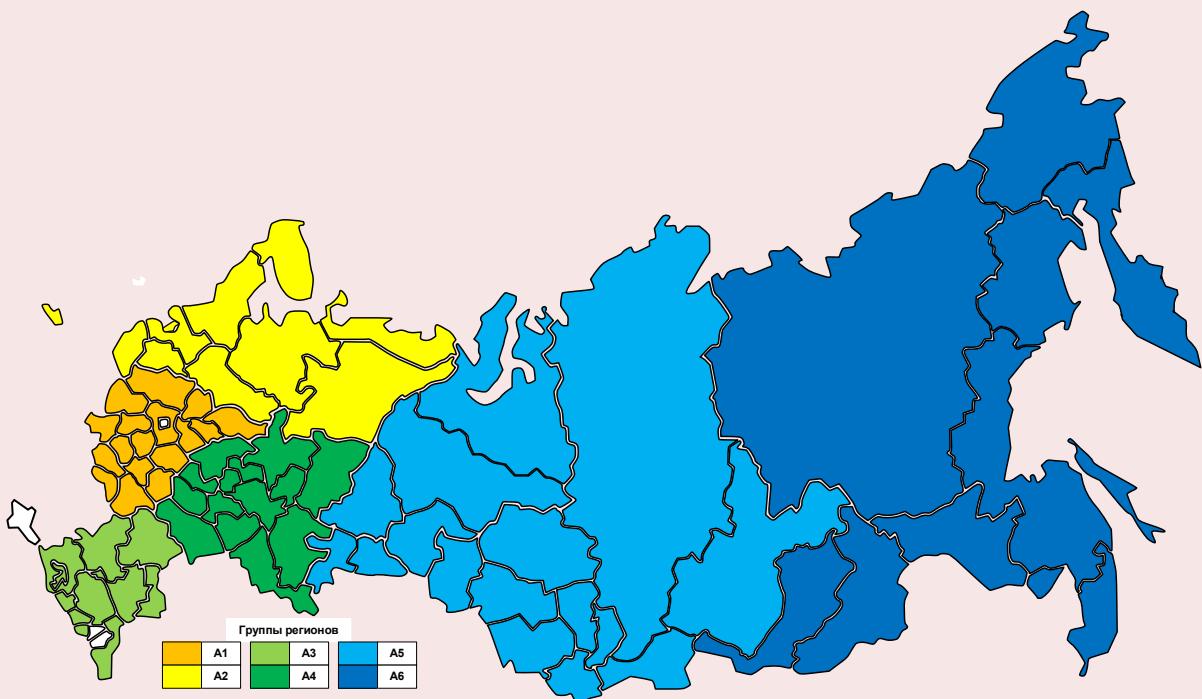
**** Индексы цен на прочую продукцию (затраты, услуги) инвестиционного назначения по 2016 г. (процент) URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/40609> (дата обращения 01.07.2024); Индексы цен на прочую продукцию (затраты, услуги) инвестиционного назначения с 2017 г. (процент). URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/57798> (дата обращения 01.07.2024).

Источник: составлено автором.

На третьем этапе региональный анализ динамики затрат на инновационную деятельность был ограничен двумя группировками регионов (рис. 1, 2). Первая группировка (A1... A6) основана на административном делении субъектов Федерации (см. рис. 1). Группа A1 соответствует Центральному федеральному округу кроме г. Москвы, группа A2 – Северо-Западному федеральному округу, группа A3 – Южному и Северо-Кавказскому федеральному округам, группа A4 – Приволжскому федеральному округу, группа A5 – Уральскому и Сибирскому федеральным округам, а группа A6 – Дальневосточному федеральному округу.

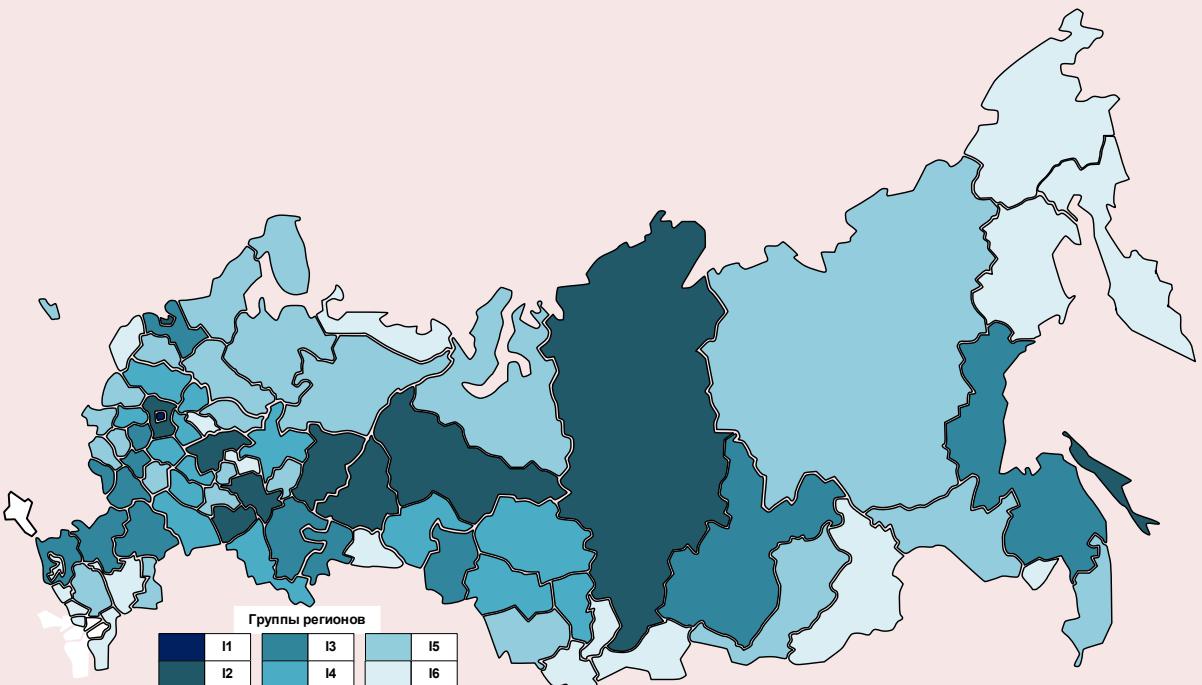
Вторая группировка (I1... I6) основана на суммарной за 2011–2022 гг. величине затрат на инновационную деятельность в ценах 2011 г. по каждому региону (см. рис. 2). В ней группа I1 представлена г. Москвой – уникальным субъектом, выделяющимся на фоне всех остальных отличительно высокими значениями затрат на инновационную деятельность. За 2011–2022 гг. их суммарный объём в г. Москве (в ценах 2011 года) составил около 2,7 трлн руб. (21,5% общероссийских), в том числе на исследования и разработки – 1,3 трлн руб., на приобретение машин и оборудования – 641 млрд руб., на производственное проектирование (инжиниринг) и дизайн – 242 млрд руб.

Рис. 1. Группировка регионов согласно административному делению

Источник: составлено автором.

Рис. 2. Группировка регионов по суммарному объёму затрат на инновационную деятельность

Источник: составлено автором.

В группу I2 отнесены 10 крупнейших по затратам на инновационную деятельность после Москвы регионов: г. Санкт-Петербург, Республика Татарстан, Красноярский и Пермский края, Московская, Нижегородская, Самарская, Сахалинская, Свердловская области и Ханты-Мансийский автономный округ. Это самая экономически мощная из всех выделенных групп с суммарными за рассматриваемый период затратами на инновационную деятельность в 5,6 трлн руб. (44,9% общероссийских), в том числе на исследования и разработки – 2,7 трлн руб., на приобретение машин и оборудования – 1,9 трлн руб., на производственное проектирование (инжиниринг) и дизайн – 421,8 млрд руб.

Группа I3 включает регионы, в каждом из которых суммарная за 2011–2022 гг. величина затрат на инновационную деятельность в ценах 2011 года составляла от 100 до 250 млрд руб.: Республику Башкортостан, Краснодарский и Хабаровский края, Белгородскую, Воронежскую, Иркутскую, Липецкую, Ленинградскую, Волгоградскую, Омскую, Ростовскую, Тульскую и Челябинскую области. Суммарно за 2011–2022 гг. эти регионы обеспечили 2,4 трлн руб. затрат на инновационную деятельность (18,8% общероссийских), в том числе на исследования и разработки – 481,9 млрд руб., на приобретение машин и оборудования – 1,1 млрд руб., на производственное проектирование (инжиниринг) и дизайн – 331,8 млрд руб.

Группа I4 объединяет регионы с суммарной за 2011–2022 гг. величиной затрат на инновационную деятельность от 50 до 100 млрд руб.: Республику Мордовию, Владимирскую, Калужскую, Кемеровскую, Кировскую, Новосибирскую, Оренбургскую, Пензенскую, Рязанскую, Саратовскую, Тверскую, Томскую, Тюменскую и Ярославскую области. Всего за 2011–2022 гг. эти регионы осуществили инновационные затраты в размере 956,5 млрд руб. (7,6% общероссийских), в том числе на исследования и разработки – 344,2 млрд руб., на приобретение машин и оборудования – 382,6 млрд руб., на производственное проектирование (инжиниринг) и дизайн – 123,5 млрд руб.

В группу I5 вошли регионы с суммарной за 2011–2022 гг. величиной затрат на инновационную деятельность от 10 до 50 млрд руб.: республики Бурятия, Карелия, Коми, Удмуртия, Чувашия, Якутия, Алтайский, Приморский и Ставропольский края, Амурская, Архангельская, Астраханская, Брянская, Вологодская, Калининградская, Костромская, Курская, Мурманская, Новгородская, Орловская, Смоленская, Тамбовская, Ульяновская области и Ямало-Ненецкий автономный округ. Суммарно за 2011–2022 гг. эти регионы обеспечили 696,1 млрд руб. затрат на инновационную деятельность (5,6% общероссийских), в том числе на исследования и разработки 162,7 млрд руб., на приобретение машин и оборудования – 362,7 млрд руб., на производственное проектирование (инжиниринг) и дизайн – 95,3 млрд руб.

Группа I6 представлена регионами с суммарной за 2011–2022 гг. величиной затрат на инновационную деятельность до 10 млрд руб.: республики Алтай, Адыгея, Дагестан, Кабардино-Балкарская, Калмыкия, Карачаево-Черкесская, Марий Эл, Северная Осетия, Тыва, Хакасия, Забайкальский и Камчатский края, Ивановская, Псковская, Курганская, Магаданская области, Ненецкий и Чукотский автономные округа, а также Еврейская автономная область. Суммарно за 2011–2022 гг. эти регионы обеспечили 70,9 млрд руб. затрат на инновационную деятельность (0,6% общероссийских), в том числе на исследования и разработки – 14,3 млрд руб., на приобретение машин и оборудования – 39,6 млрд руб., на производственное проектирование (инжиниринг) и дизайн – 9,2 млрд руб.

На четвёртом этапе в рамках периодов 2011–2015, 2016–2018 и 2019–2022 гг. произведена оценка эластичности индикаторов затрат на инновационную деятельность $inno_{it}$ в ценах 2011 года по временному тренду t с детализацией по группам A1... A6 и I2... I6 на основании сформированной панели данных. Это позволило дать количественную характеристику изменения затрат на инновационную деятельность внутри каждого периода с коррекцией на пространственную неоднородность.

Эластичность совокупных затрат на инновационную деятельность по временному тренду оценивалась линейным уравнением на панельных данных с фиксированными эффектами регионов:

$$\ln inno_{it} = c + \beta^a t + \varphi_i^a + \varepsilon_{it}, \quad (1)$$

где c – константа, t – временной тренд, φ_i – индивидуальный эффект i -го региона, ε_{it} – остатки уравнения. Поскольку исследуемые данные характеризуются значительным размахом колебаний значений (см. табл. 2), актуальна проблема гетероскедастичности остатков уравнения (1); при его оценке использовались robustные оценки дисперсии, полученные по методу Хубера – Уайта (Huber, 1967; White, 1980).

Данные по затратам на исследования и разработки, приобретение машин и оборудования и производственное проектирование (инжиниринг) и дизайн характеризуются значительным числом нулей в выборках, поэтому для оценки их эластичности по временному тренду использовалась пуассоновская модель панельной регрессии с фиксированными эффектами регионов и корректировкой дисперсии по методу Хубера – Уайта. Пуассоновская модель предполагает, что наблюдения $inno_{i1}, \dots, inno_{iT}$ независимо распределены, регрессор t – строго экзогенный, а индивидуальные эффекты регионов φ_i^b имеют пуассоновское распределение с параметром μ_{it} :

$$\Pr(inno_{it} = y | \mu_{it}) = \exp(-\mu_{it}) \mu_{it}^y / y! \quad . \quad (2)$$

где $\mu_{it} = \exp(\beta^b t + \varphi_i^b)$

С точки зрения качества используемых данных важно, что пуассоновская регрессия обеспечивает состоятельную оценку параметров, даже если данные не соответствуют распределению Пуассона (Lukman et al., 2021).

В фокусе нашего интереса – коэффициенты эластичности индикаторов затрат на инновационную деятельность по временному тренду β^a и β^b , интерпретируемые как средняя скорость изменения показателя за период. Важнейшими параметрами при этом являются величина и статистическая значимость коэф-

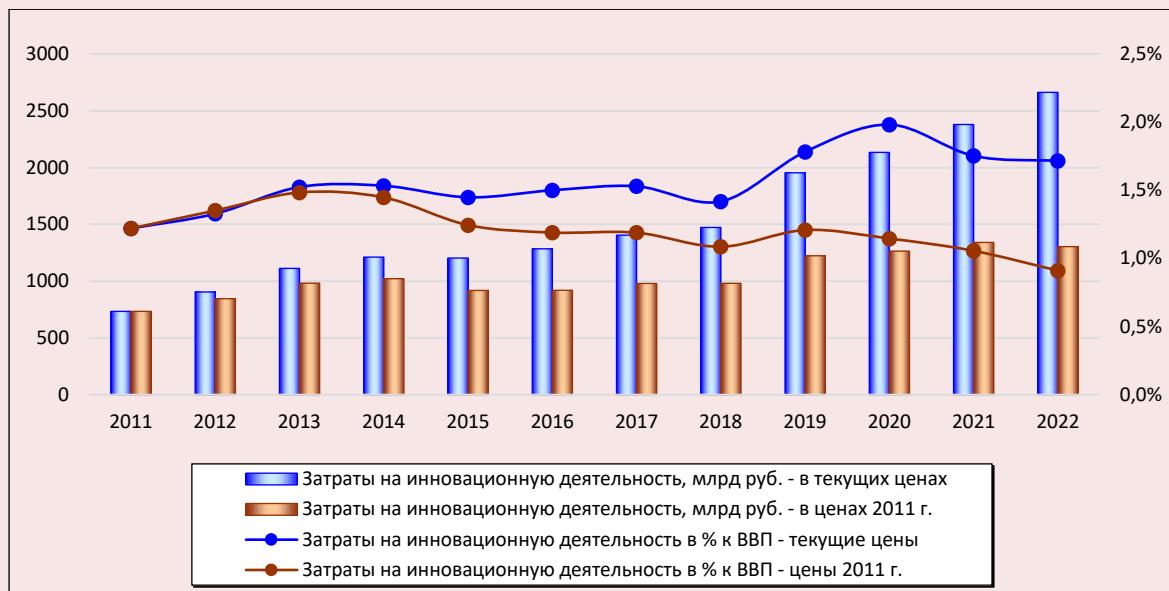
фициентов эластичности. Последняя трактуется как степень согласованности динамики индикатора затрат на инновационную деятельность в рамках группы регионов. Высокая статистическая значимость коэффициентов эластичности по временному тренду означает, что в течение рассматриваемого периода затраты на инновации всех регионов, входящих в группу, в среднем изменялись в одном направлении: увеличивались либо уменьшались. Низкая статистическая значимость β^a и β^b , напротив, свидетельствует о разнонаправленных либо бессистемных тенденциях изменения инновационных затрат в регионах.

Результаты исследования

Затраты на инновационную деятельность в 2011–2022 гг. увеличивались почти исключительно в текущих ценах и главным образом благодаря расширению отраслевого охвата статистического наблюдения (рис. 3). В постоянных ценах 2011 года индикатор увеличился за это время с 733,8 до 1304 млрд руб., т. е. на 77,7%. Лишь в 2011–2014 гг. увеличение индикатора в текущих ценах сопровождалось его увеличением в постоянных ценах 2011 года при неизменном отраслевом охвате; этот небольшой отрезок – единственный период роста инновационной активности российских предприятий. В последующие годы фиксируется стагнация затрат на инновационную деятельность, пересчитанных в сопоставимые цены. В сопоставимом исчислении национальная экономика растёт быстрее затрат на инновации, поэтому их экономический вес в ВВП снижается: с 1,4 до 0,9% в 2014–2022 гг.¹³ Отсюда можно сделать осторожный вывод о снижении «качества» технологической составляющей экономического роста России после 2014 года.

¹³ Рассчитано по: Валовой внутренний продукт (в текущих ценах, млрд. руб.). URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/VVP_god_s_1995-2023.xlsx (дата обращения 01.08.2024); Индексы физического объема валового внутреннего продукта (в процентах к предыдущему году). URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/vvp/vvp-god/tab3.htm (дата обращения 01.08.2024).

Рис. 3. Совокупные затраты на инновационную деятельность в 2011–2022 гг.

Источник: рассчитано автором.

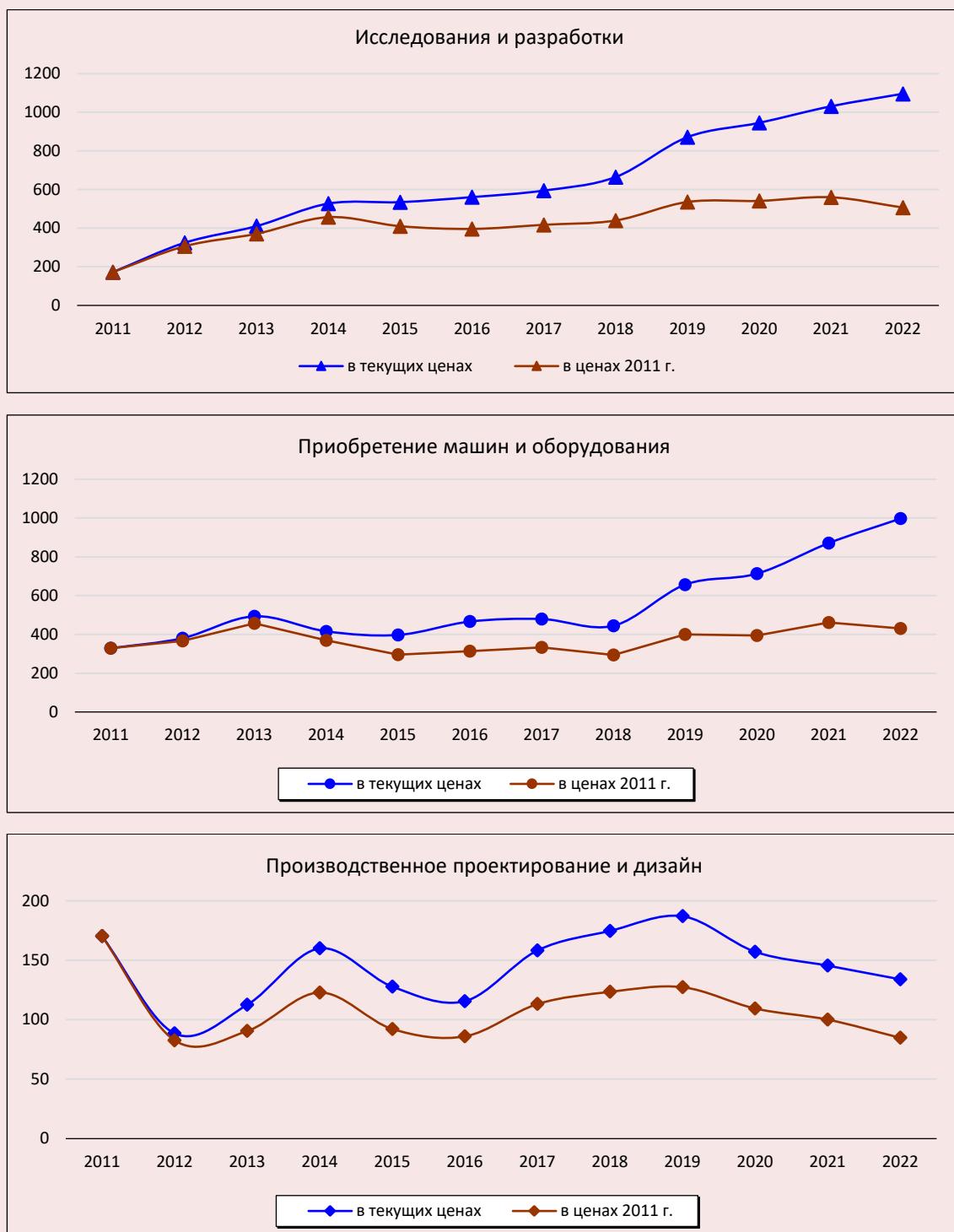
Динамика совокупного показателя определяется тенденциями изменения затрат на исследования и разработки и приобретение машин и оборудования (рис. 4). Последовательный рост в 2011–2014 гг. был связан с увеличением затрат на исследования и разработки, тогда как уровень затрат на приобретение машин и оборудования в сопоставимых ценах с 2014 года снижался, а затем стагнировал. Динамика затрат на производственное проектирование (инжиниринг) и дизайн отличается волнообразными изменениями с пиковыми значениями в 2011, 2014 и 2019 гг. с последующим переходом в нисходящий тренд.

В целом по стране у совокупных затрат на инновационную деятельность в регионах не было внятной динамики ни в 2011–2015, ни в 2016–2018, ни в 2019–2022 гг.: коэффициенты эластичности по временному тренду β^a на полной выборке регионов статистически незначимы во всех периодах (табл. 3).

Последовательный общероссийский рост индикатора в 2011–2015 гг. обеспечивался топ-10 регионами после Москвы¹⁴ (группа I2). Среди групп территорий, выделенных по административному признаку, значимый положительный вклад внесли приволжские регионы (группа А4), где локализовано четыре региона группы I2. В то же время статистически заметный отрицательный тренд в этот период фиксируется в наименее развитых (группа I6) и северо-западных (группа А2) субъектах страны. Таким образом, единственный за весь наблюдаемый период отрезок, когда имел место рост инновационных затрат, содержит в себе серьёзные противоречия на региональном уровне, т. к. последовательное увеличение индикатора осуществлялось лишь в наиболее развитых регионах, в регионах-середняках статистически значимая динамика отсутствовала, а в наименее развитых регионах происходило его последовательное снижение.

¹⁴ В г. Москве уровень затрат на инновационную деятельность стагнировал приблизительно на уровне 160 млрд руб. в 2011–2018 гг., а после существенного расширения отраслевого охвата статистического наблюдения — на уровне 352 млрд руб. в 2019–2022 гг. (в ценах 2011 года).

Рис. 4. Затраты на инновационную деятельность в регионах России по важнейшим направлениям в 2011–2022 гг., млрд руб.

Источник: рассчитано автором.

Таблица 3. Скорость изменения индикаторов затрат на инновационную деятельность по группам регионов в 2011–2022 гг.

Группа регионов	Затраты на инновационную деятельность (1))		Исследования и разработки				Приобретение машин и оборудования				Производственное проектирование и дизайн	
	2011–2015	2016–2018	2019–2022	2011–2015	2016–2018	2019–2022	2011–2015	2016–2018	2019–2022	2011–2015	2016–2018	2019–2022
Россия – Всего	-0.033	0.041	0.016	0.181***	0.054	-0.006	-0.019	-0.036	0.035	-0.098	0.156*	-0.142*
Россия без Москвы	-0.033	0.042	0.016	0.191***	0.095**	-0.061*	-0.019	0.054	0.090	0.071	0.147	-0.112
A1	0.001	-0.125*	0.000	0.290***	-0.025	-0.018	-0.126	0.049	0.047	-0.042	-0.025	0.069
A2	-0.200*	0.057	0.064	0.124***	-0.047***	-0.022***	-0.180**	0.190	-0.100	0.077***	-0.270***	0.219
A3	-0.026	0.062	0.127	0.276***	0.127***	-0.221***	0.156	-0.091	0.030	-0.045	0.319*	0.109*
A4	0.067**	0.095	-0.005	0.102	0.286***	-0.021	0.015	0.082**	0.064	0.203*	0.167	-0.075
A5	-0.050	0.131	-0.057	0.224***	0.110	-0.105**	-0.023	-0.023	0.228*	-0.014	0.278*	-0.109
A6	-0.032	0.072	0.013	0.058	0.034	-0.303	0.130	0.141***	0.258***	-0.171	0.351	0.177*
I2	0.167***	0.080	0.036	0.225***	0.107*	-0.062	0.052	0.045	0.118	0.192**	0.139	-0.076
I3	0.061	0.019	-0.065	0.127***	0.036	-0.140***	-0.058	0.030	0.100	-0.061	0.289*	-0.308
I4	0.008	-0.074	-0.071	0.081***	0.080	-0.042	-0.057	0.005	0.000	-0.053	-0.180***	0.053
I5	-0.089	0.142	0.014	0.056	0.170	0.121	-0.193**	0.241*	-0.005	0.092	0.077	0.197***
I6	-0.164**	-0.002	0.127	0.069	-0.084	0.034	-0.141**	-0.064	0.001	-0.126	-0.072	0.204

* – значимость на уровне 10%;

** – значимость на уровне 5%;

*** – значимость на уровне 1%.

Источник: рассчитано автором.

В 2016–2018 и 2019–2022 гг. в рамках рассматриваемых групп не зафиксировано какой-либо последовательной динамики затрат на инновационную деятельность за исключением отрицательного тренда в центральных регионах (группа А1) в 2016–2018 гг. Таким образом, семилетний период с 2016 по 2022 год в плане инновационного развития, не мыслимого без затрат на инновационную деятельность, предстаёт временем длительной стагнации как в целом по выборке, так и в рамках отдельных групп регионов.

Видовая детализация инновационных затрат показывает, что наибольшая динамичность (наибольшее число статистически значимых коэффициентов эластичности по временному тренду β^b) была присуща затратам на исследования и разработки. В 2011–2015 гг. последовательно увеличивался их объём как в целом по стране, так и в рамках большинства рассматриваемых групп: А1, А2, А3, А5, И1, И2, И3, И4. В 2016–2018 гг. затраты на исследования и разработки начали увеличивать приволжские регионы (группа А4) и продолжили повышать южные (группа А3), а также наиболее развитые регионы (И1 и И2). В то же время началось последовательное снижение индикатора в северо-западных регионах (группа А2). Период 2019–2022 гг. характеризуется значимыми отрицательными тенденциями изменения затрат на исследования и разработки в общестрановой выборке, в группах регионов А2, А3, А5, И3 и положительной в г. Москве.

Здесь обращают на себя внимание три факта. Это, во-первых, отсутствие значимых коэффициентов β^b в рамках всех трёх периодов в регионах Дальнего Востока (группа А6) и двух наименее развитых группах регионов (группы И5 и И6). Во-вторых, резкое снижение числа групп регионов со значимыми положительными коэффициентами β^b в 2016–2018 г.; в разрезе группировки регионов по суммарному объёму инновационных затрат значимая положительная динамика осталась лишь в группе наиболее развитых регионов. В-третьих, исключительно отрицательные статистически значимые коэффициенты β^b в 2019–2022 гг. за исключением г. Москвы.

Указанные факты рисуют специфическую картину развития института корпоративных ис-

следований и разработок в регионах. Последовательный и относительно повсеместный рост затрат на исследования и разработки был возможен лишь в период до санкционного шока 2014–2015 гг. Но даже тогда он не распространялся на самые удалённые (Дальний Восток) и наименее развитые (инновационные затраты до 50 млрд руб. суммарно за 2011–2022 гг.) регионы. В рамках группировки регионов по суммарной величине затрат на инновационную деятельность значения β^b убывали от наиболее развитых групп субъектов РФ к наименее развитым. Начиная с 2016–2018 гг. число групп регионов, последовательно наращивавших объём исследований и разработок, стремительно сокращается, а г. Москва перестаёт вписываться в общероссийские тренды, становясь единственным стабильным исследовательским центром в предпринимательском секторе. Наконец, в 2019–2022 гг., несмотря на существенное расширение отраслевого охвата статистического наблюдения, происходит повсеместный обвал объёма исследований и разработок за исключением г. Москвы.

Пространственные закономерности изменения затрат на приобретение машин и оборудование были во многом противоположны пространственным паттернам затрат на исследования и разработки. Динамика данного вида затрат на общестрановой выборке регионов оставалась неэластичной по временному тренду на протяжении всех трёх периодов. В 2011–2015 гг. значимые отрицательные коэффициенты β^b фиксировались в северо-западных регионах (группа А2), а также в регионах с суммарными за 2011–2022 гг. инновационными затратами до 50 млрд руб. (группы И5 и И6). Таким образом, пока группы И1, И2, И3 и И4 последовательно наращивали затраты на исследования и разработки, в группах И5 и И6 происходило последовательное снижение затрат на приобретение машин и оборудования. В период до санкционного шока наименее развитые регионы были вынуждены снижать интенсивность освоения технологий, в том числе даже за счёт метода эксплуатации, тогда как более развитые регионы наращивали интенсивность освоения технологий методом исследования.

В 2016–2018 гг. происходило последовательное увеличение затрат на приобретение машин

и оборудования в приволжских (группа А4) и дальневосточных (группа А6) регионах, а также в регионах с суммарными за 2011–2022 гг. инновационными затратами в диапазоне от 10 до 50 млрд руб. (группа I5). В 2019–2022 гг. положительная статистическая эластичность по временному тренду отмечается в урало-сибирских (группа А5) и дальневосточных (группа А6) регионах. Таким образом, в период усиливающегося санкционного давления именно территории Дальнего Востока, лишённые возможности последовательно наращивать объёмы исследований и разработок (т. е. осваивать новые технологии методом исследования), наиболее последовательно увеличивали интенсивность освоения новых технологий, воплощённых в новой технике, методом эксплуатации. Со временем этот процесс усиливается, о чём свидетельствует заметное увеличение коэффициента β^b дальневосточных регионов в 2019–2022 гг. по сравнению с 2016–2018 гг.

Снижение экономического веса затрат на производственное проектирование (инжиниринг) и дизайн в 2011–2022 гг. сопровождалось их переносом из наиболее развитых регионов в наименее развитые. Так, если в 2011–2015 гг. последовательное увеличение инновационных затрат данного вида зафиксировано в регионах группы I2, то в 2016–2018 гг. – в регионах группы I3, а в 2019–2022 гг. – в регионах группы I5. Отметим, что данный результат является наименее достоверным по причине того, что затраты на производственное проектирование (инжиниринг) и дизайн характеризуются наибольшим размахом колебаний, числом восстановленных данных и нулей в выборке (см. табл. 1, 2).

Заключение

В ходе исследования автор стремился ответить на простой вопрос: какова сравнительная динамика затрат на инновационную деятельность в пространстве регионов страны, в том числе в разрезе важнейших видов затрат на инновации. Индивидуальные траектории инновационного развития регионов прерываются статистическими выбросами большой амплитуды, нулевыми значениями индикаторов и скрываемыми Росстатом наблюдениями. Это делает их частный анализ малопродуктивным,

избыточно трудоёмким и нерепрезентативным. Автором предложена методика, включающая сравнительный анализ пространственной динамики стоимостных индикаторов инноваций на основе подбора ценовых дефляторов, административной и экономической группировки регионов, а также расчёт эластичности по временному тренду, в том числе в рамках пуассонской модели.

Недостатками предложенной методики выступают жёсткие временные рамки периодизации, произвол в использовании ценовых дефляторов, априорная группировка регионов и, вероятно, ограниченное внимание к траекториям инновационного развития отдельных территорий. Указанные недостатки определяют потенциал будущих исследований. Вместе с тем результаты работы дают возможность увидеть больше неочевидных фактов о динамике и видовой структуре затрат на инновационную деятельность в регионах России в 2011–2022 гг.

Затраты на инновационную деятельность в сопоставимых ценах, как совокупные, так и в разрезе важнейших направлений, обнаруживали наиболее последовательную динамику в период, когда санкционный шок 2014–2015 гг. не оказывал системного эффекта на экономику. Затраты на исследования и разработки (освоение новых технологий методом исследования) в этот период последовательно увеличивались, а затраты на приобретение машин и оборудования (освоение новых технологий методом эксплуатации) – последовательно снижались. Период с 2016 по 2022 год, когда санкции, по-видимому, вошли в полную силу, предстаёт депрессивным временем поиска новых конфигураций инновационного развития, что в свете предложенной методики выражается как отсутствие последовательной динамики затрат на инновации в большинстве регионов. В том числе динамика затрат на исследования и разработки в этот период оставалась устойчиво положительной только в Москве, в то время как в северо-западных, южных и урало-сибирских регионах она стала устойчиво отрицательной.

Доступ регионов к новым технологиям и возможности по их генерации неодинаковы. Прослеживается связь между пространственной и видовой структурами инноваций в эко-

номике страны, но эта связь меняет свои функциональные формы в зависимости от периода и силы санкционного давления. Так, в 2011–2015 гг. последовательное наращивание затрат на исследования и разработки происходило в наиболее развитых группах регионов, причём пропорционально величине суммарных за 2011–2022 гг. инновационных затрат. В наименее развитых регионах в это время последовательно снижались затраты на приобретение машин и оборудования, т. е. эти территории не могли себе позволить даже наиболее простой способ освоения технологий посредством эксплуатации существующих. В периоды усиленного санкционного давления 2016–2018 и 2019–2022 гг. последовательное наращивание наиболее простых форм освоения технологий –

приобретения машин и оборудования в сочетании с производственным проектированием (инжинирингом) и дизайном – осуществлялось вдали от крупных столичных центров науки и инноваций: на Дальнем Востоке, а также в наименее развитых регионах.

Научное значение полученных результатов связано с перенесением дискуссии о сравнительной экономической значимости различных способов освоения новых технологий на российскую почву и уточнением закономерностей пространственной динамики инноваций различных видов в регионах страны на современном этапе развития. В практическом плане результаты могут быть использованы для совершенствования федеральной и региональной инновационной политики.

Литература

- Голова И.М. (2024). Согласование региональных инновационных процессов с приоритетом обеспечения технико-технологической конкурентоспособности РФ // Экономика региона. Т. 20. № 1. С. 63–75. DOI: 10.17059/ekon.reg.2024-1-5
- Дементьев В.Е. (2024). О способности регионов адаптироваться к разным внешним шокам // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 3. С. 36–49. DOI: 10.15838/esc.2024.3.93.2
- Домнич Е.Л. (2022). Инновации как фактор изменения производительности предприятий: проблемы измерения и интерпретации // Пространственная экономика. № 4. С. 93–127. DOI: 10.14530/se.2022.4.093-127
- Домнич Е.Л. (2018). Региональные и отраслевые пропорции технологических инноваций в промышленности России // Регионалистика. Т. 5. № 1. С. 41–58. DOI: 10.14530/reg.2018.1.41
- Медяник Ю.В. (2017). Рынок инжиниринговых услуг в России: проблемы и перспективы развития // Российское предпринимательство. Т. 18. № 24. С. 4221–4234. DOI: 10.18334/tp.18.24.38595
- Терещенко Д.С. (2024). Межрегиональные эффекты инноваций в России: анализ с позиций байесовского подхода // Пространственная экономика. Т. 20. № 1. С. 125–143. DOI: 10.14530/se.2024.1.125-143
- Шорохова И.С. (2024). Методический подход к оценке влияния эффектов концентрации на инновационное развитие регионов России // Проблемы развития территории. Т. 28. № 1. С. 42–60. DOI: 10.15838/ptd.2024.1.129.4
- Charyton C. (2015). Creative Engineering Design: The Meaning of Creativity and Innovation in Engineering. In: Charyton C. (eds.) *Creativity and Innovation Among Science and Art*. Springer, London. DOI: 10.1007/978-1-4471-6624-5_7
- Cho Y. (2020). The Effects of Knowledge Assets and Path Dependence in Innovations on Firm Value in the Korean Semiconductor Industry. *Sustainability*, 12(2319). DOI: 10.3390/su12062319.
- Clauss T., Kraus S., Kallinger F.L., Bican P.M., Brem A., Kailer, N. (2020). Organizational ambidexterity and competitive advantage: The role of strategic agility in the exploration-exploitation paradox. *Journal of Innovation & Knowledge*, 6(4). DOI: 10.1016/j.jik.2020.07.003
- Edwards-Schachter M. (2018). The nature and variety of innovation. *International Journal of Innovation Studies*, 2(2), 65–19. DOI: 10.1016/j.ijis.2018.08.004
- Gershman M., Thurner T.W., Chudaeva M. (2020). Industrial design for economic growth: Russia's efforts to improve its manufacturing sector. *Creative Industries Journal*, 13(3), 244–258. DOI: 10.1080/17510694.2019.1707520

- Huber P.J. (1967). The behavior of maximum likelihood estimates under nonstandard conditions. In: *Proceedings of the Fifth Berkeley Symposium on Mathematical Statistics and Probability*. Berkeley, CA: University of California Press, 1, 221–233.
- Johnson P.C., Laurell C., Ots M., Sandström C. (2022). Digital innovation and the effects of artificial intelligence on firms' research and development – Automation or augmentation, exploration or exploitation? *Technological Forecasting and Social Change*, 179(121636). DOI: 10.1016/j.techfore.2022.121636.
- Lennerts S., Schulze A., Tomczak T. (2019). The asymmetric effects of exploitation and exploration on radical and incremental innovation performance: An uneven affair. *European Management Journal*, 38(1), 121–134. DOI: 10.1016/j.emj.2019.06.002
- Li P., Liu H., Li Y., Wang H. (2023). Exploration–Exploitation Duality with Both Tradeoff and Synergy: The Curvilinear Interaction Effects of Learning Modes on Innovation Types. *Management and Organization Review*, 19(3), 498–532. DOI: 10.1017/mor.2022.49
- Lukman A.F., Adewuyi E., Måansson K., Kibria B.S.G. (2021). A new estimator for the multicollinear Poisson regression model: simulation and application. *Scientific Reports*, 11(3732). DOI: 10.1038/s41598-021-82582-w
- Mahmood T., Mubarik M. S. (2020). Balancing innovation and exploitation in the fourth industrial revolution: Role of intellectual capital and technology absorptive capacity. *Technological Forecasting and Social Change*, 160(1):120248. DOI: 10.1016/j.techfore.2020.120248
- Schumpeter J. (1934). *The Theory of Economic Development*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Wen J., Qualls W.J., Zeng D. (2020). To explore or exploit: The influence of inter-firm R&D network diversity and structural holes on innovation outcomes. *Technovation*, 100(3):102178. DOI: 10.1016/j.technovation.2020.102178
- White H. (1980). A heteroskedasticity-consistent covariance matrix estimator and a direct test for heteroskedasticity. *Econometrica*, 48, 817–830. DOI: 10.2307/1912934

Сведения об авторе

Егор Леонидович Домнич – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономических исследований, ДВО РАН (Российская Федерация, 680042, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 153, e-mail: chaorsraven@yandex.ru)

Domnich Ye.L.

The Specific Structure and Regional Proportions of Innovation Costs in the Russian Economy

Abstract. The most important choice of a company in the implementation of innovative activities is the decision on the method of mastering new technologies. There is a distinction, first of all, between the development of technologies through their research and through their operation. The assessment of the ratio of these two methods of technology development in the economy of Russian regions has significant research potential. The study implements a methodology for comparative analysis of the spatial dynamics of various types of innovation activities, which allows overcoming the methodological limitations of official statistics. The coefficients of elasticity according to the time trend for the total costs of innovation activities, including research and development costs, costs for the purchase of machinery and equipment, and costs for industrial design (engineering) and design by groups of regions of Russia in 2011–2015, 2016–2018 and 2019–2022 were obtained. The results of the study detail the trends in the innovative development of groups of regions in 2011–2022 with a specification of the dynamics in the pre–sanctions and sanctions periods. It has been established that the systematic development of technologies through their research was carried out mainly in the pre-sanctions period and only in the most developed regions. During the period of increasing sanctions pressure, research and development are localized in metropolitan centers, and remote and underdeveloped regions begin to systematically master new technologies through the

purchase of machinery and equipment, as well as industrial design (engineering) and design. The system of econometric estimates obtained in the study, which takes into account both the economic specifics of innovations and the methodological problems of their statistical accounting, made it possible to specify the role of the most important ways of mastering new technologies in the country's regions within the framework of the pre-sanctions and sanctions periods.

Key words: innovations, research and development, purchase of machinery and equipment, engineering, regions of Russia, sanctions shock, official statistics.

Information about the Author

Yegor L. Domnich – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Economic Research Institute FEB RAS (153, Tikhookeanskaya Street, Khabarovsk, 680042, Russian Federation; e-mail: chaosraven@yandex.ru)

Статья поступила 16.08.2024.

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

DOI: 10.15838/esc.2024.5.95.8

УДК 332.05, ББК 65.042

© Прокопьев Е.А., Курило А.Е., Губина О.В., Шлапеко Е.А.

Методика оценки цифрового разрыва на основе индекса вовлечённости «ВКонтакте»

Егор Александрович ПРОКОПЬЕВ

Институт экономики КарНЦ РАН
Петрозаводск, Российская Федерация
e-mail: e_prokopiev@mail.ru
ORCID: 0000-0002-3350-3726; ResearcherID: J-4683-2018

Анна Евгеньевна КУРИЛО

Институт экономики КарНЦ РАН
Петрозаводск, Российская Федерация
e-mail: akurilo@mail.ru
ORCID: 0000-0002-7222-7832; ResearcherID: S-7213-2019

Ольга Владимировна ГУБИНА
Институт экономики КарНЦ РАН
Петрозаводск, Российская Федерация
Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики
имени академика Н.П. Лаверова РАН
Архангельск, Российская Федерация
e-mail: welcomeforyou@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-3678-3911; ResearcherID: W-2104-2017

Екатерина Андреевна ШЛАПЕКО

Институт экономики КарНЦ РАН
Петрозаводск, Российская Федерация
e-mail: shlapeko_kate@mail.ru
ORCID: 0000-0003-3518-4543; ResearcherID: L-8234-2017

Для цитирования: Прокопьев Е.А., Курило А.Е., Губина О.В., Шлапеко Е.А. (2024). Методика оценки цифрового разрыва на основе индекса вовлечённости «ВКонтакте» // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 5. С. 151–168. DOI: 10.15838/esc.2024.5.95.8

For citation: Prokopyev E.A., Kurilo A.E., Gubina O.V., Shlapeko E.A. (2024). Technique for assessing the digital divide based on the engagement index on VKontakte social media platform. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 17(5), 151–168. DOI: 10.15838/esc.2024.5.95.8

Аннотация. В современном обществе социальные медиа стали одним из основных источников информации. Администрации многих муниципальных образований начали работать в них с населением после закрепления данного требования в отечественном законодательстве в декабре 2022 года. Без вовлечения населения в официальную информационную повестку невозможно выстроить конструктивный диалог для выявления и решения местных проблем. В силу наличия опыта, навыков интернет-общения, времени муниципалитеты справляются с этой задачей с разной степенью эффективности, что свидетельствует о наличии цифрового разрыва. Целью исследования является разработка методики измерения цифрового разрыва в рамках практики работы местных администраций в социальных медиа на примере социальной сети «ВКонтакте». Для этого выявлены официальные страницы муниципалитетов в сети «ВКонтакте», рассчитаны индексы вовлечённости, с помощью регрессионного моделирования проверено влияние на их величину как социально-экономических, так и иных факторов, методом кластерного анализа проведена группировка муниципалитетов по индексу вовлеченности. Исследование охватывает 615 поселений, 198 районов и округов Северо-Западного федерального округа за период с 2017 по 2022 год. Результаты исследования свидетельствуют о том, что использование индекса вовлечённости для измерения цифрового разрыва целесообразно только внутри референтных групп. Доказано, что на величину индекса вовлечённости отрицательно влияют численность населения, срок существования группы, близость регионального центра и уровень средних заработных плат. Определено, что наибольшая величина цифрового разрыва характерна для группы поселений с численностью населения менее 4,1 тыс. человек. Предложенная методика оценки цифрового разрыва может быть использована органами, ответственными за информационную политику, для оценки эффективности работы местных администраций в социальных медиа, формирования дифференцированной системы целевых показателей, поиска лучших практик и пресечения искусственных способов завышения уровня вовлечённости.

Ключевые слова: социальные медиа, ВКонтакте, индекс вовлечённости, цифровой разрыв, муниципальные образования, поселения.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00685, <https://rscf.ru/project/23-28-00685/>.

Введение

До недавнего времени муниципальные образования в России создавали официальные учётные записи (группы, страницы или сообщества) в социальных медиа по мере необходимости. Из-за высокой активности граждан в социальных сетях по поводу локальных проблем местные администрации были вынуждены регистрировать свои официальные сообщества для перехвата информационной повестки у стихийно сложившихся территориальных пабликсов (Дементьева, 2021) и перевода диалога с населением в конструктивное русло. Увеличение значимости социальных медиа в процессе коммуникации с гражданами привело органы государственной власти к необходимости институционализировать отношения с владельцами этих ресурсов. С первого декабря 2022 года наличие официальной страницы в

социальных медиа (госпаблик) для муниципальных образований стало обязательным. Для этих целей разрешено использовать только социальные сети «ВКонтакте» (ВК) и «Одноклассники», поскольку они находятся в российской юрисдикции. На указанных площадках для идентификации госпабликов появилась специальная отметка «Госорганизация».

Внедрение социальных медиа в работу органов власти по всему миру (Hofmann et al., 2013; Larsson, 2013; Lovari, Parisi, 2015) послужило ответом на запрос миллионов жителей, для которых социальные сети и мессенджеры стали привычным и удобным способом коммуникации. Изначально социальные медиа не были предназначены для государственных нужд, но их использование в работе местных администраций быстро выявило ряд преимуществ

над традиционными способами коммуникации: низкая стоимость; стремительное массовое принятие; простота использования и скорость передачи (Reddick, Norris, 2013). Кроме того, госпаблики провоцируют дискуссии и объединяют граждан для решения местных проблем (Дементьева, 2021). Впрочем, взаимодействие с жителями посредством социальных медиа не лишено недостатков. Во-первых, госслужащие становятся доступны для запросов 24 часа семь дней в неделю, и граждане ожидают от них быстрого ответа (Zavattaro, Sementelli, 2014). Во-вторых, мнимая анонимность, присущая социальным медиа, способствует появлению грубости со стороны местных жителей в адрес властей и соседей, что выступает сильным демотивирующим фактором для работников администраций в сфере использования социальных медиа. Пожалуй, основная проблема, выявленная на ранних стадиях внедрения социальных медиа, заключалась в том, что местные власти, используя социальные медиа, не понимали своих затрат времени и ресурсов в этом процессе. Они не знали, кто их настоящая аудитория, кто в их организации должен контролировать коммуникационный процесс, как и когда они должны отвечать и какое влияние их общение в социальных медиа оказывает на местных жителей (Kavanaugh et al., 2012).

С перечисленными проблемами столкнулись и отечественные органы власти, вынужденные встраивать социальные медиа в рабочие процессы. Хотя некоторые муниципальные госпаблики к декабрю 2022 года существовали уже более десяти лет, у значительного количества муниципалитетов подобный опыт отсутствовал или был очень мал. В связи с этим Э.Н. Рычихина и А.М. Боровикова указывают в качестве проблем отечественных госпабликов низкую долю вовлечённости граждан, наличие плагиата и слабую обратную связь (Рычихина, Боровикова, 2023). Единых правил, инструкций, как вести подобную страницу, не было, а методические рекомендации ЦУРа¹ по наполнению информацией муниципального гос-

паблика появились только весной 2024 года². Нельзя оставить без внимания и то, что на специалистов ЦУРа единомоментно легла очень большая нагрузка, так как помимо муниципалитетов госпаблики необходимо было создать многим подведомственным учреждениям. И если госпаблики районов и округов с 2020 года были под присмотром региональных ЦУРов и алгоритмы их ведения более-менее отработаны, то с поселениями такая системная работа не велась. В результате существующая разница в опыте организации работы в социальных сетях приводит к появлению цифрового разрыва в данной сфере.

В условиях обязательного присутствия в социальных медиа увеличение цифрового разрыва будет снижать общую эффективность работы отстающих местных администраций, поскольку они зачастую самостоятельно не способны соответствовать уровню наиболее опытных коллег и вынуждены тратить большее количество времени на решение этой задачи. Ещё одним проявлением данной проблемы становится формальное отношение к ведению госпабликов для экономии времени, когда главное – выполнить отчётные показатели, а пути их достижения становятся не важны. Такой подход не способствует ни росту доверия населения, ни желанию вести диалог и совместно с органами власти заниматься локальными вопросами. Другая немаловажная проблема, решение которой необходимо для преодоления цифрового разрыва, – это определение критериев оценки эффективности работы муниципалитета в социальных медиа. Интуитивно понятно, что невозможно в рамках единой шкалы сравнивать региональный центр, где местная администрация может насчитывать несколько сотен человек и ведение госпаблика находится в зоне ответственности целого отдела, и сельское поселение, где его глава является единственным работником администрации, решающим все возникающие вопросы. В указанных муниципальных образованиях интенсивность происходящих событий и количество освещающих их сообщений в социальных медиа будут разными. Соответственно, при установке нормативов и правил по ведению муниципальных госпабликов со стороны

¹ Центр управления регионом существует в каждом субъекте РФ для отслеживания жалоб населения в социальных медиа и оперативного доведения полученной информации до профильных ведомств и ответственных органов власти.

² В них приводятся практика и примеры только из крупных муниципальных образований.

профильных государственных структур, отвечающих за информационную политику, необходимо отталкиваться от сложившейся практики и объективных возможностей муниципалитетов по вовлечению населения в онлайн-диалог. В связи с этим высокую актуальность и большую практическую ценность обретают исследования, направленные на поиск путей сокращения цифрового разрыва за счёт внедрения не универсальных, а подходящих для каждого типа муниципальных образований эффективных способов присутствия в социальных медиа. Поэтому в рамках статьи поставлена цель разработать методику измерения цифрового разрыва в работе муниципальных образований в социальных медиа на примере социальной сети ВК. Для достижения цели необходимо решить следующие задачи: 1) определить уровень вовлечённости граждан в госпабликах; 2) выявить социально-экономические показатели муниципальных образований, влияющие на уровень вовлечённости; 3) сгруппировать муниципальные образования по выявленным факторам и провести ранжирование вовлечённости по группам; 4) определить параметры цифрового разрыва внутри полученных групп и критерии его снижения.

Обзор литературы

Социальные медиа собирают множество количественных метрик, фиксирующих активность пользователей. Комбинируя эти метрики, руководство социальных медиа получает информацию об уровне вовлечённости своих пользователей. В зависимости от платформы (Triantafyllidou et al., 2016; Trunfio, Rossi, 2021) и задач (Larsson, 2013; Agostino, Arnaboldi, 2016; Ravenda et al., 2022) сочетание используемых для оценки вовлечённости метрик изменяется. Стандартными общедоступными показателями являются: 1) количество опубликованных сообщений (*posts*); 2) количество реакций (*likes*); 3) количество комментариев (*comments*); 4) количество вторичных публикаций-сообщений (*reposts*); 5) количество реакций на комментарии (*com_likes*); 6) количество просмотров (*views*); 7) количество подписчиков (*fans*).

В зарубежных работах (Agostino, Arnaboldi, 2016; Levkov, 2017; Bonsón et al., 2019; Silva et al., 2019) для оценки уровня вовлечённости населения на официальных страницах органов власти в социальных медиа наибольшее распространение

получил трёхсоставной индекс, предложенный E. Bonsón и M. Ratkai (Bonsón, Ratkai, 2013) (формула 1). Этот индекс показывает среднее количество действий на одно сообщение на стене группы, приходящихся на тысячу подписчиков.

$$INDEX_{BR} = \frac{(likes + comments + reposts)}{posts \times fans} \times 1000 \quad (1)$$

Несомненным достоинством данного индекса является учёт и публикационной активности администрации группы (*posts*), и охвата аудитории (*fans*), поскольку оба этих фактора оказывают влияние на количество комментариев, реакций и копирований сообщений. В некоторых работах (Haro-de-Rosario et al., 2018; Gálvez-Rodríguez et al., 2018) в качестве улучшения данного индекса предлагается вместо количества подписчиков использовать отношение количества подписчиков к численности муниципального образования. На наш взгляд, это усложняет его интерпретацию и дальнейший анализ эффективности сложившейся практики взаимодействия, так как при прочих равных условиях группы с маленькой долей подписчиков относительно численности населения будут показывать более высокие значения вовлечённости.

В отечественных исследованиях по данной тематике индексы вовлечённости применялись для аудита коммуникации глав российских регионов (Филатова, 2020) и оценки эффективности официальных страниц в ВК следующих городов: 1) семи административных центров регионов Центрального федерального округа (Рослякова, 2023); 2) 170 городов с численностью свыше 100 тыс. человек³ (Петров, Шитова, 2023). И если М.В. Рослякова в своей работе (Рослякова, 2023) придерживалась подхода к оценке вовлечённости, предложенного E. Bonsón, то О.Г. Филатова разработала свой индекс вовлечённости (Филатова, 2020):

$$INDEX_F = \frac{posts}{(fans / (\overline{likes} + \overline{comments} + \overline{reposts}))}, \quad (2)$$

где \overline{likes} – среднее значение по *likes* на один *post*; $\overline{comments}$ – среднее значение *comments* на один *post*; $\overline{reposts}$ – среднее значение *reposts* на один *post*.

³ Для оценки вовлечённости используется показатель ER_Post. Формула его расчёта в работе не приведена.

Однако, если уйти от средних значений, то формулу (2) можно упростить и свести к сумме количества комментариев, реакций и копирований сообщений, приходящихся на одного подписчика.

В перечисленных исследованиях индекс вовлечённости рассчитывался только по пространственным выборкам. В схожих работах, оценивающих активность местных администраций в социальных медиа (Guillamón et al., 2016; Faber et al., 2020; Stone et al., 2022) или изучающих факторы, способствующие наличию официальных учётных записей местных органов управления (Triantafyllidou et al., 2016; Stone, Can, 2021; Bhatia, Mabillard, 2022), также используются пространственные выборки. Можно отметить только несколько работ (Mabillard et al., 2024; Karamagioli et al., 2022; Ravenda et al., 2022), отслеживающих данные процессы в динамике.

Для объяснения получившихся значений уровня вовлечённости населения, активности местной администрации и наличия или отсутствия официальной страницы в одном или нескольких социальных медиа исследователи проверяли влияние множества факторов. В первую очередь рассматривались характеристики населения: численность; возраст (средний возраст (Ravenda et al., 2022), медианный возраст (Mabillard et al., 2024)); доля людей от 20 до 65 лет и доля людей старше 65 лет (Faber et al., 2020); доля людей с высшим образованием (Faber et al., 2020; Stone et al., 2022); а также уровень их доходов (медианный доход (Stone, Can, 2021; Mabillard et al., 2024), доходы на душу населения (Guillamón et al., 2016; Gálvez-Rodríguez et al., 2018; Ravenda et al., 2022), покупательная способность на душу населения (Silva et al., 2019)). Исследования показывают, что чем выше численность населения, тем больше активность местных властей в социальных сетях (Guillamón et al., 2016; Silva et al., 2019), и тем ниже уровень вовлечённости населения (Silva et al., 2019). Высокая плотность событий, характерная для густонаселённых муниципальных образований, приводит к большому количеству публикаций, которые жители не в состоянии воспринимать из-за информаци-

онной перегрузки (Agostino, Arnaboldi, 2016). В некоторых исследованиях (Stone et al., 2022) фактор доходов населения оказывается незначимым. В ряде работ влияние данного показателя на активность муниципалитетов, измеряемое количеством сообщений, получается как с отрицательным знаком (Guillamón et al., 2016), что не согласуется с результатами предыдущих исследований, так и с положительным (Silva et al., 2019). Возможно, в этих случаях сказываются национальные особенности. Если более богатые и благополучные муниципалитеты чаще публикуют сообщения, то в силу информационной перегрузки реакций на них будет меньше, следовательно, индекс вовлечённости будет снижаться.

Помимо характеристик населения оценивался разнообразный пласт финансовых показателей муниципалитета: доходы бюджета (Bhatia, Mabillard, 2022); доля бюджетной обеспеченности (Stone, Can, 2021; Ravenda et al., 2022); доля налоговых доходов в общих доходах (Silva et al., 2019); финансовая устойчивость; налогооблагаемая база и коэффициент задолженности (Guillamón et al., 2016). Большое внимание в работах было уделено политической составляющей: явка на выборах (Triantafyllidou et al., 2016; Silva et al., 2019; Faber et al., 2020); политическая идеология – приверженность населения правым или левым партиям (Larsson, 2013; Faber et al., 2020); накал выборной борьбы – разница в процентах голосов между победителем и вторым местом (Silva et al., 2019; Ravenda et al., 2022); персональные характеристики мэра: пол (Guillamón et al., 2016; Mabillard et al., 2024), партийная принадлежность (Silva et al., 2019), возраст и уровень образования (Ravenda et al., 2022). На данных по муниципалитетам в Португалии было показано: чем моложе мэр, тем выше его активность в социальных медиа (Silva et al., 2019). Возраст, пол и уровень образования являются значимыми факторами, определяющими частоту публикации сообщений по конкретным темам (Ravenda et al., 2022). В других исследованиях по активности муниципальных властей пол и уровень образования мэра оказались статистически не значимыми (Guillamón et al., 2016; Mabillard et al., 2024). Российские исследования аудитории

в ВК свидетельствуют, что женщины проявляют большую активность (например, чаще ставят отметки «нравится»⁴), чем мужчины (Корниенко и др., 2021). Поэтому можно ожидать, что в муниципалитетах, возглавляемых женщинами, количество сообщений будет выше.

Метрики, характеризующие уровень использования сети Интернет, в исследованиях встречаются редко. В нескольких работах (Triantafillidou et al., 2016; Bonsón et al., 2017) учитывается количество пользователей сети Интернет и доля пользователей услуг электронного правительства. В работе (Bonsón et al., 2017) рассматривается доля населения, зарегистрированная в социальных медиа. В. Faber, T. Budding и R. Gradus использовали показатель количества ИКТ-предприятий на 1000 жителей (Faber et al., 2020), а A.O. Larsson – наличие широкополосного интернета (Larsson, 2013). Однако только в двух работах оценивалась связь уровня вовлечённости жителей и опыта работы местных администраций в социальных медиа. С одной стороны, длительный срок ведения официальной страницы не приводит к росту числа комментариев от граждан (Gálvez-Rodríguez et al., 2018), с другой – чем больше существует группа, тем больше у неё подписчиков и сообщений на стене в месяц (Mabillard et al., 2024).

Обзор существующей научной литературы по использованию социальных медиа для нужд местных администраций показал, что исследования по оценке уровня вовлечённости в динамике не проводились. Кроме того, учёные обычно фокусировали внимание на отдельных категориях муниципальных образований, задавая нижнюю и верхнюю границы группы по численности населения. Сплошные обследования муниципалитетов (Silva et al., 2019) достаточно редки. В отечественной практике в качестве объекта исследования рассматривались только города (Рослякова, 2023; Петров, Шитова, 2023), а оценивание связи социально-экономических факторов с уровнем вовлечённости населения не осуществлялось. Отличием нашего исследования является практически сто-

процентный охват российских муниципальных образований на территории всего федерального округа⁵ как на районном, так и на поселенческом уровне, а также оценка влияния социально-экономических показателей муниципалитета и персональных характеристик его главы на уровень вовлечённости населения в госпабликах. Кроме того, сам уровень вовлечённости представлен в динамике за шесть лет⁶. Нам не удалось найти исследований, в которых бы использовались показатели социальных медиа для измерения цифрового разрыва в сфере муниципального и государственного управления. Всё вышеперечисленное формирует новизну представленного исследования.

Данные и методы

В общем виде алгоритм исследования представляет серию последовательных этапов: 1) формирование списка госпабликов муниципальных образований в ВК; 2) сбор статистики ВК по госпабликам; 3) расчёт индексов вовлечённости; 4) сбор показателей по муниципальным образованиям, потенциально влияющих на индекс вовлечённости; 5) проверка значимости данных показателей с помощью методов регрессионного анализа; 6) классификация муниципальных образований на группы по значимым показателям методом кластерного анализа; 7) классификация муниципальных образований внутри кластерных групп на квартили по индексу вовлечённости; 8) определение целевых ориентиров по индексу вовлечённости для выявления референтных муниципальных образований в целях тиражирования успешного опыта ведения социальных медиа.

Большинство местных администраций Северо-Западного федерального округа (СЗФО) присутствуют только в одной отечественной социальной сети – ВК. «Одноклассники» используются как дублирующая страница: эта практика характерна для районного (окружного) уровня и почти не встречается на поселенческом. Поэтому объектом исследования были выбраны госпаблики местных администраций СЗФО с отметкой «госорганизация»

⁴ Лайкам все возрасты покорны. URL: <https://vk.com/company/ru/press/releases/11417/> (дата обращения 10.10.2023).

⁵ За исключением города федерального значения Санкт-Петербурга.

⁶ Максимально возможный срок, по которому можно провести его расчёты согласно используемой методике.

в ВК. В результате поисковых запросов в ВК и Яндекс⁷ отобрано 198 госпаблик муниципальных районов (округов) и городских округов и 615 госпаблик поселений (территориальных отделов и управлений⁸). Остальные муниципалитеты СЗФО⁹ либо не имели официальных страниц, либо не успели получить отметку «госорганизация». Временные границы исследования (с 2017 по 2022 год) обусловлены наличием данных, необходимых для расчёта индекса вовлечённости.

Статистика по госпабликам получена при помощи сервиса TargetHunter: были собраны сообщения со стены группы (*posts*) и комментарии к ним (*comments*). Выгрузка сообщений со стены группы (*posts*) представлена таблицей с перечнем этих сообщений, временем и датой их публикации, количеством просмотров (*views*), количеством реакций (*likes*), количеством вторичных публикаций сообщений (*reposts*). Аналогичная таблица есть и по комментариям (*comments*). Из неё был взят показатель количество реакций на комментарии (*com_likes*). Среди указанных показателей только количество просмотров (*views*) имеет временные ограничения для сбора: данный показатель появился только в 2017 году. Всего за исследуемый период было собрано более 1,82 млн сообщений и 1,64 млн комментариев к ним.

Для определения уровня вовлечённости за основу взят оригинальный индекс, разработанный E. Bonsón и M. Ratkai (формула 1). Для наших расчётов он был модернизирован: вместо количества подписчиков (*fans*) использовалось количество просмотров (*views*) (формула 3).

Это обусловлено несколькими причинами. Во-первых, возможности ретроспективного сбора количества подписчиков существенно ограничены¹⁰. Во-вторых, количество подписчиков является более значимой метрикой для закрытых групп, где только подписавшиеся участники видят сообщения на стене группы и могут проявлять свою активность, в то время как в открытых группах, к которым относятся госпаблики, эту активность могут проявлять все пользователи ВК. В результате получившийся индекс показывает среднее количество действий на одно сообщение на стене группы, приходящихся на 100 тысяч просмотров.

$$INDEX_v = \frac{(likes + comments + com_likes + reposts)}{posts \times views} \times 100\ 000 \quad (3)$$

На наш взгляд, при измерении цифрового разрыва необходимо сравнивать муниципальные образования в рамках «весовых категорий», которые определяются состоянием их социально-экономического развития. Несомненно, что на уровень вовлечённости граждан может оказывать влияние большой набор переменных. В отличие от параметров, связанных с тематическим содержанием сообщений и персональными особенностями главы муниципалитета, показатели социально-экономического развития быстро и кардинально изменить не получится. Особенностью нашей работы является исследование цифрового разрыва и действующих на него факторов одновременно на районном (окружном) и поселенческом уровнях.

⁷ Например, «администрация поселения X в ВК», «официальная группа поселения X в ВК».

⁸ В результате преобразования муниципальных районов в муниципальные округа поселения, входящие в районы, были ликвидированы, а на их месте появились территориальные отделы или управлений.

⁹ Муниципальные образования г. Санкт-Петербурга не рассматривались.

¹⁰ Точное их число можно получить только на саму дату сбора данных. В используемом для выгрузки статистических данных из ВК сервисе TargetHunter с 2017 г. есть опция по сбору новых подписчиков, вступивших в группу за конкретный период, но отсутствует опция по сбору пользователей, отписавшихся от группы. Без данного показателя попытка подсчитать количество подписчиков за предыдущие годы представляется беспersпективной. Предварительные подсчёты показали, что кумулятивная сумма новых подписчиков в группе по годам может превышать их итоговое значение по факту. Кроме того, если для групп, появившихся в период с 2017 по 2022 г., можно приблизительно рассчитать количество подписчиков через пропорцию от вступивших в группу за конкретный год, то для групп, созданных ранее 2017 г., такой метод неприменим.

¹¹ Оба показателя взяты из базы данных Росстата «Показатели муниципальных образований».

Поскольку уровень поселений в официальной статистике представлен слабо, мы были вынуждены сузить перечень проверяемых социально-экономических показателей. За выбранные годы нам доступны только численность населения (*Pop*) и средняя заработная плата (*Wage*)¹¹. Последние данные по доходам и расходам местного бюджета опубликованы только за 2020 год, поэтому показатели, связанные с бюджетной обеспеченностью, нами не рассматривались. Для получения значений средней заработной платы на поселенческом уровне использовалась методика расчёта по формам налоговой отчётности 5-НДФЛ (Прокопьев, 2023).

В качестве контрольных переменных рассматриваются количество дней существования официальной группы (*Days*), близость муниципалитета к региональному центру (*Road*), характеристики глав муниципальных образований. Количество дней существования госпаблика определялось по разнице между датой публикации первого сообщения на стене группы и 31 декабря каждого года исследуемого периода¹². Данный показатель характеризует опыт работы администрации муниципалитета в социальных медиа. Близость муниципалитета к региональному центру измерялась кратчайшим расстоянием по автодорогам, полученным при помощи сервиса «Яндекс Карты». В зарубежных исследованиях данный параметр не встречается, однако в российских условиях он может оказывать влияние на уровень вовлечённости граждан по ряду причин, в том числе из-за качества покрытия мобильным интернетом (Михайлова, Хвалей, 2023). Персональные характеристики муниципальных глав собраны по

данным Центральной избирательной комиссии Российской Федерации¹³. На их основе были сформированы следующие переменные: возраст (*Age*); пол (*Male*); уровень образования (*Edu*); местожительство (*Loc*); участие в выборах в качестве самовыдвиженца (*Self*). В научной литературе влияние двух последних факторов на уровень вовлечённости не проверялось.

Для проверки влияния факторов на индекс вовлечённости использовалась множественная линейная регрессия. Предварительно были построены диаграммы рассеивания между зависимой переменной (*INDEX*) и независимыми переменными (факторами), по итогам анализа которых часть переменных была исключена, а часть логарифмирована. По скорректированным данным построена корреляционная матрица для отсеивания факторов во избежание мультиколлинеарности. Из-за существенной разницы в количестве наблюдений по годам¹⁴ модели строились преимущественно по пространственным выборкам. Расчёты по моделям и тестирование их результатов осуществлялись в программной среде R с использованием базового функционала и специальных пакетов (*lmtest*, *car* и *clubSandwich*).

Далее муниципальные образования были разбиты на кластерные группы при помощи иерархической кластеризации методом ближайших соседей¹⁵ по статистически значимым в моделях социально-экономическим переменным. Каждая из получившихся групп поделена на квартили по значению индекса вовлечённости. Получившиеся значения границ квартирильных групп были проанализированы для определения шкалы, фиксирующей цифровой разрыв по индексу вовлечённости.

¹¹ Оба показателя взяты из базы данных Росстата «Показатели муниципальных образований».

¹² Если группа появилась в течение исследуемого периода, расчёт осуществлялся только с года её появления.

¹³ Подробно алгоритм сбора данных представлен в работе: Губина О.В., Прокопьев Е.А., Шлапеко Е.А., Курило А.Е. (2023). Внедрение социальных медиа в работу местных администраций: сбор данных для оценки влияния фактора главы // Труды III Гранберговской конференции. С. 117–122.

¹⁴ Количество госпабликов районов и округов на конец 2017 г. составило 93, а поселенческих – всего 61. К концу 2022 г. госпаблики были у 198 районов и округов и у 615 поселений.

¹⁵ Использовался базовый функционал программной среды R: функция *hclust(..., method = «ward.D2»)*.

Результаты

По результатам расчётов индексов вовлечённости в госпабликах муниципальных образований (табл. 1, 2) можно выделить несколько закономерностей.

Во-первых, значения индексов вовлечённости по районам оказались меньше, чем по поселениям. Поселенческие группы уступают районным по абсолютному числу подписчиков и, самое главное, не могут конкурировать с ними по количеству происходящих событий. Следовательно, в этих группах публикуется намного меньше сообщений на стене, которые дальше находятся на виду у посетителей. Во-вторых, для групп, существующих менее года и/или публикующих мало сообщений, характерны высокие значения индекса вовлечённости¹⁶ (рис. 1). Это можно объяснить эффектом новизны. Вначале госпаблик аккумулирует самых активных подписчиков, которые реагируют на каждое сообщение. По мере увеличения аудито-

рии и количества сообщений активности этой аудитории может не хватать для поддержания высокого уровня вовлечённости. Прекращение появления новых групп снижает статистические показатели по индексу вовлечённости (см. табл. 1). Поэтому для проведения расчётов по регрессионным моделям было принято решение исключить группы, существующие менее года, и группы с низкой публикационной активностью. Для районных групп этот показатель составил менее 52 сообщений, а для поселенческих – менее 26 сообщений.

По итогам регрессионного моделирования по пространственным выборкам (табл. 3) удалось подтвердить влияние на районный (окружной) индекс вовлечённости численности населения, количества дней существования группы, расстояния по автодорогам, средней заработной платы и участия главы муниципального образования в выборах в качестве самовыдвиженца. Все указанные факторы снижают уровень

Таблица 1. Динамика индекса вовлечённости по районам и округам

Год	Количество групп		Мин.	Макс.	Среднее значение	Медиана	Стандартное отклонение
	всего	из них существующих менее года					
2017	93	32	0,16	400,64	10,79	1,47	46,36
2018	160	59	0,00	4761,90	108,79	1,49	572,09
2019	181	18	0,14	2811,07	42,23	1,82	255,84
2020	193	10	0,00	24,69	2,31	1,19	3,20
2021	198	4	0,21	46,51	2,38	1,51	3,80
2022	198	0	0,16	7,48	1,44	1,05	1,18

Источник: рассчитано авторами на основе данных ВК.

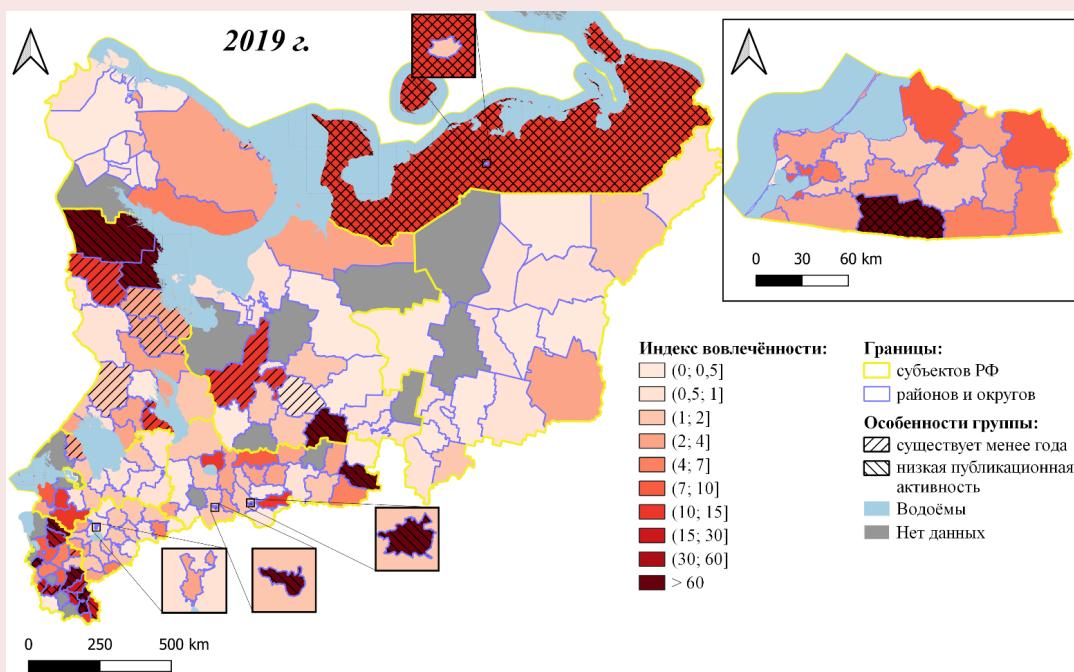
Таблица 2. Динамика индекса вовлечённости по поселениям

Год	Количество групп		Мин.	Макс.	Среднее значение	Медиана	Стандартное отклонение
	всего	из них существующих менее года					
2017	61	20	0,00	294,57	16,78	5,89	41,20
2018	129	65	0,00	2597,40	53,97	6,86	244,11
2019	191	60	0,00	1253,13	45,27	7,68	158,88
2020	258	72	0,00	7692,31	77,41	6,59	529,86
2021	374	110	0,00	3846,15	55,10	9,84	273,41
2022	615	232	0,00	9329,71	137,09	12,49	595,73

Источник: рассчитано авторами на основе данных ВК.

¹⁶ Бывают и исключения. В нашу выборку попало несколько групп, которые были созданы в конце года и успели опубликовать только несколько сообщений на стене. В этих группах на сообщения не было ни одной пользовательской реакции, а следовательно, индекс вовлечённости за текущий год равен нулю. Заметим, что аналогичный результат можно получить в существующих больше года группах в случае удаления сообщений на стене.

Рис. 1. Индекс вовлечённости по районам и округам в 2019 г.

Источник: рассчитано авторами на основе данных ВК.

вовлечённости. Однако влияние фактора само-выдвижения нестабильно: он был значим только в 2018 и 2022 гг., в то время как средняя заработная плата с ростом количества наблюдений в последние три года постоянно оказывалась значимой. Остальные проверяемые переменные оказались статистически не значимыми.

Полученные результаты по связи между вовлечённостью жителей, средней заработной платой и возрастом госпаблика совпадают с выводами исследования по бельгийским муниципалитетам с численностью населения более 10 тыс. человек (Mabillard et al., 2024). Получается, что чем беднее население, тем больше оно выражает свою неудовлетворённость работой органов власти в социальных медиа¹⁷. Не противоречит зарубежным исследованиям влияние на уровень вовлеченности численности населения (Agostino, Arnaboldi, 2016; Silva et al., 2019). Отрицательное влияние расстояния по автомобильным дорогам можно объяснить

несколькими причинами. Во-первых, доступность мобильного интернета по мере удалённости от центра ухудшается. Во-вторых, у жителей муниципалитетов, близких к региональной столице, больше возможностей сравнивать происходящие изменения, кроме того, часть столичного населения владеет дачами в прилегающих муниципалитетах и участвует в обсуждении локальных проблем с местными органами власти. В-третьих, за счёт концентрации населения в региональной столице общее количество активных граждан в ней больше, следовательно, выше вероятность того, что информация о проблеме в соседних муниципальных образованиях получит широкий общественный резонанс, в то время как у жителей удалённых муниципалитетов меньше шансов быть услышанными и получить реакцию от региональных властей. Участие в выборах в качестве самовыдвиженца показывает, что кандидат обладает хорошим социальным капиталом и много взаимодействует с людьми. Изначально предполагалось, что этот фактор будет способствовать росту вовлеченности. По-видимому, главы-самовыдвиженцы предпочитают живое общение виртуальному.

¹⁷ Проведённые в рамках проекта фокус-группы с главами муниципальных образований показали, что отношение негативных комментариев к позитивным в официальных группах ВК составляет два к одному.

Таблица 3. Результаты расчётов регрессионных моделей по пространственным выборкам: районы и округа

Переменная	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Свободный член	3,23974* (1,41568)	6,23471*** (1,16349)	4,35330*** (0,77410)	4,17993*** (0,78133)	4,17207*** (0,59500)	2,97675*** (0,51104)
Лог. Pop	-0,26789' (0,13799)	-0,50353*** (0,11309)	-0,33124*** (0,07597)	-0,25542** (0,08264)	-0,24294*** (0,06293)	-0,17335** (0,05446)
Days	-0,00051* (0,00023)	-0,00063*** (0,00016)	-0,00044*** (0,00011)	-0,00049*** (0,00011)	-0,00041*** (0,00008)	-0,00018** (0,00006)
Road	–	-0,00091* (0,00045)	-0,00110** (0,00039)	-0,00141*** (0,00041)	-0,00122*** (0,00031)	-0,00118*** (0,00027)
Self	–	-0,84268* (0,36696)	–	–	–	-0,62951*** (0,17720)
Wage	–	–	–	-0,000009* (0,000005)	-0,000008* (0,000004)	-0,000009** (0,000003)
Количество наблюдений	56	81	149	180	192	170
R ² / R ² adjusted	0,157 / 0,125	0,396 / 0,365	0,261 / 0,245	0,295 / 0,279	0,335 / 0,321	0,350 / 0,330

Примечание. Модели гомоскедастичны, остатки распределены нормально, нет автокорреляции остатков, отсутствует мультиколлинеарность.
В скобках указана стандартная ошибка.
Уровень значимости: ' $p < 0,1$; * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.
Источник: рассчитано авторами на основе данных ВК, Росстата, сервиса «Яндекс Карты», ЦИК России.

Для дальнейшей кластеризации по районам и округам было принято решение использовать показатели численности населения и средней заработной платы.

В регрессионных моделях по поселенческим данным значимыми оказались только три переменные (табл. 4). При этом расстояние по ав-

тодорогам до регионального центра в период с 2019 по 2022 год стало незначимым. Стабильным остается только влияние численности населения и количества дней существования группы. Для формирования кластерных групп по данному типу муниципальных образований использовалась только численность населения¹⁸.

Таблица 4. Результаты расчётов регрессионных моделей по пространственным выборкам: поселения

Переменная	2017	2018 ¹⁸	2019	2020	2021	2022
Свободный член	5,5458*** (1,4231)	6,0579*** (1,4289)	4,7836*** (0,7717)	6,0999*** (0,5929)	5,8224*** (0,4210)	5,1900*** (0,3434)
Лог. Pop	-0,5019** (0,1624)	-0,5728** (0,1665)	-0,3697*** (0,0944)	-0,4814*** (0,0716)	-0,4227*** (0,0529)	-0,3733*** (0,0448)
Road	-0,0019' (0,0011)	-0,0018* (0,0009)	–	–	–	–
Days	–	–	-0,0004* (0,0002)	-0,0006*** (0,0001)	-0,0005*** (0,0001)	-0,0003*** (0,0001)
Количество наблюдений	37	57	121	176	241	329
R ² / R ² adjusted	0,224 / 0,178	0,183 / 0,152	0,161 / 0,146	0,287 / 0,279	0,305 / 0,299	0,232 / 0,228

Примечание. За исключением 2018 г., модели гомоскедастичны, остатки распределены нормально, нет автокорреляции остатков, отсутствует мультиколлинеарность.
В скобках указана стандартная ошибка.
Уровень значимости: ' $p < 0,1$; * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.
Источник: рассчитано авторами на основе данных ВК, Росстата, Федеральной налоговой службы, сервиса «Яндекс Карты», ЦИК России.

¹⁸ Остатки не имеют нормального распределения, следовательно, оценки коэффициентов смещены.

На основании проведённых расчётов нами была разработана методика с кодированной цветовой системой для оценки цифрового разрыва на муниципальном уровне. Для её применения нужны следующие показатели: 1) количество дней существования группы; 2) количество сообщений на стене группы; 3) индекс вовлечённости; 4) численность населения; 5) средняя заработная плата¹⁹. Если группа существует меньше года, муниципальному образованию присваивается белый цвет. Оно находится на «испытательном сроке» и не подлежит оцениванию. Если группа отсутствует, муниципалитету присваивается красный цвет. Начиная с 1 декабря 2022 года это является нарушением законодательства: группу необходимо создать²⁰. Если в группе количество сообщений на стене для районов и округов менее 52, а для поселений – менее 26, муниципалитету присваивается оранжевый цвет. В этих случаях высока вероятность, что группа существует исключительно для «галочки», что не способствует привлечению внимания граждан к деятельности администрации. Следовательно, необходимо индивидуально разбираться в причинах низкой публикационной активности с каждым муниципалитетом.

Для оставшихся муниципальных образований осуществляется сравнение по индексу вовлечённости, при этом предварительно они разбиваются на кластерные группы по численности населения и средней заработной плате²¹. Благодаря кластеризации сравниваются сопоставимые между собой муниципалитеты. Внутри каждого кластера происходит разделение на квартильные группы. Муниципальным образованиям первого квартиля – с наименьшими индексами – присваивается желтый цвет. Зеленый цвет предназначен для второго и третьего квартилей, фиолетовый – для четвертого. Высокие значения индекса вовлечённости могут свидетельствовать о наличии резонансных событий или недовольстве органами власти со стороны населения. Практика показывает, что негатив-

ные события лучше распространяются, набирают больше комментариев и реакций в социальных медиа, поэтому для сравнения значений индекса с лучшими практиками в социальных медиа следует выбирать наиболее схожие по социально-экономическим показателям муниципальные образования из зелёной группы. Таким образом, величина цифрового разрыва внутри кластера будет определяться как разница между минимальным значением индекса вовлечённости (нижняя граница жёлтой группы) и нижней границей зелёной группы. Снижение этого параметра в динамике, а также сжатие границ зелёной группы, будет свидетельствовать о сокращении цифрового разрыва в использовании социальных медиа местными администрациями.

С помощью иерархической кластеризации было получено три районных (окружных) группы (табл. 5) и пять²² поселенческих групп (табл. 6). В обоих случаях группы получились неравномерными. Самую малочисленную группу районов и округов (МР2) составили муниципалитеты с наибольшей численностью населения в своём регионе. Это региональные столицы, районы, к ним примыкающие²³, и муниципалитеты, соперничающие с региональными столицами²⁴. Второй эшелон муниципальных образований (МР3) в основном представляют городские округа с важными для региональной экономики предприятиями. Их ключевое отличие от самой многочисленной группы районов (МР1) заключается в более высоких средних заработных платах. В целом по районам и округам при максимальном охвате муниципалитетов госпабликами наблюдается снижение цифрового разрыва как между жёлтой и зелёной группой, так и внутри зелёной группы.

При кластеризации поселений по численности получились следующие границы групп: 1) МО1 – до 4,1 тыс. чел.; 2) МО2 – до 12 тыс. чел.; 3) МО3 – до 18,1 тыс. чел.; 4) МО4 – до 32,1 тыс. чел.; 5) МО5 – свыше 32,1 тыс. чел.

¹⁹ Для районов и округов.

²⁰ На поселения, вошедшие в состав муниципального округа, требования законодательства не распространяются.

²¹ Только для районов и округов.

²² Пятая группа состоит только из двух поселений, поэтому в таблице 6 она не приводится.

²³ Для Ленинградской области – примыкающие к Санкт-Петербургу.

²⁴ Например, Череповецкий городской округ в Вологодской области.

Таблица 5. Динамика цифрового разрыва: районы и округа

Кластер	Год	Количество районов	Цифровой разрыв	
			между нижними границами зелёной и жёлтой групп	внутри зелёной группы
MP1	2020	136	0,30	2,28
	2021	140	0,52	2,30
	2022	144	0,51	1,32
MP2	2020	13	0,10	1,30
	2021	13	0,12	1,45
	2022	16	0,12	0,72
MP3	2020	32	0,17	1,21
	2021	40	0,19	1,34
	2022	37	0,28	0,67

Источник: рассчитано авторами на основе данных ВК.

Таблица 6. Динамика цифрового разрыва: поселения

Кластер	Год	Количество поселений	Цифровой разрыв	
			между нижними границами зелёной и жёлтой групп	между нижней границей зелёной группы и минимальным значением
M01	2020	106	2,7	12,58
	2021	161	4,28	13,38
	2022	236	3,73	14,71
M02	2020	50	1,06	4,11
	2021	57	1,98	5,80
	2022	67	1,68	4,82
M03	2020	7	0,71	0,69
	2021	9	0,77	2,39
	2022	15	0,60	4,98
M04	2020	11	1,10	5,79
	2021	12	0,79	3,84
	2022	10	0,27	4,73

Источник: рассчитано авторами на основе данных ВК.

В группу МО5 вошли только два городских поселения – Заневское и Сертоловское Всеволожского муниципального района, стремительный рост численности жителей которых связан с агломерационными эффектами г. Санкт-Петербурга. В дальнейшем для измерения цифрового разрыва по предложенной методике их нужно будет относить к категории районов и округов. Поскольку для большинства поселений с годами характерно снижение численности населения, количество поселений в квартильных группах по годам могло уменьшаться²⁵. По мере выполнения всеми поселени-

ями требованияния по созданию госпаблика предложенные границы могут быть пересмотрены в сторону большей детализации. В текущих условиях самой многочисленной и быстрорастущей оказалась группа МО1, внутри которой в 2022 году самые большие показатели цифрового разрыва как между нижней границей зелёной группы и минимальным значением, так и внутри зелёной группы (см. табл. 6). Эта категория поселений нуждается в наибольшем внимании и требует разработки отдельных методических рекомендаций по ведению госпабликов. В оставшихся группах цифровой разрыв между жёлтой и зелёной группами снижался. При этом в группах МО3 и МО4 он увеличивался внутри зелёной группы.

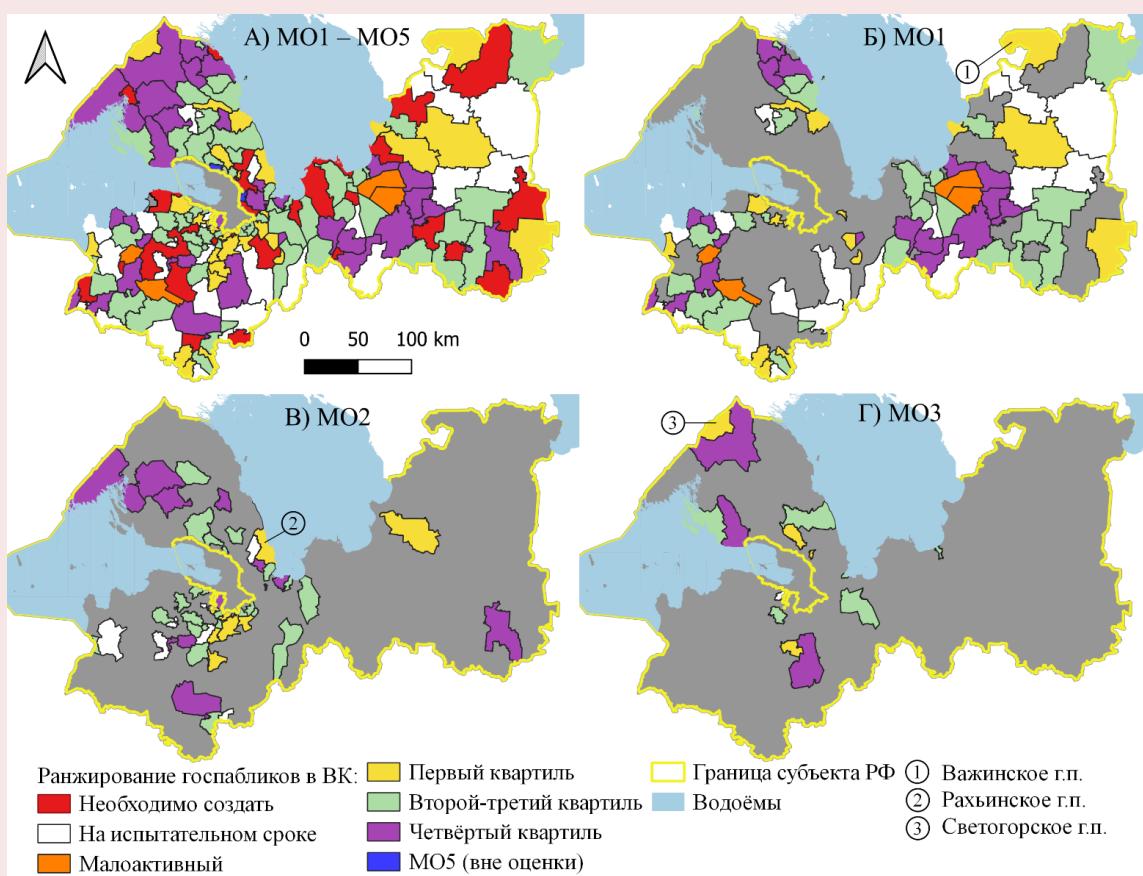
²⁵ Количество поселений в группе МО4 в 2022 г. снизилось по сравнению с 2021 г.

В качестве примера апробации методики на данных СЗФО за 2022 год приведём распределение по группам в Ленинградской области (рис. 2А). В результате получено следующее: 25 муниципалитетов находятся в красной зоне, 28 – на испытательном сроке, 4 – в оранжевой зоне, 30 – в жёлтой, 61 – в зелёной, 37 – в фиолетовой; два поселения (МО5) оказались без оценки.

У девяти муниципалитетов из красной зоны официальные сообщества созданы, но отметки «госорганизация» не были получены. При этом госпаблики отсутствуют у 16 из 17 районных центров Ленинградской области²⁶. Ещё одной особенностью области стало то, что для при-

своения сообществу статуса «госорганизация» некоторые поселения заново создавали официальные учётные записи. В группе МО1 в жёлтой зоне оказались 17 ленинградских поселений (рис. 2Б). Одним из её представителей является Важинское городское поселение Подпорожского района с индексом вовлечённости 3,87 и численностью населения 2,6 тыс. человек. Границы индекса вовлечённости зелёной зоны для группы МО1 находятся в диапазоне от 4,25 до 18,97. В качестве целевого ориентира для важинской администрации можно предложить изучить опыт сопоставимых по численности Нифантоновского сельского поселения Шекснинского района Вологодской области

Рис. 2. Распределение поселений Ленинградской области по уровню вовлечённости, 2022 г.

Источник: рассчитано авторами на основе данных ВК.

²⁶ Исключение составляет Кировское городское поселение Кировского муниципального района.

(индекс 18,10) или соседнего по району Вознесенского городского поселения (индекс 10,52). Аналогичным образом для Раухинского городского поселения Всеволожского района (численность населения – 8,9 тыс. человек, индекс вовлечённости 2,14) будет полезен опыт госпаблик из группы МО2, чьи индексы вовлечённости больше 2,02 и меньше 7,02. Ими могут быть госпаблики Любансского городского поселения Тосненского района Ленинградской области (индекс 3,76) или Кемского городского поселения Республики Карелии (индекс 6,56). А администрации Светогорского городского поселения Выборгского района (численность населения – 17,5 тыс. человек, индекс вовлечённости 1,39) следует обратить внимание на госпаблик Сортавальского городского поселения Республики Карелии, чей индекс вовлечённости (3,81) попадает в середину зелёной зоны МО3 от 1,65 до 6,63.

Обсуждение и заключение

На примере муниципальных госпаблик в социальной сети ВК разработана методика оценки цифрового разрыва в сфере взаимодействия органов власти с населением посредством социальных медиа. Её новизна заключается в том, что для этих целей предлагается использовать модернизированный индекс вовлечённости, раскрываются особенности и условия его применения. Показано, что нельзя ориентироваться исключительно на числовые значения индекса без анализа публикационной активности, сроков существования группы и социально-экономического положения муниципального образования. Впервые на российских данных было оценено влияние на вовлечённость граждан в информационную повестку госпаблик социально-экономических параметров муниципалитетов и персональных характеристик их руководителей. Среди большого количества проверяемых факторов, влияющих на уровень вовлечённости, только численность населения и сроки существования госпаблика оказались статистически значимыми и для районов (округов), и для поселений. Также для районов подтверждено влияние удалённости от регионального центра и размера средней заработной платы. Снижение индекса вовлечённости со временем является объективным процессом,

которому способствует высокая публикационная активность. Для его повышения необходимо обратить внимание на факторы, требующие отдельного исследования: 1) содержание и объём публикуемых сообщений; 2) перечень тем публикуемых сообщений и их комбинации; 3) время публикаций.

Сравнение муниципальных индексов вовлечённости по референтным группам подтвердило, что среди поселений величина цифрового разрыва больше, чем среди районов и округов. Особенно эта проблема касается многочисленной группы поселений с населением менее 4,1 тыс. человек. Именно для этой категории поселений необходимо в первую очередь разрабатывать собственные критерии оценки эффективности работы в социальных медиа, отдельные методические рекомендации по ведению госпаблик, среди них находить и распространять лучшие практики, проводить обучение ответственных за госпаблики лиц. По мере полного охвата поселений госпабликами и накопления ими опыта эту группу целесообразно будет разделить на подгруппы для дальнейшего совершенствования работы с населением.

Предложенная методика может применяться как внутри отдельного региона, так и в масштабах всей страны. Последнее представляет наибольший практический интерес, поскольку позволяет устанавливать нормативные показатели и определять критерии оценки эффективности работы в социальных медиа на основе объективной действительности для разных групп муниципальных образований. По нашей методике администрациям муниципальных образований можно подобрать несколько похожих по социально-экономическим параметрам ориентиров, в том числе находящихся за пределами «домашнего» региона, с высокой вероятностью того, что чужой опыт для них будет применим и полезен. Практика муниципалитетов фиолетовой группы должна детально изучаться специалистами, ответственными за информационную политику. С одной стороны, необходимо высвечивать оригинальные приёмы и решения, которые в будущем должны стать стандартами, с другой стороны – выявлять и пресекать искусственные способы завышения уровня вовлечённости.

Литература

- Дементьева К.В. (2021). Городские паблики социальной сети «ВКонтакте»: специфика привлечения аудитории, особенности подачи информации // Вестник Томского государственного университета. Филология. № 73. С. 287–310. DOI: 10.17223/19986645/73/16
- Корниенко Д.С., Дериш Ф.В., Никитина Е.Ю. (2021). Половые и возрастные различия личностной направленности пользовательской активности в социальной сети «ВКонтакте» // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. Т. 18. № 3. С. 631–649. DOI: 10.22363/2313-1683-2021-18-3-631-649
- Михайлова А.А., Хвалей Д.В. (2023). География мобильного интернета в приграничных регионах России // Балтийский регион. Т. 15. № 3. С. 140–166. DOI: 10.5922/2079-8555-2023-3-8
- Петров А.С., Шитова Ю.Ю. (2023). Представленность и активность городских администраций в социальных сетях: структура и тренды 2021–2022 гг. // Epomen. Global. № S34. С. 379–389.
- Прокопьев Е.А. (2023). Средняя заработка в Северо-Западном федеральном округе: оценка территориальных диспропорций на поселенческом уровне // Регионология. Т. 31. № 2 (123). С. 335–356. DOI: 10.15507/2413-1407.123.031.202302.335-356
- Рослякова М.В. (2023). Социальные сети как инструмент вовлечения граждан в управление (на примере официальных страниц местных администраций городов ЦФО) // Социодинамика. № 7. С. 1–18. DOI: 10.25136/2409-7144.2023.7.43708
- Рычихина Э.Н., Боровикова А.М. (2023). Эффективность связей с общественностью органов государственного управления в социальных сетях // Russian Economic Bulletin. Т. 6. № 3. С. 19–24.
- Филатова О.Г. (2020). Главы российских регионов в социальных сетях: аудит публичных коммуникаций // PR и реклама в изменяющемся мире: региональный аспект. № 23. С. 6–16.
- Agostino D., Arnaboldi M. (2016). A measurement framework for assessing the contribution of social media to public engagement: An empirical analysis on Facebook. *Public Management Review*, 18(9), 1289–1307. DOI: 10.1080/14719037.2015.1100320
- Bhatia I., Mabillard V. (2022). How do cities use their communication channels? A study of social media adoption in two European federal states. *Electronic Government*, 18(2), 119–136. DOI: 10.1504/EG.2022.121970
- Bonsón E., Perea D., Bednárová M. (2019). Twitter as a tool for citizen engagement: An empirical study of the Andalusian municipalities. *Government Information Quarterly*, 36(3), 480–489. DOI: 10.1016/j.giq.2019.03.001
- Bonsón E., Ratkai M. (2013). A set of metrics to assess stakeholder engagement and social legitimacy on a corporate Facebook page. *Online Information Review*, 37(5), 787–803. DOI: 10.1108/OIR-03-2012-0054
- Bonsón E., Royo S., Ratkai M. (2017). Facebook practices in Western European municipalities: An empirical analysis of activity and citizens' engagement. *Administration & Society*, 49(3), 320–347. DOI: 10.1177/0095399714544945
- Faber B., Budding T., Gradus R. (2020). Assessing social media use in Dutch municipalities: Political, institutional, and socio-economic determinants. *Government Information Quarterly*, 37(3), 101484. DOI: 10.1016/j.giq.2020.101484
- Gálvez-Rodríguez M., Sáez-Martín A., García-Tabuyo M., Caba-Pérez C. (2018). Exploring dialogic strategies in social media for fostering citizens' interactions with Latin American local governments. *Public Relations Review*, 44(2), 265–276. DOI: 10.1016/j.pubrev.2018.03.003
- Guillamón M.-D., Ríos A.-M., Gesuele B., Metallo C. (2016). Factors influencing social media use in local governments: The case of Italy and Spain. *Government Information Quarterly*, 33(3), 460–471. DOI: 10.1016/j.giq.2016.06.005
- Haro-de-Rosario A., Sáez-Martín A., Caba-Pérez C. (2018). Using social media to enhance citizen engagement with local government: Twitter or Facebook? *New Media & Society*, 20(1), 29–49. DOI: 10.1177/1461444816645652
- Hofmann S., Beverungen D., Räckers M., Becker J. (2013). What makes local governments' online communications successful? Insights from a multi-method analysis of Facebook. *Government Information Quarterly*, 30(4), 387–396. DOI: 10.1016/j.giq.2013.05.013
- Karamagioli E., Staiou E.R., Gouscos D. (2022). Assessing the social media presence and activity of major Greek cities during 2014–2017: Towards Local Government 2.0? In: *Research Anthology on Citizen Engagement and Activism for Social Change*. DOI: 10.4018/978-1-6684-3706-3.ch015

- Kavanaugh A.L., Fox E.A., Sheetz S.D. et al. (2012). Social media use by government: From the routine to the critical. *Government Information Quarterly*, 29(4), 480–491. DOI: 10.1016/j.giq.2012.06.002
- Larsson A.O. (2013). Bringing it all back home? Social media practices by Swedish municipalities. *European Journal of Communication*, 28, 681–695. DOI: 10.1177/0267323113502277
- Levkov N. (2017). How Macedonian municipalities are using social media for public communication. *Annual of The Faculty of Economics*, 199–211.
- Lovari A., Parisi L. (2015). Listening to digital publics. Investigating citizens' voices and engagement within Italian municipalities' Facebook pages. *Public Relations Review*, 41(2), 205–213. DOI: 10.1016/j.pubrev.2014.11.013
- Mabillard V., Zumofen R., Pasquier M. (2024). Local governments' communication on social media platforms: refining and assessing patterns of adoption in Belgium. *International Review of Administrative Sciences*, 90(1), 65–81. DOI: 10.1177/00208523221133229
- Ravenda D., Valencia-Silva M.M., Argiles-Bosch J.M., García-Blandón J. (2022). The strategic usage of Facebook by local governments: A structural topic modelling analysis. *Information & Management*, 59(8), 103704. DOI: 10.1016/j.im.2022.103704
- Reddick C.G., Norris D.F. (2013). Social media adoption at the American grass roots: Web 2.0 or 1.5? *Government Information Quarterly*, 30(4), 498–507. DOI: 10.1016/j.giq.2013.05.011
- Silva P., Tavares A.F., Silva T., Lameiras M. (2019). The good, the bad and the ugly: Three faces of social media usage by local governments. *Government Information Quarterly*, 36(3), 469–479. DOI: 10.1016/j.giq.2019.05.006
- Stone J.A., Can S.H. (2021). Investigating factors of Twitter use among municipal governments. *Journal of Computer Information Systems*, 61(3), 267–274. DOI: 10.1080/08874417.2019.1628673
- Stone J.A., Flanders K.J., Hakan S. (2022). Can, Strategic communication? Measurement and evaluation of Twitter use among municipal governments. *Government Information Quarterly*, 39(4), 101755, DOI: 10.1016/j.giq.2022.101755
- Triantafillidou A., Lappas G., Yannas P., Kleftodimos A. (2016). Greek local E-government 2.0: Drivers and outcomes of social media adoption. *Social Media and Local Governments. Public Administration and Information Technology*, 15, 153–170. DOI: 10.1007/978-3-319-17722-9_9
- Trunfio M., Rossi S. (2021). Conceptualising and measuring social media engagement: A systematic literature review. *Italian Journal of Marketing*, 2021, 267–292. DOI: 10.1007/s43039-021-00035-8
- Zavattaro S.M., Sementelli A.J. (2014). A critical examination of social media adoption in government: Introducing omnipresence. *Government Information Quarterly*, 31(2), 257–264. DOI: 10.1016/j.giq.2013.10.007

Сведения об авторах

Егор Александрович Прокопьев – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономики, Карельский научный центр РАН (Российская Федерация, 185030, г. Петрозаводск, пр. А. Невского, д. 50; e-mail: e_prokopiev@mail.ru)

Анна Евгеньевна Курило – доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт экономики, Карельский научный центр РАН (Российская Федерация, 185030, г. Петрозаводск, пр. А. Невского, д. 50; e-mail: akurilo@mail.ru)

Ольга Владимировна Губина – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономики, Карельский научный центр РАН (Российская Федерация, 185030, г. Петрозаводск, пр. А. Невского, д. 50); старший научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лаверова РАН (Российская Федерация, 163000, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 23; e-mail: welcomeforyou@yandex.ru)

Екатерина Андреевна Шлапеко – кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Институт экономики, Карельский научный центр РАН (Российская Федерация, 185030, г. Петрозаводск, пр. А. Невского, д. 50; e-mail: shlapeko_kate@mail.ru)

Prokopyev E.A., Kurilo A.E., Gubina O.V., Shlapeko E.A.

Technique for Assessing the Digital Divide Based on the Engagement Index on VKontakte Social Media Platform

Abstract. In modern society, social media have become one of the main sources of information. Many local governments began working with the population on social media platforms after this requirement was legally established in December 2022. Without involving the population in the official information agenda, it is impossible to engage them in a constructive dialogue to identify and solve local problems. Due to the difference in experience, Internet communication skills, and time, municipalities cope with this task with varying degrees of success, which indicates a digital divide. The aim of the research is to develop methods for measuring the digital divide in the work of local government on social media using VKontakte social media platform as an example. To do this, the official pages of municipalities in VKontakte were identified, engagement indices were calculated, the influence of socio-economic and other factors on their values was accessed using regression models, and municipal structures were grouped according to the engagement index using cluster analysis. The study covers 615 settlements, 198 municipalities and okrugs of the Northwestern Federal District in the period from 2017 to 2022. The findings indicate that the use of the engagement index to measure the digital divide is practical only within reference groups. It is proved that the value of the engagement index is negatively affected by the number of population, community longevity, proximity to the regional center, and average wage. It is determined that the largest digital divide is typical for a group of settlements with a population of less than 4.1 thousand people. The proposed methods for assessing the digital divide can be used by communications policy administration to evaluate the performance of local governments on social media, build a scaled system of targets, search for best practices and prevent artificial overestimating of engagement levels.

Key words: social media, VKontakte, engagement index, digital divide, municipalities, settlements.

Information about the Authors

Egor A. Prokopyev – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Institute of Economics, Institute of Economics, Karelian Research Centre of RAS (50, Alexander Nevsky Avenue, Petrozavodsk, 185030, Russian Federation; e-mail: e_prokopiev@mail.ru)

Anna E. Kurilo – Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, Leading Researcher, Institute of Economics, Karelian Research Centre of RAS (50, Alexander Nevsky Avenue, Petrozavodsk, 185030, Russian Federation; e-mail: akurilo@mail.ru)

Olga V. Gubina – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Institute of Economics, Karelian Research Centre of RAS (50, Alexander Nevsky Avenue, Petrozavodsk, 185030, Russian Federation); Senior Researcher, N. Laverov Federal Center for Integrated Arctic Research of RAS (23, Northern Dvina Embankment, Arkhangelsk, 163000, Russian Federation; e-mail: welcomeforyou@yandex.ru)

Ekaterina A. Shlapeko – Candidate of Sciences (Politics), Senior Researcher, Institute of Economics, Karelian Research Centre of RAS (50, Alexander Nevsky Avenue, Petrozavodsk, 185030, Russian Federation; e-mail: shlapeko_kate@mail.ru)

Статья поступила 02.08.2024.

СОЦИАЛЬНОЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

DOI: 10.15838/esc.2024.5.95.9

УДК 316.334.52, ББК 60.5

© Смолева Е.О., Косыгина К.Е.

Развитие малых городов: от индивидуальных траекторий к стратегическому планированию

Елена Олеговна

СМОЛЕВА

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

e-mail: riolenas@rambler.ru

ORCID: 0000-0002-6452-1441; ResearcherID: I-8343-2016

Ксения Евгеньевна

КОСЫГИНА

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

e-mail: sene4ka.87@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5875-8912; ResearcherID: K-7910-2018

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена привлечением внимания к малым городам и повышению качества жизни населения, что напрямую связано со стратегическим планированием развития малых городов с учетом индивидуальных особенностей. Однако малые города России характеризуются наличием ярко выраженных негативных тенденций в социальной и экономической сферах жизни. Цель исследования – определение ключевых направлений стратегий развития малых городов с учетом индивидуальных траекторий, выявленных на основе экспертов оценок. В качестве объекта исследования выбран город Костомукша (Республика Карелия), являющийся административным центром Костомукшского городского округа. В ходе работы использовались методы качественной социологии, а именно результаты экспертной фокус-группы и индивидуальных интервью с участием представителей власти, бизнеса и

Для цитирования: Смолева Е.О., Косыгина К.Е. (2024). Развитие малых городов: от индивидуальных траекторий к стратегическому планированию // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17, № 5. С. 169–183. DOI: 10.15838/esc.2024.5.95.9

For citation: Smoleva E.O., Kosygina K.E. (2024). Development of small cities: From individual trajectories to strategic planning. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 17(5), 169–183. DOI: 10.15838/esc.2024.5.95.9

некоммерческих организаций. Выявлено наличие проблем в социальной сфере, характерных как для г. Костомукши, так и для малых городов в целом: низкий уровень доступности услуг в образовании и здравоохранении, в том числе кадров в этих сферах, миграционный отток молодежи, отсутствие обновления жилого фонда. Относительно стейкхолдеров территориальных преобразований установлено, что основной особенностью Костомукши выступает преимущественное участие крупного социально ориентированного бизнеса в решении городских проблем при достаточно слабом участии граждан. В результате исследования определены новые индивидуальные траектории развития: спортивный и оздоровительный туризм, которые необходимо учесть в стратегии развития Костомукши. Сделан вывод о необходимости разрабатывать стратегии развития территорий с учетом мнений и активности местных сообществ, возможностей коллaborации различных акторов в решении социальных проблем малых городов. Новизна исследования заключается в расширении методологического подхода к стратегическому планированию развития малых городов с применением оригинального инструментария качественной социологии – экспертных оценок стейкхолдеров территориального развития.

Ключевые слова: малые города, малые территории, стратегии развития, социально-экономическое развитие, гражданское участие, индивидуальные траектории.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01587 «Преодоление социальных противоречий малых территорий: участие местного сообщества» (<https://www.rscf.ru/projekt/23-28-01587/>).

Введение

Актуальность развития малых городов в современных условиях становится все более очевидной, особенно в контексте архетипов устойчивого развития. Малые города долгое время оставались на обочине экономических процессов, однако в последние годы стали привлекать внимание органов государственного управления. Принимаются специальные меры поддержки для моногородов, малых и средних населенных пунктов, направленные на их приоритетное развитие и усовершенствование системы расселения. В разрабатываемой Стратегии пространственного развития до 2030 года среди ключевых целей фиксируется сокращение дифференциации в социально-экономическом развитии территорий, в том числе по уровню обеспеченности инфраструктурой и доступности базовых социальных услуг, в первую очередь в отношении стратегических населенных пунктов, малых и средних городов¹.

Малые города обладают уникальным потенциалом (социокультурным, природно-ресурсным, рекреационным, трудовым и др.), который можно реализовать через стратегическое планирование. Без четко продуманной стратегии невозможно обеспечить устойчивое развитие, отвечающее интересам местного населения, и сохранить культурное наследие. Стратегическое планирование требует комплексного подхода, включающего анализ ресурсов, определение зон роста и выявление ключевых направлений для инвестиций. Важно не только создать базовую инфраструктуру, но и продвигать инновации, поддерживать малый и средний бизнес, развивать социальные программы. В этом контексте важным аспектом является вовлечение стейкхолдеров, в том числе местных жителей, в процесс принятия решений, что способствует повышению ответственности за будущее развитие территории. Таким образом, развитие малых городов не только поддерживает экономическое процветание, но и укрепляет социальные связи, создавая условия для устойчивого и динамичного роста, который необходим для обеспечения благополучия на всех уровнях.

¹ Концепция Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года // Министерство экономического развития РФ. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/85fb48440f79df778539e0b215af5345/konsepciya_strategii_prostranstvennogo_razvitiya_rf_na_period_do_2030_goda.pdf (дата обращения 25.09.2024).

Кроме того, во властных структурах и научных кругах актуализируются вопросы пространственной связанности России, сохранения и развития малых территорий (Ускова, Секушина, 2021). Возрастает привлекательность малых городов и поселений как опорных пунктов экотуризма, сохранения и адаптации к требованиям современной жизни народных промыслов. Исследователи выделяют новый российский тренд на переезд городских жителей в деревни и малые города (Звягинцев, Неуважаева, 2015). При этом «новая волна» переселенцев качественно отличается от первой волны 1990-х годов, так как сохраняется мобильность населения, а доля переехавших горожан, их человеческий капитал и обеспеченность ресурсами достаточны для начала позитивных изменений на малых территориях.

Общие для малых городов факторы, оказывающие негативное влияние на их развитие и качество жизни населения, проявляются в различных аспектах: демографическом и социально-экономическом, ограничениях социальной сферы и проблемах рынка труда, недостаточной комфортности городской среды (Смолева, 2023). Низкий уровень социально-экономического развития таких городов обусловлен проблемами ресурсного обеспечения, монотраслевой экономической структурой, низкой конкурентоспособностью². Достаточно широко представлены малые города с дополнительными рисками развития: удаленные территории с низкой транспортной доступностью, территории с неблагоприятными климатическими условиями, монопрофильные территории (Волков, Симакова, 2022). В связи с этим особая роль отводится управлению развитием территории, формированию индивидуальных траекторий развития, использованию инструментов стратегического планирования. Причем представляется необходимым идти по пути от частного к общему – от выявления индивидуальных траекторий, учитывая специфические проблемы развития и преимущества конкретной территории, до разработки долгосрочной стратегии ее развития.

С учетом отмеченного выше цель данного исследования состоит в определении ключевых направлений стратегий развития малых городов с учетом индивидуальных траекторий, выявленных на основе экспертных оценок. Исследование выполнено на примере г. Костомукши (Республика Карелия) с использованием инструментария экспертных оценок стейкхолдеров территориального развития.

Теоретико-методологические основы исследования

В рамках научного дискурса обсуждаются различные аспекты стратегического планирования развития малых территорий, в частности городов. В экономическом разрезе акцент приходится на диверсификацию экономики, в социальном – на социальную устойчивость местных сообществ (Boschma, 2017; Калужнова, Виолин, 2020; Еферин, Куценко, 2021). Как свидетельствуют исследования, диверсификация экономики является одним из эффективных инструментов устойчивого развития территории (Климанов и др., 2016), основанием для нее служит наличие человеческих ресурсов, транспортной инфраструктуры, энергетических мощностей, возможностей привлечения инвестиций. Поэтому достаточно часто наличие указанных факторов обеспечивает развитие производств, связанных со сложившимися в регионе (связанная диверсификация). Для развития несвязанных отраслей (несвязанной диверсификации) помимо указанных ресурсов необходимы наличие рабочей силы новой квалификации, новой инфраструктуры и больший объем финансовых вложений. При выборе типа диверсификации учитываются как имеющиеся ресурсы, так и возможности экономического роста (эффект) и риски, соотносящиеся с выбранным направлением развития.

Однако для монопрофильных территорий выбор типа диверсификации (связанный или несвязанный) и поиск новых направлений экономической специализации территории значительно осложнены. С одной стороны, узкая специализация и связанная диверсификация усиливают восприимчивость к экономическим кризисам (Кругман, 1993), с другой стороны – несвязанная диверсификация несет риски распыления ресурсов, которые и так ограничены для малых, в особенности монопрофильных, территорий.

² Старовойтов В.Г. (2005). Формирование современной стратегии развития малых городов: дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.05. М. 317 с.

Развитие территорий сопряжено с привлечением инвестиционных средств и квалифицированных кадров, включением в проекты регионального и федерального уровней, повышением туристической привлекательности места. Среди основных факторов развития малых населенных пунктов выделяют развитый человеческий капитал, культуру городского сообщества, развитость коммуникаций и городскую инновационную систему³. В последние годы актуализируется изучение возможностей применения концепции умной специализации для формирования стратегий развития территорий (Ефедин, Куценко, 2021). Внимание исследователей также привлекает вопрос выбора оптимальной стратегии долгосрочного планирования на фоне устойчивой депопуляции малых и средних городов России (Гунько и др., 2020). Показано, что в условиях ограниченных ресурсов трудно поддерживать режим роста и экономического развития, поэтому в случае городского сжатия выбираются стратегии борьбы за возвращение к росту или адаптации к сжатию (Hospers, 2014).

Вторым вопросом, который необходимо решить при выборе стратегий развития территории, является проблема межмуниципального сотрудничества. На основании имеющихся ресурсов выбирается интеграция или конкуренция с соседями, индивидуальный путь развития или развитие по смешанному типу (Ефедин, Куценко, 2021, с. 85).

Стратегическое планирование базируется на двух процессах: анализе особенностей и факторов развития объекта на основании имеющихся фактических данных и определении возможных направлений развития (индивидуальных траекторий). Индивидуальные траектории не являются полноценной стратегией развития, а представляют собой уникальные специфические точки роста для конкретной территории. Их выделение становится первым этапом при формировании стратегии развития территории с учетом мнений всех субъектов развития, заинтересованных сторон (стейкхолдеров).

³ Старовойтов В.Г. (2005). Формирование современной стратегии развития малых городов: дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.05. М. 317 с. С. 7.

С этой точки зрения дополнительной парадигмой в рамках исследования малых городов могут стать социопространственный и стейкхолдерский подходы, ориентированные на изучение местных сообществ, которые проявляют особую субъектность в решении социальных проблем территорий (Черныш и др., 2020; Ефедин, Куценко, 2021). Значимая роль стейкхолдеров в стратегическом планировании развития территорий обосновывается тем, что они выступают не только как носители обособленных интересов, но и как владельцы определенных ресурсов (Тажитдинов, 2013). Стейкхолдерами пространственных преобразований являются представители власти, бизнес-сообщества, общественные объединения, некоммерческие организации, государственные/муниципальные учреждения, солидарные группы и отдельные граждане (Маркин и др., 2019; Косыгина, Уханова, 2024). Исследования показывают, что планирование развития на местном уровне требует подхода «снизу вверх», который увеличивает результативность действий (Moallemi et al., 2021). Местные акторы и население обладают тесными связями с территорией проживания, знаниями об основных проблемах, необходимыми для разработки локальных решений (Manzo, Perkins, 2006).

Как запрос на вовлечение жителей в решение социальных проблем и городское развитие представлен в муниципальных программах? С этой точки зрения интересно ознакомиться с результатами исследования А.А. Попковой, в котором проведен контент-анализ стратегий социально-экономического развития малых территорий. Автором сделан общий вывод о «неразвитости востребованных организационных механизмов в системе управления развитием территории» и отсутствии видения у органов власти населения в качестве инициативного субъекта (Попкова, 2022, с. 114). Исследованиями практик гражданского участия населения Вологодской области также подтверждается, что, несмотря на высокую потенциальную готовность жителей малых городов участвовать в решении общих вопросов, уровень реального участия следует оценивать как достаточно низкий (Косыгина, 2023, с. 219).

Вместе с тем Федеральный закон Российской Федерации от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», регулирующий вопросы стратегического планирования, в качестве участников стратегического планирования на уровне муниципального образования определяет только органы местного самоуправления и муниципальные организации. Отмеченное исследователями фактическое существование централизованной системы планирования затрудняет выработку стратегий развития (Batunova, Gunko, 2018).

Однако методологически и методически процесс определения, учета и выявления интересов стейкхолдеров при формировании стратегических приоритетов социально-экономического развития малых городов требует дальнейшего научного сопровождения. В условиях отсутствия полной муниципальной статистики используются социологические опросы и экспертные оценки заинтересованных сторон (Кузнецов и др., 2020).

Для определения индивидуальных траекторий развития территорий с последующим ориентиром на стратегию развития необходимо провести анализ проблем и конкурентных преимуществ в социальной и экономической сферах малого города, дать оценку способности колаборации бизнеса, власти и местного сообщества для решения выявленных проблем. В связи с этим научную значимость представляют исследование и обоснование действенных механизмов стратегического развития малых территорий, в том числе на основе активизации потенциала местного сообщества.

Материалы и методы

В качестве объекта исследования выбран город Костомукша (Республика Карелия), являющийся административным центром Костомукшского городского округа, который можно отнести к категории малых городов. Численность населения Костомукши – 26,5 тыс. жителей⁴. В данном отношении малые города рассматриваются по устоявшемуся подходу в зависимости от численности населения и специализации. В России к малым городам отно-

сятся города с численностью 10–50 тыс. чел. с несельскохозяйственной специализацией экономики: промышленность, торговля, сервисные отрасли (Макарова, 2017).

Основным градообразующим предприятием Костомукши является АО «Карельский ока-тыш», входящее в крупнейшую сталелитейную и горнодобывающую компанию ПАО «Северсталь». В 2024 году «Северсталь» и благотворительный фонд «Доброта Севера» при поддержке администрации Костомукшского городского округа запустили программу комплексного развития Костомукши. Кроме крупных предприятий в вопросах городского развития немалая роль отводится малому и среднему бизнесу. По данным Росстата, число субъектов малого и среднего предпринимательства в расчёте на 10 тыс. человек населения в г. Костомукше составляет 373 единицы⁵, а доля среднесписочной численности работников малых и средних предприятий в среднесписочной численности работников всех предприятий и организаций – 19,7%. Согласно методике «КБ Стрелка»⁶, Костомукша относится к первой группе с достаточным количеством предприятий малого и среднего бизнеса (более 32 шт. на 1000 жителей) и наличием условий для их дальнейшего развития⁷.

Исследователи отмечают относительно благополучную демографическую обстановку в городе при определенных проблемах, сложившихся на рынке труда и связанных с уменьшением доли трудоспособного населения и нехваткой квалифицированных кадров (Симакова и др., 2023, с. 155–157). Однако следует отметить наметившееся с 2021 года уменьшение численности населения с 30 тыс. человек в 2020 году до 26,5 в 2021–2024 гг.⁸

⁵ По итогам сплошного наблюдения за деятельностью субъектов малого и среднего предпринимательства за 2020 год.

⁶ Центром городской экономики ООО «КБ Стрелка» в 2021 г. было проведено исследование развития малого и среднего бизнеса в малых городах России, по итогам которого составлен рейтинг территорий. В него вошли 1117 городов.

⁷ Бизнес в городе: малое и среднее предпринимательство в городах России (2021). М.: КБ «Стрелка». 109 с.

⁸ Муниципальная статистика. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Карелия. URL: <https://10.rosstat.gov.ru/statistic> (дата обращения 12.07.2024).

⁴ Муниципальная статистика. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Карелия. URL: <https://10.rosstat.gov.ru/statistic> (дата обращения 12.07.2024).

Особенностью муниципального образования является его характер: во-первых, это моногород, во-вторых, город, входящий в Арктическую зону Российской Федерации. Эти особенности формируют значительные факторы риска для его устойчивого развития (Волков, Симакова, 2022). С другой стороны, в Костомукше параллельно действуют два режима, дающих определенные преференции представителям бизнеса: территория опережающего социально-экономического развития и территория, входящая в состав Арктической зоны России⁹. Указанные статусы должны стать ресурсом привлечения инвестиций в экономику территории и создания новых предприятий, новых рабочих мест.

Таким образом, анализ данных показывает, что город Костомукша имеет все предпосылки для успешного развития при условии комплексного подхода к решению существующих проблем и использованию отмеченных преимуществ города на пути к улучшению качества жизни его жителей.

Исследование опирается на методы качественной социологии. С целью более углубленного анализа имеющихся социальных проблем и выявления индивидуальных траекторий развития города в 2024 году проведены одна фокус-группа с экспертным сообществом Костомукши и серия экспертных индивидуальных интервью по разработанному методическому инструментарию. В обсуждениях на фокус-группе принимали участие 10 экспертов, и состоялось 9 индивидуальных интервью (по три с представителями из трех сфер – власть, бизнес, некоммерческий сектор).

Метод индивидуальных интервью – формализованное личное интервью с использованием стандартизированного инструментария с экспертом, представляющим референтную группу, для определения его основных позиций и отношения к изучаемой проблеме. Метод фокус-группы – неформализованное интервью с использованием нестандартизированного инструментария, проходящее в форме групповой

дискуссии. На обсуждение было вынесено четыре блока вопросов: «локальная идентичность», «социально-экономическое положение территории», «направления развития территории», «ресурсы и субъекты / акторы развития территории».

Поиск информантов для фокус-группы осуществлен методом «снежного кома» среди стейкхолдеров территориального развития из трех секторов – власть, бизнес, некоммерческий сектор, что позволило сопоставить позиции и выявить общие тренды в оценочных суждениях. Интервью и обсуждение на фокус-группе подверглись транскрипции, затем по смысловому контексту выбирались высказывания, касающиеся проблемы исследования.

Результаты исследования

Проблемы и конкурентные преимущества города в социальной и экономической сферах как стартовые условия для стратегического планирования развития территории

Следует отметить положительные коннотации у жителей относительно места проживания, наличие локальной идентичности на основе социокультурных доминант, при этом связанных с самой физической средой: «Для меня город всегда ассоциировался с комфортом... в нашем городе для меня, например, все красивое» (Э1). «Природа для меня очень близка и карельская культура» (Э5).

Эксперты отмечают такие преимущества компактной территории, как доступность, комфортность, возможность более близкого общения с другими жителями города, когда «ты у всех на виду», что создает безопасную среду и сплоченность сообщества, где жители находят поддержку и помощь у ближайшего окружения: «То есть действительно у нас какие-то особые люди в силу того, что действительно город маленький, мы практически друг друга знаем, между собой знакомы, поэтому многие вещи вместе делать легче. Всегда придут на помощь, всегда поддержат» (Э6). «Все компактно, здесь действительно все в шаговой доступности. И за счет этого экономится большое количество времени» (Э6). «Растить и воспитывать детей в нашем городе, мне кажется, идеально. Комфортно и безопасно. Где еще можно отпустить ребенка спокойно и знать, что с ним ничего не будет» (Э8).

⁹ Костомукша: планы, перспективы, результаты. URL: <https://64parallel.ru/gorod/kostomuksha-plany-perspektivy-rezulatty/?ysclid=m14noag8x2803112691> (дата обращения 12.07.2024).

Город удачно вписался в окружающую природу, обеспечивая жителям возможность наслаждаться лесом в шаговой доступности. «*А еще лес, грибы, ягоды. По городу можно идти и грибы собирать*» (Э5). Отдельный акцент ставится на отсутствии экологических проблем: «*Мы воду из-под крана пьем. Поэтому какие могут быть экологические проблемы*» (Э5). «*Из СПб (научно-исследовательский институт) приезжали брали пробы и сказали, что проблем в принципе никаких нет*» (Э4). «*На город в 26 тыс. человек приходится 17 тыс. автомобилей и при этом у нас растут грибы и ягоды в городе*» (Э6).

Комфортность проживания в г. Костомукше подтверждается индексом качества городской среды, в 2023 году составившим 202 балла, что выше пограничных 180 баллов и соответствует благоприятным условиям проживания. Из них жилье – 36, улично-дорожная сеть – 39, озеленение – 32, общественно-деловая инфраструктура – 29, социально-досуговая инфраструктура – 30, общегородское пространство – 36 баллов. Из частных показателей только уровень развития общественно-деловой инфраструктуры ниже нормы. В регионе наибольший индекс комфортной городской среды по итогам 2023 года установлен у г. Петрозаводска (247 баллов), но у него другой статус – столица республики и крупный город. Среди малых городов более высокие показатели комфорта городской среды у г. Сортавала (226 баллов). Хотелось бы обратить внимание на такие частные показатели, как улично-дорожная сеть – 43, озеленение – 44, общественно-деловая инфраструктура – 44, социально-досуговая инфраструктура – 35 баллов¹⁰. Возможно, их следует рассмотреть в качестве ориентиров для выстраивания стратегии развития Костомукшского городского округа.

На фоне благоприятной экологической обстановки и комфортности города экспертами отмечаются нерешенные проблемы в социальной сфере. Чаще всего люди говорят о них как о негативных факторах, мешающих разви-

тию. Прежде всего в качестве ограничений для комфортной жизни эксперты называют низкий уровень доступности услуг в образовании и здравоохранении, что оказывает влияние на демографические процессы, миграционный отток молодежи и повышение человеческого капитала.

С одной стороны, отсутствие возможности получить хорошее образование побуждает молодежь уезжать в большие города, с другой стороны – проблемы с трудоустройством заставляют возвращаться в родной город: «*Если мы говорим про молодежь, то, во-первых, это стереотип, потому что надо ехать (как там в Москву), поэтому это автоматически, это же и родители вкладывают в голову. Конечно, у нас есть один минус – нет высшего учебного заведения. Поэтому, конечно, за образованием уезжают. Но я хочу сказать, что последняя тенденция такова, что многие, отучившись, возвращаются, не найдя работы*» (Э3). «*Мало молодежи в городе*» (Э7).

Климатические условия являются одним из наиболее часто отмечаемых негативных факторов, влияющих на здоровье населения и способствующих смене места жительства: «*Северные народы чаще страдают депрессиями, наверное, потому что есть полярная ночь, полярный день, и это как-то на биоритмы человека влияет, и когда у нас малое количество солнца, и ты утром просыпаешься и хочешь увидеть солнышко, а у тебя еще темно. Фактически света белого не видишь зимой, когда у нас полярная ночь*» (Э3). «*Хочется туда, где более комфортные климатические условия, если такие бывают*» (Э7).

Проблемы в социальной сфере города жители связывают с недостаточным обеспечением кадрами: «*У нас везде одна большая проблема, что в здравоохранении, что в образовании – это нехватка кадров. У нас педагоги сейчас в среднем работают на 1,7 ставки. В здравоохранении аналогичная ситуация. Даже предоставление жилья не является основой, чтобы профессионалы здесь закрепились. Они приезжают, какое-то время поработают и уезжают*» (Э2).

Особенность жилищной сферы Костомукши состоит в отсутствии муниципального жилья и многоквартирного жилищного строительства, несмотря на наличие площадей: «*У нас его нет, а то, что есть, оно уже предоставлено в*

¹⁰ Индекс качества городской среды – инструмент для оценки качества материальной городской среды и условий её формирования. Результаты за 2023 год. URL: <https://xn----dtbcccctsypabxk.xn--p1ai/#/> (дата обращения 22.07.2024).

пользование, служебный либо коммерческий найм. И ничего у нас не строится уже много лет, у нас развивается частный сектор» (Э2). «Да, у нас есть участки под строительство многоэтажных домов. Подрядчики не хотят заходить, нет застройщиков» (Э6).

Следует отметить двойственное отношение к работающим в городе предприятиям, так как, с одной стороны, они негативно влияют на комфортность проживания в части экологии, а с другой – обеспечивают рабочими местами и заработной платой: «Но тем не менее жители жалуются, что вода ухудшилась с форелевым хозяйством» (Э2). «Ну тут чаша весов, зато форелевое хозяйство предоставляет большое количество рабочих мест с очень достойной и конкурентоспособной заработной платой» (Э6).

О достаточно благополучной ситуации с доходами населения г. Костомукши свидетельствуют и данные статистики. Объем социальных выплат и налогооблагаемых денежных доходов населения в среднем на 1 жителя по Республике Карелия в 2023 году составил 534 тыс. рублей, по г. Костомукша – 699,8 тыс. руб. Среднемесячная заработная плата работников организаций составляла в 2023 г. 96,4 тыс. рублей, что значительно превышает средние данные по республике в целом (70 тыс. рублей)¹¹.

Часть проблем являются общими для социальной сферы многих городов, особенно в отношении поддержки социально уязвимых слоев населения. Например, это касается вопросов помощи многодетным семьям, которая закреплена нормативно, но средства для обеспечения выделяются в недостаточном количестве: «Еще одна из проблем – это отсутствие инфраструктуры на участках, которые выдаются многодетным. Участки выделяются, необходимо обеспечивать инфраструктурой» (Э3). «Электричества, воды, коммуникаций нет. Все это дорого получается, если самим делать» (Э7).

Основную причину отсутствия возможностей для решения социальных проблем эксперты видят в ограниченных доходах бюджета. «Не дотационный район, город. Мы то, что зараба-

тываем, то и тратим. Естественно, что то, что мы зарабатываем, уходит на исполнение социальных обязательств. А именно на развитие чего-то у нас средств не хватает» (Э1). «В бюджете у нас денег на инфраструктуру нет, для этого требуются очень большие суммы. Это тоже является проблемой» (Э4).

Особенности развития экономической сферы Костомукши обусловлены ее спецификой – это моногород, где градообразующее предприятие «Карельский окатыш» входит в горнодобывающий дивизион крупнейшей в мире сталелитейной и горнодобывающей компании ПАО «Северсталь».

До введения экономических санкций со стороны недружественных стран в городе были хорошо развиты лесопромышленный комплекс и перевозки, приграничная торговля. Однако в настоящее время эти отрасли столкнулись с серьезными проблемами из-за изменений на рынке и экономических условий: сокращение персонала, рабочих мест, уменьшение заказов, простаивание площадей: «Раньше у нас был и агрокомплекс в городе. Теплицы свои были при ОКА-ТЫШе, но сейчас все закрылось. Еще был свой пивоваренный завод» (Э7). «Проблема с организацией ООО «Аек», которые проводку производили для большегрузов, но в связи с санкциями значительная часть персонала была сокращена. Предприятие работает, но с меньшим количеством людей и значительно меньше заказов» (Э1). «Аек» столкнулись с проблемой, что они же для «Вольво» много делали в обработке. У них работало больше 1000 человек, а сейчас 150. Сейчас большие площади простаивают» (Э4). «Лесопромышленный комплекс, конечно, в наибольшей степени пострадал и организации, которые осуществляли грузоперевозки».

Приграничное положение оказало существенное влияние на экономику города, уменьшился поток туристов, наблюдается негативное воздействие на розничную торговлю и ресторанный бизнес. «Да, нас очень сильно подкосило приграничье. По крайней мере «шопинговый» туризм у нас процветал и «ресторанный» (Э6).

Для развития производства и социальной сферы города существуют объективные барьеры в виде отсутствия необходимых ресурсов: электромощностей, профессиональных кадров, инфраструктуры, транспортной доступности.

¹¹ Муниципальная статистика. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Карелия. URL: <https://10.rosstat.gov.ru/statistic> (дата обращения 12.07.2024).

«Большая проблема — это отсутствие свободных электромощностей. Новому промышленному предприятию даже не построить, не организовать производство, потому что реально не хватает мощностей. Проблема — недостаток в гостиницах» (Э6). «Учитывая, что у нас активно не развит туризм, то той гостиничной сети, которая есть на сегодняшний день, вполне хватает. Но если мы говорим о развитии, то тут уже необходимо строить какой-то гостиничный комплекс» (Э1). «Аэропорт к 2030 году. Мы вошли в федеральную программу. Удлинение полосы для средних джетов» (Э5). «Мы тут про аэропорт говорили, а они требуют железную дорогу и поезда, у нас сократилось количество поездов, рейсов до 2 в неделю теперь» (Э6). «Плохое состояние дорог еще в самом городе» (Э1).

Таким образом, город сталкивается с серьезными вызовами, требующими разносторонних подходов и решений в целях восстановления экономического благополучия и создания новых возможностей для поддержки отраслей, которые ранее играли определяющую роль в городском развитии.

Управление городским развитием: участие акторов в решении социальных проблем

Эксперты отмечают, что небольшие размеры населенного пункта предоставляют ряд преимуществ в городском управлении: «У нас дороги стали выходить из строя. Буквально пройдет совсем немного времени, станет посуше, и опять мы увидим тот же комфорт. Этих ям на дорогах уже не будет. Достаточно оперативно, я считаю, у нас в городе глава реагирует на такие моменты. Такой компактный и маленький город — достаточно легко им управлять» (Э4). Однако преимущества компактной территории нивелируются недостаточным финансированием в направлении развития территории.

В активности акторов, принимающих участие в решении городских проблем, также наблюдается отсутствие баланса. К основной особенности г. Костомукши можно отнести участие социально ориентированного бизнеса в решении городских проблем при достаточно слабом участии граждан.

Эксперты отметили неактивное участие жителей в решении социальных проблем, развитии городской среды: «У нас в городе плохо развито территориальное общественное самоуправ-

ление. Начинать нужно с себя, со своего двора, там, где мы рядышком» (Э2). «Есть костяк — активные люди. Не скажу, что их много» (Э6). «У нас не очень активные жители. У нас их тяжело раскачать и поднять. У нас скорее «диванные критики» (Э4).

Население не принимает активного участия в разработке программы развития города или проектах, связанных с инициативным бюджетированием: «Голосование за комфортную городскую среду... Приходится всех уговаривать проголосовать. 2800 человек проголосовали» (Э6). «Единицы, которые готовы предложить какой-то проект и поучаствовать с ним» (Э1).

Среди населения низкой активностью выделяется молодежь: «Рабочая молодежь у нас неактивная, неорганизованная. Как-то получилось, что она упущена и только сейчас это все начинает возрождаться» (Э1).

При этом следует отметить, что потенциал развития гражданского участия имеется, так как при возникновении острых социальных конфликтов население консолидируется и активно отстаивает свои интересы: «Знаете, где они активно подключились? Когда встал вопрос о том, что у нас могут поставить контейнеры для сбора мусора, в связи с тем что изменилось законодательство и пришел регоператор. Вот тут, конечно, люди проявили свою активность. У нас единая позиция в целом в городе — мы не хотим контейнеры, мы не хотим крыс, мы не хотим грязь разводить» (Э1).

Выделяются случаи, когда низкая активность населения обусловлена его недостаточной информированностью: «Если мы говорим про комфортную городскую среду, то технически это неудобно. Но мы рассказываем людям, вот вы ноете, что у вас там ямы на придомовой территории, а ребята из соседнего двора пришли в отдел строительства и ремонта, им помогли сделать проект. И некоторые идут участвовать. Вот в прошлом году в комфортной городской среде именно придомовых территорий был «кровавый» отбор, ноздря в ноздрю» (Э6).

Исследования свидетельствуют об активной роли некоммерческих организаций (НКО) в развитии территорий. НКО выступают инструментом привлечения грантовых средств и агрегатором нефинансовых ресурсов, каналом артикуляции интересов (потребностей) местного

сообщества, активатором гражданской инициативы (Мерсиянова, Беневоленский, 2016; Чернега, 2020; Salamon, Toepler, 2015). Однако наблюдаются диспропорции в развитии сектора этих организаций между крупными и малыми городами, что подтверждается и в Республике Карелия. По данным Министерства юстиции РФ, в г. Петрозаводске зарегистрировано 953 организации, а в Костомукше только 43, по организационно-правовой форме преобладают религиозные и общественные организации¹². Ограниченнное количество действующих некоммерческих организаций оказывает влияние на их активность по привлечению средств федерального бюджета. В рамках конкурса Фонда президентских грантов с 2017 года поддержан только один проект автономной некоммерческой организации этнокультурный центр «Северия» на незначительную сумму 496 890 рублей. При этом в крупном городе Петрозаводске за 2023 год поддержано 19 социальных проектов на общую сумму более 42 млн руб.¹³

Эта тенденция прослеживается и в экспертном мнении. В ходе фокус-группы было отмечено недостаточное влияние общественных организаций. Деятельность действующих в городе НКО чаще всего направлена на сохранение карельской культуры. «У нас в Костомукше мало работающих НКО. Есть зарегистрированные, но вообще не работающие» (Э2). «Северия» и «Прялка», «Фонд Архипа Перттунена» активные и все. Какой-то комплексной работы нет. Если бы мы объединили усилия, то общими силами бы эту проблему решили» (Э5). По мнению экспертов, низкая активность обусловлена отсутствием у НКО ресурсов: «Существует мнение, что НКО должно зарабатывать себе на развитие грантами» (Э6). «Не хватает помещений – дома для общественных организаций» (Э2).

Возможно, пассивность общественных объединений и граждан отчасти обусловлена активной позицией социально ориентированного бизнеса, так как Костомукшский городской округ относится к городам присутствия ПАО

«Северсталь», которое совместно с благотворительным фондом «Доброта Севера» при поддержке администрации реализуют программу комплексного развития поселения. «Мне даже рук не хватит, чтобы посчитать последние реализованные проекты совместные с «Карельским окатышем». Взять дошкольное образование, детские сады, учреждения культуры – всегда поддерживают, поддерживают школьников на какие-то выезды. Спорт очень активно поддерживают, спортивную нашу школу» (Э5). К сильным сторонам программы следует отнести подготовительный этап, когда был проведен учет индекса качества городской среды, мнений федеральных экспертов в области урбанистики и жителей города. В задачи городского развития попадают наиболее проблемные сферы: здравоохранение, благоустройство, воспитание молодежи. В 2024 году для реализации программы «Северсталь» выделит более 200 миллионов рублей¹⁴. Новые направления развития дополнят традиционные программы мероприятий, нацеленные на повышение экологической безопасности: «У ГОКа большая экологическая программа, различные очистные сооружения во всем. Выбросы в воздух фильтруются» (Э6).

Одновременно не следует забывать, что малые территории в своем развитии опираются на малый и средний бизнес. Интервью с экспертами выявило различия во взглядах населения на представителей малого и среднего бизнеса в зависимости от их социальной позиции и разделения на «свои – чужие». Это хорошо прослеживается в отношении предпринимателей, которые занимаются разведением рыбы и заготовкой ягодной и грибной продукции. Положительные коннотации наблюдаются в высказываниях о деятельности местного предпринимателя-«форелевода», который заинтересован в сохранении экологии и решения социальных проблем: «Плюс ко всему предприниматель несет еще социальную нагрузку. Он очень помогает в содержании деревни. А также в поддержке детей и социальных проектов очень часто участвует» (Э7). Совершенно другое

¹² Данные Министерства юстиции РФ. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/> (дата обращения 22.07.2024).

¹³ По данным Фонда президентских грантов по всем конкурсам, проведенным Фондом президентских грантов со дня начала его работы 3 апреля 2017 г. URL: президентскиегранты.рф (дата обращения 20.07.2024).

¹⁴ «Северсталь» направит более 200 миллионов рублей на развитие Костомукши в 2024 году. URL: <https://severstal.com/rus/media/archive/severstal-napravit-bolee-200-millionov-rublej-na-razvitiye-kostomukshi-v-2024-godu/> (дата обращения 22.07.2024).

отношение жители демонстрируют к бизнесу, «зашедшему со стороны»: «*Наш отдел муниципального контроля с ними борется. У нас на каждой планерке докладывают по вопросу форелеводов*» (Э6). «*Но они не социально ответственные. Оппозиционные к социуму и к городу*» (Э1. Прим. В отношении предприятий по переработке ягод).

Итак, мы видим дисбаланс сил, когда речь идет о решении городских проблем. При сильной и заинтересованной позиции крупного бизнеса снижена активность населения, НКО, малого и среднего бизнеса. В связи с этим возникает вопрос о выборе стратегии городского развития и действиях заинтересованных сторон, т. к. в случае снижения доходности или закрытия градообразующего предприятия вследствие истощения природных ресурсов территория столкнется с деградацией экономики и социальной инфраструктуры, снижением качества жизни и оттоком населения.

Перспективные направления развития Костомукшского городского округа

Ориентиром для стратегического развития приграничной территории в сложных социально-экономических условиях должна стать возможность формирования территории с высоким потенциалом построения новой экономики. Перестройка экономики связана с перепрофилированием предприятий и переориентацией действующих предприятий на другие рынки сбыта. По мнению экспертов, эти процессы запущены: «*Окатьши обслуживал «Ципилин», он сейчас тоже не работает. Но в эту нишу зашли другие. Был еще «Сумитек», они обслуживали их конкурентов «Комацу». Там российско-японское было предприятие. Они тоже ушли из Костомукши, а сотрудников в один день перевели в ООО «Инстрой Тех Ком», если я не ошибаюсь. Это тоже большая сеть по России, они дистрибутеры этой техники (карьерной и в целом техники). Тут просто все сотрудники ушли к другим подрядчикам, которые пришли на их места*» (Э6). «*Раньше в советское время Белазы были только, потом появились Котриллера, Комацы. Сейчас Котриллера и Комацы отошли и опять Белазы собирают. 27 белазов за год собрали на Окатьши. Их прямо здесь собирают, т. к. они огромные и по частям не перетащить*» (Э7).

В качестве основных барьеров появления и развития новых экономических предприятий и

специализаций экспертами определены следующие: отсутствие необходимых ресурсов и смысла создавать крупные предприятия на малых территориях: «*Отсутствие электромощностей. Это такая большая проблема, которая отталкивает*» (Э3). «*Да и город то у нас небольшой, чтобы крупные мероприятия строить*» (Э7). «*Отсутствие квалифицированных кадров. Даже наши промышленные предприятия, крупные и не крупные, говорят, что сложно найти персонал*» (Э1). Частично эти проблемы снимаются. Так, для решения кадровых вопросов АО «Карельский окатыш» запускает собственные программы на базе образовательных учреждений города: «*Карельский окатыш» растит себе кадры в Костомукшском политехническом колледже. Они активно взаимодействуют, обновляют оборудование, колледж обновляет образовательные программы. И чтобы непосредственно проходили практику на «Карельском окатыше», с гарантией дальнейшего трудоустройства. Ребята даже учатся, потом идут на год служить в армию и возвращаются с гарантией трудоустройства*» (Э6).

Достаточно часто стратегическое развитие территории местные власти связывают с развитием туризма, что подкрепляется существующим под действием санкций трендом на внутренний туризм. Однако туристическая отрасль опирается на развитую инфраструктуру, поэтому в качестве направления её развития не стоит выбирать территории дождия с низким потенциалом построения экономики. В Костомукше выбор в качестве новых направлений развития спортивного и оздоровительного туризма основан на имеющемся опыте предоставления услуг в данной сфере: «*Если мы говорим про долгосрочную перспективу и если это моногород и ресурсы исчерпаемы, то естественно какое-то производство здесь нужно открывать. Если мы говорим на краткосрочную перспективу, то это сфера туризма, развитие биатлона, авиаперелеты. Говорили, что мы готовы выделить в Карелии земельный участок, чтобы построить центр круглогодичного пребывания детей. Пока вопрос этот подвис, но на самом деле это хороший стимул для развития, это новые рабочие места, дети могли бы здесь оздоровливаться, учитывая, какой у нас воздух*» (Э1). «*Санаторий можно. Радоновые ванны. То есть перспектива санаторного туризма*» (Э2).

Еще одним механизмом развития территорий является экономическая интеграция территорий. Однако, по мнению экспертов, муниципальным властям не следует выбирать путь сближения с соседними территориями. При наличии опоры на действующее предприятие АО «Карельский окатыш», которое участвует в решении городских проблем, жители чувствуют себя более защищенными, чем, например, население соседних округов. Поэтому у них отсутствует интенция к объединению с другими субъектами для совместного решения социальных проблем и выстраивания стратегий развития. Например, в отношении идеи объединения с соседним Калевальским районом были высказаны следующие мнения: «Мы не хотим ни с кем объединяться, уж извините» (Э5). «Они же дотационные. Нам просто они зачем? Они привыкли просить. Сколько можно тащить?» (Э6). «Работать и управлять надо на местах, а не увеличивать территории» (Э3).

Возможности ресурсного обеспечения для решения социальных проблем видятся в регулировании вопросов пополнения городского бюджета за счет договоренностей с руководством Республики Карелия: «У нас получается несправедливое распределение доходов. Налогообложение туда все уходит» (Э6). «Нам налоги возвращались, и мы жили на самоокупаемости. В таких случаях можно говорить о том, что мы могли бы вести самостоятельную хозяйственную деятельность, без субсидирования. По крайней мере с текущими проблемами, дорогами мы могли быправляться» (Э2). Таким образом, при существующем положении дел эксперты не видят финансовых оснований для развития территории помимо реализации программы развития за счет субсидий от ПАО «Северсталь».

Итак, несмотря на тренды возрастающей дифференциации регионального развития и депопуляции малых территорий, малым городам отводится достаточно важная роль в социально-экономическом положении страны, сохранении территориального единства и безопасности государства, что отражено в основных положениях Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года и Концепции до 2030 года. Каждая территория обладает определенным потенциалом, который отражается на её стратегическом управлении и

выборе пути возможного развития или адаптации к существующим социально-экономическим условиям.

Обсуждение полученных результатов и выводы

Сопоставление основных положений Стратегии социально-экономического развития муниципального образования «Костомукшский городской округ» до 2030 года с результатами исследования показало наличие многочисленных точек соприкосновения в перечне ключевых проблем и основных направлений развития территории. Остановимся на тех положениях, которые либо не затрагиваются в нормативном документе, либо требуют переосмысления. Потенциал развития территории разработчикам видится в ресурсах крупного бизнеса. Недаром практически все основные угрозы в SWOT-анализе касаются крупного бизнеса, более того, практически все они реализуются в связи с введением международных санкций в отношении России. При этом упускаются из вида ресурсы малого и среднего бизнеса, НКО, активных граждан. Разделы Стратегии, касающиеся крупного бизнеса и других субъектов развития территории, различаются содержательно: подробные планы в первом случае и обтекаемые формулировки из нормативных документов федерального уровня – в другом. Также в Стратегии делается ставка на привлечение иностранных резидентов для ведения бизнеса. В связи с изменениями в экономической среде следует внести корректизы в стратегическое планирование развития территории, поэтому в качестве рекомендации можно предложить, во-первых, дополнить нормативный документ разделом с выделением основных стейкхолдеров или субъектов развития территории. Во-вторых, одним из направлений развития видится туризм (экотуризм, промышленный, культурный, этнографический, спортивный), но в Стратегии отсутствует такое направление, как оздоровительный туризм, которое можно включить для рассмотрения имеющихся ресурсов. При этом участники фокус-группы акцентировали внимание на индивидуальном пути развития («свой» путь), однако мы отмечаем возможность кооперации с туристическими районами Республики Карелия, например грамотное перенаправление туристических потоков из Сортавалы дальше на

север, в т. ч. в Костомукшу. В рамках развития сельского и этнографического туризма необходима кооперация с сельскими территориями, входящими наравне с Костомукшой в Костомукшскую сельскую агломерацию.

Костомукшский городской округ относится по своим характеристикам к следующим типам: местный социально-экономический и культурный центр, потенциальная территория сжатия, монотерритория сырьевой направленности, что обуславливает риски дальнейшего городского развития. В качестве опорных пунктов стратегического развития видятся возможности несвязанной диверсификации, обусловленные наличием благоприятных экономических статусов территории. В качестве сценария межтерриториального взаимодействия предлагается разработка стратегии смешанного типа, когда предполагается рост количества отраслей, как связанных, так и совпадающих с соседними территориями. При этом основными барьерами для развития являются отсутствие электроэнергии для создания новых производств, плохая транспортная доступность, неудовлетворительное состояние городской инфраструктуры, недостаточный уровень человеческого капитала.

Таким образом, в результате исследования на основе экспертных оценок определены новые индивидуальные траектории развития: спортивный и оздоровительный туризм, которые необходимо учесть в стратегии развития Костомукши наряду с участием крупного бизнеса, принимая во внимание его значимую роль как стейкхолдера развития этой территории. Однако в качестве одного из основных барьеров

выделено недостаточно активное участие граждан, НКО, малого и среднего бизнеса в решении социальных проблем. Отчасти это обусловлено активной позицией крупного социально ориентированного бизнеса. В городах присутствия крупного бизнеса, в интересы которого входят вопросы городского развития, малому и среднему бизнесу не отводится заметная роль, что может иметь негативные последствия в случае внешних экономических рисков и потери корпоративной устойчивости предприятия. Безусловно, имеются тесные связи между устойчивым развитием корпораций и социальной устойчивостью местного сообщества (Волков, Симакова, 2022, с. 860), однако в качестве ресурса развития следует выделить активизацию граждан и поддержку некоммерческих организаций, деятельность которых будет способствовать сплочению сообщества и сохранению карельской культуры, самобытности города и, как следствие, его социально-экономическому развитию.

Результаты работы вносят определенный вклад в развитие научного знания и имеют потенциал практического применения, так как выводы по активизации различных стейкхолдеров и определение индивидуальных траекторий и стратегий развития можно распространить на другие монопрофильные территории. Новизна исследования заключается в расширении методологического подхода к стратегическому планированию развития малых городов с применением оригинального инструментария качественной социологии – экспертных оценок стейкхолдеров территориального развития.

Литература

- Волков А.Д., Симакова А.В. (2022). Арктический моногород: восприятие населением своего будущего в перспективах его развития // Регионология. Т. 30. № 4 (121). С. 851–881. DOI: 10.15507/2413-1407.121.030.202204.851-881
- Гунько М.С., Еременко Ю.А., Батунова Е.Ю. (2020). Стратегии планирования в условиях городского сжатия в России: исследование малых и средних городов // Мир России. № 29 (3). С. 121–141. DOI: 10.17323/1811-038X-2020-29-3-121-141
- Еферин Я.Ю., Куценко Е.С. (2021). Адаптация концепции умной специализации для развития регионов России // Вопросы государственного и муниципального управления. № 3. С. 75–110.
- Звягинцев В.И., Неуважаева М.А. (2015). Переселенцы из города в сельскую местность: феномен «обратной миграции» в современной России // Мир России. Социология. Этнология. Т. 24. № 1. С. 101–135.
- Калюжнова Н.Я., Виолин С.И. (2020). Умная специализация российских регионов: возможности и ограничения // Экономика, предпринимательство и право. № 10. С. 2457–2472. DOI: 10.18334/еpp.10.10.111061

- Климанов В.В., Чернышова Н.А., Недопивцева Д.А. (2016). Механизмы формирования стратегических приоритетов социально-экономического развития // Мир экономики и управления. Т. 16. № 4. С. 80–92.
- Косыгина К.Е. (2023). Роль местных сообществ в развитии малых территорий // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 5. С. 210–229. DOI: 10.15838/esc.2023.5.89.12
- Косыгина К.Е., Уханова Ю.В. (2024). Межсекторное социальное партнерство как основа муниципальной публичной политики // Журнал социологии и социальной антропологии. № 27 (1). С. 192–215. DOI: 10.31119/jssa.2024.27.1.9
- Кузнецов С.В., Свириденко М.В., Шамахов В.А. (2020). Стратегические приоритеты муниципального развития на основе выявления интересов стейкхолдеров: методологические подходы и практическая реализация // Управленческое консультирование. № 11 (143). DOI: 10.22394/1726-1139-2020-11-10-22
- Макарова М.Н. (2017). Малые города в пространственной структуре размещения населения региона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 10. № 2. С. 181–194. DOI: 10.15838/esc/2017.2.50.10
- Маркин В.В., Воронов В.В., Пешкова В.М. (2019). Малые города в государственной политике пространственного развития России: к методологии социального моделирования региональных стратегий и практик // Россия реформирующаяся. № 17. С. 271–286.
- Мерсиянова И.В., Беневоленский В.Б. (2016). Преимущества НКО как поставщиков социальных услуг: апробация в российских условиях // Вопросы государственного и муниципального управления. № 4. С. 7–26.
- Попкова А.А. (2022). Вовлечение граждан в стратегическое развитие малых территорий // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. № 4. С. 104–117. DOI: 10.31660/1993-1824-2022-4-104-117
- Симакова А.В., Волков А.Д., Тишков С.В. (2023). Экологические и социальные аспекты деятельности градообразующего предприятия в Арктическом моногороде (на примере Костомукши) // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. Т. 58. № 6. С. 149–169. DOI: 10.55959/MSU0130-0105-6-58-6-9. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=59765067>
- Смолева Е.О. (2023). Социальные противоречия малых территорий Вологодской области: методика оценки // Society and Security Insights. Т. 6. № 4. С. 91–107. DOI: 10.14258/SSI(2023)4-06.
- Тажитдинов И.А. (2013). Применение стейкхолдерского подхода в стратегическом управлении развитием территорий // Экономика региона. № 2 (34). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-steykhoderskogo-podkhoda-v-strategicheskem-upravlenii-razvitiem-territoriy> (дата обращения 22.09.2024).
- Ускова Т.В., Секушина И.А. (2021). Стратегические приоритеты развития малых и средних городов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 14. № 1. С. 56–70. DOI: 10.15838/esc.2021.1.73.5
- Чернега А.А. (2020). «Сила местных сообществ»: практики, механизмы и модели участия жителей в социокультурном развитии территории (на примере малых населенных пунктов Вологодской области) // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 23 (3). С. 51–77. DOI: 10.31119/JSSA.2020.23.3.3
- Черныш М.Ф., Маркин В.В. [и др.] (2020). Пространственное развитие малых городов: социальные стратегии и практики. М.: ФНИСЦ РАН. 523 с.
- Batunova E., Gunko M. (2018). Urban shrinkage: An unspoken challenge of spatial planning in Russian small and medium-sized cities. *European Planning Studies*, 26(8), 1580–1597.
- Boschma R., Coenen L., Frenken K., Truffer B. (2017). Towards a theory of regional diversification: Combining insights from evolutionary economic geography and transition studies. *Regional Studies*, 51(1), 31–45.
- Hospers G.J. (2014). Policy responses to urban shrinkage: From growth thinking to civic engagement. *European Planning Studies*, 22(7), 1507–1523.
- Krugman P.R. (1993). On the relationship between trade theory and location theory. *Review of International Economics*, 1(2), 110–122.
- Manzo L.C., Perkins D. (2006). Finding common ground: The importance of place attachment to community participation and planning. *Journal of Planning Literature*, 20(4), 335–350. DOI: 10.1177/0885412205286160
- Moallemi et al. (2021). A review of systems modelling for local sustainability. *Environmental Research Letters*, 16, 113004. DOI: 10.1088/1748-9326/ac2f62
- Salamon L.M., Toepler S. (2015). Government – nonprofit cooperation: Anomaly or necessity? *Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*, 26(6), 2155–2177.

Сведения об авторах

Елена Олеговна Смолева – старший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: riolenas@rambler.ru)

Ксения Евгеньевна Косыгина – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: sene4ka.87@mail.ru)

Smoleva E.O., Kosygina K.E.

Development of Small Cities: From Individual Trajectories to Strategic Planning

Abstract. The relevance of the study is due to increased attention to small cities and improving the quality of life, which is directly related to the strategic planning of small cities development, taking into account individual features. However, small cities in Russia are characterized by negative trends in the social and economic spheres. The aim of the study is to identify key areas of small cities development strategies, taking into account individual trajectories identified on the basis of expert assessments. The city of Kostomuksha of the Republic of Karelia, which is the administrative center of Kostomukshsky Urban Okrug, was chosen as the object of research. We use qualitative sociology methods, namely, the results of an expert focus group and individual interviews with representatives of government, business and non-profit organizations. We reveal problems in the social sphere typical for the city of Kostomuksha and for small cities in general: low level of accessibility of education and healthcare services, including personnel in these areas, migration outflow of young people, lack of renovation of housing stock. Regarding the stakeholders of territorial transformations, we find out that the main feature of Kostomuksha is predominant participation of large socially oriented businesses in addressing urban problems with rather weak participation of citizens. As a result of the research, we have identified new individual development trajectories: sports and wellness tourism, which must be taken into account in the development strategy of Kostomuksha. We conclude that it is necessary to design strategies for the development of territories, taking into account the opinions and activity of local communities, opportunities for collaboration of various actors in addressing social issues of small cities. The novelty of the research lies in expanding the methodological approach to strategic planning for small cities development using original tools of qualitative sociology – expert assessments of stakeholders in territorial development.

Key words: small cities, small territories, development strategies, socio-economic development, civic participation, individual trajectories.

Information about the Authors

Elena O. Smoleva – Senior Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: riolenas@rambler.ru)

Kseniya E. Kosygina – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: sene4ka.87@mail.ru)

Статья поступила 08.08.2024.

DOI: 10.15838/esc.2024.5.95.10

УДК 33:364, ББК 65.272

© Кормишкин Е.Д., Моисеева И.В.

К вопросу о «новой» бедности в России в 2000–2023 гг.

**Евгений Данилович
КОРМИШКИН**

Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарёва
Саранск, Российская Федерация
e-mail: kormishkined@mail.ru
ORCID: 0000-0002-7524-4072; ResearcherID: AAK-1819-2021

**Ирина Владимировна
МОИСЕЕВА**

Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарёва
Саранск, Российская Федерация
e-mail: moira-22@mail.ru
ORCID: 0000-0003-2034-5703; ResearcherID: AAV-5336-2021

Аннотация. Актуальность темы исследования обусловлена признанием феномена «новой» бедности в качестве глубокой, постоянной и воспроизводимой проблемы российской реальности XXI века, которая сопровождается недоиспользованием накопленного человеческого капитала и усилением риска падения экономической ценности образования, что препятствует поступательному и устойчивому экономическому росту. Цель исследования состоит в конкретизации ключевых качественных признаков «новой» бедности и обосновании воспроизведения этого феномена в России в 2000–2023 гг., исходя из признания в качестве его фундаментального условия рентоориентированного поведения государства, сопровождаемого крайним социально-экономическим неравенством. Методология исследования базируется на системном подходе, на применении методики анализа с использованием линейного и разделительного методов по отношению к идентификации и анализу причин, сопутствующих факторов и следствия; метода

Для цитирования: Кормишкин Е.Д., Моисеева И.В. (2024). К вопросу о «новой» бедности в России в 2000–2023 гг. // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 5. С. 184–203. DOI: 10.15838/esc.2024.5.95.10

For citation: Kormishkin E.D., Moiseeva I.V. (2024). On the issue of “new” poverty in Russia in 2000–2023. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 17(5), 184–203. DOI: 10.15838/esc.2024.5.95.10

иерархической классификации переменных для кластеризации субъектов Российской Федерации с учетом распространения феномена абсолютной монетарной бедности. Определены фундаментальное условие, основные причины, детерминируемые крайним социально-экономическим неравенством, и сопутствующие им факторы, которые в своей совокупности объясняют воспроизведение «новой» бедности в России как крупной проблемы, требующей решения на политическом уровне. Установлены ключевые качественные признаки «новой» бедности в России, раскрывающие её природу в условиях рентоориентированного поведения государства. Среди них: социальная исключенность из использования ресурсов, разного рода благ и привилегий; распространение на занятых со средним и высшим профессиональным образованием, работающих в разных секторах экономики, нисходящая профессионально-квалификационная мобильность; расширение «теневой экономики выживания» и др. Проведена кластеризация субъектов Российской Федерации с учетом распространения абсолютной монетарной бедности в 2023 году. Предложен ряд базовых, основополагающих мер, направленных на преодоление бедности (с учетом ее «нового» качества) и малообеспеченности россиян.

Ключевые слова: «новая» бедность, граница бедности, медианный среднедушевой доход, рентоориентирование, социальное неравенство, нисходящая профессиональная мобильность, парадокс «занятые-бедные», политика преодоления бедности.

Введение

Актуальность и значимость исследуемой проблемы

Нынешний этап социально-экономического развития в разных странах мира в терминах лауреата Нобелевской премии по экономике Р. Кругман, характеризуется как «системный и стадиальный регресс», проявляющийся прежде всего в «поляризации», движущей силой которой выступает «неравенство в собственности, а не в заработке» (Krugman, 2014, р. 6). Социально несправедливая экономическая система с ее имущественным неравенством и бедностью, сопровождаемой дискриминацией в получении образования и медицинского обслуживания, находится в разительном противоречии с базовыми принципами инклюзивного общества и устойчивого развития. Кроме того, такая экономическая система несовместима с известной конституционной нормой о России как социально-государстве, получившей отражение в статье 7 Конституции РФ, в соответствии с которой одна из главных его миссий направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (Ильин, 2017, с. 10).

На этом фоне бедность, как характеристика одного из уровней жизни в экономической и социальной сферах, означающая, по сути, невозможность нормального физического воспроизведения человека, его трудового и человеческого потенциалов (Бобков, Вершинина,

2022, с. 179), становится особой предметной областью для ответственных научных поисков и разработок. Значимость преодоления бедности во всех ее формах для достижения устойчивого развития получила официальное признание на глобальном уровне¹ и нашла отражение в координации международных усилий «по ликвидации бедности параллельно с мерами по наращиванию экономического роста и решению целого ряда вопросов в области образования, здравоохранения, социальной защиты и трудоустройства»².

Необходимо отметить, что в целом по миру за 1990–2023 гг. человечеством были достигнуты впечатляющие результаты в сокращении крайней бедности. Однако начиная с 2020 года эта поступательная тенденция была прервана из-за, главным образом, последствий пандемии COVID-19; в 2020–2023 году по миру в целом наблюдался самый высокий рост уровня бедности в годовом выражении, что было документально зафиксировано в докладе Всемирного банка «Бедность и всеобщее благосостояние»

¹ Речь идет в первую очередь о таких концептуальных документах ООН, как «Цели развития тысячелетия (2000–2015 гг.)» и «Цели устойчивого развития на период 2016–2030 годы для всех стран мира».

² Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года (2015). ООН. 45 с. URL: <https://sdgs.un.org/ru/2030agenda> (дата обращения 08.07.2024).

(Вашингтон, 2022). По данным Программы ООН (UNDP), в этот период, например, в странах с низким среднедушевым доходом численность бедных увеличилась на 165 млн человек; даже в США значение уровня бедности выросло с 7,8% в 2021 году до 11,5% в 2022 году.

В России, напротив, наблюдалось снижение доли населения, которая официально определяется как малоимущие. Согласно обновленным данным Росстата, в 2023 году за границей абсолютной монетарной бедности находились 8,5% россиян, или 12,4 млн человек (это исторически минимальное значение за весь постсоветский период) против 9,8% в 2022 году, 10,7% – в 2012 году. Вместе с тем под воздействием антироссийских санкций и периодических кризисных падений производства реальные располагаемые денежные доходы россиян оказались на 6,5% ниже уровня 2013 года (Клепач и др., 2022, с. 5), а уровень бедности не достиг определенного в Целях национального развития значения в 6,5%.

Примечательно, что в перспективе до 2030 года, согласно поручению Президента Российской Федерации по итогам его Послания Федеральному Собранию от 29 февраля 2024 г., Правительство РФ должно не просто обеспечить снижение уровня бедности населения до не менее 7%, а среди многодетных семей – более чем в 2 раза (до не более 12%), а пересмотреть подходы к определению бедности с тем, чтобы поднять стандарты жизни низкоходовых групп населения.

Бедность как социально-экономическое явление относительна; теоретические представления о ней конкретизируются и модернизируются с учетом генеральных тенденций и закономерностей эпохи и особенностей экономического развития конкретной страны в конкретный временной отрезок. Применительно к настоящему периоду, например, по мнению лауреатов Нобелевской премии по экономике (Banerjee, Duflo, 2012, р. 33), «бедность – это не просто отсутствие денег; это неспособность полностью реализовать свой человеческий потенциал». Директор Института социальной политики НИУ ВШЭ Л.Н. Овчарова подчеркивает: «Одна история – когда денег меньше, чем прожиточный минимум... другая история – когда для выживания ресур-

сов достаточно, но потребление существенно ниже, чем преобладающий в стране стандарт потребления»³.

В таком контексте мысль о том, что «бедность всегда с нами» (Стиглиц, 2015, с. 75), по сути, означает, что под влиянием определенных объективных условий и причин может изменяться представление о бедности, ее профиль. Так, в связи с нарастающим в последние десятилетия во всех странах мира социальным неравенством и «сопутствующей поляризацией» остро стоит проблема бедности среди трудоспособного населения, результатом чего стало появление особой социальной группы – «новых» бедных, которые характеризуются относительно высокими показателями профессиональных качеств и низким уровнем оплаты труда (Стиглиц, 2021, с. 69; Селиванова, Разумов, 2023).

Применительно к нынешней России, несомненно, вызывает обеспокоенность распространение этого феномена на семьи с детьми, на занятых производительным трудом и молодежь, то есть на тех, на кого общество возлагает миссию по воспроизводству населения, человеческого и трудового потенциалов страны. Иными словами, это означает, что в постсоветской России сформировался фактор самовоспроизводства бедности, обусловленный низким уровнем реальных доходов активно работающих граждан; сохраняется устойчивость «ловушки бедности», которая может стать мощным ограничителем трудовой мотивации и экономической активности населения, чревата ростом преступности и социальных потрясений (Кормишкина, Ермакова, 2021).

На фоне сказанного проблема бедности, включая ее новые качественные признаки и определение главных катализаторов «новой» бедности, является актуальной, требующей дальнейших теоретических исследований; она должна оставаться важнейшим приоритетом социально-экономической политики российского государства, несмотря на кризис, связанный с начавшейся в 2022 году блокадой экономики России со стороны Запада (Клепач и др., 2022, с. 5).

³ Бедность – угроза качеству экономического роста (материалы интервью с директором Института социальной политики НИУ ВШЭ Л. Овчаровой) // Эксперт. 15.07.2019. № 29. URL: <https://expert.ekiosk.pro/743949> (дата обращения 01.07.2024).

Современное состояние исследований по данной проблеме

Проблема бедности с конца XIX века является предметом активной научной дискуссии, в рамках которой в разные временные отрезки ключевое место занимают вопросы, связанные с определением и измерением исследуемого феномена. Поскольку бедность как социально-экономическое явление тесно коррелирует с уровнем экономического развития и особенностями конкретной страны, то теоретические представления о ней и формах ее проявления дифференцированы во времени и пространстве (Капустин, 2006, с. 12; Овчарова, 2009, с. 8; Ильин, Морев, 2022, с. 14).

В современной теории определения бедности можно выделить три конкурирующих между собой подхода, различающихся своей концептуальной основой: вэлферистский, депривационный, «функциональные возможности» А. Сена. В соответствии с вэлферистским подходом, базирующимся на идее максимизации благосостояния посредством максимизации факторов потребительской полезности, при анализе бедности ключевая роль отводится таким показателям, как доходы или потребительские расходы. Концептуальное предпочтение при этом отдается доходу, который рассматривается, например (Atkinson, Micklewright, 1992), как мера возможностей, открытых перед человеком, вести тот образ жизни, который ему подходит. Достаточная методологическая проработанность данного подхода позволяет ему и в наши дни оставаться доминирующим в рамках официальной системы определения и измерения бедности в разных странах мира, включая Россию.

В основе депривационного подхода лежит теория базовых потребностей, разработанная известным британским экономистом Р. Townsend (Townsend, 1979); исследование бедности строится на основе «лишений» в потреблении товаров или услуг, набор которых определяется в зависимости от социально-экономических условий и образа жизни страны или региона. Этот подход, в отличие от предыдущего, позволяет учитывать отдельные социальные факторы, связанные с качеством жизни (например, возможность проявлять и эффективно использовать в трудовом процессе свои умственные и

физические способности, социальная защита и социальная справедливость и т. д.), что расширяет теоретические представления о благосостоянии. Кроме того, Р. Townsend обратил внимание на то, что значительная концентрация «лишений» (признаков бедности) индивида (домашних хозяйств) наблюдается до уровня дохода 50–60% от медианного (Me) (Кормишкин, 2023, с. 221). Следует сказать, что определение бедности через «лишения» с конца 1990-х гг. широко применяется на практике в развитых странах; при этом сам метод продолжает развиваться.

Согласно теории благосостояния как «функциональных возможностей», разработанной лауреатом Нобелевской премии в области экономики А.К. Сен, оценка благосостояния должна основываться на личных потенциальных возможностях, которые «способствуют достижению наивысшей ценности – выбору образа жизни по собственному разумению» (Sen, 1982). При этом ученый позиционирует бедность как наиболее заметную форму неравенства, как результат лишения индивида базовых функциональных возможностей – от элементарных, необходимых для его физиологического выживания («возможность избегать достаточной смерти», «нормально питаться», «иметь доступ к чистой питьевой воде», «иметь крышу над головой»), до комплексных, связанных с действием или личностным состоянием («получить образование», «принимать участие в жизни сообщества», «испытывать самоуважение» и др.) (Sen, 1987). Необходимо отметить, что прикладная задача по определению и обоснованию такого списка функциональных возможностей на сегодняшний день не имеет убедительного решения.

Сравнение разнообразных трактовок исследуемой дефиниции в рамках обозначенных теоретических подходов к её определению и измерению позволяет констатировать переход к более высокому стандарту бедности, обеспечивающему индивиду не только физиологическое выживание, но и учитывающему его исключенность из принятых в данном обществе социокультурных нормативов, задающих требования к уровню и способу выполнения определенной деятельности (Овчарова и др., 2022). При таком понимании бедности сохраняется

настоятельная потребность в дальнейшем обсуждении вопросов, связанных с определением черты (границы) бедности как многокритериального социально-экономического явления. Здесь конкурируют три известные концепции бедности (абсолютная, относительная и субъективная); в то же время ряд экспертов⁴ в качестве научного мейнстрима XXI века указывают на необходимость комбинирования нескольких линий бедности (Бобков, Одинцова, 2020; Бобков и др., 2021; Бобков и др., 2022; Довготько и др., 2022; Овчарова и др., 2022). В связи с этим весьма принципиальным представляется аргументированное утверждение о том, что в странах, столкнувшихся со снижением уровня жизни, переход только на относительную монетарную черту бедности, которая на практике устанавливается, как правило, на уровне 40–60% от Ме, без увязки с измерением абсолютной бедности, базирующейся на сравнении дохода со стоимостью минимальной потребительской корзины, может опустить официальную черту бедности ниже уровня физиологического выживания (Овчарова, 2009, с. 32; Овчарова и др., 2022, с. 7). Именно такая «новация» была положена в основу изменения моделей расчета границы бедности в России в 2021 году (она была установлена на уровне в 44,2% от Ме и определялась как относительная монетарная бедность). Однако упомянутая методика определения границы бедности подверглась острой и конструктивной критике со стороны отдельных ведущих исследователей российской бедности, например В.Н. Бобкова⁵.

Развитие теоретических представлений о бедности как социально-экономическом явлении в последние десятилетия, помимо сказанного выше, находит отображение в оригинальных суждениях о «новой» бедности. Обозначенная дефиниция при этом применяется, как правило, в отношении людей, которые оказались в проигрыше в результате новых экономических условий (например, сокращение социальной роли государства; снижение уровня жизни под воздействием обострения экономи-

ческих и социальных проблем; рост продолжительности жизни) (Armstrong, 2017).

В таком контексте примечательна предметная постановка вопроса о взаимосвязи крайнего социально-экономического неравенства, функциональных возможностей индивида и экономического роста, выполненная известным французским экономистом Т. Piketty; лауреатами Нобелевской премии по экономике: Р. Кругман, Дж.Ю. Стиглицем, А.В. Ванегжее, Е. Duflo. При этом в качестве новых трендов неравенства в XXI веке, тормозящих устойчивый экономический рост и детерминирующих сохранение глубокой и постоянной бедности, указываются так называемая проблема одного процента; «сопутствующая поляризация», когда в какой-то мере увеличивается спрос на очень высокую квалификацию, а остальной рост занятости приходится на низкоквалифицированную работу с соответствующим низким уровнем оплаты труда (Стиглиц, 2021, с. 163); сокращение роли государства в социальной поддержке. Крайнюю степень неравенства, когда «...социальные, экономические и политические последствия его вылезают на поверхность» (Стиглиц, 2016, с. 323), и которая наблюдается в разных странах мира, включая Россию, в XXI веке, ученые объясняют прежде всего рентоориентированием⁶ и фактическим переходом от общественно выгодной конкуренции (базируется на принципах свободного рынка) к общественно невыгодной, или позиционной (продукт преобладания властно-собственнических отношений) (Piketty, 2020, р. 327; Фишман и др., 2019, с. 29).

Кроме того, на фоне неолиберальных экономических реформ, реализуемых в России в 1990-е гг., специалистами Всемирного банка

⁴ Бедность – угроза качеству экономического роста (материалы интервью с директором Института социальной политики НИУ ВШЭ Л. Овчаровой) // Эксперт. 15.07.2019. № 29. URL: <https://expert.ekiosk.pro/743949> (дата обращения 01.07.2024).

⁵ Бобков В. (2021). Прожиточный минимум – темный лес // Аргументы и факты. № 11 (755). 24.03.2021. С. 3.

⁶ В новейшей экономической литературе под рентоориентированием в широком смысле понимаются все многочисленные методы, посредством которых текущие политические процессы помогают богатым еще больше обогащаться за счет остальных (например, через скрытые и открытые трансферты и субсидии правительства; получение государственного имущества (такого как нефть или полезные ископаемые) по ценам ниже рыночных; продажа правительству произведенной продукции по ценам выше рыночных (неконкурентное производство); вялое функционирование существующего законодательства в вопросах конкуренции и т. д.). Существует мнение, что рентоориентирование особенно распространено среди стран, богатых природными ресурсами (Стиглиц, 2015, с. 99–103; Стиглиц, 2016, с. 131–133).

был отмечен факт распространения «новой» бедности на российское общество, что прежде всего означало признание этого феномена в качестве одной из основных экономических и социальных проблем страны. При этом «новую» бедность в России 1990-х гг. они объясняли разрушением системы государственного распределения, основанного на принципе реального социализма «каждому – по труду», и последствиями трансформационного спада; в качестве ее главной черты было определено распространение бедности на работающих. «„Новые“ бедные не могут преодолеть свою бедность с помощью доступной им работы», – подчеркивает эксперт Всемирного банка Д. Брейтуейт (Брейтуейт, 1998). В терминах Дж. Стиглица, «новая» бедность взаимосвязана с «сопутствующей поляризацией» (Стиглиц, 2021, с. 70).

Необходимо отметить, что в отечественной экономической науке проблема бедности в качестве особого предмета исследования обозначилась только в начале 1990-х гг. после серии неолиберальных рыночных реформ (в советской России имело место ее идеологическое отрицание), приняв формат академических дебатов вокруг изменений в составе (профиле) бедных и, соответственно, в природе российской бедности; определения факторов, формирующих бедность среди трудоспособного и работающего населения; объяснения влияния бедности на экономический рост. Новое качество бедности применительно к условиям рыночного развития экономики рассматривалось в работах ведущих отечественных исследователей (Ржаницына, 2001; Тихонова, 2003; Тихонова, 2018; Овчарова, 2009; Овчарова и др., 2022; Разумов, Ягодкина, 2007; Шевяков, Кирута, 2009; Ярошенко, 2010; Бобков, Одинцова, 2020; Бобков и др., 2022; Клепач и др., 2022 и др.). Более конкретно «новая» бедность в России позиционируется как постоянное, воспроизведенное социально-экономическое явление, как результат «не недостатка средств для удовлетворения распространенных стандартов жизни, принятых минимально необходимыми в конкретных социальных условиях в данной стране, а как результат множественного социального исключения» (Ярошенко, 2010, с. 229). Отличительная черта российской «новой» бедности, по мнению Н.Е. Тихоновой, предопределяется видом

экономической деятельности и, например, проявляется в появлении среди бедных «белых воротничков», работающих в бюджетной сфере (Тихонова, 2003, с. 88; Тихонова, 2018, с. 19). В.Н. Бобков и Е.В. Одинцова, предпринимая попытку конкретизировать количественные критерии феномена бедности, к «новым» бедным относят занятых в любом сегменте в составе экономически активного населения с низким уровнем и качеством жизни, не имеющих соответствующего стандарта (не ниже 4,1 ПМ) дохода от занятости, который обеспечивал бы устойчивое материальное положение домашних хозяйств с учетом иждивенческой нагрузки и выведения их на уровень денежных доходов не менее 3,2 ПМ (Бобков, Одинцова, 2020, с. 178).

Иными словами, в новейшей экономической литературе имеет место признание феномена «новой» бедности в качестве относительного и многозначного социально-экономического явления, зависящего от общественного стандарта уровня и качества жизни в конкретной стране в конкретный исторический период, а значит, предопределенного неким объективным событием или явлением (фундаментальным условием), например рыночной трансформацией в России в 1990-х гг. (Брейтуейт, 1998); снижением уровня жизни в результате обострения экономических проблем в условиях рыночного развития страны (Бобков и др., 2022) и др. При этом изменение относительных представлений о бедности (ее «новизне») предполагает установление не только адекватных количественных критериев, но главным образом – ключевых качественных (поведенческих) признаков этого феномена, зависящих от контекста.

Сложность, дискуссионность и недостаточная проработанность указанных аспектов проблемы бедности предопределили предметную постановку данного исследования – «новая» бедность в условиях рентоориентированного поведения российского государства.

Цель исследования состоит в конкретизации ключевых качественных признаков «новой» бедности и обосновании воспроизведения этого феномена в России в 2000–2023 гг., исходя из признания в качестве его фундаментального условия рентоориентированного поведения государства, сопровождаемого крайним

социально-экономическим неравенством. В связи с этим поставлены следующие основные задачи:

- определить основные причины и сопутствующие им факторы «новой» бедности, детерминируемые крайним социально-экономическим неравенством и позволяющие в своей совокупности объяснять механизм воспроизведения данного феномена в России в обозначенном временном периоде;
- установить ключевые качественные (поведенческие) признаки российской «новой» бедности, отражающие изменение её природы в условиях крайнего социально-экономического неравенства;
- сформировать минимально необходимый инструментарий государственной политики по содействию преодолению «новой» бедности в современной России.

Методы исследования

Методология исследования в целом базируется на содержательном системном подходе, представляющем особую теорию познания сложносоставных объектов, которая способствует выработке средств решения комплексных проблем. В рамках этого подхода наряду с методами индуктивного и дедуктивного анализа был задействован инструментарий исторического и сравнительного анализа.

В исследовании были использованы, помимо прочего, следующие специальные методы и приемы:

1. Методика анализа основных причин, базирующаяся на линейном и разделительном подходах к анализу причин и следствия посредством постановки многочисленных вопросов (почему?) как эффективного способа идентификации одного или нескольких условий, ведущих к «ошибкам». В данной методике под причиной понимается условие, создающее следствие; устранение причины устраняет следствие. Сопутствующий фактор – это условие, оказывающее влияние на следствие посредством увеличения его ускорения во времени; на тяжесть последствий. Применение обозначенной методики делает возможной разработку ряда корректирующих действий для предотвращения «ошибок» в будущем.

2. Формирование баз данных, необходимых для отображения экономического потенциала, уровня и качества жизни населения, неравенства и бедности в России за 2000–2023 гг.;

информационной базой при этом послужили данные Росстата, Всемирного банка и др.

3. Интеллектуальный анализ данных с инструментальной поддержкой Microsoft Excel, ППП Statistica, Matlab, включающий кластеризацию субъектов Российской Федерации с учетом распространения феномена абсолютной монетарной бедности в 2023 году по заданным критериям с последующим анализом. Кластеризация обеспечивает не только визуализацию негативной тенденции усиливающегося регионального неравенства по уровню бедности в России; оценка полученных сегментов (кластерный анализ) дает возможность протестировать гипотезу о распространении «новой» бедности в субъектах Федерации, обусловленном, помимо прочего, сохранением высокого регионального неравенства по душевым доходам.

В рамках кластерного анализа был использован метод k-средних для предварительного разбиения на группы анализируемого набора данных, чтобы, с предварительной стандартизацией переменных, определить количество кластеров (в нашем случае k = 3) и рассчитать средние значения точек (показателей, которые становятся новыми центрами кластеров), принадлежащих к определённому кластеру.

Результаты и их обсуждение

Основные причины и сопутствующие факторы устойчивого воспроизведения и качественных изменений феномена «новой» бедности в России в 2000–2023 гг., предопределяемые рентоориентированным поведением государства

Проведенное в рамках заявленной тематики расширенное монографическое обследование и анализ некоторых фактологических данных послужили основанием для утверждения о том, что по своей природе «новая» бедность в России в 2000–2023 гг.⁷ – это признанная обществом глубокая, постоянная, воспроизводимая проблема, в которой тесно переплетены различные (экономические, социальные, поведенческие, психологические) аспекты. Примечательно, что применительно к российским

⁷ 2000–2023 гг. для России – это крайне противоречивый период, когда меры по восстановлению и/или улучшению благосостояния населения осуществлялись на фоне экономического роста 2000–2007 гг., проявлений глобального кризиса 2008–2009 гг., автономной рецессии 2010–2013 гг., санкционного кризиса и последствий «великого карантина из-за пандемии COVID-19».

экономическим реалиям обозначенная дефиниция акцентирует внимание на том, что сегодня труд и мотивация к нему все реже обеспечивают высвобождение из «ловушки бедности», поддерживая массовый феномен работающих бедных; «все чаще на доходы... влияет возможность получать сословно-статусную ренту⁸ в виде надбавки к труду, которая не зависит от производительности труда, но диктуется со словной принадлежностью, территориальным расположением и отраслевой организацией работодателя» (Фишман и др., 2019, с. 203).

При этом фундаментальным условием воспроизводства глубокой и постоянной «новой» бедности в России образца 2000–2023 гг. является утвердившаяся экспортно-сырьевая модель национальной экономики, которую отличает высокая зависимость последней от освоения природных ресурсов при крайне низком уровне вклада в нее социального и человеческого капитала (Kormishkina et al., 2020). В условиях рентоориентированного государства при слабости политических и общественных институтов создается «самораскручивающаяся рентная спираль», когда политico-административные элиты заинтересованы в разрастании доли ренты на свое обслуживание больше, чем в развитии рынка массового труда и в социальных импакт-инвестициях; в общем тренде по переводу бюджетников, «политически менее ценных», в более низкую по стандарту категорию наемных работников, лишающую их части ренты и привилегий, которыми они пользовались ранее (Спенс, 2013, с. 154; Фишман и др., 2019, с. 205; Стиглиц, 2021, с. 235–236). В конечном итоге рентоориентированное поведение российского государства обусловливает крайне социально-экономическое неравенство, которое в нынешней России становится главным катализатором «новой» бедности.

В рамках нашего исследования была предпринята попытка систематизировать основные причины и сопутствующие им факторы воспроизводства и конкретизировать качественные изменения этого феномена в России в 2000–

⁸ В новейшей экономической литературе под рентой понимаются материальные и иные блага, привилегии, которые получают индивиды, социальные группы и даже отдельные общества вследствие занятия выгодной позиции в социально-политической структуре (см.: например, Стиглиц, 2016, с. 131).

2023 гг. К таковым, по нашему мнению, относятся следующие.

1. *Сохраняющаяся поляризация общественного производства на конкурирующие между собой (за ресурсы и условия хозяйствования) экспортно-сырьевой (в основном энергосырьевой) и традиционный, обслуживающий национальный рынок, сектора, которая в условиях периферийной рыночной экономики закрепляет, помимо прочего, институциональную ловушку «системы низких заработных плат».*

Такая диспропорция, сложившаяся в России под влиянием экспортно-сырьевой (рентной) модели национальной экономики, прежде всего опасна разрушением ключевого баланса в виде соответствия между отраслевой структурой экономического потенциала (основных фондов и трудовых ресурсов), валового дохода и инвестиций в основной капитал, только в рамках которого она может воспроизводиться как единое целое. В связи с этим считаем принципиальным отметить, что в России в первые десятилетия XXI века оформилась структура экономики, при которой обрабатывающие производства, создающие высокую добавленную стоимость и наукоемкие по своей сути, занимали периферийное положение вследствие преобладания в обществе отношений рентоискательства над отношениями, складывающимися на рынке труда. Справедливость такого утверждения подтверждают рассчитанные и приведенные ниже фактологические данные⁹.

Сырьевой сектор экономики РФ, располагая относительно небольшим производственным потенциалом (в 2022 г. – 2,2% от всех занятых, 8,8% основных фондов), обеспечивал 14,1% произведенного ВВП РФ, 15,2% инвестиций, 40% налоговых доходов. При сложившихся ценовых соотношениях на одного занятого в сырьевом комплексе приходится валового дохода в 3,4 раза больше, чем в традиционном, а среднемесячная начисленная заработная плата в 1,8 раза превышает среднюю заработную плату по экономике

⁹ Данные рассчитаны по: Российский статистический ежегодник. 2008. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b08_13/Main.htm; Российский статистический ежегодник. 2019: стат. сб. / Росстат. М., 2019. 708 с. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b19_13/Main.htm; Российский статистический ежегодник. 2023: стат. сб. / Росстат. М., 2023. 701 с. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Ejegodnik_2023.pdf

в целом и почти в два раза – в сравнении с обрабатывающими производствами.

В секторе обрабатывающих производств в РФ в 2022 году были заняты 14% от общей численности рабочей силы (для сравнения: в 2007 г. – 16,9, в 2010 г. – 14,9, в 2018 г. – 14,1%); сосредоточено 6,9% от всех видов основных фондов и 13,4% производственных инвестиций; средняя номинальная начисленная заработка плата работников здесь составила 60,4 тыс. рублей и не достигала уровня средней заработной платы по экономике (65,3 тыс. рублей).

В условиях санкционного кризиса и утраты обрабатывающими производствами своих прежних позиций в общественном производстве проявляются антиустойчивые тенденции (сопутствующие факторы поляризации общественного производства), создающие барьеры для роста совокупной факторной производительности (или TFP) и продуцирующие на этой основе низкооплачиваемую занятость. Речь идет о таких негативных тенденциях, как усиление хреодного эффекта (обновление фондов и технологий производства в основном за счет импорта); износ основных фондов, оцениваемый в критериях экономической безопасности как «близкий к нестабильному» [справочно: степень износа основных фондов в РФ на конец учетного периода в 2021–2022 гг. составляла 40,5% против 39% в 2020 г.]; низкий спрос на результаты НИР со стороны производства, отражаемый в показателе «соотношение затрат на технологические инновации и затрат на исследования и разработки» [справочно: согласно данным Росстата, за 2000–2022 гг. значение данного индикатора, отображающего, помимо прочего, возможность создания в экономике высокотехнологичных рабочих мест, ни разу не достигало рекомендуемого в теории экономической безопасности порогового значения, равного 2,0 (Инновационное преобразование..., 2013, с. 313); его максимальное значение было отмечено в 2020 году (1,9); в 2021 году оно вновь снизилось и составило 1,83, в 2022 г. – 1,85; наименьшие значения показателя отмечались в 2005 (0,54), 2007 (0,56), 2008 (0,64) годах на фоне роста ВВП]¹⁰.

¹⁰ Показатель рассчитан на основании данных Федеральной службы государственной статистики (<https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12994>).

Тенденция к рентному политическому порядку, сопровождаемая в современной России обозначенной структурной несбалансированностью общественного производства, в конечном счете не только препятствует преодолению институциональной ловушки «системы низких заработных плат», унаследованной еще от советского периода, но и вытесняет рыночные обмены в разрастающуюся «теневую экономику выживания»¹¹. Обозначенную тенденцию можно проследить, исходя из данных, приведенных в *таблице 1*. Они свидетельствуют о значительном росте в России в 2018–2021 гг. не занятых в экономике (неработающих) среди малоимущего и крайне бедного населения, доля которых по отношению к численности обследованного Росстата населения составляла 76,2% в 2021 году против 62,8% в 2018 году, а без учета неработающих пенсионеров соответственно 63,8 и 49,8%.

Новейшая экономическая теория, подтвержденная рядом экспериментальных исследований, акцентирует внимание на том, что «снижение продуктивности низкооплачиваемых работников гораздо выше, чем увеличение продуктивности их высокооплачиваемых коллег, а посему общая производительность все-таки снижается» (Banerjee, Duflo, 2019, р. 282).

Отсюда можно сделать вывод: преодоление ловушки «системы низких заработных плат» в нынешней России проблематично без активной промышленной политики, направленной на помочь в обеспечении структурных сдвигов в экономике с учетом будущих потребностей, на создание высокотехнологичных рабочих мест, обеспечивающих рост стоимости рабочей силы, связанной с повышением ее качества.

2. *Растущая концентрация доходов и богатства в рамках верхнего дециля населения, сопровождаемая «сопутствующей поляризацией».*

Одним из главных трендов социально-экономического развития в XXI веке, в разных странах мира, включая Россию, обусловленных рентоориентированием, является крайне

¹¹ В книге (Фишман и др., 2019, с. 200) «теневая экономика выживания» позиционируется как часть экономики (в виде разных форм самозанятости и индивидуального выживания, бартера, натурального хозяйства и др.), которая в отличие от «серой» (полулегальной) или «черной» (криминальной) является честной, но не приспособленной к тем дополнительным формальным и неформальным расходам, которые влечет ее выход в свет.

Таблица 1. Распределение общей численности бедного населения Российской Федерации по отношению к его экономической активности*, %

Показатель	Малоимущее население						Крайне бедное население						Все обследованное население, 2021 г.
	2000	2008	2018	2019	2020	2021	2000	2008	2018	2019	2020	2021	
Занятые в экономике (работающие)	-	59,7	31,0	28,9	27,3	26,2	-	54,3	21,0	19,1	17,0	14,9	53,0
из них работающие пенсионеры	-	4,2	0,8	0,7	0,4	0,4	-	2,6	0,2	0,2	-	0,1	8,1
Незанятые в экономике (неработающие)	-	38,6	29,2	30,1	33,1	33,6	-	42,6	33,8	33,4	42,7	42,6	28,1
в том числе:													
неработающие пенсионеры	-	14,3	8,2	8,5	7,2	7,6	-	11,4	5,0	4,4	3,7	4,7	19,1
иные категории незанятого населения	-	-	21,0	21,6	25,9	25,9	-	-	28,8	29,0	39,0	37,9	9,0

* Данные публикуются без учета итогов ВПН-2020.

Источник: Социальное положение и уровень жизни населения России. 2023: стат. сб. / Росстат. М., 2023. С. 111–112; Социальное положение и уровень жизни населения России. 2008. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b08_44/Main.htm

высокая концентрация доходов и богатства в верхнем дециле (10% наиболее состоятельно-го населения). В контексте концепции «фундаментального закона» Т. Piketty суть этого фено-мена заключается в неравенстве $r > g$, где r – уровень доходности капитала (в виде при-были, дивидендов, процентов, арендной платы и других видов доходов) в процентном отноше-нии к своей стоимости, а g – ежегодное уве-личение доходов и производства (Piketty, 2014, р. 44). Это означает, что «накопленный капитал воспроизводит себя сам быстрее, чем увеличи-вается производство» (Piketty, 2014, р. 585).

Крайне высокая концентрация доходов и богатства в верхнем дециле населения ведет к опасным последствиям, среди которых в кон-тексте заявленной тематики, на наш взгляд, следует особо выделить следующие: достижение

благосостояния не через производство ценно-стей, а посредством рентоискательства в эконо-мическом поведении; возрастающее значение наследства в формировании социального статуса; усиливающаяся поляризация общества (на богатых и бедных) на фоне «непростой ситуа-ции с наличием достойных вакансий на рынке труда и ... потери своих позиций представите-лями среднего класса» (Стigliц, 2015, с. 67).

Растущая концентрация доходов и богатства в верхнем дециле населения России была под-тврждена результатами специального исследо-ования «From Soviets to oligarchs: inequality and property in Russia 1905–2016», проведенного F. Novokmet, T. Piketty и G. Zucman (Novokmet et al., 2017). Полученные этими авторами и до-полненные впоследствии оценки отражены в таблици 2.

Таблица 2. Рост дохода и неравенства в России (1989–2023 гг.), %

Доходная группа (распределение налогового национального дохода на 1 взрослого)	Доля национального дохода		Средний годовой темп роста		Совокупный реальный рост	
	2016 г.*	2022 г.**	1989–2016*	2016–2023**	1989–2016*	2016–2023**
Все население	100,0	100	1,3	1,1	41	н.д.
в т. ч.						
50% с наименьшими доходами	17,0	15,7	-0,89	-1,2	-20	н.д.
40 % со средними доходами	37,5	33,5	0,5	н.д.	15	н.д.
10 % с наиболее высокими доходами	45,5	50,8	3,8	1,7	171	н.д.
включая 1 % с наиболее высокими доходами	20,2	23,8	6,4	2,9	429	н.д.

Составлено по: *(Novokmet et al., 2017, p. 78);
** WorldINEQUALITYDATABASE / Income inequality, Russian Federation, 1905–2021: URL: <https://wid.world/country/russian-federation/>

Показательно, что под воздействием «великого карантина» (2020 г.) и международных санкций против российской экономики (начиная с 2014 г. по настоящее время), судя по данным таблицы 2, в верхнем дециле населения наблюдалось заметное снижение среднегодового темпа роста дохода (так называемый эффект «отрицательных и положительных сил, снижающих неравенство», сформулированный одним из ведущих специалистов по неравенству в мире Б. Миланович (Миланович, 2017, с. 84–86); при этом динамика показателя у 50% россиян с наименьшими доходами была отрицательной).

На этом фоне в России в 2000–2023 гг. официальная статистика фиксировала превышение фактического уровня бедности по отношению к пороговому значению экономической безопасности для данного индикатора («не более 7 %» исходя из мирового опыта (Инновационное преобразование..., 2013, с. 322)), а также к установленному в целях национального развития значению в 6,5%.

Согласно обновленным данным Росстата, в 2023 году за границей абсолютной монетарной бедности, в соответствии с правилами определения границ бедности в целом по РФ и по субъектам РФ, утвержденными Постановлением Правительства РФ от 26.11.2021 № 2049 (ред. от 16.12.2023), находились 8,5% населения [для справки: численность населения с денежными доходами ниже границы бедности / величины ПМ составляла в 2000 г. 29%, 2007 г. – 13,4%, 2010 г. – 12,5%, 2015 – 13,3%, 2020 г. – 12,1%, 2021 г. – 11,0%, 2022 г. – 9,8%]¹². Исторически минимальное значение показателя за весь постсоветский период Росстатом объясняется ро-

стом ВВП; рекордно низким уровнем безработицы; ситуационным ростом доходов граждан, вызванным повышенными выплатами военным и сотрудникам оборонных предприятий; ростом заработных предложений в результате сформировавшегося на рынке труда «рынка соискателя»; увеличением доходов от предпринимательской деятельности; выросшими выплатами семьям с детьми из средств бюджета и др.

Оценка масштабов бедности в России в 2021–2023 гг. существенно меняется при использовании международного подхода (методика ОЭСР) к определению этого феномена, при котором граница относительной монетарной бедности устанавливается на уровне 50–60% от Ме. В соответствии с таким подходом уровень бедности в нашей стране в 2023 году составлял 17,8% от общей численности населения.

Принципиально заметить, что «новую» бедность в России в 2000–2023 гг. отличают некоторые качественные (поведенческие) признаки. В условиях доминирующего рентно-сословного характера российского общества и порождаемых им рентно-властных общественных отношений «новизна» этого феномена состоит прежде всего в изменении его природы: из временного феномена жизненного цикла домохозяйства бедность трансформируется в глубокую и постоянную социально-экономическую проблему; ее главными детерминантами выступают «не предписанные (социально-демографические), а достигнутые характеристики, например образование» (Ярошенко, 2010, с. 224). Именно уровень образования должен определять положение индивида на рынке труда (к примеру, риск безработицы, величину заработной платы («премии») за различные уровни образования, профессиональную мобильность), а также статусную позицию в обществе, глубину бедности. Отсюда следует вывод: невозможность повышения уровня образования и квалификации усиливает вероятность бедности (Стиглиц, 2021, с. 241).

В целом, опираясь на проведенное нами развернутое монографическое обследование профильной литературы, «новизну» бедности применительно к сегодняшним российским реалиям можно определить исходя из способа получения доходов, характера экономической деятельности, устойчивости этого феномена,

¹² Российский статистический ежегодник – 2008 г. (Уровень жизни населения / Социально-экономическая дифференциация населения по доходам / Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума и дефицит денежного дохода). URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b08_13/Main.htm; Российский статистический ежегодник – 2016 г. (Уровень жизни населения / Социально-экономическая дифференциация населения по доходам / Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума и дефицит денежного дохода). URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b16_13/Main.htm/; Российский статистический ежегодник. 2023: стат. сб. / Росстат (раздел 6. Уровень жизни населения, с. 171). М., 2023. 701 с. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Ejegodnik_2023.pdf

образования индивидуумов. «Новая» бедность представляется социально-экономической проблемой, означающей не столько недостаток денежных средств у занятых в любом сегменте в составе экономически активного населения для удовлетворения распространенных стандартов уровня и качества жизни, принятых в данной стране в конкретных экономических условиях как минимально допустимые, сколько признание социальной исключенности из использования ресурсов, разного рода благ и привилегий.

Принционально сказать, что в России в 2000–2023 гг. вследствие сырьевой зависимости экономического развития, сопровождаемого низкой инвестиционно-инновационной активностью, деиндустриализацией и низкими темпами совокупной факторной производительности, сформировался дисбаланс между спросом и предложением квалифицированного (работники со средним и высшим профессиональным образованием) труда¹³. Иными словами, такая экономика не может генерировать достаточное количество рабочих мест с оплатой труда, достойной представителей среднего класса, способных поглотить огромную массу работников с высоким формальным образованием. Отсюда наблюдается нисходящая профессионально-квалификационная мобильность, когда работники перемещаются на худшие рабочие места (с низкой оплатой труда), не соответствующие полученной ими высокой формальной подготовке, чтобы избежать безработицы, а также антиустойчивая тенденция сохранения низких реальных заработков у занятых производительным трудом, включая не только молодежь, но и предпенсионеров, работающих пенсионеров, родителей из многодетных семей с сокращенной занятостью, самозанятых, а также занятых в бюджетной сфере [справочно: в отечественной экономике в 2016 году не менее трети всех работников со средним и высшим профессиональным образованием были заняты на рабочих местах, не требующих высокой квалификации (Капелюшников, 2016, с. 508)]. Обозначенная ситуация опасна

для страны недоиспользованием накопленного человеческого капитала, а значит, ограничивает возможности для поступательного и устойчивого роста экономики. Отрадно, что эскалация предложения рабочей силы с высокой формальной подготовкой пока еще не привела к сколько-нибудь заметному падению экономической ценности высшего образования, но повышает требования к качеству подготовки обучающихся. Показательно, что под влиянием известной институционально-организационной (отчасти технологической) перестройки российской экономики и сформировавшегося в последние два года «рынка соискателя» спрос на высококвалифицированную рабочую силу стал расти быстрее ее предложения, что содействует увеличению количества рабочих мест с достаточной оплатой труда при условии создания благоприятного делового климата.

Учитывая, что «новые» бедные, с точки зрения их финансового поведения, тяготеют к среднему классу (Клепач и др., 2022, с. 12), а среди основных характеристик уровня их материального обеспечения прочную позицию занимают заемные средства, привлеченные в кредитных организациях, возрастает актуальность вопроса о высокой закредитованности и растущей долговой нагрузке экономически активного населения в РФ. Так, по данным Банка России, на 1 марта 2024 года на каждого экономически активного россиянина приходилось примерно по 440 тыс. рублей ссудной задолженности¹⁴.

Вместе с тем сравнение отношения долговой нагрузки экономически активного населения в сегодняшней России к объему ВВП свидетельствует, что в нашей стране этот показатель составляет 21% против, к примеру, 62% в США¹⁵. Это означает, что проблема стоит не в общем объеме взятых кредитов, а в просроченной задолженности и полных невозвратах. В связи с этим показательны суждения экономиста S. Mullainathan и психолога E. Shafir (Mullainathan, Shafir, 2011), экспери-

¹³ В терминах Международной стандартной классификации образования под третичным образованием понимается образование типа А (российский эквивалент – высшее образование) и типа В (российский эквивалент – среднее профессиональное образование).

¹⁴ Белянчикова Т. (2024). В нашем долгу прибыло. Сколько назанимили россияне, и какой показатель долговой нагрузки считается нормальным // Аргументы и факты. № 19. С. 10. URL: <https://aif.ru/money/mymoney/v-nashem-dolgu-pribylo-skolko-nazanimali-rossiyane>

¹⁵ Там же.

ментально доказавших, что жизнь в нужде часто предполагает выбор, который может привести к еще большей нужде: «Бедные вынуждены заимствовать больше, вследствие чего они остаются бедными».

Обобщая вышеизложенное, заметим, что растущая в России концентрация доходов и богатства в верхнем дециле населения, сопровождаемая «сопутствующей поляризацией», обуславливает потребность в «хорошо продуманной активной политике на рынке труда и в промышленности, которая может обеспечить создание рабочих мест ... и переключение людей со старой работы на новую» (Стиглиц, 2021, с. 242). При этом важной частью динамичного и справедливого общества должна быть прогрессивная и эффективная налоговая система.

3. Высокое региональное экономическое неравенство, которое при слабости институциональной среды воспроизводит неравномерное распределение феномена бедности (с учетом его качественных изменений) по субъектам Федерации.

Сам феномен российского регионального экономического неравенства исследователи, как правило, связывают с агломерационным эффектом крупных городов, усиливающимся за счет имеющихся здесь институциональных преимуществ; с особо конкурентным преимуществом в виде востребованных мировым рынком (даже в условиях международных антироссийских экономических санкций) углеводородов (нефть, газ) или продуктов первичной обработки, предопределенным экспортно-сырьевой моделью национальной экономики. Очевидно, что наличие этих факторов расширяет возможности территорий в повышении благосостояния населения и социальной поддержки нуждающихся граждан (Кормишkin и др., 2023).

Для визуализации регионального неравенства с учетом распространения феномена абсолютной монетарной бедности в Российской Федерации в 2023 году была осуществлена кластеризация субъектов по трем показателям: доля населения с денежными доходами ниже границы бедности / величины ПМ, % от общей численности населения (Х1); величина прожиточного минимума на душу трудоспособного населения, руб. в месяц (Х2); минимальный размер оплаты труда (МРОТ), руб. (Х3). При

этом показатели Х2 и Х3 в общем виде отображают преобладающий в стране минимальный стандарт жизни населения, а соотношение Х3 и Х2 – возможности региона для снижения крайнего уровня абсолютной бедности среди занятых. Результаты проведенной кластеризации представлены в *таблице 3*.

Считаем принципиальным заметить, что «новая» бедность вносит заметный вклад в общий уровень бедности в субъектах РФ / стран; следовательно, с некоторым допущением кластеризация субъектов РФ по общему уровню бедности отражает значительное влияние «новой» бедности.

Не производя детальный анализ и оценку ситуации в каждом из трех сформированных кластеров, считаем необходимым отметить следующее: в 2023 году только в кластере I, объединившем 11 субъектов Федерации, уровень абсолютной монетарной бедности (7,38%), рассчитанный в соответствии с принятой в России в 2021 году (Постановление Правительства РФ от 26.11.2021 № 2049) методологией, был ниже среднероссийского значения этого показателя (8,5%), что объясняется более высокими среднедушевыми доходами населения и уровнем жизни вследствие упомянутых выше особых конкурентных преимуществ, а также действием северных и районных коэффициентов в регионах с особыми климатическими условиями.

В результате проведенной кластеризации обнаружен, по нашему мнению, интересный факт: в субъектах РФ, в которых титульные народы составляют большую часть населения (например, Республика Ингушетия, Республика Тыва), доля бедного населения превышает 20%.

Кроме того, доля бедного населения заметно возрастает даже в регионах кластера I при использовании международного стандарта оценки относительной монетарной бедности (доход ниже 50% Мe), что указывает на значительный слой малообеспеченного населения, не охваченного мерами социальной поддержки. Например, в Ямало-Ненецком АО уровень бедности возрастает с 3,6% (самая низкая оценка показателя в РФ в соответствии с действующей в стране методикой оценки исследуемого феномена) до 21,4%; в Москве, соответственно, 4,5 и 19%; в Сахалинской области – 6,1 и 18,2%; Магаданской области – 6,6 и 18,2% и т. д.

Таблица 3. Кластеризация субъектов Российской Федерации с учетом распространения феномена абсолютной монетарной бедности в 2023 г.

Номер кластера	Состав кластера	Средние значения показателей		
		X1	X2	X3
I (11 субъектов)	г. Москва, Ненецкий авт. округ, Мурманская обл., Ханты-Мансийский авт. округ – Югра, Ямало-Ненецкий авт. округ, Республика Саха (Якутия), Камчатский край, Хабаровский край, Магаданская обл., Сахалинская обл., Чукотский авт. округ	7,38	17034	25901
II (55 субъектов)	Белгородская обл., Брянская обл., Владимирская обл., Воронежская обл., Ивановская обл., Калужская обл., Костромская обл., Курская обл., Липецкая обл., Московская обл., Орловская обл., Рязанская обл., Смоленская обл., Тамбовская обл., Тверская обл., Тульская обл., Ярославская обл., Республика Карелия, Республика Коми, Архангельская обл. без авт. округа, Вологодская обл., Калининградская обл., Ленинградская обл., Новгородская обл., Псковская обл., г. Санкт-Петербург, Республика Адыгея, Краснодарский край, Астраханская обл., Волгоградская обл., Ростовская обл., г. Севастополь, Республика Северная Осетия – Алания, Ставропольский край, Республика Башкортостан, Республика Татарстан, Удмуртская Республика, Пермский край, Кировская обл., Нижегородская обл., Оренбургская обл., Пензенская обл., Самарская обл., Саратовская обл., Ульяновская обл., Свердловская обл., Тюменская обл. (без авт. округов), Челябинская обл., Алтайский край, Кемеровская обл., Новосибирская обл., Омская обл., Томская обл., Приморский край, Амурская обл.	9,48	17283	15056
III (19 субъектов)	Республика Калмыкия, Республика Крым, Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Чеченская Республика, Республика Марий Эл, Республика Мордовия, Чувашская Республика, Курганская область, Республика Алтай, Республика Тыва, Республика Хакасия, Красноярский край, Иркутская область, Республика Бурятия, Забайкальский край, Еврейская автономная обл.	16,45	16370	15667

Источник: МРОТ представлен на основании справочной информации «КонсультантПлюс» «Размеры минимальной заработной платы в субъектах Российской Федерации (по состоянию на 01.09.2023)». По ряду субъектов МРОТ указан в размере 16242 руб., увеличенному на районный коэффициент и процентную надбавку за стаж работы в районах с особыми климатическими условиями, в том числе в районах Крайнего Севера, Дальнего Востока и приравненных к ним местностях или за стаж работы в субъекте (Республика Бурятия, Республика Саха (Якутия), Республика Тыва, Республика Хакасия, Забайкальский край, Камчатский край, Приморский край, Магаданская область, Ямало-Ненецкий автономный округ).

Показательна и ситуация со ссудной задолженностью и долговой нагрузкой, приходящимися на каждого экономически активного гражданина в разрезе субъектов РФ. Так, при среднем общероссийском значении этого индикатора, составившем на 1 марта 2024 года 440 тыс. рублей, отмечалось его превышение даже в регионах, вошедших в кластер I. Например, в Ямало-Ненецком АО этот показатель достиг 836 тыс. рублей, в Ханты-Мансийском АО – Югра – 734 тыс. рублей, в Магаданской области – 650 тыс. рублей¹⁶.

Однако самая высокая ссудная задолженность и долговая нагрузка на экономически ак-

тивного гражданина (925 тыс. рублей) на 1 марта 2024 года отмечались в Республике Тыва¹⁷, где доля титульного населения составляет 77 % от общей численности населения республики [Тыва включена в кластер III, объединивший 19 субъектов с самыми низкими показателями уровня жизни, в котором доля населения с доходами ниже границы бедности / величины ПМ достигла в 2023 году 23,5% от общей численности населения региона]. В то же время в Республике Ингушетия (доля титульного населения в общей численности населения здесь достигает 94,1%), где уровень абсолютной монетарной бедности в 2023 году составлял 27,7%, отмечается самая низкая ссудная задолженность и долговая нагрузка в расчете на одного экономически активного гражданина (58 тыс. рублей)¹⁸.

¹⁶ Белянчикова Т. (2024). В нашем долгу прибыло. Сколько назанимили россияне, и какой показатель долговой нагрузки считается нормальным // Аргументы и факты. № 19. С. 10. URL: <https://aif.ru/money/mymoney/v-nashem-dolgu-pribylo-skolko-nazaniali-rossiyane> (дата обращения 29.06.2024).

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

Обнаруженные в рамках кластерного анализа такие интересные факты, касающиеся финансового поведения экономически активного населения в разных субъектах Федерации, по нашему мнению, должны стать особым направлением при исследовании «новизны» бедности в современной России.

Кроме того, проведенная кластеризация субъектов Российской Федерации с учетом распространения абсолютной монетарной бедности в 2023 году подтверждает необходимость сохранять в качестве приоритета государственной социально-экономической политики России повышение благосостояния населения и преодоление бедности (с учетом качественных изменений).

Политика преодоления «новой» бедности

В процессе проведенного исследования было установлено, что в условиях рентоориентированного поведения российского государства в 2000–2023 гг. главным катализатором «новой» бедности являются высокое социально-экономическое неравенство и сопутствующие ему факторы. В таком контексте политика преодоления исследуемого феномена предполагает реализацию ряда базовых, основополагающих мер, среди которых, по нашему мнению, можно назвать следующие.

1. *Активная промышленная политика государства*, которая в сложившихся экономических условиях, по сути, означает форсированную неоиндустриальную (цифровую, наукоемкую, инновационную) модернизацию российской экономики на основе построения и приоритетного развития высокотехнологичного комплекса в качестве ядра последней и основного источника воспроизводства с учетом будущих потребностей, системных технико-технологических ресурсов, способных обеспечить рост совокупной факторной производительности. Такая политика расширяет возможности экономики генерировать достаточное количество высокотехнологичных и высокооплачиваемых рабочих мест, в том числе за счет новых инновационных производств; она должна сочетаться с активной политикой на рынке труда, предполагающей оказание людям помощи при переподготовке и в поиске нового рабочего места.

Вместе с тем необходимо признать, что новые инновационные технологии (в первую очередь в сфере искусственного интеллекта и роботизации) могут создать дополнительные проблемы. С одной стороны, некоторые достижения в данной сфере (например, системы интеллектуальной поддержки) стимулируют повышение уровня образования и улучшение профессиональной подготовки работников, а значит, обеспечивают рост производительности и оплаты труда. С другой стороны, инновационные технологии при непродуманном управлении могут вызвать сопутствующую поляризацию на рынке труда и сопровождаться снижением уровня оплаты труда, особенно низкоквалифицированного; не исключено также сокращение рабочих мест, которое может стимулировать безработицу.

На этом фоне вопрос о внедрении искусственного интеллекта, на наш взгляд, приобретает статус политической проблемы, в решении которой существенную роль должно играть правительство.

2. *Прогрессивное справедливое налогообложение как инструмент, ориентированный на снижение крайне высокой концентрации доходов и богатства в верхнем дециле населения и сопутствующей поляризации*. Известно, что с 1 января 2025 года в России начнет действовать прогрессивная шкала по НДФЛ со ставками от 13 до 22%. Вместе с тем в контексте динамичного и справедливого общества такая донастройка налоговой системы представляется недостаточной. В условиях сохранения масштабной крайней бедности и малообеспеченности россиян на фоне высокой концентрации доходов и богатства в верхнем дециле населения представляется целесообразным распространить принцип прогрессивного налогообложения не только на доходы, но и на богатство для справедливого обращения капитала. Таким налоговым инструментом сложнее манипулировать, чем НДФЛ. Кроме того, повышенному налогообложению должно подлежать имущество (например, дорогое жилье, гостиницы, торговые сети), недоступное среднему классу.

Обозначенные налоговые инструменты (прогрессивные налоги на имущество и крупное состояние) могут стать источником финан-

сирования, например, специального Фонда капитальных вложений для молодых (допустим, в возрасте 25 лет), предназначенного для разных социальных нужд.

3. Повышение минимального размера оплаты труда (МРОТ) как инструмента, изначально нацеленного на защиту занятых от чрезмерно низкой оплаты труда. В Российской Федерации государственному регулированию МРОТ традиционно уделяется большое внимание (только за 2018–2022 гг. правительство повышало его 8 раз). Само повышение МРОТ в научной среде связывают с двумя основными эффектами: 1) оно выполняет роль «мягкого амортизатора» для поддержки уровня жизни низкооплачиваемых работников; 2) снижает дифференциацию заработных плат. В соответствии с действующей методикой определения границы бедности / ПМ в 2024 году МРОТ составляет 19242 рублей, что представляется недостаточным для заметного сокращения крайней бедности и малообеспеченности населения. По расчетам отдельных специалистов, Россия уже в настоящее время имеет возможность установить МРОТ на уровне 1,4–1,5 от границы бедности. Одновременно это свидетельствует о занижении в России официальной границы бедности и обуславливает необходимость корректировки методики ее определения.

4. Расширение государственного и частного инвестирования в развитие человеческого потенциала, то есть в образование и здравоохранение, что повышает производительность труда и уровень дохода занятых (при условии активного развития в экономике сегмента высококвалифицированных рабочих мест). В таком контексте недостаточность финансирования сферы образования ограничивает потенциал развития детей и молодежи, что впоследствии может не только негативно сказаться на уровне получаемых доходов, но и привести к консервации сформировавшейся структуры общества и «новой» бедности. В качестве основных мер для расширения доступа к высшему образованию, исходя из лучших мировых практик, можно назвать снижение стоимости обучения, а также привязанные к будущему доходу заемщика государственные образовательные (студенческие) кредиты, возможность конвертировать частный образовательный кредит в государственный.

5. Трансформация традиционной (пассивной) социальной защиты в новую модель, ориентированную на развитие. В контексте противодействия «новой» бедности, которая в нынешней России распространяется, помимо прочих, на семьи с детьми и не занятых в реальной экономике, но вовлеченных в «теневую экономику выживания», приоритетное значение приобретает расширение мер в рамках «семейной политики», а также практики заключения «социальных контрактов», благодаря которым можно открыть свое дело, развить ЛПХ, пройти переобучение и др. Подобные меры позволяют повысить роль региональных программ борьбы с бедностью, в том числе адресных, с оценкой нуждаемости, по социальным контрактам.

Заключение

На основании выполненного исследования феномена «новой» бедности в России в 2000–2023 гг. были получены результаты, которые способствуют развитию научного знания в данной предметной области и имеют определенное социально-экономическое значение, в частности:

1) выдвижение и теоретическое обоснование идеи о «новом качестве» (природе) российской бедности в 2000–2023 гг.: из временного явления, связанного с жизненным циклом индивида (домохозяйства), она трансформируется в глубокую, постоянную, воспроизведимую социально-экономическую проблему, сопровождающую недоиспользованием накопленного человеческого капитала и усилением риска падения экономической ценности образования, а значит, препятствующую обеспечению поступательного и устойчивого роста экономики; «новые» бедные в сегодняшней России – это прежде всего низкооплачиваемые занятые производительным трудом, с высоким формальным образованием; не занятые официально, но «включенные» в так называемую «теневую экономику выживания»;

2) конкретизация и теоретическое обоснование фундаментального условия (рентоориентирование); основных причин, детерминируемых крайним уровнем социально-экономического неравенства (сохраняющаяся поляризация общественного производства; растущая концентрация доходов и богатства в верхнем дециле населения, сопровождаемая «со-

путствующей» поляризацией; высокое региональное неравенство по уровню абсолютной монетарной бедности); сопутствующих этим причинам факторов (разрушение ключевого баланса в виде соответствия между отраслевой структурой экономического потенциала (основных фондов и трудовых ресурсов), валового дохода и инвестиций в основной капитал; износ основных фондов, низкая инновационно-инвестиционная активность; неспособность российской экономики генерировать достаточное количество высокотехнологичных и высокооплачиваемых рабочих мест; возрастающее значение наследства в формировании социального статуса и др.), которые в своей совокупности обуславливают воспроизведение «новой» бедности в России как крупной проблемы, требующей быстрейшего оздоровления общественных отношений, включая разработку и реализацию ряда основополагающих мер по преодолению этого феномена в субъектах страны;

3) определение и теоретическое обоснование ключевых качественных признаков, раскрывающих природу феномена российской «новой» бедности в 2000–2023 гг. как глубокой и постоянной социально-экономической проблемы: устойчивость институциональной ловушки «системы низких заработных плат»; социальная исключенность из использования ресурсов, разного рода благ и привилегий; распространение на занятых с высоким формальным (среднее и высшее профессио-

нальное) образованием, работающих в разных секторах экономики; нисходящая профессионально-квалификационная мобильность, обусловленная соотношением между спросом и предложением высококвалифицированного труда; растущая долговая нагрузка в расчете на каждого экономически активного россиянина; «включенность» в «теневую экономику выживания»;

4) предложенный минимально необходимый базовый инструментарий государственной политики по содействию преодолению российской бедности (с учетом ее «нового» качества): активная промышленная политика, прогрессивное и справедливое налогообложение, повышение МРОТ при соответствующей корректировке методики определения границы бедности / ПМ, расширение государственного и частного инвестирования в развитие человеческого потенциала.

Авторы данной статьи, бесспорно, вполне осознают, что круг затронутых в ней вопросов настолько сложен, дискуссионен либо ограничен предметной постановкой, что оставляет мало шансов на выработку окончательных ответов на них. В связи с этим предполагается продолжить исследования по данной проблематике, с тем чтобы более глубоко изучить ее и сформировать собственное мнение, например, об измерении и количественной оценке феномена «новой» бедности в России в меняющихся экономических и социальных условиях.

Литература

- Бобков Б.Н., Вершинина М.А. (2022). Труд и качество жизни населения России в контексте научной позиции Е.И. Капустина (к 100-летию со дня рождения ученого) // Вестник Института экономики Российской академии наук. № 2. С. 175–191. DOI: 10.52180/2073-6487_2022_2_175_191
- Бобков В.Н., Гулюгина А.А., Одинцова Е.В., Сафонова А.М. (2021). Социально приемлемая потребительская корзина // Уровень жизни населения регионов России. Т. 15. № 2. С. 8–26. DOI: 10.19181/1999-9836-2019-10060
- Бобков В.Н., Одинцова Е.В. (2020). Низкие уровень и качество жизни экономически активного населения: критерии идентификации и оценка распространенности // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 13. № 5. С. 168–181. DOI: 10.15838/esc.2020.5.71.10
- Бобков В.Н., Гулюгина А.А., Одинцова Е.В. (2022). Социальные последствия тридцати лет капиталистических реформ в России // Российский экономический журнал. № 1. С. 78–107. DOI: 10.33983/0130-9757-2022-1-78-107
- Брейтдейт Д. (1998). Старые и новые бедные России // Бедность России. Государственная политика и реакция населения / под ред. Д. Клугман. Вашингтон: Всемирный банк. С. 33–74.
- Довготько Н.А., Скиперская Е.В., Рыбакова Ю.А. (2022). Бедность населения в современной России: оценка и пути сокращения // Экономические науки. № 8 (213). С. 36–40. DOI: 10.14451/1.213.36

- Ильин В.А. (2017). «Капитализм для своих» – источник социального неравенства в современной России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 10. № 6. С. 9–23. DOI: 10.15838/esc.2017.6.54.1
- Ильин В.А., Морев М.В. (2022). Бедность в стране – «угроза для стабильного развития и демографического будущего» // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 1. С. 9–33. DOI: 10.15838/esc.2022.1.79.1
- Инновационное преобразование как императив устойчивого развития и экономической безопасности России (2013) / под ред. В.К. Сенчагова. Москва: Анкил. 688 с.
- Капелюшников Р.И. (2016). Экономические очерки: Методология, институты, человеческий капитал. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики. 574 с.
- Капустин Е.И. (2006). Уровень, качество и образ жизни населения России. Москва: Наука. 324 с.
- Клепач А.Н., Лукьяненко Р.Ф., Николаенко С.С. (2022). Преодоление бедности и обеспечение устойчивого роста среднего класса: критерии распределения и меры политики // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. № 6. С. 3–20.
- Кормишкин Е.Д., Иванова И.А., Моисеева И.В. (2023). К вопросу о бедности в России: факты, парадоксы, особенности и перспективы сокращения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 4. С. 218–235. DOI: 10.15838/esc.2023.4.88.12
- Кормишкина Л.А., Ермакова Э.Р. (2021). К вопросу об измерении национальной линии бедности // Национальная безопасность / nota bene. № 3. С. 1–15. DOI: 10.7256/2454-0668.2021.3.35821
- Миланович Б. (2017). Глобальное неравенство. Новый подход для эпохи глобализации / пер. с англ. Москва: Изд-во Института Гайдара. 336 с.
- Овчарова Л.Н. (2009). Теоретические и практические подходы к оценке уровня, профиля и факторов бедности: российский и международный опыт. Москва: М-Студио. 267 с.
- Овчарова Л.Н [и др.] (2022). Социальная защита в России: развилики будущего // Вопросы экономики. № 6. С. 5–31. DOI: 10.32609/0042-8736-2022-8-5-31
- Разумов А.А., Ягодкина М.А. (2007). Бедность в современной России. М.: Формула права. 336 с.
- Ржаницына Л.С. (2001). Бедность в России: причины, особенности, пути уменьшения // Экономист. № 4. С. 71–77.
- Селиванова О.В., Разумов А.А. (2023). Бедность работающего населения: анализ основных тенденций и опыт регионов по снижению ее уровня // Экономика труда. Т. 10. № 2. С. 279–296. DOI: 10.18334/et.10.2.117385
- Спенс М. (2013). Следующая конвергенция: будущее экономического роста в мире, живущем на разных скоростях / пер. с англ. Москва: Изд-во Института Гайдара. 336 с.
- Стиглиц Дж.Ю. (2015). Цена неравенства. Чем рассмотрение общества грозит нашему будущему / пер. с англ. Москва: Эксмо. 512 с.
- Стиглиц Дж.Ю. (2016). Великое разделение. Неравенство в обществе, или Что делать оставшимся 99% населения? / пер. с англ. Москва: Эксмо. 480 с.
- Стиглиц Дж.Ю. (2021). Люди, власть и прибыль: Прогрессивный капитализм в эпоху массового недовольства / пер. с англ. Москва: Альпина Паблишер. 430 с.
- Тихонова Н. (2018). Модель субъективной стратификации российского общества и ее динамика // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. № 1–2 (126). С. 17–29. URL: <https://www.irasas.ru/publ.html?id=6323> (дата обращения: 28.06.2024).
- Тихонова Н.Е. (2003). Феномен городской бедности в современной России. Москва: Летний сад. 408 с.
- Фишман Л.Г., Мартынов В.С., Давыдов Д.А. (2019). Рентное общество: в тени труда, капитала и демократии. Москва: Изд-во Высшей школы экономики. 416 с.
- Шевяков А.Ю., Кирута А.Я. (2009). Неравенство, экономический рост и демография: неисследованные взаимосвязи. Москва: М-Студио. 192 с.
- Ярошенко С.С. (2010). «Новая бедность» в России после социализма // Laboratorium. № 2. С. 221–251.
- Armstrong S. (2017). *The New Poverty*. Verso.
- Athkinson A.B., Micklewright J. (1992). *Economic Transformation in Eastern Europe and the Distribution of Income*. Cambridge: Cambridge University Press.

- Banerjee A.V., Duflo E. (2012). *Poor Economics: A Radical Rethinking of the Way to Fight Global Poverty*. New York: Public affairs.
- Banerjee A.V., Duflo E. (2019). *Good Economics for Hard Times: Better Answers to Our Biggest Problems*. New York: Public affairs.
- Kormishkina L.A., Kormishkin E.D., Koloskov D.A. (2020). Socio-economic analysis of disproportions and disbalances of the raw material export model in post-Soviet Russia. *International Journal of Criminology and Sociology*, 9, 633–645. DOI: 10.6000/1929-4409.2020.09.61
- Krugman P. (2014). Why we're in a New Gilded Age. *The New York Review*. Available at <https://www.nybooks.com/articles/2014/05/08/thomas-piketty-new-gilded-age/>.
- Mullainathan S., Shafir E. (2011). *The Packing Problem: Time, Money, and the Science of Scarcity*. Available at: <http://westallen.typepad.com/idealawg/2011/07/are-you-money-poor.html>
- Novokmet F., Piketty T., Zucman G. (2017). *From Soviets to Oligarchs: Inequality and Property in Russia 1905–2016*. National Bureau of Economic Research. Cambridge, MA.
- Piketty T. (2014). *Capital in the Twenty-First Century*. Cambridge, Massachusetts: Belknap Press of Harvard University Press. DOI: 10.1017/S0047279415000616
- Piketty T. (2020). *Capital and Ideology*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press.
- Sen A.K. (1982). *Poverty and Famines: An Essay on Entitlement and Deprivation*. New York: Oxford University Press.
- Sen A.K. (1987). *Commodities and Capabilities*. Amsterdam: Elsevier Science Publisher.
- Townsend P. (1979). *Poverty in the United Kingdom: A Survey of Household Resources and Standards of Living*. Berkeley: University of California Press.

Сведения об авторах

Евгений Данилович Кормишкин – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры, Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва (Российская Федерация, 430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68; e-mail: kormishkined@mail.ru)

Ирина Владимировна Моисеева – старший преподаватель, Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва (Российская Федерация, 430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68; e-mail: moira-22@mail.ru)

Kormishkin E.D., Moiseeva I.V.

On the Issue of “New” Poverty in Russia in 2000–2023

Abstract. The research topic is relevant because the phenomenon of “new” poverty has been recognized as Russia’s deep and lingering problem of the 21st century, which is accompanied by underutilization of accumulated human capital and an increased risk of a decline in the economic value of education, which hinders progressive and sustainable economic growth. The aim of the work is to concretize key qualitative features of “new” poverty and substantiate the reproduction of this phenomenon in Russia in 2000–2023, which is driven by rent-oriented behavior of the state and extreme socio-economic inequality. The methodology of the study is based on a systems approach, analysis using linear and separation methods in relation to identification, and analysis of causes, concomitant factors and consequences; we also use hierarchical classification of variables for clustering Russia’s constituent entities taking into account the spread of the phenomenon of absolute monetary poverty. We identify a fundamental condition, main causes determined by extreme socio-economic inequality, and their accompanying factors, which together explain the reproduction of “new” poverty in Russia as a major problem requiring solution at the political level. We consider key qualitative signs of “new” poverty in Russia, revealing its nature in the conditions of rent-oriented behavior of the state. They include social exclusion from the use of resources, various benefits and privileges; coverage of employees with secondary and higher professional education working in different economic sectors, downward professional and qualification mobility; expansion of

the “shadow economy of survival”, etc. We conduct the clustering of Russia’s constituent entities, taking into account the spread of absolute monetary poverty in 2023. We propose some basic and fundamental measures aimed at overcoming poverty (taking into account its “new” quality) and raising Russians’ incomes.

Key words: “new” poverty, poverty line, median per capita income, rent orientation, social inequality, downward professional mobility, the “working poor” paradox, poverty alleviation policy.

Information about the Authors

Evgenii D. Kormishkin – Doctor of Sciences (Economics), Professor, professor of department, Ogarev Mordovia State University (68, Bolshevistskaya Street, Saransk, Republic of Mordovia, 430005, Russian Federation; e-mail: kormishkined@mail.ru)

Irina V. Moiseeva – senior lecturer, Ogarev Mordovia State University (68, Bolshevistskaya Street, Saransk, Republic of Mordovia, 430005, Russian Federation; e-mail: moira-22@mail.ru)

Статья поступила 23.07.2024.

DOI: 10.15838/esc.2024.5.95.11

УДК 331.556.2, ББК 65.248

© Соколова А.А.

Регулирование возвратной трудовой миграции в XXI веке: зарубежный опыт и российская практика

Анастасия Алексеевна

СОКОЛОВА

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

e-mail: anastasia.alekseevna.ran@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-5434-8094

Аннотация. В статье анализируются существующие в разных странах практики и меры регулирования мятниковой трудовой миграции путем классификации их по уровню, объекту воздействия, актору, типу воздействия и цели. Анализ показал, что регулирование миграционных процессов в зарубежных странах осуществляется различными отраслями права, а меры нацелены не только на управление потоками мятниковой трудовой миграции, но и на смягчение ее последствий на различных уровнях. В России мятниковая трудовая миграция в основном лишь упоминается в стратегиях социально-экономического развития отдельных регионов, не будучи полноценно интегрированной в механизмы управления. Выявлено, что наличие упоминаний о ней в региональных стратегиях развития не связано с ее реальными объёмами и последствиями для региональной экономики. Следовательно, региональные власти недостаточно учитывают экономические и социальные последствия мятниковой трудовой миграции в стратегиях. Это касается и ее положительных сторон, таких как создание рабочих мест и оживление экономики, так и потенциальных негативных эффектов, связанных с перегрузкой инфраструктуры, потерями региональных бюджетов и т. д. Подчеркивается важность развития системы учета и мониторинга мятниковой трудовой миграции, а также необходимость проведения дополнительных исследований для точной оценки всех аспектов ее влияния на регионы. Статья представляет интерес для широкого круга исследователей, занимающихся проблемами трудовой миграции и регионального развития. Результаты могут применяться для разработки практических рекомендаций по оптимизации мер регулирования мятниковой трудовой миграции в России, направленных на снижение ее негативных последствий и повышение ее потенциала для социально-экономического развития территорий.

Для цитирования: Соколова А.А. (2024). Регулирование возвратной трудовой миграции в XXI веке: зарубежный опыт и российская практика // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 5. С. 204–218. DOI: 10.15838/esc.2024.5.95.11

For citation: Sokolova A.A. (2024). Regulating return labor migration in the 21st century: Foreign experience and Russian practice. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 17(5), 204–218. DOI: 10.15838/esc.2024.5.95.11

Ключевые слова: миграция, возвратная трудовая миграция, маятниковая трудовая миграция, меры регулирования маятниковой трудовой миграции, региональная экономика, регион.

Благодарность

Исследование выполнено при поддержке РНФ, проект № 23-28-01395 «Причины и социально-демографические последствия отходничества в контексте регулирования миграционных процессов в современной России».

Введение

Существующий дефицит рабочей силы, по-следствия пандемии COVID-19, мобилизация и «релокация» части трудоспособного населения приводят к росту числа вакансий во всех отраслях и профессиональных группах. В условиях сжимающегося предложения труда, низкой безработицы, высокой текучести кадров и стагнации заработных плат это негативно сказывается на устойчивом развитии экономики страны (Капелюшников, 2024). Дисбаланс усиливается неравномерным развитием различных отраслей и территорий, что создает вызовы для успешного функционирования региональных экономик. Одним из наиболее эффективных способов сглаживания кадрового дефицита выступает трудовая миграция¹, способствующая перераспределению рабочей силы между регионами. Особую роль в этом процессе играют те ее формы, которые не предполагают осуществление переезда, например маятниковая трудовая миграция.

Цель работы заключается в исследовании зарубежных и отечественных практик регулирования маятниковой трудовой миграции (далее – МТМ). Научная новизна исследования состоит в систематизации практик и обосновании необходимости ее регулирования.

Изучение масштабов и последствий МТМ не входило в задачи автора, однако без их рассмотрения невозможно оценить необходимость регулирования данного явления. Уровень МТМ стабильно сохраняется на протяжении длительного времени (Шитова, 2024). Оценить ее масштабы затруднительно в связи с отсутствием практики мониторинга МТМ², и на сегодняшний день исследовать это явление можно посредством косвенных источников информации. Так, согласно итогам выборочного обследования рабочей силы, доля межрегиональных маятниковых трудовых мигрантов в структуре занятого населения в период с 2013 по 2023 год колебалась в диапазоне от 1,3 до 2,0%, в то время как данные Всероссийской переписи населения за счет учета межрегиональных и внутрирегиональных перемещений подобного рода зафиксировали удельный вес изучаемой группы населения – 8,0% от численности занятого населения в 2021 году³ (Соколова, Калачикова, 2023).

¹ Понятие «миграция» в данном случае не предполагает совершение переезда со сменой постоянного места жительства. Оно применяется в широком смысле. Так, по мнению Л.Л. Рыбаковского, любое территориальное перемещение, совершающееся между разными населенными пунктами одной или нескольких административно-территориальных единиц, независимо от продолжительности, регулярности и целевой направленности, представляет собой миграцию в широком значении этого слова (Рыбаковский Л.Л. Миграция населения: прогнозы, факторы, политика. М.: Наука, 1987. 200 с.). В.И. Переведенцев различает миграцию в широком смысле (все перемещения людей) и узком (переселения с длительной сменой места жительства) (Переведенцев В.И. Методы изучения миграции населения. М.: Наука, 1975. 232 с.). М.Б. Денисенко, В.А. Ионцев и Б.С. Хорев определяют миграцию в узком смысле как безвозвратное межпоселенное движение, а в широком – включают в нее переселение, маятниковую и сезонную миграцию (Денисенко М.Б., Ионцев В.А., Хорев Б.С. Миграциология. М.: Изд-во МГУ, 1989. 96 с.).

² Махрова А.Г., Бочкарев А.Н. (2017). Маятниковая миграция в Московском регионе: новые данные // Демоскоп Weekly. № 727–728. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2017/0727/tema01.php>

³ Итоги обследования рабочей силы включают временной диапазон с 2013 года, поскольку в данном источнике именно с этого года возможна идентификация межрегиональных маятниковых трудовых мигрантов в структуре лиц, которые работают на территории другого субъекта. В отношении переписи населения был использован 2021 год, поскольку только по результатам последней переписи стала доступна возможность выделения маятниковых трудовых мигрантов по всем регионам России.

Ранее нами были систематизированы последствия МТМ на трех уровнях: уровне территории, работодателя и домохозяйства (Соколова, Калачикова, 2023). На уровне домохозяйства миграция отрицательно сказывается на физическом и психическом здоровье индивида (Künn-Nelen, 2016; Шитова, 2024), снижает уровень субъективного благополучия (Chatterjee et al., 2020), а также приводит к проблемам во взаимоотношениях внутри семьи (Антонова, 2018). Однако, выбирая подобную стратегию жизнеобеспечения, трудовой мигрант может обеспечить более высокий уровень дохода, чем в месте своего проживания, тем самым повысить уровень жизни (Öhman, Lindgren, 2003). Работодатель, как правило, выигрывает от трудоустройства маятниковых трудовых мигрантов, так как имеет возможность получить из других населённых пунктов кадры требуемой квалификации и по устраивающей его оплате труда, что позволяет оперативно реагировать на изменения на рынках труда. В качестве отрицательных последствий на уровне работодателя можно назвать риск нарушения трудовой дисциплины, связанный с опозданиями и возможными прогулами из-за трудностей, которые могут возникнуть по пути до работы. На уровне территорий как положительные эффекты в основном обозначаются перераспределение денежных потоков в связи с межрегиональными денежными трансфертами (Мкртчян, Флоринская, 2016), повышение демографического и трудового потенциала в результате притока трудоспособного населения (Ахметова, 2021). К негативным эффектам относятся ухудшение экологической ситуации и шумовое загрязнение, вызванные увеличением траффика (Ashforth, 2000), потери регионального бюджета и т. д.

Учет взаимосвязи между последствиями МТМ и мерами ее регулирования позволит минимизировать негативные эффекты для региональной экономики, работодателей и домохозяйств, а также будет способствовать социально-демографическому и экономическому развитию территории исхода⁴.

⁴ Под территорией исхода в настоящей работе понимается территория проживания маятникового трудового мигранта.

Материалы и методы

Статья делится на несколько частей в соответствии с исследовательской логикой. Вначале рассматриваются практики регулирования МТМ с опорой на анализ литературы по заявленной теме в поле зарубежных исследований. Следующая часть статьи посвящена рассмотрению отечественных практик в отношении регулирования изучаемого явления. В качестве источников информации кроме научной литературы использовались тексты стратегий социально-экономического развития регионов России. Далее выполнена группировка регионов по критерию упоминания МТМ (наличие или отсутствие) и отношению к ней (как к риску или как к сильной стороне). Для того чтобы оценить адекватность учета влияния МТМ на региональное развитие, наличие мер регулирования МТМ в стратегиях социально-экономического развития регионов соотнесено с удельным весом маятниковых трудовых мигрантов в структуре занятого населения регионов, а также с экономическими эффектами, которые она оказывает на территории. В рамках последней задачи были использованы данные Всероссийской переписи населения – 2020 (ВПН-2020), данные о средней номинальной начисленной заработной плате работников по полному кругу организаций в целом по экономике в регионе работы, а также информация Министерства финансов Российской Федерации об исполненных консолидированных бюджетах субъектов.

Для оценки экономических эффектов учитывались результаты применения методики исчисления недополученного налога на доходы физических лиц (далее – НДФЛ) в структуре доходной части от НДФЛ консолидированного бюджета соответствующего региона. Эта методика позволила крайне приблизительно представить тот объем денежных средств, которые маятниковые трудовые мигранты не привносят в бюджет региона исхода (Соколова, Калачикова, 2023). НДФЛ составляет 13% от заработной платы и поступает в бюджет субъекта, в котором работает маятниковый трудовой мигрант. В случае межрегиональной МТМ 85% налога оседает в бюджете субъекта, в котором работает индивид, а 15% – в бюджете конкретного муниципалитета работы. Суммарно, вся сумма

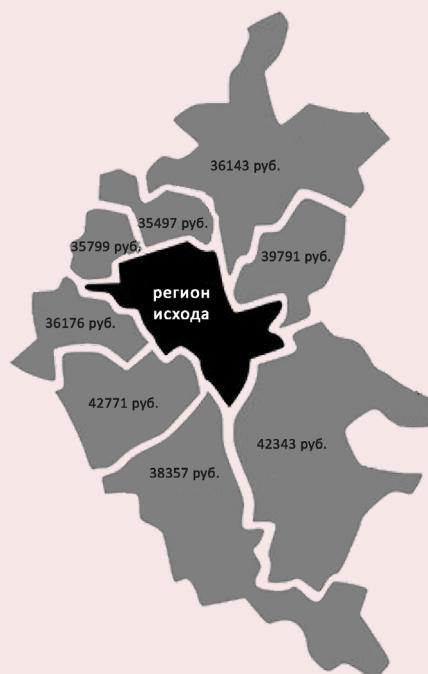
НДФЛ остается в регионе работы, а не проживания трудового мигранта⁵.

Кроме этого, нами применялся метод оценки экономических последствий для территории исхода путем расчета объемов межрегиональных денежных трансфертов от МТМ. Отечественные исследователи отмечают, что граждане, осуществляющие трудовую деятельность за пределами своего населенного пункта, тратят значительную часть дохода в регионе проживания, а не работы, в целом называется диапазон от 2/3 до 3/4 заработка (Мкртчян, Флоринская, 2019), который они тратят по месту жительства.

Мы взяли за основу гипотезу о том, что 2/3 своего заработка межрегиональные маятниковые трудовые мигранты тратят по месту своего постоянного проживания, где осуществляются траты различного объема и назначения, например квартплата, образование детей и т. д. (Мальцева, Плахов, 2014). Однако, основываясь на теоретическом анализе научных трудов, мы знаем, что подобного рода трудовые пере-

мещения не осуществляются на дальние расстояния. Мы заранее оговариваем, что расчеты носят приблизительный характер. Зная регион исхода и примерный радиус передвижения изучаемой группы населения, мы делаем предположение о том, что маятниковые трудовые мигранты не уезжают дальше границ прилегающего субъекта. У каждого региона исхода нами определены регионы-спутники, в которых маятниковые трудовые мигранты могут осуществлять трудовую деятельность. Поскольку доступная статистическая информация не дает информации о том, в какой сфере заняты маятниковые трудовые мигранты, за отправную точку принимается средняя номинальная начисленная заработка работников по полному кругу организаций в целом по экономике, что также является ограничением нашего исследования, поскольку сильно усредняет полученные эффекты (*рисунок*). Выделив прилегающие к исследуемому региону субъекты, мы смогли рассчитать средний объем денежных

Метод расчета объема межрегиональных денежных трансфертов, поступающих в регион исхода от межрегиональной маятниковой трудовой миграции

Источник: составлено автором.

⁵ Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 14.04.2023). Статьи 56 и 61 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/c347478b850fb7c4a92141cb188a76d83ac72e0f

трансфертов, которые маятниковый трудовой мигрант реализует в месте своего проживания в течение года. Для этого использовалась следующая формула:

$$\text{ОМДТ}_{\text{ММТМ}} = \left(\frac{2}{3} \text{ср.} \frac{3}{\pi} * \text{численность}_{\text{ММТМ}} \right) * 12 \text{мес.},$$

где $\text{ОМДТ}_{\text{ММТМ}}$ – объем межрегиональных денежных трансфертов межрегиональных маятниковых трудовых мигрантов;

$\text{численность}_{\text{ММТМ}}$ – численность межрегиональных маятниковых трудовых мигрантов в регионе исхода, руб.;

ср. з/п – средняя номинальная начисленная заработка плата работников по полному кругу организаций в целом по экономике в регионе работы, руб.

Важно отметить, что выполненные расчеты носят приблизительный характер, который, помимо упомянутых выше ограничений исследования, обусловлен недостаточным учетом МТМ. Данные ВПН-2020, которые использовались в ходе исследования, отражают только межрегиональную МТМ. Кроме того, расчеты охватывают лишь часть экономического влияния изучаемого явления на регион исхода. Кроме межрегиональных денежных трансфертов и потерь консолидированного бюджета от недополученного НДФЛ, существует множество других аспектов влияния МТМ на региональную экономику. Полная оценка экономических последствий МТМ требует более глубокого и комплексного анализа, который учитывал бы широкий спектр ее влияния. Это подчеркивает необходимость развития систем учета и мониторинга МТМ, а также проведения дополнительных исследований для точной оценки всех аспектов влияния МТМ на регионы исхода и регионы трудоустройства.

Обзор мер регулирования маятниковой трудовой миграции: зарубежный опыт

Регулирование МТМ затрагивает разные области, которые напрямую не связаны с миграционной политикой. МТМ является важным инструментом для обеспечения устойчивого развития, поскольку помогает сбалансировать спрос и предложение на рабочую силу, позволяя регионам привлекать трудовые ресурсы в соответствии с потребностями экономики. Помимо трудовой сферы, МТМ затрагивает транспортную политику, стимулирует поиск новых

инфраструктурных решений, требует принятия решений в сфере экологической политики.

Одна из отличительных черт зарубежных исследований и практики регулирования МТМ состоит в том, что феномен маятниковой миграции не является чем-то «скрытым от глаз» общественности, статистики, исследователей, органов управления, работодателей и т. д. МТМ, или в практике зарубежных стран «commuting»⁶, воспринимается как явление, которое постоянно присутствует в повседневной жизни общества, за ним наблюдают, его активно изучают, а также принимают во внимание при формировании мер регулирования в рамках трудовой, экологической, транспортной, жилищной политики, политики землепользования и т. д. При анализе опыта зарубежных стран, связанного с практикой регулирования процессов МТМ, было выявлено, что меры могут быть нацелены не только на управление ее потоками и объемами, но и на нивелирование негативных последствий от данного процесса на разных уровнях (табл. 1). Так, на уровне территории меры регулирования изучаемого явления учитываются в национальных стратегиях развития транспортной системы, в региональных и городских программах развития и планирования территорий, на уровне работодателя закрепляются в локальных нормативно-правовых документах и имеют сферу действия на территории предприятия, а уровень домохозяйства определяется в поведенческих практиках индивидов, которые формируются под действием социальных норм, убеждений и т. д.

Акторами мер регулирования МТМ могут выступать правительственные органы, которые диктуют меры посредством законодательных актов и стратегических документов (Zuo et al., 2024), а также муниципальные власти, которые разрабатывают стратегии развития инфраструктуры на уровне муниципалитетов и городов (Waedhani et al., 2020), сами предприятия, на которых работают маятниковые мигранты (Taale et al., 2022), а также образовательные организации⁷.

⁶ В данной работе систематизировалась информация по такому явлению, как «commuting», поскольку, на наш взгляд, оно наиболее соответствует отечественному явлению маятниковой трудовой миграции.

⁷ Commuter Support & Programs. University of California. Available at: <https://commuterstudents.ucla.edu>

Таблица 1. Классификация зарубежных мер регулирования МТМ

Основание	Классификация	Примеры
По уровню	Уровень территории	<p>Концепция «Transit-oriented development»: лежит в основе градостроительной документации ряда городов (Лондон, Сан-Франциско) и воплощает многогранный подход к планированию города, который учитывает взаимосвязи между разными элементами городской среды и направлен на создание устойчивых, комфортных, доступных для всех групп населения условий жизни. В рамках данной концепции регулирование маятниковой трудовой миграции упоминается в таких пунктах, как:</p> <ul style="list-style-type: none"> – создание условий, где жилье и рабочие места находятся в непосредственной близости от транспортных узлов; – равномерное развитие центральных и периферийных районов путем создания предпосылок для сокращения использования автомобильного транспорта; – повышение привлекательности и эффективности общественного транспорта, создание интегрированной системы общественного транспорта; – обеспечение сотрудников, совершающих длительные поездки на работу, душевыми, кладовыми и раздевалками
	Уровень работодателя	<p>Программа «TravelWise» – локальная программа города Оттавы для реализации на уровне работодателя в целях улучшения условий поездок маятниковых трудовых мигрантов. Программа предполагает индивидуальный план, включающий оценку территории предприятия, опрос сотрудников, совершающих пригородные поездки, информационную поддержку. Программа предлагает ряд мер, таких как:</p> <ul style="list-style-type: none"> – повышение привлекательности использования альтернативных транспортных средств в качестве способа передвижения на работу; – управление парковочными местами
	Уровень домохозяйства	<p>Практика «carpooling» – предполагает совместное использование автомобиля разными сотрудниками для совместных путешествий на работу. В некоторых странах Министерство транспорта предоставляет бесплатные парковки для участников программы карпулинга (напр., Оттава, Канада)</p>
По объекту воздействия	Транспортные системы	<ul style="list-style-type: none"> – Выделение дополнительных полос только для общественного транспорта или для тех, кто практикует карпулинг; – сокращение парковочных мест для личных автомобилей; – улучшение частоты, пропускной способности и скорости работы местного общественного транспорта от региональных транспортных сообщений, модернизация состояния общественного транспорта и оптимизация маршрутов с учетом запроса пользователей; – система «умных» светофоров
	Городская среда и жилищное строительство	<ul style="list-style-type: none"> – Осуществление жилищной застройки рядом со станциями общественного транспорта; – внедрение зеленых и парковых зон, улучшение пешей инфраструктуры
	Поведение и здоровье индивида	<ul style="list-style-type: none"> – Стимулирование сотрудников к использованию велосипедного транспорта; – информирование индивидов об издержках времени и денежных средств на дорогу до работы и обратно
	Экология	<ul style="list-style-type: none"> – Ограничение выбросов вредных веществ; – поощрение использования электромобилей
По актору	Органы законодательной власти различного уровня	<p>Генеральный план развития города – является документом долгосрочного планирования развития городов, затрагивающим аспекты жилищного планирования, развития транспортной сети, экономики, вопросы окружающей среды и социальные аспекты. В контексте маятниковой трудовой миграции предлагается:</p> <ul style="list-style-type: none"> – развитие общественного транспорта, которое включает повышение доступности общественного транспорта и сокращение личного автотранспорта; – создание компактных районов вокруг транспортных узлов (напр. Сан-Франциско)
	Образовательные организации	<p>Специальные студенческие программы. Ряд университетов США и Европы разрабатывает программы преференций для студентов, постоянно передвигающихся на учебу из других населенных пунктов. Часто в такие программы входят:</p> <ul style="list-style-type: none"> – система скидок на пригородные перемещения на общественном транспорте или компенсация стоимости проезда; – программы поощрения велосипедного транспорта: создание безопасных и удобных велосипедных дорожек и парковок, программы аренды и т. д.; – программы карпулинга: создание онлайн-платформ для поиска попутчиков по карпулингу, предоставление специальных парковочных мест для карпулинга (напр. University of California)
	Работодатель	Гибридный график работы: выполнение трудовых обязанностей частично из дома, частично из офиса

Окончание таблицы 1

Основание	Классификация	Примеры
По типу воздействия	Прямые	Ограничение движения, например, в некоторые дни ограничивается движение на личных автомобилях, а также внедряется бесплатный проезд на общественном транспорте (напр. «Journée sans voiture» в Париже)
	Косвенные	Налоговые льготы. В практике некоторых стран (напр. США и Канада) существуют программы, предлагающие налоговые вычеты для работников, совершающих трудовые пригородные поездки. И работник, и работодатель в данном случае не уплачивают часть налоговой ставки, что позволяет им экономить
	Поведенческие	<p>Подталкивание («nudging»). Этот подход предполагает использование небольших изменений в окружающей среде, которые направлены на изменение поведения людей без принуждения. Примером подобного влияния на поведение может быть размещение велопарковок ближе к входу в здание, где работает индивид, чем автостоянки.</p> <p>Социальные нормы. Этот подход использует влияние социальных норм на поведение людей. В контексте мятниковой трудовой миграции происходит так, что люди часто выбирают тот же способ передвижения, что и их друзья, коллеги, соседи или представители референтной социальной группы. В рамках данного воздействия индивидам, например, транслируется информация (в виде рекламных щитов или видеороликов) о том, что современные и заботящиеся об экологии люди уже используют общественный транспорт вместо личного автотранспорта.</p> <p>Непринятие потерь («loss aversion»). Этот подход опирается на тот факт, что люди более чувствительны к потерям, чем к прибылям. Например, предоставление информации о стоимости простоя в пробках (упущенное время, дополнительные расходы на бензин) с акцентом на негативные последствия использования автомобиля (например, загрязнение окружающей среды, увеличение заторов).</p> <p>Использование цифровых средств («gamification»). Изучается использование гаджетов для изменения поведения людей. В данном направлении можно отметить такие способы, как создание игр и приложений, когда у пользователей формируется желаемое поведение посредством выполнения заданий с поощрениями, таблиц лидеров, а также коммуникации внутри приложения с целью взаимной поддержки участников</p>
По цели	Нивелировать последствия	Меры регулирования, которые поощряют использование альтернативных способов перемещения (велосипедов, электромобилей, общественного транспорта), для сокращения траффика и вредных выбросов
	Управление объемами и потоками	Введение платы за въезд в населенный пункт (напр., система «Congestion Charge» в Лондоне); ограничение движения в определенные часы позволяет снизить поток въезжающих в населенный пункт автомобилей, вынуждает использовать альтернативные способы передвижения, а также способствует обогащению муниципального бюджета

Составлено по: (Zuo et al., 2024; Zimmermann et al., 2024; Franssens et al., 2021; Taale et al., 2022; Reindl et al., 2023; Whillans et al., 2021; Aravind et al., 2024; Biggar, 2019; Ek et al., 2021; Hidalgo-González et al., 2022; Pantelaki et al., 2024); City of Ottawa. Employee commuting programs. Available at: <https://ottawa.ca/en/parking-roads-and-travel/employee-commuting-programs#section-e4c446f8-ec45-47cf-9934-f300a7255d4c>; City Plan 2036. Shaping the future City. City of London Corporation. Available at: <https://democracy.cityoflondon.gov.uk/documents/s103835/Appendix%201%20Draft%20Plan.pdf>; Transportation. San Francisco General Plan. Available at: <https://generalplan.sfplanning.org/>; Commuter Support & Programs. University of California. Available at: <https://commuterstudents.ucla.edu>; Why a Car Free Day in Paris. Paris sans voiture. Available at: <https://www.parissansvoiture.org/>; Commuter tax benefit. Great Mercer TMA. Available at: <https://gmtma.org/commuter-tax-benefit/>; Congestion Charge in London. Visit London. Official Visitor Guide. Available at: <https://www.visitlondon.com/traveller-information/getting-around-london/congestion-charge>

Меры регулирования МТМ не отражены в каком-либо отдельном документе по части регулирования миграции, а учитываются при составлении нормативно-правовых актов, действующих на различные сферы жизнедеятельности общества. Поскольку МТМ невозможно представить в отрыве от транспортных перемещений, то в практике регулирования данного процесса присутствует множество мер,

которые призваны снижать негативные эффекты от использования транспорта. В практике зарубежных стран встречаются управленические решения, воздействующие на транспортные системы, например на общественный транспорт в части расширения сети маршрутов, на увеличение частоты поездок (Pantelaki et al., 2024), на модернизацию транспортного парка. Часть мер, воздействия на транспортные системы, при-

звана смягчать экологические последствия от МТМ. Встречаются такие практики, как стимулирование использования транспорта, потребляющего альтернативные источники энергии (Hidalgo-Gonzalez et al., 2022), развитие велосипедной инфраструктуры (строительство велодорожек и велопарковок, программы аренды велосипедов) (Ungsuchaval et al., 2022), совершенствование пешеходной инфраструктуры (тротуаров и пешеходных переходов) (Zuo et al., 2024). С целью минимизации вредных выбросов, разгрузки дорог от излишних транспортных средств внедряется практика карпулинга (Kanaroglou et al., 2015). Карпулинг позволяет субсидиарно разделить издержки на дорогу, а у пассажиров появляется дополнительное время для отдыха, чтения, общения и т. д. во время длительных поездок. Выделяются специальные парковочные места, создаются приложения для поиска пассажиров⁸ и используется практика налоговых льгот для участников данных программ⁹. Помимо этого, с целью минимизации издержек денежных средств и времени у людей, которые работают в других населенных пунктах, формируются удобные пересадочные узлы, совершенствуется система связей между различными видами транспорта (Zhu et al., 2022).

МТМ со временем помимо транспортной инфраструктуры трансформирует городскую среду. В практике зарубежных стран в МТМ включаются перемещения не только из одного населенного пункта в другой, но и внутри города, в частности внутри крупных городов-мегаполисов, например Пекина (Zhao et al., 2011). В связи с этим существует ряд мер по регулированию изучаемого явления в отношении сферы городского планирования. Так, одной из градостроительных практик можно назвать сосредоточение строительства жилья и рабочих мест вблизи требуемых станций общественного транспорта «transit-oriented development» (Zhu et al., 2022). Для того чтобы контролировать объем потоков маятниковых трудовых мигрантов,

использующих автотранспорт, происходит ограничение строительства дорог в пользу пешеходных зон и велодорожек (Zuo et al., 2024), создаются «зеленые» зоны (парки, скверы) (Zulian et al., 2022), которые, с одной стороны, стимулируют пеше прогулки, с другой – улучшают экологию города.

С целью минимизации негативных последствий МТМ на уровне домохозяйства привлекаются такие меры регулирования, как налоговые льготы (существует практика получения налоговых вычетов из налоговой декларации работника при систематических пригородных поездках между домом и местом работы) (Steinsland et al., 2018), субсидирование проезда, абонементы на транспортные перемещения и парковку (Pantelaki et al., 2024). Некоторые компании вводят для своих сотрудников гибридный график работы, предполагающий нахождение индивида частично дома, частично в офисе. Данная мера способствует созданию баланса дом – работа у индивида, что отражается на производительности труда и имидже компании, а также снижает масштабы маятниковых перемещений (Taale et al., 2022).

Меры воздействия могут принимать форму прямого и косвенного воздействия на МТМ, но особый интерес вызывают поведенческие меры регулирования, поскольку данное направление является относительно новым. Основой для таких мер выступают принципы поведенческой экономики, а именно теория подталкивания («nudge theory») (Franssens et al., 2021), не-принятие потерь («loss aversion») (Dauth, Haller, 2019), социальные нормы (Biggar, 2019), использование цифровых средств («gamification») (Reindl et al., 2023), «digital nudging» (Zimmerman et al., 2024)). Косвенные меры регулирования на первый взгляд кажутся очень похожими на поведенческие, однако в основе они имеют существенные различия, что и позволило выделить их в отдельную группу. Так, косвенные методы направлены на изменение внешней среды или системных факторов, которые затем влияют на поведение людей (улучшение транспортной инфраструктуры, регулирование парковки и налоговые льготы на использование определенных видов транспорта). Поведенческие меры сосредоточены на изменении процесса

⁸ Sharing a sustainable way of life. Repsol. Available at: <https://www.repsol.com/en/energy-and-the-future/sustainable-mobility/what-is-carpooling/index.cshtml>

⁹ Commuter Tax Benefits. SLO Regional Rideshare. Available at: <https://rideshare.org/tax-benefits/>

принятия решений и поведенческих контекстов, таких как изменение архитектуры выбора или установление новых социальных норм. Часто косвенные меры реализуются с помощью инженерных, экономических или юридических инструментов, работающих на макроуровне, тогда как поведенческие используют принципы поведенческой экономики и психологии для создания небольших изменений, работающих на уровне индивида. Названные меры, учитывающие особенности мышления человека, строятся на применении незначительных модификаций окружающей среды с целью формирования требуемого поведения без принуждения (Aravind et al., 2024). Поведенческие меры регулирования имеют результат, но темпы изменения поведения людей не такие стрессильные, как при других мерах. Потенциал поведенческих мер в сочетании с прямыми и косвенными мерами воздействия является высоким (Whillans et al., 2021), поскольку содействует формированию устойчивых привычек и долговременных паттернов поведения.

Современная ситуация в отношении регулирования маятниковой трудовой миграции в Российской Федерации

На данный момент в Российской Федерации маятниковая трудовая миграция не регулируется нормативно-правовыми документами (Груздева, Калачикова, 2023). Данный вид пространственных перемещений находит отражение в стратегиях социально-экономического развития регионов, где МТМ чаще всего упоминается как существующее явление либо описывается как фактор, отрицательно или негативно влияющий на развитие региона. Нами были проанализированы стратегии социально-экономического развития всех субъектов Российской Федерации (табл. 2).

Важно отметить, что наличие или отсутствие упоминания о МТМ в названных документах не связано с ее удельным весом в структуре занятого населения, а также с объемами межрегиональных денежных трансфертов или долей недополученного НДФЛ в структуре консолидированного бюджета региона. В результате расчетов мы получили, что разброс значений межрегиональных денежных трансфертов весьма значителен и имеет прямую за-

висимость от удельного веса межрегиональной МТМ. Так, максимальный объем межрегиональных денежных трансфертов наблюдается в Московской (227044,21 млн руб. в год), Ленинградской (54118,72 млн руб. в год) областях и г. Москве (13650,98 млн руб. в год), а минимальный – в Чеченской Республике (13,63 млн руб. в год), Магаданской области (12,51 млн руб. в год) и Чукотском автономном округе (0,78 млн руб. в год). Данные трансферты оживляют экономику региона исхода маятникового трудового мигранта, а также способствуют улучшению финансового благополучия домохозяйства участника подобных пространственных перемещений. В случае недополученного НДФЛ разброс в денежном эквиваленте варьируется в диапазоне от 0,204 до 11620,938 млн руб. в год, что составляет различную долю в структуре доходов консолидированного бюджета – от 0,004 до 25,631% соответственно (Соколова, Калачикова, 2023).

В результате группировки самой малочисленной оказалась та группа субъектов, которые положительно оценивают рассматриваемое явление. В ней представлены пять регионов, которые характеризуются разным удельным весом МТМ в структуре занятого населения. В текстах их стратегий встречаются рекомендации о необходимости формировать обратные потоки МТМ (Ленинградская область¹⁰), а также совершенствовать формы и методы координации субъектов, входящих в агломерационную зону. Стратегия Алтайского края¹¹ признает, что МТМ является «одним из эффективных механизмов рационального распределения рабочей силы», и в рамках региональной политики предлагает создание платформы для взаимодействия

¹⁰ О Стратегии социально-экономического развития Ленинградской области до 2030 года и признании утратившим силу областного закона «О Концепции социально-экономического развития Ленинградской области на период до 2025 года» (с изменениями на 19 декабря 2019 года) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов «Консорциум Кодекс». URL: docs.cntd.ru

¹¹ Об утверждении стратегии социально-экономического развития Алтайского края до 2035 года: Закон Алтайского края от 06 сентября 2021 г. № 86-ЗС // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов «Консорциум Кодекс». URL: docs.cntd.ru

Таблица 2. Группировка регионов по упоминанию о МТМ в стратегиях социально-экономического развития субъектов РФ, 2021 г.

Субъект РФ	Потери от недополученного НДФЛ в структуре доходной части от НДФЛ консолидированного бюджета		Объем межрегиональных денежных трансфертов, млн руб. в год	Удельный вес МТМ, %
	%	млн руб.		
Положительно оценивают явление маятниковой трудовой миграции (5 субъектов)				
Ленинградская обл.	25,631	11620,938	54118,72	24,7
Алтайский край	0,392	108,745	698,76	15,3
Республика Хакасия	0,463	39,908	208,45	10,5
Воронежская обл.	0,065	25,414	124,22	8,3
Ямало-Ненецкий АО	0,147	88,413	294,66	0,4
Констатируют явление маятниковой трудовой миграции (15 субъектов)				
Респ. Адыгейя	19,199	941,212	12531,23	15,5
Липецкая обл.	1,629	323,560	1628,61	13,5
Калужская обл.	6,897	1578,949	7183,52	13,1
Респ. Крым	0,813	215,426	1210,99	11,7
г. Санкт-Петербург	0,313	932,678	3308,42	0,4
...				
Иркутская обл.	0,005	2,928	15,72	6,6
Приморский край	0,304	154,171	835,70	5,2
Омская обл.	0,100	29,787	188,56	5,1
Респ. Дагестан	0,285	68,636	374,56	4,1
Брянская обл.	0,854	131,443	764,45	0,8
Негативно оценивают явление маятниковой трудовой миграции (7 субъектов)				
Московская обл.	21,233	56070,698	227044,21	21,25
Владимирская обл.	7,016	1611,367	9178,68	13,1
Респ. Сев. Осетия – Алания	2,695	174,203	891,70	10,7
Ивановская обл.	0,725	82,9	518,55	8,5
Ульяновская обл.	1,283	214,042	1176,41	8,5
Краснодарский край	0,350	330,147	1279,75	5,6
г. Севастополь	0,576	49,287	240,24	0,7
Нет упоминания (56 субъектов)				
Респ. Марий Эл	5,168	436,358	2507,59	17,09
Белгородская обл.	0,381	112,547	560,39	15,3
Тульская обл.	5,718	1598,420	8410,39	13,45
Калининградская обл.	0,506	109,771	596,74	12,82
Рязанская обл.	0,753	145,847	770,47	12,7
...				
Ненецкий АО	3,316	78,382	329,17	3,18
Респ. Калмыкия	0,612	13,964	82,24	2,13
Ханты-Мансийский АО	1,623	1365,231	5127,42	1,71
Магаданская обл.	0,025	2,993	12,51	1,29
Чукотский АО	0,004	0,204	0,78	0,29

В перечне на 2021 год отсутствует г. Москва, так как у данного субъекта нет действующей стратегии социально-экономического развития, есть только проект недействующего документа «Стратегия социально-экономического развития Москвы на период до 2025 года».

Источники: стратегии социально-экономического развития выделенных территорий, расчеты автора.

ствия работодателей и работников. Также положительное влияние мигрантовых перемещений на занятость пригородных населенных пунктов отмечается в Стратегиях социально-экономического развития Ямало-Ненецкого автономного округа¹² и Воронежской области¹³.

Те регионы, которые в своих стратегиях указывают только факт наличия МТМ, были отнесены в группу констатирующих данное явление. Разброс в отношении удельного веса МТМ также вариативен, что можно сказать и о масштабах ее последствий для экономики. Регионы, попавшие в данную группу, имеют потенциал для внедрения мер регулирования МТМ, так как в своих региональных нормативно-правовых актах они уже признают факт существования этого вида миграций.

В регионах, негативно оценивающих МТМ, изучаемое явление описывается как фактор риска (Ивановская область¹⁴), как слабая сторона (Владимирская область¹⁵), а также как ключевая проблема развития субъекта (Респ. Северная Осетия – Алания¹⁶). В ряде

¹² О Стратегии социально-экономического развития Ямало-Ненецкого автономного округа до 2035 года (с изменениями на 17 февраля 2022 года): Постановление Законодательного Собрания Ямало-Ненецкого автономного округа от 24 июня 2021 г. № 478 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов «Консорциум Кодекс». URL: docs.cntd.ru

¹³ О Стратегии социально-экономического развития Воронежской области на период до 2035 года: Закон Воронежской области от 23.12.2019 N 165-ОЗ // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов «Консорциум Кодекс». URL: docs.cntd.ru

¹⁴ Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Ивановской области до 2030 года (с изменениями на 14 июня 2022 года: Постановление Правительства Ивановской области от 27 апреля 2021 г. № 220-п) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов «Консорциум Кодекс». URL: docs.cntd.ru

¹⁵ Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Владимирской области до 2030 года (с изменениями на 10 января 2024 года) Указ Губернатора Владимирской области от 02 июня 2009 г. № 10 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов «Консорциум Кодекс». URL: docs.cntd.ru

¹⁶ О Стратегии социально-экономического развития Республики Северная Осетия – Алания до 2030 года (с изменениями на 11 ноября 2021 года): Закон Республики Северная Осетия – Алания от 18 сентября 2019 г. № 60-РЗ // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов «Консорциум Кодекс». URL: docs.cntd.ru

регионов (Московская¹⁷ и Ивановская¹⁸ области, г. Севастополь¹⁹) заявляется о необходимости сокращения трудовой миграции из региона в крупный агломерационный центр. Московская область²⁰ в качестве мер регулирования объемов и потоков МТМ предлагает создание альтернативных центров притяжения, что будет способствовать снижению оттока в г. Москву и сохранению трудовых ресурсов в периферийных районах области. В Ивановской области с целью контроля объемов выбывающих трудовых мигрантов предлагается утвердить конкурентоспособную заработную плату на предприятиях и увеличить количество рабочих мест²¹. В Краснодарском крае²² предлагается создавать предпосылки для самореализации и обучения в узловых населенных пунктах края.

Самой многочисленной стала группа субъектов, в которых отсутствуют какие-либо упоминания о существовании МТМ. В соответствии с таблицей 2 становится заметной бессистемность включения упоминаний о необ

¹⁷ Стратегия социально-экономического развития Московской области на период до 2030 года // Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: <https://www.economy.gov.ru>

¹⁸ Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Ивановской области до 2030 года (с изменениями на 14 июня 2022 года: Постановление Правительства Ивановской области от 27 апреля 2021 г. № 220-п) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов «Консорциум Кодекс». URL: docs.cntd.ru

¹⁹ Об утверждении стратегии социально-экономического развития города Севастополя до 2030 года: Закон города Севастополя от 21 июля 2017 г. № 357-ЗС// Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов «Консорциум Кодекс». URL: docs.cntd.ru

²⁰ Стратегия социально-экономического развития Московской области на период до 2030 года // Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: <https://www.economy.gov.ru>

²¹ Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Ивановской области до 2030 года (с изменениями на 14 июня 2022 года): Постановление Правительства Ивановской области от 27 апреля 2021 г. № 220-п // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов «Консорциум Кодекс». URL: docs.cntd.ru

²² О Стратегии социально-экономического развития Краснодарского края до 2030 года (с изменениями на 5 декабря 2023 года): Закон Краснодарского края от 21 декабря 2018 г. № 3930-КЗ // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов «Консорциум Кодекс». URL: docs.cntd.ru

ходимости регулирования МТМ в документы стратегического планирования развития регионов, без опоры на масштабы распространения МТМ, а также на размеры экономических последствий для субъекта. Так, четверть регионов из списка тех, в которых не упоминается изучаемое явление, имеют больший удельный вес МТМ в составе занятого населения по сравнению с общестрановым показателем, что, по нашему мнению, делает их потенциальными субъектами для введения мер ее регулирования. Часть регионов (например, Ивановская область и Краснодарский край), негативно оценивающих МТМ, имеют низкую долю потерь от недополученного НДФЛ и значительный объем межрегиональных денежных трансфертов, поступающих в регион исхода, что косвенно говорит о превалировании положительных экономических эффектов. В стратегиях социально-экономического развития регионов, где упоминается данное явление, в основном не имеется конкретного описания мер и направлений регулирования, за исключением единиц, которые видят целью контроль объемов маятниковых перемещений. Ни в одном из названных документов мы не обнаружили упоминание о необходимости нивелирования негативных последствий от изучаемого явления.

Ранее, систематизируя опыт зарубежных стран по регулированию МТМ, мы отмечали, что рассматриваемые меры находят отражение в документах градостроительного характера. В России подобная практика также существует. Так, из Положения о территориальном планировании г. Москвы становится заметным, что при планировании эффективной системы расселения, создании комфортной транспортной доступности и размещении объектов массового трудового и культурно-бытового тяготения следует учитывать МТМ²³. Данный документ декларирует также то, что объемы МТМ в г. Москве необходимо упорядочивать в коллегиации с Московской областью. В градостроительных документах других субъектов РФ

тоже можно отыскать неявные упоминания о необходимости регулирования данного вида перемещений. Так, проектные решения генерального плана г. Уфы предусматривают баланс размещения населения и мест приложения труда, что говорит о понимании трансформационных процессов занятости и системы расселения у органов власти и косвенно свидетельствует о необходимости регулирования МТМ²⁴.

Отсутствие четких мер регулирования в отечественных документах можно объяснить тем, что в спектр внимания российских ученых иправленческого аппарата последствия МТМ попали недавно. Сложность их выявления и оценки обусловливается фактом того, что данные для изучения маятниковых трудовых перемещений не публикуются и должным образом не аккумулируются. В конечном итоге это отражается на мерах регулирования МТМ, а в особенности – на их отсутствии в российских реалиях.

Заключение

В ходе исследования было выявлено, что в большинстве российских регионов МТМ остается недооценённой. Отсутствие системного подхода к её регулированию лишает регионы возможности эффективно использовать её потенциал для повышения уровня занятости населения и экономического роста, а также минимизировать сопутствующие риски. Однако, прежде чем приступить к разработке каких-либо мер поддержки или других управлеченческих инициатив, необходимо четко понимать реальные масштабы данного явления. Отечественные исследователи давно заостряют внимание на проблемах статистического учета миграции (Переведенцев, 1975; Мкртчян, 2009) в том числе необходимости учета МТМ (Хорев, Чапек, 1978; Махрова, Бочкарев, 2017; Шитова, Шитов, 2016), актуализируют важность разработки мер регулирования МТМ в форме поддержки, ориентированной на заботу о здоровье и благополучии маятниковых трудовых мигрантов (Шитова, 2024).

²³ Положение о территориальном планировании г. Москвы. Приложение к Закону г. Москвы от 05.05.2010 № 17 «О генеральном плане г. Москвы» // Официальный портал Мэра и Правительства Москвы. URL: <https://www.mos.ru/mka/function/dlia-spetcialistov/dokumenty-territorialnogo-planirovaniia/>

²⁴ Об утверждении Генерального плана городского округа город Уфа Республики Башкортостан до 2042 года: Решение Совета городского округа г. Уфа Республики Башкортостан от 23.03.2022 № 12/5 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов «Консорциум Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/578171943>

На сегодняшний день необходимость создания системы учёта МТМ в России обусловлена тем, что ранее он производился лишь косвенно, что не позволяет точно оценить объёмы и направления потоков и полноценно понять воздействие МТМ на региональное развитие. МТМ оказывает значительное влияние на экономику как регионов исхода, так и регионов работы: регулярные денежные трансферты мигрантов оживляют экономику регионов исхода, подобная трудовая мобильность позволяет решать вопросы диспропорций на рынке труда и занятости в малых городах и сельской местности. Недооценка негативных последствий МТМ для региональных бюджетов ведет к тому, что меры поддержки инфраструктуры, транспортных сетей и социальной политики остаются недостаточными и неэффективными. Кроме того, отсутствие изучения последствий МТМ не позволяет минимизировать их негативное влияние на домохозяйства, работодателей и социально-экономическое развитие территории.

Несмотря на это, в настоящее время в России эффекты МТМ не учитываются должным образом ни в стратегических документах регионов, ни в каких-либо других нормативно-правовых актах. Налаженная система учёта позволила бы оценить реальный вклад мигрантов в экономику, а актуальные данные о перемещении рабочей силы между регионами могут использоваться для устранения дисбалансов на рынке труда, помогая предотвращать дефицит рабочей силы в одних регионах и её избыток в других, для создания программ по улучшению качества жизни населения и в целом способствовать устойчивому развитию регионов.

Таким образом, создание системы учёта МТМ станет фундаментом для разработки эффективных мер ее регулирования, направленных на минимизацию негативных эффектов и максимизацию её положительного воздействия МТМ на уровне территории региона, работодателя и домохозяйства.

Литература

- Антонова А.В. (2018). Образ жизни участников мигрантов в Московской агломерации // Миграция и социально-экономическое развитие. Т. 3. № 3. С. 113–118. DOI: 10.18334/migration.3.3.41042
- Ахметова Г.Ф. (2021). Динамика трудовой миграции в Башкортостане // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. Т. 21. № 2. С. 265–278. DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-2-265-278
- Груздева М.А., Калачикова О.Н. (2023). Проблемы нормативно-правового регулирования занятости мигрантов-отходников // Журнал исследований по управлению. № 5. С. 64–74.
- Капелюшников Р.И. (2024). Эскалация вакансий на российском рынке труда (динамика, структура, триггеры). Препринт: Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 60 с.
- Мальцева Е.С., Плахов А.В. (2014). Влияние мигрантов на налоговые доходы бюджетов муниципальных образований // Вестник ОрелГИЭТ. № 4 (30). С. 85–89.
- Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф. (2019). Жители малых и средних городов России: трудовая миграция как альтернатива безвозвратному отъезду // Журнал Новой экономической ассоциации. № 3. С. 78–94. DOI: 10.31737/2221-2264-2019-43-3-4
- Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф. (2016). Социально-экономические эффекты трудовой миграции из малых городов России // Вопросы экономики. № 4. С. 203–123. DOI: 10.32609/0042-8736-2016-4-103-123.
- Мкртчян Н.В. (2007). Статистические источники информации о миграции населения в России // Методология и методы изучения миграционных процессов / под ред. Ж. Зайончковской, И. Молодиковой, В. Мукомеля. М.: Центр миграционных исследований. С. 184–209.
- Переведенцев В.И. (1975). Методы изучения миграции населения. М.: Наука. 231 с.
- Соколова А.А., Калачикова О.Н. (2023). Мигрантская трудовая миграция в России: масштабы и последствия // Народонаселение. Т. 26. № 3. С. 16–28. DOI: 10.19181/population.2023.26.3.2
- Хорев Б.С., Чапек В.Н. (1978). Проблемы изучения миграции населения (статистико-географические очерки). Москва: Мысль. 241 с.
- Шитова Ю.Ю. (2024). Влияние дальних поездок на работу на здоровье мигрантов: обзор литературы // Население и экономика. № 8 (1). С. 37–51. DOI: <https://doi.org/10.3897/popecon.8.e109997>

- Шитова Ю.Ю., Шитов Ю.А. (2016). Анализ долгосрочной динамики факторов, определяющих миграцию в Подмосковье // Проблемы прогнозирования. № 4 (157). С. 151–162.
- Aravind A., Mishra S., Meservy M. (2024). Nudging towards sustainable urban mobility: Exploring behavioral interventions for promoting public transit. *Transportation Research Part D*, 129, 2–25. <https://doi.org/10.1016/j.trd.2024.104130>
- Ashforth B.E. (2000). *Role Transitions in Organizational Life: An Identity-Based Perspective*. New York: Macmillan.
- Biggar M. (2019). Unpacking the influence of social norms and past experience on commuting mode choice. *Journal of Behavioral Public Administration*, 2(1), 1–8. DOI: 10.30636/jbpa.21.52
- Chatterjee K. et al. (2020). Commuting and wellbeing: A critical overview of the literature with implications for policy and future research. *Transport Review*, 40, 5–34.
- Dauth W., Haller P. (2019). Loss aversion in the trade-off between wages and commuting distances. In: *Beiträge zur Jahrestagung des Vereins für Socialpolitik 2019: 30 Jahre Mauerfall - Demokratie und Marktwirtschaft - Session: Urban Economics*, No. D12-V3, ZBW - Leibniz-Informationszentrum Wirtschaft, Kiel, Hamburg.
- Ek Ch., Wårell L., Andersson L. (2021). Motives for walking and cycling when commuting – differences in local contexts and attitudes. *European Transport Research Review*, 13(1), 1–12. DOI: 10.1186/s12544-021-00502-5
- Franssens S., Botchway E., Swart W., Dewitte S. (2021). Nudging commuters to increase public transport use: A field experiment in Rotterdam. *Frontiers in Psychology*, 12, 1–12. DOI: 10.3389/fpsyg.2021.633865
- Hidalgo-González C., Rodríguez-Fernández M.P., Pérez-Neira D. (2022). Energy consumption in university commuting: Barriers, policies and reduction scenarios in León (Spain). *Transport Policy*, 116, 48–57. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.tranpol.2021.10.016>
- Julsrød T.E., Randi Hjorthol R. (2020). Commuting in knowledge-intensive organizations: An outline of six different practices. *International Journal of Sustainable Transportation*, 15(2), 1–15. DOI: 10.1080/15568318.2020.1833116
- Kanaroglou P.S., Higgins Ch., Chowdhury T. (2015). Excess commuting: A critical review and comparative analysis of concepts, indices, and policy implications. *Journal of Transport Geography*, 44, 4–27. DOI: 10.1016/j.jtrangeo.2015.02.009
- Künn-Nelen A. (2016). Does commuting affect health? *Health Economics*, 25, 984–1004.
- Öhman M., Lindgren U. (2003). Who are the long-distance commuters? Patterns and driving forces in Sweden. *Cybergeo. European Journal of Geography*. Available at: <https://journals.openedition.org/cybergeo/4118?Lang=en#citedby>. DOI: 10.4000/cybergeo.4118
- Pantelaki E., Caspani A.-C., Maggi E. (2024). Impact of home-school commuting mode choice on carbon footprint and sustainable transport policy scenarios. *Case Studies on Transport Policy*, 15, 1–17. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cstp.2023.101110>
- Reindl A., Juppe M., Graf Ph., Putz-Egger L.-M., Schildorfer W. The use of gamification to change commuters' mobility behavior: A literature review. In: *7th International GamiFIN Conference 2023 (GamiFIN 2023), April 18–21, 2023, Lapland, Finland*.
- Steinsland Ch., Fridstrom L., Madslein A., Minken H. (2018). The climate, economic and equity effects of fuel tax, road toll and commuter tax credit. *Transport Policy*, 72, 225–241. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.tranpol.2018.04.019>
- Taale H., Kalter M.-J. O., Haaijer R., Damen C. (2022). The impact of COVID-19 and policy measures on commuting in the Netherlands. *Case Studies on Transport Policy*, 10(4), 2369–2376. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cstp.2022.10.018>
- Ungsuchaval T.H., Kantamaturapoj K., Leelahavarong P., Yothasamut J., Ponragdee K., Prawjaeng J., Hadnorntun P.H. (2022). Advocating evidence-informed policy in Thailand: The case of the development of bicycle commuting policy framework. *Case Study on Transport Policy*, 10(3), 1727–1734. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cstp.2022.07.003>
- Waedhani M., Yoshida T., Malik A. (2020). Third Place Design strategy for commuter in sub-urban (Case study: Outdoor public space in Tangerang city, Indonesia). *Journal of Architectural Design and Urbanism*, 3(1), 29–39. DOI: 10.14710/jadu.v3i1.8886
- Whillans A., Sherlock J., Roberts J., O'Flaherty S., Gavin L., Dykstra H., Daly M. (2021). Nudging the commute: Using behaviorally informed interventions to promote sustainable transportation. *Behavioral Science & Policy*, 7(2), 27–49.
- Zhao P., Lu B., Roo G. (2011). The impact of urban growth on commuting patterns in a restructuring city: Evidence from Beijing. *Papers in Regional Science*, 90(4), 735–755. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1435-5957.2010.00343.x>

- Zhu P., Tan X., Zhao S., Shi Sh., Wang M. (2022). Land use regulations, transit investment, and commuting preferences. *Land Use Policy*, 122, 1–17. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.landusepol.2022.106343>
- Zimmermann S., Schulz Th., Hein A., Gewald H., Krcmar H. (2024). Motivating change in commuters' mobility behaviour: Digital nudging for public transportation use. *Journal of Decision Systems*, 33, 79–105. DOI: [10.1080/12460125.2023.2198056](https://doi.org/10.1080/12460125.2023.2198056)
- Zulian G., Marando F., Mentaschi L., Alzetta C., Wilk B., Maes J. (2022). Green balance in urban areas as an indicator for policy support: a multi-level application. *One Ecosystem*, 7, e72685, 1–35. DOI: <https://doi.org/10.3897/oneoco.7>
- Zuo J., Zheng W., Hong J. (2024). Interactions between centrality and commuting costs in a mountainous city: Implications for jobs-housing relationships and land use policies. *Land Use Policy*, 134, 1–12. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.landusepol.2023.106999>

Сведения об авторе

Анастасия Алексеевна Соколова — младший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: anastasia.alekseevna.ran@yandex.ru)

Sokolova A.A.

Regulating Return Labor Migration in the 21st Century: Foreign Experience and Russian Practice

Abstract. The article analyzes current practices and measures of regulating commuting in different countries by classifying them according to the level, object of impact, actor, type of impact and purpose. The analysis shows that the regulation of migration processes in foreign countries is carried out by various branches of law, and measures are aimed not only at managing the flows of commuting, but also at mitigating its consequences at various levels. In Russia in general, commuting is mentioned in the strategies of socio-economic development of individual regions without being fully integrated into management mechanisms. We reveal that its mentioning in regional development strategies does not take into consideration its actual volumes and implications for the regional economy. Thus, regional authorities do not sufficiently take into account economic and social consequences of commuting in their strategies. This also applies to its positive aspects, such as job creation and economic recovery, as well as potential negative effects associated with infrastructure overload, regional budget losses, etc. The importance of developing a system for monitoring commuting is emphasized, as well as the need for additional research to assess all aspects of its impact on the regions. The article is of interest to a wide range of researchers studying labor migration and regional development. The results can be used to develop practical recommendations for optimizing measures to regulate commuting in Russia, aimed at reducing its negative consequences and enhancing its potential for socio-economic development of territories.

Key words: migration, return labor migration, commuting, measures to regulate commuting, regional economy, region.

Information about the Author

Anastasia A. Sokolova — Junior Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: anastasia.alekseevna.ran@yandex.ru)

Статья поступила 26.06.2024.

DOI: 10.15838/esc.2024.5.95.12

УДК 314.74, ББК 60.7

© Воробьева О.Д., Субботин А.А., Мищук С.Н.

Основные подходы к оценке масштабов расселения русскоговорящего населения за рубежом

**Ольга Дмитриевна
ВОРОБЬЕВА**

Высшая школа современных социальных наук МГУ имени М.В. Ломоносова

Москва, Российская Федерация

e-mail: 89166130069@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1304-3715; ResearcherID: H-9920-2016

**Александр Алексеевич
СУББОТИН**

Высшая школа современных социальных наук МГУ имени М.В. Ломоносова

Москва, Российская Федерация

e-mail: aasubbotin@yahoo.com

ORCID: 0000-0001-5016-0473; ResearcherID: AAG-6149-2021

**Светлана Николаевна
МИЩУК**

Высшая школа современных социальных наук МГУ имени М.В. Ломоносова

Москва, Российская Федерация

e-mail: svetamic79@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8117-6352; ResearcherID: B-2042-2014

Для цитирования: Воробьева О.Д., Субботин А.А., Мищук С.Н. (2024). Основные подходы к оценке масштабов расселения русскоговорящего населения за рубежом // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 5. С. 219–231. DOI: 10.15838/esc.2024.5.95.12

For citation: Vorobieva O.D., Subbotin A.A., Mishchuk S.N. (2024). Main approaches to assessing the scale of settlement of Russian-speaking population abroad. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 17(5), 219–231. DOI: 10.15838/esc.2024.5.95.12

Аннотация. Русская диаспора является одной из крупнейших в мире и насчитывает, по разным данным, от 10 до 40 млн человек, проживающих за пределами России. Она формировалась с XVIII–XIX вв. в периоды волнений, войн и политических изменений. Естественная убыль русского населения, сокращение миграционного прироста населения России, изменение этнического состава определяют необходимость и актуальность оценки масштабов репатриационного потенциала страны. Цель исследования заключается в анализе существующих источников данных и подходов к оценке численности русскоговорящего населения, а также выявлении стран, в которых оно сконцентрировано, для последующей оценки репатриационного потенциала России. В статье приведены основные подходы к идентификации русского зарубежья, оценивается численность и описывается география расселения русскоговорящих сообществ за рубежом. Подробно и комплексно рассматриваются трактовки таких широко используемых понятий, как «эмигранты», «диаспора», «соотечественники» и «русскоговорящие сообщества», а также особенности их определения и статистического учета. Используются данные ООН, национальных статистических служб различных стран и экспертные оценки. Представленные данные подчеркивают значимость русскоговорящих сообществ в условиях глобализации и международной миграции. В статье приводится статистика международных миграционных потоков из России, включая анализ по странам проживания и динамику численности эмигрантов с 1990 года. Обсуждаются различия в данных миграционной статистики между российскими и зарубежными источниками, способах определения основания (по месту рождения, по этническому происхождению), а также новые формы эмиграции, включая трудовую и эпизодическую. Анализ территориального распределения русскоговорящих сообществ показал географическое разнообразие с их значительным присутствием как в странах ближнего зарубежья (Украина, Казахстан, Узбекистан), так и в других регионах мира, включая Северную Америку (США, Канада), Европу (Германия, Франция, страны Балтийского региона) и Ближний Восток (Израиль, Турция, ОАЭ). Результаты исследования имеют практическое значение для разработки государственной миграционной политики и оценки geopolитических последствий миграционных процессов, в том числе репатриационного потенциала Российской Федерации.

Ключевые слова: русское зарубежье, эмиграция, диаспора, соотечественники, русскоговорящие сообщества, миграционная статистика, глобализация, международная миграция.

Благодарность

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ (проект № 24-28-01328 «Репатриационный потенциал России в зарубежных странах: оценка масштабов»).

Введение

Русская диаспора является одной из крупнейших в мире и насчитывает, по разным данным, от 10 до 40 млн человек, проживающих за пределами России. Она формировалась с XVIII–XIX вв. в периоды волнений, войн и политических изменений.

В российской и зарубежной литературе достаточно подробно описываются основные этапы эмиграции из России: выделяются волны эмиграции (Ионцев и др., 2001; Рязанцев, Гребенюк, 2014; Рязанцев, Храмова, 2018); исследуются ее причины и последствия (Рязанцев, 2017; Рязанцев, Письменная, 2016; Ryazantsev, Bragin, 2023); оцениваются масштабы (Андрющенко, 2020; Денисенко, 2003; Коробков, 2020;

Subbotin, Aref, 2021; Субботин, 2024); анализируются отдельные регионы (Dezhina et al., 2020; Pismennaya, Nioradze, 2022; Sulpasso et al., 2023; Osadchaya et al., 2023) и др. Однако до сих пор не сложилось единого подхода к пониманию таких терминов, как «эмигранты», «диаспора», «соотечественники», «русскоговорящие сообщества» и пр. От их четкого определения зависит точность оценки каждой категории.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью концептуализации данных понятий и количественной оценки численности русского зарубежья для понимания масштабов и географии расселения выходцев из России за рубежом. На фоне глобализации и усиленной

международной миграции русскоговорящие диаспоры становятся все более значимыми субъектами внимания на мировой арене. Анализ их численности и территориального распределения не только позволяет выявить текущие тенденции миграционных процессов и отследить их трансформации, но и способствует разработке более эффективной государственной миграционной политики, а также оценке геополитических последствий миграции населения. Цель исследования – анализ существующих источников данных и подходов к оценке численности русскоговорящего населения, а также выявление стран в которых оно сконцентрировано, для последующей оценки репатриационного потенциала России, т. е. максимально возможной численности населения, при определенных условиях готового к возвращению в страну своего происхождения.

Результаты настоящего исследования имеют важное практическое значение для стратегического планирования и принятия решений на государственном уровне.

Основные понятия и обзор литературы

Наиболее широко употребляемый и общеизвестный термин «эмигрант» с точки зрения статистического учета не так однозначен. В самом упрощенном виде эмигрант – это лицо, которое покидает страну своего постоянного проживания. Но ряд обстоятельств, уточняющих причины отъезда, период отсутствия в месте постоянного проживания, цель отъезда и другие, не позволяет всех выезжающих объединять в общую группу «эмигранты». Именно поэтому статистическое наблюдение за данной категорией мигрантов в каждой стране значительно отличается. Разнятся и получаемые данные относительно, казалось бы, однородной группы мигрантов. Многие страны к категории эмигрантов относят граждан, выбывших на срок не менее трех месяцев (Денисенко, 2003). Обозначение периода отсутствия на территории страны своего гражданства, по истечении которого выехавший гражданин может быть причислен к эмигрантам, становится практически ключевым критерием. Этот срок, по рекомендациям ООН, составляет 1 год и более, однако часто, несмотря на них, определяется как три месяца. Цели и каналы выезда не являются определяющими критериями (Рязанцев, 2017).

Достаточно широкая трактовка используется по отношению к понятию «эмигранты из России». Явление массового выезда населения за пределы Российской империи, СССР и Российской Федерации отмечалось на протяжении более ста последних лет неоднократно и имело волнообразный характер, в связи с чем это понятие применяют к людям, выехавшим в разные исторические периоды за границу на постоянное место жительства или на длительные сроки с целью работы и жительства (Рязанцев, 2017). Эмигрантов из России и их потомков второго и третьего поколений можно встретить почти во всех странах мира, а их численность трудно определить.

Под термином «диаспора» в классическом варианте подразумевается «часть народа (этноса), проживающая вне страны своего происхождения, образующая сплоченные и устойчивые этнические группы в стране проживания и имеющая социальные институты для поддержания и развития своей идентичности и общности» (Грицанов и др., 2003). Однако в действительности сплоченные, устойчивые группы могут образовывать выходцы из одной страны или региона не обязательно по этническому признаку, а скорее по принципу «землячества» с целью поддержки друг друга в сложных условиях пребывания вне страны своего происхождения. Основная цель такого объединения – более успешное решение своих проблем, связанных с интеграцией в принимающее общество и даже с целью большей безопасности. Кроме того, в реальности относить себя к диаспоре могут выходцы из одной страны, не проживающие компактно в принимающей стране, но именно по тем же мотивам, по которым предпочитают расселяться компактно их бывшие земляки. Рядом авторов диаспоры справедливо определяются как «устойчивые совокупности людей единого происхождения, языка, культурных традиций, ментальности, сложившейся за пределами исторической родины» (Медведева, Бушуева, 2016).

От успешности адаптации, дальнейшей интеграции во многом зависят миграционные установки уехавших. Они колеблются в широком диапазоне – от «остаться навсегда» до «обязательно вернуться, если...». Важны как условия, в которых оказались мигранты, так и обсто-

ятельства, которые вынудили их к отъезду из страны постоянного проживания. Диаспоры могут быть стихийно организующимися и краткосрочными по времени существования, объединяя мигрантов, вынужденно покинувших страну или регион под влиянием каких-либо чрезвычайных обстоятельств, а могут существовать на протяжении нескольких поколений мигрантов, обеспечивая сохранение культуры, языка и поддерживая своих членов в трудных жизненных обстоятельствах. Существует закономерность: чем успешнее происходит процесс интеграции мигрантов в принимающее сообщество, тем менее необходимы и устойчивы диаспоральные социальные связи.

Сложнее поддается очерчиванию понятие «соотечественники», несмотря на наличие законодательной базы для работы с этой категорией мигрантов и соответствующих программ¹. Для ситуации, которая сложилась на пространстве бывшего СССР, под категорию «соотечественники» подпадают не только те, кто покинул пределы России и оказался вне страны своего происхождения, но и те, кто вообще никуда не переезжал, но оказался за пределами своей исторической Родины. Причем в этом случае термин определяет не этническую принадлежность, а скорее прошлую, советского периода, гражданскую сущность (Герасимова, 2019).

В начале 1990-х годов в отдельных союзных республиках русские составляли около трети населения и были вторым по численности народом в государстве (Казахстан – 37%, Латвия – 33%, Эстония – 30%), в Украине и Киргизии они также стали вторым по численности этносом, составляя более пятой части населения этих стран (Сущий, 2020). В целом, согласно переписи населения 1989 года, за пределами РСФСР насчитывалось 25,3 млн русских (Урядова, 2024). По нашему мнению, под соотечественниками за рубежом можно понимать всех выходцев из одной страны, региона, независимо от формы их расселения, взаимоотношений, целей и сроков пребывания и дальнейших миграционных установок. Такое понимание позволяет объединить всех мигрантов, выехав-

ших в разное время и по различным мотивам из одной страны либо проживавших с рождения за пределами России, но связанных бывшим советским гражданством. Такой подход вносит определенные сложности в возможность их количественной оценки. Кроме того, было бы ошибочно ограничиваться оценкой выезда за рубеж только с территории России, не учитывая выезд из других бывших союзных республик, и использовать понятие «русское зарубежье» для оценки масштабов репатриационного потенциала.

Наиболее массовые миграционные потоки с территории всех республик бывшего СССР происходят на протяжении почти уже четырех десятилетий. Всех выходцев из республик объединяет знание русского языка, которое позволяет коммуницировать между собой в любой стране мира. Русский язык успешно используется для общения между собой мигрантами с Кавказа, из Средней Азии, России. В любое сообщество за рубежом могут входить представители различных этнических групп, проживавших на территории России, выехавших под воздействием различных факторов и причин и имевших различные миграционные намерения в дальнейшем.

В связи с этим для целей нашего исследования, в котором мы делаем попытку оценить количественные масштабы проживания в различных странах мира уроженцев России и других республик, а также их потомков как минимум первого поколения, наиболее точно будет оперировать собирательным понятием «русскоговорящее сообщество» (Рязанцев, 2016; Рязанцев и др., 2021).

Данные и методы

Для определения численности русскоговорящих сообществ за рубежом традиционно используются административные источники данных, такие как переписи населения, регистрационные данные (текущий учет) и статистические отчеты. Существует два основных способа оценки масштабов выезда из страны и относительно длительного проживания бывших ее граждан за рубежом.

Первый способ – это опора на различные источники информации в стране выезда. Второй – это использование данных из различных источников принимающей страны. Наиболее точный результат дадут данные, полученные отдельно

¹ См., например, Федеральный закон от 24.05.1999 № 99 «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом».

по каждой стране, массово принимающей российских или бывших советских мигрантов.

Официальными источниками учета выбывших из России граждан являются данные Росстата и МВД России. При этом российская статистическая служба получает информацию от МВД, куда она поступает из паспортных столов (Воробьева, Гребенюк, 2017b). Учет выбывших на постоянное место жительства основывается на снятии с регистрационного учета или отказе от гражданства, что происходит не всегда. Многие люди выбирают «жизнь на две страны», что не отражается в текущих статистических данных (Воробьева, Гребенюк, 2017a).

Существует гипотеза о значительных расхождениях между российскими данными о миграции и информацией стран, принимающих эмигрантов (Субботин, 2021; Субботин, 2024). Въезд мигрантов фиксируется страной назначения с большей точностью, чем выезд страны происхождения. Это объясняется тем, что государству важно знать численность фактического населения для эффективного распределения ресурсов, планирования социальной инфраструктуры и т. д. Например, С.В. Рязанцев и Е.Е. Письменная выявили значительное занижение объемов эмиграции российской статистикой: по Испании – в 22 раза, по Франции – в 14 раз, по Германии – в 8 раз (Рязанцев, Письменная, 2016, с. 20). О.Д. Воробьева и А.А. Гребенюк утверждают, что для получения реальных масштабов эмиграции данные Росстата следует увеличивать минимум в 3–4 раза (Воробьева, Гребенюк, 2017a, с. 19).

Кроме того, исследователи указывают, что на текущем этапе миграционных процессов в России появились новые формы эмиграции, включая трудовую и эпизодическую (Ионцев и др., 2016). Однако учет внешней трудовой миграции в России также обеспечивается МВД и основывается на информации, предоставляемой специализированными структурами, имеющими лицензию на осуществление деятельности, связанной с оказанием услуг по трудоустройству российских граждан за рубежом².

² Приказ Росстата от 31.03.2017 № 220 «Об утверждении статистического инструментария для организации Министерством внутренних дел Российской Федерации статистического наблюдения за внешней трудовой миграцией». Приложение № 2, Форма № 1-Т (миграция).

В последние годы все большее значение приобретают альтернативные источники информации, позволяющие оценить численность и активность русскоговорящих сообществ с помощью данных из интернета и электронных социальных сетей:

- поисковые запросы – анализ данных поисковых систем, таких как Яндекс, Google, позволяет оценить интерес к русскоязычным ресурсам и темам в разных странах;

- социальные сети – платформы, такие как ВКонтакте и другие, предоставляют возможность анализа аккаунтов, групп и страниц, ориентированных на русскоязычную аудиторию; количество участников в таких группах и их активность могут служить индикаторами численности и уровня интеграции русскоговорящих в местные сообщества;

- статистика онлайн-торговли и сервисов доставки – платформы онлайн-торговли и доставки товаров, такие как Amazon, eBay и локальные службы доставки, могут предоставлять данные о заказах и доставках на русском языке; анализ таких данных позволяет оценить концентрацию русскоговорящих потребителей в различных регионах; заказы на русскоязычную литературу, продукты и товары культурного назначения могут служить индикаторами присутствия русскоговорящих сообществ;

- мобильные приложения и платформы для обмена сообщениями – популярные среди русскоговорящих приложения, такие как Telegram и WhatsApp, могут предоставить данные о количестве пользователей и их географическом распределении, например, крупные русскоязычные каналы и чаты в Telegram часто включают участников из разных стран, что позволяет оценить численность и активность диаспоры.

Комбинация административных и альтернативных источников помогает получить более полное и актуальное представление о численности и характеристиках русскоговорящих сообществ за рубежом, учитывая как официальные данные, так и динамичные показатели из дополнительных источников информации.

В статье используются данные ООН, характеризующиеся длительной динамикой, охватывающей период с 1990 по 2020 год. При оценке численности международных мигрантов по-

следние приравниваются к населению, родившемуся за границей, когда такая информация доступна, что характерно для большинства стран. В случаях, когда отсутствуют данные о месте рождения, международные мигранты приравниваются к иностранным гражданам на основе информации о гражданстве учтенных лиц. Применение такой единой методологии при сборе и обработке данных обеспечивает возможность проведения сравнительного анализа как во временном, так и в пространственном аспекте, т. е. достаточно надежно оценивать изменения в численности и географическом распределении выходцев из России, обеспечивая высокую степень точности и со-поставимости результатов на протяжении всего исследуемого периода. Также в работе используются данные официальной статистики национальных статистических служб различных стран (включая результаты переписей населения).

Масштабы и география расселения русскоговорящих сообществ за рубежом

Согласно последним доступным данным Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН, в 2020 году в мире насчитывалось 280,6 млн международных мигрантов, в то время как в 1990 году – 153,0 млн человек (табл. 1). То есть за 30 лет численность международных мигрантов (мировой диаспоры) выросла на 83% (почти удвоилась), что связано главным образом с процессами глобализации, протекающими во всем мире.

При этом, по этим же оценкам ООН, численность мигрантов из России с 1990 по 2020 год сократилась с 12,7 до 10,8 млн человек. Детальное изучение динамики показывает, что в анализируемом периоде можно выделить два ключевых этапа: с 1990 по 2010 год, когда наблюдалось сокращение выходцев из России (ос-

новное сокращение пришлось на 1990-е годы – почти 2 млн человек), и с 2010 по 2020 год, когда численность международных мигрантов из России увеличилась на 640 тысяч человек, или 6,3% (с 10,12 до 10,76 млн человек). При этом, согласно данным ООН, доля выходцев из России в общей численности международных мигрантов перманентно сокращается (с 8,3% в 1990 году до 3,8% в 2020 году).

Наличие статистики в разрезе полов позволяет определить особенности миграции среди мужчин и женщин. В 1885 году Э. Равенштейн опубликовал выявленные им одиннадцать закономерностей миграции, многие из которых не только не утратили своей актуальности, но и усилились (например, главными причинами миграции являются экономические или большие города растут преимущественно за счет миграции). Одна из миграционных закономерностей состоит в том, что мужчины являются более подвижными в международных перемещениях, чем женщины. Эта гипотеза подтверждается данными статистики ООН. Если смотреть на дифференциацию полов международных мигрантов в мире, то мужчины на протяжении всего рассматриваемого периода составляли в среднем около 51%. Однако если смотреть на российскую ситуацию, то можно видеть иную картину: подавляющее большинство эмигрантов из России – женщины, доля которых в общей численности международных мигрантов составляет 57%.

Территориальное распределение международных мигрантов из России (табл. 2) показывает, что более половины из них проживают на территориях Украины (31%) и Казахстана (23%). В десяти странах ближнего зарубежья в 2020 году проживали 75% международных мигрантов из России, в 1990 году этот показатель превышал 89%.

Таблица 1. Динамика численности международных мигрантов в мире и России в 1990–2020 гг., тыс. человек

	1990	1995	2000	2005	2010	2015	2020
Весь мир	152 986,2	161 290,0	173 230,6	191 446,8	220 983,2	247 958,6	280 598,1
Россия	12 653,3	11 588,0	10 664,8	10 302,9	10 118,7	10 180,0	10 756,7
Доля мигрантов из России, %	8,3	7,2	6,2	5,4	4,6	4,1	3,8
Составлено по: United Nations Department of Economic and Social Affairs, Population Division. (2020). International Migrant Stock 2020.							

Таблица 2. Распределение мигрантов из России по странам проживания (топ-35 стран) в 1990–2020 гг.

Страна проживания	1990		2000		2010		2020	
	тыс. человек	от всех мигрантов из России, %	тыс. человек	от всех мигрантов из России, %	тыс. человек	от всех мигрантов из России, %	тыс. человек	от всех мигрантов из России, %
Украина	5018,1	39,66	3745,8	35,12	3265,8	32,27	3330,6	30,96
Казахстан	2474,1	19,55	2032,9	19,06	2211,9	21,86	2476,0	23,02
Германия	77,3	0,61	903,8	8,47	857,2	8,47	1198,8	11,14
Узбекистан	1267,2	10,01	1067,2	10,01	913,7	9,03	871,0	8,10
Беларусь	791,5	6,26	708,0	6,64	688,4	6,80	672,5	6,25
США	190,7	1,51	348,8	3,27	405,7	4,01	397,1	3,69
Таджикистан	363,6	2,87	252,1	2,36	238,1	2,35	235,0	2,18
Эстония	283,5	2,24	189,0	1,77	154,7	1,53	119,1	1,11
Латвия	473,2	3,74	234,8	2,20	163,6	1,62	116,8	1,09
Израиль	175,9	1,39	162,2	1,52	111,1	1,10	111,3	1,03
Кыргызстан	349,2	2,76	212,4	1,99	126,9	1,25	108,9	1,01
Испания	3,1	0,02	8,3	0,08	58,5	0,58	96,1	0,89
Канада	95,3	0,75	50,3	0,47	73,0	0,72	84,7	0,79
Италия	7,4	0,06	14,8	0,14	79,6	0,79	82,9	0,77
Туркменистан	118,3	0,93	79,2	0,74	75,5	0,75	74,6	0,69
Франция	21,4	0,17	22,8	0,21	60,1	0,59	73,2	0,68
Греция	28,3	0,22	72,0	0,68	57,4	0,57	55,3	0,51
Литва	158,4	1,25	95,3	0,89	70,3	0,69	51,7	0,48
Польша	77,0	0,61	56,3	0,53	39,6	0,39	50,3	0,47
Молдова	225,6	1,78	102,7	0,96	52,1	0,51	40,0	0,37
Чехия	3,3	0,03	6,6	0,06	28,5	0,28	37,5	0,35
Грузия	151,1	1,19	35,7	0,33	34,2	0,34	37,3	0,35
Великобритания	4,2	0,03	15,1	0,14	26,8	0,26	36,2	0,34
Австрия	17,1	0,14	21,4	0,20	26,4	0,26	34,7	0,32
Болгария	6,9	0,05	11,0	0,10	17,0	0,17	32,8	0,30
Австралия	8,4	0,07	16,8	0,16	20,8	0,21	29,3	0,27
Азербайджан	39,2	0,31	34,7	0,33	30,2	0,30	27,5	0,26
Турция	11,4	0,09	18,5	0,17	19,7	0,19	27,3	0,25
Швейцария	5,9	0,05	12,3	0,12	16,2	0,16	24,7	0,23
Швеция	5,1	0,04	6,5	0,06	14,4	0,14	22,2	0,21
Армения	62,2	0,49	20,4	0,19	11,2	0,11	19,1	0,18
Норвегия	0,1	0,00	3,1	0,03	13,7	0,14	18,5	0,17
Финляндия	1,9	0,02	2,6	0,02	7,3	0,07	15,2	0,14
Кипр	3,2	0,03	5,9	0,06	13,6	0,13	12,9	0,12
Румыния	7,2	0,06	7,7	0,07	8,1	0,08	9,6	0,09

Составлено по: United Nations Department of Economic and Social Affairs, Population Division. International Migrant Stock 2020.

Наибольшее число мигрантов из России в страны дальнего зарубежья сосредоточено в Германии (1,2 млн человек), в 3 раза меньше в США (397 тысяч человек), в 10 раз меньше в Израиле (111 тысяч человек), Испании (96), Канаде (85), Италии (83), Франции (73),

Греции (55), Польше (50), Чехии, Великобритании, Австрии и Болгарии (по 33–37 тысяч человек), в остальных странах – менее 30 тысяч человек (менее 0,3% от числа всех международных мигрантов, родившихся в России).

Согласно известному справочнику по языкам мира SIL Ethnologue³ (США), в 2010 году число носителей русского языка, проживающих за пределами России, составляло около 30 миллионов человек (Lewis et al., 2014).

Этнические русские составляют значительную часть населения, проживающего за пределами Российской Федерации. По различным оценкам, их численность варьируется от 20 до 40 миллионов человек в зависимости от того, как определяется этническая принадлежность⁴. Однако определить точное количество этнических русских за границей непросто из-за различий в методах учета этничности в разных странах. Многие национальные статистические службы, как правило, учитывают лишь одну национальность. Тем не менее существуют страны, которые представляют более детализированную информацию о гражданах, в том числе данные о множественной этнической принадлежности. Ярким примером является Канада, где национальная статистическая служба ведет подробную статистику о населении, включая данные о мигрантах.

Так, на официальном сайте статистической службы Канады по результатам переписи населения 2021 года представлены следующие данные о численности выходцев из России⁵:

- по месту рождения – 87 380 чел.;
- по этническому или культурному происхождению – 548 145 чел.

То есть в зависимости от способа определения численность выходцев из России может варьироваться более чем в 6 раз. Отметим, что понятие «этническое или культурное происхождение» в Канаде относится к происхождению предков данного лица. Оно может охватывать как коренное происхождение, так и происхождение, связанное с разными странами. Человек, участвующий в переписи населения, может идентифицировать себя с несколькими

этническими или культурными группами. То есть общая сумма данных о людях с этническим или культурным происхождением может превышать общую численность населения, так как респонденты могут указать более одной категории этнического происхождения.

В таблице 3 на основе сведений национальных статистических служб разных государств и экспертных оценок из открытых источников представлены топ-30 стран по численности этнических русских (хотя, учитывая контекст статьи и особенности сбора данных, было бы корректнее говорить не об этнических русских, а о людях, имеющих русское происхождение или русские корни).

Анализ данных показывает значительное количество людей русского происхождения, проживающих за пределами Российской Федерации. Наибольшая численность этнических русских сосредоточена в странах бывшего Советского Союза, таких как Украина (8,334 млн чел.), Казахстан (3,512 млн) и Беларусь (707 тыс.). Это связано с историческим переселением и присутствием русских общин в этих регионах. За пределами бывшего СССР значительные русскоязычные общины также присутствуют в США (2,538 млн), Германии (1,213 млн) и Израиле (1,217 млн). Эти цифры отражают волны миграции, включая эмиграцию по политическим и экономическим причинам.

Некоторые страны, такие как Бразилия и Турция, демонстрируют широкий диапазон оценок численности русских (от 200 тыс. до 1,8 млн чел. в Бразилии и от 150 тыс. до 500 тыс. чел. в Турции), что указывает на трудности в точном учете и еще раз подчеркивает широкий спектр подходов к определению понятий. В таких странах Европы, как Латвия, Эстония и Литва, также проживают значительные по численности русские диаспоры, что связано с историческими факторами и процессами миграции.

В целом данные подчеркивают географическое разнообразие русскоговорящих сообществ с их значительным присутствием как в странах ближнего зарубежья (Украина, Казахстан, Узбекистан), так и в других регионах мира, включая Северную Америку (США, Канада), Европу (Германия, Франция, страны Балтийского региона) и Ближний Восток (Израиль, Турция, ОАЭ).

³ Наиболее известный справочник по языкам мира, разрабатываемый и выпускаемый организацией SIL International (ранее известной как Summer Institute of Linguistics – «Летний институт лингвистики») в печатном и электронном виде.

⁴ См., например, (Diamant, 2017).

⁵ Statistics Canada. (2023). Census Profile. 2021 Census of Population. Statistics Canada Catalogue No. 98-316-X2021001. Ottawa. URL: <https://www12.statcan.gc.ca/census-recensement/2021/dp-pd/prof/index.cfm?Lang=E> (дата обращения 01.08.2024).

Таблица 3. Распределение этнических русских (лиц русского происхождения) по странам проживания (топ-30 стран) на актуальный год доступных данных

Страна проживания	Численность этнических русских, тыс. человек	Год, на который доступны данные
Украина	8334,0	2001
Казахстан	3512,9	2020
США	2538,4	2020
Бразилия	от 200,0 до 1 800,0*	2015
Израиль	1216,7	2022
Германия	1213,0	2018
Узбекистан	839,973	2019
Беларусь	706,992	2019
Канада	548,145	2021
Турция	150,0–500,0	2022
Франция	от 100,0 до 500,0	2015–2022
Латвия	441,305	2021
Туркменистан	314,000	2003
Эстония	306,801	2023
Аргентина	300,0	2020
Кыргызстан	283,0	2022
Италия	170,0	2022
ОАЭ	60,0–150,0	2021
Литва	141,100	2021
Молдова	112,0	2014
Австралия	98,110	2021
Финляндия	93,535	2022
Великобритания	50,0–90,0	2023
Испания	82,380	2022
Азербайджан	71,0	2019
Бельгия	70,0	2012
Австрия	36,0	2018
Румыния	36,0	2016
Таджикистан	35,0	2010
Швеция	32,0	2018

* По оценкам автора книги «Русские иммигранты в Бразилии» (Chnee, 2016), около 1,8 миллиона потомков российских эмигрантов и беженцев (включая российских немцев и российских евреев) проживали в Бразилии в 2010-х годах.

Составлено по: Население, занятость и условия жизни в странах Содружества Независимых Государств: статистический сборник. (2023). М.: Межгосударственный статистический комитет СНГ. С. 48; данные национальных статистических служб отдельных стран.

Заключение

Анализ численности и географии расселения русскоговорящих сообществ за рубежом — важное направление, имеющее как научное, так и практическое значение. Результаты проведенного исследования демонстрируют существенные изменения в миграционных процессах, касающихся русскоязычной diáspora, на протяжении последних десятилетий. Особое

внимание уделено сокращению численности эмигрантов из России в период с 1990 по 2020 год, что может быть связано со множеством факторов, включая экономические и политические трансформации как в России, так и на международной арене.

Однако, несмотря на это сокращение, следует отметить, что русскоговорящие сообщества по-прежнему играют немаловажную роль в со-

циально-экономической и культурной жизни стран своего пребывания. Наиболее крупные сообщества сосредоточены в странах ближнего зарубежья, таких как Украина и Казахстан, что свидетельствует о сохранении тесных связей между этими государствами и Россией. В то же время заметно увеличилось количество русскоязычных эмигрантов в странах дальнего зарубежья, таких как Германия и США, что указывает на глобальный характер миграционных процессов.

Вместе с тем очевидно, что методологические сложности, связанные с оценкой численности и характеристик русскоязычных сообществ, требуют дальнейшего пристального внимания исследователей. Данная статья иллюстрирует значительное расхождение в показателях российских и зарубежных источников, что затрудняет точную оценку численности русскоязычных эмигрантов и их потомков. Более того, современные формы эмиграции, такие как трудовая и эпизодическая, существенно усложняют учет мигрантов и требуют пересмотра общепринятых подходов.

Традиционные данные обладают определенной инертностью, неспособностью мгновенно реагировать на происходящие в мире изменения. Обычно для корректировки таких показателей требуется время, поскольку они собираются и обрабатываются с задержкой (иногда и вовсе сбор статистики может прекратиться в силу определенных обстоятельств). Это порой приводит к ситуации, когда данные несвоевременно отражают актуальные события и, соответственно, становятся бесполезными для принятия оперативных решений.

В связи с этим при проведении подобных исследований необходимо учитывать роль альтернативных источников данных: социальных сетей, различных электронных платформ и мобильных приложений, которые могут представлять ценную информацию о численности и активности русскоязычных сообществ за рубежом. Подобные источники способны дополнить традиционные административные данные и расширить представление о текущих тенденциях и динамике расселения русскоязычных мигрантов.

В заключение подчеркнем важность исследований в данном направлении. В условиях глобализации и усиления миграционных процессов необходимо регулярно уточнять численность и географическое распределение русскоязычных сообществ за рубежом. Это позволит точнее оценить масштабы миграции и разработать эффективные меры по поддержке соотечественников за границей, а также по управлению миграционными потоками. Только комплексный подход к изучению русскоязычных сообществ, включающий традиционные, и инновационные методы, предоставит объективные и актуальные данные, необходимые для формирования государственной политики и стратегического планирования в этой сфере.

Понимание репатриационного потенциала русскоговорящих сообществ в ключевых странах их концентрации поможет при разработке эффективных стратегий по их возвращению в Россию, формированию сбалансированной и обоснованной миграционной политики, способствующей устойчивому социально-экономическому развитию страны.

Литература

- Андрющенко К.Д. (2020). Анализ результатов трансформации российской эмиграции на современном этапе // *The Newman in Foreign policy*. Т. 1. № 52 (96). С. 15–18.
- Воробьева О.Д., Гребенюк А.А. (2017а). Сравнительный анализ отечественной и зарубежной статистической информации об эмиграции граждан России // *Вопросы статистики*. № 9. С. 64–73.
- Воробьева О.Д., Гребенюк А.А. (2017б). Эмиграция из России по данным отечественного статистического учета // *Вопросы статистики*. № 11. С. 44–53.
- Герасимова В.А. (2019). Российские соотечественники за рубежом // *Постсоветские исследования*. Т. 2. № 1. С. 904–922. DOI: 10.24411/2618-7426-2019-00009
- Грицанов А.А., Абушенко В.Л., Евелькин Г.М., Соколова Г.Н., Терещенко О.В. (2003). Социология: энциклопедия. Мн.: Книжный Дом. 1312 с.
- Денисенко М.Б. (2003). Эмиграция из России по данным зарубежной статистики // *Мир России*. Т. 12. № 3. С. 157–169.

- Ионцев В.А., Лебедева Н.М., Назаров М.В. (2001). Эмиграция и репатриация в России. М.: Попечительство о нуждах рос. репатриантов.
- Ионцев В.А., Рязанцев С.В., Ионцева С.В. (2016). Новые тенденции и формы эмиграции из России // Экономика региона. Т. 12. № 2. С. 499–509. DOI: 10.17059/2016-2-15
- Медведева Т.А., Бушуева С.В. (2016). Российское зарубежье XX века: особенности формирования, адаптации и сохранения национальной идентичности российской эмиграции // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. № 2. С. 32–41.
- Рязанцев С.В. (2016). Эмигранты из России: русская диаспора или русскоговорящие сообщества? // Социологические исследования. № 12. С. 84–94.
- Рязанцев С.В. (2017). Концептуальные подходы и ключевые понятия эмиграции из России и русскоязычного населения за рубежом // Научное обозрение. Серия 2. Гуманитарные науки. № 6. С. 5–15. DOI: 10.26653/2076-4685-2017-6-01
- Рязанцев С.В., Гребенюк А.А. (2014). «Наши» за границей. Русские, россияне, русскоговорящие, соотечественники: расселение, интеграция и возвратная миграция в Россию. М.: ИСПИ РАН.
- Рязанцев С.В., Письменная Е.Е. (2016). Эмиграция ученых и высококвалифицированных специалистов из России: тенденции, последствия, государственная политика // Социология. № 4. С. 18–27.
- Рязанцев С.В., Письменная Е.Е., Очирова Г.Н. (2021). Русскоязычное население в странах дальнего зарубежья // Вестник МГИМО-Университета. Т. 14. № 5. С. 81–100. DOI: 10.24833/2071-8160-2021-5-80-81-100
- Рязанцев С.В., Храмова М.Н. (2018). Факторы эмиграции из России в постсоветский период: региональные особенности // Экономика региона. Т. 14. № 4. С. 1298–1311. DOI: 10.17059/2018-4-19
- Субботин А.А. (2021). Масштабы миграции из России (на примере данных американской и российской статистики) // Социально-гуманитарные знания. № 6. С. 329–335. DOI: 10.34823/SGZ.2021.6.517735
- Субботин А.А. (2024). Международная интеллектуальная миграция в России: вызовы и перспективы. М.: Знание-М. DOI: 10.38006/00187-744-8.2024.1.272
- Сущий С.Я. (2020). Русское население ближнего зарубежья: геодемографическая динамика постсоветского периода // Демографическое обозрение. Т. 7. № 2. С. 6–30.
- Урядова А. (2024). Русские диаспоры ближнего зарубежья в постперестроечный период: фантом или реальность? // Quaestio Rossica. Т. 12. № 1. С. 96–109. DOI: 10.15826/gr.2024.1.867
- Chnee I. (2016). *Imigrantes russos no Brasil e seus descendentes*. San Paulo.
- Dezhina I.G., Soldatova S.E., Ushakova S.E. (2020). Migration of researchers in the Baltic region: A forecast and factors. *Baltic Region*, 12(1), 115–131. DOI: 10.5922/2079-8555-2020-1-7
- Diamant J. (2017). Ethnic Russians in some former Soviet republics feel a close connection to Russia. *Pew Research Center*. Available at: <http://pewrsr.ch/2eHLrSS> (accessed: August 1, 2024).
- Коробков А.В. (2020). Russian academic diaspora: Its scale, dynamics, structural characteristics, and ties to the RF. In: *Migration from the Newly Independent States: 25 Years After the Collapse of the USSR*. DOI: 10.1007/978-3-030-36075-7
- Lewis M.P., Simons G.F., Fennig C.D. (2014). *Ethnologue: Languages of Africa and Europe*. SIL International.
- Osadchaya G.I., Yudina T.N., Volkova O.A., Kireev E.Y. (2023). Return migration from Russia to Kyrgyzstan: Dynamics, causes, and structure. *Changing Societies & Personalities*, 7(3), 122–140. DOI: 0.15826/csp.2023.7.3.244
- Pismennaya E.E., Nioradze G.V. (2022). Emigration of Russian pensioners to Vietnam (and other countries of Southeast Asia). *The Russian Journal of Vietnamese Studies*, 6(4), 33–41. DOI: 10.54631/VS.2022.64-101666
- Ryazantsev S., Bragin A. (2023). The influence of political and economic factors on emigration from Russia to Europe. *Journal of Population & Social Studies*, 31, 152. DOI: 10.25133/JPSSv312023.009
- Subbotin A., Aref S. (2021). Brain drain and brain gain in Russia: Analyzing international migration of researchers by discipline using Scopus bibliometric data 1996–2020. *Scientometrics*, 126(9), 7875–7900. DOI: 10.1007/s11192-021-04091-x
- Sulpasso B., Piccolo L., Accattoli A. (2023). Thirty years of studies on Russian emigration to Italy. *Studi Slavistici*, 181–198. DOI: 10.36253/Studi_Slavis-14993

Сведения об авторах

Ольга Дмитриевна Воробьева – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры, Высшая школа современных социальных наук, МГУ имени М.В. Ломоносова (Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1; e-mail: 89166130069@mail.ru)

Александр Алексеевич Субботин – кандидат социологических наук, доцент кафедры, Высшая школа современных социальных наук, МГУ имени М.В. Ломоносова (Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1; e-mail: aasubbotin@yahoo.com)

Светлана Николаевна Мищук – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры, Высшая школа современных социальных наук, МГУ имени М.В. Ломоносова (Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1; e-mail: svetamic79@mail.ru)

Vorobieva O.D., Subbotin A.A., Mishchuk S.N.

Main Approaches to Assessing the Scale of Settlement of Russian-Speaking Population Abroad

Abstract. Russian diaspora is one of the largest in the world and, according to various sources, includes from 10 to 40 million expatriates. It has been forming since the 18th–19th century during periods of unrest, wars and political change. Natural decline of Russian population, reduction in the migration growth of the population of Russia, and changes in ethnic composition determine the need and relevance of assessing the scale of the country's repatriation potential. The aim of the work is to analyze existing data sources and approaches to estimating the number of Russian-speaking population and to identify the countries in which it is concentrated, for subsequent assessment of Russia's repatriation potential. The article presents main approaches to identifying Russian expatriates, estimates the number and describes the geographical distribution of Russian-speaking communities abroad. The interpretations of such widely used concepts as "emigrants", "diaspora", "compatriots" and "Russian-speaking communities" are considered in detail and comprehensively, as well as the specifics of their definition and statistical accounting. We use data from the United Nations, national statistical services of various countries, and expert assessments. The data presented emphasize the importance of Russian-speaking communities in the context of globalization and international migration. The article provides statistics on international migration flows from Russia, including an analysis by country of residence and the dynamics of the number of emigrants since 1990. We discuss differences in migration statistics presented in Russian and foreign sources, methods of determining the basis (by place of birth, by ethnic origin), as well as new forms of emigration, including labor emigration and episodic emigration. The analysis of the territorial distribution of Russian-speaking communities shows their geographical diversity with significant presence in Russia's neighboring countries (Ukraine, Kazakhstan, Uzbekistan) and in other regions, including North America (USA, Canada), Europe (Germany, France, Baltic countries), and the Middle East (Israel, Türkiye, UAE). The findings of our research can be useful in the development of state migration policy and assessment of geopolitical implications of migration processes, including the repatriation potential of the Russian Federation.

Key words: Russian expatriate community, emigration, diaspora, compatriots, Russian-speaking communities, migration statistics, globalization, international migration.

Information about the Authors

Olga D. Vorobieva – Doctor of Sciences (Economics), Professor, professor of department, Higher School of Contemporary Social Sciences, Lomonosov Moscow State University (1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation; e-mail: 89166130069@mail.ru)

Alexander A. Subbotin – Candidate of Sciences (Sociology), associate professor of department, Higher School of Contemporary Social Sciences, Lomonosov Moscow State University (1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation; e-mail: aasubbotin@yahoo.com)

Svetlana N. Mishchuk – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, associate professor of department, Higher School of Contemporary Social Sciences, Lomonosov Moscow State University (1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation; e-mail: svetamic79@mail.ru)

Статья поступила 30.08.2024.

DOI: 10.15838/esc.2024.5.95.13

УДК 331, ББК 65.24

© Тонких Н.В., Камарова Т.А., Маркова Т.Л.

Устойчивость цифровых и нецифровых форм занятости: сравнительные оценки

**Наталья Владимировна
ТОНКИХ**

Уральский государственный экономический университет
Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: tonkikhnv@usue.ru
ORCID: 0000-0003-2957-7607; ResearcherID: O-9705-2018

**Татьяна Александровна
КАМАРОВА**

Уральский государственный экономический университет
Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: kta@usue.ru
ORCID: 0000-0003-0087-9310; ResearcherID: ABC-9312-2021

**Татьяна Леонидовна
МАРКОВА**

Уральский государственный экономический университет
Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: tmark@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2520-6836; ResearcherID: ABC-7152-2021

Для цитирования: Тонких Н.В., Камарова Т.А., Маркова Т.Л. (2024). Устойчивость цифровых и нецифровых форм занятости: сравнительные оценки // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 5. С. 232–246. DOI: 10.15838/esc.2024.5.95.13

For citation: Tonkikh N.V., Kamarova T.A., Markova T.L. (2024). Sustainability of digital and non-digital forms of employment: comparative assessments. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 17(5), 232–246. DOI: 10.15838/esc.2024.5.95.13

Аннотация. Современные теоретико-практические положения о влиянии цифровизации на благополучие и качество трудовой жизни носят дискуссионный и фрагментарный характер. Эффективность применения цифровых социально-трудовых отношений рассматривается в научных публикациях, как правило, вне контекста устойчивости. Цель исследования — выявление различий цифровой и нецифровой занятости по критериям устойчивости в разрезе стандартных и нестандартных форм социально-трудовых отношений. Ключевые задачи — разработка авторской методики оценки устойчивости форм занятости; сравнительная и рейтинговая оценка устойчивости цифровых и нецифровых форм занятости по объективным и субъективным индикаторам. Эмпирической базой исследования послужили результаты общероссийского опроса трудоспособного населения в возрасте от 20 до 59 лет, $N = 2896$ чел., выборка квотная. Ключевые контролируемые признаки: пол, тип территории проживания (административный центр региона, город, сельский населенный пункт). Охвачены все федеральные округа за исключением Южного. Выявлено, что по большинству индикаторов цифровые стандартные и нестандартные формы занятости устойчивее нецифровых форм, в итоговом рейтинге они занимают 1-е и 2-е места. Цифровая стандартная занятость уступает нецифровой стандартной только по соотношению трудовых доходов с прожиточным минимумом. По остальным объективным индикаторам цифровая занятость демонстрирует либо значимо лучшие условия труда, либо сопоставимую социальную эффективность. Цифровая нестандартная занятость существенно устойчивее нецифровой нестандартной по соотношению трудового дохода с прожиточным минимумом, вероятности нормальной продолжительности рабочей недели и возможности добровольного выбора сверх занятости. Нецифровой формат устойчивее по легитимности трудовых отношений и возможности добровольного выбора малозанятости. Субъективные оценки эффективности форм занятости у респондентов цифрового сегмента выше по всем индикаторам устойчивости, особенно по показателям удовлетворенности работой и финансовым состоянием. Перспективное направление будущих исследований — проведение экспертизы оценок значимости предложенных индикаторов для разработки интегральной индексной методики оценки устойчивости занятости.

Ключевые слова: занятость, устойчивая занятость, цифровая занятость, нецифровая занятость, нестандартная занятость, стандартная занятость, индикаторы устойчивости, методика.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда «Исследование влияния цифровой занятости на рождаемость и родительское благополучие» № 22-18-00614, <https://rscf.ru/project/22-18-00614/>.

Введение

Устойчивость выступает одной из ключевых характеристик современных условий жизни, в том числе в сфере трудовых отношений. Проблемы оплачиваемого труда относительно недавно стали одним из векторов дискуссии об устойчивом развитии. В последние десятилетия появился обширный массив российских (Кученкова, Колосова, 2018; Леонидова, Чекмарева, 2018; Бобков и др., 2022) и зарубежных публикаций, посвящённых проблематике устойчивой занятости и выявлению основных критериев неустойчивости в сфере

труда. Устойчивость рассматривается как критерий социальной эффективности занятости (Колесникова, 2010) и важный фактор формирования мира труда будущего (Littig, 2018).

В условиях цифровизации в научных и политических кругах все больше признают важность понимания, какое влияние информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) оказывают на усилия по устойчивому преобразованию общества (Azmuk, 2020). С возникновением «цифровых рабочих мест» (Lee, Sirgy, 2019) у работников появились две широкие

группы гибких возможностей при использовании ИКТ: гибкость времени и гибкость места работы (Čiarnienė et al., 2018). Реверсом гибких возможностей выступают риски цифровизации условий труда в отношении гарантий устойчивой занятости.

Несмотря на то, что в последние годы вопросы цифровизации условий труда и устойчивого развития широко анализируются научным сообществом, пересечение этих двух областей в едином фокусе внимания встречается достаточно редко. Исследования, посвященные обеим этим темам, малочисленны (Čiarnienė et al., 2018). Недостаточная изученность рисков и возможностей цифровых форм занятости в контексте устойчивости определяет новизну постановки исследовательского вопроса.

Цель нашей работы – выявление различий цифровой и нецифровой занятости по критериям устойчивости в разрезе стандартных и нестандартных форм социально-трудовых отношений.

Ключевые задачи – разработка авторской методики оценки устойчивости форм занятости на основе обобщения и дополнения существующих теоретических положений; апробация методического инструментария на материалах социологического опроса работающих россиян; сравнительная и рейтинговая оценка устойчивости цифровых и нецифровых форм занятости по объективным и субъективным индикаторам с учетом параметра «стандартность/нестандартность» условий труда.

Авторский методический инструментарий должен интегрировать как объективные, так и субъективные подходы для проверки выдвинутой гипотезы.

В рамках исследования проверялась следующая научная гипотеза: цифровые формы занятости обладают большей устойчивостью по сравнению с нецифровыми формами.

Теоретические предпосылки исследования

Несмотря на обширный массив теоретических и практических исследований, в литературе не выработано единого подхода к определению понятия «устойчивая занятость». Содержательная трактовка понятия «устойчивая занятость» формулируется на основе смыслово-

вой противоположности терминов устойчивость/неустойчивость. Устойчивой считается занятость, которая не обладает признаками неустойчивости.

Согласно определению Международной организации труда (МОТ), неустойчивая занятость – это «работа, выполняемая в формальном и неформальном секторе экономики, которая характеризуется неопределенностью в отношении продолжительности занятости, наличием нескольких возможных работодателей или скрытых/двумысленных трудовых отношений, отсутствием доступа к социальной защите и льготам, обычно связанным с занятостью, низкой оплатой труда, а также существенными юридическими препятствиями для вступления в профсоюз и ведения коллективных переговоров. Неустойчивая занятость используется работодателями как способ сокращения рабочей силы, повышения уровня её гибкости и перекладывания ответственности за возможные риски на самих работников»¹.

Западные исследования параметров неустойчивости занятости, проведенные в конце XX – начале XXI века, рассматривают понятие «устойчивая занятость» в контексте стандартных/нестандартных трудовых отношений (Rodgers, 1989). С этой точки зрения устойчивая занятость характеризуется наличием одного работодателя, занятостью в течение всего года и полным рабочим днем. Устойчивая занятость предполагает работу на территории работодателя с использованием его средств производства, бессрочный контракт и предоставление гарантированных государством льгот и прав (Cranford et al., 2003).

Обобщение определений неустойчивой занятости в 63 обзорных статьях зарубежных авторов, проведённое (Kreshraj et al., 2020), показало, что современные зарубежные исследователи к основным критериям неустойчивой занятости относят отсутствие гарантий занятости; недостаточный доход; отсутствие прав и социальной защиты. При этом значительное

¹ Policies and regulation to combat precarious employment (2011) / International Labour Organization. 48 p. URL: http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/@ed_dialogue/@actrav/documents/meetingdocument/wcms_164286.pdf

число исследований опирается исключительно на уровень дохода и статус занятости в качестве критериев неустойчивости, придерживаясь точки зрения о том, что отсутствие контракта на полный рабочий день и/или долгосрочного контракта не является критерием неустойчивости (Kreshpa et al., 2020). Особое внимание в последние годы обращено на изучение характеристик взаимосвязи между неустойчивой занятостью и субъективным благополучием работников (Conigliaro, 2021), на выявление характера влияния неустойчивой занятости на баланс между работой и семьёй (Littig, 2008; Gálvez et al., 2020).

Российские учёные также придерживаются разных подходов к определению ключевых свойств «неустойчивой занятости», отмечая, что неустойчивая занятость связана с негативными последствиями для работника (Кученкова, Колосова, 2018) и отсутствием доступа к социальным гарантиям (Бобков и др., 2023). А.М. Панов, анализируя понятие «занятость», приходит к выводу, что «устойчивость наряду с регулярностью не являются обязательными характеристиками занятости, поэтому деление на «устойчивую» и «неустойчивую» занятость основывается на её способности сохранять либо не сохранять свои количественные и качественные характеристики под воздействием внешних причин» (Панов, 2016, с. 3).

В целом в российском научном дискурсе устойчивая занятость идентифицируется на основе анализа критериев формы трудового договора и условий занятости, устойчивой признается работа со следующими характеристиками: «бессрочный трудовой договор, стандартный режим рабочего времени (полный рабочий день, нормальная продолжительность рабочей недели), обеспечение трудовых и социальных гарантий, предусмотренных Трудовым кодексом Российской Федерации» (Бобков и др., 2023).

В научных публикациях присутствует сущностное пересечение понятий неустойчивая и прекарная занятость. Некоторые исследователи рассматривают их как синонимы (Marin, 2013; Bobkov et al., 2016; Вередюк, 2016), предлагается рассматривать неустойчивую/прекарную занятость как многомерный конструкт с

целым рядом неблагоприятных характеристик качества занятости (Kreshpa et al., 2020). Другие учёные разграничивают эти понятия (Standing, 2014). Например, А.М. Панов, анализируя концепцию Г. Стэндинга (Панов, 2016), обращает внимание на тот факт, что отличительными характеристиками прекариата выступают занятость в неформальном секторе и угроза потери работы, в то время как неустойчивость становится атрибутом занятости в формальном секторе.

В последние годы появляются исследования, в которых применяется комплексный подход к анализу объективных и субъективных признаков неустойчивости занятости (Кученкова, Колосова, 2018; Бобков и др., 2023).

С учетом вышесказанного формулировки критериев неустойчивой занятости по материалам зарубежных и отечественных публикаций сведены нами в классификационный список (табл. 1, 2).

В результате систематизации научных публикаций обнаруживаются различия как в количестве выделяемых критериев, так и возможности их использования в различных национальных контекстах. Например, обращает на себя внимание тот факт, что в концепциях неустойчивой занятости, сформулированных зарубежными исследователями, одним из ключевых критериев устойчивости занятости выступает возможность отстаивания прав работника через профсоюзы. В российских условиях данный критерий не может быть использован, так как степень юнионизации предприятий и отраслей не позволяет оценить переговорную силу работников (Панов, 2016, с. 5).

В целом наличие разных методологических подходов к изучению устойчивости / неустойчивой занятости свидетельствует о многоаспектности данного явления. Некоторые формы цифровых социально-трудовых отношений (например, платформенная и самозанятость) определяются как тип занятости с высокими рисками прекарных и неустойчивых трудовых отношений. Тем не менее не обнаружены комплексные сравнительные исследования устойчивости цифровой и нецифровой занятости, что подтверждает актуальность и новизну поставленного нами вопроса.

Таблица 1. Объективные критерии неустойчивости занятости
в концепциях российских и зарубежных исследователей

Атрибуты устойчивости/неустойчивости	Формулировка критериев	Авторы
1. Трудовые отношения 1.1. Срок трудового договора	Нестабильная занятость (отсутствие долгосрочного контракта). Неполная занятость по договору. Временная занятость/работа (срочные контракты, временная агентская работа, сезонная работа или работа на условиях аутсорсинга и субподряда). Непостоянная занятость (частая смена работы). Сезонный, случайный, подённый труд. Занятость в период испытательного срока / стажировки	(Standing, 2011); (Kreshpaj et al., 2020); (Rodgers, 1989); (Бобков и др., 2018) (Кученкова, Колосова, 2018); (Одинцова, 2018); (McKay et al., 2011)
	Срочная занятость. Работа «по звонку». Трудовой договор почасового найма (zero hours contract)	(Lewchuk et al., 2013); (McKay et al., 2011)
1.2. Вид трудовых взаимоотношений	Отсутствие трудовых прав. Неофициальное трудоустройство, занятость без оформления трудовой книжки, трудового соглашения, контракта. Занятость на основе гражданско-правовых отношений. Вынужденный характер трудовых отношений. Многосторонние (например, агентские) или скрытые отношения найма. Множественная занятость. Самозанятость. Платформенная занятость	(McKay et al., 2011); (Кученкова, Колосова, 2018); (Бобков и др., 2018); (Rodgers, 1989); (Lewchuk et al., 2013); (Kreshpaj et al., 2020)
2. Условия труда 2.1. Доход / оплата труда / заработка	Неофициальная (частично или полностью) оплата труда (in-cash). Недостаточный (низкий и/или нестабильный) доход; доход от основной занятости не обеспечивает устойчивого материального положения; уровень оплаты труда ниже прожиточного минимума. Уменьшение работодателем заработной платы / снижение зарплаты не по желанию работника. Задолженность по заработной плате / неполностью выплаченная зарплата	(Kreshpaj et al., 2020); (Lewchuk et al., 2013); (Бобков и др., 2023); (Кученкова, Колосова, 2018)
2.2. Рабочее время	Отсутствие контроля над продолжительностью рабочего времени. Неполная занятость (вынужденная неполная занятость / сокращение часов работы не по желанию работника, продолжительность рабочей недели 15–20 часов, деление рабочего места между несколькими работниками (job sharing))	(McKay et al., 2011); (Кученкова, Колосова, 2018)
	Нестабильность продолжительности рабочей недели	(Lewchuk et al., 2013)
	Отклоняющееся от стандартного рабочее время (малозанятость и сверхзанятость)	(Бобков, Одинцова, Подвойский, 2023)
2.3. Рабочий график	Нестабильность и непредсказуемость графика работы. Отсутствие контроля над графиком	(Lewchuk et al., 2013); (McKay et al., 2011)
2.4. Безопасность условий труда	Неадекватные и/или опасные условия труда	(Кученкова, Колосова, 2018); (McKay et al., 2011)
2.5. Рабочее место	Надомная занятость. Возможно изменение рабочего места по желанию работодателя	(Rodgers, 1989); (Standing, 2011)
2.6. Гарантии занятости	Отсутствие прав на получение социальных гарантий и выплат, характерных для устойчивой занятости (государственных и корпоративных). Отсутствие системы социального обеспечения. Вынужденный неоплачиваемый отпуск по инициативе работодателя. Отсутствие оплачиваемого отпуска в течение года	(Lewchuk et al., 2013); (Standing, 2011); (McKay et al., 2011); (Бобков, Одинцова, Подвойский, 2023); (Кученкова, Колосова, 2018)
2.7. Отстаивание трудовых прав через профсоюзы	Отсутствие прав и социальной защищённости (нет доступа к представительству работников через независимые профсоюзы, к нормативной поддержке и прав на рабочем месте)	(Kreshpaj et al., 2020); (McKay et al., 2011); (Lewchuk et al., 2013)
2.8. Развитие / карьерный рост	Отсутствие перспектив карьерного роста. Отсутствие возможности обучения на рабочем месте для развития профессиональных навыков и компетенций. Низкая степень самостоятельности и вариативности задач. Отсутствие профессиональной самоидентификации	(Lewchuk et al., 2013); (Standing, 2011); (McKay et al., 2011)

Источник: составлено авторами.

Таблица 2. Субъективные критерии неустойчивости занятости
в концепциях российских и зарубежных исследователей

Атрибуты устойчивости/ неустойчивости	Формулировка критериев	Авторы
1. Трудовые отношения	Чувство неопределённости трудовых отношений	(Шкаратан и др., 2015); (Воробьёва, 2021)
2. Гарантии занятости	Страх потерять работу / субъективное чувство негарантированной работы / чувство ненадёжности трудовых отношений / наличие у работников обеспокоенности потерей работы, наличие желания найти новую работу	(Шкаратан и др., 2015); (Чуйкова, Сотникова, 2016); Воробьёва (2021); (Бобков и др., 2023); (Кученкова, Колосова, 2018)
3. Оплата труда	Наличие у работников неудовлетворённости оплатой труда	(Бобков и др., 2023)
4. Условия труда	Наличие у работников неудовлетворённости условиями труда	(Бобков и др., 2023)
5. Социальный статус в обществе	Субъективное восприятие социального статуса в обществе	(Зудина, 2013)
6. Удовлетворённость жизнью	Самооценка работником удовлетворённости жизнью и работой как интегральный показатель преимуществ и ограничений формы занятости	(Аистов, Леонова, 2011); (Аистов и др., 2012)

Источник: составлено авторами.

Методы и материалы

Обобщение теоретических и практических результатов исследований по вопросам рисков, устойчивости и прекаризации занятости позволило сформировать авторский методический подход к оценке уровня устойчивости разных форм занятости. Отбор критериев для индикативной методики оценки устойчивости форм занятости проводился на основе составленного классификационного списка критериев неустойчивости занятости, представленных в концепциях российских и зарубежных исследователей (см. табл. 2), с учетом частоты упоминаний. Методологическим ядром авторского инструментария послужили наработки научно-исследовательского коллектива под руководством д.э.н., профессора В.Н. Бобкова, а именно комплексная блочная система индикаторов, охватывающая атрибуты оформления трудовых отношений и условий труда, трудового положения и удовлетворённости занятостью (Бобков и др., 2022).

Под устойчивой занятостью нами понимаются не только стандартные модели занятости (бессрочный трудовой договор, стандартный режим рабочего времени, социальные гарантии согласно Трудовому кодексу РФ), но и нестандартные, если они выбираются работником добровольно и отвечают его жизненным потребностям.

Отличительной чертой авторской методики является ориентация на «позитивный» тип измерителей. К примеру, критерий «доход/оплата труда» в блоке объективных критериев рассматривается не как индикатор неустойчивой занятости согласно методикам (Kreshraj et al., 2020; Кученкова, Колосова, 2018 и др.), а как индикатор устойчивости. Авторы солидарны с аргументами В.Н. Бобкова, Е.В. Одинцовой и Г.Л. Подвойского (2023), что помимо размера трудового дохода важно учитывать соотношение дохода с прожиточным минимумом, поэтому в список объективных индикаторов устойчивости форм занятости включен критерий «соотношение трудового дохода с прожиточным минимумом трудоспособного населения» (табл. 3).

В экспертной среде доход, сопоставимый с однократным размером прожиточного минимума (ПМ), считается границей нищеты, а двукратный ПМ – границей бедности. Одинокий работник с доходом в три ПМ находится на начальной ступени среднего уровня жизни. Достойный размер заработной платы работающего родителя должен обеспечивать возможность содержания хотя бы одного иждивенца, что подразумевает уровень дохода в 5–6 прожиточных минимумов. Однако в России существуют проблемы недооценки стоимости труда и высокой дифференциации трудовых дохо-

Таблица 3. Индикативная методика оценки устойчивости форм занятости

Объективные индикаторы		
Критерий	Показатель	Расчет
1. Соотношение трудового дохода с прожиточным минимумом трудоспособного населения	Коэффициент соотношения трудового дохода с прожиточным минимумом трудоспособного населения в i -ом регионе ($K_{td,i}$)	$1. K_{td,i} = P_{ср.д,i} / ПМ_i,$ <p>где i – регионы: ЦФО, СЗФО, СКФО, ПФО, УФО, СФО, ДФО, ЮФО; $P_{ср.д,i}$ – среднемесячный доход респондентов i-ого региона; $ПМ_i$ – прожиточный минимум трудоспособного населения в i-ом регионе.</p> $2. K_{td,n} = \frac{\sum_i=K_{td,i} \times d_i}{100},$ <p>где $K_{td,n}$ – средний коэффициент трудового дохода респондентов n-ой группы занятости; n – группы занятости: цифровая стандартная, цифровая нестандартная, нецифровая стандартная, нецифровая нестандартная (могут быть и другие группировки); d_i – доля респондентов из i-региона</p>
2. Легитимность трудовых договоров	Уровень формальной занятости (Y_{td}), %	$Y_{td} = \frac{\chi_{td}}{\chi_3} \times 100,$ <p>где χ_{td} – численность занятых с официальным оформлением трудового договора; χ_3 – численность занятых</p>
3. Распространенность постоянных трудовых отношений	Уровень постоянной занятости ($Y_{вз}$), %	$Y_{вз} = \frac{\chi_{вз}}{\chi_3} \times 100,$ <p>где $\chi_{вз}$ – численность занятых, имеющих постоянную работу</p>
4. Распространенность нормальной продолжительности рабочей недели	Доля занятых с нормальной продолжительностью рабочей недели по ТК РФ ($D_{340ч}$), %	$D_{340ч} = \frac{\chi_{340/36ч}}{\chi_3} \times 100,$ <p>где $\chi_{340/36ч}$ – численность занятых, работающих 40/36 ч. в неделю</p>
5. Частота добровольного выбора малозанятости	Уровень добровольной малозанятости ($Y_{дмз}$), %	$Y_{дмз} = \frac{\chi_{дмз}}{\chi_{мз}} \times 100,$ <p>где $\chi_{дмз}$ – численность работающих менее 40/36 ч. в неделю по собственной инициативе; $\chi_{мз}$ – численность малозанятых</p>
6. Частота добровольного выбора сверх занятости	Уровень добровольной сверх занятости ($Y_{дсз}$), %	$Y_{дсз} = \frac{\chi_{дсз}}{\chi_{сз}} \times 100,$ <p>где $\chi_{дсз}$ – численность работающих более 40/36 ч. в неделю по собственной инициативе; $\chi_{сз}$ – численность сверх занятых</p>
Субъективные индикаторы		
Критерий	Показатель	Расчет
1. Удовлетворенность работой	Уровень удовлетворенности работой ($Y_{удовл. раб.}$), %	$Y_{удовл. раб.} = \frac{\chi_{удовл. раб.}}{\chi_3} \times 100,$ <p>где $\chi_{удовл. раб.}$ – численность занятых, удовлетворенных работой</p>
2. Удовлетворенность финансовым состоянием	Уровень финансовой удовлетворенности ($Y_{удовл. фин.}$), %	$Y_{удовл. фин.} = \frac{\chi_{удовл. фин.}}{\chi_3} \times 100,$ <p>где $\chi_{удовл. фин.}$ – численность занятых, удовлетворенных финансовым состоянием</p>
3. Удовлетворенность жизнью в целом	Уровень удовлетворенности жизнью в целом ($Y_{удовл. жиз.}$), %	$Y_{удовл. жиз.} = \frac{\chi_{удовл. жиз.}}{\chi_3} \times 100,$ <p>где $\chi_{удовл. жиз.}$ – численность удовлетворенных жизнью в целом в составе занятых</p>
4. Индекс счастья	Доля счастливых в составе занятых ($D_{счаст.}$), %	$D_{счаст.} = \frac{\chi_{счаст.}}{\chi_3} \times 100,$ <p>где $\chi_{счаст.}$ – численность считающих себя счастливыми</p>

Источник: авторская разработка.

дов. Установленная величина прожиточного минимума для трудоспособного населения в целом по стране на 2023 год составила 16844 руб.² Медианный размер заработной платы – 46751 руб.; среднемесячная начисленная заработная плата наёмных работников – 57210 руб.³ Соотношение среднемесячной заработной платы с прожиточным минимумом составляет 3,4 раза. С учетом текущих экономических реалий трехкратное соотношение заработной платы к ПМ трудоспособного населения было выбрано в качестве порогового значения. Форма занятости считается устойчивой по данному параметру, если коэффициент соотношения превышает трехкратное значение (более 3,0).

Следующей важной отличительной чертой методики является трехаспектный учет параметра «рабочее время». Во-первых, оценивается вероятность нормальной продолжительности рабочей недели согласно ТК РФ (не более 36/40 ч. в неделю в зависимости от профессионального профиля). Во-вторых, предлагается учитывать обстоятельства работы неполное рабочее время и к негативным факторам относить только риск вынужденной малозанятости (по инициативе работодателя); возможность работать неполное рабочее время по собственному выбору – признак устойчивой занятости. Третий аспект представлен индикатором «добровольности выбора сверх занятости», т. е. работы более нормальной продолжительности рабочего времени (36/40 ч. в неделю). Работающие сверх нормальной продолжительности рабочего времени по собственной инициативе по причинам, не связанным с недостатком трудового дохода, не считаются неустойчиво занятыми. «Добровольность» выбора нестандартной продолжительности рабочего времени актуально учитывать в связи с ростом индивидуального предпринимательства и занятости, когда работники самостоятельно устанавливают свой рабочий график сообразно личностному вектору самореализации.

² Сведения о величине прожиточного минимума // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/vpm>

³ Медианная заработная плата, рассчитанная на основе административных данных Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_costs

Блок субъективных индикаторов устойчивости занятости (см. табл. 3) объединяет и несколько расширяет методики российских исследователей. Индикаторы «удовлетворенность работой» (Бобков и др., 2023) и «удовлетворенность жизнью в целом» (Аистов и др., 2011; Аистов и др., 2012) дополнены показателем «доля счастливых среди занятых». Основание: в 2006 году Фондом новой экономики (New Economics Foundation) был предложен показатель Международного индекса счастья как мерилло «действительного» благосостояния населения, т. к. в последнее время цель большинства людей – быть счастливыми и здоровыми вместо быть богатыми. Исследования счастья на работе среди занятого населения подтверждают актуальность данного критерия. В последнее время в России наблюдается возрастающий интерес к разработке и внедрению инструментов управления счастьем сотрудников, которые начинают дополнять/замещать традиционные инструменты управления удовлетворенностью, вовлеченностью и лояльностью персонала⁴. В штате крупных отечественных компаний появляются должности «директор по счастью», «директор по счастью и руководитель HR-бренда» и т. п.

Индикатор «удовлетворенность финансовым состоянием» был введен в связи с объективными ограничениями эмпирической базы данных. В будущих исследованиях целесообразно заменить его на «удовлетворенность заработной платой». Тем не менее для значительной части работающего населения трудовой доход является основным источником дохода, что позволяет использовать данный индикатор как измеритель устойчивости занятости.

Авторы неслучайно выбрали «позитивный» тип относительных измерителей, который предполагает, что метрика должна стремиться к максимуму, чем выше значение конкретного индикатора – тем выше уровень устойчивости занятости. Принцип единообразия при выборе метрик позволяет впоследствии провести интегральную оценку устойчивости той или иной формы занятости, выполнить сравнительный анализ.

⁴ Кто такой директор по счастью? / НН.ru. URL: <https://ekaterinburg.hh.ru/article/32093>

Практическое применение методики на материалах регулярных обследований рабочей силы, осуществляемых Росстатом, возможно только в части первых четырех показателей, входящих в блок объективных индикаторов в разрезе пола, возраста, отраслевой и профессиональной структуры занятых. Применение методики в полном объеме предполагает проведение специальных социологических исследований.

Эмпирической базой для апробации авторского методического подхода к оценке устойчивости разных форм занятости послужили данные социологического общероссийского опроса трудоспособного населения Российской Федерации на территориях всех федеральных округов РФ, кроме Южного федерального округа, что связано с проведением специальной военной операции (СВО) и высоким уровнем тревожности среди целевой аудитории. Опрос осуществлялся в период с ноября по декабрь 2023 года, в нем приняли участие 3890 человек в возрасте 20–59 лет. Полевые исследования проводились АО «Евро-Азиатский центр соци-

альных исследований». Ключевые контролируемые признаки: пол, тип территории проживания (административный центр региона, город, сельский населенный пункт). В контексте цели и задач исследования из реализованной выборки исключены респонденты, не работающие на момент опроса и имеющие только временную работу. Объем финальной выборки составил 2896 чел. (табл. 4). Результаты опроса для дальнейших расчетов выгружались в формат Microsoft Excel.

Опрос проводился методом «face-to-face» по специально разработанной анкете, в которой были предусмотрены: 1) вопросы-измерители для объективных индикаторов; 2) вопросы-измерители для субъективных индикаторов; 3) вопросы-идентификаторы цифровых форм занятости; 4) вопросы-идентификаторы условий труда для кодификации их на стандартные и нестандартные.

Группировка цифровых и нецифровых форм осуществлялась согласно авторской классификации (Камарова, Тонких, 2023). Классификация визуализирована на *рисунке*.

Таблица 4. Характеристика респондентов финальной выборки, %

Показатель	Значение
Гендерная структура респондентов	
мужчины	51,7
женщины	48,3
Структура занятости респондентов	
имеет только постоянную работу	95,3
имеет и постоянную работу, и дополнительную подработку	4,7
Структура респондентов по возрасту	
20–24 года	6,1
25–29 лет	8,4
30–34 года	16,0
35–39 лет	16,9
40–44 года	15,6
45–49 лет	12,7
50–54 года	9,8
55–59 лет	14,4
Структура респондентов по месту проживания	
Центральный ФО	29,7
Северо-Западный ФО	10,8
Северо-Кавказский ФО	7,9
Приволжский ФО	22,8
Уральский ФО	9,0
Сибирский ФО	12,8
Дальневосточный ФО	7,0

Источник: рассчитано авторами по материалам авторского социологического исследования.

Источник: авторская разработка.

Цифровая занятость предполагает интенсивное использование ИКТ и цифровых инструментов при выполнении трудовых функций в течение рабочего дня. К представителям цифровой занятости можно отнести ИТ-специалистов; специалистов, интенсивно использующих ИКТ при выполнении работы; работников, использующих онлайн-платформы и цифровые сервисы при выполнении работы.

Нецифровая занятость предполагает занятость без использования информационно-коммуникационных технологий и инструментов как неотъемлемой части выполнения основных трудовых функций.

Выделение стандартных и нестандартных сегментов трудовых отношений проводилось на основе общепринятой практики, когда нестандартными считаются условия занятости, при которых хотя бы один из перечисленных компонентов условий труда отклоняется от следу-

ющих: работа в штате у работодателя с заключением трудового договора; полный рабочий день в соответствии с нормами национального трудового законодательства; стационарное рабочее место находится на территории работодателя или определено им; время начала/окончания рабочей смены и график работы жестко регламентированы работодателем (Камарова, Тонких, 2023). Нестандартной является, например, работа на нескольких работодателей на основе гражданско-правовых договоров, надомная занятость, самозанятость, удаленная или гибридная работа, платформенная занятость.

Структура респондентов по формам занятости в разрезе стандартности условий труда представлена в *таблице 5*.

В цифровом сегменте значительно преобладает стандартный характер занятости, в нецифровом сегменте доли стандартной и нестандартной занятости практически равны.

Таблица 5. Структура респондентов по укрупненным группам цифровой и нецифровой занятости, %

Вид занятости	Формат занятости		Всего
	Стандартный	Нестандартный	
Цифровая занятость	57,3	42,7	100,0
Нецифровая занятость	49,5	50,5	100,0

Источник: рассчитано авторами по материалам авторского социологического исследования.

Результаты и обсуждение

Результаты расчетов оценки устойчивости занятости по объективным критериям в укрупненных группах занятости согласно авторской методике представлены в *таблице 6*.

Распространенность постоянных трудовых отношений не определялась, так как в составе финальной выборки все респонденты имеют постоянную работу, сегментарные различия уровня наличия дополнительной работы в разных группах занятости отсутствуют.

Первое место по критерию устойчивости «соотношение трудового дохода с прожиточным минимумом» занимает стандартный сегмент нецифровой занятости – трудовой доход превышает прожиточный минимум в 4,4 раза. На рынке труда наблюдается острый дефицит рабочих кадров, что на фоне увеличения оборон-заказов для СВО приводит к росту заработной платы по рабочим профессиям. В цифровом сегменте занятости по уровню трудовых доходов устойчивой можно признать только нестандартную занятость.

Стандартная цифровая форма неустойчива, коэффициент соотношения менее 3,0. Мы предполагаем, что нестандартные условия труда в цифровом сегменте занятости (например, дистанционный формат работы) предоставляют гибкие возможности для совмещения основной и дополнительной работы, увеличивая тем самым трудовой доход. Высокий уровень «частоты добровольного выбора сверх занятости» в нестандартной группе цифровых работников говорит в пользу данного предположения (25,4%).

В целом попарное сравнение объективных индикаторов устойчивости цифровых и нецифровых форм занятости в сопоставимых группах по характеристикам социально-трудовых отношений показало, что цифровая занятость устойчивее нецифровой по большинству объективных социальных индикаторов.

Результаты расчетов оценки устойчивости занятости по субъективным критериям свидетельствуют, что цифровые формы занятости лидируют по всем параметрам (*табл. 7*).

Таблица 6. Результаты оценки устойчивости занятости по объективным критериям в укрупненных группах цифровой и нецифровой занятости, %

Критерий	Цифровая занятость		Нецифровая занятость	
	Стандартная	Нестандартная	Стандартная	Нестандартная
Соотношение трудового дохода с прожиточным минимумом трудоспособного населения	2,6	3,0	4,4	2,6
Легитимность трудовых отношений	95,7	64,1	91,1	74,6
Распространенность нормальной продолжительности рабочей недели	81,9	38,4	77,4	29,5
Частота добровольного выбора малозанятости	95,7	86,5	60,7	90,0
Частота добровольного выбора сверх занятости	13,7	25,4	16,1	18,3

Источник: рассчитано авторами по материалам авторского социологического исследования.

Таблица 7. Оценка устойчивости занятости по субъективным критериям в укрупненных группах цифровой и нецифровой занятости, %

Критерий	Цифровая занятость		Нецифровая занятость	
	Стандартная	Нестандартная	Стандартная	Нестандартная
Удовлетворенность работой	90,5	86,6	64,9	69,9
Удовлетворенность финансовым состоянием	55,1	60,5	45,8	49,5
Индекс счастья	95,9	92,8	89,3	87,0
Удовлетворенность жизнью в целом	88,4	84,8	83,7	80,4

Примечание. В расчетах удовлетворенности работой и индекса счастья определялась суммарная частота ответов «да» и «скорее да, чем нет» на соответствующие вопросы: «Можно ли сказать, что Вы довольны своей работой?» и «На Ваш взгляд, Вы счастливы?».

Для расчета индикаторов «удовлетворенность финансовым состоянием» и «удовлетворенность жизнью в целом» к группе удовлетворенных респондентов отнесены отметившие 10, 9, 8 или 7 баллов по шкале от 1 до 10, где 10 – наивысшая степень удовлетворения.

Источник: рассчитано авторами по материалам авторского социологического исследования.

Таблица 8. Рейтинг устойчивости форм занятости, номер позиции

Показатель	Цифровая занятость		Нецифровая занятость	
	Стандартная	Нестандартная	Стандартная	Нестандартная
Объективные индикаторы				
Соотношение трудового дохода с прожиточным минимумом трудоспособного населения	4	2	1	3
Легитимность трудовых отношений	1	4	2	3
Распространенность нормальной продолжительности рабочей недели	1	3	2	4
Частота добровольного выбора малозанятости	1	3	4	2
Частота добровольного выбора сверх занятости	4	1	3	2
Среднее место	2,2	2,6	2,4	2,8
Позиция в рейтинге объективных индикаторов	1	3	2	4
Субъективные индикаторы				
Удовлетворенность работой	1	2	4	3
Удовлетворенность финансовым состоянием	2	1	4	3
Индекс счастья	1	2	3	4
Удовлетворенность жизнью в целом	1	2	3	4
Среднее место	1,3	1,8	3,5	3,5
Позиция в рейтинге субъективных индикаторов	1	2	3	3
Итоговое место в рейтинге	1	2	3	4

Источник: рассчитано авторами.

Отметим, что респонденты цифровых форматов занятости значимо чаще, чем в нецифровом сегменте, выбирали однозначно утвердительный ответ «да»: 54,9 и 61,9% соответственно. На вопрос «Насколько в настоящее время Вы удовлетворены своей жизнью в целом?» в группе цифровой нестандартной занятости отмечается наибольшая частота выбора максимальных баллов (10 баллов) – 36,8%, а цифровой стандартной наименьшая – 29,7% (нецифровая стандартная – 31,5%; нецифровая нестандартная – 30,9%).

В таблице 8 представлены итоговые и частные рейтинговые позиции форм занятости по индикаторам устойчивости.

Заключение

Апробация авторской методики доказала ее жизнеспособность для проведения сравнительного анализа устойчивости цифровых и нецифровых форм занятости в разрезе стандартных и нестандартных видов социально-трудовых отношений. Преимущества предлагаемого подхода заключаются в использовании «позитивных индикаторов» и учете фактора «добровольности» выбора нестандартных социально-трудовых отношений.

Выявлено, что виды занятости цифровая стандартная и нестандартная заняли первые по-

зиции в итоговом рейтинге устойчивости форм занятости.

Попарный сравнительный анализ объективных индикаторов эффективности цифровой и нецифровой занятости по критериям устойчивости в разрезе стандартных и нестандартных форм социально-трудовых отношений позволяет отметить следующее.

1. Цифровая стандартная занятость существенно уступает нецифровой стандартной по экономическому критерию соотношения трудовых доходов с прожиточным минимумом (в 1,7 раза). По остальным индикаторам цифровая занятость демонстрирует либо значимо лучшие условия труда (легитимность трудовых отношений, продолжительность рабочей недели, добровольность выбора малозанятости), либо сопоставимую социальную эффективность (вероятность добровольного выбора сверх занятости).

2. Цифровая нестандартная занятость существенно устойчивее нецифровой нестандартной по соотношению трудового дохода с прожиточным минимумом, вероятности нормальной продолжительности рабочей недели и возможности добровольного выбора сверх занятости. Нецифровой формат устойчивее по легитимности трудовых отношений и возможностям добровольного выбора малозанятости.

Сравнительный анализ эффективности форм занятости по субъективным индикаторам устойчивости выявил преимущество цифровых форматов по всем критериям, наиболее яркое отличие наблюдается по показателям удовлетворенности работой и финансовым состоянием. Социальные преимущества нестандартных трудовых отношений и в цифровом, и в нецифровом сегменте выражаются в удовлетворенности работой в условиях гибких режимов труда.

Предлагаемая методика универсальна и может быть адаптирована для оценки устойчивости других форм занятости, которые не

попали в фокус внимания настоящего исследования. В качестве перспективных направлений будущих исследований авторы видят дополнение методики индикаторами цифрового неравенства между параметрами городской и сельской занятости и проведение экспертного опроса ведущих специалистов по экономике и социологии труда с целью приоритизации списка критерии устойчивости занятости для проведения интегральных оценок. Разработка индексной интегральной методики оценки устойчивости форм занятости позволит осуществить мониторинговые исследования.

Литература

- Аистов А.В., Ларин А.В., Леонова Л.А. (2012) Неформальная занятость и удовлетворенность жизнью: эмпирический анализ с учетом эндогенности // Прикладная эконометрика. № 2 (26). С. 17–36.
- Аистов А.В., Леонова Л.А. (2011). Удовлетворенность жизнью и работой, связь с незарегистрированной занятостью: препринт WP15/2011/04. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики. 36 с.
- Бобков В.Н. [и др.] (2019). Неустойчивая занятость в Российской Федерации: теория и методология выявления, оценивание и вектор сокращения: монография. 2-е изд., стер. М.: КНОРУС. 342 с.
- Бобков В.Н., Одинцова Е.В., Иванова Т.В., Чащина Т.В. (2022). Значимые индикаторы неустойчивой занятости и их приоритетность // Уровень жизни населения регионов России. Т. 18. № 4. С. 502–520. DOI: 10.19181/lsprr.2022.18.4.7
- Бобков В.Н., Одинцова Е.В., Подвойский Г.Л. (2023). Устойчивая и неустойчивая занятость в Российской Федерации // Мир новой экономики. № 17 (3). С. 109–124. DOI: 10.26794/2220-6469-2023-17-3-109-124
- Вередюк О.В. (2016). Неформальная занятость: структура и факторы риска в России // Вестник СПбГУ. Сер. 5. Вып. 4. С. 33–48. URL: <https://dx.doi.org/10.21638/11701/spbu05.2016.402> (дата обращения 07.04.2004).
- Воробьева И.В. (2021). Прекаризация молодежи в сфере социально-трудовых отношений // Знание. Понимание. Умение. № 3. С. 100–112.
- Зудина А.А. (2013). Неформальная занятость и субъективный социальный статус: пример России // Экономическая социология. Т. 14. № 3. С. 27–63.
- Камарова Т.А., Тонких Н.В. (2023). Цифровизация занятости: понятийный аппарат // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). Т. 14. № 4. С. 554–571.
- Колесникова О.А. (2010) Эффективная занятость как основа эффективной экономики // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. № 2. С. 42–44.
- Кученкова А.В., Колосова Е.А. (2018). Дифференциация работников по характеру неустойчивости их занятости // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. № 3. С. 288–305. DOI: 10.14515/monitoring.2018.3.15
- Леонидова Г.В., Чекмарева Е.А. (2018). Неустойчивая занятость как барьер эффективной реализации трудового потенциала // Проблемы развития территории. № 1 (93). С. 7–21. DOI: 10.15838/ptd/2018.2.93.1
- Одинцова Е.В. (2018). Индикаторы неустойчивой занятости по найму в формальной экономике в России, количественное оценивание // Уровень жизни населения регионов России. Т. 14. № 1. С. 7–14.
- Панов А.М. (2016). Неустойчивая занятость: концептуализация понятия и критерии оценки // Вопросы территориального развития. № 3 (33). URL: <http://vtr.isert-ran.ru/article/1894> (дата обращения 27.02.2024).
- Чуйкова Т.С., Сотникова Д.И. (2016). Особенности отношения к работе в условиях негарантированной занятости // Организационная психология. Т. 6. № 1. С. 6–19.

- Шкаратан О.И., Карабаровский В.В., Гасюкова Е.Н. (2015). Прекариат: теория и эмпирический анализ (на материалах опросов в России, 1994–2013) // Социологические исследования. № 12. С. 99–110.
- Azmuk N.A. (2020). Digital employment in the system of regulation of the national economy. *The Problems of Economy*, 1(43), 52–58. DOI: 10.32983/2222-0712-2020-1-52-58
- Bobkov V.N., Kvachev V.G., Loktyukhina N.V. (2016) Unstable employment: The economic and sociological genesis of the concept. *Bulletin VSU, Ser. Economics and Management*, 4, 81–86.
- Čiarnienė R., Vienažindienė M., Adamonienė R. (2018). Implementation of flexible work arrangements for sustainable development. *European Journal of Sustainable Development*, 7(4), 11–11.
- Conigliaro P. (2021). Between social sustainability and subjective well-being: The role of decent work. *Social Indicators Research*, 157(1), 139–174.
- Cranford C.J., Vosko L.F., Zukenich N. (2003) Precarious employment in the Canadian labor market: A statistical portrait. *Just Labor*, 3. Available at <http://www.justlabour.yorku.ca/volume3/pdfs/cranfordetal.pdf>
- Gálvez A., Tirado F., Martínez M.J. (2020). Work–life balance, organizations and social sustainability: Analyzing female telework in Spain. *Sustainability*, 12(9), 3567.
- Josten C., Lordan G. (2020). Robots at work: automatable and non-automatable jobs. In: Zimmermann K. (Ed.). *Handbook of Labor, Human Resources and Population Economics*. Cham: Springer.
- Kreshpaj B., Orellana C., Burström B. et al. (2020). What is precarious employment? A systematic review of definitions and operationalizations from quantitative and qualitative studies. *Scandinavian Journal of Work, Environment & Health*, 46(3), 235–247.
- Lee D.J., Joseph Sirgy M. (2019). Work-life balance in the digital workplace: The impact of schedule flexibility and telecommuting on work-life balance and overall life satisfaction. In: *Thriving in Digital Workspaces: Emerging Issues for Research and Practice*. Available at https://doi.org/10.1007/978-3-030-24463-7_18
- Lewchuk W., Lafleche M., WoodGreen D.D. et al. (2013). *It's More than Poverty: Employment Precarity and Household Well-Being, Poverty and Employment Precarity in Southern Ontario*. Available at <https://www.unitedwaygt.org/document.doc?id=91>
- Littig B. (2008). *Work Life Balance – Catchword or Catalyst for Sustainable Work?* Reihe Soziologie. Institut für Höhere Studien, Abt. Soziologie.
- Littig B. (2018). Good work? Sustainable work and sustainable development: A critical gender perspective from the Global North. *Globalizations*, 15(4), 565–579.
- Marin E. (2013). Precarious work: An international problem. *International Journal of Labour Research*, 5(1), 153.
- McKay S., Clark N., Paraskevopoulou A. (2011). *Precarious Work in Europe: Causes and consequences for the Agriculture, Food and Tourism sectors*. Working Lives Research Institute, London Metropolitan University. Available at http://www.precarious-work.eu/sites/default/files/effat/files/publications/EFFAT_Study_on_Precarious_Work_EN.pdf
- Rodgers G. (1989). Precarious work in Western Europe: The state of the debate. In: *Precarious Jobs in Labour Market Regulation: The Growth of Atypical Employment in Western Europe*.
- Standing G. (2011). *The Precariat: The New Dangerous Class*. Bloomsbury academic.
- Standing G. (2014). Work after Globalization. Building Occupational Citizenship. Cheltenham, UK, and Northampton, MA, USA. Edgar Elgar: Book review. *Nordic Journal of Working Life Studies*, 75–80.

Сведения об авторах

Наталья Владимировна Тонких – кандидат экономических наук, доцент, заведующий лабораторией, Уральский государственный экономический университет (Российская Федерация, 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта / Народной Воли, д. 62/45; e-mail: tonkihnv@usue.ru)

Татьяна Александровна Камарова – кандидат экономических наук, доцент кафедры, Уральский государственный экономический университет (Российская Федерация, 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта / Народной Воли, д. 62/45; e-mail: kta@usue.ru)

Татьяна Леонидовна Маркова – кандидат социологических наук, доцент кафедры, Уральский государственный экономический университет (Российская Федерация, 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта / Народной Воли, д. 62/45; e-mail: tmark@mail.ru)

Tonkikh N.V., Kamarova T.A., Markova T.L.

Sustainability of Digital and Non-Digital Forms of Employment: Comparative Assessments

Abstract. Modern theoretical and practical views on the impact of digitalization on welfare and quality of working life are controversial and fragmentary. The effectiveness of the application of digital social and labor relations is considered in scientific publications, as a rule, outside the context of sustainability. The aim of the work is to identify differences between digital and non-digital employment according to the criteria of sustainability in the context of standard and non-standard forms of social and labor relations. Key tasks are to develop our own methodology for assessing the sustainability of employment forms; carry out comparative and rating assessment of the sustainability of digital and non-digital forms of employment based on objective and subjective indicators. Empirical basis includes the results of a nationwide survey of able-bodied population aged 20 to 59, N = 2,896 people, quota sample. Key controlled features are sex and type of residence area (region's administrative center, city, rural settlement). All federal districts are covered with the exception of the Southern Federal District. We reveal that, according to most indicators, digital standard and non-standard forms of employment are more stable than non-digital forms, they occupy 1st and 2nd places in the final ranking. Digital standard employment is inferior to non-digital standard employment only in terms of the ratio of labor income to subsistence minimum. According to other objective indicators, digital employment demonstrates either significantly better working conditions or comparable social effectiveness. Digital non-standard employment is significantly more sustainable than non-digital non-standard employment in terms of the ratio of labor income to subsistence minimum, probability of a normal working week and possibility of voluntary choice of afterhours. The non-digital format is more stable in terms of legitimacy of labor relations and possibility of voluntary choice of underemployment. Subjective assessments of the effectiveness of employment formats among respondents in the digital segment are higher in all indicators of sustainability, especially in terms of job satisfaction and financial situation. A promising direction for future research lies in conducting expert assessments of the significance of the proposed indicators for the development of an integrated index methodology for assessing employment sustainability.

Key words: employment, sustainable employment, digital employment, non-digital employment, non-standard employment, standard employment, sustainability indicators, methodology.

Information about the Authors

Natalia V. Tonkikh – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, head of laboratory, Ural State University of Economics (62/45, Vosmogo Marta/Narodnoi Voli Street, Yekaterinburg, 620144, Russian Federation; e-mail: tonkikhnv@usue.ru)

Tatyana A. Kamarova – Candidate of Sciences (Economics), associate professor of department, Ural State University of Economics (62/45, Vosmogo Marta/Narodnoi Voli Street, Yekaterinburg, 620144, Russian Federation; e-mail: kta@usue.ru)

Tatiana L. Markova – Candidate of Sciences (Sociology), associate professor of department, Ural State University of Economics (62/45, Vosmogo Marta/Narodnoi Voli Street, Yekaterinburg, 620144, Russian Federation; e-mail: tmark@mail.ru)

Статья поступила 23.07.2024.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

DOI: 10.15838/esc.2024.5.95.14

УДК 631(510), ББК 4(5Кит)

© Фан Боэн, Ван Юань, Ин Ванцзян, Ма Куилиан, Лю Цзюшэнг

Роль предпринимательства в повышении уровня относительного дохода и субъективного благополучия фермеров в Китае

ФАН Боэн

Шанхайский университет политических наук и права
Шанхай, Китай
e-mail: 1964347670@qq.com

ВАН Юань

Шанхайский университет политических наук и права
Шанхай, Китай
e-mail: wangyuanbsu@163.com

ИН Ванцзян

Шанхайский финансово-экономический университет
Шанхай, Китай
e-mail: 326452464@qq.com

Для цитирования: Фан Боэн, Ван Юань, Ин Ванцзян, Ма Куилиан, Лю Цзюшэнг (2024). Роль предпринимательства в повышении уровня относительного дохода и субъективного благополучия фермеров в Китае // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 5. С. 247–265. DOI: 10.15838/esc.2024.5.95.14

For citation: Fan Bowen, Wang Yuan, Ying Wangjiang, Ma Cuilian, Liu Jiusheng (2024). The role of entrepreneurship in raising the level of relative income and subjective well-being of farmers in China. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 17(5), С. 247–265. DOI: 10.15838/esc.2024.5.95.14

МА Куилиан

Китайский научно-исследовательский институт развития электронной информационной промышленности
Пекин, Китай
e-mail: 1014707349@qq.com

ЛЮ Цзюшэнг

Шанхайский университет политических наук и права
Шанхай, Китай
e-mail: 1074850964@qq.com

Аннотация. Предпринимательство относится к категории первоначального распределения доходов. В статье поставлены вопросы, играет ли предпринимательство положительную роль в процессе достижения общего благосостояния китайских фермеров, способствует ли оно увеличению уровня их относительного дохода и может ли повысить уровень их субъективного ощущения счастья? Построена теоретическая гипотетическая модель «предпринимательство фермеров – уровень относительного дохода – ощущение счастья», проведен эмпирический анализ на основе данных проекта «Исследование тысячи деревень», реализуемого Шанхайским финансово-экономическим университетом. Сначала рассматривается влияние предпринимательства на повышение уровня относительного дохода китайских фермеров, затем анализируется влияние предпринимательства на усиление их ощущения счастья. В завершение с помощью модели медиаторного эффекта проверяется роль уровня относительного дохода в качестве посредника в процессе влияния предпринимательства на ощущение счастья фермеров. Исследование показало, что в масштабах всего Китая предпринимательство действительно способствует росту уровня относительного дохода фермеров, демонстрируя «эффект обогащения», и повышению их уровня субъективного ощущения счастья, проявляя «эффект счастья», а уровень относительного дохода играет частичную посредническую роль в этом процессе. Таким образом, ощущение счастья фермеров, занятых предпринимательством, возникает как в результате повышения уровня относительного дохода, так и от самого процесса предпринимательской деятельности. Исходя из этого, государственным органам власти и соответствующим структурам рекомендуется активно продвигать концепцию «массового предпринимательства и инноваций» в сельских районах, создавать благоприятную среду для сельского предпринимательства, поощрять фермеров к ведению бизнеса для повышения уровня их относительного дохода и укрепления ощущения счастья, способствуя тем самым росту общего материального и духовного благосостояния сельских жителей.

Ключевые слова: общее благосостояние, предпринимательство фермеров, уровень относительного дохода, ощущение счастья.

Введение

Предпринимательство относится к категории первоначального распределения доходов и представляет собой распределение, при котором доходы предпринимателя напрямую связаны с такими производственными факторами, как труд, капитал, земля, знания, технологии, управление и затраты, вложенные в процесс предпринимательства. В рамках статьи рассматриваются вопросы, играет ли предпринимательство положительную роль в процессе достижения общего благосостояния китайских фермеров¹, способствует ли оно увеличению уровня их относительного дохода² и может ли повысить их уровень субъективного ощущения счастья? Цель исследования – определить влияние предпринимательства на повышение уровня относительного дохода китайских фермеров и усиление их ощущения счастья. Задачи работы включают построение теоретической гипотетической модели и проведение эмпирического анализа на основе данных проекта «Исследование тысячи деревень»³, реализуемого Шанхайским финансово-экономическим университетом. Во-первых, исследуется влияние предпринимательства на повышение уровня относительного дохода фермеров (так называемый «эффект обогащения фермеров за счёт предпринимательства»). Во-вторых, изучается влияние предпринимательства на усиление ощущения счастья китайских фермеров (так называемый «эффект счастья фермеров за счёт предпринимательства»). В завершение с помощью модели медиаторного эффекта проверяется роль уровня относительного дохода в качестве посредника в процессе влияния

¹ Совместное обогащение (англ. common prosperity) – политический термин Китайской Народной Республики, означающий, что все члены общества живут счастливо, в достатке и ведут прекрасную материальную и культурную жизнь. Это основная цель развития социалистической рыночной экономики в Китае.

² Относительный доход – доход, который сравнивается с доходом других людей; абсолютный доход – объективный доход, который представляет собой фактический доход индивида.

³ Проект «Исследование тысячи деревень» – крупный социальный практический и исследовательский проект, организованный Шанхайским финансово-экономическим университетом, который фокусируется на «трех сельских» проблемах. Вопросы анкеты обычно адресованы фермерам в сельских районах.

предпринимательства на ощущение счастья фермеров⁴.

В настоящее время в академической среде накоплено значительное количество исследований по теме предпринимательства фермеров, а некоторые ученые специально рассматривали связь между предпринимательством фермеров и ощущением счастья (Ван Цюн, Хуан Вэйцяо, 2020; Markussen et al., 2018), а также между предпринимательством фермеров и их доходами (Юань Фан и др., 2019; Yu, Artz, 2019; Гу Цзядзюнь, Се Фэнхуа, 2012), однако связь в целом между предпринимательством фермеров, уровнем доходов и ощущением счастья была упущена из виду. В рамках представленной статьи мы стремимся восполнить этот пробел. Новизна и вклад работы заключаются в следующем: во-первых, исследуется роль уровня относительного дохода в процессе влияния предпринимательства на ощущение счастья фермеров, в результате обнаружено, что предпринимательство влияет на счастье фермеров не только непосредственно, но и косвенно, через воздействие на их уровень доходов; во-вторых, выявлена важная роль предпринимательства фермеров в содействии повышению общего благосостояния и ощущения счастья среди сельского населения Китая, что представляет теоретическую основу для разработки и совершенствования политики поддержки предпринимательства среди фермеров со стороны соответствующих органов власти.

Теория и гипотезы

Гипотеза об «эффекте обогащения» фермеров-предпринимателей

Предпринимательство фермеров⁵ подразумевает процесс создания ценности сельским населением Китая через открытие предприятий, создание ферм или хозяйств определённого масштаба или с определенными особенностями, либо занятие индивидуальной

⁴ «Эффект обогащения» относится к процессу увеличения индивидуального богатства под воздействием определенных факторов. «Эффект счастья» относится к процессу повышения уровня счастья индивидуума под воздействием определенных факторов.

⁵ Фермер – человек с сельской пропиской в Китае; предпринимательство фермеров – предпринимательская деятельность данной группы; сельское предпринимательство – предпринимательская деятельность, проводимая в сельской местности.

коммерческой деятельностью (Ло Минчжун, Чэн Мин, 2014). Исследования, посвящённые связи между предпринимательством и доходами фермеров, как правило, страдают от ограниченности данных полевых исследований, охватывающих большие масштабы сельского населения Китая, что затрудняет проведение количественных исследований. В настоящее время выводы относительно того, способствует ли предпринимательство повышению уровня доходов фермеров, остаются противоречивыми. Например, (Гу Цзядзюнь, Се Фэнхуа, 2012), проанализировав данные статистических ежегодников, обнаружили, что в восточных и центральных регионах Китая предпринимательство оказывает положительное влияние на рост доходов фермеров, тогда как в западных регионах наблюдается обратная зависимость. Исследование (Юань Фан и др., 2019) показало, что предпринимательство фермеров способствует сокращению бедности только в восточных и северо-восточных регионах, а в центральных и западных регионах этот эффект не является значительным. Поэтому влияние предпринимательства фермеров на уровень доходов требует дальнейшего изучения, особенно с использованием данных полевых исследований, охватывающих сельские районы Китая.

Теоретически, предпринимательская деятельность реорганизует производственные факторы и направляет их, а также ресурсы, на новые цели, что, в свою очередь, превращается в общественное богатство с более высокой ценностью (Гуо Чэн, Хэ Аньхуа, 2017). Фермеры-предприниматели, задействуя такие факторы, как свой труд, творческий потенциал и природные ресурсы, занимаются предпринимательской деятельностью и получают доход через рыночный обмен производимых ими продуктов или предоставляемых услуг. Как правило, успешное предпринимательство может привести к повышению уровня доходов. Например, (Yu, Artz, 2019) исследовали выбор предпринимательства среди американцев с высшим образованием и обнаружили, что в случае выбора сельского предпринимательства их доходы были значительно выше, чем у сельских рабочих. Однако стоит отметить, что предпринимательство – это высокорисковая экономическая деятельность. Например, сельское предпринимательство сталкивается с длительными производственными

циклами, зависимостью от внешних факторов, таких как погода, и часто нехваткой инноваций. Входные барьеры для предпринимательства приводят к высокой концентрации фермеров в одних и тех же отраслях, к явлению однородности продуктов и услуг, а общая конкурентоспособность предпринимателей остается низкой. Вероятность неудачи в сфере предпринимательства также довольно высока. По статистике, в 2015–2016 годах уровень провала фермерских стартапов в провинции Хэйлунцзян составлял около 30% (Ли Ган, 2018), что, наоборот, могло снизить уровень доходов фермеров. Однако благодаря благоприятной политике (массовые инновации, массовое предпринимательство) предпринимательская среда в сельских районах Китая постепенно улучшается. Мы предполагаем, что в общенациональном масштабе фермерская предпринимательская деятельность способствует повышению относительного уровня доходов фермеров, то есть фермерское предпринимательство обладает «эффектом обогащения». На основании этого выдвигается первая исследовательская гипотеза.

H1: Предпринимательство способствует повышению уровня относительного дохода китайских фермеров и обладает «эффектом обогащения».

Гипотеза о влиянии предпринимательства фермеров на их субъективное благополучие

Субъективное благополучие (Subjective well-being, SWB) – это общая оценка качества жизни индивидом на основе собственных стандартов (Diener, 2000), представляющая собой субъективные чувства радости и удовольствия, основанные на удовлетворенности и чувстве безопасности. Хотя существует множество работ, посвященных связи между предпринимательством и субъективным благополучием (Ravina-Ripoll et al., 2021; Сюй Хайпин и др., 2020; Teixeira et al., 2020; Лю Пэнчэн и др., 2019; Blanchflower, Oswald, 1992), исследований, ориентированных на субъективное благополучие именно фермеров-предпринимателей, относительно немного. Из-за строгого регулирования и множества факторов, влияющих на предпринимательскую среду, фермеры сталкиваются с огромными препятствиями в своей деятельности (McElwee, 2006). (Ван Цюн, Хуан Вэй-цио, 2020) утверждают, что не все фермеры могут достичь субъективного благополучия через предпринимательство, так как это зависит от

их мотивации, типа бизнеса и других факторов. Исследование (Martin, Verheul, 2012) показало, что предпринимательство может нанести ущерб здоровью фермеров, то есть значительно снизить их субъективное благополучие. Несмотря на некоторые вызовы, сельское предпринимательство по-прежнему оказывает положительное влияние на субъективное благополучие фермеров, что может быть связано с усилением чувства автономности, компетентности и взаимосвязи (Markussen et al., 2018). Например, (Жуй Чжэньюнь, 2017) отмечает, что местное предпринимательство среди мигрантов может не только приносить удовлетворение от достижения идеальных результатов, но и усиливать чувство субъективного благополучия за счет реализации собственной ценности, повышения социального статуса, удовлетворяя более высокие потребности. Мы считаем, что предпринимательство способствует повышению субъективного благополучия фермеров и предлагаем вторую исследовательскую гипотезу.

H2: Предпринимательство способствует укреплению субъективного благополучия китайских фермеров и обладает эффектом «повышения удовлетворенности».

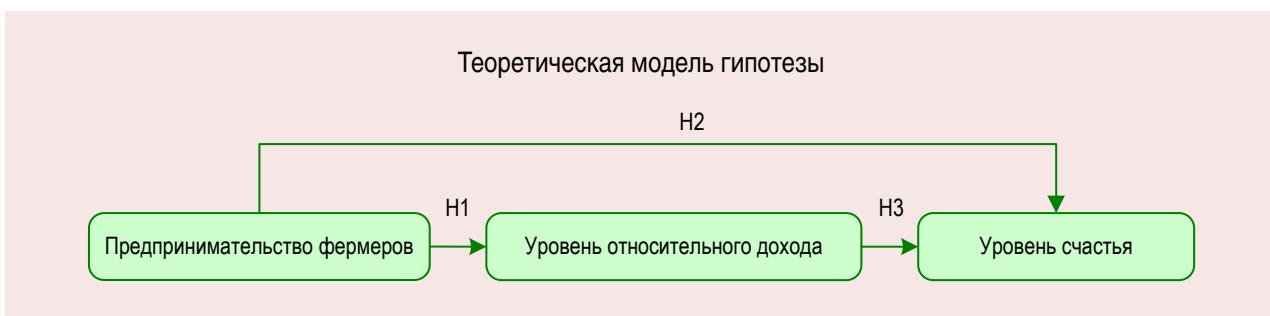
Гипотеза о посредническом эффекте относительного уровня доходов

С тех пор как Истерлин (Easterlin, 1974) выдвинул парадокс «счастья и дохода», неопределенность в отношениях между доходом и субъективным благополучием привлекла внимание исследователей, которые стали изучать различные аспекты, такие как семья, работа, эмоциональное состояние, межличностные отношения и другие (Сюй Инмэй, Ся Лунь, 2014; Ван Яньпин, 2017). Исследования показывают сложную связь между абсолютным и относительным доходами и их влиянием на счастье. В многочисленных работах установлена положительная корреляция между абсолютным и относитель-

ным доходом и субъективным благополучием, при этом влияние относительного дохода значительное (Ball, Chernova, 2008; Verme, 2013). Парадокс Easterlin показывает, что увеличение абсолютного дохода не обязательно приводит к росту субъективного благополучия, тогда как увеличение относительного дохода может заметно повысить уровень счастья. В настоящее время китайские ученые придерживаются трех основных точек зрения на взаимосвязь доходов и субъективного благополучия: положительная, отрицательная или незначительная связь. В рамках большинства исследований поддерживается положительное влияние доходов на субъективное благополучие фермеров (Сюн Цайюнь и др., 2014; Ю Лян и др., 2018), так как доходы фермеров в Китае в целом ниже, чем у городских жителей, поэтому увеличение как абсолютного, так и относительного дохода может повысить их субъективное благополучие. Основными факторами, влияющими на субъективное благополучие фермеров, являются улучшение их уровня жизни и горизонтальное сравнение с односельчанами (Ляо Юнсун, 2014). Увеличение относительного дохода, вероятно, приведет к повышению субъективного благополучия фермеров (Ю Лян и др., 2018; Сюй Хайпин и др., 2020). Однако большинство этих исследований носят теоретический характер и не подкреплены эмпирическими данными. В нашей работе предполагается, что предпринимательство может оказывать влияние на субъективное благополучие фермеров через изменение уровня относительного дохода. На основании этого выдвигается третья гипотеза.

H3: уровень относительного дохода играет посредническую роль в процессе влияния предпринимательства на субъективное благополучие китайских фермеров.

Теоретическая модель гипотезы, построенная в данной статье, представлена на *рисунке*.

Дизайн исследования

Описание данных

В ходе работы использовались данные проекта «Исследование тысячи деревень», реализуемого Шанхайским финансово-экономическим университетом. В рамках проекта изучалась текущая ситуация с предпринимательством в сельских районах Китая. Опрос осуществлялся примерно 2200 преподавателями и студентами Шанхайского финансово-экономического университета, которые в течение месяца проводили исследования и интервью в 31 провинции (автономных районах и городах центрального подчинения) Китая. В общей сложности на материковой части Китая обследовано 1209 деревень. Команда из 30 преподавателей Шанхайского финансово-экономического университета, возглавляющая группу из 302 студентов, провела точечные исследования в 30 уездах 22 провинций (автономных районов и городов центрального подчинения) Китая. Объекты для точечных исследований были отобраны с использованием метода многоступенчатой систе-

матической непропорциональной вероятностной выборки.

В частности, сначала на основе вероятности выборки, пропорциональной численности населения, было выделено 30 уездов, затем из каждого уезда выбрано по два города, после этого — по 10 административных деревень. Наконец, из каждой выбранной деревни случайным образом отобраны 5 домохозяйств с предпринимателями и 10 домохозяйств без предпринимателей. Кроме того, в рамках исследования была организована команда из 1886 студентов Шанхайского финансово-экономического университета, которые использовали возможность летних каникул для возвращения на родину в целях проведения исследований. Каждый возвращающийся студент проводил исследование в одной-двух деревнях. В результате точечного исследования и возвращения на родину было распространено более 30000 анкет, включая анкеты для мэров городов, анкеты для председателей деревенских комитетов (секретарей), анкеты для членов деревенских комитетов⁶, а также

Таблица 1. Количество опрошенных и их территориальное распределение

Территория	Сельские жители	Фермеры	Доля (%)	Территория	Сельские жители	Фермеры	Доля (%)
Восточный Китай	512	3548	43.05	Западный Китай	333	2190	26.57
Пекин	8	49	0.59	Внутренняя Монголия	13	76	0.92
Тяньцзинь	7	37	0.45	Гуанси	25	179	2.17
Хэбэй	64	429	5.21	Чунцин	34	246	2.98
Шанхай	135	893	10.83	Сычуань	60	405	4.91
Цзянсу	81	592	7.18	Гуйчжоу	45	300	3.64
Чжэцзян	77	562	6.82	Юньнань	43	303	3.68
Фуцзянь	23	139	1.69	Тибет	5	26	0.32
Шаньдун	71	539	6.54	Шаньси	33	177	2.15
Гуандун	39	272	3.30	Ганьсу	27	205	2.49
Хайнань	7	36	0.44	Цинхай	13	77	0.93
Центральный Китай	298	2050	24.87	Нинся	7	36	0.44
Шаньси	36	267	3.24	Синьцзян	28	160	1.94
Аньхой	68	382	4.63	Северо-восточный Китай	66	454	5.51
Цзянси	49	345	4.19	Ляонин	22	145	1.76
Хэнань	73	562	6.82	Цзилинь	26	180	2.18
Хубэй	28	186	2.26	Хэйлунцзян	18	129	1.57
Хунань	44	308	3.74	Всего	1209	8242	100

Источник: данные проекта «Исследование тысячи деревень».

⁶ Критерии выбора студентов для участия в анкетировании: (1) понимание местного диалекта, чтобы успешно общаться с местными жителями; (2) участие в аналогичных социальных исследованиях, наличие определенного опыта практической деятельности; (3) деревня, из которой возвращаются студенты, должна быть репрезентативной и соответствовать основным принципам выборки; (4) предварительное строгое обучение перед проведением исследования.

анкеты для предпринимателей и не предпринимателей из числа сельских жителей. В соответствии с логикой исследования из базы данных были извлечены анкеты предпринимателей и не предпринимателей, и после исключения некоторых анкет с противоречивыми ответами и отсутствующими данными в общей сложности было получено 8242 действительных анкеты, из которых 3113 – анкеты предпринимателей и 5129 – анкеты не предпринимателей. Количество опрошенных и их территориальное распределение отражены в *таблице 1*.

Определение переменных

Зависимые переменные⁷: уровень относительного дохода (*Income*) и уровень счастья (*Happiness*). При анализе «эффекта обогащения» от предпринимательства китайских фермеров сравнивается годовой средний общий доход домохозяйств фермеров за последние три года со средним уровнем доходов в деревне, чтобы определить, является ли фермер высокодоходным по сравнению с другими жителями деревни. При анализе того, может ли предпринимательство повысить уровень счастья китайских фермеров, используется самооценка счастья фермеров.

Объясняющая переменная: занимается ли фермер предпринимательством (*Entrepre*). Независимо от того, анализируется ли «эффект обогащения» от предпринимательства или «эффект счастья», в качестве объясняющей переменной используется факт предпринимательства фермеров.

Контрольные переменные: при анализе «эффекта обогащения» от предпринимательства у китайских фермеров выбираются пол, возраст, состояние здоровья, уровень образования, наличие навыков и тип профессии родителей; при исследовании «эффекта счастья» выбираются пол, возраст, состояние здоровья, уровень образования, уровень относительного дохода и регион проживания. Критерии выбора следующие.

Пол (*Gender*). Исследование (Кун Линвэнь, 2018) показало, что тенденция сокращения ген-

дерного разрыва в доходах более заметна в низкодоходных группах по сравнению с высокодоходными. Традиционные гендерные стереотипы в Китае, согласно которым мужчины занимаются внешними делами, а женщины – домашними, существенно сдерживают доходы женщин и расширяют разрыв в доходах с мужчинами через посреднические факторы, такие как образование, брак, рабочее время и статус профессии, особенно в сельских районах Китая, где преобладают патриархат и традиционные гендерные роли. Поэтому ожидается, что гендерные различия могут влиять на уровень дохода фермеров. Кроме того, исследования показывают, что пол также влияет на личное счастье, однако вопрос о том, кто более счастлив – мужчины или женщины – остается предметом дискуссий в академических кругах. Например, работа (Graham, Chattopadhyay, 2012) свидетельствует, что во всем мире, кроме самых бедных стран, уровень счастья женщин часто выше, чем мужчин. Эмпирическое исследование (Хуан Цзявшэнь, 2013) показало, что уровень счастья мужчин в городах ниже, чем женщин. Однако (Shmotkin, 1990) утверждает, что ограничения женщин в сфере работы, отдыха и семейного статуса снижают их восприимчивость к счастью по сравнению с мужчинами. Следовательно, хотя нельзя точно определить, кто более счастлив – фермеры-мужчины или фермеры-женщины – ожидается, что пол повлияет на счастье фермеров.

Возраст (*Age*). У людей на разных этапах жизни обычно разные уровни дохода; как правило, доходы постепенно достигают максимума во взрослом возрасте, а затем снижаются, поэтому предполагается, что влияние возраста на доход фермеров имеет форму перевернутой U. Кроме того, возраст также является важным фактором, влияющим на уровень удовлетворенности жизнью. Исследования показывают, что между возрастом и счастьем существует U-образная связь: молодежь и пожилые люди, как правило, более счастливы, чем люди среднего возраста (Diener, 2000). Это явление может быть вызвано тем, что у людей среднего возраста больше семейных обязательств и они чаще испытывают стресс, связанный с трудовой деятельностью, чем молодежь и пожилые люди.

⁷ В статье рассматривается несколько моделей. При проверке гипотезы H1 зависимая переменная устанавливается как уровень относительного дохода фермеров; при проверке гипотез H2 и H3 зависимая переменная устанавливается как уровень счастья фермеров.

Состояние здоровья (Health). Состояние здоровья также может обуславливать доход человека, особенно фермеров, занимающихся и не занимающихся предпринимательством. В большинстве случаев они зарабатывают на жизнь физическим трудом, и ухудшение их здоровья может значительно повлиять на доход. Эмпирические исследования подтверждают, что состояние здоровья обычно положительно связано с уровнем дохода (Цзян Цючуань, 2015). Поэтому ожидается, что физическое здоровье фермеров окажет определенное влияние на их доход. Кроме того, состояние здоровья также обычно влияет на оценку удовлетворенности жизнью. Ухудшение здоровья часто заставляет людей страдать от большего количества болезней, что влияет на качество жизни и счастье. В связи с этим предполагается, что чем хуже здоровье фермеров, тем ниже будет их субъективная оценка счастья.

Уровень образования (Educ). Образование всегда является важным фактором, влияющим на уровень дохода индивидуумов. Исследования показывают, что образование фермеров значительно увеличивает сельскохозяйственный доход на каждый обрабатываемый акр земли, причем влияние образования женщин особенно заметно (Panda, 2015). Повышение уровня образования фермеров может эффективно увеличить их доход (Лэ Цзюньцзе, 2008). Кроме того, в некоторых исследованиях доказано, что уровень образования может влиять на счастье индивидуумов, но направление влияния различается: от положительно-го (Blanchflower, Oswald, 2004) до негативно-го (Clark, 2003). Поэтому уровень образования также включен нами в качестве контрольной переменной в анализе влияния предпринимательства фермеров на уровень дохода и счастье.

Наличие навыков (Skills). Фермеры иногда могут получать соответствующее вознаграждение за труд благодаря своим навыкам. Согласно результатам исследований, развитие предпринимательских и коммерческих навыков имеет решающее значение для роста доходов и производительности. Фермеры работают в сложной и регулируемой среде, что может препятствовать предпринимательской деятельности (McElwee, 2006). Тем не менее целенаправленные вмешательства способны повысить навыки фермеров и их доходы. Программа на основе социальных

медиа, нацеленная на молодых мелких фермеров, показала, что в течение пяти лет их коммерческие навыки и доходы увеличивались, а повышение навыков привело к получению более высокой прибыли (Gever et al., 2023). В связи со сказанным наличие навыков будет рассмотрено нами как контрольная переменная.

Профессия родителей (Parents). Уровень дохода подвержен межпоколенческой передаче (Ци Шоувэй, 2016). Родители, отказываясь от части собственного потребления, инвестируют в человеческий капитал своих детей, позволяя им извлекать выгоду из будущих доходов. Дети из богатых семей имеют больше возможностей для получения образовательных ресурсов по сравнению с детьми из низкообеспеченных семей, а различия в доходах родителей в основном обусловлены различиями в их профессиях. Поэтому ожидается, что профессия родителей косвенно воздействует на уровень дохода детей, влияя на уровень их образования. В ходе опроса фермеров не было обнаружено прямого влияния профессии родителей на счастье детей, поэтому профессия родителей не будет включена в анализ в качестве контрольной переменной.

Уровень относительного дохода (Income)⁸. Уровень дохода обычно влияет на личное счастье. Как абсолютный, так и относительный доход положительно связан с уровнем счастья, но влияние относительного дохода, как правило, более значимо (Ball, Chernova, 2008; Verme, 2013). Однако Истерлин (Easterlin, 1974) предложил «парадокс дохода и счастья», утверждая, что после достижения определенного уровня дохода в стране связь между доходом и счастьем перестает быть заметной. Поэтому в рамках нашего исследования уровень относительного дохода будет включен в качестве контрольной переменной для анализа эффекта счастья от предпринимательской деятельности фермеров.

Регион (Region). В настоящее время между городскими и сельскими районами, а также между разными регионами в Китае существуют различия в уровне дохода фермеров. Хотя региональные различия могут влиять на уро-

⁸ При исследовании «эффекта обогащения» от предпринимательства фермеров уровень относительного дохода является зависимой переменной; при исследовании «эффекта счастья» от предпринимательства фермеров уровень относительного дохода будет рассматриваться как контролирующая и посредническая переменная.

вень дохода, в данной статье сравнивается среднегодовой доход фермеров за последние три года со средним уровнем в их деревне, чтобы определить, является ли фермер высокодоходным в месте своего проживания, поэтому региональные различия не будут влиять на отбор высокодоходных фермеров. Таким образом, регион не будет включен в анализ как контрольная переменная при исследовании эффекта обогащения от предпринимательской деятельности. Однако различия в уровне дохода по регионам могут приводить к различным субъективным оценкам счастья у фермеров, поэтому в ходе исследования влияния предпринимательства фермеров на их ощущение счастья регион будет учитываться как контрольная переменная.

Переменные и описательная статистика представлены в *таблице 2*.

Эконометрические модели и эмпирический анализ

Модель измерения

1. Модель фермерского предпринимательства с «эффектом создания богатства». Учитывая, что уровень относительного дохода в качестве объясняемой переменной является бинарным выбором, для эмпирического анализа при изучении эффекта увеличения благосостояния фермеров-предпринимателей используется биномиальная логит-модель. Эконометрическое уравнение задается следующим образом:

$$\ln\left(\frac{P(\text{Income}_i = 1|X_i)}{1 - P(\text{Income}_i = 1|X_i)}\right) = \partial_0 + \partial_1 \text{Entrepre}_i + \sum_j \partial_j \times \text{Control}_i + \varepsilon_i \quad (1)$$

Таблица 2. Переменные и описательная статистика (N = 8242)

Тип переменной	Название переменной	Значение	Частота	Доля (%)
Зависимая переменная	Relative Income Level / Уровень относительного дохода	1 = Фермер с высоким доходом (выше среднего по деревне)	2367	28.7
		0 = Другие фермеры (не выше среднего по деревне)	5875	71.3
	Happiness / Счастье	0 = Очень несчастлив	12	0.15
		1 = Несчастлив	408	5.0
		2 = Так себе	793	9.6
		3 = Немного счастлив	1039	12.6
		4 = Счастлив	3511	42.6
		5 = Очень счастлив	2479	30.1
Независимая переменная	Entrepreneurship / Предпринимательство	1 = Да	3113	37.8
		0 = Нет	5129	62.2
Контрольная переменная	Gender / Пол	1 = Мужчина	5788	70.2
		0 = Женщина	2454	29.8
	Age / Возраст	От 20 до 80 лет	-	-
		От 1 до 8, чем больше число, тем хуже здоровье	-	-
	Education Level / Уровень образования	От 0 до 5, чем больше число, тем выше уровень образования	-	-
		1 = Да	2780	33.7
	Skills / Навыки	0 = Нет	5462	66.3
		1 = Хотя бы один из родителей занимался другими видами деятельности, кроме сельского хозяйства	2169	26.3
	Parents' Occupation / Род занятий родителей	0 = Оба родителя всегда зарабатывали на жизнь сельским хозяйством	6073	73.7
		1 = Восточный	3548	43.0
	Region / Регион проживания	2 = Западный	2190	26.6
		3 = Центральный	2050	24.9
		4 = Северо-восточный	454	5.5

Уравнение (1) называется моделью 1, его цель – проверка гипотезы $H1. P(Income_i = 1|X_i)$ представляет вероятность того, что i -й фермер является фермером с высоким доходом, X_i представляет все объясняющие переменные и контрольные переменные. Как отмечалось выше, в качестве контрольных переменных выбраны пол, возраст, состояние здоровья, образование, наличие навыков и род занятий родителей.

2. Модель фермерского предпринимательства с «эффектом счастья». Чтобы изучить, может ли предпринимательская деятельность повысить уровень счастья фермеров, то есть для проверки гипотезы $H2$, в качестве объясняющей переменной использовалась субъективная оценка фермерами своего счастья, а в качестве объясняющей переменной была выбрана необходимость начинать бизнес. В качестве контрольных переменных выбраны пол, возраст, состояние здоровья, образование, относительный уровень дохода и регион. Поскольку объясняемая переменная является переменной нескольких категорий, а данные в этом исследовании представлены в широком формате, для эмпирического анализа используется полиномиальная логит-модель (MNL)⁹. Модель измерения задается уравнением (2), которое называется моделью 2.

$$P(Happiness_i = j|X_i) = \begin{cases} \frac{1}{1 + \sum_{k=2}^J \exp(X_i \beta_k)} & (j = 1) \\ \frac{\exp(X_i \beta_j)}{1 + \sum_{k=2}^J \exp(X_i \beta_k)} & (j = 2, \dots, J) \end{cases} \quad (2)$$

3. Модель опосредующего эффекта уровня относительного дохода. Как упоминалось выше, предпринимательство может прямо и косвенно влиять на субъективное благополучие фермеров. Чтобы глубоко проанализировать процесс и механизм воздействия предпринимательской деятельности фермеров на их субъективное благополучие и проверить гипотезу $H3$, мы построили модель опосредующего эффекта «фермерское предпринимательство – уровень относительного дохода – субъективное

⁹ Хотя зависимая переменная является упорядоченной последовательностью, данные не прошли проверку на эффективность гипотезы о параллельных наклонах, поэтому не используется модель упорядоченной много-классовой классификации. В связи с ограничениями по объему статьи процесс проверки не показан.

благополучие». Промежуточной переменной в этом случае служит уровень относительного дохода, независимой переменной является то, начинают ли фермеры свой бизнес, а зависимой переменной – субъективное благополучие. Процедуры испытаний основаны на уравнениях (3)–(5). В уравнении (3) δ отражает влияние предпринимательства на субъективное благополучие фермеров, если не учитывать посредников; β в формуле (4) представляет влияние предпринимательства на уровень относительного дохода; в формуле (5) δ отражает влияние уровня относительного дохода фермеров на их субъективное благополучие. δ' указывает на прямое влияние предпринимательства на субъективное благополучие фермеров после учета опосредующей переменной (относительный уровень дохода).

$$Happiness_i = C_1 + \delta \times Entrepre_i + \gamma_1 \times Control_i + e_1 \quad (3)$$

$$\ln\left(\frac{P(Income_i = 1|X_i)}{P(Income_i = 0|X_i)}\right) = C_2 + \beta \times Entrepre_i + \gamma_2 \times Control_i + e_2 \quad (4)$$

$$Happiness_i = C_3 + \delta' \times Entrepre_i + \delta \times Income + \gamma_2 \times Control_i + e_3 \quad (5)$$

Тестирование осуществляется в три этапа: во-первых, проверяется значимость коэффициента δ уравнения (3); во-вторых, проверяется значимость коэффициента β уравнения (4); в-третьих, проверяется значимость коэффициентов δ и δ' уравнения (5). Если все коэффициенты δ , δ' и δ значимы, то имеется опосредующий эффект. При этом, если коэффициент δ' не значим, то эффект опосредования является полным; если δ' значимо, но $\delta' < \delta$, то этот эффект является частичным.

Эмпирический анализ

1. Анализ эффекта «создания богатства» предпринимательства фермеров. Чтобы изучить, может ли предпринимательство повысить уровень доходов китайских фермеров, с помощью модели 1 проведен регрессионный анализ в отношении всех 8242 фермеров-предпринимателей и фермеров, не являющихся предпринимателями. Эконометрическая модель представлена формулой (1). Результаты регрессии

показаны в трех левых столбцах *таблицы 3*. Среди них: коэффициент целесообразности открытия бизнеса составляет 1.335, он значим на уровне 1%, а соответствующий коэффициент вероятности составляет 3.799. Следовательно, когда контрольные переменные остаются неизменными, вероятность того, что доход фермеров, решивших начать бизнес, выше, чем в среднем по деревне, в 3.799 раза больше, чем у фермеров, не занимающихся предпринимательством. Другими словами, в масштабах всего Китая предпринимательство действительно помогает фермерам повысить уровень относительного дохода, что подтверждает гипотезу *H1* и показывает, что фермерское предпринимательство приводит к созданию богатства.

Кроме того, результаты регрессии модели 1 свидетельствуют, что, когда другие переменные остаются неизменными, вероятность того, что доход мужчин-фермеров будет больше, чем в среднем по деревне, на 21,9% выше, чем у женщин-фермеров. Это говорит о действительно значительном гендерном неравенстве в доходах фермеров в сельских районах Китая; вероятность того, что доход будет больше среднего по деревне, на 8,4% выше для каждого года жизни опрошенных фермеров, но она имеет тенденцию постепенно снижаться с возрастом, поэтому влияние возраста на доход представляется перевернутую U-образную кривую; хорошее здоровье и уровень высшего образования опрошенных фермеров оказывают значительное положительное влияние на их относительный доход; вероятность того, что квалифицированные фермеры будут иметь доход больше среднего по деревне, на 17,2% выше, чем у неквалифицированных фермеров; также вероятность того, что доход фермеров будет больше среднего по деревне, на 31,8% выше, если хотя бы один из их родителей не всегда занимался сельским хозяйством, чем если оба родителя занимаются сельским хозяйством.

Более того, как уже упоминалось, (Гу Цзяжунь, Се Фэнхуа, 2012) и (Юань Фан и др., 2019) пришли к разным выводам, изучая взаимосвязь между фермерским предпринимательством и уровнем доходов фермеров в разных регионах. Для дальнейшего изучения этого вопроса в нашем исследовании применялась эконометрическая модель 1 в рамках проведения

регрессионного анализа подвыборок в восточных, центральных, западных и северо-восточных регионах Китая. Результаты регрессии показаны в правой половине таблицы 3. Можно обнаружить, что фермерское предпринимательство в восточных, центральных, западных и северо-восточных регионах Китая значительно увеличило уровень относительного дохода предпринимателей, что указывает на то, что фермерское предпринимательство в этих регионах характеризуется значительным эффектом обогащения.

2. Анализ «эффекта счастья» от предпринимательской деятельности фермеров. Ключевым предположением при применении полиномиальной логит-модели является независимость нерелевантных альтернатив (ПА), то есть отношение шансов человека *i*, выбирающего любые две категории, не зависит от другого поведения выбора. Другими словами, дальнейшее увеличение или уменьшение выбора не влияет на отношение шансов выбора любых двух категорий. Предположение ПА является предпосылкой для применения полиномиальной логит-модели. Поэтому перед использованием модели необходимо проверить предположение ПА. В представленной статье метод Хаусмана используется для проверки, выполняется ли предположение ПА, чтобы перейти к следующему этапу анализа. В *таблице 4* приведены результаты испытаний, которые показывают, что предположение ПА не может быть отвергнуто после исключения любой из шести категорий, формирующих субъективную оценку счастья фермеров.

Чтобы выяснить, может ли предпринимательство повысить ощущение счастья фермеров, для эмпирических исследований применяется полиномиальная логит-модель. Чтобы облегчить анализ и понимание, в статье в качестве эталонной схемы используется оценка счастья фермеров «OK = 2»¹⁰. Эконометрическая модель представлена формулой (2), а результаты регрессии отражены в *таблице 5*.

¹⁰ Оценка фермером своего уровня счастья как «так себе» служит базовым эталоном, потому что «так себе» является границей между несчастьем и счастьем фермеров. Использование ответов «так себе» в качестве эталонной группы упрощает понимание относительного риска.

Таблица 3. Результаты регрессии бинарной логит-модели влияния предпринимательства на благополучие фермеров

Переменная		Модель 1		Восточный	Западный	Центральный	Северо-восточный
		коэффициент	Соотношение вероятностей	коэффициент	коэффициент	коэффициент	коэффициент
Независимая переменная	<i>Entrepreneur-ship / Предпринимательство</i>	1.335*** (0.054)	3.799	1.268*** (0.081)	1.510*** (0.105)	1.326*** (0.110)	1.040*** (0.236)
Контрольные переменные	<i>Gender / Пол</i>	0.198*** (0.062)	1.219	0.212** (0.092)	0.299** (0.121)	0.114 (0.130)	-0.031 (0.275)
	<i>Age / Возраст</i>	0.081*** (0.015)	1.084	0.070*** (0.022)	0.082*** (0.030)	0.143*** (0.035)	0.103 (0.073)
	<i>Age squared / Возраст в квадрате</i>	-0.001*** (0.000)	0.999	-0.001*** (0.000)	-0.001*** (0.000)	-0.002*** (0.000)	-0.001 (0.001)
	<i>Health Status / Состояние здоровья</i>	-0.149*** (0.034)	0.862	-0.159*** (0.058)	-0.179*** (0.065)	-0.112* (0.068)	-0.086 (0.126)
	<i>Education Level / Уровень образования</i>	0.297*** (0.026)	1.346	0.250*** (0.038)	0.371*** (0.051)	0.341*** (0.060)	0.302** (0.118)
	<i>Skills / Навыки</i>	0.159*** (0.055)	1.172	0.152* (0.083)	0.221** (0.108)	0.089 (0.112)	0.171 (0.258)
	<i>Parents' Occupation / Род занятий родителей</i>	0.276*** (0.060)	1.318	0.406*** (0.085)	0.140 (0.130)	0.234* (0.128)	0.084 (0.293)
	<i>Intercept / перехват</i>	-4.061*** (0.367)	0.017	-3.801*** (0.554)	-4.162*** (0.691)	-5.603*** (0.852)	-4.175** (1.753)
Наблюдения		8242		3548	2190	2050	454

Примечание: ***, **, * указывают на то, что результаты оценки значимы на уровнях 0,01, 0,05 и 0,1 соответственно; числа в скобках представляют рабочие стандартные ошибки.

Таблица 4. Результаты теста Хаусмана для предположения IIА в полиномиальной логит-модели

Пропущенная переменная	chi2	df	P > chi2	Свидетельство
0	-353.285	23	1.000	В пользу Но
1	-532.172	24	1.000	В пользу Но
2	-500.055	32	1.000	В пользу Но
3	-509.738	24	1.000	В пользу Но
4	-1100.000	24	1.000	В пользу Но
5	-563.077	24	1.000	В пользу Но

Примечание: хотя значение chi2, меньшее нуля, указывает на то, что модель не соответствует асимптотическим предположениям теста, такой результат является нормальным и не противоречит предположению IIА (Чжан Лунъяо, Цзян Чунь, 2011).

Таблица 5. Результаты регрессии полиномиальной логит-модели влияния предпринимательства на благополучие фермеров

Переменная		Модель 2									
		Очень несчастлив		Несчастлив		Немного счастлив		Счастлив		Очень счастлив	
		Coeffici	RRR	Coeffici	RRR	Coeffici	RRR	Coeffici	RRR	Coeffici	RRR
Независимая переменная	<i>Entrepreneur-ship / Предпринимательство</i>	0.057	1.059	-0.166	0.847	0.395***	1.484	0.361***	1.435	0.673***	1.960
Контрольные переменные	<i>Gender / Пол</i>	1.399	4.051	0.039	1.039	-0.120	0.887	-0.244***	0.783	-0.315***	0.730
	<i>Age / Возраст</i>	0.140	1.150	-0.009	0.991	-0.061**	0.941	-0.028	0.972	-0.021	0.980
	<i>Age squared / Возраст в квадрате</i>	-0.001	0.999	0.001	1.000	0.001***	1.000	0.000**	1.000	0.000*	1.000
	<i>Health Status / Состояние здоровья</i>	0.454**	1.574	0.169***	1.183	-0.107**	0.898	-0.228***	0.796	-0.538***	0.584
	<i>Education Level / Уровень образования</i>	-0.023	0.977	-0.198***	0.821	0.026	1.026	0.173***	1.188	0.188***	1.207
	<i>Relative Income Level / Уровень относительного дохода</i>	-0.604	0.547	0.144	1.154	0.302**	1.352	0.606***	1.834	0.751***	2.118
	<i>Region / Регион проживания</i>	0.353	1.423	-0.013	0.986	-0.065	0.937	-0.111***	0.895	-0.116***	0.891
	<i>Intercept / Перехват</i>	-11.191*	0.000	-0.292	0.747	1.702***	5.486	1.926***	6.865	1.648***	5.194
Наблюдения = 8242 Pseudo Log-Likelihood = -10980.718 Wald $\chi^2(40) = 517.61$ Prob > $\chi^2 = 0.000$ Pseudo R ² = 0.0272											
Примечание: ***, **, * указывают на то, что результаты оценки значимы на уровнях 0,01, 0,05 и 0,1 соответственно. Coeffici – коэффициент, RRR – относительные риски (Relative Risk Ratio).											

В данном исследовании коэффициенты переменной «занятость в предпринимательстве» показывают, что на уровне значимости 1% относительные риски (Relative Risk Ratio, RRR)¹¹ для категорий «немного счастливы», «счастливы» и «очень счастливы» составляют 1.484, 1.435 и 1.960 соответственно. Это означает, что при прочих равных условиях вероятность того, что фермеры-предприниматели дадут ответы «немного счастливы», «счастливы» и «очень счастливы», выше, чем для фермеров, не занимающихся предпринимательством, увеличиваясь на 48.4, 43.5 и 96.0% соответственно. Это подтверждает гипотезу H2: предпринимательство действительно повышает уровень счастья китайских фермеров, что указывает на наличие «эффекта счастья».

¹¹ Относительный риск — это отношение вероятности выбора определенной категории к вероятности выбора базовой категории.

Кроме того, значимыми являются коэффициенты переменной «состояние здоровья», что говорит о существенной связи между состоянием здоровья и оценкой личного счастья. Фермеры с более плохим состоянием здоровья оценивают своё счастье ниже, в то время как фермеры с хорошим состоянием здоровья дают более высокую оценку. Этот эмпирический вывод согласуется с результатами исследований других ученых (Цзян Цючуань, 2015). В отношении переменной «уровень образования» коэффициент для категории «несчастливы» отрицательный и на уровне 1% значим, соответствующий относительный риск составляет 0.821. Следовательно, чем ниже уровень образования у опрашиваемых фермеров, тем более низкую субъективную оценку они дают уровню счастья. При этом коэффициенты для категорий «счастливы» и «очень счастливы» положительные и также значимы на уровне 1%, соответствующие риск-отношения состав-

ляют 1.188 и 1.207, что свидетельствует о том, что чем выше уровень образования, тем выше оценка счастья у опрашиваемых фермеров. Это также подтверждает выводы других исследователей (Blanchflower, Oswald, 2004). Наконец, в строке переменной «уровень относительного дохода» коэффициенты для категорий «немного счастливы», «счастливы» и «очень счастливы» положительные и значимы на уровне 1%, а относительные риски превышают 1. Отсюда следует, что уровень счастья опрашиваемых фермеров значительно связан с уровнем их относительного дохода. Фермеры с доходом выше среднего по деревне имеют более высокую вероятность оценки «счастливы». Этот вывод согласуется с исследованиями многих ученых (Ю Лян и др., 2018; Сюй Хайпин и др., 2020) и не противоречит парадоксу Истерлина (Easterlin, 1974).

3. Анализ медиативного эффекта уровня относительного дохода. В рамках предыдущего раздела эмпирический анализ показал, что уровень относительного дохода опрашиваемых фермеров влияет на ощущение счастья, в то время как предпринимательство воздействует на уровень их относительного дохода. Для того чтобы глубже изучить механизм влияния предпринимательства на субъективную оценку счастья фермеров, уровень относительного дохода будет рассматриваться как медиатор.

Переменная счастья включает шесть категорий. Моделирование, проведенное (Лю Хуньюнь и др., 2013), показало: когда зависимая переменная имеет пять или более категорий, обычный метод линейного регрессионного анализа можно рассматривать для анализа опосредующего эффекта, поскольку переменная уровня будет ближе к непрерывным данным по мере увеличения количества категорий. Поэтому, чтобы проанализировать опосредующий эффект, в этом разделе зависимая переменная рассматривается как непрерывная переменная. Кроме того, поскольку опосредующая переменная «уровень относительного дохода» представляет данные двух категорий, мы используем модель логистической регрессии при изучении влияния предпринимательства на относительный доход.

В таблице 6 показаны результаты регрессии уравнений (3), (4) и (5), из которых мы видим, что расчетные значения $\hat{\alpha}$, $\hat{\beta}$, $\hat{\delta}$ и $\hat{\delta}'$ составляют: $\hat{\alpha} = 0.287$, $\hat{\beta} = 1.345$, $\hat{\delta} = 0.221$ и $\hat{\delta}' = 0.227$ соответственно, и все они значимы на уровне 1%. Поскольку все коэффициенты $\hat{\alpha}$, $\hat{\beta}$, $\hat{\delta}$ и $\hat{\delta}'$ значимы и $\hat{\delta}' < \hat{\delta}$, то уровень относительного дохода играет посредническую роль в процессе влияния предпринимательства на счастье фермеров, выступая частичным посредником. Таким образом, гипотеза Н3 подтвердилась.

Таблица 6. Анализ опосредующего эффекта уровня относительного дохода при влиянии предпринимательства на благополучие фермеров

Зависимая переменная	(3)	(4)	(5)
	Уровень счастья	Уровень относительного дохода	Уровень счастья
Entrepreneurship / Предпринимательство	0.287*** (0.025)	1.345*** (0.054)	0.227*** (0.026)
Relative Income Level / Уровень относительного дохода			0.221*** (0.027)
Gender / Пол	-0.110*** (0.027)	0.202*** (0.061)	-0.117*** (0.027)
Age / Возраст	0.001 (0.006)	0.079*** (0.015)	-0.002 (0.006)
Age squared / Возраст в квадрате	0.000 (0.000)	-0.001*** (0.000)	0.000 (0.000)
Health Status / Состояние здоровья	-0.227*** (0.018)	-0.146*** (0.034)	-0.222*** (0.018)
Education Level / Уровень образования	0.104*** (0.011)	0.314*** (0.025)	0.092*** (0.011)
Region / Регион проживания	-0.042*** (0.013)	-0.055*** (0.028)	-0.039*** (0.013)
Intercept / Перехват	3.827*** (0.151)	-3.802*** (0.373)	3.865*** (0.151)
Наблюдения	8242	8242	8242
R ² или Pseudo R ²	0.0592	0.1141	0.0661

Примечание: ***, **, * указывают на то, что расчетные результаты значимы на уровнях 0,01, 0,05 и 0,1 соответственно; числа в скобках – робастные стандартные ошибки.

Испытание на надежность

Поскольку для открытия бизнеса требуется определенная сумма стартового капитала, фермеры, которые решают начать предпринимательскую деятельность, могут иметь более высокие доходы, чем те, кто предпочитает не начинать бизнес в деревне. В связи с этим выборка может быть предвзятой. Чтобы устранить проблему эндогенности, вызванную возможной предвзятостью отбора в модели 1, и дополнительно доказать надежность вывода, мы используем метод сопоставления оценок склонности (PSM). Результаты регрессионного анализа показаны в верхней части таблицы 7. Переменная обработки теста устойчивости модели 1 – начинать ли бизнес, а переменная результата – уровень относительного дохода. Можно обнаружить следующее: хотя используются три различных метода сопоставления, все результаты показывают, что значение ATT по-прежнему остается положительным и значимым после устранения проблемы эндогенности, вызванной предвзятостью отбора. Это доказывает, что эмпирические результаты модели 1 относительно устойчивы.

Кроме того, для проверки устойчивости эмпирических выводов, полученных с помощью модели 2, в рамках исследования 8242 опрошенных фермеров, которые дали оценки «очень несчастливы» и «несчастливы», были классифицированы как «несчастливы». Те, кто отве-

тил «немного счастлив», «счастлив» и «очень счастлив», объединены в категорию «счастливы». Таким образом, была сформирована подвыборка из 7449 фермеров, и эти две категории фермеров использовались в качестве зависимой переменной, при этом счастью было присвоено значение 1, а несчастью – значение 0. Независимые переменные и контрольные переменные остались неизменными и соответствовали модели 2, для регрессионного анализа использовалась бинарная логистическая модель. Результаты представлены в нижней части таблицы 7. Выявлено, что при прочих равных условиях уровень счастья у фермеров-предпринимателей значительно выше, чем у фермеров, не занимающихся предпринимательской деятельностью, что указывает на устойчивость эмпирических результатов модели 2.

Заключение и рекомендации

В рамках исследования была построена теоретическая гипотеза модели «предпринимательство фермеров – уровень относительного дохода – уровень счастья», а также проведен эмпирический анализ влияния предпринимательства на повышение уровня относительного дохода и уровня счастья китайских фермеров. Кроме того, проверено посредническое воздействие уровня относительного дохода в процессе влияния предпринимательства на счастье китайских фермеров. В результате работы получены следующие выводы.

Таблица 7. Результаты проверки на робастность

		Сопоставление по K-ближайшим соседям	Сопоставление радиусов	Сопоставление ядер
		0.475	0.474	0.475
Модель 1	Экспериментальная группа	0.475	0.474	0.475
	Контрольная группа	0.189	0.193	0.190
	ATT	0.286***	0.281***	0.284***
	T-значение	23.97	25.76	26.16
Модель 2	Переменная	Коэффициент регрессии	Соотношение вероятностей	
	<i>Entrepreneurship / Предпринимательство</i>	0.647***	1.910	
	<i>Gender / Пол</i>	-0.311***	0.732	
	<i>Age / Возраст</i>	-0.027	0.974	
	<i>Age squared / Возраст в квадрате</i>	0.000*	1.000	
	<i>Health Status / Состояние здоровья</i>	-0.459***	0.632	
	<i>Education Level / Уровень образования</i>	0.344***	1.411	
	<i>Relative Income Level / Уровень относительного дохода</i>	0.482***	1.619	
	<i>Region / Регион проживания</i>	-0.100	0.904	
	<i>Intercept / Перехват</i>	3.225***	25.164	

Примечание: ***, **, * указывают на то, что расчетные результаты значимы на уровнях 0,01, 0,05 и 0,1 соответственно.

По стране в целом предпринимательство способствует повышению уровня относительного дохода фермеров и обладает значительным «эффектом обогащения». Эмпирическое исследование показало, что при прочих равных условиях вероятность получения фермерами-предпринимателями дохода выше среднего по деревне, в 3,799 раза больше, чем у фермеров, не занимающихся предпринимательством. Более того, предпринимательство способствует повышению уровня относительного дохода фермеров даже с учетом региональных различий в восточной, центральной, западной и северо-восточной частях Китая.

Также предпринимательство приводит к росту субъективного уровня счастья китайских фермеров, т. е. обладает значительным «эффектом счастья». Оно оказывает на ощущение счастья как прямое, так и косвенное влияние, причем уровень относительного дохода играет в этом процессе роль частичного посредника. «Эффект счастья» от предпринимательства у фермеров связан как с повышением относи-

тельного дохода и улучшением покупательной способности, так и с духовным удовлетворением, которое они получают в процессе предпринимательской деятельности.

Исходя из всего сказанного, можно сделать вывод, что в процессе достижения цели совместного обогащения сельских фермеров в Китае предпринимательство, как категория первоначального распределения дохода, играет важную роль в повышении уровня относительного дохода фермеров, а также способствует укреплению ощущения счастья. В связи с этим государственным органам власти и соответствующим структурам необходимо активно поддерживать массовое предпринимательство и инновации в сельских районах, создавая благоприятную предпринимательскую среду, поощрять фермеров к предпринимательской деятельности для повышения их дохода и субъективного уровня счастья, а также содействовать совместному обогащению материальной и духовной жизни фермеров в сельских районах.

Литература

- Ван Цюн, Хуан Вэйцяо (2020). Становятся ли фермеры счастливее, занимаясь предпринимательством? Эмпирическое исследование на основе данных CLDS. Журнал Нанкинского сельскохозяйственного университета (социальные науки), 20(3), 99–110.
- Ван Яньпин (2017). Новые достижения в исследовании экономики счастья. Экономическая динамика, 10, 128–144.
- Гу Цзяжунь, Се Фэнхуа (2012). Анализ региональных различий влияния активности предпринимательства фермеров на доходы фермеров. Эмпирическое исследование на основе панельных данных провинций за 1997–2009 годы. Проблемы сельскохозяйственной экономики, 2, 19–23.
- Гуо Чэн, Хэ Аньхуа (2017). Социальный капитал, предпринимательская среда и результаты предпринимательства фермеров. Журнал Шанхайского финансово-экономического университета, 19(2), 76–85.
- Жуй Чжэньюнь (2017). Высвобождение предпринимательской страсти: влияние встраивания городских социальных сетей на удовлетворенность жизнью сельских мигрантов, оставшихся в городе для ведения предпринимательства. Современная экономическая наука, 39(6), 25–32.
- Кун Линвэнь (2018). Новые достижения в исследовании проблемы гендерного разрыва в доходах. Экономическая динамика, 2, 117–129.
- Ли Ган (2018). Влияние характеристик предпринимателей, их связей и адаптации к политике на результаты предпринимательства в сельском хозяйстве. Исследования финансово-экономической теории, 1, 43–54.
- Ло Минчжун, Чэн Мин (2014). Личностные качества, обучение предпринимательству и результаты предпринимательства фермеров. Китайская сельская экономика, 10, 64–77.
- Лэ Цзюньцзе (2008). Определение доходов сельских работников и времени занятости, а также гендерные различия – на основе данных опроса в уезде Дайшань провинции Чжэцзян. Китайская сельская экономика, 11, 38–47.
- Лю Пэнчэн, Лю Юнъань, Мэн Ся (2019). Счастливы ли предприниматели? Анализ на основе данных CGSS. Население и развитие, 2, 108–116.

- Лю Хуньюнь, Ло Фан, Чжан Юй, Чжан Даньхуэй (2013). Анализ посреднического эффекта с зависимой переменной в виде порядковой переменной. *Психологический журнал*, 45(12), 1431–1442.
- Ляо Юнсун (2014). «Довольный малым» фермер: взгляд с точки зрения экономики счастья. *Экономика сельских районов Китая*, 9, 4–16.
- Сюй Инмэй, Ся Лунь (2014). Анализ факторов, влияющих на чувство удовлетворенности жизнью среди китайских жителей – комплексная аналитическая структура. *Журнал университета Цзинань по экономике и праву*, 2, 12–19.
- Сюй Хайпин, Чжан Юсюэ, Фу Гохуа (2020). Абсолютный доход, социальная идентичность и удовлетворенность жизнью сельских жителей. *Микроэмпирические доказательства на основе данных CGSS. Экономика сельскохозяйственных технологий*, 11, 56–71.
- Сюн Цайюнь, Мэн Жунчжао, Ши Яфэн (2014). Эмпирическое исследование индекса счастья китайских фермеров. *Вопросы аграрной экономики*, 35(12), 33–40.
- Хуан Цзявшень (2013). Уровень образования, уровень доходов и чувство счастья среди городских жителей Китая – эмпирический анализ на основе данных CGSS2005. *Общество*, 5, 181–203.
- Цзян Цючуань (2015). Эволюция и декомпозиция неравенства благосостояния в Китае. *Экономика (ежеквартальный)*, 4, 211–238.
- Ци Шоувэй (2016). Тенденции межпоколенческой передачи дохода в Китае и роль образования в этой передаче. *Статистическое исследование*, 5, 79–88.
- Чжан Лунъяо, Цзян Чунь (2011). Теоретический и эмпирический анализ неценового кредитного распределения на китайском сельском финансовом рынке. *Финансовое исследование*, 7, 98–113.
- Ю Лян, Хо Сюэси, Ду Вэньчжао (2018). Абсолютный доход, социальное сравнение и чувство счастья фермеров – эмпирическое исследование на основе данных двух сельских поселений в провинции Шэньси. *Технологии сельского хозяйства и экономика*, 4, 111–125.
- Юань Фан, Е Бин, Ши Цинхуа (2019). Предпринимательство китайских фермеров и многомерное сокращение бедности в сельской местности – обсуждение на основе «целевой» многомерной модели бедности. *Экономика сельскохозяйственных технологий*, 1, 71–87.
- Ball R., Chernova K. (2008). Absolute income, relative income, and happiness. *Social Indicators Research*, 88, 497–529.
- Blanchflower D.G., Oswald A.J. (1992). Entrepreneurship, happiness and supernormal returns: Evidence from Britain and the US. NBER Press.
- Blanchflower D.G., Oswald A.J. (2004). Well-being over time in Britain and the USA. *Journal of Public Economics*, 88(7), 1359–1386.
- Clark A. (2003). Unemployment as a social norm: Psychological evidence from panel data. *Journal of Labor Economics*, 21(2), 323–351.
- Diener E. (2000). Subjective well-being. The science of happiness and a proposal for a national index. *American Psychologist*, 55(1), 34–43.
- Easterlin R.A. (1974). Does economic growth improve the human lot? Some empirical evidence. In: *Nations and Households in Economic Growth*. New York: Academic Press.
- Gever V.C., Abdullah N.N., Onakpa M.S. et al. (2024). Developing and testing a social media-based intervention for improving business skills and income levels of young smallholder farmers. *Aslib Journal of Information Management*, 76(4), 694–711.
- Graham C., Chattopadhyay S. (2012). Gender and Well-being Around the World: Some Insights from the Economics of Happiness. *Human Capital and Economic Opportunity Working Group*, IDEAS Press.
- Markussen T., Fibæk M., Tarp F. et al. (2018). The happy farmer: Self-employment and subjective well-being in rural Vietnam. *Journal of Happiness Studies*, 19, 1613–1636.
- Martin A.C., Verheul I. (2012). What makes entrepreneurs happy? Determinants of satisfaction among founders. *Journal of Happiness Studies*, 13(2), 371–387.
- McElwee G. (2006). Farmers as entrepreneurs: Developing competitive skills. *Journal of Developmental Entrepreneurship*, 11(03), 187–206.
- Panda S. (2015). Farmer education and household agricultural income in rural India. *International Journal of Social Economics*, 42(6), 514–529.

- Ravina-Ripoll R., Foncubierta-Rodríguez M.J., Ahumada-Tello E. et al. (2021). Does entrepreneurship make you happier? A comparative analysis between entrepreneurs and wage earners. *Sustainability*, 13(18), 9997.
- Shmotkin D. (1990). Subjective well-being as a function of age and gender: A multivariate look for differentiated trends. *Social Indicators Research*, 23(3), 201–230.
- Teixeira A.A., Vasque R. (2020). Entrepreneurship and happiness: Does national culture matter? *Journal of Developmental Entrepreneurship*, 25(01), 2050007.
- Verme P. (2013). The relative income and relative deprivation hypotheses: A review of the empirical literature. *World Bank Policy Research Working Paper* 6606.
- Yu L., Artz G.M. (2019). Does rural entrepreneurship pay? *Small Business Economics*, 53, 647–668.

Сведения об авторах

Фан Боэн – кандидат экономических наук, преподаватель, Шанхайский университет политических наук и права (Китай, г. Шанхай, ул. Вайцинсун, 7989; e-mail: 1964347670@qq.com)

Ван Юань – кандидат экономических наук, преподаватель, Шанхайский университет политических наук и права (Китай, г. Шанхай, ул. Вайцинсун, 7989; e-mail: wangyuanbsu@163.com)

Ин Ванцзян – кандидат экономических наук, профессор, Шанхайский финансово-экономический университет (200433, Китай, г. Шанхай, район Янпу, ул. Годин, 777; e-mail: 1014707349@qq.com)

Ма Куилиан – кандидат экономических наук, преподаватель, Китайский научно-исследовательский институт развития электронной информационной промышленности (102206, Китай, г. Пекин, район Чанпин, ул. Тайхан, 55; e-mail: 326452464@qq.com)

Лю Цзюшэнг – кандидат наук (менеджмент), преподаватель, Шанхайский университет политических наук и права (Китай, г. Шанхай, ул. Вайцинсун, 7989; e-mail: 1074850964@qq.com)

Fan Boweng, Wang Yuan, Ying Wangjiang, Ma Cuilian, Liu Jiusheng

The Role of Entrepreneurship in Raising the Level of Relative Income and Subjective Well-Being of Farmers in China

Abstract. Entrepreneurship belongs to the category of initial distribution of income. The article raises questions whether entrepreneurship plays a positive role in the process of achieving the overall welfare of Chinese farmers, whether it contributes to increasing the level of their relative income and whether it can increase their subjective happiness. A theoretical hypothetical model “farmer entrepreneurship – relative income level – happiness” is constructed, and empirical analysis is carried out based on the data of the “Thousand Villages Survey” project, implemented by Shanghai University of Finance and Economics. First, we consider the impact of entrepreneurship on raising the level of relative income of Chinese farmers; then we analyze the impact of entrepreneurship on their sense of happiness. Finally, we use the mediator effect model to test the role of relative income level as a mediator in the process of influence of entrepreneurship on farmers’ sense of happiness. The study has found that across China entrepreneurship does indeed contribute to the increase in the level of farmers’ relative income, demonstrating the “enrichment effect”; it also contributes to the increase in their level of subjective sense of happiness, demonstrating the “happiness effect”; and the level of relative income plays a partial mediating role in this process. Thus, the sense of happiness of farmers engaged in entrepreneurship arises due to an increase in the level of their relative income and also due to the process of entrepreneurial activity itself. On this basis, it is recommended that state authorities and relevant structures actively promote the concept of “mass entrepreneurship and innovation” in rural areas, create a favorable environment for rural entrepreneurship, encourage farmers to become entrepreneurs, and promote the concept of “mass

entrepreneurship and innovations" for rural entrepreneurship, encourage farmers to do business in order to increase their relative income and enhance their sense of happiness, thereby contributing to the overall financial and spiritual well-being of rural residents.

Key words: general well-being, farmer entrepreneurship, relative income level, sense of happiness.

Information about the Authors

Fan Boweng – Candidate of Sciences (Economics), lecturer, Shanghai University of Political Science and Law (7989, Wai Qing Song Road, Shanghai, China; e-mail: 1964347670@qq.com)

Wang Yuan – Candidate of Sciences (Economics), lecturer, Shanghai University of Political Science and Law (7989, Wai Qing Song Road, Shanghai, China; e-mail: wangyuanbsu@163.com)

Ying Wangjiang – Candidate of Sciences (Economics), Professor, Shanghai University of Finance and Economics (777, Guoding Road, Yangpu District, Shanghai, China; e-mail: 1014707349@qq.com)

Ma Cuilian – Candidate of Sciences (Economics), lecturer, Beijing Information Science and Technology University (55, Taihang Road, Changping District, Beijing, China; e-mail: 326452464@qq.com)

Liu Jiusheng – Candidate of Sciences (Management), lecturer, Shanghai University of Political Science and Law (7989, Wai Qing Song Road, Shanghai, China; e-mail: 1074850964@qq.com)

Статья поступила 20.05.2024.

МОНИТОРИНГОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

МОНИТОРИНГ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

DOI: 10.15838/esc.2024.5.95.15

УДК 332.12(470.23/.25), ББК 65.9(235.0)

© Ускова Т.В., Кожевников С.А., Патракова С.С.

Тенденции пространственного развития регионов Северо-Запада России в XXI веке

**Тамара Витальевна
УСКОВА**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация
e-mail: tvu@vsc.ac.ru
ORCID: 0000-0001-9416-1136; ResearcherID: O-2232-2017

**Сергей Александрович
КОЖЕВНИКОВ**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация
e-mail: kozhevnikov_sa@bk.ru
ORCID: 0000-0001-9063-6587; ResearcherID: I-8373-2016

**Светлана Сергеевна
ПАТРАКОВА**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация
e-mail: sspatrakova@bk.ru
ORCID: 0000-0002-4834-3083; ResearcherID: B-5054-2019

Для цитирования: Ускова Т.В., Кожевников С.А., Патракова С.С. (2024). Тенденции пространственного развития регионов Северо-Запада России в XXI веке // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 5. С. 266–293. DOI: 10.15838/esc.2024.5.95.15

For citation: Uskova T.V., Kozhevnikov S.A., Patrakova S.S. (2024). Trends in the spatial development of regions in the Northwest of Russia in the 21st century. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 17(5), 266–293. DOI: 10.15838/esc.2024.5.95.15

Аннотация. Для России как самой большой по площади территории страны в мире вопросы эффективного использования огромного пространства находятся в числе приоритетных. В представленной статье нашли отражение результаты мониторинга состояния, ключевых тенденций пространственного развития Северо-Западного федерального округа, а также входящих в его состав субъектов РФ на современном этапе. Пространственное развитие макрорегиона исследуется с позиции центр-периферийного, каркасного подходов, пространственная организация рассматривается с учетом трансформации расселенческого, производственно-экономического и инфраструктурного каркасов. Сделан вывод об усиливающемся характере центростремительного вектора развития и периферизации как на макро-, так и внутрирегиональном уровне (особенно остро это проявляется в регионах Севера). Кроме того, в работе представлены оперативные оценки (2020–2023 гг.) рангов регионов Северо-Запада среди субъектов РФ по ключевым показателям пространственного развития, которые могут быть использованы федеральными и региональными органами власти в рамках мониторинга и корректировки проводимой ими политики. Обосновано, что важной задачей является создание условий, способствующих развитию пространственного каркаса макрорегиона за счет раскрытия потенциала различного рода мест (городов и агломераций различного уровня иерархии, сельской, промышленной периферии). Обоснован комплекс мероприятий по повышению связности пространства макрорегиона, которые органично вписываются в приоритеты новой Концепции и проекта Стратегии пространственного развития РФ до 2036 г.

Ключевые слова: пространственный каркас, агломерационные процессы, локационное сжатие, стратегические приоритеты, связность пространства, Северо-Запад России.

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-10054, <https://rscf.ru/project/23-78-10054/>.

Введение

В условиях нарастания геополитического противостояния России со странами коллективного Запада, выразившегося в проведении специальной военной операции (СВО) и усилении санкционного давления (Ильин, Морев, 2022), важной задачей является повышение эффективности использования внутренних (эндогенных) факторов развития, к которым относится огромный *пространственный потенциал*¹, в настоящее время используемый, однако, недостаточно полно и эффективно для обеспечения национальной безопасности страны.

Эти обстоятельства обуславливают важность научно-методического и информационно-аналитического обеспечения деятельности органов государственной власти при разработке и реализации приоритетов политики пространственного развития. При этом следует согласиться с

исследователями (Лаженцев, 2020; Крюков и др., 2020) в том, что такую политику целесообразно реализовывать не только в границах субъектов РФ, но и на более высоком уровне иерархии (макрорегионе). Это поможет сформировать стратегический подход к пространственному развитию России, позволяющий консолидировать и использовать потенциал межрегиональной интеграции.

Цель исследования – мониторинг состояния и ключевых тенденций пространственного развития регионов Северо-Западного федерального округа (СЗФО) на современном этапе.

Представленные материалы² могут выступить в качестве *научно-аналитической и методической основы* при разработке и реализации политики пространственного развития на

¹ В самом общем виде пространственный потенциал страны, макрорегиона, региона характеризуется степенью хозяйственной, поселенческой освоенности и обжитости, фактическим уровнем связности (целостности) территории и на практике синтезирует в себе все другие составляющие совокупного потенциала (Кузнецова, Никифоров, 2013).

В ВолНЦ РАН под руководством члена-корреспондента РАН, доктора экономических наук, профессора Владимира Александровича Ильина в настоящее время формируется система мониторинга различных аспектов развития регионов СЗФО (демография, экономика, пространство, научно-технологическое развитие и др.). Представленная работа посвящена мониторингу пространственного развития Северо-Запада России.

макро- и региональном уровне в свете обострения геополитических вызовов и разработки новой Концепции³ и Стратегии пространственного развития России до 2036 г.⁴, ориентированных на развитие в стране экономики предложения, создание условий для обеспечения устойчивости системы расселения (сокращение оттока населения из регионов Сибири, Арктики, Дальнего Востока; развитие стратегических населенных пунктов, малых и средних городов, сельской местности), обеспечение инфраструктурного развития и рост транспортной доступности территорий.

Методология и информационная база исследования

Методологической основой исследования выступили положения теории «центр – периферия» (Friedmann, 1966; Демьяненко, Исаев, 2015; Кастельс, 2020; Нефедова, Трейвиш, 2020; и др.), концепция опорного пространственного каркаса⁵ (Лаженцев, 2011; Яковлева, 2013; Лаженцев, 2018; Дмитриева, 2016; Дмитриева, 2023; Гайнанов и др., 2021 и др.). Пространственный каркас как интегральная категория многомер-

ного социально-экономического пространства (Курушина, 2019) включает в себя расселенческий, производственно-экономический, инфраструктурный каркасы (*рис. 1*).

Развитие пространственного каркаса макрорегиона является механизмом территориально-хозяйственной интеграции (Luchnikov, Nikolaev, 2017). Кроме того, как отмечал известный отечественный географ Г.М. Лаппо, использование концепции пространственного каркаса стимулирует развитие «каркасного мышления», которое позволяет мыслить стратегически, видеть крупные проблемы, оперировать обширными территориями (зонами, макрорегионами, странами) (Лаппо, 1983).

Для исследования и характеристики отдельных каркасов с учетом методического подхода академика А.Г. Гранберга⁶ был сформирован перечень показателей, характеризующих *качество экономического пространства* с позиции параметров *плотности* (плотность населения, хозяйственной деятельности, например ВРП, число организаций на душу населения, путей сообщения и т. п.), *связности* (связность между

Рис. 1. Компоненты пространственного каркаса макрорегиона

Источник: составлено авторами.

³ Концепция Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года / Министерство экономического развития РФ. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/85fb48440f79df778539e0b215af5345/konsepsiya_strategii_prostranstvennogo_razvitiya_rf_na_period_do_2030_goda.pdf

⁴ Об основных положениях проектируемой стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года / Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <http://council.gov.ru/activity/activities/parliamentary/160906/>

⁵ В классических работах советского периода встречались упоминания о «каркасе территорий» (Баранский, 1956), «каркасе расселения», «опорном каркасе расселения» (Хорев, 1975), «опорном каркасе народного хозяйства» (Лаппо, 1983). При этом фокус делался на узлах (крупных городах и городских агломерациях) и линейных элементах (дорогах, полимагистралях), которые соединяют эти узлы друг с другом, таким образом «сшивая» социально-экономическое пространство.

⁶ Гранберг А.Г. (2000). Основы региональной экономики: учебник для вуза. М.: ГУ ВШЭ. 495 с.

частями и элементами пространства, развитие транспортных и коммуникационных сетей), *размещения* (определяется через наличие хозяйственно освоенных и неосвоенных территорий, показатели равномерности, концентрации населения, субъектов экономической деятельности через призму концепции «центр – периферия»).

В данной работе пространство СЗФО рассматривается как неоднородное. В процессе анализа были выделены его *северная* (субъекты РФ, входящие в состав Европейского Севера России⁷: Архангельская, Мурманская, Вологодская области, республики Коми и Карелия, Ненецкий автономный округ) и *южная* (г. Санкт-Петербург, Ленинградская, Новгородская, Псковская, Калининградская области) *широтные проекции*. Необходимость такого подхода обусловлена тем, что данные территории существенно отличаются друг от друга по природно-климатическим условиям, структуре экономики, инфраструктурной обустроенностю и, соответственно, тенденциям пространственного развития⁸.

Основной период анализа – 1990–2023 гг.; при этом внутри него был выделен ряд временных точек, что позволило выявить особенности развития на различных временных интервалах и с учетом специфики проводимой в данный период социально-экономической и пространственной политики.

Информационную базу исследования составили данные Росстата и его территориальных органов, Росавтодора; сведения с официальных сайтов органов государственной власти Российской Федерации, субъектов РФ, данные мониторингов ФГБУН ВолНЦ РАН, материалы периодической печати.

В *приложениях 1 и 2* к статье представлены ранги регионов СЗФО среди 85 субъектов РФ (без учета информации по Донецкой Народной Республике, Луганской Народной Республике, Запорожской и Херсонской областям) по значениям ключевых индикаторов пространственного развития в 2023 году и по их среднему значению за 2020–2022 гг.

⁷ Европейский Север России рассматривается в границах в соответствии с Общероссийским классификатором экономических регионов. ОК 024-95 (утв. Постановлением Госстандарта России от 27.12.1995 № 640).

⁸ Следует отметить, что данный подход в свое время нашел отражение в Стратегии социально-экономического развития СЗФО на период до 2020 года.

Результаты исследования

Расселенческий каркас

В постсоветский период развития страны, связанный с либерализацией социально-экономических отношений, начались процессы «исхода» населения с Севера (*табл. 1*). Так, в 1989–2023 гг. Европейский Север России (ЕСР) потерял 2,12 млн чел., или 34,4% своего населения. Наибольшее сокращение наблюдалось в Мурманской области (-44,7%, или 532 тыс. чел.), Республике Коми (-41,9%, или 521 тыс. чел.)⁹. Такие процессы связаны не только с естественной убылью, но и в значительной степени с миграционным оттоком населения в более южные субъекты и ведут к разрушению расселенческого каркаса территории.

Несколько иная ситуация складывается в субъектах южной широтной проекции округа. Очагом концентрации населения здесь является активно развивающаяся крупнейшая Санкт-Петербургская агломерация: ядро – г. Санкт-Петербург (рост населения за данный период на 594 тыс. чел., или 12%) и окружающая его Ленинградская область (на 358,1 тыс. чел., 21,5%). Наряду с ней прирост отмечается в Калининградской области (на 147,2 тыс. чел., 16,6%), что связано преимущественно с миграционным притоком населения. В то же время по причине «вытягивания» людских ресурсов этими территориями отмечается сокращение численности населения соседних, но менее развитых Новгородской (на 178,9 тыс. чел., 23,8%) и Псковской (на 259 тыс. чел., 30,7%) областей.

При этом на *внутрирегиональном уровне* процессы депопуляции прослеживаются особенно ярко (*рис. 2, табл. 2*). Так, в Республике Коми население практически всех муниципальных образований северо-восточного угла (Инта, Воркута, Вуктыл, Троицко-Печорский) за данный период уменьшилось более чем в два раза¹⁰.

⁹ Единственным северным субъектом ЕСР, в котором в последние годы наблюдается незначительный рост населения (+1,8% к уровню 2000 г.), является Ненецкий авт. округ (что обусловлено активным развитием в регионе нефтегазодобычи).

¹⁰ В Вуктыле и Троицко-Печорском районе это обусловлено низким уровнем развития социальной, транспортной инфраструктуры, сохранением монопрофильного характера экономики; в Инте и Воркуте к этому добавляется кризис в отраслях специализации территорий (прекращение добычи угля в связи с выработкой и закрытием ряда угольных шахт) (Дмитриева, 2023).

Таблица 1. Среднегодовая численность населения СЗФО в 1990–2023 гг., тыс. чел.

Территория	Год						2023 к 1990, %**	2023 к 2000, %	2023 к 2020, %
	1990	2000	2010	2020	2022	2023			
РФ*	148,0	146,6	142,8	147,7	146,7	146,3	98,9	99,0	99,0
СЗФО*	15,3	14,3	13,6	14,0	13,9	13,9	90,5	99,3	99,3
Северная широтная проекция макрорегиона (Европейский Север России, ЕСР)									
Республика Карелия	791,6	732,1	645,7	546,1	530,1	525,9	66,4	71,8	96,3
Республика Коми	1244,4	1050,4	905,6	756,9	730,4	723,5	58,1	68,9	95,6
Архангельская область без НАО	1520,4	1338,7	1189,1	1004,8	969,5	960,1	63,1	71,7	95,6
Ненецкий авт. округ	51,8	41,1	42,1	41,6	41,4	41,8	80,7	101,8	100,5
Вологодская область	1354,1	1295,0	1204,8	1154,8	1133,6	1125,1	83,1	86,9	97,4
Мурманская область	1190,1	932,0	796,9	685,4	662,0	657,6	55,3	70,6	95,9
Итого по северной проекции	6152,5	5389,2	4784,1	4189,6	4067,0	4033,9	65,6	74,9	96,3
Южная широтная проекция макрорегиона									
г. Санкт-Петербург	5005,0	4728,4	4866,1	5584,6	5604,0	5598,9	111,9	118,4	100,3
Калининградская область	885,9	958,1	940,2	1018,5	1031,7	1033,1	116,6	107,8	101,4
Ленинградская область	1671,2	1683,5	1711,7	1964,1	2014,9	2029,8	121,5	120,6	103,3
Новгородская область	752,6	714,4	636,2	590,6	578,8	573,7	76,2	80,3	97,1
Псковская область	843,5	787,5	676,6	608,8	592,3	584,5	69,3	74,2	96,0
Итого по южной проекции	9158,3	8872,0	8830,9	9766,6	9821,6	9820,0	107,2	110,7	100,5

* Данные по РФ и СЗФО представлены в млн чел.

** Здесь и далее в таблицах зеленой заливкой отмечены положительные тенденции, красной – негативные.

Источник: составлено авторами по данным Росстата.

Схожая ситуация отмечается в двух западных муниципалитетах республики (Княжпогостский и Удорский муниципальные районы), где в 2023 году численность населения составила, соответственно, лишь 37,1 и 30,9% по отношению к 1989 году. Эти районы специализируются на лесозаготовке и деревопереработке, однако местный ЛПК характеризуется низкими объемами выпуска, потребностью в рабочей силе, низкой заработной платой, что служит одной из ключевых причин миграции населения.

Также заметное снижение численности населения произошло в Мурманской и Архангельской областях: в преобладающем числе муниципалитетов оно сократилось более чем в два раза. При этом в связи с естественной и миграционной убылью депопулировала не только сельская периферия, но и города, в т. ч. административные центры регионов (Архангельск, Мурманск).

В Вологодской области во всех муниципальных образованиях, кроме г. Вологды, численность населения также уменьшилась (от 13 до 57,7%). Однако муниципальные образования, находящиеся в зоне влияния крупного города (г. Вологда) и входящие в состав Вологодской агломерации (Сокольский, Вологодский, Грязе-

зовецкий округа), за данный период находились в более устойчивом состоянии, в результате чего доля агломерации в общей численности населения региона в 1990–2023 гг. увеличилась с 35 до 40%.

Как видно из рисунка 2, в целом муниципальные образования формирующихся городских агломераций (Вологодская, Мурманская, Архангельская) характеризуются более благоприятной демографической ситуацией на фоне обезлюдения средней и дальней периферии. Эти факты свидетельствуют о преобладании центростремительного вектора в развитии, слабой трансляции позитивных агломерационных эффектов на удаленные от крупных городов территории.

В более южных субъектах СЗФО наблюдается более позитивная ситуация, в т. ч. по причине миграционного притока. Так, в ряде районов Ленинградской области число жителей увеличилось весьма существенно. Как правило, это те районы, которые наиболее приближены к г. Санкт-Петербургу (во Всеволожском районе численность выросла в 3,4 раза, в Сосновоборском городском округе прирост составил 13,6%; в Выборгском – 79,3%). Это также стало одним

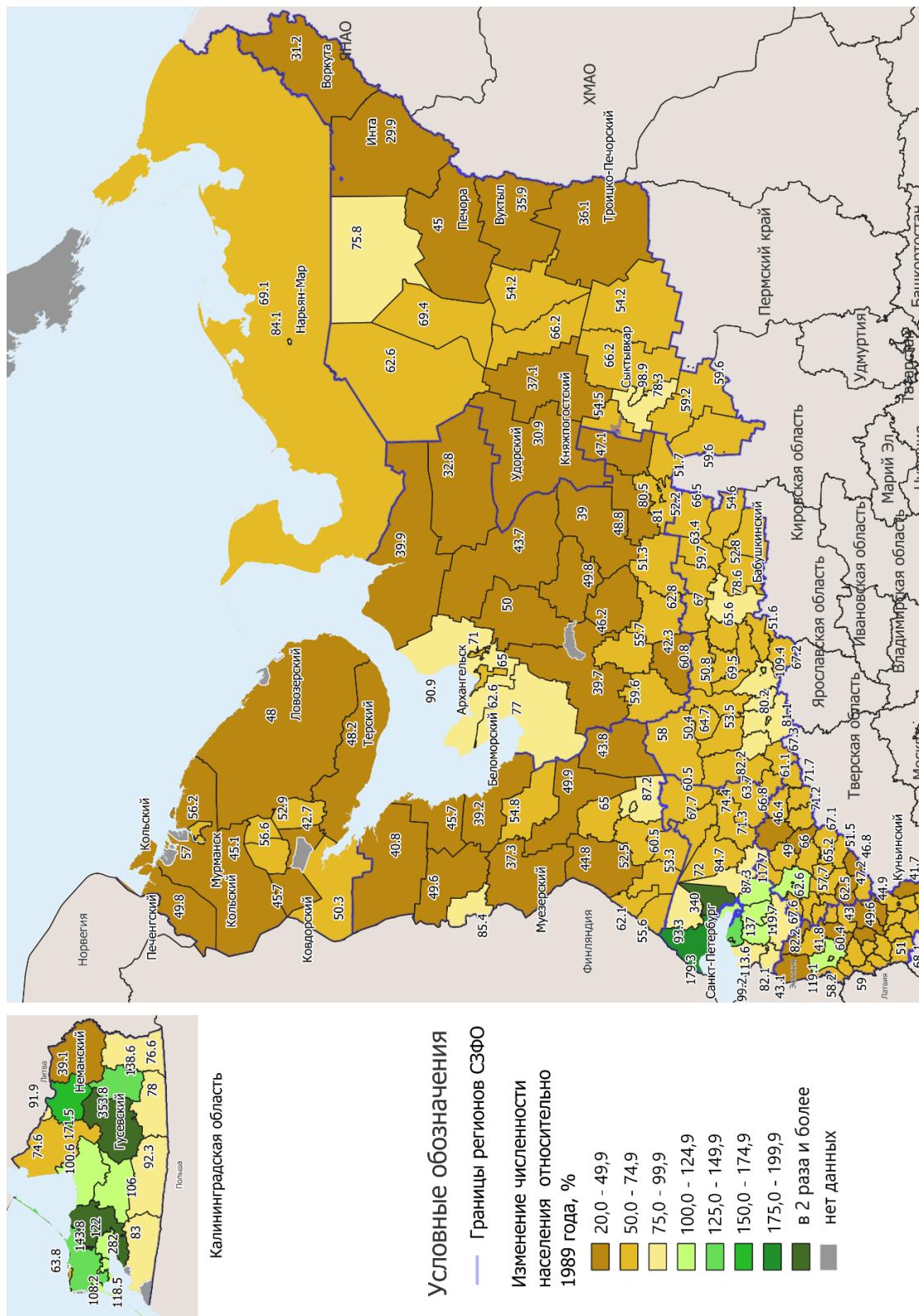

Рис. 2. Численность населения муниципальных образований СЗФО в 2023 г., % к 1989 г.

Источник: данные Росстата. Картограмма составлена с участием М.А. Лебедевой с использованием инструментария QGIS.

Таблица 2. Группировка муниципальных образований СЗФО по динамике численности населения в 1989–2023 гг.

Численность населения, % к уровню 1989 г.	Количество муниципальных образований в группе, ед. (% от общего числа муниципальных образований СЗФО)	Регион (число муниципальных образований)
20,0–49,9	44 (23,4)	Архангельская область (11), Республика Карелия (8), Республика Коми (7), Псковская область (7), Мурманская область (6), Новгородская область (4), Калининградская область (1)
50,0–74,9	94 (50)	Вологодская область (21), Псковская область (16), Новгородская область (16), Республика Коми (10), Архангельская область (10), Республика Карелия (7), Мурманская область (6), Ленинградская область (5), Калининградская область (2), Ненецкий авт. округ (1)
75,0–99,9	30 (15,9)	Вологодская область (6), Ленинградская область (6), Калининградская область (5), Республика Карелия (3), Республика Коми (3), Архангельская область (3), Псковская область (2), Ненецкий авт. округ (1), Новгородская область (1)
Итого: снижение численности в 168 муниципальных образованиях (89,3% от общего числа)		
100,0–124,9	12 (6,5)	Калининградская область (5), Ленинградская область (4), Вологодская область (1), Псковская область (1), Новгородская область (1)
125,0–149,9	3 (1,6)	Калининградская область (2), Ленинградская область (1)
150,0–174,9	1 (0,5)	Калининградская область (1)
175,0–199,9	1 (0,5)	Ленинградская область (1)
в 2 раза и более	3 (1,6)	Калининградская область (2), Ленинградская область (1)
Итого: увеличение численности в 20 муниципальных образованиях (10,7% от общего числа)		
Примечание: ввиду отсутствия в открытом доступе не учтены данные по 11 муниципальным образованиям СЗФО (ГО Мирный ЗАТО и ГО Новая Земля Архангельской области; ГО Александровск ЗАТО, ГО пос. Видяево ЗАТО, ГО г. Заозерск ЗАТО, ГО г. Островной ЗАТО и МО г. Полярные Зори Мурманской области; Ладушкинскому ГО, Мамоновскому ГО, Пионерскому ГО и Янтарному ГО Калининградской области). В городе федерального значения Санкт-Петербурге численность населения в 2023 году составила 111,4% к уровню 1989 г.		

из проявлений агломерационных процессов. В то же время районы, не имеющие общей границы с северной столицей, в основном потеряли от 6 до 39,5% населения (Приозерский район – 6,7%, Лодейнопольский – 32,3%, Тихвинский – 25,6%, Подпорожский – 39,5%).

В Псковской и Новгородской областях можно заметить схожую ситуацию: численность населения растет только в районе, прилегающем к административному центру региона, в то время как в самом административном центре число жителей незначительно сократилось. На остальных территориях субъектов также наблюдается снижение численности населения, достигающее почти 60%, причем как в периферийных районах, так и приближенных к областному центру. Так, в Псковской области потери населения в Порховском районе относительно 1990 года составили 58,2%, в Бежаницком – 57%, в Куньинском – 58,3%.

Наиболее благоприятная демографическая ситуация наблюдается в Калининградской области. В 1990–2023 гг. в 10 из 22 муниципалитетов

наблюдался рост численности населения, в том числе в Гурьевском и Черняховском муниципальных округах в 2,8 (с 39,6 до 110,4 тыс. чел.) и 3,5 раза (с 12,8 до 45,3 тыс. чел.). Прирост населения здесь обеспечивается не только межрегиональной миграцией, но в определенной мере притоком жителей из Германии и Польши (возвращение россиян)¹¹.

Как следствие, процессы депопуляции на значительных территориях округа привели к дальнейшему снижению плотности населения. Так, если в 1990 году в целом по СЗФО плотность превышала среднюю по стране (9,2 против 8,7 чел. на тыс. кв. км), то в 2023 году – уже была ниже ее (8,2 против 8,5, табл. 3). Это произошло в основном за счет дальнейшего

¹¹ «РГ»: иностранцы едут в Калининградскую область // РБК. URL: <https://kaliningrad.rbc.ru/kaliningrad/25/01/2023/63d0flaf9a79473f596096f8> (дата обращения 12.10.2024); Озвучена доля приехавших в Гурьевский район из-за рубежа // Русский Запад. URL: <https://ruwest.ru/news/132462> (дата обращения 12.10.2024).

Таблица 3. Общая плотность населения СЗФО, чел./км²

Территория	Год						2023 к 1990, %	2023 к 2000, %	2023 к 2020, %
	1990	2000	2010	2020	2022	2023			
РФ	8,7	8,6	8,4	8,6	8,6	8,5	98,6	99,6	99,0
СЗФО	9,2	8,5	8,1	8,3	8,2	8,2	89,2	97,1	99,3
Северная широтная проекция макрорегиона (Европейский Север России)									
Республика Карелия	4,6	4,1	3,6	3,0	2,9	2,9	63,5	71,8	96,3
Республика Коми	3,0	2,5	2,2	1,8	1,8	1,7	58,0	68,9	95,6
Архангельская область без НАО	3,7	3,2	2,9	2,4	2,3	2,3	62,8	71,7	95,6
Ненецкий авт. округ	0,3	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	80,6	101,8	100,5
Вологодская область	9,3	9,0	8,3	8,0	7,8	7,8	83,8	86,9	97,4
Мурманская область	8,2	6,4	5,5	4,7	4,6	4,5	55,3	70,6	95,9
Южная широтная проекция макрорегиона									
г. Санкт-Петербург	3575,0	3377,4	3475,8	3989,0	4002,8	3999,2	111,9	118,4	100,3
Калининградская область	58,7	63,5	62,3	67,4	68,3	68,4	116,6	107,8	101,4
Ленинградская область	19,8	20,1	20,4	23,4	24,0	24,2	122,3	120,6	103,3
Новгородская область	13,6	13,1	11,7	10,8	10,6	10,5	77,3	80,3	97,1
Псковская область	15,3	14,2	12,2	11,0	10,7	10,5	69,2	74,2	96,0

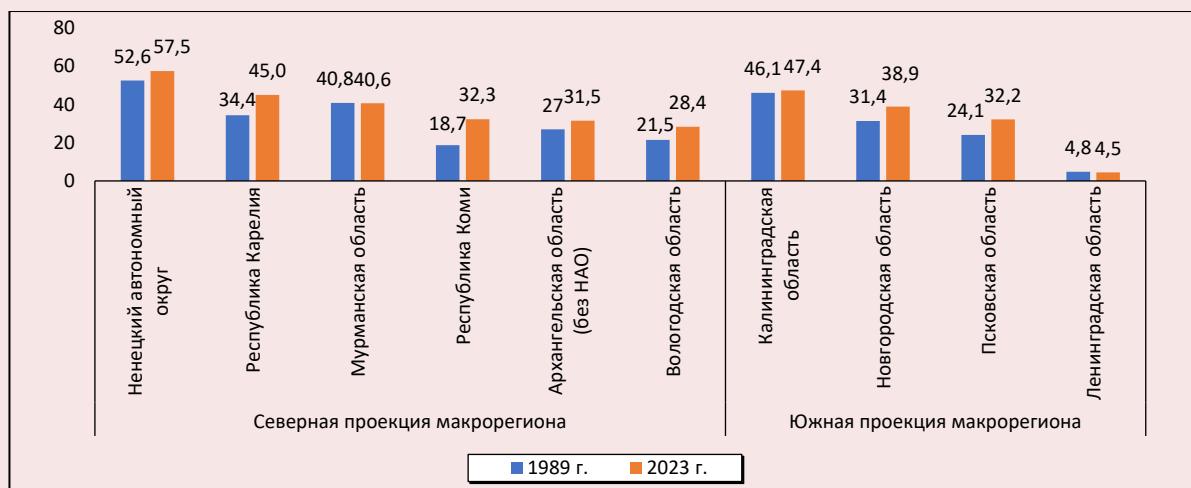
Источник: составлено авторами по данным Росстата.

снижения плотности населения в субъектах Европейского Севера России: в Мурманской области – с 8,2 до 4,5 чел. на кв. км, Республике Коми – с 3,0 до 1,7 чел. на кв. км. Это ведет к «схлопыванию» ёмкости локальных рынков и является триггером для дальнейшей стагнации не только местной, но в определенной мере региональной экономики.

Еще одной тенденцией изменения расселенческого каркаса выступает *увеличение доли на-*

селения, проживающего в региональных административных центрах, что свидетельствует о центростремительном характере развития и является риском для сохранения устойчивости расселенческого каркаса территории (рис. 3). Так, в 1989–2023 гг. наблюдался рост данного показателя во всех субъектах СЗФО за исключением Ленинградской области (его доля в настоящее время варьируется от 28,4% в Вологодской области до 57,5% в Ненецком АО).

Рис. 3. Доля населения, проживающего в административном центре субъекта РФ в 1989 и 2023 гг., %

Источник: рассчитано авторами по данным Росстата.

Наряду с этим другой негативной тенденцией является измельчание *поселенческой структуры*. Так, в 1989–2020 гг. даже в одном из самых южных субъектов СЗФО – Вологодской области – количество сельских населенных пунктов уменьшилось на 655 ед. (с 8459 до 7824 ед., 7%). При этом количество пунктов без населения выросло на 967 ед. (или 72%); наблюдался рост числа населенных пунктов с людностью менее 10 чел. – на 414 ед., или 15%. В результате в настоящее время 70% сельских населенных пунктов региона – без населения или с людностью менее 10 чел. Схожие тенденции наблюдаются в других регионах СЗФО, что на фоне стремительно стареющего населения в ближайшие годы может привести к практически полному обезлюдению и экономическому «опустыниванию» данных населенных пунктов.

Производственно-экономический каркас

СЗФО является одним из лидеров страны по вкладу в национальную экономику: его доля в совокупном ВРП России в 2022 году составила 13,5% (+1 п. п. к 1998 году; уступает ЦФО, УФО, ПФО).

Одним из ключевых индикаторов, характеризующих масштаб экономической деятельности в регионе, является *ВРП на душу населения*. В СЗФО в настоящее время он в 1,4 раза превышает среднероссийское значение: 1362,9 против 958,8 тыс. руб. на душу населения. Наивысшие показатели отмечаются в Ненецком авт. округе (11787,8 тыс. руб./чел. в 2022 году; табл. 4), г. Санкт-Петербурге (1992,6 тыс. руб./чел.) и Мурманской области (1735,2 тыс. руб./чел.); наименьшие – в Псковской и Новгородской областях (435,2 и 657,6 тыс. руб./чел. соответственно).

Число организаций на 1 тыс. чел. населения характеризует плотность хозяйственной деятельности, деловую активность и, в конечном счете, качество экономического пространства региона. В СЗФО, как и в целом в РФ, данный показатель в 2000–2010 гг. увеличивался, а с 2010 года имел тенденцию к снижению (табл. 5). Наибольшее сокращение числа организаций в абсолютном выражении пришлось на 2021 год, что преимущественно связано с приостановкой работы, ликвидацией организаций в период распространения пандемии и введения соответствующих ограничений.

Таблица 4. Валовой региональный продукт на душу населения (в сопоставимых ценах 2022 г.), тыс. руб.

Территория	Год						2022 к 1998, раз	2022 к 2000, раз	2022 к 2020, %
	1998	2000	2010	2020	2021	2022			
РФ	389,2	457,9	782,9	884,9	952,7	958,8	2,5	2,1	108,4
СЗФО	496,2	594,9	1069,8	1236,5	1394,3	1362,9	2,7	2,3	110,2
Северная широтная проекция макрорегиона (Европейский Север России)									
Республика Карелия	352,8	432,2	602,7	765,4	801,1	738,4	2,1	1,7	96,5
Республика Коми	715,3	784,8	1216,7	1262,6	1315,6	1335,8	1,9	1,7	105,8
Архангельская область с НАО	295,5	395,5	845,2	1052,0	1129,1	1175,5	4,0	3,0	111,7
Архангельская область без НАО	Н.д.	Н.д.	Н.д.	695,0	736,5	722,3	-	-	103,9
Ненецкий авт. округ	Н.д.	3900,7	11903,8	9619,0	10471,4	11787,8	-	3,0	122,5
Вологодская область	471,1	585,6	772,3	905,4	940,2	903,5	1,9	1,5	99,8
Мурманская область	894,1	1034,2	1228,9	1712,2	1846,2	1735,2	1,9	1,7	101,3
Южная широтная проекция макрорегиона									
г. Санкт-Петербург	664,0	783,0	1567,4	1707,2	2043,7	1992,6	3,0	2,5	116,7
Калининградская область	234,5	288,2	603,0	696,1	753,0	715,3	3,1	2,5	102,8
Ленинградская область	247,3	318,4	701,8	790,3	831,6	822,8	3,3	2,6	104,1
Новгородская область	240,4	268,4	456,4	628,6	660,0	657,6	2,7	2,4	104,6
Псковская область	180,1	230,5	350,4	420,5	432,8	435,2	2,4	1,9	103,5

Источник: составлено авторами по данным Росстата.

Таблица 5. Число организаций всех форм собственности, ед. на 1 тыс. чел. населения

Территория	Год						2023 к 2000, %	2023 к 2020, %
	2000	2010	2020	2021	2022	2023		
РФ	22,8	33,8	23,8	22,7	22,4	22,3	97,7	93,7
СЗФО	27,9	46,4	31,3	29,7	28,8	28,1	100,7	89,9
Северная широтная проекция макрорегиона (Европейский Север России)								
Республика Карелия	21,4	34,7	34,4	32,4	32,0	31,1	145,5	90,4
Республика Коми	18,1	25,7	20,6	19,1	18,4	17,9	99,3	87,2
Ненецкий авт. округ	15,2	27,2	22,5	22,9	23,0	24,4	160,2	108,5
Архангельская область без НАО	14,5	21,3	18,8	18,0	18,0	18,0	124,0	95,4
Вологодская область	17,4	32,0	30,0	29,3	28,0	26,3	151,6	87,7
Мурманская область	17,7	28,8	20,6	20,5	20,7	20,7	117,2	100,3
Южная широтная проекция макрорегиона								
г. Санкт-Петербург	46,2	77,0	43,0	40,4	38,8	37,4	80,8	86,9
Калининградская область	28,5	54,7	35,7	33,8	32,6	31,9	111,9	89,3
Ленинградская область	18,6	24,1	16,6	16,1	16,0	17,0	91,4	102,3
Новгородская область	17,4	23,4	19,9	19,6	18,9	18,7	107,5	94,0
Псковская область	18,5	23,6	19,8	19,6	19,1	18,8	101,5	95,1

Источник: составлено авторами по данным Росстата.

В целом по итогам 2023 года наибольшая плотность организаций наблюдалась в г. Санкт-Петербурге (37,4 ед./тыс. чел.), Калининградской области (31,9 ед./тыс. чел.) и Республике Карелии (31,1 ед./тыс. чел.). Отметим, что в 2000 году они также занимали лидерские позиции. В 2023 году наименьшая плотность организаций зафиксирована в Ленинградской области, в 2000 году – в Архангельской области (17,0 и 14,5 ед./тыс. чел. соответственно).

Значимым показателем, позволяющим выделить ареалы экономической активности, является *объем инвестиций в основной капитал*. Среди субъектов СЗФО лидером по объему привлеченных инвестиционных средств на душу населения был и остается Ненецкий авт. округ¹² (в 2023 году – 2063,4 тыс. руб., что в 9 раз превышает среднероссийский уровень и уровень макрорегиона в целом; табл. 6).

С 2020 году второе место удерживает Мурманская область (405,9 тыс. руб./чел. в 2023

году). В территориальном разрезе средства направляются в основном в городской округ г. Мурманск (53% от общего объема инвестиций в основной капитал региона 2023 года¹³; вид деятельности, привлекающий основной объем инвестиций в Мурманск – «Транспортировка и хранение»); Кольский муниципальный район (15,0% от общего объема инвестиций в основной капитал региона; вид деятельности, привлекающий наибольший объем инвестиций – «Транспортировка и хранение»); г. Кировск (10%), в котором располагается Кировский филиал АО «Апатит». Замыкает тройку лидеров Ленинградская область (337,8 тыс. руб./чел. в 2023 году; 300,6 тыс. руб./чел. в 2022 году). Из общего объема инвестиций региона в 2022 году 47% было направлено в обрабатывающие производства, 22% – в сферу транспортировки и хранения¹⁴.

¹² Средства направляются в основном в разработку, хранение и транспортировку через Варандейский терминал полезных ископаемых Тимано-Печорского нефтегазоносного бассейна.

¹³ Официальный сайт Мурманскстата. URL: <https://51.rosstat.gov.ru/folder/72872>

¹⁴ Ленинградская область в 2022 году / Петростат. СПб., 2023. 256 с.

Таблица 6. Объем инвестиций в основной капитал на душу населения (в сопоставимых ценах 2023 г.), тыс. руб.

Территория	Год							2022 к 1990, %	2022 к 2020, %
	1990	2000	2010	2020	2021	2022	2023		
РФ	244,3	64,0	160,8	184,7	201,3	211,3	232,6	95,2	125,9
СЗФО	183,0	62,1	214,6	214,6	222,8	212,2	221,9	121,3	103,4
Северная широтная проекция макрорегиона (Европейский Север России)									
Республика Карелия	155,7	48,8	89,4	141,8	194,5	204,2	197,0	126,5	138,9
Республика Коми	300,8	103,7	282,4	237,3	212,9	178,7	177,7	59,1	74,9
Архангельская область с НАО	207,7	58,0	202,3	243,3	216,0	206,4	205,6	98,9	84,5
Ненецкий автономный округ	н.д.	473,4	1763,4	2541,4	2106,8	2206,9	2063,4	-	81,2
Архангельская область без НАО	н.д.	н.д.	н.д.	148,3	139,0	122,5	124,7	-	84,1
Вологодская область	209,2	46,6	175,1	252,4	241,7	171,8	150,0	71,7	59,5
Мурманская область	172,0	56,4	128,1	418,0	517,3	443,1	405,9	236,0	97,1
Южная широтная проекция макрорегиона									
г. Санкт-Петербург	124,9	58,9	217,6	200,0	217,6	206,3	213,5	170,9	106,8
Калининградская область	100,3	42,4	137,9	130,0	111,3	133,1	189,7	189,2	145,9
Ленинградская область	170,7	83,5	358,6	268,3	272,5	300,6	337,8	197,9	125,9
Новгородская область	125,5	56,8	186,6	120,9	108,6	111,6	131,7	104,9	108,9
Псковская область	174,3	30,8	70,0	92,7	111,2	80,0	81,4	46,7	87,9

Источник: составлено авторами по данным Росстата.

В 2023 году в СЗФО подушевой объем инвестиций в сопоставимых ценах 2022 года был выше уровня 1990 года на 21,3%: 183,0 против 221,9 тыс. руб./чел. Среди субъектов северной широтной проекции схожая ситуация: превышение уровня 1990 года наблюдалось в Карелии (на 26,5%) и Мурманской области (в 2,4 раза); среди субъектов южной проекции – в г. Санкт-

Петербурге (на 70,9%), Калининградской (на 89,2%), Ленинградской (на 97,9%), Новгородской (на 4,9%) областях.

Максимальные среднегодовые темпы роста инвестиций в СЗФО и большинстве его субъектов были на 10-летнем отрезке с 2001 по 2010 год (исключение – Мурманская область в период 2011–2020 гг.; табл. 7). В трехлетний период

Таблица 7. Среднегодовые темпы роста инвестиций в основной капитал на душу населения (в сопоставимых ценах 2023 г.), %

Территория	1991–2000	2001–2010	2011–2020	2021–2023
РФ	0,87	1,10	1,01	1,08
СЗФО	0,90	1,13	1,00	1,01
Северная широтная проекция макрорегиона (Европейский Север России)				
Республика Карелия	0,89	1,06	1,05	1,12
Республика Коми	0,90	1,11	0,98	0,91
Архангельская область с НАО	0,88	1,13	1,02	0,95
Ненецкий автономный округ	н.д.	1,14	1,04	0,93
Архангельская область без НАО	н.д.	н.д.	н.д.	0,94
Вологодская область	0,86	1,14	1,04	0,84
Мурманская область	0,89	1,09	1,13	0,99
Южная широтная проекция макрорегиона				
г. Санкт-Петербург	0,93	1,14	0,99	1,02
Калининградская область	0,92	1,13	0,99	1,13
Ленинградская область	0,93	1,16	0,97	1,08
Новгородская область	0,92	1,13	0,96	1,03
Псковская область	0,84	1,09	1,03	0,96

Источник: составлено авторами по данным Росстата.

2021–2023 гг. наиболее высокие среднегодовые темпы роста характерны для Республики Карелии; рост наблюдался также в Калининградской, Ленинградской, Новгородской областях и г. Санкт-Петербурге.

Важно отметить, что если в 2023 году на макрорегиональном уровне максимальный объем инвестиций в основной капитал (НАО) превышал минимальный (Псковская область) в 25 раз, то на внутрирегиональном уровне диспропорции были существенно больше: в Республике Карелии – 42 раза, Республике Коми – 88 раз. Этот разрыв с 1990-х гг. вырос и среди субъектов СЗФО, и среди их муниципальных образований (например, в Карелии с трех до 42 раз и т. д.). Привлекательными для инвестирования ареалами с 1990-х гг. остаются и даже усиливают свой вес в общерегиональном объеме инвестиций муниципалитеты с сырьевой специализацией (например, Усинск и Ухта в Коми, удельный вес которых в общерегиональном объеме инвестиций в 1995–2022 гг. увеличился с 12,5 до 32,3% и с 16,7 до 24,4% соответственно); с развитой обрабатывающей промышленностью (г. Петрозаводск, г. Череповец).

Наименее привлекательными с точки зрения вложения инвестиций являются периферийные муниципальные образования, удаленные от центров добычи и переработки сырья, с высокой долей сельского населения.

Инфраструктурный каркас

В целом по макрорегиону в 2000–2022 гг. отмечается рост *плотности автодорог с твердым покрытием* в 1,6 раза: с 40 до 63 км дорог на 1 тыс. кв. км территории (табл. 8). Вместе с тем, если в 2000 году значения показателя СЗФО превышали среднероссийский уровень (40 против 31,2 км дорог / тыс. кв. км территории), то в настоящее время оказались ниже (63 против 66).

В то же время в пространстве макрорегиона сохраняются существенные различия между его северной и южной широтной проекциями (даже с учетом исключения из анализа г. Санкт-Петербурга). Такие различия в 2023 году достигали 273 раз (между Калининградской областью и НАО). Очевидно, что северные территории в силу неблагоприятных природно-климатических условий, дисперсного характера расселения и ведения хозяйственной деятельности будут иметь более слаборазвитую дорожную сеть¹⁵.

Таблица 8. Плотность автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием, км дорог на 1 тыс. кв. км территории

Территория	Год						2023 к 2000, %	2023 к 2020, %
	2000	2010	2020	2021	2022	2023		
РФ	31,2	39	64	65	65	66	210,5	102,5
СЗФО	40	45	63	63	63	63	156,9	100,3
Северная широтная проекция макрорегиона (Европейский Север России)								
Республика Карелия	38,0	37,0	46,9	46,6	47,2	48,1	126,6	102,5
Республика Коми	13,0	14,0	16,2	16,5	16,2	16,5	126,9	102,0
Архангельская область без НАО	17,0	25,6	29,4	29,7	29,5	29,6	174,2	100,9
Ненецкий авт. округ	0,9	1,1	1,6	1,7	1,8	1,9	206,5	115,3
Вологодская область	81,0	81,0	115,8	116,5	115,2	110,7	136,7	95,6
Мурманская область	17,0	19,0	23,6	23,9	23,8	24,2	142,6	102,6
Южная широтная проекция макрорегиона								
г. Санкт-Петербург	н.д.	н.д.	2525,8	2522,3	2530,6	2542,4	-	100,7
Калининградская область	303,0	439,0	527,1	526,2	524,1	518,9	171,3	98,4
Ленинградская область	122,0	135,0	216,9	218,0	220,4	221,7	181,7	102,2
Новгородская область	156,0	175,0	202,7	203,7	203,7	200,8	128,7	99,1
Псковская область	180,0	200,0	308,1	311,3	298,2	312,6	173,7	101,5

Источник: составлено авторами по данным Росстата.

¹⁵ Для сравнения отметим, что в северных зарубежных странах густота автодорог значительно выше: в Норвегии – 287 км, Финляндии – 230 км на 1 тыс. кв. км (хотя эти страны существенно меньше по площади). Источник: Worldstat Info. URL: <http://ru.worldstat.info/>

Однако это является одним из факторов, которые ограничивают транспортную связность территорий.

Некоторое увеличение плотности автодорог регионов СЗФО обусловлено как изменением системы статистического учета (включением с 2006 года в протяженность автодорог дорог местного значения, а с 2012 – улиц), так и непосредственно строительством дорог, в т. ч. в рамках крупных инфраструктурных программ и проектов¹⁶.

Доля автодорог общего пользования регионального или межмуниципального значения, отвечающих нормативам, в субъектах СЗФО в

2022 году варьировалась от 24,6% (Архангельская область; табл. 9) до 68,2% (Санкт-Петербург). При этом если во всех регионах южной широтной проекции с 2007 года эта доля увеличилась, то в трех из шести регионов северной проекции – снизилась на 6–19 п. п. (Коми, НАО, Вологодская область).

С точки зрения обеспечения связности пространства наряду с линейной (автодороги) в настоящее время значительную роль играет наличие т. н. «мягкой» инфраструктуры. В 2014 году доля домохозяйств, имеющих доступ к сети Интернет, в большинстве (8 из 11; табл. 10) субъектов СЗФО была выше среднероссийского

Таблица 9. Доля автомобильных дорог общего пользования регионального или межмуниципального значения, отвечающих нормативным требованиям, %

Территория	Год					2022 к 2007 (+/-), п. п.	2022 к 2020 (+/-), п. п.
	2007	2010	2020	2021	2022		
РФ	44,3	36,8	45,8	48,2	50,6	6,3	4,8
СЗФО	34,4	23,4	40,7	43	45,4	11	4,7
Северная широтная проекция макрорегиона (Европейский Север России)							
Республика Карелия	25	31	36,2	36,6	36,6	11,6	0,4
Республика Коми	57	43,4	50,6	49,7	50,9	-6,1	0,3
Архангельская область без НАО	7	8,8	19	20,3	24,6	17,6	5,6
Ненецкий автономный округ	67	8,3	36,9	52,4	55,1	-11,9	18,2
Вологодская область	60	6,5	38,3	39,7	40,6	-19,4	2,3
Мурманская область	23	21,8	43,8	46,3	45,5	22,5	1,7
Южная широтная проекция макрорегиона							
г. Санкт-Петербург	н.д.	н.д.	65,5	68,7	68,2	-	2,7
Калининградская область	30	30	38,2	43,2	48	18,0	9,8
Ленинградская область	47,7	38,5	49,5	50,4	51,3	3,6	1,8
Новгородская область	9	16,5	47,6	54,1	61,4	52,4	13,8
Псковская область	30	25,9	34,3	36,4	40,1	10,1	5,8

Источник: составлено авторами по данным ЕМИСС.

Таблица 10. Доля домашних хозяйств, имеющих доступ к сети Интернет, % от общего числа

Северная широтная проекция			Южная широтная проекция		
Территория	2014	2023	Территория	2014	2023
Республика Карелия	70,8	84,0	г. Санкт-Петербург	84,9	88
Республика Коми	70,3	83,2	Калининградская область	81,6	89,2
Архангельская область без НАО	73,2	82,8	Ленинградская область	75,6	84
Ненецкий автономный округ	62,3	87,4	Новгородская область	63,1	78,5
Вологодская область	62,6	83,2	Псковская область	63,6	85,9
Мурманская область	80,4	88,9			

Примечание: В 2014 г. показатель по РФ составил 69,9%, по СЗФО – 76,4%; в 2023 г. РФ – 87,9%, СЗФО – 85,7%.

Источник: составлено авторами по данным Росстата.

¹⁶ «Модернизация транспортной системы России» (период реализации: 2002–2010 гг.), «Развитие транспортной системы» (2018–2021 гг.), «Безопасные качественные дороги» (2018–2030 гг.), «Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры» (2018–2024 гг.).

Таблица 11. Число больничных коек, ед. на 10 тыс. чел. населения

Территория	Год						2022 к 1990, %	2022 к 2000, %	2022 к 2020, %
	1990	2000	2010	2020	2021	2022			
РФ	137,5	115,0	93,8	80,6	79,1	78,0	56,7	67,8	96,8
СЗФО	133,8	111,7	93,2	80,8	80,9	81,6	61,0	73,1	101,0
Северная широтная проекция макрорегиона (Европейский Север России)									
Республика Карелия	151,2	121,0	106,0	88,1	86,3	82,7	54,7	68,3	93,9
Республика Коми	147,9	119,9	111,7	104,5	99,3	104,4	70,6	87,1	99,9
Архангельская область без НАО	142,7	123,1	101,9	87,9	91,1	93,4	65,5	75,9	106,3
Ненецкий авт. округ	120,4	127,8	122,3	79,2	79,9	74,7	62,0	58,5	94,3
Вологодская область	145,3	118,6	89,5	77,2	77,1	76,3	52,5	64,3	98,8
Мурманская область	112,9	115,3	124,7	111,9	109,3	104,5	92,6	90,6	93,4
Южная широтная проекция макрорегиона									
г. Санкт-Петербург	123,8	101,3	89,3	79,7	81,2	83,6	67,5	82,5	104,9
Калининградская область	143,2	113,0	78,0	77,5	77,5	79,9	55,8	70,7	103,1
Ленинградская область	126	97,9	73,7	57,0	58,4	55,0	43,7	56,2	96,5
Новгородская область	149,1	135,7	98,6	81,9	80,8	81,9	54,9	60,4	100,0
Псковская область	142,3	125,8	103,4	96,8	91,5	93,6	65,8	74,4	96,7

Источник: составлено авторами по данным Росстата

уровня 69,9%. К 2023 году, несмотря на позитивные тенденции роста доступности сети, ситуация изменилась: в 8 субъектах доля до-мохозяйств оказалась ниже среднероссийского уровня 87,9%.

Несмотря на это, в 2014–2022 гг. наблюдалось снижение цифрового разрыва между регионами СЗФО за счет «подтягивания отстающих»: разрыв между максимальным и минимальным значениями показателями сократился с 22,6 до 10,7 п. п.

В инфраструктурном обеспечении территории значительная роль отводится социальной инфраструктуре. В 1990–2020 гг. в СЗФО *число больничных коек, приходящихся на 10 тыс. чел. населения*, сократилось на 40% (с 133,8 до 80,8 ед.; табл. 11). Затем ситуация незначительно изменилась: в 2020–2022 гг. наблюдался 1%-й прирост (с 80,8 до 81,6 ед.), обеспеченный положительной динамикой показателя в Архангельской, Калининградской областях и г. Санкт-Петербурге. В Новгородской области ситуация не изменилась. В остальных регионах СЗФО в 2020–2022 гг. число коек на 10 тыс. чел. населения сократилось на 0,1–6,6%.

Заключение

По результатам анализа можно сделать следующие выводы. Пространственное развитие СЗФО в постсоветский период происходило

под влиянием множества факторов, носящих в том числе трансформационный характер. Однако, несмотря на это, довольно четко выделяется ряд устойчивых тенденций, проявляющихся в отношении расселенческого, производственно-экономического, инфраструктурного каркасов СЗФО.

К основным *положительным тенденциям* пространственного развития СЗФО в 1990–2023 гг. можно отнести следующие:

- доля СЗФО в совокупном ВРП России в 2022 году составила 13,5%, увеличившись на 2,9 п. п. к уровню 1995 года; в результате в 2022 году среднедушевой ВРП в СЗФО в 1,4 раза превышал среднероссийское значение: 1362,9 против 958,8 тыс. руб. (наибольшие показатели наблюдаются в Ненецком авт. округе (11786,4 тыс. руб./чел.), г. Санкт-Петербурге (1992,6 тыс. руб./чел.) и Мурманской области (1735,2 тыс. руб./чел.); наименьшие – в Псковской и Новгородской областях (435,2 и 657,7 тыс. руб./чел.));

- удельный вес СЗФО в общероссийском объеме отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами в 1990–2023 гг. увеличился с 9,7 до 12,5%; однако по итогам 2022–2023 гг. СЗФО и большинство входящих в него регионов стали одними из наиболее пострадавших от санкционного давления недружественных стран;

– число организаций на 1 тыс. чел. населения, характеризующее деловую активность в регионе, в 2000–2023 гг. в большинстве субъектов СЗФО увеличилось и в настоящее время превышает среднероссийский уровень: г. Санкт-Петербург – 37,4 ед./тыс. чел., Калининградская область – 31,9, Республика Карелия – 31,1; в среднем по РФ – 22,3;

– рост численности населения ряда южных субъектов СЗФО: г. Санкт-Петербург – на 11,9% (с 5,0 до 5,6 млн чел.), Ленинградская область – на 21,5% (с 1,7 до 2,0 млн чел.), Калининградская область – 16,6% (с 0,9 до 1,0 млн чел.);

– повышение плотности автодорог с твердым покрытием с 40 (2000 г.) до 63 км (2022 г.) дорог на 1 тыс. кв. км территории;

– наблюдается снижение разрыва между регионами СЗФО по доле домохозяйств, имеющих доступ к сети Интернет, за счет «подтягивания отстающих» (разрыв между максимальным и минимальным показателями в 2014–2022 гг. сократился с 22,6 до 10,7 п. п.). Однако в настоящее время в 8 субъектах СЗФО (из 11) доля домохозяйств, имеющих доступ к сети Интернет, оказалась ниже, чем в целом по России (87,9%).

К ключевым **негативным тенденциям** относятся следующие:

– снижение общей численности населения СЗФО, а особенно северных субъектов РФ (в 1990–2023 гг. на Европейском Севере России численность населения снизилась на 34,4% (с 6,2 до 4,0 млн чел.); по РФ – на 1,1%; СЗФО – 9,5%); это связано не только с естественной, но и в значительной степени миграционной убылью населения;

– процессы депопуляции привели к снижению плотности населения на значительных территориях округа; так, если в 1990 году в целом по СЗФО плотность превышала среднюю по стране (9,2 против 8,7 чел./тыс. кв. км), то в 2023 году – уже была ниже (8,2 против 8,5); данный показатель в Мурманской области сократился с 8,2 до 4,5 чел./кв. км; в Республике Коми – с 3,0 до 1,7 чел./кв. км. Это наряду с общим снижением численности ведет к «схлопыванию» емкости локальных рынков и является триггером для дальнейшей стагнации их экономики;

– локационное сжатие освоенного пространства округа и трансформация его расселенческого каркаса, что проявляется в первую очередь в увеличении численности городского населения: так, в 2023 году доля городского населения в Мурманской области составляла 93%, а в большинстве других субъектов СЗФО в городах проживало почти $\frac{3}{4}$ их населения; при этом особенно быстро росли административные центры; с другой стороны, происходило измельчение поселенческой сети, например, в Вологодской области в настоящее время 70% от общего числа сельских населенных пунктов региона – без жителей или с людностью менее 10 чел.; на фоне стремительно стареющего населения это может привести к практически полному обезлюдению и экономическому «опустыниванию» данных территорий;

– существенное смещение центра экономической «тяжести» макрорегиона в направлении с севера на юг: в 1995–2022 гг. удельный вес регионов северной проекции СЗФО в ВРП страны снизился с 5,4 до 3,4% (СЗФО в целом вырос с 10,6 до 13,5%);

– рост меж- и внутрирегиональной дифференциации в инвестиционной деятельности: если в 2022 году на макрорегиональном уровне максимальный объем инвестиций в основной капитал (НАО – 2065,4 тыс. руб./чел.) превышал минимальный (Псковская область – 66,8 млн руб./чел.) в 31 раз, то на внутрирегиональном уровне такие диспропорции были кратно больше: в Республике Карелии – 42 раза, Республике Коми – 88 раз, Вологодской области – 22 раза; этот разрыв с 1990-х гг. вырос и среди субъектов СЗФО, и среди их муниципальных образований (например, в Карелии с 3 до 42 раз и т. д.);

– слабое развитие и неудовлетворительное качество автодорог в северных регионах округа: в 2007–2022 гг. в трех из шести регионов Европейского Севера России (Республика Коми, Ненецкий авт. округ, Вологодская область) на 6–19 п. п. снизилась доля автодорог регионального или межмуниципального значения общего пользования, отвечающих нормативным требованиям; при этом в настоящее время почти 1/2 сельских населенных пунктов Архангельской области не имеют связи по дорогам с твердым покрытием с сетью дорог общего пользования

(48,3%), в Республике Коми и Вологодской области – почти треть (31,9 и 31,4% соответственно).

Таким образом, по результатам анализа следует отметить, что в постсоветский период отчетливо наблюдаются центростремительный вектор развития и процессы периферизации как на макро-, так и внутрирегиональном уровне. Это проявляется прежде всего в депопуляции, хозяйственном «опустынивании», слабой транспортной связности территорий, удаленных от административных и крупных центров экономического роста, особенно остро – в регионах Севера, отличающихся более сложными условиями для проживания и ведения предпринимательской деятельности.

В связи с этим важной задачей деятельности федеральных и региональных органов власти

является создание условий, способствующих развитию пространственного каркаса макрорегиона за счет раскрытия потенциала различного рода мест (городов и агломераций различного уровня иерархии, сельской, промышленной периферии), повышения связности пространства СЗФО. С учетом этого приоритетом политики пространственного развития, на наш взгляд, должна быть реализация комплекса мероприятий (табл. 12), которые органично вписываются в приоритеты новой Концепции и Стратегии пространственного развития РФ до 2036 г., где в качестве ключевых приоритетов обозначены поддержка ускоренного развития опорных населенных пунктов различного уровня иерархии (2319 ед.), повышение их инфраструктурной обустроенностии и транспортной связности.

Таблица 12. Приоритетные направления пространственного развития СЗФО в контексте обеспечения связности пространства

Экономическая сфера	Социальная сфера	Институционально-правовое регулирование
<p>– Модернизация и расшивка «узких мест» в развитии транспортной инфраструктуры; согласованное развитие ключевых транспортных коридоров (Северного морского пути, Северного широтного хода, Белкомура), различных видов транспорта (морского, железнодорожного, автомобильного и др.); модернизация дорог и развитие альтернативных видов транспорта в периферийных районах;</p> <p>– организационная и коммуникационная поддержка реализации как малых и средних проектов по приоритетным направлениям кооперации в рамках межмуниципального сотрудничества (например, северный и арктический туризм), так и осуществление бюджетных инвестиций в форме государственно-частного партнерства (ГЧП), использование механизма горизонтальных субсидий и кредитов для реализации совместных проектов на стратегических направлениях развития региона (проведение неоиндустриализации территориально-хозяйственных систем с традиционной промышленной экономикой (ЛПК, металлургия); развитие городских агломераций);</p> <p>– поддержка процессов формирования и развития межрегиональных кластеров, инновационных сетей (ИНТЦ) на базе имеющихся научно-технологических заделов (например, биотехнологии, автомобильный);</p> <p>– стимулирование производственной кооперации между предприятиями по линии «север – юг» для поддержки проектов освоения Арктики в контексте реализации политики импортозамещения</p>	<p>– Снижение диспропорций в качестве жизни населения, человеческого капитала в пространстве макрорегиона по линии «север – юг», «город – село» за счет инвестирования в сферы здравоохранения, образования, науки, культуры, осуществления газификации отдаленных территорий, устранение их «цифрового» неравенства;</p> <p>– поддержка социальной сплоченности, оказание информационной, научной, экспертной поддержки инициативы «снизу» при разработке и реализации проектов территориального общественного самоуправления (ТОС) в сфере культуры, образования, туризма, управления и т. п.</p>	<p>– Разработка и принятие стратегии и программы развития СЗФО и его северной широтной проекции, конкретных межрегиональных проектов в экономической и социальной сферах, в том числе согласованных со стратегиями развития крупных корпораций, базирующихся в округе (например, ОАО «РЖД», ПАО «Газпром» и др.);</p> <p>– разработка в соответствии с ФЗ № 172 «О стратегическом планировании в Российской Федерации» документов стратегического развития и территориального планирования нескольких субъектов СЗФО; части субъекта РФ (субрегионов, агломераций);</p> <p>– формирование благоприятной институционально-правовой среды, способствующей повышению эффективности деятельности межрегиональных институтов развития субъектов РФ (например, НОЦ мирового уровня «Российская Арктика: новые материалы, технологии и методы исследования»)</p>

Составлено авторами по: (Лаженцев, 2020; Крюков и др., 2020; Кожевников, 2022).

Литература

- Баранский Н.Н. (1956). Об экономико-географическом изучении городов // Экономическая география. Экономическая картография. М.: Географгиз. С. 168.
- Гайнанов Д.А., Гатауллин Р.Ф., Атаева А.Г. (2021). Методологический подход и инструментарий обеспечения сбалансированного пространственного развития региона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 14. № 2. С. 75–91. DOI: 10.15838/esc.2021.2.74.5
- Демьяненко А.Н., Исаев А.Г. (2015). О циклических процессах в экономическом пространстве России // Регионалистика. Т. 2. № 5-6. С. 6–17. DOI: 10.14530/reg.2015.5-6
- Дмитриева Т.Е. (2016). Эффективное пространство – фактор развития Республики Коми // Известия Коми научного центра УрО РАН. № 3 (27). С. 111–120.
- Дмитриева Т.Е. (2023). Опорный каркас как основа формирования эффективного пространства социального развития северного региона (на примере Республики Коми) // Север и рынок: формирование экономического порядка. № 4. С. 34–48.
- Ильин В.А., Морев М.В. (2022). Рубикон пройден: 24 февраля 2022 г. наступил новый этап развития России в XXI веке // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 2. С. 9–30. DOI: 10.15838/esc.2022.2.80.1
- Кастельс М. (2000). Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ-ВШ. 608 с.
- Кожевников С.А. (2020). Проблемы развития проектного управления в публичном секторе в ракурсе достижения национальных целей // Проблемы развития территории. № 1 (105). С. 64–77. DOI: 10.15838/ptd.2020.1.105.5
- Крюков В.А., Лавровский Б.Л., Селивёрстов В.Е., Суслов В.И., Суслов Н.И. (2020). Сибирский вектор развития: в основе кооперация и взаимодействие // Проблемы прогнозирования. № 5 (182). С. 46–59. DOI: 10.1134/S1075700720050111
- Кузнецова Т.В., Никифоров Л.В. (2013). О стратегии использования пространственного потенциала России // Вопросы государственного и муниципального управления. № 2. С. 51–64.
- Курушина Е.В. (2019). Управление пространственным развитием на основе межрегиональной экономической интеграции: монография. Тюмень: ТИУ. 176 с.
- Лаженцев В.Н. (2011). Север России: размещение производительных сил и пространственное развитие // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. № 1. С. 37–46.
- Лаженцев В.Н. (2018). Экономико-географические аспекты развития Севера России. Сыктывкар: ИСЭиЭПС ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. 93 с.
- Лаженцев В.Н. (2020). Север и интеграция социально-экономического пространства (пример Северо-Запада России) // Проблемы прогнозирования. № 3. С. 50.
- Лаппо Г.М. (1983). Концепция опорного каркаса территориальной структуры народного хозяйства: развитие, теоретическое и практическое значение // Известия АН СССР. Серия географическая. № 5. С. 16–28.
- Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. (2020). Поляризация и сжатие освоенных пространств в центре России: тренды, проблемы, возможные решения // Демографическое обозрение. Т. 7. № 2. С. 31–53.
- Хорев Б.С. (1975). Проблемы городов (урбанизация и единая система расселения в СССР). М.: Мысль. 428 с.
- Яковлева С.И. (2013). Каркасные модели в региональных схемах территориального планирования // Псковский регионологический журнал. № 15. С. 15–25.
- Friedmann J. (1966). *Regional Development Policy: A Case Study of Venezuela*. MIT Press.
- Luchnikov A.S., Nikolaev R.S. (2017). Economic framework optimization as an instrument for regional development. *R-Economy* 3(4), 213–230.

Приложение 1**Региональные тенденции в 2020–2023 гг.**

Представленные в *Приложениях 1 и 2* сводные ранги регионов СЗФО в 2020–2023 гг. рассчитаны как среднее арифметическое мест этих регионов среди 85 регионов РФ¹⁷ по показателям, характеризующим состояние и тенденции развития *расселенческого, производственно-экономического, инфраструктурного каркасов* (табл. 13).

Таблица 13. Показатели, используемые для оценки тенденций пространственного развития регионов СЗФО

1. Расселенческий каркас	2. Производственно-экономический каркас	3. Инфраструктурный каркас
1.1. Плотность населения, чел. на кв. км территории	2.1. ВРП на душу населения, тыс. руб. на чел.	3.1. Плотность автодорог общего пользования с твердым покрытием, км. путей / тыс. кв. км. территории
1.2. Доля населения региона, проживающая в административном центре, %	2.2. Инвестиции в основной капитал на душу населения, тыс. руб. / чел.	3.2. Число больничных коек, ед. на 10 тыс. чел. населения.
1.3. Коэффициент миграционного прироста населения, чел. на 1 тыс. чел. населения	2.3. Число организаций, ед. на 1 тыс. чел. населения.	3.3. Доля домашних хозяйств, имеющих доступ к сети Интернет, %
Примечание: для прямых показателей (1.1, 1.3, 2.1, 2.2, 2.3, 3.1, 3.2, 3.3), увеличение которых свидетельствует о положительных тенденциях, региону с максимальным значением присваивалось 1 место, с минимальным – 85; для обратных показателей (1.2) – наоборот. Ввиду непредставленности / несопоставимости в открытой статистике данных по ВРП, больничным коекам при расчете рангов регионов за 2023 г. использовались данные за предыдущий год.		
Источник: составлено авторами.		

Подробная информация об изменении позиций регионов СЗФО по указанным девятым показателям среди 85 субъектов РФ представлена в *таблице 14*.

Таблица 14. Изменение позиций регионов СЗФО по среднедушевым / удельным¹⁸ показателям среди 85 субъектов РФ за 2023 г. по сравнению со средним за 2020–2022 гг.

Показатель	Значительное улучшение позиций	Значительное ухудшение позиций
1. Плотность населения, чел. на кв. км территории	–	–
2. Доля населения региона, проживающего в административном центре, %	Архангельская область без НАО (+3 п.: 30→27)	–
3. Коэффициент миграционного прироста населения, чел. на 1 тыс. чел. населения	Вологодская область (+8 п.: 55→47); Ненецкий авт. округ (+26 п.: 27→1); Мурманская область (+48 п.: 77→29)	Республика Карелия (-3 п.: 27→30); Республика Коми (-4 п.: 76→80); Калининградская область (-4 п.: 4→8); г. Санкт-Петербург (-5 п.: 18→23); Новгородская область (-8 п.: 18→26); Псковская область (-18 п.: 38→56)
4. ВРП на душу населения, тыс. руб. на чел.	Вологодская область (+3 п.: 20→17)	Архангельская область без НАО (-4 п.: 30→34); Республика Карелия (-9 п.: 24→33)

¹⁷ Без учета Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей ввиду отсутствия статистических данных.

¹⁸ Удельные показатели – показатели, которые рассчитываются как отношение абсолютных (объемных) показателей друг к другу и характеризуют качество экономического пространства (например, плотность населения, автодорог и др.).

Окончание таблицы 14

Показатель	Значительное улучшение позиций	Значительное ухудшение позиций
5. Инвестиции в основной капитал на душу населения, тыс. руб. / чел.	Республика Карелия (+3 п.: 28→25); Новгородская область (+6 п.: 53→47); Калининградская область (+13 п.: 40→27)	Архангельская область без НАО (-9 п.: 40→49); Псковская область (-9 п.: 68→77); Республика Коми (-10 п.: 19→29); Вологодская область (-21 п.: 19→40)
6. Число организаций, ед. на 1 тыс. чел. населения	Мурманская область (+3 п.: 37→34); Ненецкий авт. округ (+7 п.: 24→17); Ленинградская область (+11 п.: 63→52)	Вологодская область (-4 п.: 8→12); Республика Коми (-4 п.: 43→47)
7. Плотность автодорог общего пользования с твердым покрытием, км. путей на 1 тыс. кв. км. территории	—	—
8. Число больничных коек, ед. на 10 тыс. чел. населения	Архангельская область без НАО (+6 п.: 24→18); Калининградская область (+7 п.: 58→51); г. Санкт-Петербург (+9 п.: 44→35)	Республика Карелия (-8 п.: 33→41); Ненецкий авт. округ (-8 п.: 57→65)
9. Доля домашних хозяйств, имеющих доступ к сети Интернет, %	Псковская область (+14 п.: 66→52); Вологодская область (+5 п.: 67→62)	Республика Карелия (-4 п.: 54→58); Калининградская область (-6 п.: 28→34); Архангельская область без НАО (-9 п.: 59→68); Мурманская область (-13 п.: 22→35); Республика Коми (-14 п.: 50→64); Ленинградская область (-14 п.: 43→57); г. Санкт-Петербург (-18 п.: 22→40)

Примечание: под значительным улучшением / ухудшением позиций понимается улучшение / ухудшение на 3 и более позиций в рейтинге регионов. По показателям плотности населения и плотности автодорог общего пользования с твердым покрытием значительного (на 3 позиции и более) изменения позиций регионов не наблюдалось.

Источник: составлено авторами.

Изменение сводных рангов регионов Северо-Запада России в 2023 году по сравнению со средним за 2020–2022 гг. по показателям *расселенческого каркаса* выглядит следующим образом (табл. 15):

– сводные ранги *4 регионов СЗФО* в 2023 году **улучшились** на 1–16 п.: Архангельская область без НАО (+1 п.: с 56 на 55 место), Вологодская область (+2 п.: с 45 на 43 место), Ненецкий автономный округ (+9 п.: с 63 на 54 место), Мурманская область (+16 п.: с 65 на 49 место);

– сводные ранги *5 регионов СЗФО* в 2023 году **ухудшились** на 1–5 п.: Калининградская область (-1 п.: с 29 на 30 место), Республика Коми (-1 п.: с 60 на 61 место), Новгородская область (-3 п.: с 40 на 43 место), г. Санкт-Петербург (-3 п.: с 10 на 13 место), Псковская область (-5 п.: с 43 на 48 место);

– сводные ранги *2 регионов СЗФО* (Республика Карелия, Ленинградская область) в 2023 году **остались на уровне среднего** за 2020–2022 гг.

При этом лидером в 2023 году и в среднем за 2020–2022 гг. являлся г. Санкт-Петербург (13 и 10 место соответственно).

В целом по ключевым характеристикам расселенческого каркаса большинство регионов северной широтной проекции СЗФО (Вологодская, Мурманская, Архангельская области и Ненецкий авт. округ) в 2020–2023 гг. улучшили свои позиции, хотя и остались в 5–7-й десятках в рейтинговой таблице из 85 регионов России. В свою очередь превалирующее число регионов южной широтной проекции (Санкт-Петербург, Калининградская, Новгородская, Псковская области) уступили свои позиции, но остались во 2–5-й десятках.

Изменение сводных рангов регионов Северо-Запада России в 2023 году по сравнению со средним за 2020–2022 гг. по показателям *производственно-экономического каркаса* выглядит следующим образом (табл. 16):

– сводные ранги *4 регионов СЗФО* в 2023 году **улучшились** на 1–3 п.: Новгородская область (+1 п.: с 45 на 44 место), Ненецкий авт. округ (+2 п.: с 9 на 7 место), Калининградская область (+3 п.: с 25 на 22 место), Ленинградская область (+3 п.: с 33 на 30 место);

Таблица 15. Ранги регионов по показателям расселенческого каркаса среди субъектов РФ

Регион	В среднем в 2020–2022 гг.	2023 г.	2023 г. к 2020–2022 гг. (+/-)
г. Санкт-Петербург	10	13	-3
Ленинградская область	16	16	0
Калининградская область	29	30	-1
Вологодская область	45	43	+2
Новгородская область	40	43	-3
Псковская область	43	48	-5
Мурманская область	65	49	+16
Ненецкий авт. округ	63	54	+9
Архангельская область без НАО	56	55	+1
Республика Карелия	55	55	0
Республика Коми	60	61	-1

Источник: составлено авторами.
Примечание: ранжировано по возрастанию значений ранга в 2023 г.

Таблица 16. Ранги регионов по показателям производственно-экономического каркаса среди субъектов РФ

Регион	В среднем в 2020–2022 гг.	2023 г.	2023 г. к 2020–2022 гг. (+/-)
Ненецкий авт. округ	9	7	+2
г. Санкт-Петербург	11	11	0
Мурманская область	18	18	0
Республика Карелия	19	21	-2
Калининградская область	25	22	+3
Вологодская область	16	23	-7
Республика Коми	25	29	-4
Ленинградская область	33	30	+3
Архангельская область без НАО	40	43	-3
Новгородская область	45	44	+1
Псковская область	59	63	-4

Источник: составлено авторами.
Примечание: ранжировано по возрастанию значений ранга в 2023 г.

— сводные ранги 5 регионов СЗФО в 2023 году **ухудшились** на 2–7 п.: Республика Карелия (-2 п.: с 19 на 21 место), Архангельская область (-3 п.: с 40 на 43 место), Псковская область (-4 п.: с 59 на 63 место), Республика Коми (-4 п.: с 25 на 29 место), Вологодская область (-7 п.: с 16 на 23 место);

— сводные ранги 2 регионов СЗФО (Мурманская область, г. Санкт-Петербург) в 2023 году **остались на уровне среднего** за 2020–2022 гг.

Лидером в 2023 году и в среднем за 2020–2022 гг. являлся Ненецкий авт. округ (7 и 9 место соответственно).

В целом по ключевым характеристикам производственно-экономического каркаса все регионы северной широтной проекции СЗФО (за исключением Архангельской области) сохранили места в 1–3-й десятках в рейтинговой таблице из 85 регионов России, несмотря на отсутствие в ряде случаев однозначно позитивных тенденций. При этом 3 из 4 регионов СЗФО, которые улучшили свои позиции (ранги) в 2023 году по сравнению со средним за 2020–2022 гг., входят в состав южной широтной проекции макрорегиона; 4 из 5 регионов, которые ухудшили свои позиции, — северной широтной проекции.

Изменение сводных рангов регионов СЗФО в 2023 году по сравнению со средним за 2020–2022 гг. по показателям *инфраструктурного каркаса* выглядит следующим образом (табл. 17):

- сводные ранги *3 регионов СЗФО* в 2023 году **улучшились** на 1–14 п.: Новгородская область (+1 п.: с 81 на 80 место), Вологодская область (+1 п.: с 67 на 62 место), Псковская область (+14 п.: с 66 на 52 место);
- сводные ранги *8 регионов СЗФО* в 2023 году **ухудшились** на 2–18 п.: Ненецкий авт. округ (-2 п.: с 40 на 42 место), Республика Карелия (-4 п.: с 54 на 58 место), Калининградская область (-6 п.: с 28 на 34 место), Архангельская

область без НАО (-9 п.: с 59 на 68 место), Мурманская область (-13 п.: с 22 на 35 место), Ленинградская область (-14 п.: с 43 на 57 место), Республика Коми (-14 п.: с 50 на 64 место), г. Санкт-Петербург (-18 п.: с 22 на 40 место).

Лидером в 2023 году являлась Калининградская область (34 место), в 2020–2022 гг. – Мурманская область и г. Санкт-Петербург (22 место у каждого).

В целом по ключевым характеристикам инфраструктурного каркаса большая часть регионов СЗФО, входящих в состав и южной, и северной проекции (8 из 11), уступили свои позиции в общероссийском рейтинге.

Таблица 17. Ранги регионов СЗФО по показателям инфраструктурного каркаса среди субъектов РФ

Регион	В среднем в 2020–2022 гг.	2023 г.	2023 г. к 2020–2022 гг. (+/-)
Калининградская область	28	34	-6
Мурманская область	22	35	-13
г. Санкт-Петербург	22	40	-18
Ненецкий авт. округ	40	42	-2
Псковская область	66	52	+14
Ленинградская область	43	57	-14
Республика Карелия	54	58	-4
Вологодская область	67	62	+5
Республика Коми	50	64	-14
Архангельская область без НАО	59	68	-9
Новгородская область	81	80	+1

Источник: составлено авторами.
Примечание: ранжировано по возрастанию значений ранга в 2023 г.

Приложение 2

Региональные кейсы

В зависимости от значений ключевых показателей, характеризующих развитие расселенческого, производственно-экономического, инфраструктурного каркасов, регионы СЗФО расположились на разных позициях в *сводном рейтинге субъектов РФ*.

В 2023 году лидером макрорегиона по среднему рангу по данным показателям стал г. Санкт-Петербург (16 место среди 85 субъектов РФ). Калининградская область вошла в 3-ю десятку рейтинга (28 место). Остальные регионы СЗФО заняли позиции в 4–5-й десятках.

1. Санкт-Петербург

Сводный ранг региона в 2023 г. составил 16, ухудшившись на 1 п. (в среднем 2020–2022 гг. — 15).

В 2023 году Санкт-Петербург стал лидером в стране по плотности автодорог общего пользования с твердым покрытием. Входил в тройку лучших регионов по плотности населения, числу организаций на 1 тыс. чел. В 2023 году улучшил позиции по числу больничных коек, приходящихся на 10 тыс. чел. населения. Ухудшилось положение по показателям миграционного прироста и доли домохозяйств, имеющих доступ к сети Интернет.

При этом значительное (на 18 п.: с 22 на 40 место) снижение позиций по показателю доли домохозяйств, имеющих доступ к сети Интернет, обусловлено опережающими темпами прироста значений показателя в других регионах России (Калининградская, Мурманская области, Краснодарский край и т. д.).

2. Калининградская область

Сводный ранг региона в 2023 году составил 28, улучшившись на 1 п. (в среднем 2020–2022 гг. – 29).

В 2023 году Калининградская область входила в тройку регионов-лидеров по числу организаций, приходящихся на 1 тыс. чел. Улучшились позиции региона по числу больничных коек, приходящихся на 10 тыс. чел. населения, а также подушевому объему инвестиций в основной капитал. Ухудшилось положение региона по показателям миграционного прироста и доли домохозяйств, имеющих доступ к сети Интернет.

При этом значительное (+13 п.: с 40 на 27 место) улучшение позиций региона по показателю инвестиций в основной капитал на душу населения обусловлено увеличением в 1,8 раза в 2023 г. по сравнению с 2020 г. непосредственно самого объема инвестиций, связанного со

стартом реализации в регионе крупных инвестиционных проектов (завод по производству оборудования для солнечной энергетики, фармацевтический завод компании «Отисифарм Про» и др.¹⁹).

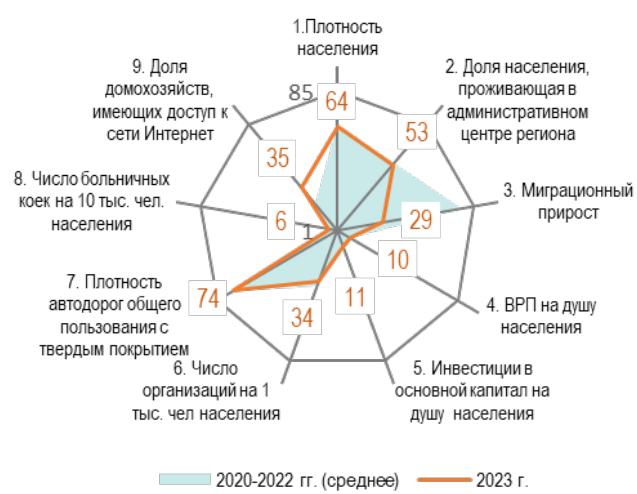
3. Мурманская область

Сводный ранг региона в 2023 году составил 35, улучшившись на 4 п. (в среднем 2020–2022 гг. – 39).

В 2023 году Мурманская область занимала высокие позиции по числу больничных коек на 10 тыс. чел. населения, объемам ВРП и инвестиций в основной капитал на душу населения. Улучшились позиции региона по миграционному приросту и числу организаций, приходящихся на 1 тыс. чел. населения. Ухудшилось положение региона по доле домохозяйств, имеющих доступ к сети Интернет.

Значительное (на 13 п.: с 22 на 35 место) снижение позиций по показателю доли домохозяйств, имеющих доступ к сети Интернет, по данным Росстата, было обусловлено опережающими темпами прироста значений показателя в других регионах России; улучшение позиций по показателю миграционного прироста – реали-

зацией целого комплекса (70 ед.) мер социальной поддержки различных категорий граждан, привлечения кадров для реализации крупных инфраструктурных проектов и др.²⁰

¹⁹ Сайт Правительства Калининградской области. URL: <https://gov39.ru/press/338923/>

²⁰ Сайт Министерства информационной политики Мурманской области. URL: <https://mininform.gov-murman.ru/info/news/521761/>

4. Ленинградская область

Сводный ранг региона в 2023 году составил 36, ухудшившись на 1 п. (в среднем 2020–2022 гг. – 35).

Регион занимает высокие позиции по миграционному приросту населения и подушевому объему инвестиций в основной капитал. В 2023 году отмечено улучшение ранга по числу организаций, приходящихся на 1 тыс. чел. населения. В 2023 году ухудшилось положение региона в ранговой таблице по доле домохозяйств, имеющих доступ к сети Интернет.

При этом значительное (на 14 п.: с 43 на 57 место) снижение позиций по показателю доли домохозяйств, имеющих доступ к сети Интернет, по данным Росстата, было обусловлено опережающими темпами прироста значений показателя в других регионах России. В свою очередь значительное (на 11 п.: с 63 на 52 место) улучшение позиций региона по числу организаций, при-

ходящихся на 1 тыс. чел. населения, связано преимущественно с увеличением их числа: в 2023 году по сравнению с 2020 годом на 6%, или 1860 ед.

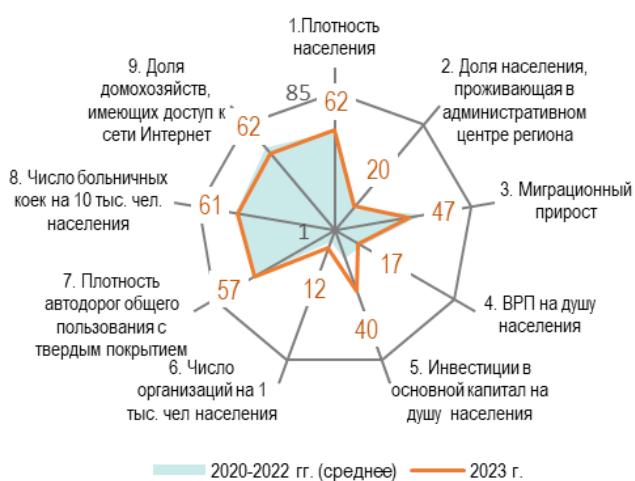
5. Вологодская область

Сводный ранг региона в 2023 году составил 42, ухудшившись на 1 п. (в среднем 2020–2022 гг. – 41).

Регион занимает высокие позиции по доле населения, приживающего в административном центре, подушевому объему инвестиций в основной капитал и числу организаций, приходящихся на 1 тыс. чел. населения. В 2023 году отмечено улучшение рангов по объемам ВРП, доле домохозяйств, имеющих доступ к сети Интернет, миграционному приросту населения. Отмечено ухудшение позиций региона в ранговой таблице по числу организаций, приходящихся на 1 тыс. чел. Населения, и объему инвестиций в основной капитал.

При этом значительное (на 21 п.: с 19 на 40 место) снижение позиций по показателю инвестиций в основной капитал на душу населения связано со снижением на 19% в 2023 году по сравнению с 2020 годом непосредственно само-

го объема инвестиций ввиду завершения рядом компаний инвестиционных циклов, а также негативного влияния санкций зарубежных стран на деятельность крупных предприятий региона («Северсталь» и др.).

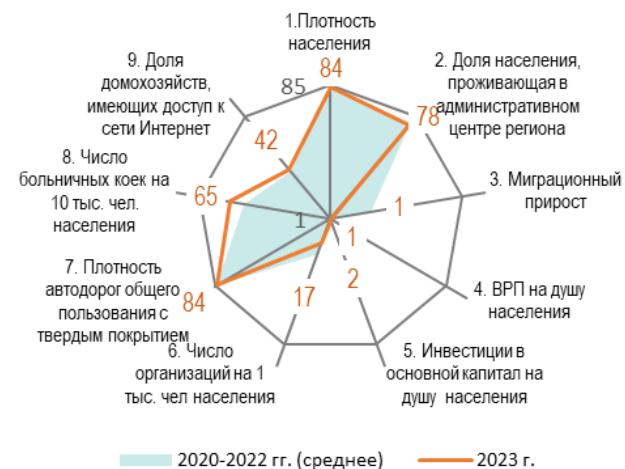
6. Ненецкий автономный округ

Сводный ранг региона в 2023 году составил 42, улучшившись на 2 п. (в среднем 2020–2022 гг. – 44).

Регион в 2023 году занял лидерские позиции по показателям миграционного прироста населения и ВРП на душу населения. Также занял высокие позиции по объему инвестиций в основной капитал на душу населения и числу организаций, приходящихся на 1 тыс. чел. В 2023 году отмечено улучшение рангов по миграционному приросту и числу организаций, приходящихся на 1 тыс. чел. Отмечено ухудшение позиций региона по числу больничных коек, приходящихся на 10 тыс. чел. населения.

При этом значительное улучшение позиций по показателю миграционного прироста (+26 п.: с 27 на 1 место) обусловлено преимущественно

притоком кадров для реализации крупных проектов в области освоения природных ресурсов при сохранении сравнительно низкой среднегодовой численности населения.

7. Республика Карелия

Сводный ранг региона в 2023 году составил 44, ухудшившись на 2 п. (в среднем 2020–2022 гг. – 42).

Регион занимает высокие позиции по числу организаций, приходящихся на 1 тыс. чел. населения. В 2023 году отмечено улучшение позиций региона в ранговой таблице по объему инвестиций в основной капитал, ухудшение позиций – по показателям миграционного прироста, доли домохозяйств, имеющих доступ к сети Интернет, числа больничных коек на 10 тыс. чел. населения и объема ВРП на душу населения.

8. Республика Коми

Сводный ранг региона в 2023 году составил 46, ухудшившись на 3 п. (в среднем 2020–2022 гг. – 43).

Регион занимает высокие позиции по числу больничных коек на 10 тыс. чел. населения и объему ВРП на душу населения. В 2023 году отмечено ухудшение позиций региона в общероссийском рейтинге по показателям миграционного прироста, числа организаций, приходящихся на 1 тыс. чел. населения, объема инвестиций в основной капитал на душу населения, доли домохозяйств, имеющих доступ к сети Интернет. Значительного улучшения по анализируемым показателям в 2023 году не наблюдалось.

При этом значительное (на 10 п.: с 19 на 29 место) снижение позиций по показателю инвестиций в основной капитал на душу населения связано со снижением на 8% в 2023 году по сравнению с 2020 годом непосредственно самого объема инвестиций ввиду завершения рядом компаний инвестиционных циклов, а также негативного влияния санкций зарубежных стран

на деятельность крупных предприятий региона. В свою очередь значительное (на 14 п.: с 50 на 64 место) снижение позиций по показателю доли домохозяйств, имеющих доступ к сети Интернет, по данным Росстата, было обусловлено опережающими темпами прироста значений показателя в других регионах России.

9. Псковская область

Сводный ранг региона в 2023 году составил 48, ухудшившись на 1 п. (в среднем 2020–2022 гг. – 47).

Регион занимает высокие позиции в общероссийском рейтинге по числу больничных коек, приходящихся на 10 тыс. чел. населения. В 2023 году отмечено улучшение позиций по доле домохозяйств, имеющих доступ к сети Интернет; ухудшение позиций по объему инвестиций в основной капитал на душу населения, миграционному приросту.

Значительное (на 14 п.: с 66 на 52 место) улучшение позиций по показателю доли домохозяйств, имеющих доступ к сети Интернет, по данным Росстата, обусловлено непосредственно высокими темпами прироста значений показателя в регионе (+10%: с 75,4% в 2020 году до 85,9% в 2023 году). Снижение позиций в рейтинговой таблице по миграционному приросту

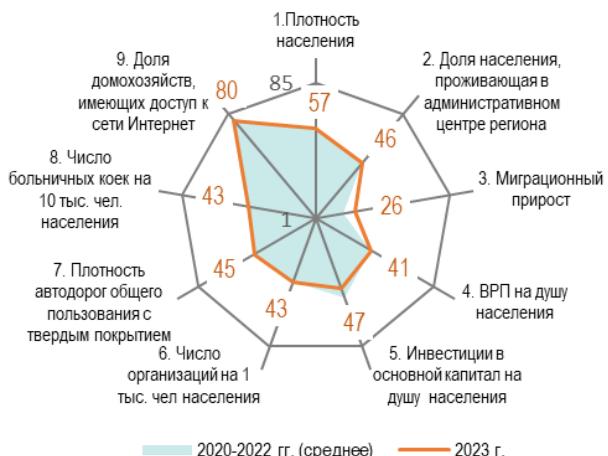
(-18 п.: с 38 на 56 место) связано с традиционно высоким оттоком населения в г. Санкт-Петербург, Ленинградскую область, особенно усиливающимся в последние годы.

10. Новгородская область

Сводный ранг региона в 2023 году составил 48, ухудшившись на 1 п. (в среднем 2020–2022 гг. — 47).

Область занимает среднее положение среди регионов страны по большинству ключевых показателей, характеризующих расселенческий, производственно-экономический и инфраструктурный каркасы. В 2023 году отмечено улучшение позиций региона в общероссийском рейтинге по объему инвестиций в основной капитал, ухудшение позиций — по показателю миграционного прироста населения.

11. Архангельская область (без Ненецкого автономного округа)

Сводный ранг региона в 2023 году составил 50, ухудшившись на 1 п. (в среднем 2020–2022 гг. — 49).

Регион занимает высокие позиции по числу больничных коек, приходящихся на 10 тыс. чел. населения. В 2023 году отмечено улучшение позиций региона в ранговой таблице по доле населения, проживающего в административном центре, и числу больничных коек; ухудшение позиций по объемам ВРП и инвестиций в основной капитал на душу населения, доле домохозяйств, имеющих доступ к сети Интернет.

Сведения об авторах

Тамара Витальевна Ускова — доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заместитель директора по научной работе, заведующий отделом, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: tvu@vssc.ac.ru)

Сергей Александрович Кожевников — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий центром исследования пространственного развития социально-экономических систем, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: kozhevnikov_sa@bk.ru)

Светлана Сергеевна Патракова — кандидат экономических наук, научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: sspatrakova@bk.ru)

Uskova T.V., Kozhevnikov S.A., Patrakova S.S.

Trends in the Spatial Development of Regions in the Northwest of Russia in the 21st Century

Abstract. Russia, being the largest country in the world in terms of territory, attaches great importance to the effective use of its vast space. The paper considers findings of a monitoring of the current situation and key trends regarding spatial development of the Northwestern Federal District and the RF constituent entities included in it. Spatial development of the macro region is studied from the position of center-peripheral and frame approaches; spatial organization is considered taking into account the transformation of the settlement, production, economic and infrastructural frames. The conclusion is made about the increasing nature of the centripetal vector of development and peripherization at the macro and intraregional levels (this is especially acute in the regions of the North). In addition, the paper presents current estimates (2020–2023) of the ranks of Northwestern regions among RF constituent entities on key indicators of spatial development, which can be used by federal and regional authorities as part of monitoring and revising their policies. We prove that an important task is to create conditions conducive to the development of the spatial frame of the macro region by unlocking the potential of various kinds of localities (cities and agglomerations of various levels of hierarchy, rural, industrial periphery). We substantiate a set of measures to increase the connectivity of the macro region's space, which are in line with the priorities of the new Concept and draft Strategy for Spatial Development of the Russian Federation until 2036.

Key words: spatial frame, agglomeration processes, locational compression, strategic priorities, connectivity of space, Northwest of Russia.

Information about the Authors

Tamara V. Uskova – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, deputy director for science, head of department, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: tvu@vsc.ac.ru)

Sergei A. Kozhevnikov – Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, head of the Center for the Study of Spatial Development of Socio-Economic Systems, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: kozhevnikov_sa@bk.ru)

Svetlana S. Patrakova – Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: sspatrakova@bk.ru)

Статья поступила 30.09.2024.

МОНИТОРИНГ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

DOI: 10.15838/esc.2024.5.95.16

Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества

Продолжая сложившуюся традицию нашего издания, приводим результаты мониторинговых оценок общественного мнения о состоянии российского общества, выполняемых ФГБУН ВолНЦ РАН в Вологодской области¹.

Ниже следующие таблицы и графики показывают динамику ряда параметров социального самочувствия и общественно-политических настроений населения региона по результатам последней «волны» мониторинга (октябрь 2024 г.), а также за период с октября 2023 по октябрь 2024 г. (последние 7 опросов, то есть почти год).

Даётся сопоставление результатов исследований со среднегодовыми данными за 2000 (первый год I президентского срока В.В. Путина), 2007 (последний год II президентского срока В.В. Путина, когда были достигнуты наиболее высокие оценки президентской деятельности), 2011 (последний год президентства Д.А. Медведева) и 2012 (первый год III президентского срока В.В. Путина) годы.

Представлена годовая динамика данных за 2018, 2020–2023 гг.²

За период с августа по октябрь 2024 г. уровень одобрения деятельности Президента РФ не изменился и составил 67–68%. Удельный вес отрицательных суждений остался в пределах 19%³.

За последние 12 месяцев (с октября 2023 по октябрь 2024 г.) доля положительных оценок деятельности главы государства увеличилась на 5 п. п. (с 63 до 68%)⁴.

¹ Опросы проводятся 6 раз в год в Вологде, Череповце, в Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Тарногском, Кирилловском, Никольском муниципальных округах и в Шекснинском муниципальном районе области. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Объем выборочной совокупности – 1500 человек в возрасте 18 лет и старше. Выборка целенаправленная, квотная. Репрезентативность выборки обеспечена соблюдением пропорций между городским и сельским населением, пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города), половозрастной структуры взрослого населения области. Ошибка выборки не превышает 3%.

Более подробную информацию о результатах опросов, проводимых ВолНЦ РАН, можно найти на сайте <http://www.vscs.ac.ru/>.

² В 2020 г. было проведено четыре «волны» мониторинга. Опросы в апреле и июне 2020 г. не проводились в связи с карантинными ограничениями в период распространения Covid-19.

³ Здесь и далее во всех таблицах и в тексте зеленой заливкой отмечаются позитивные изменения, красной заливкой – негативные, синей – отсутствие изменений. В связи с тем что изменения +/-3 п. п. попадают в пределы ошибки выборки, они считаются незначительными и отмечаются синим цветом.

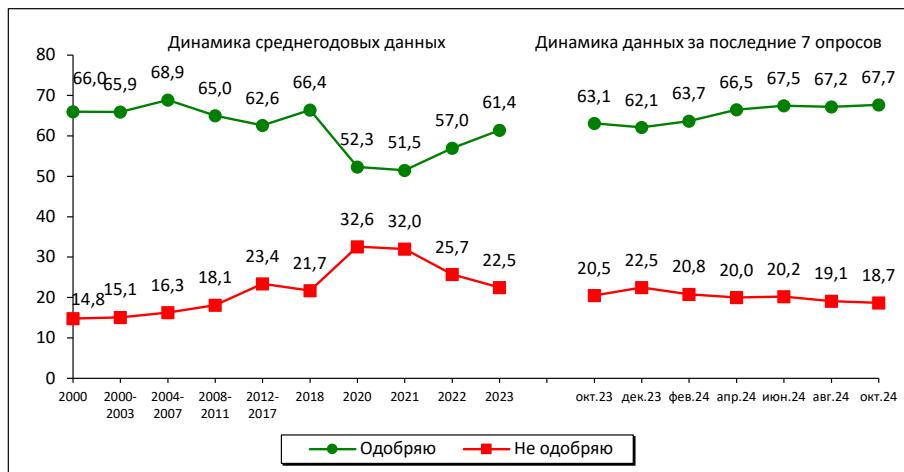
⁴ Здесь и далее по тексту в рамке выделены результаты сравнительного анализа данных опроса, проведенного в октябре 2024 г., с результатами «волны» мониторинга, осуществленной в октябре 2023 г.

Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность..? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Динамика среднегодовых данных										Динамика данных за последние 7 опросов							Изменение (+/-), окт. 2024 к	
	2000	2007	2011	2012	2018	2020	2021	2022	2023	Окт. 2023	Дек. 2023	Фев. 2024	Апр. 2024	Июнь 2024	Авг. 2024	Окт. 2024	окт. 2023	авг. 2024	
	Президент РФ																		
Одобряю	66,0	75,3	58,7	51,7	66,4	52,3	51,5	57,0	61,4	63,1	62,1	63,7	66,5	67,5	67,2	67,7	+5	+1	
Не одобряю	14,8	11,5	25,5	32,6	21,7	32,6	32,0	25,7	22,5	20,5	22,5	20,8	20,0	20,2	19,1	18,7	-2	0	
Председатель Правительства РФ																			
Одобряю	-	-	59,3	49,6	48,0	38,7	39,9	45,4	50,1	51,3	51,9	52,7	53,7	53,5	55,3	53,7	+2	-2	
Не одобряю	-	-	24,7	33,3	31,6	40,4	37,6	32,0	27,6	28,6	27,9	26,2	24,3	23,4	24,1	25,5	-3	+1	
Губернатор																			
Одобряю	56,1	55,8	45,7	41,9	38,4	35,0	36,7	40,9	48,1	47,5	49,1	50,8	51,7	51,6	53,4	51,9	+4	-2	
Не одобряю	19,3	22,2	30,5	33,3	37,6	42,5	40,5	35,8	30,9	29,7	29,9	27,5	30,1	28,0	26,7	28,0	-2	+1	

Формулировка вопроса: «Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность...?»

Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность Президента РФ?
(в % от числа опрошенных, данные ФГБУН ВолНЦ РАН)*

Изменение (+/-), окт. 2024 г. к		
Вариант ответа	окт. 2023	авг. 2024
Одобряю	+5	+1
Не одобряю	-2	0

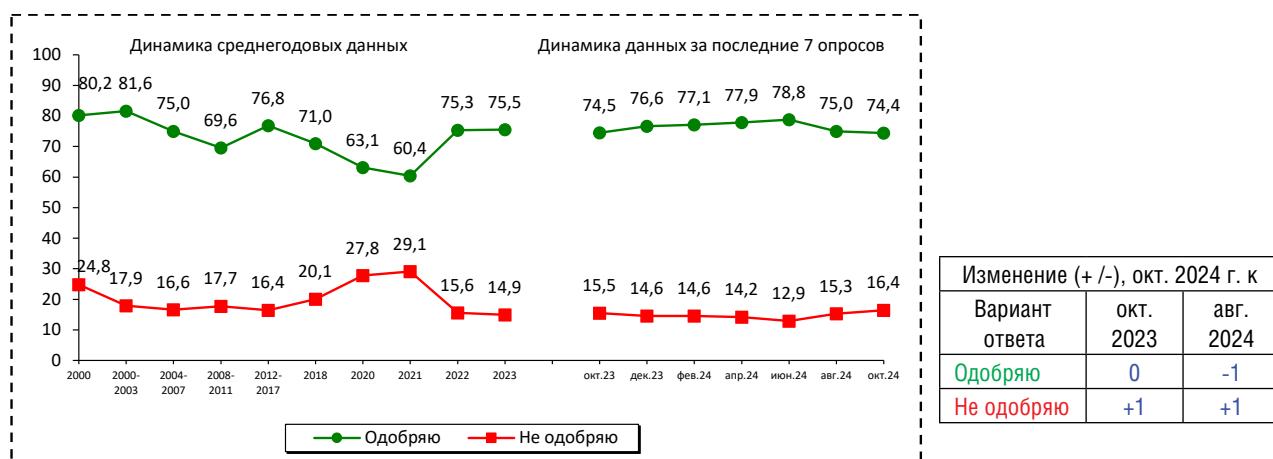
* Здесь и далее во всех графиках представлены среднегодовые данные за 2000, 2018, 2020, 2021, 2022, 2023 гг., а также среднегодовые данные за периоды 2000–2003, 2004–2007, 2008–2011, 2012–2017 гг., соответствующие периодам президентских сроков.

Для справки:

По данным ВЦИОМ, оценка деятельности Президента РФ с августа по первую половину октября 2024 г. существенно не изменилась: доля положительных суждений составляет 74%, отрицательных – 16%.

В первой половине октября 2024 г. уровень одобрения деятельности главы государства остался в значениях октября 2023 г.

Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Президента РФ?
(в % от числа опрошенных; **данные ВЦИОМ**)

Формулировка вопроса «Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Президента России?».

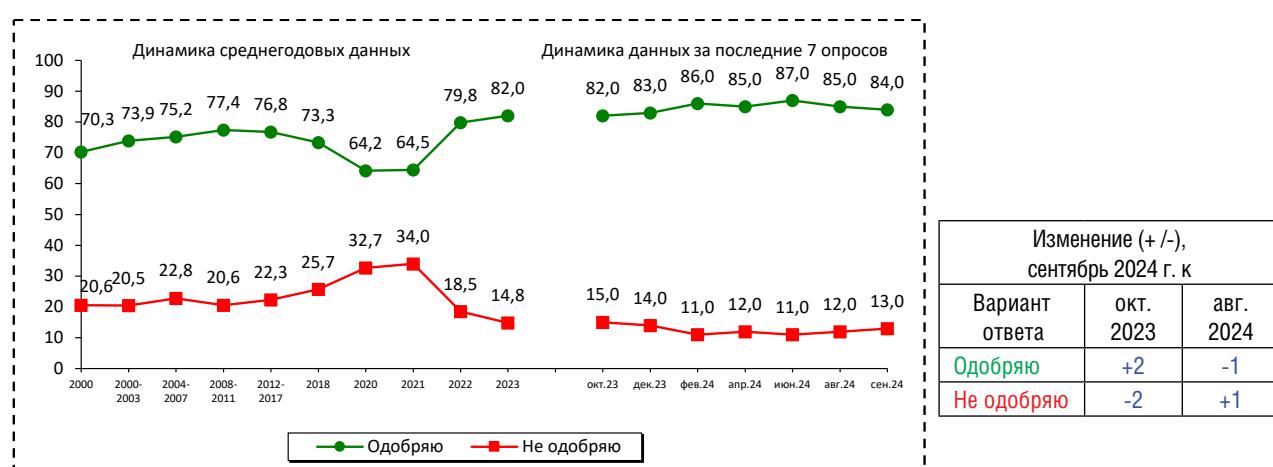
Данные за октябрь 2024 г. – среднее за два опроса: от 06.10.2024 и 13.10.2024.

Источник: данные ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/>

По данным Левада-Центра*, удельный вес позитивных оценок деятельности Президента РФ в августе – октябре 2024 г. составил 84%; доля отрицательных характеристик – 12–13%.

В годовой ретроспективе также не наблюдается существенных изменений: за последние 12 месяцев доля положительных характеристик составила 82–84%, отрицательных – 13–15%.

Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Владимира Путина на посту Президента России? (в % от числа опрошенных; данные Левада-Центра*)

Источник: данные Левада-Центра*. URL: <https://www.levada.ru/>

Формулировка вопроса: «Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Владимира Путина на посту президента России?»

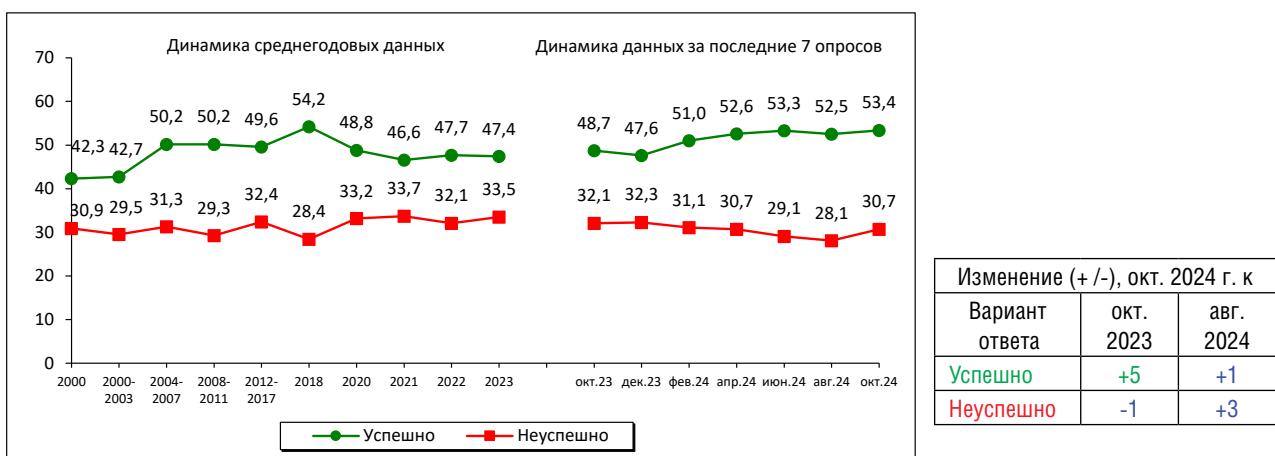
* Внесен в реестр иностранных агентов.

За последние два месяца удельный вес людей, считающих успешными действия Президента РФ по укреплению международных позиций России, составил 53%. Для сравнения, доля тех, кто придерживается противоположной точки зрения, значительно меньше и также остается стабильной (28–31%).

С октября 2023 по октябрь 2024 г. доля положительных оценок работы президента по укреплению международных позиций России увеличилась на 5 п. п., с 48 до 53%, при этом удельный вес негативных характеристик остался практически на прежнем уровне 31–32%.

Насколько успешно, на Ваш взгляд, Президент РФ справляется с проблемами...?
(в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВоНЦ РАН)

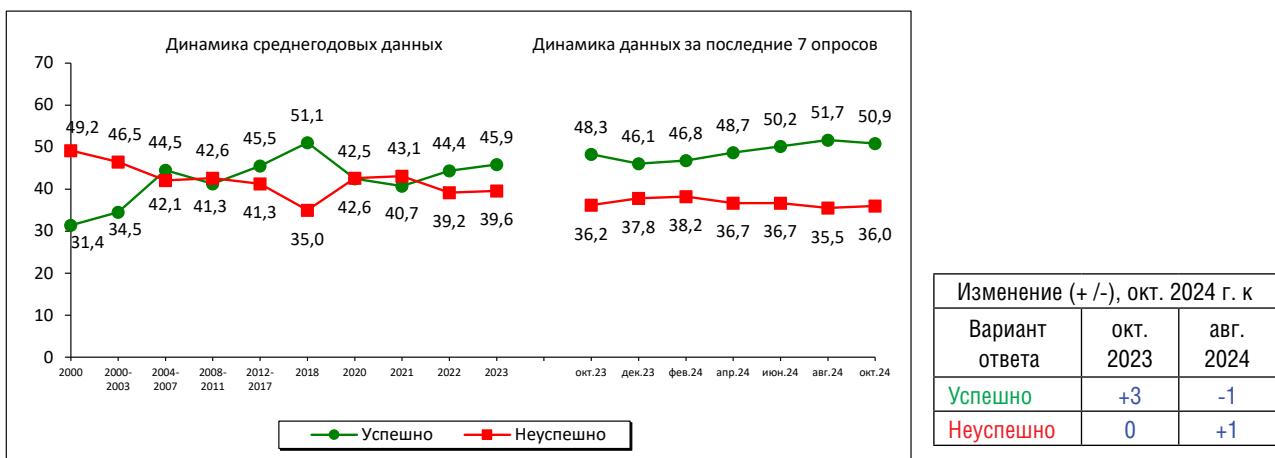
Укрепление международных позиций России

Доля жителей области, положительно оценивающих работу главы государства по наведению порядка в стране, в августе – октябре 2024 г. составила 51–52%, доля отрицательных оценок ниже – 36%.

За 12 месяцев (с октября 2023 по октябрь 2024 г.) оценки работы президента по наведению порядка в стране стабильны с незначительным увеличением доли положительных ответов на 3 п.п. (с 48 до 51%).

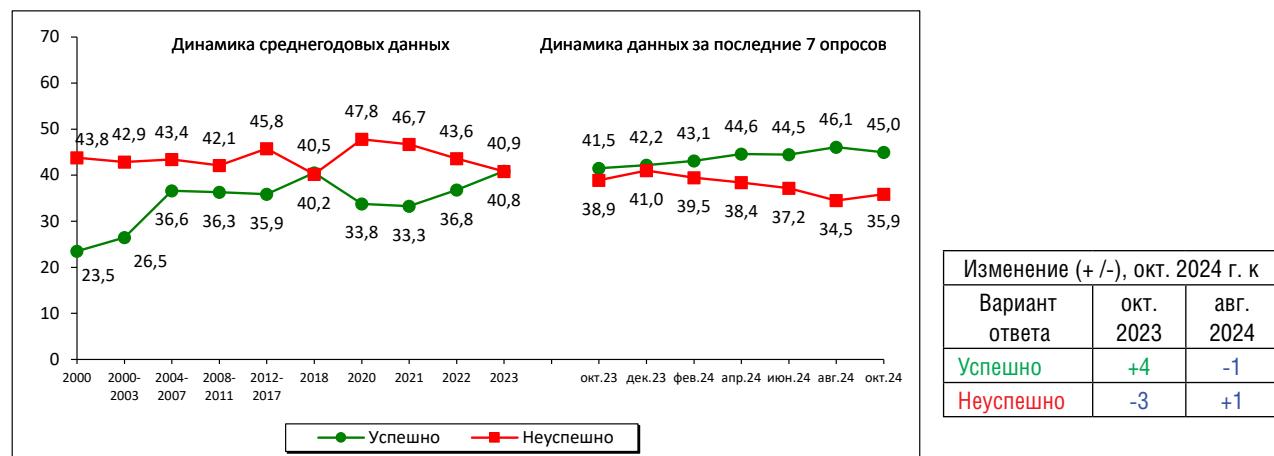
Наведение порядка в стране

В октябре 2024 г. доля положительных оценок деятельности Президента РФ по защите демократии и укреплению свобод граждан составила 41%, как и в августе 2023 г.

С октября 2023 по октябрь 2024 г. наблюдается увеличение доли позитивных характеристик на 4 п. п., с 41 до 45%, в оценках работы главы государства по защите демократии и укреплению свобод граждан. Удельный вес негативных суждений остается стабильным и составляет 36–39%.

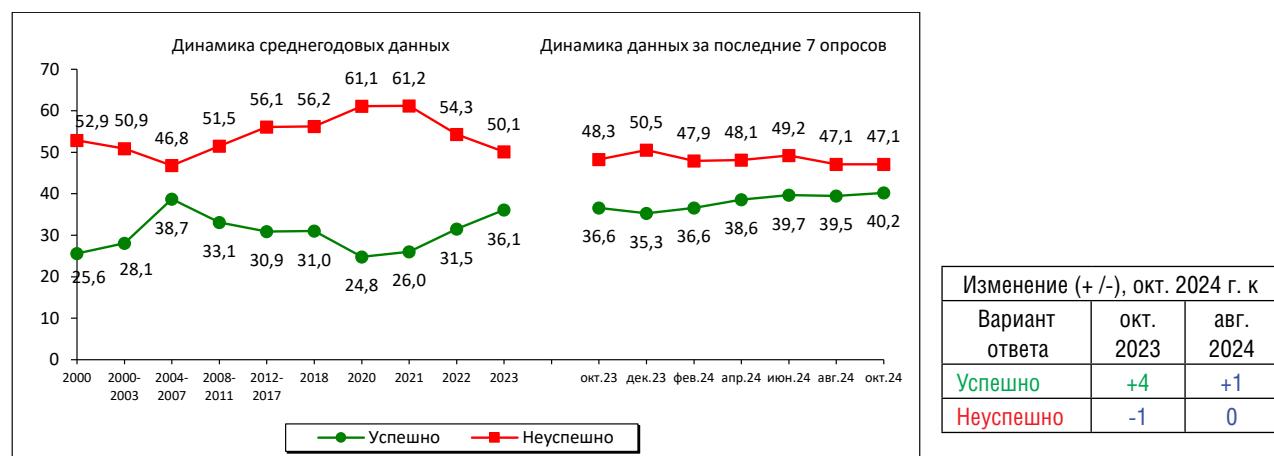
Защита демократии и укрепление свобод граждан

Доля положительных суждений о деятельности главы государства по подъему экономики и росту благосостояния граждан остается стабильной с августа 2024 г. (40%). Удельный вес негативных оценок по-прежнему высокий и сохраняется на уровне 47%.

За 12 месяцев наблюдается увеличение доли позитивных характеристик на 4 п. п. в оценках работы главы государства по защите демократии и укреплению свобод граждан.

Подъем экономики, рост благосостояния граждан

В структуре партийно-политических предпочтений жителей области за последние два месяца также не зафиксировано существенных изменений: в августе – октябре 2024 г. доля людей, чьи интересы выражает партия «Единая Россия», составила 42%, КПРФ – 9–10%, ЛДПР – 6–7%, «Справедливая Россия» – 3–4%, «Новые люди» – 1–2%.

С октября 2023 по октябрь 2024 г. партийно-политические предпочтения жителей области остаются без изменений. Доля людей, считающих, что никакая из представленных в парламенте партий не отражает их интересы, составляет 24–25%.

Какая партия выражает Ваши интересы? (в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

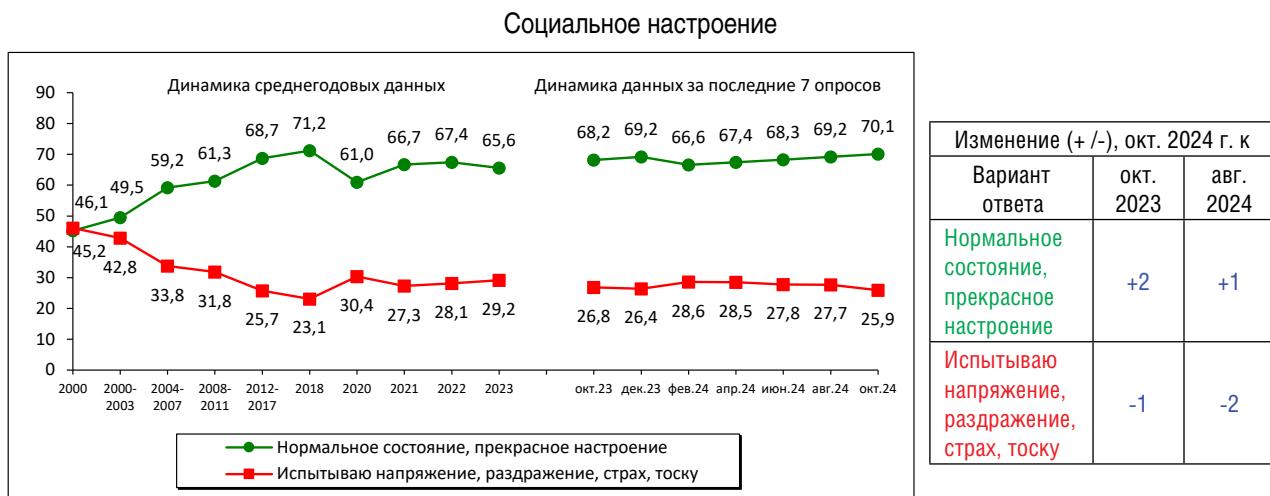
Партия	Динамика среднегодовых данных												Динамика данных за последние 7 опросов							Изменение (+/-), окт. 2024 к		
	2000	2007	2011	Выборы в ГД РФ 2011 г., факт	2012	2016	Выборы в ГД РФ 2016 г., факт	2018	2020	Выборы в ГД РФ 2020 г., факт	2021	2022	2023	Окт. 2023	Дек.2023	Февр.2024	Апр.2024	Июнь 2024	Авг.2024	Окт.02024	окт.2023	авг.2024
Единая Россия	18,5	30,2	31,1	33,4	29,1	35,4	38,0	37,9	31,5	49,8	31,7	35,2	39,5	40,3	41,7	42,7	44,5	43,7	42,5	41,8	+2	-1
КПРФ	11,5	7,0	10,3	16,8	10,6	8,3	14,2	9,2	8,4	18,9	9,3	10,1	9,6	9,8	9,8	9,0	8,5	8,2	9,7	8,7	-1	-1
ЛДПР	4,8	7,5	7,8	15,4	7,8	10,4	21,9	9,6	9,5	7,6	9,9	7,3	7,0	7,9	6,5	6,6	6,5	7,1	6,1	7,5	0	+1
Справедливая Россия – Патриоты – За правду	–	7,8	5,6	27,2	6,6	4,2	10,8	2,9	4,7	7,5	4,7	4,9	4,4	4,5	3,5	3,6	2,8	2,7	3,5	4,2	0	+1
Новые люди*	–	–	–	–	–	–	–	–	–	5,3	2,3	1,5	1,9	1,5	1,9	1,4	1,9	2,3	1,6	2,3	+1	+1
Другая	0,9	1,8	1,9	–	2,1	0,3	–	0,7	0,5	–	0,2	0,3	0,1	0,0	0,3	0,1	0,1	0,1	0,0	0,3	0	0
Никакая	29,6	17,8	29,4	–	31,3	29,4	–	28,5	34,2	–	33,9	30,6	26,5	24,6	26,6	25,2	24,2	26,1	25,1	24,1	-1	-1
Затрудняюсь ответить	20,3	21,2	13,2	–	11,7	12,0	–	11,2	11,1	–	10,0	10,1	11,1	11,4	9,9	11,4	11,4	9,8	11,5	11,0	0	-1

* Партия «Новые люди» впервые получила место в Государственной Думе РФ по итогам выборов, прошедших 17–19 сентября 2021 г.

Оценка социального состояния (в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

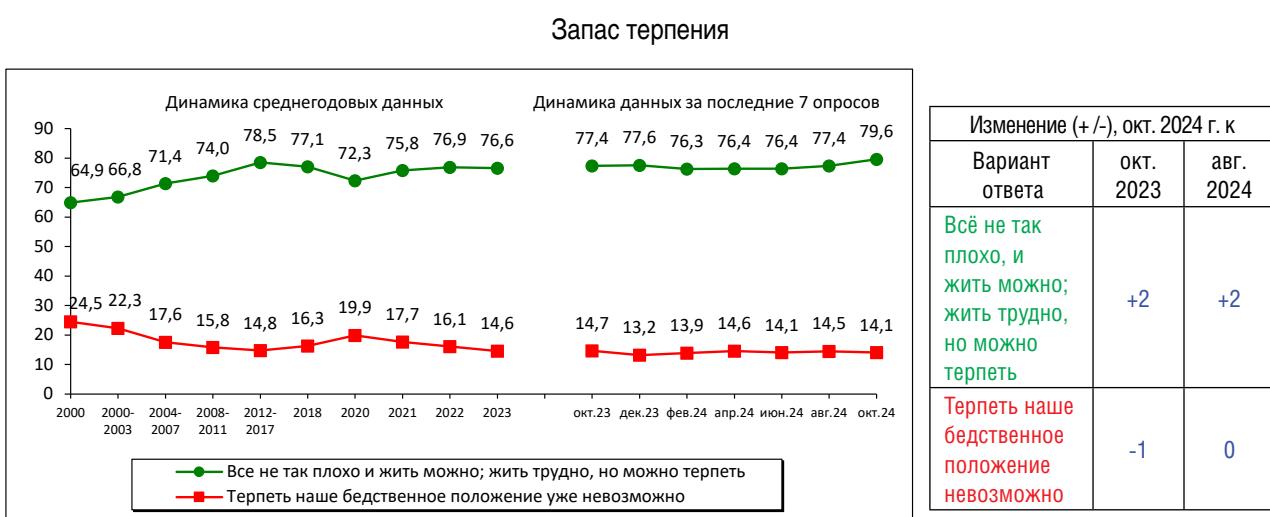
С августа по октябрь 2024 г. доля положительных оценок социального настроения сохранилась на уровне 69–70%. Удельный вес людей, испытывающих преимущественно негативные эмоции, также не изменился и составил 26–28%.

За год (с октября 2023 по октябрь 2024 г.) доля людей, характеризующих свое повседневное эмоциональное состояние как «нормальное, прекрасное», не изменилась. Стабильным также остается удельный вес тех, кто чаще испытывает «напряжение, раздражение, страх, тоску» (26–28%).

Запас терпения сохраняется на стablyно высоком уровне: 80% жителей области в октябре 2024 г. отметили, что «все не так плохо и можно жить». Доля тех, кто считает, что терпеть их бедственное положение «уже невозможно», также не изменилась и составила 14–15%.

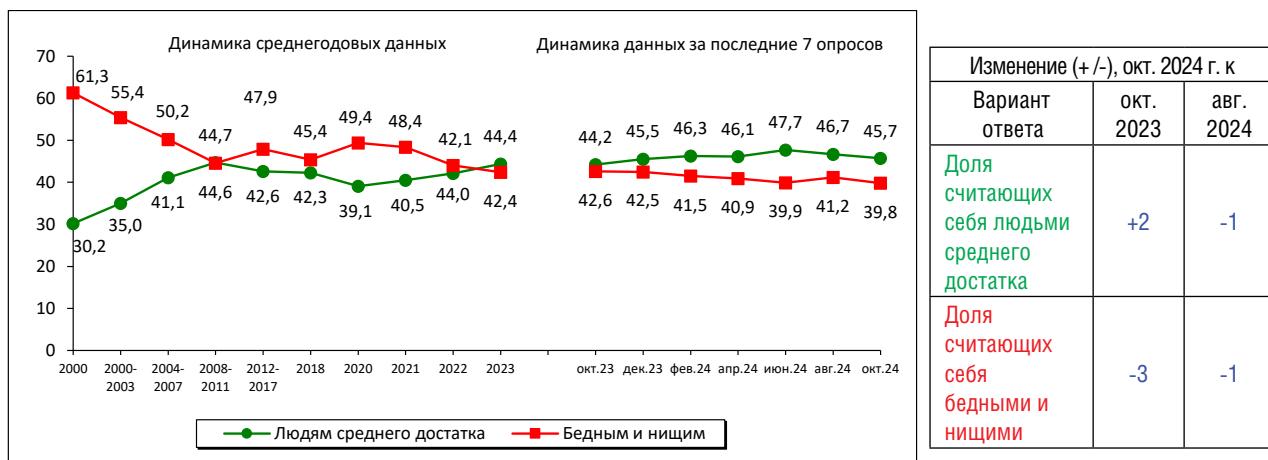
С октября 2023 по октябрь 2024 г. удельный вес позитивных характеристик запаса терпения составил 80–77%; доля отрицательных суждений – 14%. При этом доля отрицательных суждений существенно ниже.

Удельный вес жителей области, субъективно относящих себя к категории «бедных и нищих», в августе – октябре 2024 г. составил 40–41%. Доля тех, кто субъективно причисляет себя к категории «людей среднего достатка», 46–47%.

Существенных изменений не наблюдается также в годовой динамике. За последние 12 месяцев доля «бедных и нищих» сократилась на 3 п. п. (с 40 до 43%), «людей среднего достатка» – 44–46%.

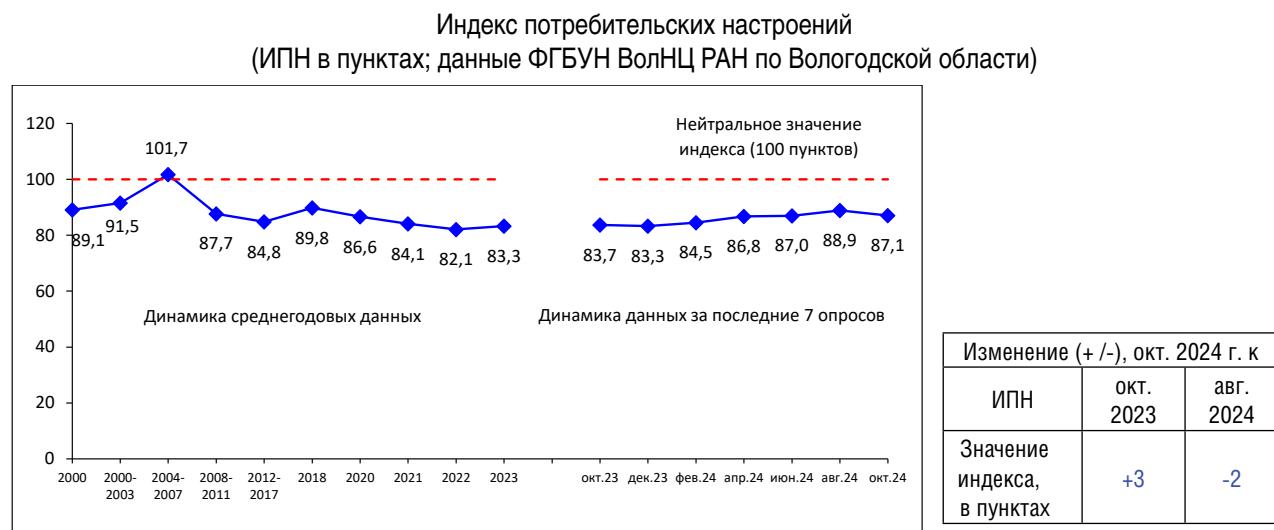
Социальная самоидентификация

Формулировка вопроса: «К какой категории Вы себя относите?».

За последние два месяца индекс потребительских настроений (ИПН) не изменился и составил 87–88 пунктов.

За прошедший год не наблюдается значительных изменений ИПН: рост в пределах 3 п. (с 84 до 87 п.).

Для справки:

По последним данным общероссийских опросов Левада-Центра*, за период с июня по август 2024 г. индекс потребительских настроений значительно снизился (на 7 пунктов, с 95 до 88 п.).

Однако несущественные, но позитивные изменения фиксируются в годовой динамике. ИПН возрос на 3 пункта, с 85 до 88 п.

Индекс рассчитывается с 2008 г.

Последние данные – за август 2024 г.

Источник: данные Левада-Центра*. URL: <https://www.levada.ru/indikatory/sotsialno-ekonomicheskie-indikatory/>

* Внесен в реестр иностранных агентов.

За период с августа по октябрь 2024 г. отсутствуют значимые изменения в оценках социального настроения в 12 социально-демографических категориях населения из 14. Рост доли людей, испытывающих в повседневной жизни преимущественно позитивные эмоции, отмечается в двух группах: среди старшего поколения (на 5 п. п., с 62 до 67%) и лиц со средним специальным образованием (на 5 п. п., с 70 до 75%).

В годовой динамике в пяти из 14 групп отмечаются положительные тенденции, в остальных оценки остаются стабильными. При этом наиболее выраженные позитивные изменения фиксируются у женщин; лиц старше 55 лет; лиц со средним специальным образованием, а также среди наиболее обеспеченных; среди жителей г. Вологды.

Социальное настроение в различных социальных группах (вариант ответа «Прекрасное настроение, нормальное, ровное состояние», в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВоЛНЦ РАН)

Категория населения	Динамика среднегодовых данных									Динамика данных за последние 7 опросов							Изменение (+/-), окт. 2024 к		
	2000	2007	2011	2012	2018	2020	2021	2022	2023	Окт. 2023	Дек. 2023	Фев. 2024	Апр. 2024	Июнь 2024	Авг. 2024	Окт. 2024	окт. 2023	авг. 2024	
Пол																			
Мужской	50,1	65,9	64,5	69,1	72,8	60,8	65,7	66,8	65,5	66,9	69,6	66,5	67,7	63,5	67,1	65,2	-2	-2	
Женский	43,3	61,7	62,0	65,8	69,8	61,2	67,4	67,9	65,7	69,4	68,9	66,5	67,1	72,1	70,9	74,0	+5	+3	
Возраст																			
До 30 лет	59,1	71,3	70,0	72,3	80,0	67,6	73,5	77,6	75,0	79,4	78,0	75,1	77,5	71,8	76,1	78,0	-1	+2	
30–55 лет	44,2	64,8	62,5	67,9	72,6	61,8	69,5	69,4	68,8	71,1	72,3	69,9	70,0	71,8	72,8	69,8	-1	-3	
Старше 55 лет	37,4	54,8	58,3	62,1	65,2	57,4	60,5	61,1	58,2	60,5	62,0	59,2	60,7	62,7	62,1	67,4	+7	+5	
Образование																			
Среднее и н/среднее	41,7	58,4	57,4	57,2	64,8	56,1	62,1	64,6	62,0	64,4	65,5	63,9	64,7	65,5	65,3	62,5	-2	-3	
Среднее специальное	46,4	64,6	63,6	66,7	72,2	63,5	66,7	68,3	66,1	70,1	69,1	66,0	67,9	65,2	70,7	75,2	+5	+5	
Высшее и н/высшее	53,3	68,6	68,3	77,0	76,8	63,3	71,5	69,5	68,8	70,0	72,8	69,4	69,8	76,0	72,1	72,3	+2	0	
Доходные группы																			
20% наименее обеспеченных	28,4	51,6	45,3	51,5	57,3	43,4	54,6	57,0	50,1	52,5	54,2	52,2	53,0	51,3	53,7	54,8	+2	+1	
60% средне-обеспеченные	45,5	62,9	65,3	68,7	71,9	62,6	67,3	68,1	67,4	71,0	73,1	66,9	68,5	70,0	71,0	73,6	+3	+3	
20% наиболее обеспеченных	64,6	74,9	75,3	81,1	82,9	75,6	79,9	78,3	73,9	73,2	75,9	74,4	77,5	78,5	75,9	78,4	+5	+3	
Территории																			
Вологда	49,2	63,1	67,1	73,6	71,0	60,9	60,3	59,8	59,6	63,8	64,8	62,5	64,2	65,2	66,4	67,9	+4	+2	
Череповец	50,8	68,1	71,2	76,2	75,8	60,4	71,0	71,2	68,1	69,4	70,6	67,2	68,2	69,4	70,2	70,7	+1	+1	
Районы	42,2	61,6	57,1	59,8	68,7	61,4	67,8	69,5	67,7	70,2	70,9	68,5	68,8	69,4	70,3	71,0	+1	+1	
Область	46,2	63,6	63,1	67,3	71,2	61,0	66,6	67,4	65,6	68,3	69,2	66,5	67,4	68,3	69,2	70,1	+2	+1	

РЕЗЮМЕ

Очередная «волна» мониторинга общественного мнения (сентябрь – октябрь 2024 г.) проходила в условиях нарастающих угроз национальной безопасности для России. Появляется всё больше признаков того, что страны НАТО готовятся к прямому вступлению в конфликт с Россией с использованием ядерного оружия⁵. В ответ на внешние угрозы Президентом РФ приняты решения о внесении поправок в основы госполитики в области ядерного сдерживания: 25 сентября на заседании постоянного совещания Совбеза по ядерному сдерживанию В.В. Путин объявил об изменениях в ядерной доктрине России.

Во внутренней жизни Вологодской области произошло событие, определяющее политическую ситуацию и дальнейшее социально-экономическое развитие – выборы Губернатора региона, которые проходили с 6 по 8 сентября. По результатам выборов победу одержал врио Губернатора области Георгий Филимонов («Единая Россия»). Он набрал 273380 голосов избирателей (62,3%).

Несмотря на эти значимые события, определяющие дальнейший вектор развития как страны, так и региона, оценки населения по ключевым параметрам не претерпели существенных изменений или сдвинулись в положительную сторону, что отразилось в мониторинговых замерах за 2 месяца (август – октябрь 2024 г.) и 12 месяцев (октябрь 2023 г. – октябрь 2024 г.).

В краткосрочной динамике наблюдается стабильность в общественном мнении относительно деятельности Президента РФ, уровень одобрения по-прежнему высокий (67–68%). В октябре на уровне значений августа 2024 г. остаются оценки по основным направлениям деятельности главы государства. Следует отметить, что по всем проблемам, на решение которых направлены усилия Президента РФ, доля позитивных оценок составляет более 50%, кроме вопросов, связанных с подъемом экономики и ростом благосостояния граждан: по данному индикатору одобрительных суждений только 40%, при этом удельный вес негативных оценок выше и сохраняется на уровне 47%. Отсутствие явных позитивных изменений в этой области в последние месяцы может обуславливаться некоторыми ограничениями в кредитно-денежной политике: приостановкой программ льготных ипотек (семейной и сельской)⁶, а также повышением ЦБ РФ ключевой ставки⁷, что привело к удорожанию кредитов для населения.

Однако сложившаяся картина социального настроения и личного материального положения жителей в регионе с августа по октябрь 2024 года демонстрирует устойчивость, большинство жителей сохраняет оптимизм.

За год измерений (октябрь 2023 – октябрь 2024 г.) наблюдается положительная динамика оценок работы главы государства при относительно статичных суждениях жителей области о своем материальном положении и эмоциональном состоянии.

Таким образом, результаты мониторинга общественного мнения свидетельствуют о том, что общественные настроения в России и в Вологодской области демонстрируют стабильность. Однако вопросы развития экономики и повышения уровня жизни населения остаются острыми, и отсутствие значимых изменений в этих сферах может подрывать общественное позитивное восприятие деятельности власти.

Сохранение поддержки национального курса среди населения особенно важно в той напряженной ситуации, которая складывается в России в условиях проведения СВО. Важно помнить, что единство и сплоченность общества являются залогом успешного преодоления вызовов.

Материалы подготовили: К.Е. Косыгина, И.М. Бахвалова

⁵ Выступление министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова на общеполитической дискуссии 79-й сессии Генассамблеи ООН, Нью-Йорк, 28 сентября 2024 г. // Официальный сайт Министерства иностранных дел РФ. 28.09.2024. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/video/posledniye_dobavlnenniye/1972774

⁶ Семейная ипотека оказалась на пазе // Коммерсант. 18.09.2024. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7165818>; РСХБ приостановил прием заявок на сельскую ипотеку под 3% годовых // ТАСС. 09.09.2024. URL: <https://tass.ru/nedvizhimost/21818233>

⁷ Банк России принял решение повысить ключевую ставку на 100 б. п., до 19,00% годовых // Банк России. 13.09.2024. URL: <https://cbr.ru/press/keupr/>

ПРАВИЛА
приема статей, направляемых в редакцию научного журнала
«Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз»
(в сокращении; полная версия размещена на сайте <http://esc.vsc.ac.ru/info/rules>)

Журнал публикует оригинальные статьи теоретического и экспериментального характера, тематика которых соответствует тематике журнала, объёмом не менее 16 страниц (30 000 знаков с пробелами). Максимальный объём принимаемых к публикации статей – 25 страниц (50 000 знаков с пробелами). К публикации также принимаются рецензии на книги, информация о научных конференциях, хроника событий научной жизни. Статьи должны отражать результаты законченных и методически правильно выполненных работ.

Требования к комплектности материалов

- В электронном виде в редакцию предоставляются следующие материалы.
1. Файл со статьей в формате Microsoft Word с расширением .docx. Имя файла должно быть набрано латиницей и отражать фамилию автора (например: Ivanova.docx).
 2. Данные об авторе статьи на отдельной странице, включающие Ф. И. О. полностью, ученую степень и ученое звание, место работы и должность автора, контактную информацию (почтовый адрес, телефон, e-mail), идентификатор ORCID, идентификатор Researcher ID.
 3. Отсканированная копия обязательства автора не публиковать статью в других изданиях.
 4. Цветная фотография автора в формате jpeg/.jpg объемом не менее 1 Мб.
- Комплект материалов в электронном виде может быть прислан по электронной почте на адрес esc@volnc.ru

Требования к оформлению текста статьи

1. **Поля.** Правое – 1 см, остальные – по 2 см.
2. **Шрифт.** Размер (кегль) – 14, гарнитура – Times New Roman (если необходимо применить шрифт особой гарнитуры (при наборе греческих, арабских и т. п. слов, специальных символов), нужно пользоваться шрифтами, устанавливаемыми системой Windows по умолчанию). Если в работе есть редко используемые шрифты, их (все семейство) нужно предоставить вместе с файлом. Интервал – 1,5.
3. **Абзацный отступ** – 1,25. Выставляется автоматически в MS Word.
4. **Нумерация.** Номера страниц статьи должны быть поставлены автоматически средствами MS Word в правом нижнем углу.
5. **Оформление 1 страницы статьи.** В верхнем правом углу страницы указывается индекс УДК. Далее через полуторный интервал – индекс ББК. Далее через полуторный интервал – знак ©, отступ (пробел), фамилия и инициалы автора статьи. Применяется полужирное начертание. После отступа в два интервала строчными буквами приводится название статьи (выравнивание по центру, полужирное начертание). После отступа в два интервала приводится аннотация (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в один интервал приводятся ключевые слова (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в два интервала приводится текст статьи.
6. **Требования к аннотации.** Объём текста аннотации должен составлять от 200 до 250 слов. В обязательном порядке в аннотации должна быть сформулирована цель проведенного исследования; лаконично перечислены образующие несомненную научную новизну отличия выполненной работы от аналогичных работ других ученых; перечислены использованные автором методы исследования; приведены основные результаты выполненной работы; определены области применения полученных результатов исследования; кратко сформулированы перспективы дальнейшей НИР в указанной области.
7. **Требования к ключевым словам.** К каждой статье должны быть даны ключевые слова (до 8 слов или словосочетаний). Ключевые слова должны наиболее полно отражать содержание рукописи. Количество слов внутри ключевой фразы – не более трех.

8. **Требования к оформлению таблиц.** В названии таблицы слово «Таблица» и ее номер (при наличии) даются без выделения (обычное начертание). Название таблицы выделяется полужирным начертанием. Выравнивание – по центру. Таблицы должны быть вставлены, а не нарисованы из линий автофигур. Не допускается выравнивание столбцов и ячеек пробелами либо табуляцией. Таблицы выполняются в табличном редакторе MS WORD. Каждому пункту боковика и шапки таблицы должна соответствовать своя ячейка. Создание и форматирование таблиц должно производиться исключительно стандартными средствами редактора, недопустимо использование символа абзаца, пробелов и пустых дополнительных строк для смысловой разбивки и выравнивания строк.

9. **Требования к оформлению рисунков, схем, графиков, диаграмм.** Название и номер рисунка располагаются ниже самого рисунка. Начертание слова «Рис.» обычное (без выделения). Название рисунка приводится с полужирным выделением. Выравнивание – по центру. Интервал – одинарный.

Для создания графиков должна использоваться программа MS EXCEL, для создания блок-схем – MS WORD, MS VISIO, для создания формул – MS Equation. Рисунки и схемы, выполненные в MS WORD, должны быть сгруппированы внутри единого объекта.

Не допускается использование в статье сканированных, экспортованных или взятых из Интернета графических материалов.

10. **Оформление библиографических сносок под таблицами и рисунками.** Пишется «Источник:», «Составлено по:», «Рассчитано по:» и т. п. и далее приводятся выходные данные источника.

11. **Оформление постраничных сносок.** Постстраничные сноски оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. – 2008.

12. **Оформление и содержание списка литературы.** В списке литературы должны быть приведены ссылки на научные труды, использованные автором при подготовке статьи. Обязательно наличие ссылок на все источники из списка литературы в тексте статьи. Список литературы составляется в алфавитном порядке (сначала русскоязычные источники, затем – англоязычные). Ссылки на русскоязычные источники оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. – 2008. Ссылки на англоязычные источники оформляются в соответствии со схемой описания на основе стандарта Harvard. Если статья имеет DOI, его указание в выходных данных является обязательным.

В соответствии с международными стандартами подготовки публикаций рекомендуемое количество источников в списке литературы – не менее 20, из которых не менее 30% должны быть зарубежными. Количество ссылок на работы автора не должно превышать 10% от общего количества приведенных в списке литературы источников. Ссылка в тексте статьи на библиографический источник приводится в скобках с указанием фамилии автора и года публикации. Возможна отсылка к нескольким источникам из списка, которые должны быть разделены точкой с запятой (например: (Иванов, 2020), (Иванов, 2020; Петров, 2018), (Smith, 2001) и пр.).

Статьи без полного комплекта сопроводительных материалов, а также статьи, не соответствующие требованиям издательства по оформлению, к рассмотрению не принимаются!

ИНФОРМАЦИЯ О ПОДПИСКЕ

При Вашей заинтересованности Вы можете оформить подписку на журнал одним из следующих способов:

- 1) через объединенный каталог «Пресса России», подписной индекс журнала – 41319;
- 2) на сайте <http://www.akc.ru>;
- 3) в редакции журнала (контактное лицо – Грызлова Валерия Игоревна, тел. 8 (8172) 59-78-32, адрес электронной почты: esc@volnc.ru).

Редакционная подготовка
Оригинал-макет
Корректор

И.А. Кукушкина
Т.В. Попова
Н.В. Степанова

Подписано в печать 29.10.2024.
Дата выхода в свет 31.10.2024.
Формат 60×84¹/₈. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 35,82. Тираж 500 экз. Заказ № 41.
Свободная цена.

Журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз / Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство ПИ № ФС77-71361 от 26 октября 2017 года.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук» (ФГБУН ВоЛНЦ РАН)

Адрес редакции, издателя и типографии:
160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а
Телефон (8172) 59-78-03, факс (8172) 59-78-02
E-mail: common@volnc.ru